This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
7158
K75B6518

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kraszewski, J. I.

ГНѢВЪ БОЖІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

І. КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.
1899.

PG 7158
K75 B6518

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Фонтанка 95.

Часть первая.

I.

Въ царствованіе Владислава IV единокровный братъ короля, князь Карлъ Фердинандъ, епископъ Вроцлавскій, занималъ въ стѣнахъ замка только-что построенное лѣвое крыло, которое ему уступили вмѣстѣ съ частью сада до самой Вислы.

Тутъ помѣщался онъ со своимъ скуднымъ дворомъ, какъ въ монастырѣ, запираясь въ этомъ зданіи и садикѣ, за которымъ онъ такъ любилъ ухаживать. Это была единственная часть замка, въ которой почти никогда не была нога женщины. Строгую жизнь велъ князь Карлъ, оторванную отъ остального свѣта и посвященную молитвѣ, разсчетамъ съ самимъ собою и любимымъ цвѣтамъ.

Казалось, этотъ образъ жизни, къ которому привыкъ князь, никогда уже не долженъ былъ измѣниться, когда внезапная вѣсть о смерти короля въ Меречѣ, въ Литвѣ, въ ту самую минуту, когда страшное пламя кроваваго бунта охватило всю Русь, опустошенную мятежными казаками, и въ этотъ спокойный уголокъ принесла безпокойство съ опасеніемъ за будущее... Страна осталась безоружной, открытой для всѣхъ и потеряла своего отца и свою голову. Можно себѣ представить, какую невыразимую тревогу возбуждали наступающія одна за другой неудачи и пораженія. Остатки войска разсѣяны, гетманы въ казацко-татарскомъ плѣну; со всѣхъ сторонъ громъ и нависшія надъ головой грозныя тучи. Бѣглецы съ поля битвы и изъ лагерей распространяли смятеніе... Казалось, приближался день страшнаго суда. Одни обвиняли другихъ, а въ дѣйствительности всѣ были виноваты...

Доходило даже до того, что непогребеннаго еще короля обвиняли въ разжиганіи мятежа противъ шляхты, которая не хотѣла его слушать.

— Dies irae! — раздавалось вездѣ. Толпы распущенной черни, которая успѣла попробовать крови, двигались уже въ самую глубь государства, которому нечѣмъ было защищаться отъ нихъ.

Только имя Іереміи Вишневецкаго стояло еще какъ щитъ. Единственнымъ спасеніемъ отъ этого погрома являлся какъ можно болѣе поспѣшный выборъ новаго короля, который взялъ бы въ сильныя руки бразды правленія и собралъ вокругъ себя людей къ оборонѣ. Нельзя было терять ни минуты.

Ближайшими къ трону были, разумѣется, два брата умершаго короля: эксъ-кардиналъ Янъ Казиміръ и Карлъ Фердинандъ, епископъ Вроцлавскій. Этотъ послѣдній однако-же, казалось, такъ мало обнаруживалъ честолюбія и такое сильное признаніе къ духовному сану, что сначала никто не могъ даже подумать, что онъ станетъ добиваться короны. Напротивъ того, Янъ Казиміръ, который въ своей жизни бросался на все, и все, чего достигалъ, бросалъ съ неудовольствіемъ, при первомъ извѣстіи о смерти брата, получивши доставшійся ему въ наслѣдство титулъ шведскаго короля, долженъ былъ, разумѣется, возгорѣться желаніемъ получить и эту корону.

Остается неразрѣшенной загадкой, кто первый подалъ епископу Вроцлавскому мысль добиваться короны, о которой онъ самъ и не подумалъ бы. У него было мало друзей среди сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, онъ не сходился почти ни съ кѣмъ: молчаливый, недоступный, скупой — онъ не привлекалъ къ себѣ. По всей вѣроятности, переписка, которая завязалась у него въ это время съ семействомъ въ Швеціи, была первымъ толчкомъ. Навсегда останется тайной, какъ родилась эта мысль, но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, распустили слухъ, что князь-епископъ тоже будетъ добиваться короны.

Одновременно съ появленіемъ этого слуха, на самомъ берегу Вислы, принадлежащемъ князю Карлу, по тому самому праву, по какому онъ занималъ и лѣвое крыло замка, по его приказанію, начали поспѣшно строить что-то. Это было тѣмъ удивительнѣе, что послѣ смерти короля братья должны были раздѣлить между собой дворцы на Краковскомъ предмѣстьи и въ Уяздовѣ, а Карлъ не любилъ тратить денегъ.

На мѣстѣ, предназначеномъ подъ эту постройку, стояла

когда-то изба, которая служила двору для купанья въ Вислѣ и отдыха послѣ купанья. Были тамъ и кегли для двора, а потомъ какой-то ловкій мѣщанинъ втерся туда со всей семьей и устроилъ нѣчто въ родѣ корчмы, гдѣ продавалъ вино, медъ и пиво.

Изъ разной городской дворни и изъ прислуги господъ, которые бывали при дворѣ, много бойкихъ и молодыхъ собиралось сюда повеселиться на свободѣ. Въ замкѣ они должны были держать себя тихо, спокойно; тутъ они были за стѣной и за глазами.

Вдругъ послѣ смерти короля, среди волненія, которое охватило всѣхъ, увидѣли плотниковъ, каменщиковъ, итальянца-архитектора и цѣлую кучу работниковъ, съ большой торопливостью суетящихся вокругъ этой избы. Ее передѣлывали, увеличивали и украшали; никто не зналъ, зачѣмъ и для чего?.

Никто, даже и самъ архитекторъ, не могъ сказать, для чего предназначалась новая изба; неизвѣстно было даже, какъ ее и называть. Любопытные, которые заглядывали туда, видѣли на серединѣ огромную, длинную комнату, подпертую столбами, а по бокамъ нѣсколько комнатъ поменьше. Сбоку должна была помѣщаться огромная кухня, а подъ одной изъ комнатъ рыли довольно обширный погребъ.

Не было тайной, что все это дѣлалось на счетъ князя, который самъ приходилъ раза два изъ своего сада осмотрѣть постройку и приказывалъ работникамъ торопиться. Частью изъ кирпича, частью изъ дерева выросло наконецъ огромное зданіе, почти уже готовое; стѣны побѣлили, выкрасили и сейчасъ же принялись отдѣлывать внутри. Въ большой залѣ, въ длину, уставили два ряда столовъ и при нихъ лавки; въ боковыхъ комнатахъ разставили болѣе изящные столы, столики и шкафы.

Можно было ожидать поэтому, что скоро кто-нибудь займетъ этотъ домъ; дѣйствительно, вскорѣ нѣкій Нетопа изъ двора князя переселился на жительство сюда, а взятый изъ города, изъ кухни канцлера, молодой и способный поваръ Чернушка началъ наполнять кладовую.

Легко было догадаться поэтому, что домъ этотъ готовился къ предстоящимъ выборамъ, хотя онъ такъ далеко отстоялъ отъ самаго поля, что очень мало могъ пригодиться шляхтѣ.

До выборнаго сейма оставалось еще довольно времени, когда въ этомъ домѣ пробудились жизнь и оживленіе, не прекращавшіяся до самаго конца выборовъ.

Сюда шли главнымъ образомъ мазуры, а за ними и другіе, такъ какъ двери для всѣхъ были открыты настежъ. Нетопа принималъ, даже слишкомъ радушно, кормилъ, поилъ и никому не позволялъ платить. Кромѣ его засѣдали здѣсь еще нѣсколько человѣкъ изъ шляхты: Высоцкій, Чирскій, Нищицкій, приводили съ собой нановъ-братьевъ и явно привлекали ихъ на сторону князя-епископа.

Хотѣлъ-ли и собирался-ли кто присоединиться къ нему, или нѣтъ, но когда здѣсь каждый день такъ аппетитно попахивало жаркое и было такое отличное пиво и медъ,—люди охотно стремились сюда. Всѣ дивились, что такой скупой человѣкъ ничего не жалѣлъ на это, а Нетопа повторялъ своимъ ломанымъ языкомъ:

— Для Рѣчи Посполитой этотъ панъ ничего не жалѣетъ.

Сначала тамъ было немного гостей, хотя заѣзжій домъ, какъ можно назвать его, никогда не стоялъ пустымъ; но чѣмъ ближе подходило время выборовъ, когда отовсюду начала съѣзжаться шляхта, большая зала всегда бывала биткомъ набита съ самаго утра, съ ранней обѣдни, и, при хорошемъ расположеніи духа, веселились чуть не цѣлую ночь. Кто выпилъ лишнее, такъ и просыпалъ ночь на лавкѣ, — ничего ему не говорили. Нетопа смотрѣлъ только за хозяйствомъ и порядкомъ; Высоцкій же, Чирскій и Нищицкій были ораторами и заправилами. Ничего нельзя было сказать противъ подобнаго выбора; каждый изъ нихъ имѣлъ какое-нибудь свое достоинство, а всѣ вмѣстѣ—языкъ, что называется, безъ костей.

Высоцкій могъ назваться ихъ головой; бойкій, ловкій, — хотя и простой дворовый,—онъ имѣлъ такой видъ и такъ ловко умѣлъ продавать полотно за атласъ, что издали каждый принялъ бы его за потомка великаго рода и за богатаго пана, когда, на самомъ дѣлѣ, у него не было даже избы.

Но голову онъ поднималъ кверху, грудь выставлялъ впередъ, руки закладывалъ за поясъ и такъ умѣлъ выдѣлывать ногами, что сидѣлъ ли онъ, стоялъ ли, ходилъ ли,—всегда по-*барски. На людей онъ смотрѣлъ* свысока и никому не позво-

лялъ излишней фамильярности. Всѣ должны были уважать его, хотя никто не сумѣлъ бы сказать: за что? Высоцкій не обладалъ особеннымъ краснорѣчіемъ, но все же онъ такъ умѣлъ обходиться, что его считали за оратора. Онъ крякалъ, размахивалъ руками, ворочалъ глазами, ворчалъ, покрикивалъ—и все это продѣлывалъ такъ рѣшительно, что убѣждалъ всѣхъ.

Росту онъ былъ необыкновеннаго, такъ что мало кто могъ съ нимъ равняться; поэтому онъ обнималъ своими взорами всю толпу и гдѣ только его было нужно, сейчасъ же являлся. Краснорѣчію приходила на помощь осанка.

Чирскій, маленькій, ловкій, бурбонъ, какихъ тогда было много, вѣчно въ движеніи, въ ломаньи, въ кривляньи, съ чубомъ, торчащимъ какъ щетина, съ огромнымъ ртомъ, круглымъ животикомъ, взялъ на себя обязанность всѣхъ развеселять, а кого надо было, осмѣивать. Остроуміе его не подбирало выраженій; онъ рубилъ съ плеча, но хорошо зналъ своихъ слушателей и никогда не ошибался; они всегда понимали его. Иной разъ повторитъ что-нибудь устарѣлое, избитое, но вклеитъ это такъ къ мѣсту, что сойдетъ за его собственное.

Самымъ умнымъ и краснорѣчивымъ, однако, былъ Нищицкій. Говорили про него, что онъ готовилъ себя къ духовному званію, а потомъ изъ іезуитской семинаріи вышелъ въ юристы. Поэтому, въ немъ видно было немножко теолога, немножко юриста. Говорилъ онъ легко, много, и никогда никто его не побѣждалъ. Когда начиналъ говорить, онъ обладалъ такимъ даромъ, что всѣ его слушали; для него ничего не стоило переливать изъ пустого въ порожнее часъ, полтора. Наконецъ, утомленные слушатели говорили:

— Онъ правъ... онъ правъ...

Эти три человѣка каждый день бывали въ заѣзжемъ домѣ.

Какъ только являлся кто-нибудь новый, они окружали его особенной заботливостью поили, кормили, забавляли его и не выпускали до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщалъ, что и самъ вернется и другихъ съ собой приведетъ.

Чирскій гордился тѣмъ, что былъ своякомъ каштеляна Хелминскаго; Нищицкій самъ имѣлъ титулъ хорунжаго.

Болѣе высокихъ особъ здѣсь трудно было встрѣтить, хотя, должно быть, заѣзжій домъ князя Карла былъ и нуженъ, и

полезенъ, такъ какъ онъ содержалъ его, несмотря на то, что это стоило чрезвычайно дорого.

Непота былъ по-своему человѣкъ честный, но онъ не былъ бы сыномъ своего вѣка, если бы не умѣлъ пользоваться положеніемъ для своего собственнаго кармана. Несмотря на надзоръ, трудно было усмотрѣть за поваромъ и кладовой. Цѣлыя туши мяса выходили ужасно быстро, и погребъ опорожнялся какимъ-то чудеснымъ образомъ. Бывали такіе дни, что къ ночи приходилось посылать въ городъ, чтобы не осрамиться. Высоцкій же въ особенности налегалъ на то, что скупость здѣсь была неумѣстна и по своему обыкновенію говорилъ Непотѣ:

— Ты долженъ понимать, что здѣсь одно изъ двухъ: либо староста, либо капуцинъ. Не годится ударить лицомъ въ грязь. Мнѣ самому жаль князя и его талеровъ, но если хочетъ быть королемъ, то — дудки!

Въ одинъ осенній вечеръ въ заѣзжемъ домѣ было люднѣе, чѣмъ всегда, и такъ шумно, что въ стоящемъ неподалеку дворцѣ князя Карла, который былъ отдѣленъ отъ дома только небольшой площадью и толстой стѣною, должно быть, слышали этотъ шумъ.

Не было почти дня, чтобы послѣ казацкихъ погромовъ, или позорныхъ пораженій, изъ страны, всей залитой пьяной чернью, не появлялся какой-нибудь бѣглецъ, раненый, освободившійся изъ плѣна и т. п. Волосы подымались дыбомъ у слушателей, когда эти несчастные начинали разсказывать; но въ этотъ день какой-то шляхтичъ изъ Полѣсья, нѣкій Шмердовскій, особенно сильно занималъ всѣхъ: такія страшныя вещи разсказывалъ онъ безъ устали съ самаго утра. Правда, нѣкоторые невѣрующіе подозрѣвали, что онъ слишкомъ злоупотреблялъ своей фантазіей, но онъ клялся, ударялъ себя въ грудь и постоянно повторялъ: «Дай Богъ мнѣ съ мѣста не встать, если все это не чистая правда, которую я видѣлъ вотъ этими самыми глазами». Въ особенности поражали всѣхъ звѣрства взбунтовавшагося казачества. Вмѣстѣ съ другими Шмердовскій принесъ, между прочимъ, одинъ изъ первыхъ, тотъ слухъ, что казаки гордились приказомъ покойнаго короля, который позволилъ имъ вымещать свои обиды на панахъ и шляхтѣ.

Будучи въ плѣну у казаковъ, изъ котораго ему только

какимъ-то чудомъ удалось вырваться, онъ собственными ушами слышалъ это отъ казацкихъ старшинъ, — и прибавлялъ, что, какъ бы тамъ ни было, а надо какъ можно скорѣе выбирать короля, потому что казаки только съ нимъ самимъ желаютъ вести переговоры, а съ панами — никогда.

Да и всѣ здѣсь были того-же мнѣнія: что король и полководецъ необходимо были нужны. Ракочи хоть и набрасывался и напрашивался, но никому не приходился по вкусу; о другихъ кандидатахъ некогда было думать. Итакъ, оставался выборъ только между Яномъ Казиміромъ и Карломъ.

Трудная задача лежала на тѣхъ, которые хотѣли предлагать послѣдняго. Никто его не зналъ. Казиміра же знали даже слишкомъ хорошо.

Въ заѣзжемъ домѣ его не щадили нисколько, и если кто вспоминалъ о немъ, то Чирскій фыркалъ отъ смѣха.

— Поглядите, что онъ удеретъ, — кричалъ онъ, — если, сохрани Богъ, выборъ падетъ на него! Гдѣ и когда онъ выдерживалъ? Былъ монахомъ: клобукъ скоро ему опротивѣлъ; папа покрылъ его пурпурной мантіей: онъ и ту отослалъ ему. Тогда онъ надѣлъ свѣтское платье, но и это скоро ему надоѣстъ. Дадите ему корону, — онъ не долго ее поноситъ. Кто же его здѣсь не знаетъ? Поляковъ не любитъ; нѣмцы и итальянцы — вотъ его любимое общество, да еще попугаи, обезьяны и карлики, потому что онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ съ ними охотнѣе, чѣмъ съ господами сенаторами! Не будетъ отъ него пользы Рѣчи Посполитой. Всему свѣту извѣстно, что нашъ князь Карлъ бережливостью и разумомъ скопилъ себѣ порядочно денегъ, и уже теперь, не ожидая, онъ послалъ на защиту границъ государства отъ казацкаго погрома нѣсколько сотъ людей, вооруженныхъ на свой счетъ. Казиміръ ни гроша за душой не имѣетъ, нечего отъ него ждать толку. Ихъ даже и сравнивать нельзя другъ съ другомъ, — продолжалъ Чирскій съ большимъ одушевленіемъ. — Князь-епископъ — человѣкъ серьезный и положительный, а тотъ гоняется за дѣвками, точно молокососъ, такъ что королева должна была закрыть передъ нимъ двери своей дѣвичьей.

Всѣ слушали въ молчаніи, лишь одинъ шляхтичъ, сидѣвшій въ углу надъ стклянкой пива, медленно заговорилъ:

— Прости Господи, не везло намъ съ нашими королями съ тѣхъ поръ, какъ не стало Ягеллоновъ. Чтобы не попасться Ракушанину, мы выбрали со страха француза, а этотъ осрамилъ насъ, удравши прочь. Послѣ него пришелъ въ волчьими зубами Щепанекъ и началъ прижимать и, можетъ быть, завелъ бы порядокъ, если бы смерть не похитила его. Но что было и послѣ него? Съ французомъ никто изъ насъ не могъ даже объясниться, такъ какъ онъ не зналъ нашего языка, да и учиться ему не хотѣлъ; съ Баторіемъ тоже,—кто не зналъ по-латыни, долженъ былъ разговаривать черезъ Замойскаго. Одинъ Богъ вѣдаетъ, впрочемъ, кто тогда правилъ: Баторій или Замойскій. Наконецъ мы выбрали себѣ съ каплей ягелловой крови Сигизмунда, про котораго намъ говорили, что сначала онъ училъ молитвы по-польски. Мы даже дрались за него, чтобы снова не пустить Ракушанина. Что-же затѣмъ? Ракушанинъ далъ ему женку одну и другую, а съ женами пришла нѣметчина и дѣти воспитались нѣмцами.

Долго бы еще разсуждалъ такъ шляхтичъ, но Нищицкій не допустилъ этого, сообразивъ, что въ концѣ концовъ все это не шло на пользу князя Карла.

— Эй! эй!—быстро вскричалъ онъ,—что тутъ понапрасну жаловаться на Провидѣніе и прошлую судьбу! Что сдѣлано, того не передѣлаешь. Теперь periculum in mora; какъ можно скорѣе надо намъ короля, у насъ только два есть для выбора. Князя эксъ-кардинала, который уже теперь приказываетъ величать себя шведскимъ королемъ, мы знаемъ. Этого одного уже достаточно, чтобы не хотѣть его. Помните еще одно, что ради этого титула короля шведскаго, о которомъ навѣрное будутъ спорить, онъ можетъ вовлечь насъ въ войну. Пусть же царствуетъ себѣ въ Швеціи, а мы всѣ единогласно выберемъ на тронъ князя Карла. Все говоритъ за него.

Всѣ молчали вокругъ, никто не возражалъ, только глухой говоръ наполнялъ залу. Часть гостей окружила шляхтича, который разсказывалъ о жестокостяхъ казаковъ и татаръ. Вдругъ столпившійся у дверей народъ началъ отступать съ какимъ-то страннымъ шопотомъ и надъ ихъ головами показалась *верхушка головы*, покрытой растрепанными, торчащими

какъ кустъ сѣдыми волосами, и сейчасъ же изъ устъ въ уста начало переходить:

— Бояновскій! Бояновскій!

Имя это, казалось, обладало способностью водворять молчаніе, потому что всѣ рты закрылись, и глаза обратились въ ту сторону, гдѣ черезъ добровольно разступающуюся толпу медленно пробирался Бояновскій.

Высоцкій, Чирскій, Нищицкій, услыхавъ о немъ, собрались вмѣстѣ въ кучку, какъ-бы чувствуя необходимость самозащиты. Сквозь разступившихся гостей вошелъ наконецъ Бояновскій, голова котораго такъ долго виднѣлась надъ толпой. По ней можно уже было судить о его ростѣ,—дѣйствительно, онъ казался великаномъ, а худоба дѣлала его еще выше на видъ. Это были кожа до кости, но кости толстыя, могучія, на которыхъ жилы и мускулы образовывали какъ бы подкожную сѣтку. Огромное, блѣдное, продолговатое лицо, съ длинной сѣдой бородой, также растрепанной, какъ и волосы, склонялось на полуобнаженную грудь. Мало кто могъ безъ безпокойства, почти что безъ тревоги, выдержать взглядъ этого человѣка. Глубоко скрытые подъ лобными костями глаза изъ-подъ темныхъ сводовъ, поросшихъ торчащими сѣдыми бровями, свѣтились такъ, какъ будто бы въ нихъ дѣйствительно горѣлъ какой-то огонь. Черты лица правильныя, острыя, сухія носили выраженіе презрѣнія, гордости и невыразимой рѣшимости. Губы еще блѣднѣе кожи, почти бѣлыя, какъ бы спаленыя, были закрыты только наполовину. Несмотря на то, что одежда, которая его покрывала, могла назваться почти лохмотьями, Бояновскій имѣлъ величественный видъ Коричневаго цвѣта плащъ, нѣсколько напоминающій костюмъ монаха, безъ воротника толстыми и частыми складками спускался на ноги, покрытыя кожаными голенищами, которыя были прикрѣплены шнурками. Онъ былъ подпоясанъ простымъ шнуркомъ, скорѣе веревкой, съ которой свѣшивались деревянныя четки съ огромными шариками, при каждомъ движеніи издававшими непріятный стукъ. Эти деревянные шарики стучали, какъ бы кости скелета. Въ одной рукѣ онъ держалъ огромный, толстый посохъ, которымъ подпирался, и стоило только присмотрѣться къ этой рукѣ, чтобы понять, чѣмъ этотъ человѣкъ былъ въ молодости. И те-

перь еще казалось, что если бы онъ захотѣлъ сжать этотъ посохъ, изъ него потекла бы вода.

Медленно шелъ Бояновскій, но не одинъ; съ лѣвой стороны, подъ его локтемъ, двигался какой-то маленькій человѣчекъ, задыхающійся и смотрящій вокругъ безпокойными глазами: это былъ неизвѣстно кто—слуга, товарищъ, ученикъ,—слѣдовавшій за нимъ, какъ неоступная тѣнь. Подойдя къ средней залѣ, въ которой при его появленіи все затихло, Бояновскій остановился и изъ глубокихъ впадинъ, изъ-подъ тѣни бровей, повелъ вокругъ глазами.

Всѣмъ почти, кто тамъ находился, Бояновскій былъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, хоть по фамиліи и по наслышкѣ. Глухо и различно разсказывали о его прошломъ, извѣстно было съ достовѣрностью только то, что много лѣтъ уже онъ совершаетъ покаяніе, что онъ обошелъ Святыя Мѣста, былъ въ Римѣ, а теперь ходилъ пѣшкомъ отъ одной чудотворной иконы къ другой, останавливаясь въ деревенскихъ церквахъ, и призывая людей къ покаянію.

Онъ былъ краснорѣчивъ и смѣлъ и не щадилъ никого. Часто люди интересовались имъ, но вмѣстѣ и боялись, въ особенности паны и шляхта, которыхъ онъ хлесталъ и бичевалъ безъ милосердія. Болѣе кроткіе духовные не разъ пробовали удерживать его отъ взрывовъ и вспышекъ, но Бояновскій, не споря съ ними, прослушавъ ихъ рѣчи, нисколько не измѣнялъ своего поведенія. Про него разсказывали, что онъ непрошеный являлся туда, гдѣ видѣлъ развратъ или слышалъ о немъ, и призывалъ къ покаянію. Не разъ удавалось ему такимъ образомъ обратить на путь истинный закоренѣлаго грѣшника и пробудить въ немъ раскаяніе, но частенько также его травили собаками и забрасывали камнями. Хотя онъ и выглядѣлъ, какъ нищій, Бояновскій ни отъ кого ничего не принималъ, развѣ если кто предлагалъ накормить его, когда онъ бывалъ голоденъ, но и то это угощеніе никому не могло быть въ тяжесть, потому что онъ никогда не бралъ въ ротъ мяса и утолялъ свой голодъ какой-нибудь похлебкой, хлѣбомъ, водой, молокомъ. Спутникъ его, котораго знали подъ названіемъ Варша, можно сказать, караулилъ, чтобы онъ не слишкомъ затягивалъ свои посты и часто кормилъ его почти на-

сильно. Его считали такимъ угодникомъ Божьимъ, что по дорогѣ, гдѣ онъ показывался, матери выносили ему навстрѣчу дѣтей, чтобы онъ благословилъ ихъ. Онъ отказывался отъ такой чести и иногда возмущался.

— Я такой-же грѣшникъ, какъ и вы,—говорилъ онъ.—Вы видите, что я даже совершаю покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Не поможетъ вамъ благословеніе нечистыхъ рукъ, ни спекшихся устъ моихъ: молитесь сами, и Богъ васъ услышитъ.

Появленіе Бояновскаго въ заѣзжемъ домѣ было совершенно непонятно какъ для гостей, такъ и для хозяина, такъ какъ онъ никогда не бывалъ на такихъ людныхъ сборищахъ, избѣгалъ ихъ. Высоцкій и его товарищи тоже вовсе не были ему рады. Не понимали,—кто его привелъ сюда.

Въ эту минуту тотъ полѣсецъ, который выдавалъ себя за бѣглеца изъ казацкаго плѣна и разсказывалъ такія чудеса, увидѣвъ Бояновскаго, вскочилъ, какъ бы испугавшись его. Старецъ искалъ его взглядомъ и, наконецъ найдя, вперилъ въ него свой взоръ съ такимъ напряженіемъ и силой, что Шмердовскій всталъ, какъ окаменѣлый.

Все болѣе и болѣе глубокое молчаніе воцарялось въ залѣ, во всѣхъ ея концахъ. Бояновскій остановился и ударилъ въ полъ своей палкой.

— Говори,—медленно сказалъ онъ сильнымъ и глубокимъ голосомъ,—говори! Пусть и я услышу, какъ насъ караетъ Богъ. Говори!

Между тѣмъ, только-что бывшій слишкомъ краснорѣчивымъ, Шмердовскій теперь до того растерялся, что только что-то беззвучно бормоталъ. Тѣ, которые раньше слышали его, разсказывающаго съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлеченіемъ, начали подталкивать его локтями и шептать: да ну-же, говори!

Высоцкій, быть можетъ, довольный, что Бояновскому ничего больше не нужно, повелительнымъ жестомъ далъ знакъ полѣсцу, чтобы онъ былъ послушенъ. Но вся рѣшимость и самоувѣренность покинули Шмердовскаго.

— У меня уже недостаетъ силъ,—отозвался онъ слабымъ голосомъ,—и что видѣли мои очи, то самому мнѣ кажется сномъ неправдоподобнымъ. Что-же другимъ-то, которые слушаютъ объ этомъ! Кровь лилась и льется ручьями, молодца

наполнены трупами. Вокругъ мѣстечекъ стоятъ цѣлые лѣса посажанныхъ на колъ. Ни одинъ дикій звѣрь не терзаетъ такъ своей жертвы.

— Трудно даже придумать,—сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — чего-бы не свершила строгая кара Божія. Увы, да! видѣлъ-ли ты, слышалъ-ли, снилось-ли тебѣ только,— все это правда—есть, было, свершилось или свершится.

— Тяжки были грѣхи наши, и вотъ насталъ день суда и кары Божіей.

— Не мало лѣтъ тому назадъ святой мужъ Скарга пророческимъ голосомъ предсказалъ все это съ каѳедры. Плѣнъ у чужеземцевъ, издѣваніе слугъ надъ нами, рѣзня, пожары и постыдныя бѣгства съ поля битвы,—и мученья... и рѣки крови, и хоры стоновъ, поднимающихся къ глухимъ небесамъ... такъ какъ грѣхи наши закрыли ихъ для насъ. И вотъ, Богъ наказалъ насъ и начались наши бѣдствія и будутъ продолжаться не одинъ день—dies irae, но цѣлые вѣка Божьяго гнѣва, такъ какъ вѣками тянулись и росли грѣхи наши!

Бояновскій застоналъ.

Голосъ старца, выходящій какъ-бы изъ гроба, серьезный, строгій, могучій какой-то таинственной силой, проникалъ до глубины души. Тяжелые вздохи и даже стоны начали вырываться изъ груди нѣкоторыхъ, у другихъ катились слезы.

Старецъ остановился съ глазами, устремленными куда-то вдаль, и съ минуту молчалъ.

— Государя думаете избрать,—медленно продолжалъ онъ,— и нужно его намъ, дѣйствительно; но кто-же изъ васъ захочетъ слушать избраннаго? Вы посадите его на престолъ только для того, чтобы надругаться надъ нимъ, чтобы онъ вамъ заплатилъ, чтобы каждый изъ васъ поживился на его счетъ. Вы жаждете чиновъ, вы ищите мѣста какъ аренды, которая будетъ вамъ приносить доходъ. Солдаты не слушаютъ вождя, гетманы ссорятся между собой. По домамъ вездѣ несогласія, на сеймахъ разногласія, передъ врагомъ и битвой — непослушаніе. На войну вы шли, таща за собой золотыя палатки и перины и серебро... И вотъ все это сдѣлалось теперь добычей казаковъ! Даже прежнее мужество изгнано изъ груди *распутствомъ. Это еще* только заря, начало Божіей кары...

Цѣлыя поколѣнія будутъ нести ее, она должна продолжаться вѣка...

Голосъ его становился все тише и наконецъ перешелъ въ неясное бормотанье. Всѣ стояли смущенные и взволнованные.

Нищицкій, который льстилъ себя надеждой, что онъ сумѣетъ поспорить съ этимъ страшнымъ пророкомъ, выступилъ нѣсколько передъ.

— Не слѣдуетъ лишать насъ мужества, — проговорилъ онъ, — въ ту минуту, когда мы больше всего въ немъ нуждаемся. Богъ дастъ, его предостереженіе не пропадетъ даромъ. Исправленіе уже замѣтно; всѣ теперь сознаютъ, какого намъ надо государя, и единогласно изберутъ его.

Бояновскій пристально и долго смотрѣлъ на него.

— Молитесь и кайтесь, — сказалъ онъ. Ничего вы не знаете, вы слѣпы, но обольщаете себя мыслью, что имѣете какую-то силу. Сила эта дана только народамъ здравымъ и неиспорченнымъ. Мы уже не владѣемъ собой, мы сдѣлаемся жертвой судьбы, вѣтра или, вѣрнѣе, горькихъ плодовъ нашего грѣха. Вы не выберете кого хотите, да и онъ не сможетъ пойти тѣмъ путемъ, какимъ желалъ бы. Возжи порвались и возницы летятъ безъ нихъ въ пропасть. Молитесь и кайтесь! Молитесь и кайтесь!

Проговоривъ эти слова возвышеннымъ голосомъ, Бояновскій еще разъ повелъ глазами по толпѣ, въ которой уже не замѣтилъ шляхтича изъ Полѣсья. Онъ исчезъ куда-то и скрылся.

Старецъ, постоявъ минуту, среди тревожнаго молчанія, медленно повернулся и, началъ подвигаться къ дверямъ. Его никто не смѣлъ удерживать. Всѣ какъ-то свободнѣе вздохнули, когда Бояновскій ушелъ. Шмердовскій, который забился было куда-то въ уголъ, снова вынырнулъ изъ толпы.

— Святой человѣкъ, — въ полголоса проговорилъ Нищицкій, который не очень былъ радъ его появленію и тому впечатлѣнію, какое онъ по себѣ оставилъ. — Святой человѣкъ, но зато должно быть въ тяжкихъ грѣхахъ кается.

Нищицкій показалъ рукой на лобъ.

— Теперь ужъ все у него здѣсь смѣшалось... пожалуй, даже собственные грѣхи съ нашими... Богъ справедливъ, но милосердъ: то, что мы вытерпѣли, — достаточное наказаніе. Вы-

беремъ себѣ государя, соберемся вокругъ него, пойдемъ на этихъ хлоповъ...

Когда онъ говорилъ это, какой-то шляхтичъ выскочилъ изъ толпы.

— По обычаю старины, король всегда бывалъ у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старшимъ гетманомъ; а гдѣ же тутъ епископу, который съ дѣтства учился только благословлять, хвататься за оружіе, котораго никогда не держалъ въ рукахъ!

Чирскій и Высоцкій сейчасъ же заглушили его.

— Для вождей или гетмановъ у насъ есть другіе люди,— закричалъ Чирскій: а королю довольно одного мужества, котораго довольно у князя Карла... Рыцарство у него въ крови; пусть только онъ одѣнетъ панцырь и шлемъ: увидите, что изъ него выйдетъ!

Рѣчь Чирскаго встрѣтили почему-то смѣхомъ, но сильный шумъ заглушилъ дальнѣйшій споръ. Высоцкій приказалъ подавать блюда и наполнять кубки.

II.

Въ спальнѣ своей, передъ старымъ, обитымъ чернымъ сукномъ, столикомъ въ глубокомъ траурѣ, со слезами на глазахъ, стояла на колѣняхъ королева Марія Людвика, глубоко задумавшись надъ полуоткрытой книгой, на которой лежали четки.

Прожитые въ Польшѣ годы борьбы и постоянныхъ заботъ отразились изнуреніемъ на ея все еще красивомъ лицѣ, выраженіе котораго было полно энергіи и силы.

Она была утомлена, но мужество ея не пропало; въ этой задумчивости она, казалось, готовилась къ новой борьбѣ. Мысль ея пробѣгала теперь, должно быть, и розовое прошлое, розовую молодость, проведенную во Франціи, теперь уже пропавшую и забытую, и тяжелую жизнь въ Польшѣ, тяжелые трофеи, добытые ею здѣсь.

Они были несомнѣнны, и хотя королева не гордилась ими, а скорѣе желала скрыть, чтобы не возбудить опасенія, но *вліяніе ея замѣчалось* повсюду. Какъ набожная, она привлек-

ла на свою сторону значительную часть духовенства; образованіемъ, воспитаніемъ, обхожденіемъ она, увлекла за собой первыхъ магнатовъ, которые, какъ и она, предпочитали иностранные обычаи старо-польской простотѣ. На совѣтѣ она представляла собой и собирала вокругъ себя все, что служило интересамъ Франціи и имѣла съ ея стороны сильную поддержку, и такъ какъ каждый изъ этихъ пановъ-сенаторовъ, которые симпатизировали ей и умѣли ее цѣнить, былъ вождемъ, и руководителемъ и покровителемъ цѣлой толпы бѣднѣйшей шляхты, то черезъ первыхъ она могла разсчитывать и на послѣднихъ.

Въ эту минуту она именно взвѣшивала въ своемъ умѣ какую роль принять ей на себя въ это время выборовъ, за что взяться. Она никого не могла позвать на совѣтъ, никому даже не смѣла открыться. Она принимала всѣ посѣщенія, какъ вдова, убитая горемъ, своимъ сиротствомъ, печалью о невознаградимой утратѣ.

Ни для кого не было тайной, что бракъ далеко не связалъ сердечными узами покойнаго короля съ его женой. Равнодушный до конца жизни, развлекающійся любовными интрижками, онъ только по неволѣ уважалъ жену, только для людскихъ взоровъ бралъ ее съ собой въ путешествія, уступалъ ея требованіямъ, часто боялся рѣзкихъ упрековъ, но вовсе не любилъ ее. Она тоже обнаруживала къ нему уваженіе, должное королю и господину, но не скрывала своего отвращенія къ его образу жизни и обычаямъ.

Увѣдомляемая о каждой новой интрижкѣ своего мужа, такъ легко поддающагося своимъ товарищамъ, которые пользовались его слабостью, — королева должна была многаго не видѣть. Заподозрѣнная сама въ любовной интригѣ, она никогда не могла забыть этого: и ея поведеніе, строгость ко двору, были вѣчной ложью, вызванной клеветой. Она основывала монастыри, посѣщала церкви, окружала себя людьми набожными и строго преслѣдовала малѣйшую даже видимость легкомыслія въ окружающемъ ея дворѣ. По этой причинѣ она почти постоянно должна была тайно или явно противиться ухаживаніямъ Яна Казиміра, который сначала ужасно надоѣдалъ прекрасной m-lle Duret, потомъ m-lle Zuce и, наконецъ, по очереди и другимъ придворнымъ красавицамъ, тщетно старясь сыскать себѣ

расположеніе то m-lle Langeron, то m-me Les Essatrs. Но всюду Янъ Казиміръ уходилъ отвергнутый и разочарованный. Онъ очень хорошо видѣлъ, что въ значительной степени обязанъ своими неудачами королевѣ, и за это питалъ къ ней вражду; но никогда ни съ той, ни съ другой стороны не вышла наружу эта скрытая борьба, часто возбуждавшая смѣхъ въ Маріи Людвикѣ.

Эксъ-кардиналъ долженъ былъ искать вознагражденія за эти неудачи въ кружкахъ, то аристократическихъ, то шляхетскихъ и, наконецъ, даже мѣщанскихъ.

Надъ этимъ несчастнымъ характеромъ Яна Казиміра никогда королева не останавливалась серьезнѣе, никогда не подвергала его болѣе строгому анализу, чѣмъ теперь. Быстрое око ея не должно было далеко заглядывать, чтобы предвидѣть, что король шведскій сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и польскимъ, хотя онъ и имѣлъ опаснаго соперника въ своемъ братѣ Карлѣ.

Въ особенности опасенъ былъ епископъ Вроцлавскій тѣми деньгами, которыя были у него въ распоряженіи. Король шведскій, кромѣ долговъ, почти ничего не имѣлъ. Даже самые счастливые выборы требовали большихъ расходовъ, почти неизбѣжныхъ. Выработались уже извѣстныя формы и традиціи, извѣстные обычаи при выборахъ. Необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи много посредниковъ, людей бѣдныхъ, которымъ надо было платить. На все это Янъ Казиміръ почти не имѣлъ средствъ, тогда какъ Карлъ израсходовалъ уже больше милліона злотыхъ, какъ говорили, на вооруженіе 800 человѣкъ, которыхъ онъ отдалъ въ распоряженіе Рѣчи Посполитой. А могъ дать еще больше... Съ княземъ Карломъ королева никогда не была въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ избѣгалъ женщинъ вообще и, принужденный бывать у Маріи Людвики, всегда держался въ сторонѣ. Кромѣ того, своимъ темпераментомъ, характеромъ онъ не нравился королевѣ и самъ въ свою очередь не любилъ ее.

Не могъ также быть пріятнѣе и Янъ Казиміръ, наружность котораго была отталкивающая, обхожденіе надоѣдливое, разговоръ приторный и несносный; но Марія Людвика чувствовала въ немъ человѣка, котораго легко было забрать въ свои руки. *Ни въ чемъ у него не* было настойчивости, постоянства, онъ

позволялъ водить себя за носъ тѣмъ, кто, подобно Бутлеру и другимъ фаворитамъ, сумѣли ему понравиться.

Нѣкоторое время послѣ смерти мужа королева подумывала о возвращеніи во Францію, но тотчасъ-же почувствовала, что это было-бы ошибкой и отреченіемъ отъ всего прошлаго, отъ котораго она еще не хотѣла отказаться.

Все ея имѣніе, раздѣлъ имущества, множество начатыхъ дѣлъ задерживали ее здѣсь. Она должна была остаться и могла еще играть большую роль. Взоръ ея пробѣгалъ цѣлый рядъ тѣхъ людей, которые могли-бы взять въ свои руки бразды правленія; но среди нихъ она не нашла ни одного, который сумѣлъ-бы воспользоваться обстоятельствами. Она чувствовала себя до нѣкоторой степени сильнѣе ихъ или, по крайней мѣрѣ, готовой къ борьбѣ.

Но въ эту минуту все это было скорѣе предчувствіе, мечты, надежды, неприведенныя въ исполненіе намѣренія и мысли. Она чувствовала только, что должна была сохранить свою независимость, встать въ сторонѣ и не мѣшаться ни во что, пока не будутъ обезпечены ея собственныя выгоды и положеніе. Она легко могла догадаться, что епископъ Вроцлавскій такъ-же, какъ и король шведскій (такъ онъ приказалъ называть себя), будутъ стараться привлечь ее на свою сторону, но именно въ видахъ будущаго она не хотѣла ничѣмъ связываться. Размышленіе это прервало ея молитву, она еще стояла на колѣняхъ, но, опершись на руку, уже перестала молиться, когда двери слегка открылись и королева замѣтила осторожно заглядывающую m-lle Langeron. Она обратила на нее вопросильный взглядъ. Француженка подошла на пальцахъ и, ставъ на колѣни передъ королевой, прошептала:

— Король шведскій...

Брови Маріи Людвики слегка сморщились.

— Скажи, что я оканчиваю молитву, пусть ксендзъ Флери приметъ его; я сейчасъ туда выйду. Ксендзу Флери шепни, чтобы онъ не уходилъ во все время посѣщенія короля.

— Послушная Ланжеронъ выскользнула изъ комнаты, а королева, еще слабая послѣ лихорадки, съ трудомъ поднялась съ пола и на минуту сѣла въ кресло. Она взглянула въ сторону на зеркало въ серебряной рамѣ, которое отражало ея

лицо, блѣдное и грустное, но не лишенное нѣкоторой красоты.

Разсчитавъ время такъ, чтобы ксендзъ Флери успѣлъ ввести короля въ ея покои, Марія Людвика медленно поднялась, приняла величественное выраженіе лица и медленными шагами направилась къ той комнатѣ, изъ которой уже доносились голоса короля и доктора Сорбонны.

Пажъ, который ожидалъ ее у дверей, открылъ ихъ и она вошла. Янъ Казиміръ привѣтствовалъ ее со свойственнымъ ему выраженіемъ лица — кислымъ, но гордымъ, которое, казалось, всегда отражало какъ-бы слѣды только-что испытаннаго разочарованія или огорченія. Чрезвычайно рѣдко видѣлъ кто-нибудь короля веселымъ, кромѣ его карликовъ, приближенныхъ и немногихъ друзей. Сарказмъ, иронія являлись у него чаще всего, и какой угодно предметъ разговора измѣнялся въ его устахъ въ разсказы о самомъ себѣ. Этотъ переходъ къ себѣ былъ его характеристичной слабостью.

Цвѣтъ лица его былъ темно-желтый, только слѣды оспы яснѣе обозначались на немъ. Съ гордо искривленными губами, надутый, на этотъ разъ онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо угрюмъ и озабоченъ. Королева уступила ему, разумѣется, первое мѣсто, сѣла сама и взглядомъ удержала ксендза де-Флери, который присѣлъ на простой стулъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Безпокойные взгляды Яна Казиміра имѣли весьма ясное значеніе: ему хотѣлось-бы избавиться отъ этого свидѣтеля и остаться наединѣ съ королевой, но этого-то именно хотѣла избѣжать Марія Людвика.

Взглядъ его не подѣйствовалъ, и король, закусивъ губы и сжавъ руки, въ которыхъ держалъ перчатки, тихо началъ говорить:

— Я хотѣлъ узнать о здоровьи вашего королевскаго величества; я самъ такъ разбитъ, чувствую себя такъ нехорошо! Положеніе страны дѣйствительно отчаянное. Торопятся съ выборами, но, по моему, они придутъ слишкомъ поздно, такъ какъ казаки тѣмъ временемъ все истребляютъ, а сейма и пановъ они не захотятъ слушать. Взбунтовавшимся хлопамъ одинъ королевскій санъ можетъ быть грозенъ своимъ величіемъ.

Король вздохнулъ и черезъ минуту прибавилъ, оглядываясь:

— Рѣшительно я не хотѣлъ этому вѣрить, — братъ мой *Карлъ добивается* короны.

Королева подтвердила это движеніемъ головы.

— Но это уже давно извѣстно,—прошептала она.

— По многимъ причинамъ мнѣ это казалось почти невозможнымъ,—началъ король оживляться.—Нѣтъ подъ солнцемъ человѣка скупѣе Карла и менѣе созданнаго быть государемъ. Онъ любитъ монашеское уединеніе, сторонится отъ людей, кто могъ подать ему подобную мысль?

Онъ посмотрѣлъ на королеву, которая слегка повела плечами.

— Мнѣ кажется, что она сама у него явилась,—проговорила она:—потому что сначала всѣ утверждали, что ваше королевское величество не будете добиваться этой короны.

— О! да, я ее вовсе и не желаю,—отвѣчалъ король:—но полученная въ наслѣдство шведская корона заставляетъ меня искать для нея какой-нибудь подпоры, силы, которую я могъ-бы употребить, домогаясь своихъ правъ.

Королева ничего не отвѣтила, но взглядъ ея, должно быть, былъ очень выразителенъ, потому что Янъ Казиміръ прибавилъ, отвѣчая на этотъ взглядъ:

— Я самъ мало имѣю надежды на полученіе шведскаго трона, — это правда, но, тѣмъ не менѣе, я обязанъ стараться объ этомъ. Одно это ставитъ меня среди кандидатовъ.

Янъ Казиміръ не докончилъ и прервалъ, быть можетъ, стыдясь притворства.

— Это терновая корона,—сказалъ онъ — но все-таки корона и съ Божіей помощью все будетъ благополучно. Война дастъ диктатуру.

Онъ вдругъ остановился и послѣ краткаго промежутка, продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Я пришелъ искать совѣта и утѣшенія у вашего королевскаго величества.

Марія Людвика грустно покачала головой и опустила глаза.

— О, государь, — сухо и холодно сказала она, — бѣдная вдова, вся изстрадавшаяся, убитая горемъ, я не только никому другому, но даже самой себѣ не могу дать хорошаго совѣта. Вы набожны, уповайте на Провидѣніе,—Оно навѣрное васъ не покинетъ.

Съ большимъ жаромъ прервалъ ее Янъ Казиміръ:

— Всѣ мои надежды я возлагаю на Божію Матерь, чудо-

творный образъ которой въ Червенскѣ вливаетъ утѣшеніе въ мою душу. Да, — прибавилъ онъ съ сильнымъ и искреннимъ жаромъ,—въ такое время, какъ у насъ теперь, когда не хватаетъ разсудка, надо полагаться только на покровительство Бога, на помощь святыхъ угодниковъ.

— Счастливъ тотъ, кто можетъ сказать себѣ,—сухо прервала королева,—что онъ умѣлъ заслужить ее.

Наступило какое-то неловкое молчаніе и Янъ Казиміръ со свойственной ему изворотливостью повернулъ разговоръ.

— Говорятъ, что Карлъ спустилъ уже больше милліона, давъ государству 800 вооруженныхъ. Да, но кромѣ маленькой горсти людей, которые не имѣютъ почти никакого значенія въ государствѣ, онъ не будетъ имѣть за собой никого.

— Я совершенно незнакома съ этимъ дѣломъ, — равнодушно прибавила королева.

— Я могу пересчитать его друзей, — быстро заговорилъ Янъ Казиміръ.—Кіевскій епископъ Заремба. Кто-же его здѣсь знаетъ? Что онъ значитъ?.. Быть можетъ, онъ привлечетъ къ себѣ воеводу волынскаго князя Сангушко и князя Исидора Заславскаго, но все это только имена, а не люди, въ сенатѣ никто изъ нихъ слова сказать не сумѣетъ, а если-бы и заговорили, то никто-бы не сталъ ихъ слушать. Чирскій, каштелянъ Хелмскій, новичекъ, homo novus, а Рушковскій, Иновроцлавскій—не лучше. А! Теодорикъ Пороцкій, Галицкій подкоморій, вотъ и всѣ... да...

Поспѣшность и обстоятельность, съ какой король шведскій перечислялъ сторонниковъ своего соперника, доказывали, что дѣло это занимало его гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ то показать.

— Я,—прибавилъ онъ,—охотно уступилъ бы ему, но меня насильно тянутъ первые сенаторы. Я противлюсь имъ,—вѣдь я не могъ бы выставить даже и тѣхъ жалкихъ 800 человѣкъ, которыхъ далъ Карлъ, а онъ, какъ я слышалъ, обѣщается содержать на свой счетъ 10,000.

Горько задумался король, говоря это.

— Даже доходовъ вроцлавской епархіи не хватитъ на это, — сказалъ онъ,—а если онъ все также радушно будетъ кормить и поить шляхту, то къ выборамъ у него останутся только долги.

И снова Янъ Казиміръ ловко повернулъ разговоръ.

— Дворецъ на Краковскомъ предмѣстьи я хочу оставить за собою,—сказалъ онъ, глядя на королеву.

Марія Людвика, помолчавъ, тихо прошептала, не поднимая глазъ.

— Въ такомъ случаѣ, Уяздовъ достался бы князю Карлу.

— Со звѣринцемъ!—подхватилъ король,—но онъ не охотникъ. Уяздовъ можно раздѣлить.

Марія Людвика холодно прервала:

— Потрудитесь не забывать о томъ, что и мнѣ будетъ принадлежать по мужу одинъ изъ дворцовъ. Я не могу и не хочу оставаться въ замкѣ. Здѣсь слишкомъ много тяжелыхъ воспоминаній, а затѣмъ,—прибавила она,—замокъ королевскій и долженъ весь принадлежать королю.

По странному теченію мыслей король шведскій вдругъ вспомнилъ о фаворитѣ покойнаго брата, его совѣтникѣ, графѣ Магнусѣ, и прибавилъ:

— Магнусъ требуетъ 100,000 злотыхъ, которыя онъ одолжилъ Рѣчи Посполитой, и онъ до тѣхъ поръ не дастъ намъ покоя, пока мы не удовлетворимъ его.

Королева усмѣхнулась и сказала·

— Какъ и я,—вѣдь и мнѣ должна Рѣчь Посполитая.

Янъ Казиміръ замѣтилъ, что затронулъ струну, которой не долженъ былъ задѣвать, закусилъ губы, и не умѣя иначе выйти изъ неловкаго положенія, обратился къ ксендзу. Вопросъ, какой онъ ему задалъ, касался завтрашней службы въ одномъ изъ городскихъ костеловъ. Ксендзъ де-Флери и вмѣстѣ съ нимъ королева отвѣчали, что она именно собирается на эту торжественную службу. Всѣ предметы, казалось, были исчерпаны. Янъ Казиміръ однако сидѣлъ еще.

— Братъ мой, Карлъ, навѣщалъ ваше величество?—спросилъ онъ.

— Разъ только былъ у меня, когда я вернулась сюда,—холодно отвѣчала королева.—Я не вижусь съ нимъ.

— Ваше королевское величество,—сказалъ, немного подумавъ Янъ Казиміръ,—вы могли бы избавить его отъ многихъ пустыхъ заботъ и надеждъ, стараній и расходовъ, отсовѣтовавъ ему домогательство короны. Я ему нисколько не завидую

и не мѣшалъ бы ему въ томъ, но я вынужденъ. Меня тянутъ. Его завлекаютъ льстецы, жаль мнѣ его. Быть можетъ, изъ устъ вашего королевскаго величества...

Марія Людвика сдѣлала быстрое нетерпѣливое движеніе.

— Государь, сказала она,—прошу васъ, оставьте меня совершенно въ сторонѣ, я ни во что не хочу вмѣшиваться, не могу и не должна. Свѣжая рана отнимаетъ у меня всякое желаніе принимать участіе въ этой жизни, я желала бы какъ можно лучше пристроить французскихъ монахинь и обезпечить ихъ, чтобы со временемъ самой найти у нихъ убѣжище; впрочемъ, со смертью мужа, дѣла государства мнѣ совершенно чужды.

— Но ваше королевское величество,—забывшись, сказалъ Янъ Казиміръ,—вы можете черезъ Францію, на которую имѣете большое вліяніе, оказать сильную поддержку тому, кому бы захотѣли.

— Франція будетъ поступать сообразно своей политикѣ и интересамъ, — сухо сказала Маріи Людвика, — а я именно желаю отказаться отъ всякаго участія въ ея политикѣ.

Король, нахмурившись, замолчалъ.

— Ваше королевское величество, — прибавилъ онъ черезъ минуту,—надѣюсь, можете перемѣнить свое мнѣніе.

Королева покачала головой и ничего не сказала. Король медленно всталъ и Марія тоже поднялась съ кресла. Наступило очень холодное прощаніе, послѣ котораго, проводивъ гостя нѣсколько шаговъ къ дверямъ, королева вернулась въ свою комнату. Ксендзъ велъ короля далѣе.

— Она страдаетъ?—спросилъ его король.

— Какъ вы сами изволили видѣть,—отвѣчалъ ксендзъ.— Положеніе ея грустное, будущее темно. Самый видъ страны и извѣстія, которыя приходятъ каждый день, нисколько не успокоительны. Единственное ея утѣшеніе—молитва.

Янъ Казиміръ съ жаромъ прервалъ его:

— И мое также! Но будемъ надѣяться и уповать на Бога.

Говоря это, онъ склонился, какъ бы желая поцѣловать руку прелата, который скромно отступилъ и простился съ нимъ глубокимъ поклономъ.

Въ передней двое дворянъ ожидали короля. Тутъ какъ бы

по мановенію волшебнаго жезла, угрюмое лицо Яна Казиміра прояснилось.

— Бутлеръ ждетъ ваше величество.—сказалъ одинъ.

Быстрыми шагами поспѣшилъ король шведскій въ свои покои. Это было то самое помѣщеніе, какое онъ занималъ передъ отъѣздомъ въ Римъ и которое король потребовалъ послѣ своего возвращенія, для чего пришлось выжить оттуда графа Магнуса.

Но теперь, когда шведская корона покоилась на его челѣ, когда онъ былъ кандидатомъ на вторую,—эти скромные апартаменты казались ему несносными. Онъ домогался роскошнаго, величественнаго дворца на Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ чего также рѣшительно протестовалъ князь Карлъ.

Въ завѣщаніи короля Владислава не было точнаго указанія на то, какъ должны были подѣлиться дворцами братья. Янъ Казиміръ долженъ былъ ждать, пока при помощи какихъ-нибудь посредниковъ не состоится соглашеніе.

Въ передней два карлика—Баба и Люйпъ — полякъ и нѣмецъ, двѣ обезьяны на цѣпи, пестрый попугай въ клѣткѣ, первые встрѣтили его. Жаркій споръ, вѣчно ссорящихся и дерущихся другъ съ другомъ карликовъ, заставилъ короля ударить Бабу по плечу и приказать молчать.

Въ комнатахъ ждалъ староста Бутлеръ, изъ всѣхъ друзей, которыхъ король избиралъ и бросалъ очень легко, самый для него пріятный и долѣе всего пользовавшійся его милостью. Бутлеръ имѣлъ внѣшность придворнаго, иностранный костюмъ и ту гибкость движеній и послушное выраженіе лица, которыя дозволяли ему согласоваться съ настроеніемъ и мыслями господина. Никто лучше его не зналъ Яна Казиміра, который много разъ дѣлалъ Бутлера своимъ повѣреннымъ и бросалъ его, но всегда, соскучившись, возвращался къ нему. Это былъ единственный человѣкъ, передъ которымъ онъ могъ признаться во всѣхъ своихъ слабостяхъ, не опасаясь ни насмѣшекъ, ни предательства. Бутлеръ ни разу не вынесъ сору изъ избы, а много разъ предупреждалъ и предотвращалъ послѣдствія неосторожности короля. Съ видимой радостью поздоровался съ нимъ Янъ Казиміръ, ведя за собой въ свои апартаменты. Въ нихъ отражался весь характеръ человѣка. Не было здѣсь той роскоши, того артистическаго блеска, которому Владиславъ при-

давалъ такое значеніе. Непостоянство мысли, измѣнчивость вкуса, ясно отражались въ томъ, что окружало короля. Рядомъ съ множествомъ картинъ и образовъ, видны были портреты женщинъ, и вмѣстѣ съ религіозными, духовными книгами—самые легкіе, игривые французскіе романы. Не было ни порядка, ни изящества въ комнатахъ, довольно роскошно убранныхъ, но безъ всякаго вкуса. Собаки, обезьяны и карлики всюду оставляли слѣды своихъ шалостей. Въ спальнѣ, передъ большимъ образомъ, взятымъ изъ костела въ Червенскѣ, представляющимъ Божію Матерь съ младенцемъ Іисусомъ, горѣла лампада, и король, подойдя сначала сюда, всталъ на колѣни для краткой молитвы, но сейчасъ-же поднялся и, заперевъ двери, сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, обращаясь къ Бутлеру:

— Я возвращаюсь отъ королевы! Сфинксъ для меня эта женщина. Покрытая глубокимъ трауромъ, неутѣшная въ горѣ по мужѣ, который никогда ея не любилъ, а она его не терпѣла,—да, но она была королева, правила, такъ хорошо правила и самимъ королемъ, что подъ конецъ его жизни ни одна должность не была дана безъ ея вѣдома, и каждую нужно было оплатить. Я увѣренъ, что она имѣетъ огромныя суммы.

Бутлеръ быстро подтвердилъ это.

— Но хочетъ, какъ она сама говоритъ,—продолжалъ Казиміръ,—посвятить все на благочестивыя дѣла и даетъ понять, что сама удалится въ одинъ изъ основанныхъ ей монастырей. Думали, что Карлъ... чего, впрочемъ, быть не можетъ...

— Не можетъ!—повторилъ Бутлеръ.

— Если бы его избрали, готовъ былъ бы на ней жениться,—докончилъ король.

— Онъ ненавидитъ женщинъ,—прервалъ староста.

— Да, всѣ это утверждаютъ, — пробормоталъ Янъ Казиміръ,—но какъ это возможно? Это совсѣмъ не въ природѣ вещей.—Онъ вздохнулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмѣялся.

— Что касается до меня, — сказалъ онъ, — то, странное дѣло, я въ каждой дѣвушкѣ вижу что-то возбуждающее. У одной—лицо, глаза, у другой—станъ, ножки, улыбки, бюстъ. Онѣ созданы для того, чтобы вводить насъ въ искушеніе.

Бутлеръ поддакивалъ, смѣясь.

— *Изъ всѣхъ* тѣхъ, кого я здѣсь встрѣчаю и вижу, —

говорилъ онъ, чувствуя потребность излиться передъ другомъ,— знаешь, Бутлеръ, только двѣ особенно меня привлекаютъ: это та... та француженка Дюре... ну, и...

Тутъ онъ понизилъ голосъ, оглянулся и прошепталъ:

— И предводительша. — Онъ приложилъ руку къ губамъ и поцѣловалъ ее. — Но мудрецъ будетъ тотъ, кто достанетъ что-нибудь изъ двора королевы! Эта старая и увядшая уже Ланжеронъ точно драконъ стоитъ на стражѣ. Говорили, что королева собиралась выдать ее замужъ, но теперь все отложилось.

Помолчавъ немного, король задумчиво обратился къ Бутлеру.

— Ну какъ же твои хлопоты насчетъ денегъ?

— Ничего еще не могу сказать навѣрное,—отвѣчалъ любимецъ,—но что-бы тамъ ни было, а мы должны ихъ достать.

— Карлъ съ ума сошелъ, — говорилъ далѣе Казиміръ,— швыряетъ ими. Онъ! онъ! до сихъ поръ былъ такъ скупъ! И откуда это пришли ему въ голову эти дикія фантазіи—добиваться короны наперекоръ мнѣ?

— Не знаю,—возразилъ Бутлеръ,—быть можетъ, именно изъ зависти.

— Онъ! король! — поводя плечами, говорилъ далѣе Казиміръ.—Смѣшно подумать объ этомъ.

Бутлеръ разсмѣялся.

— Что-же ты слышалъ? Имѣетъ онъ какія-нибудь надежды? Опасенъ онъ?—спросилъ король?

— Государь,—началъ староста,—во время выборовъ каждый претендентъ страшенъ. У него нѣтъ за собой людей, но они могутъ родиться какъ грибы послѣ дождя въ полѣ. Конечно, онъ будетъ намъ помѣхой.

— Поэтому-то я и не уступлю,—проворчалъ Казиміръ,—и дорого это можетъ ему обойтись. Онъ никого слушать не хочетъ.

— Метовецкую шляхту, которую онъ давно поитъ и кормитъ, и родныхъ выборныхъ, которые поспѣшили сюда на выборы,—говорилъ Бутлеръ,—его дворяне Высоцкій, Чирскій и другіе привлекли на свою сторону ѣдой и питьемъ. Они разослали ихъ по уѣздамъ. Почемъ знать? Когда дѣло дойдетъ до голосованія, — выскочитъ одинъ, гаркнетъ и всѣхъ потянетъ за собой.

— Что-же тутъ дѣлать?—проворчалъ Казиміръ.

Бутлеръ, немного задумавшись, прошелся по комнатѣ.

— Государь, когда съѣдутся сенаторы, то развѣ только черезъ нихъ можно будетъ что-нибудь предпринять, чтобы онъ опомнился.

— Сколько онъ выложилъ?—озабоченно шепталъ король.— Вѣдь поговариваютъ уже о милліонѣ. Неужели придется вернуть ему все это?

— А если бы даже и такъ!—прервалъ староста.—Бояться нечего. Король можетъ вытребовать въ свое распоряженіе два и ими заткнуть глотки.

— Ты мужъ хорошаго совѣта,—весело улыбнулся Янъ Казиміръ и по-пріятельски ударилъ его по плечу.

Болѣе серьезный разговоръ уже томилъ его легкомысленный умъ. Онъ зналъ только двѣ вещи: молиться или смѣяться,

— Эй! Бутлеръ, слышишь ты, всевѣдущій, — вскричалъ онъ.—Тебѣ уже говорили о томъ, что Гижанка выходитъ замужъ за шляхтича. Знаешь, та хорошенькая Гижанка, дочка бурмистра, за которой всѣ такъ гонялись. Покойникъ Владиславъ очень за нею ухаживалъ, онъ, видно, хотѣлъ подражать Сигизмунду Августу, который первый соблазнилъ Гижанку, но некому было помочь ему. Пацъ и Платенбергъ обманывали его, а деньги — прятали въ карманъ, и онъ не получилъ Гижанки.

— Ну, и у m-lle Ланжеронъ,—ввернулъ Бутлеръ, который видѣлъ, какъ она мѣшала Казиміру,—тоже навѣрное имѣется какой-нибудь шляхтичъ вздыхатель.

— Что ты говоришь?—вскричалъ король.—Я бы самъ съ удовольствіемъ отплясалъ гавотъ на ея свадьбѣ.

— Ба!—отозвался Бутлеръ,—ее замѣнитъ Дезессаръ или другая!

— Это правда,— грустно подтвердилъ Казиміръ. — Дворъ королевы—это второй монастырь. За малѣйшую провинность высылаетъ во Францію, а у нея такіе хорошіе шпіоны.

— Королева! — подхватилъ Бутлеръ, приближаясь къ сидящему королю:—Королева! А я какъ разъ хотѣлъ о ней поговорить. Ваше королевское величество должны непремѣнно постараться привлечь ее на свою сторону. Она можетъ себѣ го-

ворить, что ни во что не вмѣшивается, но у нея много сношеній, людей, и она такъ умѣетъ ворочать ими, что безъ нея, а, сохрани Богъ,—противъ нея мы ничего не подѣлаемъ, тогда какъ съ ней намъ было бы въ тысячу разъ лучше.

— Ба!—задумчиво произнесъ Казиміръ,—ты думаешь, что я ничего не знаю объ этомъ? Женщина умная и ловкая, при жизни покойника она никогда не добивалась того, чтобы казаться сильной; напротивъ, на видъ она казалась очень покорной, а на самомъ дѣлѣ она всѣмъ заправляла, дѣлала, что хотѣла, и безъ нея король не рѣшался сдѣлать шагу.

— Да,—тихо прибавилъ Бутлеръ,—умъ умомъ, да и то, что у нея одной всегда были деньги.

— И теперь у нея есть, хоть она и основываетъ монастырь,—прибавилъ король.

— И развѣ она не могла бы помочь намъ ими?—спросилъ любимецъ.

— Немыслимо просить ее объ этомъ!—вздохнулъ Янъ Казиміръ.—Если она мнѣ и одолжитъ, то во что бы то ни стало захочетъ и мной управлять. Я ее просто боюсь! — повторилъ онъ, понижая голосъ.

— А если она приметъ сторону князя Карла?—вставилъ Бутлеръ.

— Этого быть не можетъ,—сказалъ Казиміръ.

— Ваше королевское величество думаете,—замѣтилъ любимецъ,—что она можетъ остаться, какъ говорила, равнодушной, держаться въ сторонѣ, ни во что не вмѣшиваясь!—Бутлеръ разсмѣялся.—Это просто немыслимо, если бы даже она и желала того. Она принуждена будетъ подать голосъ; по ея лицу угадаютъ, на чьей сторонѣ лежитъ ея симпатія.

— Но она никогда ко мнѣ ея не чувствовала,—проворчалъ король.

— Потому что прежде не могла имѣть въ этомъ никакого интереса, а теперь...

— А теперь?—подхватилъ Казиміръ, бросая робкій взглядъ на Бутлера,—что же ты думаешь?

— Сдѣлавшись королемъ, вы можете взять подъ свое покровительство и основаніе монастыря, и все, что интересуетъ королеву, а королева, въ свою очередь, теперь...

— А я тебѣ говорю, Бутлеръ,—живо прервалъ король,— что я боюсь,—она меня завоюетъ. Это женщина ловкая, смѣлая и умная.

— Именно потому-то мы въ ней и нуждаемся,—докончилъ Бутлеръ.—Однимъ словомъ, скажу: если князь Карлъ привлечетъ ее на свою сторону, то всѣ сенаторы, вмѣстѣ взятые, намъ не помогутъ.

— На моей сторонѣ Оссолинскій,—быстро вставилъ король,—я нисколько не сомнѣваюсь въ Казановскомъ.

— Который теперь не имѣетъ никакого значенія, — прервалъ Бутлеръ.

Казиміръ опустилъ голову на грудь. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе, а староста слѣдилъ за хорошо ему знакомыми чертами лица короля, который нисколько не маскировалъ предъ нимъ своихъ впечатлѣній.

Совѣтъ, который ему далъ Бутлеръ, должно быть, засѣлъ въ его головѣ, такъ какъ черезъ минуту онъ поднялъ глаза и прошепталъ:

— Говорю тебѣ, Бутлеръ,—я ея боюсь. Стоитъ только связаться съ ней тоненькой ниточкой, какъ она потянетъ меня и я стану слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Владиславъ былъ сильнѣе меня, однако, она все-таки швыряла имъ какъ хотѣла.

— Я настаиваю на своемъ, — прибавилъ староста:—или ваше величество будете имѣть ее на своей сторонѣ, тогда наша взяла, или противъ себя, и тогда я ни за что не ручаюсь. Но, чтобы Марія Людвика, осталась со сложенными руками...— Бутлеръ сильно покачалъ головой. Разговоръ кончился.

III.

На другое утро, послѣ обѣдни у Св. Яна, лишь только король шведскій вернулся домой, кислый и нахмуренный, такъ какъ ему донесли, что братъ его Карлъ имѣлъ письма изъ Стокгольма и надѣялся на помощь оттуда,—какъ онъ услыхалъ громкій споръ въ передней и ясный, легко распознаваемый женскій голосъ, пискливый, дерзкій, очень хорошо ему знакомый. Должно быть, онъ не произвелъ на него пріятнаго

впечатлѣнія, такъ какъ онъ сейчасъ-же хлопнулъ въ ладоши и, когда появился пажъ, быстро спросилъ его:

— Это Бертони?

Пажъ подтвердилъ, кивнувъ головой.

— Скажи-же ей,—съ нетерпѣніемъ вскричалъ король,— разъ навсегда, что я ее въ это время принять не могу. Пусть вечеромъ придетъ съ письмомъ. Этого еще не доставало, чтобы ее увидали у меня! Прогнать ее, прогнать.

— Точно это не такъ легко!—проворчалъ пажъ.—Такой гвалтъ подыметъ, что во всемъ замкѣ слышно будетъ.

Не желая слушать дальнѣйшихъ объясненій, король собственноручно вытолкалъ пажа за двери и захлопнулъ ихъ за нимъ, но самъ остановился на порогѣ, прислушиваясь, будетъ-ли исполнено его приказаніе.

По выходѣ пажа, сначала поднялись крики и брань, сопровождаемые смѣхомъ прислуги, затѣмъ постепенно все стало утихать, двери передней съ трескомъ захлопнулись и... король выглянулъ: въ передней уже не было надоѣдливой женщины, которую онъ велѣлъ выгнать.

Кто была эта Бертони?

Ее знали почти всѣ, которые знали дворъ въ прежніе годы. Теперь ей было уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 50, но когда королевичи подростали, панна Соломея, дочь музыканта королевской капеллы, была очень веселымъ и бойкимъ подросткомъ, а такъ какъ Янъ Казиміръ всегда съ самыхъ раннихъ лѣтъ чувствовалъ сильное влеченіе къ женщинамъ, то Соломея, хотя и вовсе не красивая, но свѣжая, смѣлая, бойкая и кокетка, вскружила ему голову и воспользовалась этимъ, чтобы совершенно завладѣть имъ. Объ этой интригѣ съ Салюсей зналъ весь дворъ; старались ее то разорвать, то скрыть, пока, наконецъ, всѣ перестали обращать вниманіе. Это была первая любовь королевича, который имѣлъ потомъ такихъ интрижекъ безъ счету, но Салюся не дала ни прогнать себя, ни совершенно забыть; она чувствовала, что имѣла нѣкоторыя права и не уступала ихъ. Потомъ она вышла замужъ за итальянца, кларнетиста въ королевской капеллѣ, и овдовѣла, воспитывая дочку. Правда, она не могла сопровождать Яна Казиміра ни въ путешествіяхъ, ни въ заключеніи, но никогда не спускала

его съ глазъ и каждый разъ, когда онъ возвращался, этотъ грѣхъ молодости снова вставалъ передъ нимъ, какъ живой, и никакая человѣческая сила не могла его отогнать.

Надо было знать итальянку, чтобы понять, съ какою силой она вездѣ втиралась и умѣла удержаться. Она не боялась никого и ничего, языкъ у нея былъ такой, что всѣ ея боялись; воспитанная при дворѣ, она знала и видѣла всѣ тайны, всѣ слабыя стороны, умѣла воспользоваться кѣмъ хотѣла. Дерзость ея не имѣла границъ тамъ, гдѣ она знала, что одно ея присутствіе будетъ мѣшать—она шла нарочно, чтобы заставить заплатить себѣ за свое удаленіе. Съ Яна Казиміра, какъ говорили, она сумѣла собрать порядочно, кое-что досталось ей послѣ мужа; затѣмъ она торговала дамскими нарядами и драгоцѣнностями, и, наконецъ, дошла до того, что имѣла прекрасный каменный домъ въ Рынкѣ Стараго города, и, кромѣ того, ее уважали, какъ богатую особу, въ чемъ, впрочемъ, она не сознавалась. Это не помѣшало ей въ каждый пріѣздъ Яна Казиміра выпрашивать у него новыя подачки для дочки. Въ этой подростающей дочкѣ, красивой дѣвочкѣ, которую она объявляла восьмымъ чудомъ свѣта, жила теперь вся мать. Ради этого ребенка она значительно остепенилась, такъ какъ прежде вела жизнь очень свободную и веселую. О своихъ 50 годахъ Бертони до сихъ поръ знать не хотѣла и становилась смѣшной своими костюмами, въ которые она наряжалась въ полной увѣренности, что помолодѣетъ отъ нихъ. Худое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи лицо ея сильно уже поморщилось, но морщины эти были расположены такъ, что она казалась еще молоденькой; только глаза у нея были еще прекрасны и горѣли. Все остальное — чрезвычайно широкій, съ выдающимися губами ротъ, отвислыя щеки, рѣдкіе и крашеные волосы, также выкрашеные брови, губы, щеки, дѣлали ее часто до гадливости противной и безобразной, въ особенности, когда она горячилась. Тогда она совершенно забывалась и не умѣла скрыть остатки желтыхъ зубовъ, а морщины безжалостно бороздили ея лицо. На ея худой шеѣ, кожа, жилы, кости — все тогда выступало, выдавалось, какъ на анатомическомъ препаратѣ. Но Соломея упрямо хотѣла казаться красивой и не старой. *Поэтому она роскошно* и пестро наряжалась, а главное осы-

пала себя драгоцѣнностями, любуясь ими, какъ каждая итальянка. Всѣ ея худыя, съ распухшими суставами, руки были съ самаго утра покрыты кольцами, шея—шнурками жемчуга и коралловъ. Пряжки на груди, дорогой пажъ, даже чулки и ботинки она надѣвала каждый день шитые золотомъ. Рядомъ съ этой роскошью отталкивающимъ образомъ дѣйствовало то обстоятельство, что она часто по нѣскольку дней не мыла рукъ, а лицо и шея бывали покрыты старыми и свѣжими красками. Когда она проходила по улицѣ, на нее показывали пальцами,—до того она была смѣшна; но въ зеркалѣ она такъ освоилась съ этимъ своимъ лицомъ, что находила его милымъ и улыбалась мужчинамъ (когда не было дочери) съ цинизмомъ, который вызывалъ румянецъ на ихъ лицахъ.

Дочь ея, по имени Біанка, имѣла итальянскій типъ, какъ и мать, но дѣйствительно была красива, хотя отчасти какъ будто напоминала ее. Облагороженныя, правильныя черты лица, а притомъ миловидность и свѣжесть молодости дѣлали дѣвушку восхитительной. Мать воспитывала ее съ чрезвычайнымъ стараніемъ, съ малыхъ лѣтъ учила музыкѣ, танцамъ, языкамъ, такъ какъ предвидѣла для нея блестящую будущность.

— Сенатору не сдѣлаетъ стыда,—говорила она,—ни лицомъ, ни головой. Другой такой не покажетъ мнѣ ни Варшава, ни Краковъ. Если Гижанка можетъ выходить замужъ за шляхтича, то что-же говорить о моей? А безъ приданаго тоже не останется, потому что и домъ кое-что стоитъ и подъ подушку найду что засунуть.

Между тѣмъ, зная по собственному опыту, какъ легко въ молодости вскружить голову, она берегла ребенка, какъ зѣницу ока. Рѣдко даже позволяла выходить въ городъ и то не иначе, какъ съ ней самой. Уходя изъ дому, Бертони оставляла на стражѣ цербера — старую итальянку. Та, изъ опасенія потерять мѣсто, ни на шагъ не отходила отъ прекрасной Біанки, слава о красотѣ которой широко уже разошлась.

По возвращеніи эксъ-кардинала изъ Рима, королевичъ былъ еще въ Тарчинѣ, когда Бертони пріѣхала туда навѣстить его. Очень-ли была ему пріятна эта гостья — сказать трудно, но онъ долженъ былъ принять ее, и Соломея оставалась тамъ цѣлый день, высыпая огромный запасъ сплетенъ, которыя

привезла съ собой. Она ожидала навѣрное большаго отъ признательнаго королевича, чѣмъ онъ могъ и хотѣлъ для нея сдѣлать, такъ какъ она вовсе не осталась имъ довольна. Напрасно, говорятъ, оправдывался Янъ Казиміръ, что у него ничего нѣтъ, что долженъ былъ даже отнять у князя Карла, Денгожа, Бутлера, розданныя имъ королемъ имѣнія: Соломея слышать ничего не хотѣла и упрекала его. Какія права предъявляла она на его благодарность — она не объясняла, но, по ея убѣжденію, Янъ Казиміръ долженъ былъ всю свою жизнь служить ей и ея дочкѣ. Отношенія ихъ, хотя и прерванныя до смерти Владислава IV, были довольно натянуты. Янъ Казиміръ часто приказывалъ запирать передъ ней двери и не допускать ее, хотя она поднимала невыносимый шумъ въ корридорахъ.

Когда сначала умеръ королевичъ Сигизмундъ, а затѣмъ и Владиславъ, Бертони съ неслыханнымъ нахальствомъ начала приставать къ королю шведскому, который всѣми силами старался отъ нея избавиться. Наконецъ, однако, онъ долженъ былъ уступить: онъ приказалъ ее впустить, такъ какъ разсчиталъ, что и такая Бертони могла повредить или помочь ему, когда дѣло дойдетъ до выборовъ.

Въ этотъ же день вечеромъ, несмотря на отвращеніе и боязнь, онъ приказалъ впустить несносную бабу, и пока она будетъ—никого не принимать, кромѣ Бутлера, которому всегда можно было входить.

Въ назначенный часъ не замедлила явиться Бертони. Она влетѣла, какъ бомба, разодѣтая и разряженная ужаснымъ образомъ, вся блестящая отъ драгоцѣнностей, безпокойная и задыхающаяся. Пажъ указалъ ей на дверь.

Янъ Казиміръ уже съ безпокойствомъ прохаживался, ожидая ее. Зналъ онъ хорошо, что его ожидаетъ, такъ какъ Бертони вовсе не уважала въ немъ ни крови, ни сана. Она знала его съ дѣтства.

— Ага!—начала она на порогѣ чрезвычайно быстро по итальянски, такъ какъ знала отвращеніе короля къ польскому языку:—ага! наконецъ-то Салюся добилась чести привѣтствовать ваше королевское величество! Долго ждала она этого.

Король хотѣлъ начать оправдываться: она закрыла ему ротъ.

— Оставь, оставь! Развѣ мы не знаемъ другъ друга!

Она сдѣлала передъ нимъ низкій реверансъ.

— Уже король шведскій? Неправда-ли?—начала она, смѣсь.—Ну, этой короны я для вашей милости не опасаюсь, но слышу, что вы добираетесь и до польской? Монахомъ вы е могли быть, кардиналомъ не захотѣли, а тутъ вдругъ поянулись за короной? Вы думаете, ее легче будетъ таскать, ѣмъ пурпурную мантію? Государь мой, у меня морозъ проѣжалъ по кожѣ, когда я узнала объ этомъ. И зачѣмъ это амъ? Знаете-ли вы, что творится? Вы покупаете домъ, корый стоитъ въ пламени, не имѣя ни капли воды, чтобы огасить пожаръ. Бойтесь Бога!—Она заломала руки.

— Не я...—нерѣшительно началъ король.

— Я знаю, что вы скажете,—прервала Бергони,—что васъ а колѣняхъ будутъ просить объ этомъ! Навѣрное!? Рады бы бросить вамъ на плечи это бремя, блестящее, позолоченное, о не для васъ это, не для васъ. Пустите князя Карла, разѣлите окончательно наслѣдство, постройте себѣ царскій двоецъ, въ которомъ нашлось бы помѣщеніе и для Бертони, съ я ангельчикомъ, проводить весело и свободно остатокъ жизни. о вамъ! вамъ—быть королемъ!.. Годъ, два съ грѣхомъ пополамъ вы еще выдержите, но потомъ!.. такъ же сложите корону, какъ пурпурную мантію и кардинальскую шапочку.

Янъ Казиміръ бросился даже въ другой уголъ комнаты, акъ бы желая убѣжать отъ нея; она погналась за нимъ.

— Не сердитесь,—вскричала она,—я говорю вамъ это отъ обраго сердца, вамъ корона ни на что не пригодится, вы изучитесь.—Она ударила себя въ сухую грудь, смѣло смотря гненными глазами на все болѣе и болѣе смущеннаго короля.

Янъ Казиміръ собирался что-то отвѣтить, когда итальянка е выдержала и распустила языкъ.

— Хотите, я вамъ предскажу будущее? Это очень легко: асъ изберутъ, потому что знаютъ, что будутъ дѣлать съ вами го захотятъ,—они и королева.

— Какая королева?—прервалъ Янъ Казиміръ.

— Сегодня вдова, а завтра, быть можетъ,—кто знаетъ?—на разсмѣялась.—Безъ ея денегъ и безъ ея ума́ вы не обойетесь—прибавила она.

— Она ни о чемъ знать ничего не хочетъ, — замѣтилъ король.

— Она ждетъ, чтобы вы ее упрашивали, разумѣется, — сказала Бертони. — Эхъ, жаль мнѣ васъ, государь мой, жаль мнѣ васъ! Пустите князя Карла, если ему это пріятно улыбнется. Вы не на то созданы, а могли бы себѣ такъ спокойно, такъ отлично вести жизнь! Но что тутъ понапрасну говорить: вѣдь не поможетъ. Вамъ суждено всего попробовать, чтобы все вамъ опротивѣло.

Нѣсколько успокоившись, король задумчиво выслушалъ этотъ потокъ словъ, отеръ лобъ и сѣлъ. Бертони встала передъ нимъ.

— Итакъ, это уже неизбѣжно!—и она вздохнула.

Янъ Казиміръ помолчалъ съ минуту.

— Сегодня съ тобой говорить нельзя,—пробормоталъ онъ.

Лицо итальянки искривилось какъ бы отъ жалости.

— Какъ же мнѣ было сказать иначе,—прервала она смягчая голосъ.—Боже мой, вѣдь лично за себя я должна-бы радоваться, если васъ изберутъ королемъ. Вѣдь и на мою долю кое-что перепало-бы тогда.

Янъ Казиміръ, желая перемѣнить непріятный разговоръ, съ принужденной улыбкой прошепталъ:

— Что-бы тебѣ хоть Біанку-то съ собой привести!

Бертони затряслась отъ гнѣва.

— Еще чего? — воскликнула она.—Развѣ я не знаю, что у тебя, стараго волокиты, все еще самыя молоденькія дѣвушки на умѣ. Вѣдь это моя дочь, ты долженъ бы ее уважать.

— Говорятъ, она очень хороша!—проговорилъ король.

— Какъ ангелъ! — прервала мать съ жаромъ. — Но это сенаторскій кусокъ и я не выдамъ ея иначе, какъ за сенатора.

Янъ Казиміръ смѣялся, развеселенный тѣмъ, что сердило Бертони.

— Гижанка идетъ-же вѣдь за шляхтича и чиновника, какого-то тамъ старосту; отчего-жъ бы моя не могла хватить еще выше? Я воспитала ее такъ, что тутъ ни одна ваша важная барыня съ ней не сравняется.

Король задумался и, казалось уже не слышалъ ея; дру-

гія мысли тѣснились въ его головѣ. Черезъ минуту онъ разсѣянно прошепталъ:

— Попроси королеву, чтобы она приняла ее къ своему двору. Она держитъ своихъ фрейлинъ въ большой строгости, а научится она тамъ можетъ многому.

— Да, научиться тому, чего не надо,—прервала Бертони, качая головой. —Нѣтъ, нѣтъ, я ее ни на шагъ не отпущу отъ себя. Итальянка съ безцеремонностью старой знакомой начала прохаживаться по комнатѣ.

— Что это за карлики?—спросила она,—я ихъ не знаю... Обезьяны тоже, кажется, не тѣ.

— Все у меня поумирало,—вздохнулъ король.—Представь себѣ, Зносекъ, котораго я такъ любилъ, который такъ ловко кувыркался и пѣлъ, помнишь?.... умеръ бѣдняжка... Микрошъ тоже. У меня теперь два. Одного подарилъ мнѣ Любомірскій, онъ называется Бабой—щеки у него такія надутыя, но болѣзненный, плакса и грустный,—а Люйпа я получилъ изъ Германіи, такой злючка, что постоянно дерется съ обезьянами или съ Бабой. Толку въ нихъ мало. Послѣ смерти короля остались два карлика, да королева навѣрное присвоитъ ихъ себѣ,—грустно закончилъ король это признаніе. Бертони повела плечами.

— Дворъ мой вообще,—сказалъ онъ черезъ минуту,—малъ и не полонъ. Возвратившись, я долженъ былъ брать первыхъ попавшихся, да къ тому же и денегъ нѣтъ. Съ Карломъ—мученье изъ-за Живца, а теперь еще на выборы столько надо...

Онъ развелъ руками. Бертони ежилась и снова начала бѣгать по комнатѣ хватая все, что попадало ей подъ руку—книжки, картинки, четки, даже бумаги, о позволеніи читать которыя она даже и не спрашивала. Съ навязчивымъ женскимъ любопытствомъ она шарила по угламъ, заглядывала вездѣ и хотя король обнаруживалъ нѣкоторые признаки нетерпѣнія, ее это нисколько не стѣсняло.

— Мнѣ здѣсь тѣсно,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ бы переѣхать во дворецъ на Краковскомъ предмѣстьи; Карлъ меня не пускаетъ; въ Уяздовѣ—слишкомъ далеко.

— И зачѣмъ все это? Вѣдь во время выборовъ вамъ не дадутъ здѣсь сидѣть,—прервала Бертони:—а послѣ нихъ вы поселитесь въ замкѣ.

— Королева займетъ половину!—проворчалъ Янъ Казиміръ.

— Вы съ ней сойдетесь,—засмѣялась итальянка, приближаясь къ сидящему.—Мнѣ кажется, что когда вамъ возложатъ на голову корону, сенаторы сосватаютъ вамъ королеву.

Янъ Казиміръ вскочилъ со своего мѣста.

— Да я ея не хочу!—вскричалъ онъ.—Мало развѣ напѣли нашему отцу, что онъ бралъ сестру за сестрой, а что же было бы, если бы я пожелалъ жениться на женѣ своего родного брата? Вотъ отхлестали бы меня Содомомъ и Гоморрой!

— А попы на что?—проговорила Бертони.

—Я не хочу ея!—рѣшительно повторилъ король.

Въ эту минуту часы, стоящіе на столѣ, начали играть: они были такъ искуостно устроены, что когда должны были бить, на башенкѣ появлялись трубачи и раздавался очень благозвучный маршъ.

—У тебя есть ко мнѣ какое нибудь дѣло?—спросилъ король.

—Было бы даже очень много,—отвѣтила итальянка,—потому что вѣдь не годится, чтобы ты совсѣмъ забывалъ обо мнѣ и моемъ ребенкѣ, но я жалѣю короля безъ королевства. Потомъ разсчитаемся. Вижу, что мнѣ не удастся отсовѣтовать добиваться этой второй короны; но что потомъ ты самъ ее сложишь—даю тебѣ голову!

Ничего не отвѣчалъ король. Бертони низко поклонилась и собиралась уже уходить, когда что-то пришло ей въ голову.

— Мой король, — воскликнула она, — не приказывайте же передо мною, какъ передъ какой нибудь нищей, занирать двери. И я могу вамъ пригодиться, потому что я многое знаю. Ты вотъ собираешься быть королемъ и тебѣ этого хочется: я и должна послужить, а не кто другой!

Такимъ образомъ, король наконецъ избавился отъ нея.

Въ грустномъ настроеніи, пройдясь нѣсколько разъ по пустымъ комнатамъ, Янъ Казиміръ бросилъ взоръ на теплящуюся передъ чудотворной иконой лампаду и медленными шагами приблизился къ ней, чтобы пасть на колѣни. Однако, возня между карликами и обезьянами еще продолжалась въ передней, такъ что онъ долженъ былъ сначала, призвавъ пажа, приказать, чтобы сейчасъ все стихло. Онъ собирался уже встать на колѣни, когда быстрые *шаги* и безъ доклада открывающіяся двери заставили его встать.

Бутлеръ, котораго онъ ожидалъ, и молодой Тизенгаузъ вбѣжали вмѣстѣ съ искаженными лицами.

Поблѣднѣлъ Янъ Казиміръ, увидавъ ихъ.

—Государь, — кричалъ съ порога староста, — вѣсти одна другой ужаснѣе приходятъ изъ Львова, Замостья...отовсюду... Въ городѣ смятеніе... Войска наши разсѣяны, шляхта въ постыдномъ бѣгствѣ. Хмѣль грозитъ идти на Краковъ... держитъ въ заключеніи вашихъ пословъ, а трехъ приказалъ обезглавить... О мирѣ и переговорахъ и слышать не хочетъ.

Король сначала закрылъ себѣ глаза, потомъ всплеснулъ руками.

—На колѣни прежде всего!—воскликнулъ онъ, —на колѣни!.. Прочтемъ литанію Божіей Матери. Будемъ просить ея покровительства. И онъ первый упалъ передъ иконой и почти со стономъ началъ по латыни литанію, на которую отвѣчали Бутлеръ и Тизенгаузъ; потомъ цѣловалъ землю и всталъ съ глазами, полными слезъ.

— Говорите, сказалъ онъ, падая въ кресло.

— Пораженіе—это было бы еще ничего,—началъ староста,— но позоръ... Шляхта, безъ боя прогнанная съ поля однимъ только ужасомъ передъ хлопами, разбѣжалась; а такъ какъ они шли въ этотъ походъ съ большимъ обозомъ и набрали возовъ, утвари, серебра, драгоцѣнностей безъ мѣры, то все это стало добычей казаковъ и черни... Плѣнниковъ отдаютъ татарамъ—человѣка за лошадь. Чернь разбушевалась и не знаетъ мѣры. Хмѣль сталъ подъ Замостьемъ.... Львовъ какимъ-то чудомъ выкупился отъ него... Что будетъ дальше?.. Грозятъ занять всю Рѣчь Посполитую...

Король вскочилъ.

— Такъ гдѣ же наши силы? Гдѣ мужи, сенатъ, войско!?... Вѣдь одинъ такой погромъ не можетъ сразу уничтожить могучее государство? Есть спасеніе... Быть можетъ, у насъ есть гдѣ нибудь союзники и сторонники.

Бутлеръ прервалъ:

— Кто, государь? На царя теперь навѣрное нечего разсчитывать, Франція за горами, хотя бы и хотѣла, Пруссія скорѣе воспользуется нашимъ бѣдствіемъ, а шведы...

Король схватился за голову.

— О! горькая судьба этой страны,—воскликнулъ онъ.—Мы

доведены до такой крайности, что только и можемъ еще немного разсчитывать на подлыхъ татаръ, если сумѣемъ перетянуть ихъ отъ казаковъ.

— Такой постыдный союзникъ хуже врага,—грустно сказалъ Бутлеръ.

Когда они говорили это и Тизенгаузъ началъ повторять только что услышанныя вѣсти о пораженіяхъ, постучали въ дверь. Тизенгаузъ побѣжалъ и доложилъ о кзендѣ де Флери капелланѣ королевы. Онъ вошелъ блѣдный и испуганный.

— Правда это?—началъ онъ, обращаясь къ королю.—Королевѣ донесли, что даже Кракову и Варшавѣ грозитъ опасность. Госпожа моя испугалась и присылаетъ меня къ вашему королевскому величеству.

Бутлеръ выступилъ, прежде чѣмъ король собрался отвѣчать.

— Успокойте королеву, сказалъ онъ,—Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, ничто не угрожаетъ. Сенаторы и шляхта соберутся на выборы. Непріятель не дерзнетъ идти на столицу, зная, что здѣсь значительная сила. Пораженіе должно быть ужасное, потому что со всѣхъ сторонъ оно подтверждается, но въ такихъ случаяхъ кто-же не знаетъ, что страхъ все увеличиваетъ,—у страха глаза велики. Не пошелъ же Хмѣль на Львовъ; какъ-же онъ могъ-бы грозить Кракову или Варшавѣ?

Король тоже подошелъ къ де-Флери.

— Успокойте королеву,—сказалъ онъ.

— Если бы дѣйствительно грозила хотя бы малѣйшая опасность. королева хотѣла бы со всѣмъ своимъ дворомъ и монахинями отправиться по водѣ въ Гданскъ, гдѣ она можетъ быть совершенно спокойна,—сказалъ духовникъ.

— Сохрани Богъ, чтобы мы дошли уже до такой крайности,—прервалъ Казиміръ.

Немного подождавъ, духовникъ удалился къ Маріи Людвикѣ, но во всемъ замкѣ въ эту ночь не было почти ни минуты покоя. Въ заѣзжемъ домѣ князя Карла надъ Вислой, несмотря на слякоть и скверную погоду, постоянно мѣняясь, наплывали новыя толпы и каждый приносилъ съ собой все болѣе и болѣе страшныя вѣсти. То, что разсказывали о жестокостяхъ и дерзости казаковъ и соединенной съ ними черни, превосходило всякое понятіе. На *шляхту, бѣжавшую изъ* подъ Пилавецъ, метали громы и молніи.

— Прежде такимъ посылали прялку и заячью шкурку,— кричали нѣкоторые,—и трусы сами вѣшались потомъ со стыда, потому что женщины знать ихъ не хотѣли и не принимали ихъ въ домъ, а теперь имъ не хватило бы зайцевъ и прялокъ...

— Хорошо намъ тутъ судить и рядить издали,—говорили другіе—но разъ поднимется переполохъ—надо быть тамъ на мѣстѣ и видѣть, что человѣкъ, какъ бы онъ того ни желалъ, не устоитъ противъ теченія.

— Послѣдній часъ нашъ насталъ,—охали въ испугѣ.—Намъ ничего не остается, какъ только откупиться отъ казаковъ заключить миръ и работать надъ тѣмъ, чтобы набрать новое и лучшее войско.

— Первое дѣло, чтобы гетманы и паны не ссорились другъ съ другомъ,—совѣтовали третьи.—Все пошло изъ-за того, что не слушали Іеремію: онъ вѣдь у нихъ соль въ глазу и его одного боятся казаки.

Въ этомъ шумѣ и гамѣ ничего нельзя было разобрать, ни до чего нельзя было добраться; всѣ только проклинали и упрекали и чѣмъ больше пили, тѣмъ больше отчаяніе овладѣвало всѣми...

Не лучше было и въ городѣ, куда приносили вѣсти изъ замка, увеличивая ихъ по дорогѣ. Прибывали также и сенаторы изъ разныхъ сторонъ, опережая срокъ выборовъ, въ большомъ безпокойствѣ, но и они не приносили съ собой ничего утѣшительнаго. Толпились вокругъ Оссолинскаго; привѣтствовали королеву, нѣкоторые посѣщали Казиміра, очень немногіе приходили къ князю Карлу, которому теперь трудно было завязывать сношенія, давно уже прерванныя.

Всѣ въ одинъ голосъ, согласно требовали, чтобы поспѣшили съ выборами, которые являлись необходимымъ условіямъ для заключенія какихъ нибудь договоровъ съ казаками.

Въ особенности число сенаторовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ и росло, а духовные, тѣмъ временемъ собирались у прибывшихъ епископовъ, въ монастыряхъ іезуитовъ, бернардиновъ и реформатовъ, на ежедневныя совѣщанія. Духовенство заранѣе предвидѣло, что диссиденты съ одной стороны, а Русины уніаты—съ другой, не замедлятъ воспользоваться пораженіемъ и ослабленіемъ государства. Раздавались уже голоса, что Хмѣль домогается уничтоженія Братской Уніи и хочетъ посадить въ

Сенатѣ своего митрополита. Между сенаторами, какъ Адамъ Кисель и другіе греки, не присоединившими къ уніи, раздавались голоса: «Отчего-же намъ не добиться тѣхъ правъ, какія получили диссиденты и католики, если мы будемъ вѣрно служить государству?»

Хотя съ виду не принимающая никакого участія въ дѣлахъ государства королева никогда ни съ кѣмъ не заводила о нихъ рѣчи, ввѣряя только себя и свое сиротство опекѣ Рѣчи Посполитой—всѣ чувствовали что она могла произвести большое вліяніе на самые выборы. За ея указаніемъ несомнѣнно долженъ-бы былъ идти французскій дворъ и апостольская столица. Не было тайной, что по смерти короля — гонцы, послы и письма безпрестанно шли во Францію и даже изъ среды тѣхъ людей, которые были самыми нужными королевѣ, многіе по ея приказанію отправились во Францію.

Несмотря на это, Марія Людвика казалась на видъ совершенно спокойной не выдала себя ни однимъ словомъ. Такъ какъ князь Карлъ бывалъ здѣсь рѣдкимъ гостемъ, то и чаще стучащему въ двери шведскому королю не всегда ихъ открывали. Королева остерегалась выказать къ нему особенное расположеніе. Янъ Казиміръ зналъ черезъ своихъ обо всемъ, что дѣлалось у королевы и что было доступно взорамъ двора; безпокоился, дѣлалъ заключенія... тревожился. Въ особенности безпокоило его то, что всѣ сенаторы оказывали Маріи Людвикѣ такое большое уваженіе и тѣснились къ ней. Самые серьезные изъ нихъ просиживали тамъ по цѣлымъ часамъ на бесѣдѣ, а иногда, какъ-бы случайно, сходились вмѣстѣ по-двое и по-трое.

— Очевидно, здѣсь происходятъ consilia,—говорилъ король Бутлеру;—но ничто изъ нихъ не выходитъ наружу, и я, когда мнѣ удается попасть къ королевѣ, тоже ничего не могу узнать отъ нея. Она отдѣлывается отъ меня тѣмъ, что ни во что не хочетъ вмѣшиваться.

— Государь,—говорилъ староста:—clara posta—самое лучшее: нужно, чтобы ваше величество откровенно съ ней разговорились.

— Я сто разъ начиналъ, но она всегда отдѣлывается тѣмъ, что ни о чемъ не думаетъ, кромѣ обезпеченія своей собственной участи. Если Карлъ какими-нибудь обѣщаніями сумѣетъ

перетянуть ее на свою сторону, и она пожелаетъ тайно помогать ему, то его деньги, ея вліяніе обезпечатъ ему корону, а мнѣ останется только стыдъ и напрасныя хлопоты.

На другой день послѣ этого совѣщанія, Бутлеръ, въ тотъ часъ, когда для всѣхъ были открыты покой князя Карла отправился въ его дворецъ.

Его нельзя было считать отдѣльнымъ строеніемъ, такъ какъ онъ тѣсно примыкалъ къ замку и къ стѣнѣ, идущей къ Вислѣ. Самъ епископъ вроцлавскій выстроилъ ее на свой счетъ, а такъ какъ онъ вообще былъ бережливъ, то не видно было ни малѣйшей роскоши, ни галлерей, ни статуй, ни картинъ, которыми отличались тогдашніе дворцы Казановскихъ и Оссолинскихъ. Только чистота и порядокъ придавали зданію барскій видъ.

Бутлеръ, хотя и зналъ князя Карла, но никогда у него не бывалъ. На этотъ разъ посѣщеніе пришлось въ такое время, когда, заставъ много гостей, староста не могъ даже приблизиться къ епископу. Однако по взгляду, которымъ онъ его окинулъ, Бутлеръ догадался, что появленіе его было понятно.

Разговоръ шелъ, конечно, о страшныхъ вѣстяхъ, тревожившихъ всю страну. Нѣсколько разъ среди этого разговора князь Карлъ упоминалъ о солдатахъ, которыхъ онъ уже выставилъ для защиты отечества, и о томъ, что онъ собирался выставить еще больше. Съ большой ловкостью ведя разговоръ, епископъ наконецъ приблизился къ Бутлеру и шепнулъ ему, что онъ, вѣрно, пришелъ не безъ какого-нибудь порученія.

— Порученія у меня никакого нѣтъ,—сказалъ староста,— но ваша свѣтлость знаете, что я слуга короля шведскаго и всѣмъ сердцемъ преданъ ему; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что я пришелъ сюда, чтобы убѣдится: дѣйствительно-ли ваша свѣтлость упорствуете въ своемъ намѣреніи добиваться короны?...

— Это дѣло всѣмъ извѣстное,—холодно и коротко отвѣчалъ князь Карлъ.—Я знаю, что трудно мнѣ будетъ побѣдить соперника въ лицѣ короля шведскаго, но на моей сторонѣ часть сенаторовъ.—Онъ замолчалъ.

— Грустное это будетъ соперничество,—прибавилъ Бутлеръ.

— Казиміръ долженъ это сказать себѣ,—прервалъ хозяинъ.— Я долго колебался; люди увлекали меня тѣмъ, что изъ-за его

непостоянства они не могутъ разсчитывать на Казиміра. Я позволилъ себя склонить... и не отступлю...

— Король шведскій тоже, разъ ужъ позволилъ записать себя въ число кандидатовъ, не испугается никого.

Неразговорчивый епископъ, казалось, даже не желалъ продолжать разговора. Онъ стоялъ, какъ бы ожидая, не скажетъ ли ему Бутлеръ чего-нибудь еще.

— Если король хотѣлъ черезъ васъ,— прибавилъ послѣ тщетнаго ожиданія епископъ,—узнать о томъ, не колеблюсь-ли я, то можете его увѣрить, что во всемъ, что я дѣлаю, я всегда долго думаю, прежде чѣмъ рѣшу что-нибудь, а избравъ путь, твердо держусь его.

— Ваша свѣтлость позволите мнѣ однако сказать, что въ этомъ случаѣ примѣшиваются нѣкоторыя особенныя обстоятельства,—осмѣлился сказать Бутлеръ послѣ нѣкотораго раздумья.—У насъ никогда еще не бывало примѣра, чтобы родные братья соперничали изъ-за короны. Во время мира и удачи это было бы еще ничего, хотя споръ въ семьѣ всегда достоинъ сожалѣнія; но сегодня, когда грозитъ такое насчастіе, когда непріятель разрываетъ внутренности, когда прежде всего необходимо согласіе и единодушіе...

Епископъ слегка повелъ плечами.

— Осмѣлюсь прибавить еще,—правда то не грѣхъ сказать,— прибавилъ Бутлеръ,—что ваша свѣтлость никогда, не разу даже и не отвѣдали рыцарскаго ремесла, а намъ надо гетмана и вождя.

Епископъ, котораго всѣ знали за человѣка вспыльчиваго, съ гнѣвомъ воскликнулъ:

— Господинъ староста! Вѣрьте мнѣ, что и я тоже сумѣю сѣсть на коня, а шведскій король пока не показалъ себя великимъ богатыремъ.—Сказавъ это, князь Карлъ, только кивнулъ Бутлеру головой и быстро отошелъ отъ него.

Старостѣ уже нечего было здѣсь дѣлать и онъ медленно повернулъ къ дверямъ, оставляя епископа съ горстью его сторонниковъ, которая по большей части складывалась ихъ людей мало извѣстныхъ и не имѣющихъ никакого вліянія въ странѣ.

— *Государь,*—сказалъ онъ еще на порогѣ, входя въ покои *Казиміра,—нечего разсчитывать* на то, чтобы епископъ разду-

малъ и уступилъ... Я разговаривалъ съ нимъ: онъ упрямо стоитъ на своемъ.

— А коли такъ: война!—проговорилъ король.—Больно мнѣ это, но такъ было съ дѣтства: насколько я любилъ Александра—дай ему Богъ вѣчный покой, — настолько Карлъ всегда былъ мнѣ врагомъ.

IV.

Одинъ изъ мужей сильнаго вліянія и значенія, которыми можетъ гордиться царствованіе Сигизмунда III и двухъ его преемниковъ, былъ Станиславъ Альбрехтъ Радзивиллъ, который уже при Владиславѣ IV и саномъ своимъ, и положеніемъ занималъ первое мѣсто среди народа и сената. Всматриваясь въ составъ тогдашняго общества, легко замѣтить въ верхнихъ слояхъ его двѣ совершенно различныя стихіи, изъ которыхъ оно складывалось. Уже съ Казиміра Ягеллона, а можетъ быть еще и раньше, шляхетско-панскій свѣтъ польскій дѣлился на эти два лагеря, если ихъ можно такъ назвать.

Одинъ изъ нихъ обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ родной странѣ—и носилъ на себѣ отпечатокъ традицій прошлаго; другой, послѣ начальной подготовки дома, доканчивалъ образованіе и воспитаніе свое за границей. Дополненіемъ его служили путешествія, пребываніе при дворахъ иностранныхъ государей, знакомство съ языками и нравами Европы. Всѣ знатнѣйшіе роды отправляли своихъ дѣтей въ Италію, Францію, Германію, къ царскому двору—и изъ этихъ питомцевъ Запада складывался по большей части сенатъ и люди, стоящіе у трона.

Многіе изъ этихъ космополитно-образованныхъ пановъ носили чужеземный костюмъ и отпечатокъ иностраннаго вліянія, не слишкомъ привязываясь къ обычаямъ старины, но, вообще, путешествія и опытность не лишали потомковъ великихъ родовъ ихъ значенія въ Польшѣ. Съ возвращеніемъ на родину, домашній очагъ, польскія матроны его стерегущія, атмосфера, пропитанная традиціями—все, что окружало юношу, въ особен-

ности шляхта, среди которой онъ долженъ былъ вращаться, воскрешали въ немъ воспоминанія дѣтства, и космополитъ, сохраняя пріобрѣтенное за границей, становился сыномъ своей земли. Изъ такихъ-то людей, которые одинаково могли бесѣдовать и понимать другъ друга и съ заграничными послами, и сѣрой шляхтой, состоялъ при Сигизмундѣ III и его сыновьяхъ и сенатъ, за малыми исключеніями.

Альбрехтъ Станиславъ Радзивиллъ—можно сказать—былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ представителей европейской и польской цивилизаціи. Не такъ блистательно и ярко выступающій на видъ, какъ Оссолинскій, онъ не уступалъ ему, однако, ни въ значеніи, ни въ важности, и даже во многихъ случаяхъ этотъ довѣренный министръ Владислава, который, казалось, оказывалъ сильное вліяніе на его политику, долженъ былъ уступить и покориться Альбрехту Радзивиллу. Въ минуту критическаго перелома, когда дѣло шло о возможной войнѣ съ Турціей, быть можетъ, одному Альбрехту Радзивиллу было обязано государство, что онъ не допустилъ взрыва. Онъ удержалъ сначала Оссолинскаго, а потомъ и самого короля. Владиславъ IV могъ питать къ нему вражду, но никогда не высказывалъ этого, а самое значеніе литовскаго канцлера, въ минуту смерти короля, указывало ему путь, какимъ онъ долженъ былъ идти во время междуцарствія. Обширныя владѣнія его, какія онъ имѣлъ на Волыни и на Руси, въ началѣ междоусобной войны съ казаками причинили ему огромныя потери. Несмотря на это, канцлеръ со стоическимъ спокойствіемъ смотрѣлъ на нихъ, готовый, какъ онъ самъ сказалъ, все до послѣдней рубашки отдать на защиту отечества. Ни одинъ, быть можетъ, изъ тогдашнихъ сенаторовъ не обрисовывалъ такъ откровенно положенія государства, не предначертывалъ обязанностей, какія оно налагало, не сознавалъ такъ ясно причинъ, вызвавшихъ хлопское возстаніе.

Послѣ постыдной пилавской катастрофы Радзивиллъ откровенно говорилъ: «Богъ запродалъ ихъ, Господь опозорилъ ихъ, гордость, чванство, притѣсненія и угнетенія несчастныхъ—вотъ кто воевалъ съ ними и рубилъ ихъ».

Никто не принималъ болѣе дѣятельнаго участія въ собираніи новыхъ силъ къ оборонѣ, въ ободреніи павшихъ духомъ;

никто не былъ готовъ къ большимъ жертвамъ для родины. Примѣръ его благотворно дѣйствовалъ на другихъ.

Во время путешествія въ Варшаву на выборный сеймъ, получивъ извѣстіе о пилавскомъ погромѣ, канцлеръ прибылъ въ Варшаву съ одной горячею мыслью—ускорить выборы, понимая очень хорошо, что казаки охотнѣе будутъ вести переговоры съ королемъ, чѣмъ съ самой, столь ненавистной имъ, Рѣчью Посполитою.

Память Сигизмунда III, которому онъ былъ обязанъ всѣмъ, такъ какъ онъ былъ первымъ опекуномъ юноши и лучше всѣхъ умѣлъ его оцѣнить, не дозволяла Радзивиллу подумать даже о другомъ королѣ, какъ не объ одномъ изъ двухъ сыновей его. Ему предстоялъ выборъ между Казиміромъ и Карломъ. Невозможно сомнѣваться, что, кромѣ любви къ королевскому роду, Радзивиллъ зналъ очень хорошо характеръ, наклонности и недостатки короля шведскаго, равно какъ и князя Карла. Во многихъ отношеніяхъ послѣдній, быть можетъ, имѣлъ бы первенство въ его глазахъ; но въ эту минуту Польшѣ нуженъ былъ, если не вождь и гетманъ, то по крайней мѣрѣ человѣкъ, который могъ бы сѣсть на коня. Такимъ не былъ князь Карлъ; всѣ знали его только, какъ набожнаго епископа. Самъ чрезвычайно набожный и усердный въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, онъ долженъ былъ высоко цѣнить епископа, но и Казиміръ былъ не менѣе религіозенъ и во многихъ отношеніяхъ казался болѣе способнымъ быть королемъ.

Итакъ, Радзивиллъ ѣхалъ въ Варшаву съ выработавшимся уже убѣжденіемъ, что его слѣдуетъ поддерживать, а епископа упросить, чтобы онъ отказался отъ кандидатуры, не раздваивалъ голосовъ и не тормазилъ тѣмъ самымъ выборовъ. Оставалось только повидаться и посовѣтоваться съ королевой, которую князь Альбрехтъ привыкъ цѣнить, и о значеніи и вліяніи которой зналъ лучше другихъ. Съ первой встрѣчи на польской землѣ подъ Гданскомъ Маріи Людвики, Радзивиллъ, который принималъ ее здѣсь и сопровождалъ до Варшавы, имѣлъ случай сблизиться съ нею, снискать ея довѣріе и завязать болѣе близкія отношенія. И онъ, и вторая жена, урожденная Любомірская, стояли ближе всѣхъ къ Маріи Людвикѣ. Немедленно по своемъ прибытіи въ Варшаву, даже прежде, чѣмъ

поспѣшить къ Яну Казиміру, канцлеръ поѣхалъ къ королевѣ, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его. Ему одному, быть можетъ, она могла открыться.

Когда ей доложили о приходѣ канцлера, королева сейчасъ же поспѣшила ему навстрѣчу, не зовя съ собою никого, ни ксендза де-Флери, ни одной изъ своихъ фрейлинъ. Слезы полились изъ ея глазъ при молчаливой встрѣчѣ. Радзивиллъ тоже былъ взволнованъ. Положеніе вдовы и вмѣстѣ съ тѣмъ страшныя неурядицы, царившія въ государствѣ, одинаково разстраивали его.

— Государыня,—началъ онъ, цѣлуя поданную руку:—всѣ мы наказаны волей Божіей, но мы не должны сомнѣваться въ его милосердіи. Испытуя насъ, онъ посылаетъ намъ тяжелый крестъ.

Не могла выдержать Марія Людвика и дала волю своимъ жалобамъ.

— Сиротою осталась я, — сказала она: — одинокая, безъ опеки. Оставаться-ли мнѣ здѣсь или возвращаться туда, гдѣ обо мнѣ забыли, порвать все, что соединяло и соединяетъ меня съ Польшей... Сама не знаю... Я ждала васъ; совѣтуйте же мнѣ.

— Прежде всего,—началъ Радзивиллъ:—надо ждать; но я не вижу, почему бы вашему величеству покидать ту страну, которая приняла васъ своею государынею. Несмотря на самое ужасное положеніе, въ какомъ находится Рѣчь Посполитая, она должна исполнить свой долгъ.

Королева избѣгала въ этомъ разговорѣ упоминанія о кандидатахъ на корону, а тѣмъ болѣе о своемъ взглядѣ на это. Но Радзивиллъ не имѣлъ причинъ скрывать своихъ убѣжденій.

— Первое дѣло теперь,—сказалъ онъ, — собрать силы къ рѣшительной защитѣ и отмщенію за полученное пораженіе; но не менѣе важно—выборъ короля...

Королева слушала съ напряженнымъ вниманіемъ.

— У насъ, увы, даже два кандидата,—продолжалъ канцлеръ:—тогда какъ для насъ самымъ желательнымъ было бы имѣть одного и тотчасъ же провозгласить. Я глубоко уважаю князя Карла,—прибавилъ онъ,—но мнѣ кажется, что едва-ли онъ могъ бы быть королемъ среди такихъ смутъ и неурядицъ.

На лицѣ Маріи Людвики, умѣющей владѣть собою, канц-

леръ не замѣтилъ ни согласія, ни противорѣчія. Казалось, она слушала его совершенно равнодушно.

Канцлеръ нѣсколько замялся.

— Я знаю всѣ достоинства и слабости короля шведскаго,— продолжалъ онъ,—но послѣднія я приписываю скорѣе его положенію, чѣмъ характеру. Ему ставятъ въ укоръ непостоянство, но, быть можетъ, онъ еще ни разу не былъ въ положеніи, подходящемъ къ его образу мыслей и признанію. Впрочемъ, набожный, благородный, если бы онъ даже и былъ слабымъ, то, мнѣ кажется, онъ сумѣлъ бы обнаружить свой умъ въ выборѣ хорошихъ совѣтниковъ. Онъ замолчалъ.

— Князь, — промолвила тихимъ голосомъ королева,—если вы подаете свой голосъ за короля шведскаго, то я не сомнѣваюсь, что за него будетъ большинство, однако, вамъ предстоитъ немалое затрудненіе съ княземъ Карломъ, который, какъ я слышала, твердо рѣшилъ не отказываться отъ кандидатуры. Быть можетъ, его соблазняетъ успѣхъ. Я не знаю, какъ дѣйствительно оцѣнить положеніе и силы...

— Мнѣ тоже некогда еще было испытать и разузнать все это, — сказалъ канцлеръ. — Мнѣ кажется однако, что король шведскій будетъ имѣть на своей сторонѣ больше, чѣмъ епископъ, котораго мало кто знаетъ, такъ какъ онъ никогда объ этомъ не заботился.

Наступило молчаніе. Радзивиллъ, очевидно, искалъ какого-нибудь указанія на образъ мыслей королевы, которая боялась выдать себя. При первой встрѣчѣ Радзивиллъ не смѣлъ быть слишкомъ откровеннымъ, ни слишкомъ настойчивымъ въ допросѣ; онъ не высказалъ своей мысли. По его убѣжденію, выборъ Яна Казиміра долженъ былъ найти поддержку въ его бракѣ съ Маріей Людвикой. Ея энергія, твердость характера, настойчивость, постоянство — качества, которыя канцлеръ замѣтилъ въ Маріи Людвикѣ, должны были явиться на помощь слабости, шаткости короля. Радзивиллъ былъ увѣренъ, что она сумѣетъ завладѣть мужемъ и повести его по избранному пути. Планъ этотъ могъ встрѣтить препятствіе со стороны Яна Казиміра, быть можетъ, даже королевы; но канцлеръ не считалъ его невозможнымъ и разсчитывалъ на эту комбинацію, которая казалась ему самой выгодной для государства.

Долго затянулись разсказы князя Радзивилла, жалобы Маріи Людвики и обоюдныя выпытыванія, которыя не повели ни къ чему, кромѣ увѣренности, что князь Альбрехтъ будетъ поддерживать короля шведскаго.

Прямо отъ королевы Радзивиллъ направился къ Яну Казиміру, который вмѣстѣ съ дворомъ собирался уже въ Непорентъ, гдѣ онъ долженъ былъ, согласно законамъ, оставаться во все время выборовъ. Князь Карлъ также собирался въ Яблонную.

Покои короля, несмотря на ранній часъ, были биткомъ набиты. Сенаторы, знатнѣйшая шляхта и, главное духовные — все наплывали и наплывали. Оживленный, разсѣянный, въ довольно хорошемъ настроеніи, король шведскій вертѣлся среди этихъ гостей, стараясь казаться равнодушнымъ, что не всегда ему удавалось. Замѣтивъ канцлера, значеніе и вліяніе котораго отлично понималъ, Казиміръ пошелъ къ нему навстрѣчу съ сіяющимъ лицомъ.

— Наконецъ-то мы васъ дождались,—воскликнулъ онъ.— Очень вамъ рады! Здравствуйте.—Не знаю, какъ кому, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, были необходимы ваши совѣты и ободреніе. Мы погибаемъ!—съ горестью воскликнулъ онъ.—Казаки бродятъ подъ Брестомъ; говорятъ, что самъ Брестъ взятъ, разоренъ—монастыри, монахи...

Радзивиллъ, который также получилъ это извѣстіе, но не придавалъ ему вѣры, тихо прервалъ:

— Это только слухи; а такъ какъ погромъ нашъ, и такъ уже неправдоподобный, дѣлаетъ теперь все возможнымъ въ нашихъ глазахъ, то не будемъ торопиться вѣрить всему этому; лжи много, а тревога все преувеличиваетъ.

— Дай Богъ, чтобы все это оказалось ложью, — сказалъ король, уводя съ собой Радзивилла въ сторону отъ толпы гостей.

— Князь!—быстро прошепталъ онъ, — ради Бога, я долженъ поговорить съ вами наединѣ...

— Когда?—спросилъ канцлеръ.

— Сейчасъ же, если бы можно, — отвѣчалъ Казиміръ, — самое позднее вечеромъ. Я закрою двери для всѣхъ.

Радзивиллъ отвѣтилъ только поклономъ и оба обратились

къ епископамъ, которые, только-что пріѣхавъ изъ своихъ епархій, привезли самыя свѣжія извѣстія о состояніи государства. Всѣ они были согласны между собой и вызвали изъ устъ канцлера слѣдующее краснорѣчивое заключеніе:

— Грѣхи наши составляютъ ихъ силу, наша слабость — это ихъ могущество! Покаемся, ударимъ себя въ грудь! Не казаки и татары бичуютъ насъ, а Богъ, который требуетъ нашего исправленія, или грозитъ гибелью. Всѣ мы грѣшны и всѣ должны каяться.

Тихимъ шепотомъ всѣ поддакивали канцлеру, но наведенный на эту тему разговоръ не могъ долго продолжаться. Мало-по-малу, одинъ за другимъ гости начали кланяться, прощаться и расходиться. Король, которому Тизенгаузъ принесъ шляпу, перчатки, шпагу и плащъ, собирался тоже съ визитомъ передъ отъѣздомъ въ Непорентъ, несмотря на слякоть.

Съ самой смерти Владислава IV, болѣе всѣхъ ею пораженный Адамъ Казановскій, который потерялъ въ немъ друга и брата, почти совсѣмъ не показывался среди людей. Его считали больнымъ, да онъ и на самомъ дѣлѣ былъ боленъ. Узы, которыя съ дѣтства соединяли другъ съ другомъ покойнаго короля и Адама Казановскаго, не могли порваться внезапно, не оставляя по себѣ кровавой и теплой раны. Никогда уже не суждено ей было зарости. Для Казановскаго Владиславъ былъ всѣмъ, былъ его жизнью, душою, всей силой, смерть эта отравила его. Женатый и привязанный къ молодой, красивой, какъ-бы для него созданной женѣ, бездѣтный, хотя и имѣлъ въ ней утѣшителя, однако ни на минуту не чувствовалъ себя утѣшеннымъ. Напрасно старалась она его разсѣять, оживить, вернуть ему желаніе жить. Казановскій впалъ въ какую-то апатію, одеревенѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось опасной болѣзнью. Онъ почти не выходилъ изъ дома, неохотно принималъ у себя, ничто, казалось, не интересовало его, а тѣ страшныя пораженія, извѣстія о которыхъ приходили чуть не каждый день, онъ принималъ такъ равнодушно, что, казалось, онъ совсѣмъ не заботился о своемъ отечествѣ и его участи. Всѣ старанія жены и семейства вывести его изъ такого состоянія были тщетны. Иногда онъ поддавался настойчивымъ просьбамъ жены, позволялъ вести себя куда-нибудь, но въ обществѣ отъ него едва

можно было добиться слова. Правда, въ своемъ роскошномъ дворцѣ онъ постоянно имѣлъ передъ глазами воспоминанія прошлаго. Все, что онъ имѣлъ, было даромъ покойника: ему Казановскій обязанъ былъ своимъ богатствомъ, значеніемъ, знаніемъ и положеніемъ. Поэтому всѣ стѣны были покрыты изображеніями тріумфовъ Владислава IV, его портретами, бюстами.

На каждомъ шагу Казановскій встрѣчался съ этимъ покойникомъ, казалось, видѣлъ его передъ собой и, просыпаясь утромъ, долго не могъ придти въ себя, чтобы освоиться съ той мыслью, что его уже нѣтъ на свѣтѣ... Онъ тихо шепталъ:

— Я пойду за нимъ...

Жена, быть можетъ, еще и обольщала себя надеждой, но семейство, которому доктора не могли обѣщать скораго выздоровленія больного, находилось въ величайшемъ безпокойствѣ. У Казановскаго не было потомства, а между тѣмъ онъ оставлялъ послѣ себя огромное наслѣдство, движимое и недвижимое имущество, стоимость которыхъ опредѣляли милліонами. Братъ и всѣ родные заботились о будущей участи этого наслѣдства, которымъ онъ вовсе не думалъ распорядиться, несмотря на много тонкихъ намековъ. Каждый разъ, когда какой-нибудь разговоръ касался этого, онъ равнодушно поводилъ плечами и только смотрѣлъ на жену. Догадывались, что все будетъ завѣщано неизбѣжно ей.

Елизавета Казановская, балованный ребенокъ богатаго рода, казалось, была создана на то, чтобы царить въ золотомъ гнѣздышкѣ королевскаго фаворита; красивая, образованная, живого темперамента, привыкшая управлять окружающими, боготворимая Елизавета съ легкостью завладѣла мужемъ старше ея, который былъ вполнѣ ей преданъ. Кокетка, требующая отъ жизни постоянныхъ интригъ, движенія, лихорадочнаго занятія, побѣдъ, она такъ счастливо сумѣла возбудить въ мужѣ довѣріе, что онъ никогда не обнаружилъ по отношенію къ ней и тѣни подозрѣнія, предоставляя неограниченную свободу дѣйствій. Это была одна изъ молодыхъ дамъ своего времени, которыя собирали вокругъ себя особенно большой кружокъ поклонниковъ и друзей. Хотя такое кокетство замужней женщины *не было* согласно съ польскими обычаями и поражало болѣе *серьезныхъ дамъ, однако* Казановская не обращала на это вни-

манія, и такъ какъ мужу скорѣе были лестны, чѣмъ непріятны, ея побѣды, то она могла забавляться, какъ хотѣла.

Этотъ великолѣпный дворецъ, весь образъ жизни Казановскихъ при Владиславѣ IV — все содѣйствовало веселой жизни и мужа, и жены. Адамъ Казановскій, утомленный и прельщенный жизнью, какъ и она, постоянно искалъ чего-нибудь, что могло-бы хотя-бы даже искусственнымъ образомъ раздуть угасающій интересъ къ жизни.

Поэтому нигдѣ во всей Варшавѣ не было столько движенія, музыки, пѣсенъ и танцевъ, какъ здѣсь. Въ особенности иностранцы толпами наплывали сюда и не могли нахвалиться радушнымъ и роскошнымъ пріемомъ. Съ первыхъ же дней пріѣзда въ Польшу Маріи Людвики, ея грустное положеніе, преждевременное охлажденіе короля сблизили Казановскую съ королевой, которой она и сама, и черезъ мужа старалась быть полезной. Однако, эти отношенія съ королевой вмѣсто того, чтобы дѣлаться все болѣе и болѣе близкими, съ теченіемъ времени совершенно измѣнились. Для строгой и серьезной Маріи Людвики Казановская была слишкомъ легкомысленной. Нѣкоторый холодъ, затѣмъ все болѣе рѣдкія встрѣчи, которыхъ избѣгали съ обѣихъ сторонъ, довели до того, что между ней и королевой остались только церемонныя, холодныя, принужденныя отношенія.

Послѣ смерти Владислава, Казановскій, охладѣвшій, равно какъ и его жена, къ королевѣ, разъ только оффиціально встрѣтивъ ее, возвращающуюся въ Варшаву съ тѣломъ покойника, болѣе уже не видѣлись со вдовой.

Какъ прежде, такъ и теперь Казановскій не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла государства. Онъ слушалъ разговоры, зѣвалъ, иногда подергивалъ плечами, но ни въ чемъ не принималъ живого участія.

Янъ Казиміръ, тотчасъ же по возвращеніи изъ Италіи, сблизился съ Казановскимъ, который принималъ его съ уваженіемъ, но довольно холодно. Обожатель прекраснаго пола не могъ, увидѣвъ Казановскую, остаться равнодушнымъ, точно также и прекрасная Елизавета не могла пропустить, хотя и вовсе некрасиваго короля, не постаравшись произвести на него то же впечатлѣніе, что и на другихъ.

Ничего не было легче, какъ завлечь Яна Казиміра, который чувствовалъ слабость ко всѣмъ женщинамъ вообще и въ каждой изъ нихъ умѣлъ подмѣтить какую-нибудь особенную прелесть. Король былъ въ восхищеньи... Огонекъ этотъ, сначала маленькій, прекрасная Елизавета, посмѣиваясь на сторонѣ надъ Яномъ Казиміромъ, умѣла раздувать и поддерживать такъ хорошо, что король шведскій считался теперь однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ и могъ даже жаромъ своихъ чувствъ поспорить съ ломжинскимъ старостой Радзеевскимъ, который давно уже прославился своей безумной, отчаянной страстью къ Казановской.

Смерть Владислава, провозглашеніе кандидатуры Яна Казиміра, предсказываемая ему корона разумѣется со стороны Казановской усилили радушіе и влюбленнаго короля снова притянули и приковали къ ней. Чѣмъ менѣе самъ Казановскій заботился о своемъ будущемъ, не мѣшаясь ни во что, и принимая короля шведскаго съ прежней холодностью и равнодушіемъ, тѣмъ болѣе она считала себя обязанной снискать расположеніе будущаго государя. Для ея быстраго взора и женскаго предчувствія не было никакого сомнѣнія, что не кто другой, какъ именно Янъ Казиміръ будетъ избранъ. Она заранѣе хотѣла пріобрѣсти его милость для своего мужа и для самой себя.

Янъ Казиміръ передъ своимъ вынужденнымъ отъѣздомъ въ Непорентъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ во дворцѣ Казановскихъ. Быть можетъ, Казановскій и косо смотрѣлъ на это, такъ какъ не любилъ его, но не противился женѣ, доказывавшей ему, что не мѣшаетъ на всякій случай снискать расположеніе короля.

Итакъ, уѣзжая изъ Варшавы, Янъ Казиміръ ѣхалъ прощаться во дворецъ Казановскихъ. Очевидно, его не ждали въ этотъ день, осенній дождь лилъ какъ изъ ведра, и погода была самая непріятная; но, когда доложили о его пріѣздѣ, мужъ и жена очутились для его встрѣчи въ передней. Съ ловкостью подалъ Янъ Казиміръ руку прекрасной Елизаветѣ, привѣтливо ему улыбавшейся.

— Меня выгоняютъ изъ Варшавы,—сказалъ онъ довольно *весело.*—Поэтому я хотѣлъ распроститься со своими друзьями, *къ которымъ причисляю* и васъ.

Панъ Адамъ холодно поклонился.

— Кто знаетъ, съ чѣмъ я вернусь—прибавилъ онъ,—навѣрное съ гороховымъ вѣнкомъ. Государство меня не захочетъ, предпочтетъ помоложе... есть женщина..

— Ваше королевское величество думаете,—вмѣшалась Казановская,—что женщины очень любятъ молокососовъ? А мы совсѣмъ другого мнѣнія и оставляемъ птенчиковъ старымъ бабамъ...

Янъ Казиміръ разсмѣялся.

— Я надѣюсь,—сказалъ онъ, обращаясь къ молчаливому хозяину, что во имя моего покойнаго брата и во имя расположенія вашего къ нашему семейству, а въ особенности ко мнѣ, вы употребите свое вліяніе...

Казановскій нѣсколько иронически улыбнулся.

— Государь,—тихо сказалъ онъ, — я не имѣю, увы, ни малѣйшаго вліянія, такъ какъ никогда объ этомъ не заботился, но если бы я могъ имѣть какое нибудь...—Новый поклонъ докончилъ оборванную фразу.

— Если бы я имѣла право выѣхать,—весело вмѣшалась Казановская,—я первая провозгласила бы новаго короля.

— Карла?—шутя спросилъ Казиміръ.

— Ахъ, нѣтъ!—разсмѣялась прекрасная Елизавета.—Не зачѣмъ отнимать его у Бога, разъ онъ ужъ онъ посвятилъ себя Ему.

Изъ шутливаго тона Янъ Казиміръ перешелъ въ серьезный.

— Мнѣ подаютъ надежду, что въ послѣднюю минуту братъ мой разсудитъ, что всѣ его старанія напрасны, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—но... я еще не вѣрю этому. Я никогда ни въ чемъ не имѣлъ счастья, и теперь, допустивъ даже, что это бремя короны падетъ на меня, то въ какія времена и въ какихъ обстоятельствахъ! Слышали Казановскій?

— Ахъ, государь,—грустно отвѣчалъ Казановскій,—цѣлый день ничего другого не слышимъ.

— Даже засмѣяться теперь страшно,—замѣтила прекрасная Елизавета,—чтобы не осудили, что холодно, равнодушно относишься къ отечеству. Ахъ, какія времена!

— Этотъ негодный Хмѣль,—началъ Янъ Казиміръ:—простираетъ свою дерзость до того, что обвиняетъ покойнаго короля въ подстрекательствѣ къ этой войнѣ!

Казановскій повелъ плечами.

— Государь,—сказалъ онъ,—на гробъ можно безнаказанно кидать камни и грязь. Король Владиславъ не нуждается въ защитникахъ.

Между тѣмъ, въ сопровожденіи хозяевъ, Янъ Казиміръ очутился уже не въ большой пріемной залѣ, а въ малой, гдѣ сама хозяйка принимала болѣе близкихъ друзей; здѣсь, у мраморнаго камина, въ которомъ пылалъ огонь, Янъ Казиміръ нашелъ большое кресло для себя и два маленькихъ для хозяевъ. Комната эта, какъ и весь дворецъ Казановскихъ, была настоящей игрушкой, достойной королевы. Фламандскія картины и разные портреты на стѣнахъ въ причудливо рѣзныхъ рамахъ, бронза и мраморъ, на столахъ рѣзныя шкатулки изъ чернаго и розоваго дерева, разукрашенныя слоновой костью, золотомъ, янтаремъ, бронзовыя клѣтки, наполненныя птицами, фламандскія портьеры съ гербами Казановскихъ, паркетъ, выложенный разноцвѣтнымъ деревомъ въ прекраснѣйшіе узоры, персидскіе ковры, тысячи бездѣлушекъ—дѣлали этотъ кабинетъ восхитительнымъ.

Довольно равнодушный къ такой роскоши, король шведскій не могъ, однако, не почувствовать красоты и прелести этого гнѣздышка и воскликнулъ, садясь:

— Какъ-же у васъ здѣсь хорошо!

Хозяйка улыбнулась.

— Мы, какъ дѣти, государь,—сказала она,—забавляемся этими игрушками, но вѣдь въ этомъ вся утѣха въ жизни.

— Съѣзжаются уже сенаторы, — началъ Казиміръ, котораго все тревожила забота о выборахъ. — Навѣрное, вы видѣли многихъ изъ нихъ?

— Нѣкоторыхъ,—сказалъ Казановскій.—Я избѣгаю вмѣшательства въ общественныя дѣла, такъ какъ ни здоровье, ни трауръ по королѣ, который я ношу въ своемъ сердцѣ, не дозволяютъ мнѣ ничѣмъ заняться.

— Я, насколько могу, заступаю своего мужа,—шутя замѣтила хозяйка,—потому что не хотѣла бы, чтобы онъ такъ сторонился отъ людей, отъ свѣта и весь погружался въ грусть и печаль, но я принуждена неволить его, до такой степени *онъ сталъ равнодушенъ* ко всему.

— Счастливъ братъ мой, что сумѣлъ найти себѣ такого друга,—прибавилъ король.—Я ему завидую.

Въ эту минуту доложили о приходѣ канцлера Оссолинскаго, и Казановскій вѣжливо обратился къ гостю, спрашивая его, позволитъ ли онъ ему принять этого гостя. Янъ Казиміръ кивнулъ головой. Минуту спустя, почти съ такимъ же нахмуреннымъ челомъ, какъ и самъ хозяинъ, съ важностью, которая никогда его не оставляла, вошелъ Оссолинскій. Приходъ его былъ весьма желателенъ для короля, но, быть можетъ, не совсѣмъ на руку прекрасной хозяйкѣ, которая желала-бы воспользоваться представившимся случаемъ и наединѣ забрать въ свои руки будущаго государя. Оссолинскій вошелъ съ той озабоченностью на лицѣ, съ которой тогда носились всѣ. И онъ, и другіе сенаторы, и сановники желали какъ можно скорѣе часть отвѣтственности, которая до сихъ поръ цѣликомъ падала на нихъ, свалить на плечи вновь избраннаго короля.

Съ первыхъ же словъ разговоръ съ Оссолинскимъ перешелъ къ общественнымъ дѣламъ, но Казановскій молчалъ, и только жена его мѣшалась въ разговоръ и оживляла его своимъ веселымъ щебетаньемъ. Канцлеръ объявилъ королю, что они условились съ Альбрехтомъ Радзивилломъ и нѣсколькими другими панами ѣхать на дняхъ въ Яблонную, къ князю Карлу, и уговорить его отказаться отъ кандидатуры. Повидимому, это очень обрадовало короля шведскаго.

— Можете его увѣрить,—поспѣшно сказалъ онъ,—что я буду стараться вознаградить его за всѣ убытки, которые онъ понесъ. Говорятъ, что онъ бросилъ цѣлый милліонъ на вооруженіе войска и снисканіе расположенія шляхты. Для Карла, который такъ любитъ деньги и съ такой скупостью собиралъ ихъ, это было бы весьма ощутительной потерей, но Рѣчь Посполитая... я самъ, наконецъ, сумѣемъ его вознаградить.

— Все это, навѣрное, такъ и кончится,—прибавилъ Оссолинскій, — потому что, кромѣ земель Мазовецкихъ, у князя Карла немного будетъ сторонниковъ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ канцлеръ подтвердилъ всѣ извѣстія, какія дошли изъ Замостья, Бреста, изъ Руси. Дерзость казачества дошла до крайнихъ предѣловъ. Гетманы въ плѣну, войска разбиты, захвачена огромная добыча, безнаказанные наѣзды на

города приводили ихъ въ какое то упоеніе. Повторяли дерзкія выраженія пьянаго Хмѣля и оскорбленія, бросаемыя на шляхту, но вмѣстѣ съ тѣмъ Оссолинскій утверждалъ, что гетманъ казацкій о будущемъ королѣ, равно какъ и о покойномъ, выражался съ покорностью и уваженіемъ. Итакъ, нужно было какъ можно скорѣе избрать короля, какъ знамя вокругъ котораго могъ бы собираться народъ.

Янъ Казиміръ гордился высокимъ призваніемъ, какое падало на него: онъ долженъ былъ явиться спасителемъ отечества.

V.

Прощаніе съ Маріей Людвикой было холодное и церемонное, по крайней мѣрѣ на видъ; но благодаря стараніямъ обоихъ литовскихъ канцлеровъ, и въ особенности князя Альбрехта, между королевой - вдовой и Яномъ Казиміромъ былъ уже заключенъ союзъ, который соединялъ ихъ интересы и связывалъ въ будущемъ.

Ловкій дипломатъ Радзивиллъ, дѣйствуя всегда только отъ своего имени, ѣздилъ къ Маріи Людвикѣ и къ королю шведскому, постепенно дѣйствовалъ на обоихъ, такъ что склонилъ королеву къ выходу замужъ за новаго короля, а Яна Казиміра къ обѣщанію, что если только ему удастся добыть сердце королевы, то онъ готовъ на ней жениться.

Всѣ выгоды этого союза канцлеръ умѣлъ изложить очень ловко.

— Въ ту-же минуту ваше величество пріобрѣтаете себѣ союзника во Франціи и въ Римѣ, королева готова помогать деньгами... Все это только относительно связываетъ васъ; но болѣе легкаго брака, болѣе дешеваго въ эти времена, когда такъ трудно добываются деньги, наконецъ, болѣе достойной особы, которая носила бы корону съ такой важностью, ваше величество не найдете. Все говоритъ за нее.

— Я глубоко уважаю Марію Людвику,—увѣрялъ Казиміръ. Въ первую минуту Янъ Казиміръ согласился: это обезпечивало ему избраніе, поддержку, освобождало отъ заботъ; но лишь только Радзивиллъ ушелъ и онъ остался наединѣ съ Бутлеромъ,

которому онъ съ дѣтскою болтливостью открывался во всемъ, онъ ломая руки, воскликнулъ:

— Знаешь, Бутлеръ, чего мнѣ будетъ стоить эта корона? Я это предвидѣлъ: Радзивиллъ сватаетъ мнѣ королеву-вдову и заставляетъ на ней жениться. Это значитъ позволитъ заковать себя въ цѣпи; эта женщина заберетъ меня въ свои руки, я это чувствую, и пожелаетъ вести меня на веревочкѣ, будетъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ.—Онъ остановился и задумался.—Она не безобразна,—бормоталъ онъ;—этого я не скажу, но ни малѣйшаго слѣда молодости, а для меня молодость...—И какъ-бы самъ у стыдясь своей слабости, поспѣшно прибавилъ:—Это бракъ только для формы, онъ ни къ чему не обязываетъ; Владиславъ почти съ ней не жилъ, да, но она дѣлала съ нимъ все, что хотѣла. Увидишь,—и меня тоже ожидаетъ.

— Государь,—прервалъ Бутлеръ, — положеніе покойника было совсѣмъ другое.

— Да, но она теперь въ сто разъ сильнѣе, чѣмъ была сначала,—говорилъ Янъ Казиміръ,—она имѣетъ связи, друзей, приверженцевъ.

Староста приблизился къ королю:

— Государь,—шепнулъ онъ,—политика имѣетъ свои права; вѣдь ваше королевское величество не даете никакого обязательства жениться на ней, это только догадки, надежды, желанія; захвативъ корону, всегда можно будетъ отступить.

Янъ Казиміръ закусилъ губы.

— Я тоже,—воскликнулъ онъ, фамильярно кладя руку на плечо Бутлеру,—ни говорить объ этомъ, ни обѣщать королевѣ не думаю... нѣтъ, нѣтъ... Я говорилъ съ канцлеромъ, но это только одни предположенія, ничего больше.

Прощаніе съ королевой съ обѣихъ сторонъ было какъ-бы выпытываніемъ. Оба знали, что переговоры уже ведутся, но что о нихъ еще рано говорить. Королева вышла болѣе оживленная, чѣмъ обыкновенно; король приблизился къ ней съ болѣе замѣтною вѣжливостью, которая при его непріятныхъ чертахъ лица и принужденности, дѣлала его очень смѣшнымъ.

Онъ началъ съ того, что поблагодарилъ королеву за обѣщанную поддержку. Марія Людвига испугалась быть можетъ излишней откровенности и тотчасъ-же прервала его.

— Я желала бы доказать свою признательность Рѣчи Посполитой, которая меня такъ хорошо приняла, а лучше я не могу услужить ей, какъ ускоряя, насколько это возможно слабымъ моимъ силамъ, избраніе вашего королевскаго величества. Я писала уже къ королю, моему двоюродному брату, и надѣюсь на скорый отвѣтъ.

Янъ Казиміръ поцѣловалъ поданную ему руку.

— Очень буду вамъ обязанъ, ваше королевское величество.

Королева все время какъ будто опасалась, что Казиміръ неловко и преждевременно проговорится, каждую минуту прерывала его увѣреніями, что всѣми силами будетъ его поддерживать. Разговоръ, въ серединѣ котораго, по заранѣе условленному плану, вошелъ ксендзъ де-Флери, окончился ничѣмъ. Замѣтно однако было по болѣе свободному обращенію обоихъ, что первый ледъ былъ уже разбитъ, что оба съ большей увѣренностью смотрѣли на будущее.

Марія Людвига достаточно знала короля шведскаго, чтобы быть увѣренной, что заберетъ его въ свои руки.

Встревоженный король въ глубинѣ души утѣшался тѣмъ, что впослѣдствіи сумѣетъ выпутаться. Поэтому онъ вышелъ такимъ веселымъ, какимъ давно уже не бывалъ; но старый грѣхъ съ отвратительною физіономіей мстителя ждалъ на порогѣ его покоя.

Здѣсь стояла, теперь уже иначе, но не менѣе странно одѣтая Бертони, которую не могли удалить ни пажи короля, ни карлики, хотя и увѣряли ее, что короля нѣтъ и что съ нимъ невозможно сегодня увидѣться.

— Но вѣдь долженъ-же онъ вернуться на ночь,—кричала дерзкая итальянка: — а я не отступлю отсюда ни на шагъ, пока не поговорю съ нимъ.

На этотъ оживленный споръ подоспѣлъ король и поблѣднѣлъ, увидѣвъ ее.

— А! несносная, это ты,—воскликнулъ онъ. — Дай мнѣ свободно вздохнуть! Что ты меня преслѣдуешь?

Итальянка поклонилась.

— У меня важное дѣло,—сказала она.—Ваше королевское величество ѣдете завтра въ Непорентъ, а я не могу гнаться за вами по такимъ дорогамъ.—И пробиваясь за королемъ,

хотя онъ ничего не отвѣчалъ ей, Бертони ворвалась въ спальню.

— Чего ты хочешь? — воскликнулъ, обращаясь къ ней, взбѣшенный Янъ Казиміръ.

— Справедливости! — съ паѳосомъ, возвышая голосъ, отвѣчала итальянка. — У меня одна только дочь, и я берегу ее какъ зеницу ока.

При этихъ словахъ король всталъ.

— Ага! такъ съ дочерью... катастрофа? — воскликнулъ онъ.—Любопытно.

— Катастрофы никакой нѣтъ, потому что я не допущу до этого,—воскликнула Бертони,—я выцарапала бы тому глаза!

— Кому?—спросилъ видимо заинтересованный король.

Въ другихъ дверяхъ комнаты, на порогѣ, съ той свободой дворовъ, гдѣ нѣтъ ни порядка, ни этикета, вся прислуга столпилась въ кучу и слушала. Бертони указала на нихъ. Король топнулъ ногой и руками далъ знакъ, чтобы всѣ уходили прочь.

— Запереть двери.

Итальянка воспользовалась этой минутой, чтобы передъ зеркаломъ поправить волоса. Она выглядѣла, какъ настоящая Медуза.

— Что-же случилось съ твоей дочерью?—спросилъ король, очевидно заинтригованный.

— Ничего не случилось; но, какъ мать, я должна предупреждать зло, чтобы оно но могло случиться,—начала она.— Такъ вотъ, я дошла до того, что дворецкій вашего величества, бѣдный шляхтичъ, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, подбирается къ Біанкѣ, завлекаетъ ее, соблазняетъ, шляется подъ окнами, письма пишетъ.

Король засмѣялся.

— Вотъ молодецъ!—воскликнулъ онъ.—Который-же, говори, какъ его зовутъ?

Не отвѣчая на вопросъ, Бертони продолжала.

— Я прихожу за тѣмъ, чтобы ваше величество запретили ему, застращали его, предупредили, что если онъ будетъ продолжать такъ поступать, то получитъ розогъ и будетъ выкинутъ вонъ изъ двора!

— И больше ничего?—спросилъ развеселившійся король.— Не повѣсить ли его за это?

— Не смѣйтесь, ваше величество,—сердито прервала итальянка.—Тутъ дѣло идетъ о невинномъ ребенкѣ.

— Скажите-же мнѣ, какъ зовутъ этого счастливца?—спросилъ Казиміръ.

Итальянка скривилась и плюнула.

— Даже противную фамилію его произнести трудно,—вскричала она,—у него фамилія точно у какого-нибудь дворника, лакея, мужика. И имя, и фамилія подобраны такія.—Дызма Стжембошъ!

Бертони; видимо, стоило большихъ трудовъ произнести эти два слова.

Король поднялъ руки и хлопнулъ въ ладоши.

— Ого!—засмѣялся онъ,—да у этого кавалера есть вкусъ!

Итальянка, привыкшая обходиться съ королемъ безъ всякой церемоніи, проворчала:—Не для пса эта колбаса...

Между тѣмъ, король уже ударилъ въ ладоши. Прибѣжалъ первый дворецкій—Тизенгаузъ.

— Позвать мнѣ сюда Стжембоша!

— Въ передней его нѣтъ,—смѣло отвѣчалъ Тизенгаузъ,—но онъ въ замкѣ, потому что я недавно его видѣлъ.

— Послать за нимъ.

Въ ту минуту въ передней поднялся какой-то шумъ, и, пробившись черезъ толпу слугъ, въ комнату бойко и смѣло вошелъ очень красивый молодой человѣкъ, франтовски одѣтый по тогдашней польской модѣ, съ хохломъ на головѣ, съ саблей у бока. Темные усики, закрученные кверху, придавали еще болѣе смѣлости, рѣшимости и энергіи молодому лицу,

— Стжембошъ,—обратился къ нему король, притворяясь сердитымъ и нахмуреннымъ,—что это за жалоба опять на тебя?

— Я ничего не знаю,—проворчалъ юноша.

— Какъ ничего?—вспылила Бертони.—Ты хочешь вскружить голову моей дочери!

— Сохрани Богъ!—холодно отвѣчалъ Дызма.

— Ты не смѣешь отпираться,—вскричала она,—у меня есть доказательства.

— Да я и не думаю отпираться, что панна Біанка очень мнѣ понравилась, и что я даже влюбился въ нее. Вѣдь это не *грѣхъ. Я шляхтичъ,* и если влюбился, то могу и жениться.

Бертони схватилась за голову.

— Скажите, пожалуйста, какое для меня одолженіе,—вскричала она.—Тебѣ! Жениться на моей дочери! Да вѣдь у тебя и имущество-то все—кляча да сѣдло! ха, ха, ха!

Стжембошъ слушалъ, нисколько не смущаясь:

— И отъ этого я вовсе не отпираюсь, что я бѣденъ,—отвѣчалъ онъ.—Развѣ я не могу заработать, какъ другіе? А мое шляхетство развѣ ничего не значитъ?

Король посматривалъ то на своего дерзкаго слугу, то на взбѣшенную его дерзостью Бертони.

— Будь-же разсудителенъ,—проговорилъ онъ, обращаясь къ Стжембошу.—Видишь, мать знать тебя не хочетъ, вѣдь не возьмешь-же ее насильно, а шляхетство твое онѣ ни въ грошъ не ставятъ. Брось-же ты, наконецъ, всѣ твои ухаживанія и чтобы я больше не слыхалъ о нихъ.

Стжембошъ покрутилъ усъ.

— Ваше величество,—сказалъ онъ,—можете мнѣ приказывать, что хотите, но что касается сердца—дѣло извѣстное, что одинъ Богъ управляетъ нашими сердцами. Я самъ даже не владѣю имъ. Я желалъ-бы быть послушнымъ, но трудно за это ручаться.

Король улыбнулся и повелъ плечами. Итальянка со злости ломала себѣ пальцы и слышно было, какъ они трещали въ суставахъ.

— Слышалъ ты приказаніе короля?—гнѣвно воскликнула она.—А я запрещаю тебѣ приближаться къ моему ребенку и употреблю всѣ средства,—хотя бы ее пришлось запереть въ монастырь,—чтобы ты даже кончика ея носа не увидѣлъ. Убирайся, куда хочешь, со своимъ шляхетствомъ; какая-нибудь мѣщанка, пожалуй, и соблазнится на него, но моя дочь слишкомъ высока для тебя.

Стжембошъ слушалъ, искоса поглядывая на взбѣшенную бабу, но не отвѣчалъ ничего.

— Ну, можешь отправляться,—сказалъ король,—ты знаешь, что тебя ожидаетъ; помни-же, чтобы до меня не доходили такія жалобы, потому что иначе я долженъ буду прогнать тебя со службы.

Все это вмѣстѣ производило, однако, мало впечатлѣнія на

юношу; можно было даже заподозрить его, что онъ улыбается подъ усами. Затѣмъ онъ молча поклонился королю, нѣсколько насмѣшливо наклонилъ голову передъ Бертони и вышелъ,—но вышелъ, какъ бы торжествуя.

Стжембошъ этотъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относилась гордая итальянка, снова зачисленный по возвращеніи Яна Казиміра въ штатъ дворовыхъ, былъ всеобщимъ любимцемъ, не исключая и самого короля. Бѣдный малый, сынъ вдовы, откуда-то изъ Краковскаго, сынъ извѣстнаго по всей храбрости солдата, который до самой своей смерти служилъ въ пользу епископа краковскаго,—воспитывался въ Краковѣ; затѣмъ, во время новыхъ наборовъ при Владиславѣ IV попалъ въ иностранные полки, а изъ нихъ ко двору Казиміра. Для своего возраста, онъ имѣлъ уже достаточно опытности, и принужденный, какъ сирота, слишкомъ рано жить самостоятельно и еще помогать матери, онъ очень счастливо, смѣло и ловко боролся съ судьбой. Красивая наружность, отличающаяся особенной интеллигентностью, производила очень благопріятное впечатлѣніе при первой встрѣчѣ и впечатлѣніе это никогда никого не обманывало. Онъ умѣлъ снискать себѣ любовь всѣхъ тѣхъ, съ которыми заставляли его сталкиваться судьба и обстоятельства; ни слишкомъ дерзкій, ни слишкомъ трусливый—что бываетъ еще вреднѣе—Дызма обладалъ большимъ присутствіемъ духа и смѣлостью, ничего не боялся, и люди не смѣли играть имъ какъ пѣшкой. При дворѣ, что очень рѣдко, милость государя не создавала ему враговъ, потому что онъ ни разу не употребилъ ее кому-нибудь во вредъ; любили его и товарищи, которымъ онъ охотно помогалъ; онъ былъ старателенъ и ему везло въ исполненіи порученій и приказаній, которыя король охотно давалъ ему. Гдѣ только предстояла какая-нибудь трудная задача, онъ всегда призывалъ Стжембоша.

Когда Дызма явился среди своихъ товарищей, всѣ встрѣтили его дружнымъ и веселымъ смѣхомъ. Для многихъ изъ нихъ ухаживанія его были новостью, мало кто подозрѣвалъ это; да мало кто и видѣлъ Біанку, потому что мать особенно тщательно прятала ее отъ глазъ придворной молодежи. Начали и дразнить, и поздравлять. Стжембошъ молча покручивалъ усъ, стоя въ задумчивости.

Въ эту минуту съ шумомъ выбѣжала отъ короля Бертони,

захлопнула за собой дверь и, не глядя на прислугу, которая встрѣчала ее дерзкимъ смѣхомъ, стремглавъ выбѣжала въ корридоръ.

Въ первую минуту Стжембошъ хотѣлъ идти за ней, но потомъ раздумалъ и остался, а тутъ какъ разъ и король позвалъ его къ себѣ.

Легко было угадать, что это такъ будетъ, такъ какъ даже въ самыя серьезныя, рѣшительныя минуты своей жизни Янъ Казиміръ не могъ удержаться, чтобы не послушать скандальныхъ исторій, которыхъ онъ, несмотря на свой санъ, требовалъ отъ самыхъ послѣднихъ слугъ. Это забавляло его, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставило въ слишкомъ фамильярныя отношенія съ прислугой, такъ что при дворѣ его не было ни малѣйшей дисциплины. Иногда король бывалъ вынужденъ прибѣгать къ послѣднему средству—собственноручно наказывалъ ослушниковъ, но и это мало помогало. Нигдѣ прислуга не была такъ испорчена, какъ у него.

Призванный Дызма смѣло вошелъ и всталъ передъ ожидавшимъ его Казиміромъ, который окидывалъ его любопытнымъ взоромъ.

— Что ты тутъ натворилъ?—улыбаясь, спросилъ король.—Говори мнѣ все. Вѣдь Бертони бережетъ свою дочь, какъ зеницу ока: какъ же это ты забрался туда?

Стжембошъ задумался; видно было, что разспросы эти были ему непріятны.

— Государь,—сказалъ онъ,—я видѣлъ ее на улицѣ, въ костелѣ, въ окнѣ. Впрочемъ, все на томъ и оканчивается, что я глядѣлъ и вздыхалъ, а она отвѣчала мнѣ глазами. Я попробовалъ написать письмо, но мать перехватила его, и отсюда-то поднялась буря.

— Ну, а дѣвушка? Она расположена къ тѣбѣ?—выпытывалъ съ обычнымъ любопытствомъ Янъ Казиміръ.—Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что она относится ко мнѣ довольно благосклонно,—сказалъ Стжембошъ:—но она еще ребенокъ; это ее забавляетъ, а одинъ Богъ знаетъ, пробудилось ли что-нибудь въ ея сердцѣ.

— Итакъ, ты ее бросишь?—прошепталъ король.

Стжембошъ задумался.

— Государь,—отвѣчалъ онъ,—я ничего не знаю и ни за что не ручаюсь, какъ устроитъ судьба. Бертони изъ мухи

слона дѣлаетъ. Я не могъ даже приблизиться къ дѣвушкѣ, ни поговорить съ ней, а она подняла ужъ такой шумъ, какъ будто я ворвался къ ней въ домъ.

— Ты долженъ знать, — фамильярно шепнулъ король, — что итальянка смотритъ очень высоко и возлагаетъ на дочь большія надежды, и, отчасти, она права. Дѣвушка, говорятъ, очень красива?

Тутъ король остановился и взглянулъ на него, Стжембошъ подтвердилъ:

— Какъ ангелъ.

— Ну, и образованіе отличное, да и эта хитрая, скупая, хищная мать накопитъ ей хорошее приданое. Безъ сомнѣнія, она будетъ очень богата: такъ что, видишь...

— Вижу, государь,—отвѣчалъ Дызма,—что дѣло трудное, но отчаяваться не годится. На войнѣ у насъ не разъ представится случай отличиться; я поступлю въ войска и, Богъ милостивъ, дослужусь до чего-нибудь.—Стжембошъ съ глубокимъ поклономъ направился къ дверямъ, чувствуя глубокое отвращеніе къ такимъ откровеннымъ бесѣдамъ, до которыхъ король былъ такой охотникъ.

На другой день собирались въ Непорентъ, и осенняя слякоть опечалила всѣхъ, начиная съ короля и кончая послѣднимъ пажемъ. Никому не хотѣлось покидать Варшаву, какъ разъ въ то время, когда она должна была оживиться большимъ съѣздомъ провинціальныхъ гостей, спѣшащихъ на выборы. Въ замкѣ оставался только дворъ королевы-вдовы, которую нельзя было удалить, такъ какъ формально она не принимала никакого участія въ выборахъ.

Дворъ короля шведскаго первый выступилъ изъ замка, сейчасъ-же за нимъ князь Карлъ долженъ былъ направиться въ Яблонную, но въ послѣднюю минуту онъ приказалъ своимъ людямъ остановиться и ждалъ, пока не выѣдетъ его братъ. Епископъ все еще боролся съ самимъ собой: проститься ли ему передъ отъѣздомъ съ Маріей Людвикой, какъ, быть можетъ, слѣдовало бы, или оставить въ сторонѣ это соблюденіе придворнаго этикета.

Его приближенные ничего не сумѣли ему сказать, кромѣ *того, что Янъ Казиміръ* былъ у королевы съ визитомъ. Для

князя Карла было ясно, что королева будетъ держать сторону старшаго брата; ему казалось, однако, что прекратить изъ-за этого всякія сношенія съ нею, выказать свою обиду, было бы не политично. Поэтому, почти уже садясь въ экипажъ, онъ послалъ къ ксендзу де-Флери, съ которымъ былъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ, спросить, можетъ ли онъ проститься съ королевой? Вопросъ этотъ долго оставался безъ отвѣта, но, наконецъ, князю Карлу принесли извѣстіе, что королева его ожидаетъ. Онъ предпочелъ-бы, чтобы она подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказала ему въ пріемѣ, но отступить было уже поздно. Эта непріятная встрѣча не могла имѣть никакихъ послѣдствій; это была жертва приличію. Онъ засталъ королеву съ де-Флери и m-me Дезессаръ въ пріемной залѣ. Съ радушной, дѣланной улыбкой, какой всегда и вездѣ встрѣчала своихъ гостей королева, съ важностью, которая никогда ее не покидала, она приняла князя Карла. Она чувствовала себя свободной, тогда какъ онъ входилъ видимо смущенный. Не будучи никогда краснорѣчивымъ, теперь менѣе чѣмъ когда-либо онъ могъ произнести нѣсколько словъ. Приближаясь къ ней, онъ пробормоталъ что-то о прощаніи, о непріятномъ отъѣздѣ изъ Варшавы.

— Вы очень легко могли-бы избѣжать этого вынужденнаго путешествія,—смѣло заявила королева.

Князь Карлъ закусилъ губы и отвѣтилъ почти гнѣвнымъ взглядомъ.

— Да,—сказалъ онъ, начиная уже кипятиться:—но разъ уже увлеченный и склоненный къ тому, чтобы стать въ ряды кандидатовъ, я не могу и не хочу отступать. Корона эта,—прибавилъ онъ,—въ настоящее время, при такихъ обстоятельствахъ, такъ непривлекательна, и такъ тяжело будетъ носить ее, что желаніе ея, какъ мученическаго вѣнца, никому не можетъ быть поставлено въ укоръ. Съ моей стороны,—могу васъ увѣрить,—это жертва Рѣчи Посполитой, родившись на лонѣ которой, я считаю себя ея сыномъ. Всѣ знаютъ, какъ я полюбилъ тихую и уединенную жизнь, но сегодня мы должны думать не о себѣ.

— Никто не сумѣетъ оцѣнить этой жертвы лучше меня,—церемонно начала королева.—Я смотрѣла своими глазами на

то, сколько приходилось переносить покойному королю, а теперь ему даже и въ гробу не даютъ покоя. Клевета преслѣдуетъ его даже мертваго.

Съ опущенными глазами слушалъ ее князь Карлъ.

— Грустнѣе всего для меня то,—прибавилъ онъ, — что я долженъ буду выступить противъ брата, котораго не сломили еще его прошлыя неудачи.

Марія Людвика отвѣтила только многозначительнымъ взглядомъ; чтобы перемѣнить направленіе разговора, она спросила его о квартирѣ въ Яблонной, пожалѣла съ нимъ вмѣстѣ о ея неудобствахъ. Нѣсколько постороннихъ вопросовъ и отвѣтовъ закончили, наконецъ, тяжелый для обоихъ разговоръ. Она проводила гостя нѣсколько шаговъ къ дверямъ и князь Карлъ вздохнулъ свободнѣе за порогомъ.

Пока это происходило въ замкѣ, а сенаторы какъ-то вяло собирались, князь Альбрехтъ, канцлеръ литовскій и другіе болѣе важные сановники старались заранѣе обдумать, какъ вести предстоящій сеймъ, чтобы избѣгнуть раздора, позднихъ и напрасныхъ упрековъ, невознаградимой потери времени. Мало-по-малу уже начинали образовываться кучки, которыя, однако, почти всѣ сходились на томъ, что быстрый выборъ монарха былъ теперь самой важной задачей. Значительное большинство держало сторону короля шведскаго, немногіе предлагали епископа, за его порядокъ и хозяйственность, хваля его за нѣсколько сотъ людей, посланныхъ имъ въ Баръ.

Едва только оба кандидата успѣли устроиться въ Яблонной и Непорентѣ, какъ къ нимъ начали наплывать гости изъ Варшавы. Князь Карлъ, обыкновенно бережливый, долженъ былъ показывать себя щедрымъ и гостепріимнымъ, а Янъ Казиміръ, у котораго былъ недостатокъ средствъ, не могъ ему дозволить перещеголять себя въ чемъ-бы то ни было. Съ тяжелой заботой объ этомъ, несмотря на хлопоты Бутлера, прибылъ онъ во временную резиденцію, но тутъ въ первый разъ дала себя почувствовать помощь какой-то невидимой руки, которую легко было отгадать. Помощь эта не шла прямо и явно отъ королевы, но не могла быть ни отъ кого другого. У короля вдругъ все явилось въ изобиліи, и посуда, и припасы и все это какимъ-то чудомъ являлось само собой, приходило

по разнымъ дорогамъ. Староста удивлялся и тѣшился. Король ободрился и поздравлялъ самого себя съ дружбой королевы. Однако, соперничество князя Карла все еще было опаснымъ, такъ какъ епископъ имѣлъ деньги и не жалѣлъ ихъ теперь. Между братьями съ каждымъ днемъ росли раздоръ и вражда. Король шведскій, который былъ неостороженъ въ словахъ и не умѣлъ себя сдерживать, повторялъ оскорбительныя для брата сплетни. Переносились онѣ услужливыми дармоѣдами изъ Непорента въ Яблонную и возбуждали тамъ мстительность и еще большую настойчивость. Нигдѣ не представляли Яна Казиміра въ болѣе черномъ цвѣтѣ, какъ въ комнатахъ епископа, и здѣсь въ первый разъ пустили сплетню, будто-бы король шведскій выразился вслухъ, что итальянскую собаку онъ больше цѣнитъ, чѣмъ польскаго шляхтича.

Съ другой стороны осмѣивали князя Карла, который будто бы сказалъ, что онъ готовъ сѣсть на коня и ѣхать на войну, что, однако, было непохоже на него.

— Если у Рѣчи Посполитой не будетъ другихъ защитниковъ, кромѣ ему подобныхъ, то казаки съѣдятъ ее!—кричали казиміровцы.

Сторонники князя Карла упирали на то, что никогда и нигдѣ Янъ Казиміръ не могъ долго выдержать, все скоро противѣло ему и онъ уже хватался за что-нибудь новое. Знали они предсказаніе Іосифа изъ Коперты, который будто бы заранѣе предсказалъ, что Янъ Казиміръ ни монахомъ, ни кардиналомъ долго не будетъ, а если-бы ему даже досталась корона, онъ не умретъ королемъ, потому что и ту броситъ. Этотъ легкомысленный характеръ, пустые разговоры, любимое общество карликовъ, шутовъ, обезьянъ и т. п.—все это ставили въ укоръ будущему королю, тогда какъ Карлъ, добросовѣстный и серьезный, обѣщалъ силой своего характера, доказательства котораго онъ давалъ не разъ, выработать въ себѣ все, что пожелаетъ. На его постоянство можно было разсчитывать. На другой-же день въ Непорентѣ знали, что наканунѣ говорили въ Яблонной и наоборотъ, и непріязнь братьевъ другъ къ другу все росла.

При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ всѣ попытки на какое-нибудь соглашеніе, предпринимаемыя Оссолинскимъ,

Радзивилломъ и нѣсколькими духовными, не могли привести ни къ чему. Ненависть и вражда, росли съ каждымъ днемъ, а расточительность князя Карла, который, несмотря на свою бережливость, сорилъ деньгами направо и налѣво, надѣясь побѣдить этимъ Казиміра, служила лучшимъ доказательствомъ ненависти, дошедшей до крайнихъ предѣловъ.

Князь Карлъ, который чувствовалъ и видѣлъ, что за Яномъ Казиміромъ стояла королева Марія Людвика, и ее закидывалъ грязью. Съ болью сердца видѣли сенаторы эту возрастающую вражду. Однимъ изъ дальнѣйшихъ посредниковъ, которые до послѣдней минуты не отчаивались въ примиреніи, былъ князь Альбрехтъ Радзивиллъ, канцлеръ литовскій. Онъ дѣйствовалъ въ пользу Казиміра, идя рука объ руку съ королевой, а за ними шелъ, хотя и не такъ явно и открыто дѣйствующій Оссолинскій. Онъ надѣялся такимъ образомъ остаться при своемъ прежнемъ вліяніи и значеніи, а его ненасытное честолюбіе, дѣйствительно, могло ожидать себѣ многаго въ царствованіи слабаго Казиміра.

Чрезвычайно ловко дѣйствовалъ канцлеръ литовскій, который зналъ людей и умѣлъ извлекать изъ нихъ себѣ выгоду. Въ рукахъ его, совершенно незамѣтно для самихъ себя, становились слѣпыми орудіями такіе, которымъ онъ навязывалъ свои убѣжденія, какъ ихъ собственныя. Не находя возможности самому часто показываться въ Яблонной, гдѣ хотя и принимали его очень радушно, но не обольщались надеждами на его доброжелательство,—Радзивиллъ подсылалъ туда епископовъ и духовенство, которое должно было отговаривать князя Карла прежде всего отъ безполезнаго соперничества, а затѣмъ отъ короны, которая была бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ для набожнаго епископа.

Князь Карлъ однако до сихъ поръ былъ твердъ и непоколебимъ, упрямо стоялъ на своемъ. Онъ казалось былъ слѣпъ на то, что небольшая горсть его сторонниковъ не имѣла въ сенатѣ почти никакого значенія, и даже среди шляхты весьма сомнительное вліяніе. Несмотря на всѣ эти обманчивыя обѣщанія и надежды, какими кормили князя Карла, онъ слишкомъ былъ разсудителенъ, черезчуръ хорошо зналъ людей, чтобы *въ концѣ концовъ не* усумниться въ глубинѣ души въ удачѣ

своей кандидатуры. Огромные расходы, которымъ не было конца, также начинали его охлаждать, хотя онъ и не давалъ этого замѣтить, и каждый разъ какъ приходили посланные отъ канцлера, вздыхая, и склоняя къ миру и дружбѣ, князь Карлъ вспыльчиво заявлялъ, что онъ ни за что не откажется отъ кандидатуры. Быстрый взоръ Радзивилла замѣтилъ уже однако большую перемѣну въ словахъ и поступкахъ князя Карла со времени его выѣзда изъ Варшавы. Явная помощь королевы и изъ достовѣрныхъ источниковъ полученное извѣстіе, что посолъ французскій уже получилъ письма отъ своего короля, предлагающаго выбрать Яна Казиміра, что апостольская столица также подала свой голосъ за эксъ-кардинала, пришибли наконецъ епископа и отняли у него всякую рѣшимость. Одно только самолюбіе удерживало его еще.

Высоцкій, Чирскій и Нищицкій, эта дѣятельная тройка въ заѣзжемъ домѣ надъ Вислой, черезъ своихъ посланныхъ въ Яблонную, старались доказать князю Карлу, что мазовецкая шляхта, самая многочисленная на выборномъ полѣ, должна была играть тамъ главную роль; ея крики возьмутъ верхъ и потянутъ за собой другія воеводства.

Можно сказать также, что оба кандидата на корону, почти въ постоянной горячкѣ, мало имѣли времени на размышленія. Въ Непорентѣ и Яблонной дня не было безъ гостей изъ Варшавы; они постоянно мѣнялись и усиливали лихорадочное состояніе. Въ каждой изъ этихъ двухъ резиденцій были доброжелатели, склоняющіе къ твердости и настойчивости, а въ особенности росла партія Яна Казиміра, хотя отъ королевы ничего нельзя было узнать: она неохотно говорила о выборахъ, казалась равнодушной, и только съ Радзивилломъ была откровенна, при посредничествѣ котораго шли съ ея стороны помощь, совѣты и указанія.

VI.

«Ужъ если кому повезетъ,—говаривали наши дѣды,—тотъ хоть бы колѣнями упалъ на землю—на кладъ наткнется, а кого судьба начнетъ преслѣдовать, у того и хлѣбъ въ рукахъ въ камень обращается». Испыталъ это и Дызма Стжембошъ.

Король шведскій всегда чувствовалъ къ нему особенную слабость, но въ эту минуту, быть можетъ, и не вспомнилъ бы о немъ и не представилъ бы ему случая выслужиться, если бы жалоба итальянки не напомнила ему о немъ. Дѣло шло о доставленіи извѣстій съ сейма въ Непорентѣ, но не оффиціальныхъ, насчетъ которыхъ можно было легко освѣдомляться, потому что ихъ привозили и Бутлеръ, и молодой Тизенгаузъ, а закулисныхъ сплетенъ, которыя позволяли бы судить о настроеніи умовъ шляхты и будущемъ ходѣ дѣлъ.

Стжембошъ имѣлъ проницательный взоръ и ему-то король и далъ полную свободу вращаться между Непорентомъ и Варшавой.

Совершенно такое-же порученіе отъ князя Карла имѣлъ и Нищицкій.

Королева въ замкѣ если можно такъ выразиться, чувствовала каждое біеніе пульса сеймовой жизни. Отсюда выходили тайкомъ программы дня, и все, что здѣсь предвидѣли, исполнялось самымъ удивительнымъ образомъ.

Стжембошу порученіе его пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу. Правда, что на выборномъ полѣ, не говоря уже о грязной дорогѣ въ Непорентъ, бродить въ эти осенніе дни было не очень пріятно, а съ самаго начала сейма, дождь лилъ какъ изъ ведра, но молодость легко и бодро переноситъ подобныя неудобства. Многіе старцы-сенаторы, страдающіе подагрой, чувствовали себя хуже въ эти сырые дни, нѣкоторые изъ нихъ даже лежали, но Стжембошъ, хоть ему и текло за воротникъ, посвистывалъ себѣ и всегда являлся къ Яну Казиміру съ такимъ веселымъ лицомъ, что и ему придавалъ бодрости.

На самомъ дѣлѣ сеймъ, очень еще неполный, потому что многіе были въ дорогѣ, а о другихъ говорили, что они совсѣмъ не будутъ,—ступалъ, какъ человѣкъ, котораго предостерегали, что онъ можетъ наткнуться на камень или упасть въ яму. Боялись касаться извѣстныхъ обстоятельствъ и особъ.

Стжембошъ, у котораго былъ отличный нюхъ, когда предвидѣлъ, что въ сеймѣ дѣло дойдетъ до чего-нибудь важнаго, весь день сидѣлъ подъ навѣсомъ, а въ другіе дни бѣгалъ въ *Непорентъ*. Онъ присоединялся то ко двору князя Альбрехта

Радзивилла, то къ людямъ Казановскаго, а внѣ навѣса среди шляхты, ему не надо было никого.

И уже при самомъ началѣ произошло раздѣленіе на два лагеря. Стжембошъ тщательно избѣгалъ объявлять, къ какой партіи онъ самъ принадлежитъ. Въ первый-же день, какъ громъ, раздался голосъ: «Прочь съ чужеземцами! прогнать изъ войска вѣроломныхъ русиновъ, отнять у чужеземцевъ и плебеевъ имѣнья, которыя они держатъ въ арендѣ!» и т. д. Напоръ этотъ нѣсколько сдержалъ канцлеръ литовскій. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней сеймъ, можно сказать, пробовалъ свой пульсъ, пока наконецъ явились коммиссары отъ злосчастнаго войска и стали горевать и оправдываться. Тогда съ истиннымъ мужествомъ выступилъ Адамъ Кисель, руссинъ, но мужъ правый, котораго одни называли измѣнникомъ, а другіе уважали по заслугамъ.

Между тѣмъ въ особенности духовенство спѣшило съ пожертвованіями; одни жертвовали Рѣчи Посполитой людей, другіе, какъ епископъ жмудскій, жертвовали деньги.

Каждый день король выбѣгалъ на встрѣчу Стжембошу или Бутлеру:

— Ну, что же, что?—И получалъ все одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что ни о немъ, ни о князѣ Карлѣ на сеймѣ вовсе не было и рѣчи. Янъ Казиміръ выходилъ изъ себя. Онъ терялъ терпѣніе и жаловался на проволочки, боясь, чтобы Карлъ не воспользовался ими. Стжембошъ, все съ тѣмъ же спокойнымъ лицомъ, увѣрялъ, что не о чемъ было безпокоиться. Обыкновенно король выслушивалъ его съ глаза на глазъ, не допуская никого, что было на руку и Дызмѣ, ибо онъ могъ дать волю своему языку. Въ одинъ прекрасный день, видя безпокойство короля, онъ осмѣлился прямо сказать:

— Государь, дѣла наши стоятъ отлично,—нечего бояться. У королевы тамъ много своихъ, и она чутко бодрствуетъ.

Сильно покраснѣлъ король и хотѣлъ было сначала отпереться отъ этого союза, но потомъ сообразилъ, что это ни къ чему бы не повело: онъ сдѣлалъ видъ, что пропустилъ это мимо ушей.

— Учусь терпѣнію,—ворчалъ король, слушая Стжембоша и Бутлера:—ужъ если иначе не можетъ быть...

Староста Бутлеръ доказывалъ, что иначе дѣйствительно не могло быть. Сеймъ давалъ время братьямъ помириться другъ съ другомъ, чтобы въ послѣднюю минуту не было раздора и борьбы. Кисель даже публично высказался за то, чтобы сеймъ послалъ къ обоимъ королевичамъ и уговорилъ ихъ помириться. Но воевода брацлавскій, очевидно, не былъ посвященъ во всѣ тайны и этотъ совѣтъ ему не понравился. Оффиціально сеймъ ничего не зналъ о кандидатурахъ, а навязывать имъ корону— это унижало достоинство Рѣчи Посполитой.

И вотъ, Стжембошъ привозилъ извѣстія, какъ совѣтовались о выборѣ гетмановъ, о войскѣ, а настойчивыя требованія выборовъ сеймъ отражалъ тѣмъ, что Литва еще не прибыла. Не годилось провозглашать короля безъ нея. Съ другой стороны торопили съ выборами, затѣмъ войско прислало отъ себя легатовъ, требовали разслѣдовать, кто былъ причиной всѣхъ неудачъ.

Между тѣмъ королева, канцлеры и всѣ сторонники Яна Казиміра были очень дѣятельны, не всегда даже докладывая ему, что они дѣлали. Онъ попалъ подъ такую опеку, что оставалось только сидѣть, слушать и спокойно ждать помощи.

Съ одной стороны король шведскій былъ очень радъ этому, но съ другой стороны это казалось ему унизительнымъ. Передъ однимъ только Бутлеромъ высказался онъ о своихъ чувствахъ униженія.

— Видишь, Бутлеръ, развѣ я не говорилъ! Королева уже захватила меня въ свои руки и опутала, она здѣсь все, безъ нея я, надо сознаться, не вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой борьбы. А что-же будетъ дальше?

— Государь,—утѣшалъ староста,—вѣдь тутъ дѣло идетъ только объ избраніи; пусть только она или, съ позволенія сказать, самъ чертъ дастъ корону,—вѣдь ваше величество не дали на себя росписки кровью; изъ кажущейся неволи всегда будетъ время вырваться.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый день, когда сеймъ долженъ былъ принимать торжественное посольство, прежде всего отъ Яна Казиміра. Онъ заранѣе уже хлопоталъ о томъ, чтобы оно соотвѣтствовало его королевскому достоинству, но все явилось само собой отъ какой-то невидимой руки, легко и величественно. *Явилось* триста отборныхъ всадниковъ, о происхож-

деніи которыхъ никто не спрашивалъ, чтобы придать больше торжественности и величія процессіи, въ которой ѣхали епископъ Жмудскій, воевода белзкій и мазовецкій, референдарь литовскій, коронные: конюшій, кравчій и хорунжій, староста львовскій, много другихъ, а изъ двора Казиміра—Ѳома Сапѣга и Тизенгаузъ—его придворные.

Сенатъ и шляхта, такъ какъ погода была сносная, выстроясь на полѣ полукругомъ, выслушивали посольство, отъ имени котораго говорилъ епископъ. Рѣчь его была ловко написана и очень хорошо произнесена, всеобщее же настроеніе было таково, что ее приняли благосклонно.

Стжембошъ, которому было дано порученіе немедленно дать знать, какое впечатлѣніе произвела рѣчь, не дождавшись даже отвѣта архіепископа и предсѣдателя сейма, вскачь помчался въ Непорентъ. По уши забрызганный грязью, онъ имѣлъ счастье первымъ донести съ нетерпѣніемъ ожидавшему королю о его посольствѣ.

— Государь, — воскликнулъ онъ шутливымъ тономъ, — клянусь всѣмъ, что у меня есть самаго святаго, сердца всѣхъ такъ расположены къ вашему королевскому величеству, что даже тѣ, которые вовсе не слыхали рѣчи епископа жмудскаго, а такихъ навѣрное было больше всего,—и тѣ апплодировали ей и громогласно ее одобряли.

Казиміръ не могъ этимъ успокоиться, ему надо было знать: какъ выглядѣли его триста всадниковъ, какое впечатлѣніе произвели фигуры его пріятелей, достаточно ли серьезно и торжественно явились они отъ его имени. Дызма долженъ былъ описывать ему костюмы, лошадей, предсказывая по тому, что уже было извѣстно, что посольство князя Карла, навѣрное, не будетъ такимъ роскошнымъ. Король шведскій ликовалъ, а пріѣхавшій на другое утро Бутлеръ въ точности подтвердилъ донесеніе Стжембоша.

Въ слѣдующіе дни принимали посла шведскаго, который, отъ имени королевы, поддерживалъ одинаково обоихъ королевичей, и папскаго посла де-Торресъ, къ свитѣ котораго присоединился и канцлеръ Радзивиллъ. Папа римскій также не дѣлалъ никакого различія между братьями, но было извѣстно, что онъ далъ порученіе поддерживать эксъ-кардинала.

Князь Карлъ только черезъ недѣлю послѣ этого отправилъ свое посольство, но скромно, даже и тѣ, которые обѣщали быть, какъ Ходекевичъ, староста мозырскій, не явились, и рѣчи епископа кіевскаго, обѣщавшаго отъ имени Карла 10,000 людей на защиту отчества,—никто не слыхалъ, —такой поднялся шумъ и гамъ, навѣрное заранѣе условленный.

Когда онъ, оканчивая свою рѣчь, высказался такъ, что епископъ Карлъ самъ готовъ идти на войну и пролить свою кровь, стоявшіе около Зарембы начали громко смѣяться. Даже тѣ, которые желали-бы объяснить въ пользу Карла послѣдствія этого посольства, не могли не сознаться, что оно было весьма неудачно. Все складывалось такъ, чтобы отнять у епископа всякую надежду. Какъ донесли объ этомъ въ Яблонную—неизвѣстно. Въ Непорентѣ радость была велика; одно только отравляло ее—это то, что во всемъ этомъ Казиміръ чувствовалъ ту невидимую руку, которая такъ его тревожила.

— Бутлеръ,—что ты скажешь?—спрашивалъ Казиміръ.

— Поздравляю и радуюсь; галушки сами летятъ намъ въ ротъ,—говорилъ староста,—самимъ бы намъ этого никогда не сдѣлать.

— Но,—вдругъ прервалъ король, который старался хоть этимъ утѣшить себя,—не думай, что все это дѣло ея рукъ. Нѣтъ, я имѣю за собой канцлера литовскаго, а это человѣкъ положительный и очень вліятельный. Это его дѣло.

— Да,—невольно или нарочно сказалъ Бутлеръ,—я въ этомъ увѣренъ, потому что знаю, что онъ каждый день совѣтуется съ королевой и безъ нея ничего не дѣлаетъ. Она и канцлеръ: мы можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ!

Между тѣмъ срокъ выборовъ все откладывался, потому что Радзивилъ и Оссолинскій рѣшили не приступать къ нимъ, пока князь Карлъ не откажется. Надо было только склонить его къ этому.

Посылали разныхъ лицъ въ Яблонную, предостерегали, старались увѣрить епископа, что онъ ни въ какомъ случаѣ не удержится: онъ не уступалъ.

Высоцкій, Чирскій, Нищицкій обнадеживали его, что шляхта перекричитъ сенаторовъ и принудитъ ихъ къ избранію епископа. *Разсчитывали* на Мазуровъ, надѣялись съ помощью Ход-

кевичей привлечь на свою сторону Литву, которой въ тягость было правленіе Радзивилла.

Епископъ не объяснялся, не высказывалъ того, на что надѣялся, но съ таинственной улыбкой принималъ гостей изъ Варшавы, поилъ и кормилъ ихъ, объявляя, что онъ желаетъ выдержать борьбу до конца.

Упрямство Карла, хотя оно и не было опасно, крайне бѣсило Казиміра.

Пріѣздъ Вишневецкаго, дѣла войска—на нѣкоторое время отвлекли вниманіе отъ выборовъ; канцлеръ, однако, постоянно настаивалъ на нихъ. Весьма дѣятельный, онъ два раза заглянулъ въ Яблонную, но ничего не могъ подѣлать съ епископомъ.

Между тѣмъ готовился всѣмъ, а въ особенности королевѣ и Радзивиллу—сюрпризъ.

Король шведскій горевалъ надъ тѣмъ, что онъ такъ мало могъ сдѣлать самъ для себя и всѣмъ былъ обязанъ помощи Маріи Людвики и хлопотамъ литовскаго канцлера. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣной величайшей жертвы, самъ, безъ всякихъ посредниковъ, объясниться съ Карломъ.

Сильно удивился Стжембошъ, когда однажды вечеромъ король позвалъ его къ себѣ. Янъ Казиміръ принялъ его, съ крестомъ въ рукѣ, сильно взволнованный и дрожащій.

— Поклянись мнѣ здѣсь, сейчасъ-же, что... сохранишь тайну.

— Государь,—воскликнулъ Дызма,—да на это не надо ни креста, ни присяги.

— Присягни.

Стжембошъ послушался.

Дрожащей рукой всунулъ ему Казиміръ уже готовое написанное письмо.

— Садись на коня, поѣзжай въ Яблонную, отдай это письмо въ собственныя руки моего брата Карла и привези мнѣ отвѣтъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ Дызма въ глаза говорившему, но не посмѣлъ сказать слова.

— Ни одна живая душа не должна знать, куда ты ѣдешь: понимаешь? — Казиміръ такъ спѣшилъ, что прямо толкнулъ Дызму къ дверямъ.—Поѣзжай!

Все это должно было происходить въ величайшей тайнѣ, но черезъ полчаса, когда Бутлеръ прибылъ изъ Варшавы съ донесеніями, Казиміръ не могъ соблюсти передъ нимъ тайны.

— Знаешь,—воскликнулъ онъ, отводя Бутлера въ сторону,— я сдѣлалъ глупость или разумный шагъ: надоѣла мнѣ эта опека королевы и канцлера; я захотѣлъ сдѣлать что нибудь самъ.

Бутлеръ, знающій неловкость своего государя, всплеснулъ руками.

— Я написалъ письмо къ Карлу.

— Но вѣдь вы его еще не выслали!—тревожно спроосилъ староста.

— Alea jacta est... письмо послано,—отвѣчалъ Казиміръ, прохаживаясь по комнатѣ.—Если и это не подѣйствуетъ на Карла, совѣсть моя будетъ спокойна.

Бутлеръ смолчалъ.

По его мнѣнію, это былъ невѣрный шагъ, и что еще хуже, сдѣланный самовольно, безъ вѣдѣнія королевы и канцлера, и могъ обидѣть ихъ обоихъ. Радзивиллъ не заслуживалъ того, чтобы его обходили.

На этотъ разъ однако все устроилось гораздо удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Братское письмо Казиміра, почти даже нѣжное, пришло въ минуту окончательнаго изнуренія и упадка духа князя Карла. Въ этотъ же день ксендзъ Заремба проболтался ему, что заявленіе, будто онъ самъ сядетъ на коня, было принято со смѣхомъ. Спокойные дни, проводимые за книгами, въ садикѣ, среди цвѣтовъ, пришли на память епископу. Онъ сталъ себя спрашивать, зачѣмъ ему понадобился этотъ облитый кровью терновый вѣнецъ. Онъ поколебался, всталъ на колѣни, началъ молиться, заплакалъ. У него всегда былъ бурный темпераментъ, но тщательно сдерживаемый; и теперь рѣшеніе отказаться отъ кандидатуры явилось неожиданно, какъ взрывъ. Онъ предпочиталъ уступить просьбѣ брата, чѣмъ настойчивымъ требованіямъ своихъ партизановъ.

Стжембошу приказано было ждать.

Отвѣтъ Карла звучалъ коротко и торжественно. Это уже не было письмо соперника, а какой-то болѣзненный крикъ христіанской души. Епископъ не ставилъ даже никакихъ условій.

Стжембошъ, получивъ отвѣтъ, поспѣшилъ съ нимъ въ

Непорентъ; а тѣмъ временемъ пріѣзжавшіе ежедневно въ Яблонную гости находили двери закрытыми. Имъ говорили, что князю Карлу нездоровится и онъ никого не можетъ принимать.

Высоцкій, который уже съ самаго утра ожидалъ денегъ, такъ какъ въ заѣзжемъ домѣ бочки и лари стояли пустые, получилъ приказъ—закрыть корчму и... положить конецъ всему. Напрасно онъ добивался увидѣть епископа. Капелланъ, по приказанію князя, повторилъ ему тѣ же распоряженія.

Въ Непорентѣ Бутлеръ съ безпокойствомъ высматривалъ Стжембоша; а что дѣлалось за это время томительнаго ожиданія съ Яномъ Казиміромъ, пойметъ вѣроятно только тотъ, кому случалось наблюдать подобные характеры. Онъ то становился на колѣни въ жаркой молитвѣ передъ образомъ Червенской Божьей Матери, то вскакивалъ, ходилъ, гонялъ слугъ, пилъ воду, вино, охлаждалъ себя и, почувствовавъ дрожь, согрѣвалъ. Изъ передней онъ постоянно то звалъ кого-нибудь, то выгонялъ. Клѣтку попугая, который кричалъ «подите прочь», закрыли, карлики должны были идти въ уголъ. Прибытіе Стжембоша, который самъ съ письмомъ вошелъ въ спальню, чуть-чуть не сдѣлалось причиной обморока; король взялъ его въ руки, положилъ на столъ и, не обращая вниманія на присутствіе Дызмы упалъ на колѣни на молитву. Потомъ взялъ бумагу, сломалъ печать, кинулъ на него взглядъ и крикъ радости вырвался у него изъ груди.

Онъ взглянулъ на Дызму.

— Богъ тебѣ заплатитъ, — воскликнулъ онъ, — иди и отдохни.

Въ эту минуту уже явился староста и съ удивленіемъ увидѣлъ сіяющую физіономію своего государя.

Казиміръ высоко поднялъ въ рукѣ письмо брата.

— А что?—вскричалъ онъ,—я никуда негоденъ? а? Нянекъ мнѣ нужно? Видите, безъ ихъ помощи, я самъ объяснился съ Карломъ.

— Поздравляю ваше королевское величество,—отвѣчалъ Бутлеръ,—что правда, то правда: это былъ очень удачный шагъ, если бы канцлеръ и королева не подготовили князя Карла...

— Перестань, на этотъ разъ—это уже мой собственный тріумфъ,—прервалъ король.

— Которымъ, однако, надо подѣлиться съ Радзивилломъ и королевой, чтобы не оттолкнуть ихъ отъ себя.

— Я хочу отъ нихъ освободиться! — воскликнулъ Янъ Казиміръ.—Не давай мнѣ наставленій.

Бутлеръ замолчалъ.

Взрывъ своеволія и проявленіе собственной силы были уже неизбѣжны; староста предвидѣлъ послѣдствія этого, но хорошо зналъ своего государя, которому тщетно было бы противиться въ первыя минуты его увлеченія. Бутлеръ зналъ, что начатое такъ дерзко ни въ какомъ случаѣ не могло такъ продолжаться. Король о своихъ переговорахъ съ братомъ вовсе не далъ знать ни Радзивиллу, ни королевѣ, какъ-бы это по-настоящему слѣдовало сдѣлать, хотя и могъ предвидѣть, что это будетъ ему поставлено въ укоръ. Вмѣсто этого онъ созвалъ Казановскаго, Оссолинскаго, Денгофа и нѣсколькихъ другихъ, чтобы переговорить объ условіяхъ.

Наканунѣ св. Мартына (10 ноября) канцлеръ литовскій такъ былъ занятъ сеймовыми и своими дѣлами, что не видѣлся ни съ королевой, ни съ Казиміромъ, и не предполагалъ даже, чтобы безъ него что-нибудь сдѣлали. Онъ зналъ, что былъ необходимъ, а въ королѣ онъ не предвидѣлъ этого стремленія вырваться на свободу. Марія Людвика тотчасъ же тайно была извѣщена объ объясненіи братьевъ и, зная натуру Казиміра, съ улыбкой приняла это извѣстіе и съ полнымъ хладнокровіемъ отдала соотвѣтствующія распоряженія.

Между тѣмъ въ Непорентѣ все было въ безпокойствѣ. Казиміръ, какъ каждый человѣкъ, чувствующій себя слабымъ, хотѣлъ вполнѣ воспользоваться случайно пріобрѣтенной побѣдой, сдѣлать это какимъ то блестящимъ, рѣшительнымъ доказательствомъ необыкновенной энергіи и ловкости. Поэтому онъ уже самъ, никого не спрашивая, велъ дѣло дальше.

Набожный князь Альбрехтъ въ день св. Мартына выходилъ изъ костела и собирался уже сѣсть въ карету, когда стоящій тутъ-же Денгофъ спросилъ его: поѣдетъ ли онъ въ Яблонную вмѣстѣ съ ними или пріѣдетъ позже?

— Я сегодня не собираюсь тамъ быть,—возразилъ канцлеръ.

— Какъ это такъ? Но вѣдь вы тоже принадлежите къ *нашему посольству*?—воскликнулъ Денгофъ.

— Какое посольство? Я ни о какомъ не слыхалъ! — сказалъ Радзивиллъ, поводя плечами.

— Можетъ ли это быть?—прервалъ Денгофъ.—Но вѣдь вы знаете, что король шведскій объяснился со своимъ братомъ и что князь Карлъ отказывается отъ кандидатуры? Насъ попросили заключить съ нимъ вступительныя условія, послѣ чего король уже самъ отправится въ Яблонную.

Пораженный этимъ извѣстіемъ и задѣтый имъ за живое, канцлеръ всталъ, какъ окаменѣлый.

Итакъ, онъ, который больше всѣхъ помогалъ Казиміру, который все это подготовилъ, склонилъ на его сторону королеву, облегчилъ ему отыскиваніе приверженцевъ, онъ оказался въ сторонѣ, умышленно забытый, обойденный! Дѣйствительно, можно было чувствовать себя до глубины души оскорбленнымъ подобнымъ поведеніемъ короля, а канцлеръ слишкомъ хорошо сознавалъ свою силу, чтобы тревожиться и напрашиваться самому. Черезъ минуту онъ уже совершенно хладнокровно отвѣчалъ Денгофу, что въ этотъ день онъ слишкомъ занятъ и не только въ Яблонную, но даже за городъ не можетъ выѣхать.

Канцлеръ не зналъ еще, какъ ему поступить, совершенно отступиться отъ Казиміра было уже слишкомъ поздно, напрашиваться же онъ тоже не хотѣлъ, да и не могъ.

Прямо изъ костела онъ поѣхалъ въ замокъ къ королевѣ, которая была увѣрена, что его увидитъ, и ожидала его. Она съ полнымъ хладнокровіемъ уже все разсчитала и нашла этотъ случай очень выгоднымъ для себя. Она была увѣрена, что за это бравированіе своей силой король шведскій вскорѣ долженъ будетъ заплатить тревогой и колебаніемъ, которыми она надѣялась воспользоваться. Князь Альбрехтъ, не привыкшій къ тому, чтобы съ нимъ обходились съ пренебреженіемъ, все еще не могъ придти въ себя: до такой степени оскорбили его неблагодарность и дерзкое съ нимъ обращеніе короля. Это отражалось на его лицѣ, когда онъ, здороваясь съ королевой, думалъ, что онъ первый увѣдомитъ ее о поступкѣ короля шведскаго.

— Государыня,—сказалъ онъ, цѣлуя ей руку,—я прихожу сегодня съ новостью, которой бы никогда и ни за что не по-

вѣрилъ, если бы она, увы, не была слишкомъ вѣрной. Король шведскій...

Марія Людвика указала ему на стулъ.

— Я знала объ этомъ еще вчера, — сказала она, — онъ самъ обратился къ Карлу, а такъ какъ этотъ послѣдній былъ уже изнуренъ, то ему удалось его склонить. Онъ сдѣлалъ это, не спрашивая ни васъ, ни меня.

— Лучше того,—вырвалось у канцлера,—онъ послалъ сегодня отъ себя сенаторовъ для веденія переговоровъ объ условіяхъ, а мнѣ не далъ даже знать, обошелъ, оставилъ въ сторонѣ.

Марія Людвика весело засмѣялась.

— Мой князь,—проговорила она,—иначе и быть не могло: король чувствовалъ себя униженнымъ тѣмъ, что вы все за него обдумывали и дѣлали. Ему непремѣнно захотѣлось сдѣлать что-нибудь и самому; ему удалось — и онъ безконечно радъ этому. Дадимъ ему позабавиться, —прибавила она съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія.

Радзивиллъ слушалъ, но видно было, что онъ не могъ такъ равнодушно, такъ хладнокровно отнестись къ этому оскорбленію, какъ королева.

Марія Людвика снова заговорила:

— Я увѣрена, что онъ скоро опамятуется и исправится, но надо дать ему почувствовать всю неблагодарность его поведенія. Мы имѣемъ право считать это за нарушеніе тѣхъ условій, которыя насъ съ нимъ связывали: итакъ, вы и я также чувствуемъ себя совершенно свободными и не обязаны такъ усердно поддерживать его и помогать ему. Я уже отдала соотвѣтствующія приказанія. На видъ ничего не измѣнится, но... но я должна отступить.

Канцлеръ былъ гнѣвенъ; радзивилловская гордость, значеніе его при дворахъ Сигизмунда III и Владислава, насмѣшки, которымъ онъ могъ теперь подвергнуться, не позволяли ему успокоиться.

— Что касается меня, — сказалъ онъ, — то я также не думаю теперь быть такимъ дѣятельнымъ и ретивымъ, какъ до сихъ поръ, если мои услуги отталкиваютъ и пренебрегаютъ ими: но я не могу сдѣлать этого, не объявивъ откровенно *королю, что я обиженъ*, что я глубоко оскорбленъ.

Королева взглянула на него.

— Поступайте, какъ вы найдете удобнѣе,—сказала она,— но позвольте мнѣ не обнаруживать передъ нимъ своей обиды. Я никогда не говорила съ нимъ откровенно и не чувствую себя обязанной къ этому. До сихъ поръ я помогала ему, но теперь я могу и отступить, тѣмъ легче, что онъ не будетъ нуждаться въ моей помощи.—Она какъ-то странно улыбнулась.— Я совершенно свободна, — прибавила она.

Канцлеръ сидѣлъ, задумавшись. Онъ думалъ о томъ, какого государя готовили они себѣ этимъ выборомъ, теперь уже неизбѣжнымъ. Поступокъ короля какъ нельзя лучше обрисовывалъ его характеръ.

— Что же касается до послѣдствій этого́, легкомысленнаго по отношенію къ вамъ шага, — сказала королева, — то я вполнѣ увѣрена, что, едва успѣвъ сдѣлать это, едва дозволивъ себѣ это своеволіе, король шведскій теперь уже безпокоится и жалѣетъ. Если вы напишите ему, онъ самъ поспѣшитъ къ вамъ съ извиненіемъ.

— Быть можетъ, — отвѣчалъ Радзивиллъ, —но что это охладило меня и удержитъ отъ слишкомъ дѣятельнаго участія въ выборахъ, такъ это вѣрно.

— Князь,—воскликнула королева,—у насъ нѣтъ выбора: мы должны взять этого человѣка такимъ, какимъ онъ есть, такъ какъ ничто уже не можетъ его исправить; слабымъ онъ былъ—слабымъ и останется; это имѣетъ свою дурную и хорошую сторону: лучше всего то, что теперь мы уже знаемъ его...—Она вздохнула.

По возвращеніи домой, первымъ и самымъ спѣшнымъ дѣломъ для канцлера было продиктовать письмо къ королю шведскому, въ которомъ онъ поздравлялъ его съ счастливымъ окончаніемъ переговоровъ съ братомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно давалъ чувствовать, что человѣкъ, помогавшій этому и отстраненный въ послѣднюю минуту, имѣлъ полное право чувствовать себя оскорбленнымъ, такъ какъ люди могли это ложно объяснить себѣ. Гордость стараго, вѣрнаго слуги дома и магната, значеніе котораго въ Литвѣ и королевствѣ ни для кого не было тайной, сквозила въ каждой строчкѣ этого письма.

Тотчасъ-же отправили гонца въ Непорентъ, съ тѣмъ однако,

чтобы, отдавъ письмо, вовсе не дожидаться отвѣта и сейчасъ же ѣхать назадъ.

Королева поступила иначе и чисто по женски: она дала приказанія своимъ агентамъ.

Уже на другой же день король шведскій почувствовалъ, что у него не все идетъ какъ по маслу, какъ это было нѣсколько дней тому назадъ. Изъ Варшавы потребовали множества вещей, посланныхъ въ Непорентъ, которыя, какъ оказалось теперь, были собственностью королевы и теперь ей понадобились. Много слугъ исчезло и отказалось, возвращаясь въ Варшаву. Бутлеръ, болѣе чѣмъ когда-либо нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ теперь найти ихъ тамъ, гдѣ прежде съ легкостью одолжали. Словомъ, хоть на видъ ничто не измѣнилось, случилось то же, что съ немазанной телѣгой: колеса скрипѣли, но подвигались тяжело.

Бутлеръ не понялъ этого въ первую минуту. Стжембошъ, который наблюдалъ и замѣчалъ все, слыша его соболѣзнованія, разсмѣялся. Они были одни.

— Какъ-же вы, панъ староста, хотите, чтобы все у насъ шло гладко, когда до сихъ поръ намъ помогали и поддерживали изъ замка, а тутъ вдругъ, должно быть, вышли какія-нибудь новыя распоряженія, потому что все у насъ отнимаютъ. Навѣрное знаютъ, что король уже помирился съ братомъ и не нуждается въ помощи.

Въ продолженіе одного дня эта перемѣна сдѣлалась такъ ощутительна, что дала себя почувствовать королю. Не хватило столоваго бѣлья и приборовъ для принятія гостей. Казиміръ узналъ объ этомъ, когда экономъ королевы уже пріѣхалъ въ Непорентъ и захватилъ все, такъ какъ бѣлье понадобилось въ замкѣ. Кромѣ того, староста долженъ былъ признаться, что и съ деньгами произошли подобныя же затрудненія.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ, такъ неожиданно упавшимъ на голову тріамфатора, присоединилось еще письмо Радзивилла, на которое не ждали даже отвѣта. Кто-нибудь другой на мѣстѣ Казиміра, съ большимъ запасомъ энергіи и самоувѣренности, воспользовался бы своимъ освобожденіемъ и создалъ себѣ новое, независимое положеніе, но король шведскій *испугался.*

Сейчасъ-же, не откладывая, онъ написалъ Радзивиллу, оправдываясь недостаткомъ времени и стеченіемъ обстоятельствъ.

А такъ какъ въ числѣ бывшихъ въ этотъ день въ Непорентѣ гостей, которыхъ не чѣмъ и не на чемъ было принять такъ же роскошно, какъ прежде,—находился Любомірскій, родной братъ княгини Радзивиллъ, то король отвелъ его въ сторону и горячо началъ просить, чтобы онъ оправдалъ его передъ зятемъ, что Любомірскій и обѣщалъ исполнить, но не ручался однако за послѣдствія.

Канцлеръ уже не показывался болѣе въ Непорентѣ. Отношенія съ королевой, очевидно, также поколебавшіяся, сначала показались королю шведскому достиженіемъ желаемой цѣли. Онъ не былъ связанъ, освободился; ему уже не надо было ни жениться, ни поддаваться женщинѣ, силы которой онъ такъ боялся. Онъ разсчитывалъ, быть можетъ, на то, что кто-нибудь отъ имени вдовы,—канцлеръ или кто-нибудь другой,—будетъ настаивать, напомнитъ ихъ условія съ Радзивилломъ: поэтому онъ приготовился оправдываться, но никто не являлся. Постепенно только, незамѣтно, таинственная помощь, которая все облегчала, такъ-же загадочно исчезла, какъ и явилась. Хлопоты Бутлера разбивались о глухоту и равнодушіе тѣхъ, которые прежде усердно ему помогали. Начали бороться противъ всего этого, но безуспѣшно, и въ нѣсколько дней силы короля были исчерпаны. Онъ выходилъ изъ себя, дѣлалъ выговоры старостѣ и совершенно палъ духомъ. Бутлеръ, который отчасти предвидѣлъ весь ходъ дѣла, на первый упрекъ Казиміра, отвѣчалъ ему:

— Припомните, государь, что все это я вамъ предсказывалъ. Мнѣ не къ чему лицемѣрить. Съ королевой существовало нѣчто въ родѣ союза, заключеннаго при посредничествѣ канцлера; Радзивилла вы оставили съ носомъ, королева тоже поняла значеніе этого шага. Вы не желаете ея – она не чувствуетъ себя обязанной помогать вамъ. Вотъ и все.

— Но не могу-же я запродать себя въ неволю,—гнѣвно восклицалъ Казиміръ.—Ты самъ видишь, въ чемъ тутъ дѣло: они желаютъ имѣть во мнѣ слѣпое орудіе, управлять мною, и это не кто другой, какъ именно она.

Староста молчалъ. Онъ давалъ королю время наохаться,

нажаловаться, заранѣе зная, что въ концѣ концовъ онъ уступитъ. Казиміръ оставался еще нѣкоторое время при сладкихъ мечтахъ о своей независимости; пробовалъ создать себѣ новый совѣтъ, собрать новыхъ людей; но оказалось, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, не могли замѣнить опытнаго канцлера литовскаго. Отправленные къ Карлу сенаторы нашли его удивительно податливымъ. Казиміръ предлагалъ уступить ему два княжества Опасъ, Ратиборжъ и два монастыря для покрытія понесенныхъ расходовъ. Епископъ принималъ это, не требуя ничего больше. Зналъ онъ, однако, мстительный и злопамятный характеръ брата и настаивалъ главнымъ образомъ на томъ, чтобы будущій король не мстилъ несправедливо тѣмъ, которые были противъ него и держали сторону Карла.

Король шведскій на первыхъ порахъ такъ былъ счастливъ короной, которую теперь почти уже имѣлъ на головѣ, что увѣрялъ всѣхъ, что даже именъ своихъ непріятелей не будетъ помнить. Для торжественнаго заключенія переговоровъ король самъ собирался въ Яблонную. На этотъ разъ онъ послалъ просить канцлера литовскаго, чтобы онъ сопутствовалъ ему, но Радзивиллъ, съ холодной улыбкой, отговорился подагрой и отказался пріѣхать.

VII.

— Слушай, Бутлеръ,—сказалъ черезъ нѣсколько дней король шведскій своему фавориту,—какъ ты полагаешь? что мнѣ теперь дѣлать? Королеву, какъ я тебѣ говорилъ, я боюсь, но что тутъ поможетъ страхъ, когда мы уже опутаны ея сѣтями?! Мы сидимъ, въ мѣшкѣ и чѣмъ сильнѣе стараемся вырваться, тѣмъ туже онъ затягивается. Что тутъ дѣлать?

— Сохрани меня Богъ, совѣтовать вамъ что-нибудь, государь,—отвѣтилъ Бутлеръ,—потомъ вся отвѣтственность пала бы на меня одного. Поэтому, я торжественно объявляю, что никакого совѣта вамъ не подамъ.

Король закусилъ губы и издалъ восклицаніе не особенно лестное для старосты, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ его.

— Я молился, прося Св. Духа вдохновить меня,—продолжалъ Казиміръ,—я не знаю, что мнѣ дѣлать. Никто, никто мнѣ руки не подаетъ. Радзивиллъ неумолимъ.

— Я и это предсказывалъ,—проворчалъ Бутлеръ.

Казиміръ разсердился.

— Да какой мнѣ толкъ изъ твоихъ пророчествъ,—воскликнулъ онъ.—Я нуждаюсь въ дѣльномъ совѣтѣ, а не въ какихъ-то предсказаніяхъ.

Староста упорно молчалъ.

— Я тебѣ говорилъ,—снова началъ Казиміръ,—что эта ловкая, хитрая женщина лучше меня все это предвидѣла. Признаюсь, я хотѣлъ избавиться отъ нея, боялся женитьбы, но я думалъ высказать все это откровенно только потомъ, а между тѣмъ...

Король не докончилъ. Бутлеръ слушалъ, разсѣянно глядя въ окно,—это не было для него новостью.

— Съ ней будетъ жестокая, вѣчная борьба,—черезъ минуту сказалъ Казиміръ,—а у меня нѣтъ на это ни времени, ни средствъ. Дѣла государства запутаны, мнѣ надо помощниковъ, а не противниковъ.

— А королевой, какъ антагонисткой, нельзя пренебрегать,—сказалъ Бутлеръ,—потому что она имѣла время и возможность привлечь къ себѣ людей и у нея есть деньги.

— Которыхъ у меня не достаетъ,—прибавилъ король,—и у меня никогда ихъ не будетъ.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Бутлеръ, милый мой, будь ты мнѣ другомъ, прошу тебя! Двое всегда видятъ больше, чѣмъ одинъ. Что-нибудь да надо рѣшить.

— Да, а когда я сунусь съ совѣтомъ,—проворчалъ Бутлеръ,—то всѣ его послѣдствія падутъ на меня.

— Но какія дурныя послѣдствія можетъ онъ имѣть?

Староста замолчалъ и задумался.

— Государь,—началъ онъ,—помните, что я не даю своего собственнаго совѣта, но напоминаю вамъ только то, что ваше величество сами сначала рѣшили и обѣщали жениться на вдовѣ королевѣ, что просьба объ этомъ послана уже въ Римъ. Затѣмъ въ васъ произошла рѣзкая перемѣна, явилось желаніе выпу-

таться. Вы отступили отъ королевы, она тоже отстранилась отъ васъ...

Янъ Казиміръ слушалъ.

— Итакъ, ничего не остается,—вздохнулъ онъ, - какъ, только склонить голову, признать себя виноватымъ?

— Нѣтъ,—замѣтилъ Бутлеръ,—можно все это объяснить недоразумѣніемъ; Радзивиллъ, какъ былъ посредникомъ, такъ, навѣрное, и останется.

— Ничего другого не остается! ничего!—воскликнулъ несчастный король, закрывъ себѣ лицо руками.—Закуютъ меня въ цѣпи и поведутъ.

— Ваше величество можете быть увѣрены, что Марія Людвика въ стыдъ и срамъ не вовлечетъ: у нея слишкомъ развито честолюбіе.

— Это, безъ сомнѣнія, правда,—прошепталъ король, уже стараясь утѣшиться.—Это женщина необыкновеннаго ума и сердца! Она дала явныя доказательства этого. Если бы ей вздумалось поддерживать Карла, я бы со своей бумажной шведской короной остался-бы на бобахъ.

Бутлеръ кивнулъ головой.

— Значитъ, тутъ нечего и задумываться,—прибавилъ Казиміръ, стараясь убѣдить самого себя въ необходимости этого шага.—Поѣзжай, пожалуйста, къ канцлеру, скажи ему, что я убѣдительно прошу его пріѣхать въ Непорентъ къ обѣду. Пусть онъ самъ выберетъ себѣ день, лишь бы только поскорѣе. Дай ему понять, что тутъ дѣло идетъ о королевѣ, что я готовъ подписать обязательство, дать самое торжественное обѣщаніе, словомъ: поддаюсь. Не было и нѣтъ другого спасенія!

— Но, ради Бога, не надъ чѣмъ тогда и горевать! -воскликнулъ Бутлеръ. —Королева еще красива, не стара, умна, богата, создана самимъ Богомъ для трона! Вмѣсто того, чтобы искать другую и брать первую попавшуюся княжну, изъ которой еще Богъ знаетъ что выйдетъ, вы имѣете женщину, которую всѣ цѣнятъ и уважаютъ.

Послѣ этого разговора староста поѣхалъ въ Варшаву и навѣстилъ канцлера, который, увидѣвъ его, зналъ уже, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ принялъ его радушно, но самъ не *начиналъ разговора.* Бутлеръ долженъ былъ волей не волей,

отбросивъ всякую гордость, упрашивать его, отъ имени своего государя, пріѣхать въ Непорентъ, не скрывая того, что готовились важные и рѣшительные переговоры и что Казиміръ складывалъ свое оружіе передъ королевой.

День былъ назначенъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Радзивиллъ, всегда охотно принимаемый въ замкѣ, явился уже къ королевѣ, которая очень терпѣливо, съ полной увѣренностью ожидала раскаянія и возвращенія блуднаго сына.

— Ѣду по приглашенію въ Непоренъ,—сказалъ канцлеръ,—но на этотъ разъ не напрасно.

Марія Людвика немного сморщилась.

— Князь,—проговорила она,—я чувствую себя почти оскорбленной королемъ. Всѣ говорятъ, да онъ вовсе и не дѣлаетъ изъ этого тайны: онъ разсказываетъ всѣмъ, что боится меня. Я не была да и не буду такой Ксантиппой, которая могла бы возбуждаетъ страхъ, этотъ страхъ мнѣ обиденъ. Если король избавился отъ него, то я хочу быть увѣрена, что это чувство не вернется. На тайные переговоры я не могу полагаться, слѣдуетъ что-нибудь обдумать.

Князь Радзивиллъ прервалъ съ улыбкой.

— Но я привезу его къ ногамъ вашего королевскаго величества, кающагося въ своемъ грѣхѣ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Я и ксендзъ де-Флери можемъ быть свидѣтелями торжественно даннаго слова, которое король не можетъ нарушить, а, кромѣ того, просьба о разрѣшеніи изъ Рима, хотя-бы она и не была необходима, будетъ письменнымъ доказательствомъ. Больше нельзя ничего требовать.

Молча согласилась королева, но вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Будемъ говорить откровенно,—сказала она.—Я имѣла время хорошо узнать Яна Казиміра и оцѣнить его достоинства: прежде всего большую и искреннюю набожность, благородныя стремленія, доброе сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское легкомысліе, недостатокъ настойчивости и постоянства. Затѣмъ, я знаю также, какую тяжелую задачу беру я на себя, защищая честь, достоинство и будущія судьбы Рѣчи Посполитой.

— Государство и мы сумѣемъ оцѣнить это,—сказалъ Рад-

зивиллъ.—Предоставленный самому себѣ, Янъ Казиміръ не справится въ такую тяжелую минуту, какую мы переживаемъ теперь. У насъ нѣтъ никого другого; это кровь королей нашихъ, предназначенная самимъ Богомъ.

Съ этого торжественнаго направленія, разговоръ перешелъ на дѣла обыденныя, которыя занимали сеймъ: войско, выборъ вождей, начальство, которое хотѣли вручить Іереміи Вишневецкому, опасенія и зависть, какія возбуждала уже добытая имъ слава.

Находились даже такіе, которые не только грозили имъ гетманомъ, но находили его опаснымъ даже для короля.

Съ другой стороны, ненависть, ярость Хмѣля и казаковъ противъ Іереміи доказывали какъ нельзя лучше, что одно его имя было для нихъ грозой и ужасомъ. Можно ли было оттолкнуть такое могучее орудіе?

Въ сеймѣ мнѣнія также дѣлились. Кисель, который лучше всѣхъ зналъ силы взбунтовавшихся казаковъ и татаръ, прежде всего требовалъ переговоровъ; другіе считали ихъ позоромъ и требовали побѣды, которая смыла-бы Пилавскій позоръ.

Начиная съ духовенства, всѣ спѣшили съ добровольными жертвами, принося Рѣчи Посполитой по нѣсколько сотъ людей, по нѣсколько тысячъ злотыхъ, сообразно со своимъ состояніемъ. Самъ Радзивиллъ уже увеличилъ число обѣщанной пѣхоты и конницы и объявлялъ, что готовъ отдать все до послѣдней рубашки.

— Я готовъ продать свои родовыя помѣстья,—говорилъ онъ публично.—Мнѣ опустошили Ольску. Богъ далъ—Богъ взялъ; послѣднимъ кускомъ хлѣба надо подѣлиться съ матерью.

Такъ говорили почти всѣ, за исключеніемъ маленькой горсти. Королева этому родовалась.

Въ условленный день канцлеръ явился въ Непорентъ, а король сердечнымъ пріемомъ старался загладить впечатлѣніе своей оплошности. Никто впрочемъ не былъ менѣе злопамятенъ, какъ Радзивиллъ, который и Владиславу не разъ давалъ доказательства своей снисходительности. Разговоръ дошелъ до королевы. Король съ жаромъ выразился, что желаетъ стереть всякіе слѣды недоразумѣнія и готовъ говорить откровенно, готовъ дать торжественное обѣщаніе.

— Положеніе того требуетъ,— сказалъ канцлеръ,— королева имѣетъ право требовать обезпеченія. Самое достоинство женщины вынуждаетъ ее.

Король шведскій поспѣшилъ увѣрить, что онъ готовъ на все, и признавалъ необходимость откровеннаго объясненія; Радзивиллъ шепнулъ ему, что подпись просьбы о разрѣшеніи брака могла бы служить письменнымъ доказательствомъ. И на это уже согласился Казиміръ.

Въ назначенный день, они должны были собраться съ канцлеромъ инкогнито, тайкомъ. День этотъ Казиміръ желалъ назначить какъ можно скорѣе.

Съ полнымъ спокойствіемъ, увѣренная въ себѣ, королева, сдѣлавъ нужныя распоряженія, ожидала важныхъ гостей. Одинъ только ксендзъ де-Флери, духовникъ Маріи Людвики, долженъ былъ быть свидѣтелемъ этого посѣщенія, которое рѣшало участь королевы и обезпечивало ея будущность.

Съ какимъ чувствомъ вошелъ король шведскій, который старался подъ радостной физіономіей скрыть свое смущеніе, легко угадать. Онъ придавалъ себѣ мужества, но королева чрезвычайно ловкимъ, смѣлымъ и свободнымъ привѣтомъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго признака обиды, ободрила его.

Радзивиллъ взялъ на себя повести разговоръ такъ, чтобы королю какъ можно легче было объясниться въ любви. Съ полнымъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ, съ ловкостью женщины, которая воспиталась при дворѣ, Марія Людвика приняла объясненіе, обнаруживая передъ будущимъ супругомъ, который старался казаться влюбленнымъ, весьма умѣренную благодарность и чувство. Съ иронической улыбкой принимала Марія Людвика эти запоздалые вздохи и томные взгляды.

Ксендзъ де-Флери имѣлъ уже на готовѣ просьбу въ Римъ, которую король и подписалъ, не читая.

Такимъ образомъ, все окончилось благополучно. За ужиномъ по-итальянски, то есть состоящимъ изъ сладостей, холодныхъ закусокъ и вина, когда канцлеръ пилъ за здоровье ихъ обоихъ, Янъ Казиміръ съ рюмкой подошелъ къ Маріи Людвикѣ и поцѣловалъ ее въ плечо.

Разговоръ, нѣсколько оживленный шампанскимъ, перешелъ въ болѣе легкій тонъ и протянулся еще долго; но король дол-

женъ былъ возвращаться въ Непорентъ и поэтому, оставляя здѣсь канцлера, сѣлъ въ свою карету, ожидавшую его на дворѣ. Въ ту минуту, когда онъ уже собирался занять въ ней мѣсто, онъ оглянулся и увидѣлъ Стжембоша.

Какимъ образомъ его усики и лицо напоминали королю о Бертони и ея дочери, этого не надо объяснять; но что трудно понять, такъ это то, что ему вдругъ пришла фантазія въ обществѣ Стжембоша заѣхать въ старый городъ къ итальянкѣ.

Онъ былъ въ чрезвычайно веселомъ настроеніи духа, интересуясь увидѣть эту знаменитую красавицу Біанку, о красотѣ которой онъ столько слышалъ; притомъ шутка, которую собирался сыграть со старухой, привозя съ собой Стжембоша, очень ему нравилась.

— Слушай, Стжембошъ,—сказалъ онъ, наклоняясь къ нему,—что ты думаешь? Эта старая Бертони спитъ ужъ, улеглась въ кровать съ пѣтухами, или?..

Дызма не далъ докончить.

— Государь тамъ иногда до полночи поютъ и играютъ.

Казиміръ немного поколебался.

— Но если ты у меня пикнешь только, что я тамъ былъ...

Дызма уже шепталъ что-то кучеру и всталъ съ нимъ рядомъ, карета тронулась. На улицѣ царила тьма, но дорога была извѣстна, а отъѣхавъ дальше, они могли зажечь факелы, которыхъ они имѣли у себя большой запасъ. Поступивъ опрометчиво, король начиналъ уже бояться, какъ-бы его не узнали; онъ уже готовъ былъ повернуть, но тщетно онъ звалъ Стжембоша, который такъ былъ проникнутъ своимъ счастьемъ, что не слыхалъ голоса своего господина.

Карета остановилась, но король и не думалъ вылѣзать; онъ сначала выглянулъ изъ нея на этотъ домъ: во всѣхъ окнахъ верхняго этажа былъ свѣтъ.

— Стжембошъ! —воскликнулъ онъ,—ступай наверхъ и вызови ко мнѣ Бертони. У нея могутъ быть гости, а я не хочу, чтобы меня здѣсь видѣли. Скажи ей, что моя карета стоитъ у дверей.

Дызмѣ только того и надо было, чтобы его спустили съ цѣпи. Двери дома еще не были заперты и, хотя на лѣстницѣ царила тьма, онъ нашелъ дорогу. Кто знаетъ?—быть можетъ, *онъ уже бывалъ здѣсь*. Онъ постучался, но музыка не доз-

воляла слышать стуки въ дверь, поэтому онъ долженъ былъ войти, чтобы не заставить короля долго ждать. Въ передней какъ разъ стояла расфранченная Бертони, разговаривая со слугой, когда на порогѣ появился Стжембошъ.

Самъ дьяволъ, кажется, не могъ бы произвести на нее болѣе ужаснаго впечатлѣнія; она начала кричать благимъ матомъ, но Дызма подскочилъ къ ней.

— Король со мной! король! ради Бога! тише... король.

Изъ комнаты, въ которой веселились и пѣли, бѣжала встревоженная Біанка, съ какой-то подругой, но Бертони живо захлопнула двери подъ самымъ ихъ носомъ. Она такъ была смущена, разсержена, напугана, что сама не знала, что ей дѣлать. Стжембошъ, какъ неустрашимый посолъ своего господина, исполнялъ дальнѣйшее порученіе.

— Государь въ каретѣ, у вашихъ дверей. Кто знаетъ? Быть можетъ, онъ и оказалъ бы вамъ эту честь — зашелъ бы на минутку, но онъ не хочетъ, чтобы его видѣли и узнали.

Постепенно Бертони освоивалась съ тѣмъ, что такъ неожиданно поразило ее, и приходила въ себя. Многаго ей стоило разговаривать со Стжембошемъ, этимъ дерзкимъ нахаломъ, но она должна была.

— У меня кромѣ одной барышни, которая, навѣрное, никогда не видала короля, ну, да дочери, которая такъ давно не видѣла его, что не узнаетъ, — никого нѣтъ: пусть онъ зайдетъ. Бертони стояла обрадованная и вмѣстѣ съ тѣмъ злая. Лучше бы ей и не принимать и самаго короля, лишь бы только не видѣть здѣсь у себя Стжембоша. Она была увѣрена, что Біанка увидѣла его, узнала и теперь смотритъ на него черезъ дырку отъ ключа.

— Король ждетъ, — прибавилъ Стжембошъ, — но на лѣстницѣ тьма египетская; вѣдь не хотите же вы, чтобы онъ свернулъ себѣ шею? а къ такому гостю, я думаю, каждому можно выйти со свѣчей.

Ахъ, еслибы Стжембоша не было! Бертони была бы такъ шумно счастлива, что весь рынокъ стараго города узналъ бы объ этомъ. Она уже не смотрѣла на него. Вбѣжала въ комнату, гдѣ смолкла музыка, схватила со стола канделябръ и обратилась къ дочери.

— Панъ воевода Мазовецкій оказалъ мнѣ такую честь, что зайдетъ сюда на минутку. Смотри, Біанка, не болтай. Никто не долженъ знать объ этомъ визитѣ. Понимаете, воевода...

Но хитрой дѣвушкѣ одинъ видъ Стжембоша объяснилъ многое, а торжественный пріемъ еще больше.

— Слушай,—шепнула она своей подругѣ,—клянусь, что это не воевода, а... я знаю, кто...

Она посмотрѣла на себя въ зеркалѣ, поправила волосы, обдернула платье и стала въ уголокъ, не забывая о томъ, чтобы уголокъ этотъ былъ ей къ лицу.

Между тѣмъ, все еще бормоча проклятія, Бертони сошла въ самый низъ, къ дверямъ, а Стжембошъ поспѣшилъ высадить короля изъ кареты. Янъ Казиміръ въ тотъ короткій, промежутокъ времени, когда Дызма былъ на верху, уже обдумалъ свой шагъ и раскаивался въ своемъ поступкѣ, который не подходилъ ни къ его достоинству, ни къ возрасту. Но ему пришла въ голову французкая пословица о винѣ, которое надо было выпить.

Призракъ старой Бертони стоялъ въ дверяхъ, ожидая его; онъ долженъ былъ войти наверхъ.

— У меня только пять минутъ свободнаго времени,—прошепталъ король,—но... жажда томитъ меня, мнѣ надо было выпить вина съ водой... поэтому... Онъ путался, торопясь на лѣстницу, которой не могъ найти; Стжембошъ взялъ его подъ руку, итальянка пошла впередъ. Она обернулась къ королю.

— Біанкѣ я сказала, что воевода Мазовецкій,—прошептала она.

Стжембошъ фыркнулъ, потому что между королемъ и воеводой не было ни малѣйшаго сходства, а что еще хуже—Біанка часто встрѣчала воеводу и знала его въ лицо.

Довольно безпокойный, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно заинтересованный, Казиміръ вошелъ въ гостиную, осматриваясь вокругъ. Оставшіяся двѣ свѣчи довольно слабымъ свѣтомъ обливали обѣихъ дѣвушекъ, стоявшихъ и хохотавшихъ въ углу. Король направился прямо къ нимъ. Красота Біанки, свѣжесть и молодость ея подруги произвели на него такое впечатлѣніе, *какое производитъ иногда* ароматъ цвѣтовъ на тѣхъ, которые

долго не дышали свѣжимъ воздухомъ. Онъ остановился. Стжембошъ вдали отъ порога также стрѣлялъ глазами въ свою царицу. Дѣвушки все хихикали, прячась одна за другую. Съ минуту полюбовавшись картиной, какую онъ видѣлъ передъ собой, король со вздохомъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и упалъ на стулъ.

Изъ другой комнаты, при помощи слуги, Бертони несла на роскошномъ серебряномъ подносѣ золоченый боченокъ съ виномъ, стеклянный стаканъ съ водой и кубки; сахаръ, лимонъ и апельсинъ лежали на подносѣ. Все это она поставила передъ королемъ, который между тѣмъ не сводилъ глазъ съ Біанки.

— Мнѣ некогда,—шепнулъ ей король,—пусть бы она спѣла только одну пѣсенку, мнѣ хочется послушать ея голосъ.

— И спѣть и протанцовать могла бы,—прервала Бертони—но... время ли это? Я не приготовилась. Если бы вы мнѣ дали знать!

— Бертони, пять минутъ тому назадъ я самъ не зналъ, что сдѣлаю эту глупость,—засмѣялся король,—но всѣму виной Стжембошъ. Какъ началъ меня просить, молить, умолять!.. а я питаю къ нему слабость.

У итальянки глаза засверкали гнѣвомъ.

— Ну, пусть Біанка запоетъ,—торопилъ король.

— Но прикажите ему выйти въ переднюю,—прервала Бертони.

— Кому?

— А этому нахалу,—сказала итальянка,—я на него смотрѣть не могу.

— Да, но безъ него я не могу обойтись, это моя стража, онъ долженъ стоять у порога.

Бертони могла выходить изъ себя и злиться, такъ какъ дѣйствительно Дызма, не теряя времени, пожиралъ глазами дѣвушку, которая отвѣчала бойкими, дѣтски-наивными взглядами. Балованная Біанка не боялась ни матери, ни кого-либо другого. Она охотно согласилась спѣть. Мать подала ей цитру. Біанка пробѣжала по ней пальцами, посмотрѣла на Стжембоша, обратилась къ королю и запѣла соловьинымъ сопрано свою родную пѣсню. О чемъ-же можетъ пѣть итальянская пѣсенка?

Основа ея—вѣчная, умирающая и возрождающаяся любовь, на которой вращается вся жизнь человѣческая.

Янъ Казиміръ забылся, не спуская съ нея глазъ, и Дызма, который никогда не слыхалъ этого голоса, окаменѣлъ отъ восторга и восхищенья.

Бертони, стоя рядомъ съ дочерью, сіяла гордостью, счастьемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылала гнѣвомъ. За такую жемчужину, какъ она называла свою дочь, смѣлъ свататься какой-то выскочка, правда, придворный короля, но ничтожный, бѣдный шляхтичъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы эта странная сцена, если бы Яну Казиміру не вспомнилось вдругъ грозное лицо Маріи Людвики. Онъ поспѣшно допилъ вино и подошелъ къ Біанкѣ, которую фамильярно взялъ за подбородокъ и, снявъ съ пальца перстень—это была еще память французскаго заключенія въ Систеронѣ—простился съ раскраснѣвшейся пѣвицей, поклонился матери, безъ церемоніи одѣлъ шляпу на голову и поспѣшилъ къ дверямъ.

Въ ту мututу, когда Бертони хваталась за канделябръ, ловкій Дызма проскользнулъ за ея спиной и въ одно мгновенье, схвативъ ручку Біанки, прижавъ ее къ устамъ, шепча что-то непонятное. Дѣвушка какъ-будто бы отступила передъ такимъ нападеніемъ, но не очень была испугана.

Они шли уже къ дверямъ, потому что король, недовольный самимъ собою за свою слабость и опрометчивость, радъ былъ какъ можно скорѣе вырваться отсюда. Онъ тогда только вздохнулъ свободнѣе, когда снова очутился въ своей каретѣ, и вѣрный своему характеру, заключилъ свой необдуманный шагъ тѣмъ, что набожно перекрестился и ударилъ себя въ грудь.

Казиміръ вовсе не предвидѣлъ тѣхъ хлопотъ, которые онъ надѣлалъ себѣ, сворачивая къ Бертони. Староста Бутлеръ, который зналъ, что король долженъ былъ ночью возвращаться въ Непорентъ, въ сопровожденіи одного кучера, Стжембоша и двухъ пажей, очень безпокоился за него. Это время выборовъ наполнило окрестности, предмѣстья и самый городъ пьяной шляхтой, солдатами разныхъ дворовъ, которые чуть не каждый *день позволяли себѣ* разныя буйства. Опасаясь за короля, Бут-

лѣръ приготовился выѣхать ему на встрѣчу. Между тѣмъ стемнѣло, настала ночь, а короля все нѣтъ, какъ нѣтъ. Выведенный изъ терпѣнія, Бутлеръ начиналъ догадываться, что король, быть можетъ, поѣхалъ по другой улицѣ, хотя это было совершенно неправдоподобно, и разослалъ людей на развѣдки. Только уже далеко за предмѣстьями Бутлеръ по какому-то инстинкту догналъ ѣхавшихъ. Король узналъ его голосъ, высунулся изъ кареты и вмѣсто всякаго объясненія своего поздняго возвращенія, проговорилъ ему:

— Меня задержали въ замкѣ.

Быть можетъ, староста и повѣрилъ бы этому, если бы при свѣтѣ факеловъ не замѣтилъ иронической улыбки на устахъ Дызмы.

— Гдѣ же вы были?—спросилъ Бутлеръ, нагибаясь къ Стжембошу, но тотъ приложилъ, вмѣсто отвѣта, палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

У старосты мурашки забѣгали по тѣлу, онъ испугался. Зная короля, онъ могъ ожидать у него самой эксцентричной выходки. Въ другое время она не имѣла-бы значенія, но теперь... когда на будущаго государя были обращены взоры всѣхъ! Хоть и не было большого преступленія въ легкомысленной выходкѣ короля, но злые языки могли сдѣлать изъ этого Богъ знаетъ что, лишь бы оттолкнуть отъ него королеву.

На другой день, вставъ въ сквернѣйшемъ настроеніи духа, король послѣ службы, совершенной капелланомъ, и послѣ завтрака, разобравъ кровавую ссору между карликами, отвелъ Бутлера въ сторону и признался ему, что онъ чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. То, что вчера казалось ему розовымъ, теперь представлялось ему ужасно мрачнымъ. Королева показалась ему какимъ-то желтымъ привидѣніемъ, а что еще хуже—деспотичной.

— Государь,—сказалъ Бутлеръ:—теперь ужъ поздно горевать о томъ, что было неизбѣжно. Королева, правда, какъ каждая женщина, захочетъ властвовать, но ваше королевское величество, сумѣете дать ей отпоръ...

Въ сеймѣ извѣстіе о примиреніи братьевъ и добровольномъ отказѣ Карла отъ короны въ пользу своего брата, не произвело того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать.

Нѣкоторые считали это стѣсненіемъ свободы Рѣчи-Посполитой, но на недовольныхъ мало обращали вниманія. Выборъ былъ теперь только простой формальностью, потому что съ минуты примиренія онъ не подлежалъ никакому сомнѣнію. Дѣло шло только о тѣхъ условіяхъ, которыя собирались предложить королю. Въ примѣръ взяли Владислава. Казиміра уже всѣ называли королемъ; ему не надо было уже сидѣть въ тѣсномъ Непорентѣ, поэтому онъ сейчасъ же переѣхалъ въ Варшаву.

Здѣсь, въ замкѣ, онъ едва могъ защититься отъ наплыва гостей, заранѣе желающихъ снискать себѣ расположеніе своего будущаго государя; онъ ни на минуту не имѣлъ отдыха и отъ королевы, которая по нѣсколько разъ въ день добивалась свиданія съ нимъ, въ чемъ онъ не могъ ей отказывать.

Для человѣка, который не могъ долго сосредоточить мысли даже на самомъ серьезномъ предметѣ, котораго каждое усиліе утомляло, а привычка дѣлала мягкимъ,—настоящее положеніе было ужаснымъ мученьемъ. Дѣла чрезвычайно важныя и спѣшныя король сваливалъ на обоихъ канцлеровъ, стыдясь вмѣстѣ съ тѣмъ своей неспособности. Казалось, и королева безпокоилась о его поведеніи въ такомъ положеніи, боялась ошибки, проявленія какой-нибудь слабости. Поэтому она часто призывала его къ себѣ подъ разными предлогами. Она брала на себя самую трудную задачу: передѣлать человѣка, уже немолодого, съ устарѣвшими недостатками. Она надѣялась однако, что искра рыцарства и природная гордость сдѣлаютъ изъ него вождя. Такимъ только хотѣла она его имѣть.

Королева постоянно настаивала на одномъ.

— Государь! все складывается какъ нельзя лучше,—говорила она.—Не отдавай никому гетманства надъ войсками, оставь за собой верховную власть,—иди самъ, веди! Достаточно будетъ одного слуха: король во главѣ! чтобы чернь затрепетала... Ты покроешь себя славой... Я это чувствую... война—война... всѣ силы надо употребить на нее.

Это льстило Казиміру, который жадно схватился за мысль королевы, но въ его устахъ она приняла другой видъ, облеклась въ другую форму:

— Чудотворную икону Червенской Божьей Матери возьму *съ собой въ походъ*,—съ жаромъ говорилъ онъ.—Прикажемъ

пѣть старую „Богородицу“. Каждый день обѣдня и передъ битвой исповѣдь. Надо пробудить религіозный духъ.

Марія Людвика, также набожная, ничего не имѣла противъ этого, но стремилась прежде всего пробудить рыцарскій духъ. Король обнаруживалъ сильное воодушевленіе; объявлялъ, что пойдетъ впереди, что готовъ сражаться какъ простой солдатъ.

— Остальныя дѣла, государь,—вѣрьте мнѣ,—вы смѣло можете довѣрить опытнымъ совѣтникамъ, каковы оба канцлера. На твоемъ попеченіи должно быть войско... сборъ людей... и выступленіе на поле битвы... Ты пріобрѣтешь славу возродителя отечества.

Сколько разъ ни приходилъ Казиміръ къ королевѣ, всегда слышалъ только это—и наконецъ весь проникся этимъ рыцарскимъ духомъ. Королева была такъ воодушевлена, что, казалось, готова была сама пойти съ нимъ на войну. Ничто ее не страшило—она была увѣрена въ побѣдѣ.

Тѣ, которые раньше знали короля, какъ, напримѣръ, Бутлеръ, сейчасъ-же, послѣ первыхъ-же дней почувствовали могущественное на него вліяніе Маріи Людвики. Яну Казиміру этотъ рыцарскій ореолъ придавалъ нѣкоторое обаяніе.

Въ Польшѣ, въ особенности, такой король не пользовался бы расположеніемъ среди народа, который не могъ быть въ одно время и вождемъ, и солдатомъ.

Итакъ, Марія Людвика не безъ причины желала сдѣлать изъ своего мужа рыцаря, и онъ самъ, казалось, признавалъ эту метаморфозу необходимой. До сихъ поръ его оружейная была такъ незначительна, что не знали, гдѣ ее искать, когда онъ спросилъ объ ней, но отъ Владислава осталось много изящнаго и роскошнаго оружія, шлемы, щиты, панцыри, которые хотя и не приходились въ пору болѣе худому и низкому королю, но этому легко можно было пособить.

Однажды утромъ, Бутлеръ получилъ приказаніе осмотрѣть оружейную. Собственнаго у Яна Казиміра не было почти ничего, такъ какъ по возвращеніи изъ Рима онъ не заботился объ этомъ; кромѣ нѣсколькихъ шпагъ, которыя онъ носилъ у пояса, другаго оружія не было, поэтому надо было черпнуть изъ братниняго наслѣдства, чтобы только не покупать. Надо

было также собрать на совѣтъ старшихъ военныхъ, такъ какъ король не имѣлъ никакой опытности.

Все утро тянулось совѣщаніе, ибо вечеромъ Казиміръ хотѣлъ успокоить королеву, что онъ имѣлъ уже наготовѣ военные приборы. Пробовали щиты, кольчуги, шишаки, мечи, даже булавы, изъ которыхъ одну король долженъ былъ носить въ торжественныхъ случаяхъ. Молча онъ позволялъ одѣвать себя въ кафтаны и раздѣвать, но находилъ, что все это вооруженіе было изрядно тяжело и затрудняло движенія.

Старый дворъ короля, который видѣлъ его въ кардинальской пурпуровой мантіи, въ черной длинной монашеской рясѣ, въ свѣтломъ заграничномъ костюмѣ, съ улыбкой смотрѣлъ теперь на государя, который долженъ былъ преобразиться въ закованнаго въ желѣзо богатыря...

VIII.

Утро 20 ноября было холодное и вѣтрянное. Порошилъ снѣгъ; значительная часть старшихъ сенаторовъ и утомленныхъ денными и ночными сеймами пословъ сидѣли дома. Каждый посматривалъ въ окно... Э, однимъ меньше, однимъ больше! Обойдутся тамъ и безъ меня... Поэтому утромъ только маленькая горсть очутилась подъ кровлей. Торопились съ подачей голосовъ, чтобы хоть разъ положить конецъ всѣмъ неурядицамъ. Къ счастью, небо стало проясняться, шляхта собиралась. Король, который для торжественнаго въѣзда послѣ выбора ожидалъ со своимъ дворомъ за городомъ, услышалъ наконецъ около полудня грохотъ пушекъ, который возвѣстилъ ему, что на полѣ пѣли уже Te Deum!

Каждую минуту прибѣгали съ поздравленіями паны, которые должны были сопровождать короля при торжественномъ въѣздѣ. Среди нихъ король могъ насчитать пятерыхъ вѣрныхъ ему Радзивилловъ. Среди радостныхъ кликовъ всѣ сѣли на коней. Вся дорога до города и до костела была занята любопытными толпами народа. Янъ Казиміръ ѣхалъ сіяющій, съ *видомъ побѣдителя.*

Въ дворцовой палаткѣ, за занавѣсками, стояла королева, которая на этотъ день, по обычаю французскихъ королевъ, перемѣнила черный трауръ на бѣлый. Она смотрѣла и слезы застилали ея взоры. Теперь, когда выборъ уже совершился, изъ разныхъ источниковъ узнавали, что Ракочій семиградскій имѣлъ за собой значительную партію и только ловкія интриги королевы обезпечили за Казиміромъ корону.

О бракѣ оффиціально еще не было объявлено, на это требовалось согласіе сената, хотя оно было несомнѣнно. Между тѣмъ назначили уже погребеніе Владислава въ Краковѣ 15 января, послѣ чего должна была совершиться коронація.

Маленькій отдыхъ дали теперь Казиміру, который ежедневно видѣлся съ королевой и питалъ къ ней тѣмъ большую благодарность и почтеніе, чѣмъ сильнѣе ея боялся. Онъ возвращался отъ нея то въ восторгѣ, то со страхомъ. Бутлеръ долженъ былъ выслушивать отъ него поперемѣнно: то чрезвычайныя похвалы,—то тихое ворчанье.

— Ахъ, если-бы я могъ отъ нея освободиться!

Разговоры о войнѣ, которая казалась королевѣ единственнымъ средствомъ спасенія, начали утихать. Короля уговорили, чтобы, съ цѣлью выиграть время, онъ отправилъ къ казачеству письма—и они, казалось, подѣйствовали. На самомъ-же дѣлѣ Хмѣлю самому надо было организоваться и привлечь къ себѣ татаръ. Казаки громко кричали, что оказали снисхожденіе Рѣчи-Посполитой, уступая просьбѣ короля. Можно себѣ представить, какъ эта просьба пришлась по вкусу шляхтѣ. Тяжелыя условія, которыя налагали казаки, не давая со своей стороны никакого обезпеченія мира, заставляли ожидать, что кроваво рѣшится это дѣло, въ которомъ Хмѣль съ чернью были гораздо болѣе увѣрены въ союзникахъ, чѣмъ осиротѣлая Рѣчь-Посполитая.

Наконецъ, въ январѣ король сталъ собираться въ Краковъ; королева, больная и грустная, оставалась въ Варшавѣ. Въ послѣдніе дни она старалась вдохнуть въ Казиміра мужество и настойчивость, а король, нѣжный и послушный, обѣщалъ ей все, чего она хотѣла. Однако онъ вырвался изъ-подъ ея надзора, радуясь своему освобожденію, и не скрывалъ этого отъ старосты.

Поѣздка въ Ченстохово была совершена благополучно, хотя

и не съ такой торжественностью, какъ прошлыхъ государей. Всѣ обряды были исполнены по установленному обычаю, не пропустили ничего; но тѣ, которые помнили прежнія времена, съ горестью видѣли, что стража, городъ, дворъ, всѣ холодно, безъ всякаго жара принимали участіе во всемъ этомъ.

Кричали,—Vivat! а грудь вторила:—неотмщенные Пилавцы! Постыдно бѣжавшее войско, взятые въ плѣнъ гетманы, казачество и хлопы на шеѣ, съ угрозами!

Единственный вождь, котораго боялись бунтовщики, единственный мужъ, который, быть можетъ, могъ тогда спасти Рѣчь Посполитую, Іеремія Вишневецкій, счастье и слава котораго во всѣхъ возбуждали зависть, получилъ во время коронаціи предупрежденіе, что булава и главное начальство надъ войскомъ не будутъ въ его рукахъ!

Когда, во время погребенія Владислава, ломали древко королевской хоругви, и обломокъ ея, какъ знакъ вождя, принадлежалъ Вишневецкому, онъ потянулся за нимъ; но Янъ Казиміръ, въ которомъ умышленно возбудили зависть, предупрежденный объ этомъ обычаѣ, поспѣшилъ отдать этотъ обломокъ своему дворецкому Стжембошу. Это можно было назвать ошибкой, забывчивостію, но это было обидой, которую повидимому глубоко почувствовалъ Вишневецкій. Едва только прогремѣли коронаціонные крики, и сенаторы собрались на совѣтъ, какъ снова загудѣли голоса: Пилавцы! наказаніе бѣглецамъ!

Король относился ко всему довольно нейтрально. Наконецъ, друзья Маріи Людвики улучили удобную минуту, чтобы возбудить вопросъ о королевскомъ бракѣ. Янъ Казиміръ сильно желалъ, чтобы сенатъ, на основаніи близкаго свойства, воспротивился этому браку, но случилось иначе.

Королева была здѣсь сильнѣе его, и папская грамота была уже въ дорогѣ, и такимъ образомъ даже тѣ, которые сначала сопротивлялись браку, должны были замолчать. Король, хотя и огорченный этимъ, представлялся обрадованнымъ. Почти каждый день письма королевы доставляли ему указанія, какъ ему слѣдовало вести себя. Эта неволя возмущала его, но онъ слушалъ, потому что то-же, что и письма королевы, приносили ему Оссолинскій и Радзивиллъ.

Выраженіемъ безвыходной нужды было требованіе короннаго маршала: онъ требовалъ войска, пожертвованій и сильнаго вооруженія государства. Не одни казаки грозили. Ракочій угрожалъ наѣздомъ, шведы съ нѣмцами легко могли воспользоваться ослабленіемъ Польши, наконецъ татары и и турки тоже не могли равнодушно смотрѣть на эту добычу, которую вырвали у нихъ изъ рукъ.

Янъ Казиміръ кричалъ о войскѣ, но на чудотворныя иконы возлагалъ еще большія надежды, чѣмъ на него, и онъ былъ правъ, потому что надо было дѣйствительно чудо, чтобъ привести въ порядокъ весь этотъ хаосъ...

Король разсчитывалъ на то, что одно его имя произведетъ тревогу; онъ готовъ былъ встать во главѣ войска и раздавить этихъ бунтовщиковъ, которые тѣмъ временемъ съ неслыханной дерзостью издѣвались надъ прежними панами. .

Среди этихъ совѣщаній вдругъ пришло извѣстіе изъ Варшавы, что королева сильно заболѣла. Король, утомленный уже Краковымъ, повидимому радъ былъ вырваться оттуда.

Пребываніе Казиміра въ старой столицѣ доставило любопытнымъ много матеріала... указаній, для отгадыванія будущаго. Это именно было характеристической слабостью той эпохи, когда настойчиво требовали отъ астрологовъ, отъ людей набожныхъ, отъ предсказателей различнаго рода объясненій тайнъ будущаго. Каждый старался узнать, что предсказывало ему его рожденье, такъ какъ не сомнѣвались, что на звѣздахъ написаны были приговоры неизбѣжнаго рока. Во время пребыванія короля, пожаръ замка въ самый день коронаціи также не могъ остаться безъ объясненія. Вечеромъ, когда всѣ уже разошлись по своимъ квартирамъ, а въ городѣ въ нѣкоторыхъ дворахъ устраивались фейерверки въ честь вновь коронованнаго, тутъ же рядомъ съ его спальней, гдѣ онъ въ эту минуту спалъ, начался пожаръ. Король проснулся, но въ первую минуту трудно было даже дозваться прислуги разбѣжайшейся по разнымъ мѣстамъ и пьянствовавшей... Прибѣжалъ только Оссолинскій, и пожаръ вскорѣ былъ потушенъ. Канцлеръ имѣлъ настолько сообразительности и присутствія духа, чтобы объяснить встревоженному Казиміру, что этотъ

пожаръ—добрый знакъ; но въ городѣ всѣ считали это за malum omen.

Во время пути въ Варшаву надо было остановиться для перепряжки лошадей и для отдыха. День былъ прекрасный. Казиміръ вышелъ на крыльцо священническаго дома, въ которомъ принималъ его пробощъ. Только нѣсколько шаговъ отдѣляли его отъ маленькой деревенской церкви, на порогѣ которой онъ увидѣлъ какого-то человѣка, выглядѣвшаго очень странно. Онъ показался ему нищимъ. Однако онъ не всталъ въ присутствіи короля и этимъ возбудилъ любопытство послѣдняго. Мужчина былъ огромнаго роста, сильный, съ головой, покрытой густыми, начинающими сѣдѣть волосами, съ впалыми глазами и густыми бровями. Его покрывало что-то въ родѣ монашеской рясы, подпоясанной веревкой, на которой висѣли простыя деревянныя четки. Это былъ тотъ самый старикъ Бояновскій, котораго мы видѣли въ заѣзжемъ домѣ князя Карла надъ Вислой. Путь его лежалъ теперь изъ Ченстохова въ Краковъ и случайно онъ зашелъ въ костелъ какъ разъ въ то время, когда король въѣзжалъ во дворъ.

Янъ Казиміръ приблизился къ нему... Бояновскій не пошевельнулся. Янъ Казиміръ долженъ былъ первый съ нимъ поздороваться: «Да хвалите имя Господне!» Мнимый нищій наклонилъ голову и пробормоталъ отвѣтъ; однако онъ не вставалъ и, казалось, не обнаруживалъ особеннаго желанія разговаривать. Это еще болѣе заинтересовало короля; онъ потянулся было за мѣшкомъ, чтобы подать милостыню, но Бояновскій, отгадавъ это движеніе, воскликнулъ:

— Я не нищій; въ милостынѣ не нуждаюсь.

— Кто же ты?

— Грѣшникъ, какъ и ты.

Въ это время Стжембошъ, который стоялъ вдали и не зналъ старика, думая, что онъ долженъ предостеречь его, съ кѣмъ онъ говоритъ, подбѣжалъ, наклонился и шепнулъ ему:

— Это король!

— Я это знаю,—вслухъ произнесъ Бояновскій совершенно равнодушнымъ тономъ.

Янъ Казиміръ, услышавъ предупрежденіе и отвѣтъ, почувствовалъ себя задѣтымъ за живое.

— Такъ что вы ни во что ставите короля? — проговорилъ онъ, подходя.

— Я каждый день имѣю дѣло съ Царемъ царей, — отвѣчалъ старикъ, не вставая, — что же для меня значитъ твое земное величіе? Я гляжу на тебя и жалѣю тебя, потому что со своей короной ты бѣднѣе самаго бѣднаго изъ твоихъ подданныхъ. Ты козелъ отпущенія, который будетъ страдать за грѣхи тысячъ людей и за свои собственные, не только при жизни, но и вѣчно. Терніемъ тебя вѣнчали, тростникъ-камышъ дали тебѣ въ руки вмѣсто скипетра, а твоя пурпурная мантія обагрена кровью; кровь высохнетъ — и она станетъ черной. Да, ты хотѣлъ быть королемъ и теперь король, но не умрешь имъ... Ты король, достойный этого царства гнили, порчи и грѣха! Горе тебѣ и твоему королевству!

Янъ Казиміръ слушалъ, блѣднѣя. Привыкшій уважать и почитать людей благочестивыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ незнакомомъ старцѣ какое-то существо не отъ міра сего.

— Знаю, — проговорилъ онъ послѣ раздумья, — что Богъ призвалъ меня въ несчастный часъ, но я не въ себя вѣрю: я вѣрю въ Провидѣніе и помощь Божью, въ милосердіе Господне.

Бояновскій тряхнулъ головой.

— Запятнанныхъ грѣхами Богъ не можетъ воодушевить, а ты и эта страна не смыли своихъ грѣховъ. Молитвой не упросите Бога, ни жертвой изъ вашихъ нечистыхъ рукъ... Сердца ваши испорчены и остыли. Дикихъ звѣрей выпустилъ на насъ мстительный Іегова, которые будутъ терзать васъ и проливать вашу кровь, пока вы не исправитесь и не покаятесь. Горе тебѣ и твоему королевству!

Король не смѣлъ слова сказать. Молчаніе продолжалось довольно долго; наконецъ Казиміръ проговорилъ пониженнымъ голосомъ.

— Молитесь за меня и за всѣхъ.

— Молюсь и каюсь за свои грѣхи и за ваши, — отвѣчалъ Бояновскій, — но Богъ глухъ, не внемлетъ просьбамъ вашимъ, потому что вы не перестаете грѣшить. Онъ унизилъ васъ, сломилъ, смялъ, кровь лилась ручьями, невольники ваши сдѣлались вашими господами; они издѣваются надъ вами — а вы?

пируете и грозите... и въ пустыхъ рѣчахъ умоляете Бога, чтобы Онъ пошелъ за васъ и разогналъ непріятелей и далъ вамъ въ руки легкую побѣду. Терпѣливъ былъ Господь, но настало наконецъ время Божьей кары. У васъ были пророки, которые вамъ предсказывали,—вы не вѣрили имъ; были знаки на землѣ и на небѣ—и вы были слѣпы; настала кара... и вмѣсто покаянія у васъ на устахъ проклятія и жалобы. Горе тебѣ, король, и твоему королевству!

Пока Бояновскій говорилъ, почти не глядя на короля, а Янъ Казиміръ, опомнившись отъ страха, оскорбленный неуваженіемъ къ своему сану, уже начиналъ терять терпѣніе и думалъ только какъ бы ему уйти отсюда,—мѣстный священникъ боязливый старичекъ, который подоспѣлъ къ послѣднимъ словамъ Бояновскаго и слушалъ ихъ, испуганный, началъ старику дѣлать изъ-за спины короля знаки, чтобы онъ замолчалъ.

— Не затыкай мнѣ ротъ, обратился къ нему старецъ.— Не отъ кого ему теперь услышать правду. Въ проповѣдяхъ ему будутъ льстить... у алтаря благословлять: а онъ грѣшникъ, какъ и мы, и хуже насъ, потому что онъ и грѣхи его должны служить намъ примѣромъ. Онъ присягалъ Богу и не сдержалъ: теперь присягнулъ королевству и не выдержитъ до конца.

Король обратился къ священнику.

— Онъ безумный!—пробормоталъ онъ.

Въ Варшавѣ короля ожидали неутѣшительныя вѣсти. Правда, Марія Людвика встала съ постели и чувствовала себя гораздо лучше, но казацкая буря, несмотря на снисходительность пословъ, отправленныхъ къ Хмѣльницкому, не была усмирена. Дерзкій Хмѣль не хотѣлъ выдать узниковъ; надъ послами издѣвались словомъ и дѣломъ, Кисель, подозрѣваемый съ обѣихъ сторонъ, сдѣлался настоящимъ мученикомъ изъ любви къ Рѣчи Посполитой. Хмѣль называлъ его предателемъ Руси, Поляки — предателемъ Польши: все-таки онъ не переставалъ работать и по крайней мѣрѣ выпросилъ перемиріе, положивъ границей—Горынь!

Янъ Казиміръ два раза, одинъ за другимъ, посѣтилъ чудотворную икону въ Червенскѣ, помня о грозныхъ предсказаніяхъ *Бояновскаго,* въ которыхъ онъ не признался Маріи

Людвикѣ. Стжембошъ, который только одинъ дослушалъ до конца дерзкія предсказанія, тоже никому о нихъ не пикнулъ.

Марія Людвика, насколько могла, настаивала, чтобы король самъ, сейчасъ-же сталъ во главѣ войска; между тѣмъ другіе, по назначеніи трехъ регентовъ: Фирлея, Ланцкоронскаго и Остророга, старались убѣдить короля и королеву, что на хлоповъ и казаковъ идти самому королю—это значило-бы уронить королевскій санъ.

Лѣнь Казиміра охотно соглашалась съ этимъ аргументомъ, хотя королева возставала противъ него. Къ несчастью, на минуту, казалось, король и тѣ, которые его удерживали, были правы. Пришло извѣстіе, что казаковъ выгнали изъ Заславля, что каштелянъ краковскій Баръ замокъ и мѣстечко отнялъ, и наконецъ, каштелянъ Каменецкій нанесъ имъ значительное пораженіе. Въ доказательство привезли въ Варшаву хоругви, которыя Казиміръ немедленно отослалъ въ Червенскъ, приписывая все чудотворной помощи Божьей Матери, образу которой онъ такъ молился.

Такимъ образомъ, въ замкѣ варшавскомъ образовались двѣ партіи, поперемѣнно бравшія верхъ; но Бутлеръ предсказывалъ, что въ концѣ концовъ королева побѣдитъ и, снарядивъ короля, отправитъ его на войну. Она сама, хоть и не совсѣмъ еще оправилась, постоянно твердила, что будетъ ему сопутствовать. Разрѣшеніе, полученное изъ Рима, не позволяло уже откладывать брака и на св. Троицу была назначена свадьба. Произошла также мгновенная перемѣна и въ самомъ королѣ, который старался теперь убѣдить себя, что онъ былъ счастливѣйшимъ смертнымъ; онъ сдѣлался чрезвычайно нѣжнымъ къ Маріи Людвикѣ — и даже Бутлеру поклялся, что бракъ этотъ былъ для него желаннымъ.

Итакъ, въ концѣ мая совершилось наконецъ предназначеніе обоихъ. Нунцій, который много содѣйствовалъ полученію разрѣшенія изъ Рима, и важнѣйшіе сенаторы были приглашены во дворецъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ, такъ какъ Янъ Казиміръ хотѣлъ здѣсь справлять свою свадьбу.

Марія Людвика на эти торжественные дни приняла болѣе радостный видъ, принуждала себя къ улыбкамъ и веселости, среди которыхъ однако часто проглядывали грусть и тайное

сомнѣніе. Чѣмъ ближе она узнавала своего мужа, тѣмъ сильнѣе чувствовала, что должна была больше всего полагаться на свою собственную силу и вліяніе.

Марія Людвика, послѣ нѣсколькихъ дней празднествъ, потребовала отъ короля собранія сенаторовъ для совѣщанія: самому-ли королю ѣхать на войну и объявить-ли всеобщее ополченіе. Вліяніемъ своимъ королева добилась того, что высшую гетманскую власть вручили королю и единогласно упрашивали его самого идти на враговъ. Янъ Казиміръ, постоянно возбуждаемый ею, одушевленный рыцарскимъ духомъ, не противился ей и, пока былъ подъ ея вліяніемъ, съ жаромъ объявлялъ свою готовность двинуться на войну.

Всенародному ополченію многіе противились, не желая распространять паники и открывать всю опасность положенія. Все еще льстили себя надеждою, что хлопы, запуганные, будутъ усмирены. Удача нѣкоторыхъ отрядовъ на Волыни отчасти оправдывала сопротивленіе всенародному ополченію.

Знаменъ, отнятыхъ у разныхъ казацкихъ полковъ, навезли въ Варшаву столько, что король съ королевой сложили ихъ полсотни предъ алтаремъ Божьей Матери въ Червенскѣ.

Набожность эта однако не поколебала рѣшенія, чтобы король лично принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ. На этомъ настаивала королева и имѣла на своей сторонѣ всѣхъ, кто желалъ добра королю. Однимъ изъ такихъ повѣренныхъ, передъ которыми Марія Людвика не нуждалась скрываться со своими мыслями и побужденіями, былъ канцлеръ Радзивиллъ.

— Князь! — говорила она ему, — вы должны помочь мнѣ отправить короля на войну. Надъ нимъ тяготитъ несчастное прошлое: неудачи, легкомысліе, быть можетъ, и случайное; слава военная ему необходима. Я не сомнѣваюсь въ его мужествѣ и вполнѣ увѣрена, что разъ онъ выступитъ въ поле, онъ весь проникнется рыцарскимъ духомъ и всѣмъ сердцемъ будетъ исполнять свои обязанности.

— Государыня,—возразилъ Радзивиллъ, — дѣйствительно, намъ необходимо воодушевить короля и заставить его встать во главѣ; но, сохрани Богъ, чего я даже не допускаю, пораженіе...

— *Ахъ, нѣтъ! нѣтъ!*—быстро вскричала королева. — По-

бѣда несомнѣнна! Не годится даже ни на минуту сомнѣваться въ этомъ. Притомъ у короля будутъ самые способные совѣтники и большая сила въ видѣ отборнаго войска. Не слѣдуетъ отнимать у него славы, которая такъ ему необходима, чтобы возбудить уваженіе и довѣріе...

Такъ же какъ Радзивилла, королева склонила на свою сторону Оссолинскаго и другихъ, сумѣла даже распространить свое вліяніе на тѣхъ, которые окружали Казиміра, не исключая и Бутлера, и заставить ихъ питать короля надеждами на побѣды и на славу.

Все это пошло лучше, чѣмъ того можно было ожидать. Все вокругъ Казиміра принимало рыцарскую наружность, лязгъ и стукъ оружія раздавался даже въ передней.

Незначительныя побѣды, о которыхъ приходили извѣстія, вѣрныя или ложныя, очевидное покровительство небесъ, которое чувствовалъ надъ собой король, придавали ему еще болѣе охоты къ легкому, какъ ему казалось, пріобрѣтенію лавровъ.

Пока это происходило въ Варшавѣ, лучшія силы Рѣчи Посполитой, съ истиннымъ геройствомъ, достойнымъ вѣчной славы, противились страшной силѣ, въ десять разъ многочисленнѣе ихъ, въ голодѣ и холодѣ, среди недостатка средствъ для защиты, среди постоянной боязни измѣны, которая пробивалась вездѣ и всюду.

Осада Збаража — это эпопея, увѣковѣчить которую не въ состояніи ни одно перо. Это геройство голодное, но веселое, это презрѣніе къ смерти, эти ежедневныя жертвы жизнью, и какъ хоръ вторящія имъ поруганія черни, неистовствующей въ своей дикой силѣ, пьяной отъ побѣдъ и горѣлки.

Среди окоповъ Збаража стояли истые мученики за грѣхи народа, которые заслужили мученическій вѣнецъ. Въ Варшавѣ знали отъ тѣхъ, которымъ удалось вырваться изъ осажденнаго Збаража; какое отчаянное эта было положеніе, какъ необходима была немедленная помощь, съ королемъ или безъ короля; но на самомъ дѣлѣ, никто здѣсь не могъ себѣ представить всего ужаса несчастнаго положенія войска, лишеннаго даже хлѣба. Только одна королева, которой необходимо было склонить мужа выступить въ походъ, передавала вѣсти и

Збаража безъ всякой перемѣны; всѣ же остальные старались придать имъ другую окраску. Не вѣрили про татаръ, не хотѣли вѣрить 150,000 войску казаковъ, стоящему подъ окопами, за которыми имъ до сихъ поръ мужественно сопротивлялись 20,000 богатырей, пока наконецъ гонцы, возвѣстившіе приближеніе голода, недостатокъ пороха и пуль и окончательное изнуреніе бойцовъ, заставили ускорить выступленіе.

Объявили, что король собирается сначала въ Люблинъ, гдѣ должны были собраться обѣщанные полки. Янъ Казиміръ, казалось, помолодѣлъ, былъ веселъ, самоувѣренъ и такъ убѣжденъ въ побѣдѣ, какъ никогда.

— Надо разъ навсегда положить конецъ этимъ неурядицамъ, — съ жаромъ говорилъ онъ — а съ Божьей помощью... Мнѣ кажется, что насталъ часъ!

IX.

Съ пышной свитой, провожаемый королевой, благословляемый духовенствомъ, полный воодушевленія и бодрости, выступилъ король изъ Варшавы. Марія Людвика совершила почти чудо, что сумѣла сосредоточить мысли Казиміра на одномъ предметѣ, не давая ему разочароваться. Все вокругъ него дышало теперь геройствомъ, битвой, богатырскимъ желаніемъ пролить кровь за вѣру и родину.

Но надо прибавить для объясненія этого жара, что война, которую собирались начать, изъ Варшавы и изъ Люблина казалась легкимъ походомъ, въ которомъ одно имя короля должно было разсѣять враговъ. Въ Люблинѣ болѣе страшныя извѣстія пророчили уже не такую легкую побѣду.

Въ одинъ вечеръ, какъ разъ въ ту минуту, когда король собирался молиться, ему доложили о прибытіи посла отъ региментарій изъ Збаража.

Это былъ многимъ хорошо извѣстный Стопковскій; но даже самые лучшіе друзья его не могли узнать въ ободранномъ, худомъ, съ глазами, свѣтящимися огнемъ отчаянія, призракѣ *солдата—своего сильнаго*, молодаго, веселаго товарища. Онъ

принесъ письма отъ вождей, заключенныхъ въ окопахъ, но лицо его было самымъ краснорѣчивымъ письмомъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что перенесло войско.

Пока король, блѣднѣя, читалъ письмо, Стопковскаго забрасывали вопросами, на которые онъ неохотно отвѣчалъ.

Что мнѣ вамъ разсказывать, —ворчалъ онъ, —смотрите на меня, такіе тамъ всѣ. Ужъ мы съ голоду лошадей, собакъ и мышей поѣли. Не знаю, скоро-ли намъ самимъ себя пожирать придется.

Его посадили за столъ, стараясь ободрить надеждою, но несчастный слишкомъ много выстрадалъ, а еще того больше видѣлъ, чтобы кровавое воспоминаніе такъ легко могло изгладиться.

— Не спрашивайте меня,—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—потому что, если вы не можете сейчасъ же броситься на помощь угнетенной вашей братіи, сердце разорвется у васъ на части, слушая, что мы тамъ выстрадали и перенесли. Только чудесамъ мужества и бодрости обязаны мы тѣмъ, что мы не попали на бойню къ этой кровожадной черни. Подъ Збаражъ спѣшите, ради Бога! пока еще есть время.

Письма, которыя привезъ Стопковскій, говорили то же самое; король такъ былъ взволнованъ, что хотѣлъ сейчасъ же отправляться дальше, но тутъ подскочили сенаторы, крича, что короля не слѣдуетъ подвергать опасности, пока они не соберутъ достаточныхъ силъ, потому что уже третьи грамоты, призывающія къ всенародному ополченію, были разосланы, а шляхта собиралась такъ медленно и вяло, что тамъ, гдѣ разсчитывали на тысячи, не могли досчитаться и сотенъ.

Король пылалъ нетерпѣніемъ, но не съ кѣмъ было идти.

Съ той силой, какую король имѣлъ, онъ долженъ былъ подвигаться далѣе, а прибытіе злосчастнаго посла изъ-подъ Збаража было для вождей необходимымъ предостереженіемъ, чтобы они шли съ чрезвычайной осторожностью.

Разсказъ Стопковскаго сильно подѣйствовалъ на короля и на минуту совершенно измѣнилъ его. Героизмъ осажденныхъ, къ которымъ нужно бы спѣшить на помощь, собственное достоинство и безопасность, сдѣлали его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ ни днемъ, ни ночью не давалъ покоя стражѣ и карауламъ, не во-

жился спать, не раздѣвался, давалъ приказанія и отмѣнялъ, позволялъ разслѣдывать лошадей и, прилегши на минутку въ палаткѣ, сейчасъ-же вскакивалъ и билъ тревогу. Приказавъ зажечь факелы, объѣзжалъ войско и подъѣзжалъ къ постамъ, чтобы видѣть ихъ своими глазами. Такое необыкновенное усердіе должно было и въ другихъ возбудить мужество и бодрость. Сейчасъ же другой духъ повѣялъ на войско.

Чего никто не могъ ожидать—Сапѣга и другіе болѣе опытные вожди должны были удерживать короля, все оглядываясь— не нагрянетъ-ли дружнѣе народное полченіе.

Хуже всего было то, что съ этой поспѣшностью не было времени разузнать, поразвѣдать, не поджидаетъ ли ихъ гдѣ-нибудь на дорогѣ непріятель, что предсказывалъ Стопковскій, держа одинъ противъ всѣхъ, что татары ударятъ на нихъ.

Множество русиновъ, сердце которыхъ билось сочувственно къ Хмѣлю, служило подъ знаменами короля и его пановъ, а никто не догадывался объ этихъ измѣнникахъ и не подозрѣвалъ ихъ. Они бѣгали почти каждый день, возвращались назадъ, нарочно приносили ложныя свѣдѣнія. Стопковскій, который уже наслушался и насмотрѣлся въ Збаражѣ на всякаго рода низости и подлости, предостерегалъ, но напрасно.

Какъ же можно было бояться человѣка, который еще вчера, щедро одаренный, покорный, цѣловалъ королевскую руку, падалъ на землю, клялся въ любви, а въ ту-же самую ночь, схвативъ наилучшаго скакуна, мчался отыскивать казаковъ, чтобы имъ служить.

Король шелъ довольно осторожно отъ Замостья подъ Зборовъ; здѣсь уже пепелища по дорогѣ и бѣглые изъ татарскаго плѣна свидѣтельствовали о томъ, что орда помогаетъ казакамъ. Но никто не зналъ ни числа ея, ни ея мѣстопребыванія, тогда какъ татарскій ханъ взялъ въ плѣнъ уже Пелку, хорунжаго острожскаго полка, и другихъ и разными мученіями заставилъ ихъ разсказывать все, что они знали, о войскѣ и королѣ.

Несмотря на всю свою осторожность, король зналъ изъ-подъ Збаража только то, что принесли ему письма Стопковскаго, а о татарахъ и о силѣ ихъ ровно ничего, тогда какъ хитрый Хмѣль сосчиталъ полки и силы непріятелей и указалъ татарамъ, гдѣ имъ искать польскаго короля и лагерь. Онъ

самъ съ отрядомъ своихъ казаковъ поджидалъ ихъ у переправы. Тутъ только открылись глаза у тѣхъ, которые до сихъ поръ не имѣли дѣла съ казаками и ихъ хитростью, которые съ такимъ пренебреженіемъ относились къ нимъ, которые смѣялись, когда въ Варшавѣ разсказывали, что Хмѣль имѣетъ своихъ и въ Венеціи, и Ватиканѣ, и на королевскомъ дворѣ,—и поняли они, что непріятель этотъ гораздо страшнѣе, чѣмъ казался...

Прежде чѣмъ узнали что нибудь о татарахъ, уже Корицкій, который былъ у переправы черезъ р. Сутрыпу съ острожскимъ полкомъ (тѣмъ самымъ, который въ Топоровѣ потерялъ Пелку и Жолкевскаго), уже столкнулся съ ними, и хотя у него была маленькая горсть противъ цѣлой Орды, ему удалось немного задержать ее. Татары съ другой стороны напали на возы, при которыхъ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, да и тѣ разбѣжались; дорога загородилась возами, и суматоха поднялась страшная. Счастье еще, что въ свитѣ короля не потеряли головъ и имѣли храбости больше, чѣмъ счастья.

Надо было какъ можно скорѣе защищать возы и мосты на Стрыпѣ. Туда подскочилъ Витовскій со своими и рѣшилъ стоять стѣной, пока не дождутся войска и короля. Къ нему присоединился Оссолинскій, староста стобницкій и пять отрядовъ русскаго воеводства. Они не только сдержали напоръ, но даже отразили татаръ. Это продолжалось однако недолго, хотя Сапѣга подоспѣлъ съ поддержкой, съ семью хоругвями. Орда въ десять разъ многочисленнѣе заливала все вокругъ... отъ нея чернѣлось, какъ отъ муравьевъ и громъ битвы заглушалъ звонъ колоколовъ въ костелѣ.

Правда, дурнымъ предзнаменованіемъ была эта переправа, когда на самомъ вступленіи пали самые мужественные защитники, стараясь удержать дикую орду, пока не переправится король. Первымъ палъ Витовскій, который потащилъ за собой другихъ, съ нимъ рядомъ подполковникъ Залускій, а храбраго Сапѣгу, подъ которымъ убили коня, вынесли на рукахъ. Больше всѣхъ король жалѣлъ Балдуина Оссолинскаго, племянника канцлера, который, казалось, явился въ королевской свитѣ только для того, чтобы ему устроили похороны, молодаго Тыш-

кевича, и много, много другихъ изъ самой дѣльной русской шляхты. Невозможно было утѣшиться даже тѣмъ, что такими жертвами куплена побѣда. Войску вздохнуть некогда было, сейчасъ-же надо было окопаться, насыпать валъ, а великая сила Орды, въ которую вчера еще не вѣрили, сегодня давала себя чувствовать.

Поздно вечеромъ, когда въ избу, гдѣ помѣщался король, вошли: Оссолинскій, оплакивавшій племянника, Станиславъ Потоцкій, Георгій Любомірскій, покрытый пылью и забрызганрый кровью, спасенный Сапѣга и съ ними лучшіе герои въ войнѣ, у всѣхъ не хватало словъ на восхваленіе мужества, съ какимъ сражалось все войско, и кромѣ стражи, которая на минуту отбѣжала отъ возовъ, не было человѣка, которыйбы не выстоялъ до конца подъ градомъ стрѣлъ и напоромъ татаръ.

— Государь, — проговорилъ молодой Собѣскій, староста яворовскій: —это день великой славы для польскаго оружія, потому что захваченные врасплохъ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, въ самой не удобной позиціи, мы, дѣйствительно, показали чудо, отразивъ враговъ. Довольно намъ одного Ковальскаго, чтобы сохранить въ памяти этотъ день.

— Какого Ковальскаго?—спросилъ король.

— Хорунжаго земли Львовской,—прибавилъ Собѣскій.— Татаринъ отсѣкъ ему правую руку, которой онъ держалъ знамя: онъ схватилъ его въ лѣвую, прижимая къ груди, а когда и эту ему отрубили, онъ самъ легъ на знамя и защитилъ его.

— А Ржечицкій, староста Уржендовскій—проговорилъ кастелянъ брацлавскій,—я самъ видѣлъ, какъ онъ бросился въ толпу съ тремя знаменами, гдѣ его и убили.

— Ржечицкаго тѣмъ болѣе жаль,—прибавилъ Собѣскій,— что мы нуждаемся въ переводчикахъ, когда намъ удается достать языка, а онъ отлично говорилъ по-турецки, арабски, персидски и по-татарски...

— У меня убили у возовъ моего Чернецкаго,—вздохнулъ король.

— Невозможно перечесть наши потери,—прибавилъ канцлеръ Оссолинскій.—Мы шли осторожно, высылая аванпосты, *стараясь развѣдать о* непріятеляхъ: ничто не помогло.

Янъ Казиміръ все еще не хотѣлъ вѣрить въ великую силу Орды, но ежеминутно доставляемыя вѣсти подтверждали это. Оссолинскій и Георгій Любомірскій, да и вообще всѣ единогласно совѣтовали величайшую осторожность.

— Легко понять,—сказалъ канцлеръ,—что Хмѣльницкій наслалъ эту татарскую орду, чтобы помѣшать намъ идти на помощь Збаражу. Мы должны отбиться отъ татаръ и разбить ихъ. Не въ ихъ обычаѣ стоять долго.

— Дай Богъ, чтобы мы побѣдили ихъ,—возразилъ молодой Собѣскій,—но надо опасаться, какъ-бы ихъ не оказалось здѣсь такое огромное число, съ которымъ мы не справимся даже при всемъ нашемъ мужествѣ.

Всю эту ночь въ лагерѣ никто не сомкнулъ глазъ.

Тутъ шло дѣло о войскѣ и о безопасности самого короля, который обѣщалъ большое мужество, но часто проявлялъ и неосмотрительность и неопытность. Поэтому вожди выбрали шесть самыхъ дѣльныхъ юношей, которые должны были ни на шагъ не отступать отъ короля. Изъ нихъ Казиміръ впослѣдствіи оставилъ при себѣ только двоихъ: Ендржеевскаго и Сладковскаго, чувствуя себя безопаснымъ среди войскъ и держась постоянно въ главномъ корпусѣ Гувальда, гдѣ была нѣмецкая пѣхота и гусарскія знамена.

Во всѣ стороны разослали аванпосты. Кругомъ лежали татары. Дубовая роща, кустарникъ и холмы кишѣли ими.

Королю придавали мужества и бодрости, но вожди, между собою, собравшись на совѣтъ у Оссолинскаго, должны были сознаться, что здѣсь, чего добраго, готовится второй Збаражъ, если не удастся въ скоромъ времени пробиться черезъ татаръ и разбить ихъ.

— Если-бы Орда была одна,—сказалъ Оссолинскій;—хоть бы ее вдвое больше налегло на насъ, мы бы не боялись; но намъ приходится имѣть дѣло не съ татарами, а съ Хмѣлемъ, невидимая рука котораго чувствуется здѣсь повсюду. Онъ сосчиталъ насъ раньше, чѣмъ мы себя, онъ наслалъ ихъ на насъ, а самъ стоитъ подъ Збаражемъ.

— Святая правда, панъ канцлеръ,—замѣтилъ молодой Собѣскій.—Мы пали жертвой его хитрости; даже и не желая въ

него вѣрить, пора сознаться и убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло со врагомъ серьезнымъ...

— Намъ-бы тоже слѣдовало пустить въ ходъ хитрость,— прибавилъ Собѣскій: — но мы такъ мало на это способны и притомъ слишкомъ благородны; пасть такъ, какъ Ковальскій — это наше дѣло, а перехитрить непріятеля...

— Правда, — тихо сказалъ Оссолинскій: — въ такомъ крайнемъ случаѣ мы должны прибѣгнуть къ хитрости, но я не вижу, какъ мы можемъ воспользоваться ею?

Собѣскій съ минуту думалъ.

— Съ казаками эта хитрость не удалась-бы, — сказалъ онъ, — а съ татарами, которые нѣкогда служили Рѣчи-Посполитой и брали отъ нея подарки — и не такъ хитры, какъ казаки — отчего бы и не попробовать?

— Если-бы у насъ былъ хоть Ржечицкій, который могъ-бы разговориться съ татарами, — вмѣшался Оссолинскій: — но и этого отняла у насъ злая судьба.

— Не хвастаясь, — отвѣчалъ староста Яворовскій, — можетъ быть, я могъ-бы его замѣнить?

— Вы? — спросилъ Оссолинскій.

Собѣскій поклонился.

— Мы можемъ попробовать разбить ихъ, — проговорилъ староста: — посчастливится намъ завтра — тѣмъ лучше, если мы не прогонимъ ихъ — попробуемъ ихъ купить.

Канцлеръ на минуту задумался.

— Это такая мысль, которой нельзя пренебречь въ нашемъ положеніи, — медленно сказалъ онъ. — Оставьте ее при себѣ. Кто знаетъ? она, можетъ быть, спасительна.

— Не выдавая ея, — прибавилъ Собѣскій, — на всякій случай слѣдовало-бы кое-что приготовить. Не можетъ быть, чтобы у насъ не было раненыхъ и захваченныхъ въ битвѣ татарскихъ плѣнныхъ. Я выбралъ-бы изъ нихъ одного для языка, и ужъ конечно зналъ-бы, что и какъ съ нимъ говорить. Потомъ-бы его пустить, какъ-бы нечаянно, чтобы онъ разнесъ среди своихъ то, что надо.

Оссолинскій считалъ положеніе такимъ опаснымъ и отчаяннымъ, что совѣтъ Собѣскаго, на видъ дерзкій и забавный, *не показался ему ни* смѣшнымъ, ни глупымъ.

— Дѣлайте, что вамъ покажется полезнымъ,— сказалъ онъ:— но на свою отвѣтственность. Пробуйте. Я не ожидаю многаго, но надо пробовать все, когда дѣло идетъ не только о жизни, но и о чести нашей и короля. Вотъ до чего мы дошли за грѣхи наши!—пробормоталъ канцлеръ, ломая руки.

Молодой Собѣскій вышелъ изъ избы.

Душой и тѣломъ солдатъ, онъ зналъ уже войско, людей, начальниковъ, расположеніе лагеря и палатокъ—такъ что ночь нисколько не помѣшала ему тотчасъ же отправиться въ окопы. По дорогѣ онъ спрашивалъ: нѣтъ-ли гдѣ-нибудь татарскихъ плѣнныхъ и не слышалъ-ли кто нибудь о самомъ знатномъ изъ нихъ?

Тутъ подвернулся ему Стжембошъ, который и ради собственнаго любопытства, и для короля вездѣ все разузнавалъ и развѣдывалъ.

— Есть связанные татары,—отвѣчалъ Дызма:—ихъ бросили въ кучу посрединѣ, чтобы не разбѣжались, а то эти дикари зубами разгрызутъ веревки, ползкомъ, какъ червяки, расползутся во всѣ стороны. Да не стоило-бы ихъ и оставлять-то, а на мѣстѣ отрубать имъ головы.

— Веди меня,—сказалъ Собѣскій.

Въ лагерѣ все двигалось, какъ днемъ, такъ что легко было разспрашивать о дорогѣ. Плѣнные не въ палаткѣ, а прямо на землѣ, въ лужѣ, были свалены въ кучу и связаны другъ съ другомъ. Уже издали давала объ нихъ знать вонь тулуповъ и тѣлъ. При свѣтѣ зажженнаго факела, Собѣскій могъ, проходя возлѣ этой кучи, убѣдиться, что многіе плѣнные, тяжело раненные, сдѣлались уже трупами. Несмотря на то, что около нихъ стояли лужи крови, не слышно было никакого голоса и стона, а только храпъ и тяжелое дыханіе умирающихъ. Съ краю замѣтилъ Собѣскій мужчину сильнаго тѣлосложенія, съ благороднымъ лицомъ, одежда котораго показывала, что онъ былъ если и не царемъ, то какой-нибудь мурза. Онъ наклонился къ нему и прошепталъ что-то по татарски. Плѣнный вытаращилъ черные глаза, полные злобы и ненависти, ничего не отвѣтилъ и отвернулся. Собѣскій приказалъ отвязать его отъ кучи и, не развязывая рукъ, вести за нимъ въ палатку. Стжембошъ шелъ за нимъ изъ любопытства. Прибывъ въ палатку, староста Яво-

ровскій прежде всего приказалъ дать плѣннику воды. Долго смотрѣлъ на нее татаринъ съ жадностью, какъ бы колеблясь, принять ли ее, но жажда томила его, наконецъ схватилъ и опорожнилъ цѣлый кубокъ. Собѣскій началъ что-то говорить. Стжембошъ, который по-татарски не понималъ ни одного слова, только глазами могъ объяснять себѣ то впечатлѣніе, какое производилъ молодой полякъ на татарина. Долго хранилъ онъ гордое молчаніе, наконецъ что-то допекло его, у него вырвалось одно слово. Собѣскій подхватилъ его; у татарина развязался языкъ, глаза заискрились—съ обѣихъ сторонъ посыпались вопросы и отвѣты. Наконецъ татаринъ, въ изнуреніи, упалъ на землю и снова замолчалъ. Староста говорилъ еще долго, потомъ позвалъ двоихъ изъ своей прислуги и старшаго слугу, указалъ на татарина и приказалъ отвести его обратно къ остальнымъ плѣнникамъ.

Только еще начинало свѣтать, когда король уже объѣзжалъ на конѣ свои строющіеся отряды, въ сильномъ безпокойствѣ. Старые вояки знали татаръ, что для болѣе удобнаго стрѣлянья изъ лука они всегда нападали прежде всего на лѣвый флангъ. Здѣсь поставили Любомірскаго, который приготовился мужественно дать имъ отпоръ, Вѣтеръ, поднявшійся съ восходомъ солнца, явился на помощь полякамъ, потому что отъ королевскаго лагеря дулъ татарамъ въ глаза, что ослабляло силу ихъ стрѣлъ и относило въ сторону. Королю лихорадочное состояніе, изъ котораго онъ не выходилъ весь день наканунѣ, придало бодрости и рыцарскаго духа, хотя видъ татарскихъ полчищъ, надъ которыми развѣвались въ воздухѣ три зеленыхъ бунчука Гирея, и увѣренность, что за ними стояли казаки, ожидая перваго знака,—все это дѣлало побѣду сомнительной.

Около полудня король со своей свитой и отрядомъ стражи все еще объѣзжалъ ряды войска. Какъ и предвидѣли, первому пришлось столкнуться съ татарами на лѣвомъ крылѣ стоявшему Любомірскому, и тутъ такъ слились сражающіяся стороны, почти въ одно тѣло, что нельзя было различить рядовъ. Стоя на маленькомъ возвышеніи, смотрѣлъ на все это король; вдругъ у него потемнѣло въ глазахъ: татары опрокинули первые ряды, которые побѣжали въ разсыпную. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда Пузовскій прибѣжалъ отъ Любомірскаго, умоля о *спасеніи и о помощи*, и мольба его была очень краснорѣчива,

ибо у него самого была прострѣлена губа, ротъ полонъ крови и стрѣла еще торчала въ устахъ.

Тогда немедленно пошли на встрѣчу убѣгавшимъ нѣмецкая пѣхота съ Гувальдомъ, но Янъ Казиміръ и самъ бросился съ нимъ, забывая всякую опасность. Въ этотъ часъ рыцарская кровь откликнулась въ немъ и заговорила. Выбѣжавъ на встрѣчу бѣжавшимъ, онъ началъ бить саблей, у другихъ схватывалъ подъ уздцы лошадь и указывалъ на пріятеля. Голосъ и видъ разгнѣваннаго короля пристыдилъ и удержалъ трусовъ, а тутъ и нѣмецкая пѣхота сыпнула градомъ пуль: татары не могли устоять, смѣшались и побѣжали.

Когда первое нападеніе было отбито и Орда разбѣжалась, стали считать потери, но онѣ были невелики, войско также не было напугано, но всѣ чувствовали, что побѣдой также нельзя было похвастаться и что, если-бы татары направили на королевское войско всю свою силу, оно навѣрное должно было бы отступить. Мысли этой никто не высказалъ: напротивъ того, ободряли другъ друга, разсказывали разные случаи, эпизоды сраженія, вынимали изъ кафтановъ обломки стрѣлъ, но въ душѣ не было спокойствія—король и теперь не хотѣлъ отдохнуть. Онъ, какъ вождь, перечувствовалъ въ этотъ часъ все, что бродило въ мысляхъ толпы.

Ночь спустилась пасмурная, черная; солдаты, видя мрачныя угрюмыя лица начальниковъ, стражу, которой такъ заботливо окружили лагерь, начинали безпокоиться. Въ такой толпѣ довольно одного слова, чтобы поднять пожаръ. Головы были ошеломлены битвой и зноемъ, быть можетъ и питьемъ, кто-то, проходя мимо королевскихъ возовъ, замѣтилъ, что на нихъ укрѣпляли веревки. Другому показалось, что онъ видѣлъ лошадей, которыхъ собирались запрягать въ королевскіе возы; третьему показалось, что снимаютъ палатки. Этого было довольно, чтобы по войску съ быстротою молніи пронеслась мысль: «Паны готовятся къ бѣгству. Король уходитъ, а насъ отдаетъ на убой татарамъ!»

Никто не провѣрялъ, никто не сомнѣвался, что на самомъ дѣлѣ, какъ это было подъ Пилавцами, важныя особы хотѣли спасаться, чтобы не попасть въ плѣнъ; поэтому отъ палатки до палатки передавались шопотъ и тревога, бѣготня, крики и суматоха.

Стжембошъ, возвращавшійся въ королевскую избу, хотя и разсмѣялся въ глаза и разбранилъ двухъ трехъ, попавшихся ему по дорогѣ, но сообразилъ, что объ этомъ надо было дать знать королю. У самыхъ дверей онъ столкнулся съ Тетишевскимъ и Тышкевичемъ, наперебой спѣшившими съ тѣми же извѣстіями.

Король только собрался совершать вечернюю молитву съ ксендзомъ Лисецкимъ, іезуитомъ, своимъ капелланомъ, когда въ комнату безъ всякаго доклада ворвались Тетишевскій, Тышкевичъ и Стжембошъ.

— Государь,—вскричалъ Тышкевичъ,—невозможно терять ни минуты, надо предотвратить великое смятеніе, а быть можетъ и позоръ. Въ лагерѣ распространились слухи, что начальники и король собираются ночью уйти... всѣ тоже хотятъ спасаться. Вездѣ невыразимая тревога и смятеніе.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ король.

Мужественный капелланъ ксендзъ Лисецкій, которому суждено было поплатиться жизнью за свою храбрость, крикнулъ Стжембошу:

— Коня для государя. Факеловъ! Поѣдемъ по всему лагерю! Пусть всѣ видятъ лицо государя, пусть убѣдятся, что здѣсь всѣ готовы отдать свою жизнь, а никто и не думаетъ спасаться.

Янъ Казиміръ, который весь этотъ день былъ особенно одушевленъ рыцарскимъ духомъ и питалъ большое довѣріе къ своему капеллану, тотчасъ же началъ кричать вслѣдъ за нимъ.

— Коня! факеловъ!

Тышкевичъ бѣжалъ къ Любомірскому, ксендзъ Тетишевскій къ канцлеру, чтобы и они сопровождали короля. Но Янъ Казиміръ вовсе не думалъ ихъ ждать. Надѣвъ на себя шапку, онъ вышелъ съ ксендзомъ Лисецкимъ на порогъ.

— Живѣй, коня!..

Ему подвели. Стжембошъ, боясь ночи и жара, съ какимъ король бросился объѣзжать полки, схватилъ его подъ уздцы. Пажъ прибѣжалъ съ зажженнымъ факеломъ.

— По порядку, по всѣмъ полкамъ! по порядку!—началъ кричать Янъ Казиміръ.

Едва король въѣхалъ въ середину лагеря, какъ воочію

огъ уже убѣдиться, что донесеніе не было ложно. Между шатрами и палатками стояли кучки, кричавшія: „король и паны бѣгутъ!“ Перваго, который попался ему навстрѣчу и не видѣлъ его король ударилъ шпагой по плечу.

— Король,—вскричалъ онъ,—вотъ я! вашъ король! Смотрите, клянусь вамъ, что я и не думаю уходить, я готовъ погибнуть съ вами! Что съ вами сдѣлалось? Вы сбѣсились! Шляхта—хотите бросить короля, солдаты — своего гетмана. Сегодня Богъ оказалъ намъ свою милость въ опасности, а завтра я надѣюсь на побѣду. Неужели изъ-за вашей трусости и подлости мы потеряемъ то, что пріобрѣли! Зачѣмъ же вы шли и начинали, если у васъ не хватитъ духа до конца? Я здѣсь останусь, хотя бы и одинъ, но до конца, а придется положить голову—я не дрогну.

Сейчасъ же за королемъ подхватилъ Лисецкій, воодушевленный мужествомъ, доказательства котораго онъ давалъ на каждомъ шагу:

— Стыдъ и срамъ вѣчный намъ и имени нашему, если вы испугаетесь этихъ дикарей.

Молча разступились смущенные солдаты, а нѣкоторые изъ нихъ стали оправдываться, но некогда было ихъ слушать; король помчался далѣе, повторяя то же самое. Онъ появлялся передъ толпы и кричалъ во весь голосъ «вотъ я!.. вотъ, стою и не ухожу».

Во время этого объѣзда, который поднялъ на ноги весь лагерь и прискакалъ Оссолинскій.

— Я только что получилъ извѣстіе, что намъ на помощь идутъ весьма значительныя силы; завтра они, быть можетъ, уже соединятся съ нами.

Собѣскій, который тоже былъ уже на конѣ, не колебясь, прибавилъ:

— Татары готовы бросить казаковъ! Все складывается такъ нельзя лучше. Осажденные Збаражцы мужественно защищаются и произвели большую рѣзню.

Все это такъ мгновенно остановило распространявшееся смятеніе, что нѣсколько человѣкъ, которые были уже на лошадяхъ и собирались удирать, живо повернули, прячась, чтобы ихъ не замѣтили.

Умы успокоились. Король же не хотѣлъ возвращаться къ своимъ, пока не объѣхалъ весь лагерь до конца. Уже начинало свѣтать, когда онъ вернулся къ своей свитѣ съ Лисецкимъ, который собирался служить обѣдню. Не было уже времени для отдыха, да никто объ этомъ и не думалъ. Сильное воодушевленіе овладѣло именно тѣми, которые вчера обнаружили такой страхъ.

Когда король послѣ обѣдни вышелъ на порогъ, онъ нашелъ весь дворъ наполненнымъ ротмистрами, начальниками, требующими приказаній. Всѣ клялись, что готовы сражаться до послѣдней капли крови.

Затѣмъ войска начали строить такъ же, какъ вчера. Въ тылу за лагеремъ находилось мѣстечко, а лагерные валы доходили до русской церкви, которую еще вчера отняли и укрѣпили казаки. Татары съ этой стороны напасть не осмѣливались, потому что она была сильно укрѣплена.

Былъ уже день, когда казаки бросились на лѣвый флангъ и вмѣстѣ съ ними два татарскихъ царька—на правый, которымъ начальствовалъ Оссолинскій. Жестокій и бѣшенный закипѣлъ бой, въ которомъ принимали участіе и мѣщанство, звоня въ колокола и сжигая по дорогѣ солому. Они вели знакомыми тропинками отряды казаковъ. Загремѣли пушки.

Королю пришла на память обѣщанная помощь, которая все еще не приходила.

— Стжембошъ!—обратился онъ къ стоящему возлѣ него юношѣ, пылавшему желаніемъ броситься въ бой.—Хочешь мнѣ услужить, попробуй... иди къ возамъ... тамъ цѣлая куча разной прислуги, которая стоитъ сложа руки. Ободри ихъ, воодушеви, собери въ кучу, пусть они схватятъ запасное оружіе, какой-нибудь лоскутокъ отъ палатки на жерди будетъ служить знаменемъ... Когда они увидятъ новыя силы, они, быть можетъ, отступятъ.

На лету понялъ Дызма королевское приказаніе: пришпорилъ коня и помчался къ лагерю. Одному Богу извѣстно, какіе онъ тамъ употреблялъ аргументы, но меньше чѣмъ въ полчаса, нѣкій Забускій, старый солдатъ, который присоединился къ Стжембошу, велъ уже подъ полотняными знаменами изъ скатерти *войско*, составленное изъ прислуги, которое шло въ

битву съ такой яростью, какъ будто желало пристыдить своихъ господъ. Забускій съ этой толпой бросился въ мѣстечко на казаковъ и первымъ натискомъ выбилъ ихъ изъ него въ поле, но когда они увлеклись и зашли слишкомъ далеко, казаки осмотрѣлись, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и начали ужасно сѣчь и рубить. Только драгуны Плесницкаго, старосты опочинскаго, примчавшіеся на помощь, спасли остальныхъ, Стжембошъ, который вмѣстѣ съ Забускимъ велъ прислугу, только уже въ полѣ замѣтилъ, что ксендзъ Лисецкій, который съ крестомъ въ рукѣ и на конѣ больше всего воодушевлялъ ихъ, сначала слегка раненый, а затѣмъ пораженный второй и третьей пулей, палъ на полѣ битвы. Дызма подскочилъ къ нему, чтобы спасти изъ подъ лошади, но когда онъ нагнулся надъ нимъ, то услышалъ только изъ окровавленныхъ устъ послѣдній вздохъ.

— Іисусъ—Марія—Іосифъ.

Подъ конецъ дня, всѣ удержались на своихъ мѣстахъ, но потери были громадныя. Правда, татары ушли, казаки спрятались. На видъ побѣда осталась за королемъ, но очи вождей видѣли уже, что послѣ нѣсколькихъ такихъ побѣдъ уже невозможно будетъ устоять противъ напора дикой силы.

Когда подъ вечеръ начали считать павшихъ, королю пришлось оплакиватъ не только своего любимаго капеллана, но и около 2000 лучшаго воинства, ротмистровъ и рядовыхъ своихъ 47 отрядовъ... Взяли въ плѣнъ одного татарскаго мурзу и много черни, но ихъ не оставили въ живыхъ...

Настала ночь, король совершилъ благодарственныя молитвы, въ лагерѣ довольно оживленно и бодро разговаривали объ оконченномъ днѣ, осматривая раны. Это было одно изъ тѣхъ сраженій безъ славы, безъ видимыхъ результатовъ, которое требовало гораздо больше усилія, мужества, жертвъ, чѣмъ многія блестящія побѣды. Оссоллинскій, взвѣсивъ все, вчерашнюю мысль Собѣскаго присвоилъ себѣ...

Онъ вошелъ въ избу короля съ нахмуреннымъ челомъ.

— Возблагодаримъ Бога! — встрѣтилъ его Янъ Казиміръ — помощь должна придти.

— Государь,—сказалъ канцлеръ,—я не теряю надежды, но если можно сберечь благородную кровь, то слѣдуетъ попробовать.

— Мы не должны обольщать себя пустыми надеждами, дер-

жаться мы будемъ, но не отобьемъ нашихъ Збаражскихъ героевъ и наконецъ сами, изнуренные,—кто знаетъ, - устоимъ ли противъ новыхъ татарскихъ полчищъ, которыя могутъ явиться имъ на помощь.

Король скрестилъ руки.

— Въ Богѣ-Заступникѣ наша надежда!..— воскликнулъ онъ.

— Я думаю,—прибавилъ Оссолинскій,—что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ попробовать, не удастся ли какимъ-нибудь чудомъ отнять у нихъ татаръ. Этихъ надо купить.

— Какъ?— спросилъ король.

— Я вышлю татарскаго плѣнника съ письмомъ къ Исламъ Гирею. Спрошу его: зачѣмъ онъ, союзникъ Рѣчи Посполитой, нарушилъ свою клятву и соединился съ нашими врагами. Я имѣю какое-то предчувствіе, что такимъ образомъ намъ удастся спастись. На всенародное ополченіе, увы, разсчитывать трудно. Казаки, предоставленные самимъ себѣ, не будутъ въ состояніи противостоять Збаражу и намъ... Послать мнѣ письмо?—спросилъ канцлеръ.

— Неужели надо до дна испить чашу униженія?—возразилъ король.

— Вопросъ не будетъ унизителенъ, мы ни о чемъ ихъ не просимъ... Татары понесли пораженіе, добычи нашли не много, мы отдадимъ имъ хоть послѣдній грошъ, лишь бы только отвлечь ихъ отъ казаковъ.

Король задумался.

— Мы не выпустимъ изъ рукъ оружія,— прибавилъ Оссолинскій,—но если кровь можно купить золотомъ?

— Я боюсь, что это обращеніе къ татарамъ будетъ пятномъ и грѣхомъ на моей совѣсти,—медленно проговорилъ онъ, —но щадить дорогую кровь—это наша обязанность, а сломить казаковъ для насъ необходимо. Дѣлай, какъ внушитъ Богъ! Вздохнулъ Янъ Казиміръ.—Не хочетъ Богъ благословить мое оружіе—грустно прошепталъ онъ. Да будетъ его святая воля!

Часть вторая.

I.

Подъ утро дождь выпалъ на поле битвы и обмылъ его какъ бы теплыми слезами. Король всталъ безпокойный, послѣ маленькаго отдыха; ночь умѣрила въ немъ жаръ, рвеніе къ битвѣ и даже увѣренность въ покровительство небесъ. Онъ всталъ съ зародившимся въ душѣ сомнѣніемъ.

Воинство, наоборотъ, подавало теперь хорошій примѣръ мужества.

Изъ вождей первый явился съ грустнымъ, нахмуреннымъ лицомъ Оссолинскій, и король, привѣтствуя его, робко спросилъ:

— Вы думаете письмомъ отклонить Исламъ Гирея? Я раздумывалъ объ этомъ, но не знаю...

Онъ колебался, опустилъ глаза и не докончилъ фразы.

— Я ужъ отправилъ ему письмо съ раненымъ плѣнникомъ,—сказалъ канцлеръ.

— Выйдетъ-ли толкъ изъ этого?—спросилъ Янъ Казиміръ.—Какъ вамъ кажется?

Оссолинскій слегка подернулъ плечами.

— Слѣдовало попробовать,—возразилъ онъ,—хотя, конечно, довѣрять нельзя...

Король вздохнулъ, и замолчалъ. Весь дворъ, привыкшій къ такимъ перемѣнамъ въ своемъ государѣ, сейчасъ-же замѣтилъ, что онъ сталъ другимъ и что вчерашній рыцарь превратился чуть ли не въ трусливаго монаха.

Татары не нападали въ этотъ день, казаки тоже держались нѣсколько поодаль.

Янъ Казиміръ по нѣсколько разъ созывалъ къ себѣ тѣхъ, которые могли ему дать обстоятельныя свѣдѣнія объ ордѣ, и наконецъ сказалъ Оссолинскому:

— Татаръ сила великая, помощь намъ не идетъ; если намъ не удастся отклонить ихъ и казаки напрутъ съ другой стороны, то мы будемъ заперты, какъ Збаражцы...

Канцлеръ ничего не отвѣтилъ.

Какъ въ ту памятную ночь пылъ и мужество короля тотчасъ же подѣйствовали на войско и одушевили его, такъ теперь выраженіе лица, движенія, перешептыванія и совѣщанія съ Оссолинскимъ отразились на дворѣ, начальникахъ, и на войскѣ. Сомнѣніе, если не страхъ, закрадывалось имъ въ душу. Съ любопытствомъ высматривали весь этотъ день пословъ, бѣгающихъ между лагерями Исламъ Гирея и королевскимъ. По лицу канцлера трудно было заключить что-нибудь, онъ былъ очень занятъ и, собравъ переводчиковъ и писцовъ, которые хоть сколько-нибудь понимали по турецки и арабски, трудился съ ними. Все что-то писали и переписывали.

Разспрашиваемый со всѣхъ сторонъ канцлеръ не выдалъ себя даже передъ королемъ и только вечеромъ, когда начальники собрались, чтобы обдумать планъ дальнѣйшаго похода на освобожденіе Збаража, — онъ вошелъ со своимъ величественнымъ видомъ, неся въ рукѣ, какъ знамя побѣды, письмо отъ Исламъ Гирея, которое былъ отвѣтомъ, увы, на вопросъ отъ имени сената. Канцлеръ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ, хотя это ему дорого стоило. Онъ старался быть въ письмѣ грознымъ и гордымъ, но самое отправленіе этого письма къ хану ясно обнаруживало ихъ слабость. Татарамъ напоминали о союзѣ, о подаркахъ, которые имъ давали и которые они называли гарачемъ. Отвѣтъ хана, довольно ласковый, обнаруживалъ согласіе на объясненія съ Рѣчью Посполитой.

Въ ту-же минуту, какъ только принесли это письмо Ислама вмѣстѣ съ переводами на латинскій языкъ, многіе изъ начальниковъ, окружавшихъ короля, которые до сихъ поръ ничего не знали о начатыхъ переговорахъ, единогласно запротестовали. Старые ротмистры и полковники хотѣли идти и сражаться, погибнуть или выдержать осаду, поджидая помощи, окопавшись *какъ Вишневецкій подъ* Збаражемъ, но выпрашивать у хана

и кланяться татарину — это казалось имъ страшнымъ стыдомъ.

Послѣ минуты молчанія, дѣло дошло до споровъ и острыхъ словъ. Канцлеръ, поддерживаемый королемъ, говорилъ краснорѣчиво.

— Я глубоко уважаю и отдаю должное геройскимъ подвигамъ регментарей въ Збаражѣ,—сказалъ онъ въ концѣ концовъ,—но когда король и войско могутъ избѣжать опасности и можно сберечь христіанскую кровь, я не постыжусь вести переговоры съ ханомъ и заплатить ему. Отклонить его отъ казаковъ, заставить Хмѣля смириться и выпустить осажденныхъ пановъ регментарей, обратить его къ послушанію, если не оружіемъ, то переговорами съ нимъ,—я не буду колебаться.

Король молча поддакивалъ ему. Начальники однако ворчали.

— Лучше честно отдать жизнь, чѣмъ со срамомъ бить челомъ этимъ дикарямъ... Намъ должны служитъ примѣромъ Збаражцы, которые и до сегодняшняго дня упорно держатся, тогда какъ мы, еще не отомстивши, отступаемъ.

Ихъ не слушали; король и Оссолинскій брали всю отвѣтственность на себя. Одни все еще сердились, другіе начали уже обращать въ шутку свою печаль. Яна Казиміра обходили; въ канцлера плевали, издѣвались надъ его умомъ.

Быть можетъ, на Оссолинскаго набросились бы гораздо сильнѣе, если бы не король, который очевидно держалъ его сторону. На этотъ разъ еще уважили его санъ, но много блеску отняло отъ его короны это внезапное охлажденіе. Всѣ такъ обрадовались тому воинственному настроенію, когда король кричалъ, что онъ готовъ пожертвовать жизнью, всѣ были поражены теперь, когда онъ такъ внезапно остылъ.

Нѣкоторые, оправдывая его, сваливали всю вину на всенародное ополченіе, которое шло такъ тихо, что надъ нимъ даже подсмѣивались.

Между тѣмъ канцлеръ, ни на что не обращая вниманія, очень ловко велъ одни тайные переговоры, и другіе формальные и открытые. Татары согласились уже на съѣздъ и на высылку отъ себя комиссаровъ для веденія переговоровъ. Условливались уже о заложникахъ, о мѣстѣ и времени. Оссолинскій былъ вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ.

Едва все это было сдѣлано, хотя и тайно, казаки сейчасъ-же провѣдали, въ чемъ тутъ дѣло. Они подскочили къ Исламъ Гирею, стараясь удержать его на своей сторонѣ, но ханъ грубо прогналъ ихъ. Весь этотъ походъ стоилъ ему уже не мало, а добычи не принесъ никакой. Онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ королемъ.

На другой день Оссолинскій принесъ королю извѣстіе, что, по всей вѣроятности, за деньги можно будетъ поладить съ татарами. Но ханъ ставилъ тяжелыя, унизительныя условія. Оссолинскій хотѣлъ скрыть ихъ, потому что зналъ очень хорошо, что они возбудятъ злобу и возмущеніе. Татары просто требовали позорный гарачъ. Это нисколько не измѣняло самой, сути дѣла, что они хотѣли назвать его подаркомъ—какъ бы платой войскамъ, которыя должны были помогать Рѣчи Посполитой противъ ея враговъ.

Хмѣль, тщетно попробовавъ отклонить хана отъ союза съ королемъ, моментально измѣнилъ тонъ и образъ дѣйствій.

Едва только ханъ началъ условливаться съ Оссолинскимъ объ этомъ гарачѣ, который называли подаркомъ, Хмѣль сейчасъ-же объявилъ, что и онъ, уступая убѣжденіямъ Исламъ Гирея, согласенъ на переговоры, на миръ, на сдачу и присягу вѣрности королю. Онъ зналъ, что этимъ усыпитъ не очень склонную къ войнѣ шляхту, выиграетъ время для лучшей организаціи, а трактатами этими вовсе не будетъ связанъ. Въ польскомъ лагерѣ никто еще не зналъ побѣды Радзивилла, который нанесъ большое пораженіе казакамъ. Хмѣль былъ уже увѣдомленъ о ней. Онъ понималъ очень хорошо, что король, чтобы при самомъ началѣ своего царствованія похвастаться побѣдой и трактатами, готовъ принять самыя тяжелыя условія. Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ—и не ошибся въ разсчетѣ.

Поворотъ со стороны Хмѣля произошелъ такъ внезапно, что король и канцлеръ, не зная, чему его приписать, приписали все своей ловкости въ переговорахъ съ ханомъ. Оссолинскій приписывалъ это отчасти слухамъ о значительныхъ силахъ поднявшагося ополченія, король — покровительству Пресвятой Дѣвы Маріи Белзкой, которая послѣ Червенской и Ченстоховской пользовалась самымъ большимъ почетомъ. Нѣкоторые въ лагерѣ приняли вѣсть о переговорахъ съ большимъ недовѣріемъ и по-

дозрительностью. Простымъ хлопскимъ даже умомъ, говорили они, легко понять, что татары и казаки не могли вдругъ, ни съ того ни съ сего, такъ перепугаться; слѣдовательно, подъ этимъ должно что-нибудь скрываться? Другіе, довольные тѣмъ, что скоро вернутся домой, радовались и прославляли короля и канцлера.

— Лишь бы только намъ не привезти домой стыда!—ворчали третьи.

Збаражскіе герои возбуждали зависть. Втихомолку смѣялись надъ премудрымъ канцлеромъ, но онъ, не обращая вниманія на пасквили, велъ переговоры до конца. Условій этихъ переговоровъ никто не зналъ, но подозрѣвали, что они лягутъ позорнымъ пятномъ на славу польскаго рыцарства...

Король молчалъ, но лицо его невольно прояснялось. Оссолинскій отдѣлывался пустыми фразами, говоря только, что Рѣчь Посполитая вышла побѣдительницей, и король покрылся славой.

Въ это время Исламъ Гирей первый поздравилъ короля съ побѣдой Радзивилла въ Литвѣ, и извѣстіе это нѣсколько успокоило настроеніе умовъ, потому что объясняло покорность казаковъ. Поражало только то, что хану посылали драгоцѣнные подарки и мѣшки, полные золота...

Наконецъ, Хмѣль, полный якобы раскаянія, пришелъ къ королю, палъ передъ нимъ на колѣни, клялся въ вѣрности.

— Чего же вы еще хотите! — кричали, очень обрадованные миромъ. — Збаражъ освобожденъ отъ осады. Казаки приняты на нашу службу... Но болѣе разсудительные отвѣчали:

— Подождите, пока медаль повернется обратной стороной.

Въ это время донесли изъ Збаража, что казаки, дѣйствительно, обязались отступить, но щедрый Оссолинскій обѣщалъ имъ за это подарокъ. Заключенные еще въ окопахъ герои воскликнули въ одинъ голосъ.

— Лучше погибнуть! Не дождаться вамъ того, чтобы мы, обагрившись своей кровью, стали бы за деньги выпрашивать милости у этого мужичья! Вы имъ обѣщали: сами и платите; мы мѣднаго гроша не дадимъ!

Всѣ напали на Оссолинскаго и по войску разошлась постыдная поговорка: „Въ Збаражѣ десять татаръ отступали пе-

редъ однимъ полякомъ, въ Зборовѣ десять поляковъ бѣжали отъ одного татарина!“ Тріумфъ политики Оссолинскаго и короля начиналъ уже превращаться въ позоръ. Король все еще не терялъ бодрости, такъ какъ ему прибавлялъ ее канцлеръ: итакъ, на видъ побѣдоносно, но съ безпокойствомъ въ душѣ, двинулись подъ Глиняны, а изъ Глинянъ въ Львовъ. Янъ Казиміръ довольно скромно и тихо вступилъ въ городъ. Въ войскѣ роптали и смѣялись. Черезъ два дня по городу уже летали съ жадностью переписываемые пасквили: „Веселый день насъ насталъ сегодня! Миръ родился у насъ! „Радуйтесь народы польскій, литовскій и русскій. Ужасная побѣда на бумагѣ... Свѣтлѣйшій князь канцлеръ спасъ отечество. Честь ему и слава!

„Статьи договора съ татарами:

„Между Исламъ Гиреемъ, ханомъ татарскимъ, и наслѣдниками его и между королемъ польскимъ и его наслѣдниками на вѣки будетъ миръ и дружба.

„Его величество король польскій его величеству хану будетъ ежегодно платить дань въ Каменцѣ, а ханъ, когда ему вздумается подышать свѣжимъ воздухомъ, поѣдетъ въ Варшаву, чтобы присутствовать на представленіи комедіи въ замкѣ.

„Чамбулы, грабежъ людей и скота, если бы таковые и случились, король не долженъ обращать на это вниманія, ни жаловаться и это не будетъ портить взаимной дружбы.

„Татарскія войска уйдутъ отъ Збаража и изъ границъ Рѣчи Посполитой, когда имъ вздумается, а хотя бы по дорогѣ и совершили какіе-нибудь грабежи, войска Рѣчи Посполитой не имѣютъ права преслѣдовать ихъ за это.

„Татары Крымскіе, Ногайскіе, Пемруцкіе, Будяновскіе, Черкасскіе, Мультанскіе, Семиградскіе, Турецкіе, Румельскіе, полки и орды и другіе народы — свободно будутъ хозяйничать въ Польшѣ и разгуливать безпрепятственно...

„По ходатайству его величества хана, войско Запорожское прощаетъ королю польскому свои обиды, претензіи, оскорбленія и обѣщаетъ все забыть“.

„Статьи договоры съ казаками:

„Всѣ давнишнія привилегіи войска Запорожскаго король *возвращаетъ и скрѣпляетъ* это грамотой.

«*Комплектъ Запорожскаго* войска долженъ быть 40,000, но

заглядывать въ реестры и провѣрять ихъ никто не имѣетъ права.

„Наборы свои паны казаки свободно могутъ производить во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ и слободахъ, и хотя бы они бунтовали подданныхъ и тайкомъ производили наборы,— на это будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

«Зимнихъ квартиръ, постоевъ и солдатскихъ контрибуцій, въ мѣстахъ и земляхъ, назначенныхъ для казаковъ, Рѣчь Посполитая своимъ войскамъ назначать не смѣетъ...

„Чины и званія въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ, Черниговскомъ никому не будутъ раздаваться, кромѣ благочестивыхъ людей.

«Казаки, хотя бы измѣняли девять разъ и болѣе—все имъ будетъ прощено и останется безнаказаннымъ“.

Такіе и еще худшіе пасквили каждый день подбрасывали канцлеру, да и король находилъ ихъ въ своихъ покояхъ; разъ даже, сунувъ руку въ карманъ, онъ нашелъ тамъ позорный пасквиль на канцлера, который сейчасъ-же и сжегъ, не показавъ никакого вида.

Но не было недостатка и въ льстецахъ, которые какъ Оссолинскаго, такъ и Яна Казиміра благодарили за Зборовскіе трактаты, называя ихъ спасительными для Рѣчи Посполитой.

Къ пріобрѣтенію расположенія шляхты присоединилось и еще одно обстоятельство, незначительное, но дѣйствующее гораздо успѣшнее, чѣмъ самыя славныя побѣды.

Король съ дѣтства всегда одѣвался по-нѣмецки, по-шведски, однимъ словомъ—по европейской модѣ, а кунтуша и жупана не надѣвалъ ни разу въ жизни. Подалъ-ли ему кто эту мысль, или она сама пришла ему въ голову,—но только онъ тайкомъ приказалъ во Львовѣ приготовить нѣсколько костюмовъ, богатыхъ и красивыхъ, и въ одинъ прекрасный день, одѣвшись по-польски, поѣхалъ въ костелъ. Это чуть-было не надѣлало безпорядковъ въ городѣ, потому что тѣ, которые видѣли, не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, тѣ, которые разсказывали, были осыпаны насмѣшками, и толпы любопытныхъ бѣгали посмотрѣть на этого польскаго короля, хотя въ толпѣ слышались ворчливые голоса:

— Платье надѣть легко, а сумѣетъ-ли онъ самъ пропитаться польскимъ духомъ!

Ко всему этому, въ послѣдніе дни пребыванія въ Львовѣ, акъ разъ, когда изъ-подъ Збаража начали прибывать региментары, такъ какъ Хмѣльницкій наконецъ отступилъ, когда началась раздача заслуженныхъ наградъ,—на королѣ явился кунтушъ. Возвращающіеся изъ збаражскихъ окоповъ приносили съ собой большую обиду и на ополченіе, и на Оссолинскаго, и на короля; и неудовольствіе это увеличилось еще отъ того, что награды начали раздаваться не по заслугамъ, а по совѣтамъ придворныхъ и пріятелей. При раздачѣ наградъ обидѣли самаго выдающагося героя Іеремію Вишневецкаго, а о другихъ и вовсе позабыли.

Почти каждый день можно было на улицахъ Львова встрѣчать возы, на которыхъ тихо и безъ всякихъ торжественныхъ церемоній выѣзжали оборванные, обвязанные Збаражцы, и никто ихъ не привѣтствовалъ. Сами они горько улыбались своей участи и подшучивали надъ своей судьбой, но честное воинство оказывало имъ большое уваженіе. Тѣснились къ нимъ всѣ, съ жадностью слушая разсказы объ этой трагедіи, о которой можно было пѣть цѣлыя поэмы.

Стжембошъ, который въ отрядѣ Конецпольскаго имѣлъ пріятеля и свояка, знаменитаго рубаку Станислава Ксензкаго, съ великою радостью узналъ, что этотъ воинъ, сильно, но не опасно раненый, какъ разъ прибылъ во Львовъ и лежалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими Збаражцами въ одномъ старомъ домикѣ. Лишь только Сташекъ (такъ его называли, хотя онъ уже начиналъ сѣдѣть) извѣстилъ Дызму, какъ тотъ сейчасъ-же прибѣжалъ къ нему.

Ксензкій съ другими занималъ огромную, закоптѣлую отъ дыма избу, съ маленькими окнами, въ которой подъ одной стѣной было навалено сѣно, покрытое войлоками, и здѣсь-то расположились по солдатски эти бѣдняки, которымъ послѣ Збаража эта берлога казалась роскошнѣйшимъ дворцомъ.

Ихъ было трое раненыхъ: Сташекъ Ксензкій, Мацей Бродовскій и Сильвестръ Гноинскій, но мѣсто хватило для всѣхъ и даже для мѣшковъ, сѣделъ, збруи и оружія, занимавшихъ цѣлый уголъ. Въ огромной печкѣ прислуга готовила пищу и отогрѣвала пластыри. Скамьи должны были служить столами лежащимъ на землѣ.

Страшно было взглянуть на этихъ воиновъ, которые скорѣе походили на трупы, чѣмъ на живыхъ людей. Это не мѣшало имъ смѣяться и подшучивать, и изба съ утра до вечера была наполнена любопытными, и смѣхъ не умолкалъ ни на минуту; въ особенности смѣшилъ Ксензкій.

Войдя въ избу, Стжембошъ засталъ оживленный разговоръ Сташка съ однимъ изъ-подъ Зборова, изъ свиты Оссолинскаго, который, конечно, держалъ сторону своего господина и защищалъ честь короля и тѣхъ, которые были подъ Зборовомъ. Это былъ нѣкто Збоинскій, simplex servus Dei, но хорошій солдатъ и честный человѣкъ.

Едва поздоровавшись съ Дызмой, Ксензкій, пригласилъ его сѣсть на лавку и продолжалъ спорить съ Збоинскимъ.

— Збой мой,—кричалъ онъ тоненькимъ хриплымъ голоскомъ,— неужели ты думаешь, что я наши заслуги въ Збаражѣ ставлю выше вашихъ? Ошибаешься! Что-же мы сдѣлали? Ѣли лошадиное мясо, мышей, котовъ, пили вонючую воду изъ-подъ труповъ, не спали, умирали отъ голода, но мы только спасли свою честь, а король съ Оссолинскимъ пришелъ подъ Зборовъ, получилъ нахлобучку, и на другой же день объявилъ себя побѣдителемъ, заплативъ татарамъ! Развѣ это не ловкая штучка? Каждый служитъ отечеству, какъ можетъ: одинъ приноситъ кровь и жизнь, другой свою хитрость и жидовскій разумъ!

Збоинскаго покоробило.

— Да я не отнимаю славы у збаражскихъ героевъ,— вскричалъ онъ.

— А мы, какъ Богъ святъ, возразилъ Ксензкій,—мы требуемъ отъ васъ только, чтобы вы соблаговолили поставить насъ наравнѣ съ вами! Про себя, что я раненъ, я не говорю; я самъ виноватъ, потому что ночью пробрался въ середину казаковъ и нѣсколько отправилъ на тотъ свѣтъ узнать у св. Петра, пускаютъ ли на небо казаковъ, а подъ конецъ и меня одинъ хватилъ тоже, за что Бродовскій убилъ его: по дѣломъ мнѣ; но жаль мнѣ тѣхъ добрыхъ товарищей, которые уже не вернутся изъ Збаража. Такого, напримѣръ, Тжебинскаго, поручика пана Мышковскаго, который дрался какъ левъ, а во время битвы пѣлъ, такъ что мы росли духомъ, слушая его; такого Ягельницкаго, хорунжаго пана Зброжка, который такъ разговаривалъ съ казаками, что

любо было слушать; такого честнаго Бернахи, капеллана нашего Зайбковскаго, котораго во время обѣдни, какъ разъ послѣ причастія, когда онъ обратился къ намъ, пушечное ядро отправило на тотъ свѣтъ съ чистой душой; такого Сѣриковскаго, военнаго писаря, Сильницкаго, Зброжка, старосты Пжалынскаго, которые смертью доказали свою любовь къ Рѣчи Посполитой.

Смущенный Збоинскій хотѣлъ было возражать, но разгорячившійся Ксендзкій не далъ ему говорить.

— Мы, прибывшіе во Львовъ, жалкіе остатки, а тутъ уже трубятъ славу канцлера и короля, что они одержали побѣду, что спасли отечество, а намъ Збаражцамъ едва только позволили напомнить, что и мы тоже кое что сдѣлали и чего-нибудь да стоимъ.

— Дорогой мой дядя—прервалъ Дызма—не упрекайте ни короля, ни насъ, которые были съ нимъ, что мы приписываемъ себѣ слишкомъ многое. Вы дрались какъ львы и держались дольше; никто у васъ этого не отнимаетъ.

— Наконецъ, — разсмѣялся Ксензкій, — канцлеръ хотѣлъ, чтобы мы заплатили казакамъ за то, что они не съѣдятъ насъ! Надо было видѣть и слышать, какъ это приняли у насъ въ лагерѣ, и не пожелалъ бы я пану канцлеру находиться тогда между нами!

Черезъ минуту все успокоилось, и Ксензскій по прежнему началъ шутить. Досталось и Дызмѣ, который, конечно, не сталъ съ нимъ спорить, но короля все таки защищалъ.

— Король!—прервалъ его Ксензкій.—Мы, люди пожилые, давно его знаемъ. Хоть онъ и подпоясалъ саблю, она не сдѣлаетъ изъ него солдата, а кунтушъ не сдѣлаетъ его полякомъ. Набожный государь, словъ нѣтъ, но пойдетъ такъ, какъ его поведутъ.

Дызма съ любопытствомъ началъ распрашивать Кзензскаго о Збаражѣ.

— Что-жъ ты думаешь,— отвѣчалъ онъ,—что о Збаражѣ можно сдѣлать донесеніе въ двухъ,—трехъ словахъ, какъ о зборовскомъ договорѣ? Намъ, которые были тамъ, если бы пришлось это описывать, такъ на всю жизнь хватило бы работы. Дня не было безъ какого-нибудь славнаго подвига, ночи не было, чтобы казаки не пробовали пробраться къ намъ или обмануть

насъ. Однимъ глазомъ спалъ человѣкъ, а раздѣваться и не думалъ никогда. Да и не къ чему было, потому что ни у кого не было рубахи для перемѣны, а въ одеждѣ постоянно приходилось укорачивать пряжки и петли, — такъ мы съ каждымъ днемъ худѣли. Пули казацкія, сабли ихъ и татарскія стрѣлы, все это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось намъ переносить отъ этой черни, которая, забравшись подъ самые валы, кланялась своимъ панамъ и издѣвалась надъ ними. Хмѣльницкій, убѣдившись, что насъ, добродушныхъ, такъ легко поддѣть, что мы готовы вѣрить всему, каждому слову, подъѣзжалъ къ намъ такими гнусными, грубыми способами, что мы должны были стыдится, что онъ принимаетъ насъ за такихъ дураковъ. То письма, то послы, то какіе-то бѣглецы постоянно являлись къ намъ. Во всемъ нашемъ лагерѣ только одинъ человѣкъ возбуждалъ въ нихъ тревогу и такую ненависть, что имя его приводило ихъ въ бѣшество: князь Іеремія. Только напомнить его, такъ они уже блѣднѣли. Они понимали, что онъ знаетъ ихъ насквозь, что никогда ни въ чемъ имъ не вѣрилъ, не довѣрялъ ихъ покорности и не могъ ихъ простить. Ему одному не посмѣлъ бы взглянуть въ глаза Хмѣль, потому что взглядъ его пронизывалъ до мозга костей, тогда какъ другіе, какъ Кисель, то братались съ нимъ, то умасливали, то льстили, то унижались передъ нимъ, но совсѣмъ не знали его. Не мало бы онъ пожертвовалъ головъ, чтобы только достать Іеремію; ужъ и издѣвался же бы онъ надъ нимъ.

Послѣ Ксензкаго разсказывалъ Бродовскій, кое-что прибавлялъ Гноинскій, и такъ можно бы ихъ слушать весь день и всю ночь; не исчерпался бы ихъ запасъ, такъ какъ трагедія збаражская была богата такими сценами, какихъ не придумаетъ самое пылкое воображеніе.

— Говорите, что хотите—заключилъ Ксензкій—а все это пустяки... Пришелъ канцлеръ Оссолинскій, поцѣловался съ Исламъ Гиреемъ, побратался съ казаками и ему одному всѣмъ будетъ обязано отечество. Збаражскіе воины не сдѣлали ничего.

II.

За все время похода, который завелъ Яна Казиміра подъ Зборовъ и окончился знаменитымъ договоромъ, Марія Людвика съ лихорадочнымъ любопытствомъ схватывала всѣ новости которыя доставляли ей почти каждый день. Марія Людвика чувствовала, что первый шагъ на полѣ битвы, съ войскомъ, во главѣ рыцарства, рѣшитъ будущее короля. Поэтому она дрожала и молилась. Со стола ея на сходила карта тѣхъ мѣстностей, которыя король занималъ съ войскомъ, секретарь де-Нуайе отыскивалъ старыхъ людей, которые бывали на Руси и могли о ней сообщить что-нибудь. Тревога овладѣла ею въ особенности тогда, когда отовсюду начали доходить жалобы на слишкомъ вялый сборъ ополченія, надъ которымъ всѣ насмѣхались. Пугали его именемъ казаковъ, но втихомолку шептали, что на него никакъ нельзя разсчитывать.

Поэтому королева разсылала письма къ королю, къ Оссолинскому, къ начальникамъ, которые должны были подталкивать и подгонять отсталые отряды. По костеламъ служилы молебны; духовные сообщали разные предсказанія и предчувствія дворъ—свои сны о королѣ, астрологи—различныя знаменія на небѣ. Де-Нуайе въ особенности, по уши углубленный въ астрологическія вычисленія, представлялъ королевѣ много предсказаній, обѣщающихъ самыя благопріятныя послѣдствія этой войны, которая должна была закончиться знаменитымъ миромъ. Королева знала очень хорошо, что не сдѣлаетъ изъ мужа героя, но въ своей жизни она видѣла столько знаменитыхъ мужей, обязанныхъ своей славой пустому случаю, что и для Яна Казиміра искусственное достиженіе славы не казалось невозможнымъ, Долго однако этимъ надеждамъ и ожиданіямъ Маріи Людвики не отвѣчали дѣйствія короля, о которыхъ она узнавала. На помощь Збаражу шли какъ-то тихо, а ополченіе и недумало ополчаться. Силы, съ которымъ Янъ Казиміръ долженъ былъ идти подъ Зборовъ, были слишкомъ недостаточны для того погрома, о которомъ мечтала королева. О первыхъ столкновеніяхъ *ей не дали знать, а послѣ* нихъ такъ быстро наступили пере-

говоры съ ханомъ, что королева получила одновременно извѣстія и о готовящемся договорѣ, и о битвахъ, которыя, если-бы даже представлять ихъ себѣ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, приносили гораздо больше заботъ, чѣмъ радости. Письмо которое возвѣстило что Оссолинскому удалось отвлечь хана отъ казаковъ, королева встрѣтила радостнымъ крикомъ.

— Un coup de maitre!—воскликнула она.

Безпокойная, нетерпѣливая, ожидала она послѣдствій переговоровъ, но извѣстіе о нихъ запоздало, а когда наконецъ пришло, восхваляя въ общихъ словахъ дѣло канцлера, Марія Людвика нахмурилась. Мелькомъ упомянутыя условія давали ей возможность понять и оцѣнить этотъ договоръ, который имѣлъ видъ побѣды, но на самомъ дѣлѣ былъ позоромъ и униженіемъ. Она всплакнула втихомолку, но теперь не оставалось уже ничего, какъ прославлять и превозносить договоръ, чтобы люди не замѣтили, какъ онъ былъ постыденъ. Поэтому превознося канцлера, а съ нимъ вмѣстѣ и короля, въ душѣ Марія Людвика скорбѣла о такомъ оборотѣ вещей, который надолго обрекалъ короля на его прежнюю роль: человѣка безъ характера и силы воли.

Въ замкѣ постарались, чтобы та ночь, въ которую Янъ Казиміръ дѣйствительно доказалъ, что въ немъ еще живетъ рыцарскій духъ, хотя и заглушенный,—выступила въ описаніяхъ и письмахъ съ величайшимъ блескомъ.

Король еще не дошелъ на обратомъ пути до Львова, когда въ Варшавѣ уже появились пасквили на Оссолинскаго. Въ замокъ принесли ту пародію договора, которая ходила во Львовѣ. Приказали ее истреблять.

Письмо изъ Варшавы посовѣтовало королю нарядиться въ національный польскій костюмъ. Благодаря старанію Маріи Людвики, канцлеру и королю готовился торжественный пріемъ, но противъ этого теченія сверху шло гораздо болѣе сильное теченіе снизу, гдѣ прославляли сбаражскихъ мучениковъ и осмѣивали зборовскихъ политиковъ.

Королева вскорѣ убѣдилась, что гораздо безопаснѣе было не превозносить черезчуръ заслугъ короля и канцлера, чтобы не вызвать еще болѣе ядовитыхъ насмѣшекъ:

Изъ писемъ мужа она убѣждалась, что совершенно успо-

коенный тѣмъ, чего ему удалось добиться, онъ довольно равнодушно относился къ лаврамъ и тріумфамъ. Онъ толковалъ уже о мирѣ, объ охотѣ и о своихъ карликахъ.

Какая-то необходимость заставила Яна Казиміра выслать впередъ въ Варшаву Дызму, который съ великой радостью взялъ на себя порученіе летѣть въ столицу. Онъ везъ письма къ королевѣ, но въ умѣ рѣшилъ, что воспозуется этимъ удобнымъ случаемъ и добьется свиданія съ Біанкой. Дызма не былъ доволенъ ни собой, ни королемъ, ни походомъ. Онъ надѣялся прославиться превратиться въ рыцаря и все это ему не удалось. Напрасно онъ напрашивался, предлагалъ свои услуги, всегда его отсылали куда-нибудь въ другое мѣсто, такъ что онъ даже и пороху мало понюхалъ. Онъ возвращался въ Варшаву такимъ же; какимъ выѣзжалъ изъ нея.

Всѣ эти черныя мысли однако разсѣялись, когда, подъѣзжая къ городу, онъ увидалъ башни замка, черныя стѣны костела св. Яна, любимую Вислу—почувствовалъ въ груди тотъ воздухъ, котораго ему вездѣ недоставало.

Едва соскочивъ съ коня во дворѣ замка, не успѣвъ даже оправиться, Дымза получилъ отъ m-lle Ланжеронъ, которая первая увидала его изъ окна, и узнала, приказаніе, чтобы онъ немедленно такъ, какъ стоялъ, поспѣшилъ къ королевѣ.

Онъ долженъ былъ повиноваться.

Государыня уже ждала его и, взявъ письма, сейчасъ же подошла къ окну, чтобы мелькомъ прочесть ихъ.

Стжембошъ издали замѣтилъ, какъ брови ея сдвинулись, губы сжались, какъ дрожали руки, когда она перевертывала страницы, исписанныя крупнымъ почеркомъ короля. Потомъ она быстро скомкала письмо и подошла къ посланному.

Дымза очень плохо говорилъ по-французски и черезъ нѣсколько минутъ его очень деликатно и вѣжливо отпустили.

Едва онъ вышелъ за порогъ, какъ его окружили придворные и, не давая отдыха, потащили въ горницу, предназначенную для него, гдѣ онъ хотѣлъ переодѣться и отдохнуть. Но это оказалось невозможнымъ. Руководимые собственнымъ любопытствомъ и подосланные королевой, его такъ окружили прія*тели, знакомые,* товарищи, что онъ и подумать не могъ объ *отдыхѣ. Накормили* его и напоили, но зато закидали тысячью

вопросовъ. Дымза прославлялъ государя и превозносилъ всѣхъ кто его сопрождалъ, не забывая и о себѣ, но онъ почувствовалъ въ предлагаемыхъ вопросахъ, замѣтилъ по двусмысленнымъ улыбкамъ, что и здѣсь въ замкѣ не совсѣмъ-то уже вѣрили въ великіе подвиги и побѣды короля. Поэтому, ему пришлось повторить то, что онъ уже слышалъ собственными ушами отъ партизановъ и защитниковъ канцлера и короля (что позднѣе говорилъ на сеймѣ и самъ Оссолинскій), что побѣда, одержанная подъ Зборовомъ, гораздо важнѣе и славнѣе, чѣмъ знаменитая Хотимская побѣда при Сигизмундѣ III. Всѣ ему разсмѣялись въ глаза. Онъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Пѣтухи уже пѣли, когда Дымза упалъ наконецъ на кровать и заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только около полудня. Ему очевидно не везло, потому что онъ проспалъ самое удобное время, когда онъ могъ бы встрѣтить свою возлюбленную вь костелѣ, или возвращающуюся изъ костела. Поэтому ему приходилось искать другой способъ, чтобы проникнуть въ домъ къ Бертони.

Нѣсколько оправившись и принарядившись, къ вечеру направился онъ въ Старый городъ. Ему показалось, что онъ смѣло можетъ злоупотребить королевскимъ именемъ, такъ какъ Янъ Казиміръ былъ очень снисходителенъ къ любовнымъ интрижкамъ своихъ придворныхъ и, оттаскавъ за уши, прощалъ. Поэтому онъ прямо и смѣло вошелъ въ домъ, въ окнахъ котораго онъ тщетно искалъ знакомое личико. Правда, Бертони запретила ему показываться ей на глаза, но Дызма шелъ съ вымышленнымъ поклономъ отъ короля, а потому разсчитывалъ, что она не можетъ его выгнать. Дерзко ворвался онъвъ переднюю и собирался уже войти въ гостиную, когда открылись двери и старая, накрашенная Бертони привѣтствовала его крикомъ.

— Я являюсь прямо изъ лагеря,—проговорилъ Дызма не давая ей сказать слова.—Король приказалъ мнѣ кланяться вамъ и паннѣ Біанкѣ. Поэтому, хоть мнѣ запрещено сюда показываться, но приказаніе государя пересиливаетъ все.

Бертони стояли съ открытымъ ртомъ. Она знала очень хорошо, что Дымза вралъ, но любопытство сжигало ее. Ей хотѣлось бы что-нибудь узнать, но Стжембоша она ненавидѣла. Она колебалась. Ввести его и дать ему возможность видѣть

Біанку она не хотѣла ни за что на свѣтѣ. Дымза между тѣмъ подходилъ къ ней ближе, какъ бы принуждая ее ввести его въ гостиную. Бертони заслоняла собой двери.

— А! вотъ такъ гостепріимство! — проговорилъ Дызма. — Королевскаго посла держать въ передней и не дать ему переступить порогъ!

Итальянка разсердилась.

— Что-же ты мнѣ принесъ отъ короля?—спросила она.

— Привѣтствіе, поклонъ,—сказалъ Дызма,—и обѣщаніе, что, возвращаясь въ Варшаву, король привезетъ гостинца.

Бартони покачала головой.

— Слѣдовательно, посольство выполнено, — проговорила она.—Ступай, братецъ, откуда пришелъ, кланяйся королю и будь здоровъ.

Стжембошъ стоялъ неподвижно. Изъ-за старой итальянки, сквозь полуоткрытыя двери, показалось ему улыбающееся личико. Оно привѣтствовало его игривой улыбкой.

— Такъ что я даже не буду имѣть счастья поклониться отъ короля паннѣ Біанкѣ?—проговорилъ онъ.—Его величество приказалъ мнѣ самому лично исполнить порученіе.

Изъ-за плечъ матери, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха, фыркнула Біанка. Бертони съ гнѣвомъ обратилась къ ней, желая заставить ее уйти; она сдѣлала за ней нѣсколько шаговъ, а тѣмъ временемъ Дызма проскользнулъ черезъ двери и стоялъ уже по серединѣ комнаты.

— У меня есть поклонъ отъ короля и паннѣ Біанкѣ,— сказалъ онъ, весело подходя къ ней и не обращая вниманія на отчаянные жесты итальянки. — Король, увѣнчанный лаврами, возвращается домой. Господь Богъ помогъ ему. Татары сами на колѣняхъ пришли просить мира, а Хмѣль цѣловалъ его ноги.

Бертони, слушая это, невольно забыла о томъ, что Стжембошъ силой ворвался сюда. Біанка-же, повидимому, не обращала никакого вниманія на гнѣвъ матери и смѣло смотрѣла на него, кокетливо ему улыбаясь.

— Когда-же возвращается король?—спросила дѣвушка.

— Очень скоро,—сказалъ Дызма.—Послѣ трудовъ ему необходимъ отдыхъ.

Разговоръ, казалось, собирался продолжаться, но итальянкой снова овладѣла ярость. Не оборачиваясь уже къ гостю, она схватила дочь за плечи и погнала ее, смѣющуюся и слегка сопротивляющуюся, къ другимъ дверямъ, которыя заперла за ней на ключъ. Дызма смотрѣлъ на все это, вздыхая. Итальянка взбѣшенная всей этой сценой, обратилась къ нему.

— Видалъ? — живо начала она.—Такъ помни же, что къ какой-бы хитрости ты не прибѣгнулъ, какъ-бы ни подкрадывался, какъ-бы ни набрасывался, если бы даже ты имѣлъ на своей сторонѣ короля, никогда я не позволю тебѣ приблизиться къ моему ребенку. Руки коротки! Это сенаторскій кусочекъ! Понимаешь?

— Отлично! — возразилъ Дызма, — но я такой отчаянный, что даже сдѣлаться сенаторомъ не кажется мнѣ невозможнымъ; значитъ, я не вижу ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы приблизиться къ паннѣ Біанкѣ.

— Жди-же, пока сдѣлаешься сенаторомъ, чтобы снова явиться ко мнѣ!—воскликнула она, загораживая ему дорогу и торопя къ выходу.—Если эта старая сморщенная француженка Ланжеронъ выходитъ замужъ за плоцкаго кастеляна—понимаешь? то за кого-же должна выйти молодая, красивая,—ну, и не безъ гроша за душой, — Біанка! А что-же ты такое въ сравненіи съ нею? И ты думаешь, что я тебѣ позволю здѣсь вертѣться, чтобы люди, Богъ знаетъ, что подумали?

— Что касается, Ланжеронъ, — серьезно отвѣчалъ Дызма.— святая правда, что она вся въ морщинахъ и не первой молодости, но королева будетъ ея пріемной матерью и кастелянъ Плоцка быстро превратится въ какого-нибудь воеводу или старосту. Отъ этого и морщины не такъ замѣтны!

— А ты думаешь,—вскричала Бертони; — что я у своего короля не выхлопочу тоже воеводства для мужа Біанки?

Дызма началъ покручивать свой усъ.

— Будемъ-же говорить откровенно,—съ улыбкой началъ онъ.—Король ни воеводствъ, ни другихъ мѣстъ не раздаетъ. Онъ избавился отъ этихъ хлопотъ, сваливъ все на королеву. Я говорю—хлопотъ, потому что, какъ только откроется какое-нибудь мѣсто, сейчасъ-же является десять претендентовъ, изъ которыхъ девять дѣлаются врагами. Поэтому, король, хоть у

очень расположенъ къ вамъ, но не дастъ ничего, потому что ему нечего раздавать. Не разсчитывайте на это. А чтобы королева дала приданое паннѣ Біанкѣ? гмъ! въ этомъ я сомнѣваюсь...

Оскорбленная Бертони подбоченилась, глаза ея засверкали.

— Ну, такъ я сама дамъ ей приданое,—воскликнула она, со злости топая ногой.—Королева заставляетъ платить ей за мѣсто, такъ найду и я на что купить!

— Тсъ!—сказалъ Дызма, прикладывая къ губамъ палецъ.—Можетъ быть, королева и приметъ подарокъ, если ей предложатъ, но говорить о томъ, что воеводства и другія мѣста продаются—не годится. А что если-бы это дошло до ушей королевы?

Гнѣвнымъ взоромъ смѣрила итальянка Стжембоша.

— Ты прочелъ мнѣ нотацію,—сказала она—Ну, посольство выполнено, и потому—мое вамъ нижайшее, и чтобы ваша милость больше сюда не являлась. Пожалуйте, пожалуйте!

— Въ домъ, дѣйствительно, не приду,—спокойно возразилъ Дызма:—потому что вы меня такъ нерадушно принимаете; но предупреждаю, ибо я ничего не хочу дѣлать измѣннически, что около дома или вообще гдѣ-нибудь буду стараться встрѣтить Біанку; я долженъ бродить здѣсь и не перестану. Я откровененъ. Улица свободна для каждаго, даже для трубочистовъ. Такъ что вашей милости придется запирать свою дочку на ключъ, что для молодой дѣвушки и непріятно, да и нездорово...

Доведенная до крайности нахальными и дерзкими шутками Дызмы, итальянка подскочила къ нему, ударила его по спинѣ и толкнула къ дверямъ.

— Не заботься ни обо мнѣ, ни о моей дочери,—воскликнула она,—и заруби себѣ на носу, что она не для тебя.

Стжембошъ, не сопротивляясь, позволилъ себя вытолкать за дверь, обернулся къ ней, вѣжливо поклонился и, улыбаясь, сказалъ:

— Цѣлую ваши ножки; не замедлю сообщить королю о томъ пріемѣ, который меня здѣсь встрѣтилъ.

Бертони, безъ всякаго отвѣта, съ трескомъ захлопнула *двери передъ его носомъ.* Стжембошъ медленными шагами на-

правился изъ передней къ лѣстницѣ. Рядомъ съ главнымъ входомъ находились другія двери, поменьше, ведущія въ жилые покои. Онъ нашелъ ихъ полуоткрытыми и пара чудныхъ глазокъ смотрѣли изъ-за нихъ. Онъ подскочилъ къ нимъ.

— Королева моя! О! моя королева!—воскликнулъ онъ:— дай хоть ручку поцѣловать, хоть одинъ пальчикъ!

Одинъ бѣленькій пальчикъ показался въ дверяхъ и уста Дызмы прильнули къ нему, но нельзя было ручаться, не выскочили-ли и другіе—раздался смѣхъ... двери быстро захлопнулись.

Отдохнувъ денекъ, Дызма пошелъ къ королевѣ, съ вопросомъ: не прикажетъ ли она ему отвезти королю какой-нибудь отвѣтъ. Здѣсь его на нѣкоторое время задержали, наконецъ, вышелъ къ нему секретарь и объявилъ, что Марія Людвика ожидала вскорѣ пріѣзда государя, такъ что Дызмѣ предоставляли выборъ: остаться здѣсь или ѣхать обратно безъ писемъ.

Не считая себя очень необходимымъ королю и желая свободно отдохнуть, Дызма послѣ нѣкотораго размышленія остался въ замкѣ и занялся только тѣмъ, чтобы было готово къ торжественной встрѣчѣ.

Въ замкѣ и въ городѣ, ежедневно сталкиваясь съ разными людьми, которые съ любопытствомъ слушали его разсказы о Зборовѣ,—Стжембошъ могъ убѣдиться, что эта побѣда, которую онъ сравнивалъ съ хотимской и этотъ знаменитый договоръ—не очень-то здѣсь уважали, такъ что Стжембошъ не могъ здѣсь разыгрывать роли героя, но каждый день спорилъ, что подъ Зборовомъ король и всѣ остальные исполнили свой рыцарскій долгъ.

— О договорѣ я ничего не знаю,—прибавлялъ онъ,—хорошъ онъ или дуренъ — не мое дѣло судить объ этомъ, но если Збаражцы хвастаются своимъ бернардиномъ, убитымъ во время обѣдни, такъ и у насъ есть Лисецкій, который палъ на полѣ битвы, и у насъ было много хорунжихъ и ротмистровъ, которые стояли грудью и смертью заплатили свой долгъ отечеству.

Однако черезъ нѣсколько дней загрустилъ Дызма, что въ Варшавѣ ни канцлеръ, ни король не встрѣтятъ такого пріема, на какой они разсчитывали. Оссолинскаго, который ужъ и такъ

создалъ себѣ много враговъ своей гордостью и рѣзкимъ обхожденіемъ, всѣ упрекали, что онъ заплатилъ татарамъ, а казакамъ далъ все, что они хотѣли, такъ что вмѣсто наказанія за бунтъ, они еще были даже награждены.

— Испробовавъ,—говорили въ Варшавѣ,—что бунтъ такъ хорошо оплачивается, отчего-бы яснымъ панамъ запорожцамъ не попробовать возстать и второй разъ?

Другіе уже голову на отрѣзъ давали за то, что Хмѣльницкій, нисколько не боясь присяги, лишь только соберется съ силами, снова примется за свою роль. Ходилъ и тотъ слухъ, что Хмѣль громогласно заявлялъ будто-бы покойный Владиславъ IV самъ подстрекалъ его къ возмущенію противъ пановъ и шляхты. Мазуры уже поговаривали, что слѣдовало бы казнить виновника этого возмущенія. Поэтому, пока король прибылъ сюда изъ Львова, зборовскій тріумфъ уже сильно поблекъ, объ немъ говорили съ ироніей, и о торжественномъ пріемѣ побѣдителей не могло быть и рѣчи.

Стжембошъ рѣшилъ уже, что онъ можетъ отдыхать спокойно, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день, его позвали къ королевѣ. Еще въ передней французикъ пажъ шепнулъ ему, что онъ получитъ письма къ королю.

— Но государь навѣрное уже находится на пути въ Варшаву!—возразилъ Дызма.

Королева вышла сама съ письмомъ въ рукѣ.

— Поѣзжай немедленно,—сказала она.—Быть можетъ, ты встрѣтишь короля гдѣ нибудь по дорогѣ. Все дѣло только въ томъ, чтобы онъ получилъ эти письма до своего прибытія въ Варшаву.

Такимъ образомъ, Дызма совершенно неожиданно долженъ былъ снова сѣсть на коня и пуститься въ путь. Передъ этимъ однако, не забывая и о своихъ дѣлахъ, онъ рано утромъ побѣжалъ къ Доминиканамъ, чтобы проститься тамъ съ Біанкой или встрѣтить ее на обратномъ пути; Біанка шла со старой экономкой, которая не мѣшала Дызмѣ говорить со своей возлюбленной показывая видъ, что она ничего не видитъ и не слышитъ. Прямо отъ Доминикановъ, Стжембошъ сѣлъ на коня и пустился въ путь, на которомъ онъ надѣялся встрѣтить короля. И дѣйствительно, на другой же день онъ наткнулся, если

и не на самого Яна Казиміра, очень медленно подвигавшагося по дорогѣ къ столицѣ, то на стражу, которая увѣрила его, что король въ этотъ-же вечеръ будетъ въ деревнѣ на ночлегѣ. Ему посовѣтовали ожидать его здѣсь.

Деревня эта, называемая Золотой Волей, не имѣла господскаго дома, потому что хозяинъ никогда здѣсь не жилъ, но приходъ былъ богатый, домъ священника каменный, а такъ какъ Янъ Казиміръ былъ очень набоженъ, то онъ обыкновенно останавливался въ монастыряхъ и въ домахъ ксендзовъ. Дызма остался въ Волѣ.

Былъ уже вечеръ, а ксендзъ все еще возился около костела, чтобы приготовить удобное мѣсто для короля, когда Дызма замѣтилъ сидящаго на порогѣ старца, котораго онъ узналъ и вспомнилъ, какъ онъ разъ попался на глаза королю во время пути изъ Кракова въ Варшаву и привелъ его въ такое скверное настроеніе. Поэтому онъ хотѣлъ постараться отстранить этого Бояновскаго, чтобы онъ не мучилъ короля своими предсказаніями. Прежде всего онъ обратился къ ксендзу, который давно уже зналъ набожнаго старичка, но тотъ наотрѣзъ отказалъ.

— По какому праву могу я запретить набожному пилигриму,—сказалъ онъ,—оставаться здѣсь и показаться государю, если самъ Богъ вдохновилъ его на это? Это мужъ, извѣстный всей Рѣчи-Посполитой, какъ человѣкъ богобоязненный, и я не имѣю надъ нимъ власти.

Дызма, ничего не добившись, самъ пошелъ къ Бояновскому и привѣтствовалъ его по христіанскому обычаю. Старецъ въ это время молился и не отвѣтилъ ему ничего, пока не кончилъ молитвы.

— Вы изъ королевской свиты?—спросилъ онъ его.

— Я ожидаю здѣсь государя,—возразилъ Дызма.—А вы?

— Я?—отвѣчалъ старецъ.—Я никого не жду, но и ни отъ кого не убѣгаю.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Дызма,—я разъ уже васъ видѣлъ, когда мы съ королемъ возвращались изъ Кракова. Государь говорилъ съ вами, а потомъ ходилъ нахмуренный и грустный...

Бояновскій не отвѣтилъ ничего.

— Вы, можетъ быть, думаете опять встрѣтиться здѣсь съ королемъ?—спросилъ Стжембошъ.

— Не знаю, что Богъ дастъ,—медленно началъ старикъ.— Я не ищу его, но и бѣжать передъ его величіемъ не думаю.

— Нашъ государъ возвращается побѣдителемъ, — прибавилъ Дызма.—Не забудьте же поздравить его съ этимъ.

Бояновскій молчалъ.

Тщетно попробовавъ вытянуть что нибудь у старца, Стжембошъ наконецъ долженъ былъ отойти, сконфуженный его гордымъ молчаніемъ.

Въ это время по дорогѣ что-то задвигалось и свита Яна Казиміра приблизилась къ дому ксендза, ожидавшаго короля со святой водой и святыми Дарами.

Король вышелъ изъ кареты довольно веселый и, поцѣловавъ чашу, вошелъ въ домъ, но, увидавъ стоявшаго у дверей Дызму, сейчасъ-же подозвалъ его къ себѣ и жадно схватилъ письма королевы. Онъ не разспрашивалъ о нихъ Дызму, а спросилъ только о здоровьѣ королевы. Дызма успокоилъ его, что онъ ее видѣлъ совершенно здоровой. Немного спустя, по своему обычаю, король, выглянулъ въ окно и, замѣтивъ близко костелъ, сейчасъ-же изъявилъ желаніе помолиться передъ образомъ Божьей Матери.

Ксендзъ повелъ его. Бояновскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Увидавъ и узнавъ его, Янъ Казиміръ немного убавилъ шаги.

— Замѣчательная вещь,—обратился онъ къ ксендзу—второй разъ въ жизни встрѣчаю я этого старца.

— Это человѣкъ богоугодный, кающійся уже много лѣтъ,— замѣтилъ ксендзъ.—Сегодня утромъ онъ прибылъ сюда.

Король шелъ дальше, а Бояновскій, который читалъ молитвы и своими худыми руками перебиралъ деревянныя четки, не поднималъ глазъ; казалось, онъ не видалъ идущихъ.

Когда они прошли мимо него, онъ не всталъ; король вздохнулъ свободнѣе и, преклонивъ колѣни передъ главнымъ алтаремъ, направился къ боковому алтарю Богородицы. Здѣсь долженъ былъ его оставить ксендзъ за молитвой, такъ какъ онъ того потребовалъ, а самъ отправился домой, чтобъ заняться пріемомъ. Дызма тоже сталъ на колѣни помолиться. По крайней мѣрѣ полчаса продолжалась молитва короля, послѣ чего

покорно поцѣловавъ землю, онъ вышелъ. На порогѣ все еще сидѣлъ Бояновскій, но четки выпали у него изъ рукъ, голова его была поднята. Король, казалось, колебался, заговорить ли съ нимъ, или пройти мимо, но ему показалось лучшимъ привѣтствовать старца.

— Если я не ошибаюсь,—ласково проговорилъ онъ,—мы уже второй разъ встрѣчаемся, отецъ мой.

— Второй?—возразилъ Бояновскій.—О! нѣтъ, я уже много разъ встрѣчалъ васъ въ теченіе своей долгой жизни и видѣлъ еще подросткомъ, а теперь вѣнчаннымъ мужемъ.

— Благодарите Бога—сказалъ король,—Онъ и Пресвятая Дѣва Марія даровали мнѣ побѣду надъ врагами...

Бояновскій устремилъ на него взоръ и долго глядѣлъ.

— За все, что Богъ далъ,—сказалъ онъ,—слѣдуетъ благодарить Его, но слишкомъ хвастаться побѣдой слугѣ Божьему не годится. Вы объявляете себя побѣдителемъ? Дай Богъ! Но и въ себѣ вы должны побѣдить грѣшника и быть покорнымъ...

— Я все приписываю одному Богу,—отвѣчалъ король покорнымъ тономъ.

— Съ поля битвы вѣетъ новой войной,—какъ бы про себя началъ старецъ.—Толпы непріятелей стоятъ на границахъ. Татаръ вы не побѣдили, а купили. Вы радуетесь и веселитесь, сдѣлавъ своими союзниками враговъ св. Креста. Дай Богъ, чтобы радость ваша не перешла въ горе!

— Богъ милостивъ,—пробормоталъ смущенный Янъ Казиміръ.

— И мстителенъ для тѣхъ, которые упорствуютъ въ своихъ грѣхахъ,—продолжалъ Бояновскій.—Кайтесь и старайтесь исправиться. Передъ вами еще много горя впереди, пока въ концѣ вы откажетесь отъ короны... Богъ съ тобой! Богъ съ тобой!—И какъ бы желая проститься съ королемъ, онъ сдѣлалъ рукой знакъ въ воздухѣ, но послѣднія слова его приковали Яна Казиміра къ порогу. Онъ припомнилъ себѣ пророчество Іосифа изъ Копертына и страхъ объялъ его.

— Молитесь за мою душу,—прибавилъ онъ слабымъ голосомъ,—молитесь...

— Молитва имѣетъ великую силу,—началъ старецъ,—но добрыя дѣла еще больше. Ни одна молитва ихъ не замѣ-

нитъ, король мой! Вы плачете передъ образами, а они надъ вами плачутъ, ибо часы твоей жизни не ровны и измѣнчивы— бѣлые и черные, чистые и грязные, а съ короля пятна падаютъ на народъ. Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!

Янъ Казиміръ обвелъ вокругъ глазами, какъ-бы ища, не слыхалъ ли кто-нибудь Бояновскаго, но никого не было вблизи и даже испуганный Дызма убѣжалъ.

Король, постоявъ минуту, не промолвивъ ни слова, невѣрными шагами направился къ дому.

Ксендзъ, который съ порога дома смотрѣлъ на возвращающагося короля, замѣтилъ, какъ онъ шелъ неровными и несмѣлыми шагами, задумчивый, съ опущенной головой.

Старецъ даже не посмотрѣлъ на уходившаго, — спокойно перекрестился и снова началъ молиться.

Янъ Казиміръ вошелъ въ домъ, а Дызма, который слышалъ кое-что издали, съ тревогой посматривая на старца, удалился, почти сердясь на него.

II.

Тихо, безъ шума, безъ тріумфа, вернулся король въ Варшаву, принятый королевой такъ, какъ будто-бы онъ дѣйствительно былъ побѣдителемъ. Марія Людвика отлично знала положеніе дѣлъ и понимала цѣну заключеннаго договора, но превознося заслуги мужа, она надѣялась пробудить и поддержать рыцарскій духъ. За эту снисходительность и доброту Маріи Людвики Янъ Казиміръ, уже сильно утомленный, заплатилъ только тѣмъ, что встрѣтился съ ней нѣжнѣе, чѣмъ прежде. Она воспользовалась такимъ настроеніемъ короля, чтобы упрочить свою силу и власть; на это не потребовалось большихъ усилій, такъ какъ король радъ былъ свалить съ себя заботы и бремя правленія и взвалить ихъ на плечи корелевы и Оссолинскаго, а самъ по дѣтски забавлялся своими карликами, придворными сплетнями, отчасти охотой и обществомъ прекрасныхъ дамъ, въ которыхъ онъ, поочередно, на короткое время *подмѣчалъ какую*-нибудь особенную прелесть.

Каждый разъ, когда онъ бывалъ потомъ наединѣ съ Бутлеромъ или даже со своимъ младшимъ любимцемъ, Тизенгаузомъ, онъ всегда дѣлился со ними своими впечатлѣніями.

— Знаешь, староста,— говорилъ онъ по возвращеніи Бутлеру,—послѣ этого похода, послѣ всѣхъ неудобствъ и одиночества, безъ женщинъ, теперь мнѣ и пища вкуснѣе кажется, и всѣ женщины кажутся красивѣе. Королева помолодѣла, а что касается Казановской.. .это просто чудо — свѣжа, прелестна, и я нисколько не удивлюсь тому, что говорятъ, будто-бы этотъ несносный ломжинскій староста влюбился въ нее.

— Староста ломжинскій? — подхватилъ Бутлеръ, — развѣ онъ одинъ! Многіе пылаютъ къ ней страстью и разсчитываютъ на то, что мужъ ея скоро умретъ.

— Да, правда,—сказалъ король,—я нашелъ его сильно постарѣвшимъ и какъ будто-бы больнымъ, хоть онъ и не сознается въ этомъ. Послѣ смерти Владислава я ни разу не видалъ улыбки на его лицѣ, и какъ слышно, все поговариваетъ, что и самъ вскорѣ послѣдуетъ за нимъ...

— Ну, не такъ онъ ужъ плохъ,—проговорилъ староста.

— Нѣтъ, я по лицу вижу, что онъ сильно нездоровъ. Такъ ты думаешь, что ломжинскій староста? Я его выносить не могу.

— Я тоже не люблю его,—сказалъ Бутлеръ.—Я знаю, что онъ настойчивый, довольно ловкій и безстыжій. Такіе люди, какъ онъ, много значатъ въ глазахъ женщинъ...

— Но,—прервалъ Янъ Казиміръ, — я не думаю, чтобы Казановская могла попасться въ сѣти пожилого вдовца. Сохрани Богъ, въ случаѣ смерти Казановскаго, она непремѣнно выйдетъ замужъ, потому что дѣтей они не имѣютъ, а она молода и всѣмъ нравится; но да сохранитъ ее Богъ отъ ломжинскаго старосты.

— Опасный человѣкъ!—докончилъ Бутлеръ.

Ломжинскій староста, о которомъ шла рѣчь, Іеронимъ Радзеевскій, какъ придворный Владислава IV, былъ хорошо извѣстенъ въ Варшавѣ. Изъ мазовецкой шляхты, незнатнаго рода, онъ только отца имѣлъ на сенаторскомъ креслѣ при Сигизмундѣ III, да и тотъ возвысился главнымъ образомъ благодаря своему гостепріимству и умѣнью нравиться любим-

цамъ короля. Угощеніемъ ихъ и подарками воевода ломжинскій добился сенаторскаго кресла, а сына помѣстилъ при королевичѣ.

Тѣ, которые ближе знали молодого Іеронима не особенно хорошо о немъ отзывались. Дерзкій, интриганъ, безстыжій, гордый, не брезгавшій никакими средствами для своего повышенія, онъ не имѣлъ друзей, но кого нужно было превлекалъ къ себѣ кубкомъ. Со всѣмъ этимъ, однако, когда ему было нужно, въ особенности съ женщинами, онъ умѣлъ такъ обходиться, что его считали опаснымъ. Женясь два раза, онъ гнался только за приданнымъ, а на остальное не обращалъ вниманія. Не богатый самъ по себѣ, такъ какъ отцовскіе Радзеевицы не могли хватить на шумную и роскошную жизнь, онъ уже выхлопоталъ себѣ мѣсто ломжинскаго старосты, по смерти женъ получилъ большія имѣнья, и ему пророчили несомнѣнное повышеніе, такъ какъ онъ умѣлъ вездѣ пролѣзть. Около короля Казиміра онъ заранѣе старался найти себѣ друзей, что ему до сихъ поръ не удавалось.

По возвращеніи въ Варшаву прибылъ съ поздравленіемъ и Радзеевскій, но король принялъ его очень холодно.

Въ ноябрѣ созванъ былъ сеймъ, который пошелъ совсѣмъ не такъ, какъ бы того желали. Голоса изъ Збаража уже заглушали и затмѣвали славу зборовскаго договора. Пасквили на Оссолинскаго размножались, что также должно было непріятно отозваться на сеймѣ. Чтобы предупредить это, стали вносить менѣе важныя предложенія, затрогивающія интересы отдѣльныхъ земель, раздачи мѣстъ и пр. Притомъ-же сеймъ, какъ и всѣ тогдашніе сеймы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для сенаторовъ и пословъ Рѣчи Посполитой отличнымъ предлогомъ для увеселеній и взаимныхъ угощеній. Въ одинъ день приходились именины, то женились, то мирились враги,—все это вызывало банкеты и празднества. Очень часто бывали приглашаемы король и королева, которые осчастливили своимъ присутствіемъ свадьбы любимыхъ слугъ, хотя иногда Марія Людвика не только не шла сама, но запрещала идти и Яну Казиміру, такъ какъ въ веселой компаніи онъ часто забывался черезчуръ.

Канцлеръ и другіе болѣе вліятельные сановники имѣли на

сеймѣ въ обѣихъ палатахъ своихъ людей, которые очень ловко умѣли отклонять непріятные предметы.

Королева издали наблюдала за всѣмъ. Сеймъ дѣйствовалъ уже второй мѣсяцъ, хотя до сихъ поръ трудно было замѣтить плоды его дѣятельности, когда торжественное прибытіе русскаго воеводы, Вишневецкаго, героя, которому всѣ завидовали и поэтому относились непріязненно—взволновало столицу. Герой прибывалъ прямо изъ Збаража, съ большой свитой отборной конницы, торжественно и шумно—какъ знатный магнатъ, ведущій свой родъ отъ литовской династіи. Онъ зналъ очень хорошо, какое отношеніе къ себѣ онъ здѣсь встрѣтитъ; но мужъ непреклоннаго характера не придавалъ этому большого значенія. Представивъ столько доказательствъ своего патріотизма и самоотверженія, давъ себя наконецъ склонить къ примиренію съ княземъ Доминикомъ Заславскимъ, Вишневецкій чувствовалъ себя такимъ чистымъ и свободнымъ отъ всякихъ упрековъ и укоровъ, что смѣло могъ пренебрегать своими мелкими врагами. Такъ онъ и дѣлалъ, но для сенаторовъ, для самаго короля, этотъ строгій, непреклонный, холодный на видъ мужъ, которому невозможно было ничего сдѣлать, былъ очень неудобенъ и нежелателенъ. Король видѣлъ въ немъ своего соперника, который затмѣвалъ его, а Вишневецкій за все то, что онъ выстрадалъ, за огромные убытки, имъ понесенные, такъ плохо былъ вознагражденъ, что въ этомъ сказалось все неудовольствіе двора и государя; и теперь этому обиженному королемъ, но очень высоко уважаемому народомъ мужу надо было взглянуть въ глаза.

Король, который до сихъ поръ былъ въ отличномъ расположеніи духа и веселился у отцовъ іезуитовъ, позволивъ избирать себя протекторомъ, вмѣстѣ съ княземъ Альбрехтомъ Раздивилломъ, который былъ назначенъ его секретаремъ, по пріѣздѣ русскаго воеводы, затосковалъ. А тутъ еще и старый другъ, канцлеръ Радзивиллъ, поспорилъ съ Яномъ Казиміромъ. Дѣло шло о пустякахъ, но Раздивиллъ былъ правъ, а когда онъ чувствовалъ себя правымъ, онъ дѣлался упрямъ. Королю вздумалось приказать Раздивиллу подписать и приложить печать къ декрету по дѣлу виленскаго воеводы съ нѣкимъ Евлашевскимъ.

— Государь.—проговорилъ канцлеръ, прочтя декретъ:—я его подписать не могу.

— Отчего?—порывисто возразилъ король.

— Декретъ писалъ человѣкъ, незнакомый съ литовскимъ статутомъ, и въ немъ есть такіе пункты, которые онъ не допускаетъ.

Начали спорить; Янъ Казиміръ, не привыкшій уважать законъ, хотѣлъ заставить канцлера подписать. Старику всякое насиліе было несносно. Наконецъ, король воскликнулъ:

— Не хочешь подписать? Ну, такъ я самъ его подпишу...

Радзивиллъ улыбнулся.

— А кто-же, государь, приложитъ печать?—спросилъ онъ.

Раздосадованный король пробормоталъ, уходя:

— Литовскій статутъ! Вѣдь и я его такъ-же знаю, какъ и вы.

— Вы меня простите, ваше величество,—холодно сказалъ канцлеръ,—но я съ этимъ не согласенъ. Божьей милостью, вы правите нами только одинъ годъ, а я вотъ ужъ тридцать два года имѣю дѣло съ законами.

Сильно взбѣшенный этимъ отвѣтомъ, не говоря уже ни слова, Янъ Казиміръ вышелъ, хлопнувъ дверью, и, встрѣтивъ Бутлера, сталъ ему жаловаться на канцлера; но староста не вторилъ ему.

До слѣдующаго утра все измѣнилось: король остылъ, приказалъ переписать декретъ и прежнія хорошія отношенія съ Радзивилломъ установились; безъ Евлашинскихъ король отлично могъ обойтись, а безъ Радзивилловъ—ни за что...

Между тѣмъ, съ одной стороны настаивали, съ другой откладывали отчетъ передъ сеймомъ о походѣ и зборовскомъ договорѣ. Многіе готовились къ этому. Объ этомъ совѣщались у королевы, у короля, у канцлера Оссолинскаго, у сенаторовъ, расположенныхъ къ королю—и наконецъ, съ вѣдома Маріи Людвики, безъ которой ничего не могло совершиться, канцлеръ приготовился дать отчетъ.

Оссолинскій имѣлъ на выборъ два пути: или скромно оправдаться въ своемъ поступкѣ необходимостью и стеченіемъ обстоятельствъ, или высоко превознести зборовскую побѣду *и свой договоръ*, а такъ какъ всеобщее настроеніе отражалось

въ пасквиляхъ, то канцлеръ и рѣшился, на зло, неслыханно высоко превознести эту битву и зборовскій договоръ.

Въ первый день, въ субботу, въ угрюмомъ молчаніи слушали въ сеймѣ отчетъ; никто не возвышалъ голоса. Воскресенье прервало и раздѣлило пополамъ отчетъ Оссолинскаго, который въ понедѣльникъ продолжалъ его и, ободренный молчаніемъ, поставилъ побѣду надъ татарами подъ Зборовомъ выше Хотимской. И это принято было молчаніемъ, но ироническіе взгляды забѣгали по залѣ. Тогда президентъ всталъ благодарить короля за спасеніе отечества, благодарили вождей, хотѣли благодарить и Киселя, который, рискуя собственной жизнью, ѣздилъ посломъ къ Хмѣлю, но поднялся шумъ. Раздались протесты, но все однако окончилось хорошо, потому что благодарность приносили вообще всѣмъ. Настоящій тріумфъ выпалъ на долю литовскаго гетмана Радзивилла, который заранѣе былъ къ нему подготовленъ, такъ какъ приказалъ принести за собой отнятыя знамена и бросилъ ихъ къ ногамъ короля.

Затѣмъ разсуждали объ утвержденіи договора... король былъ очень дѣятеленъ, но по своему. Онъ являлся разсѣянный, слушалъ, принося съ собой уже готовый, заранѣе ему продиктованный отвѣтъ, отдѣлывался поскорѣе отъ важныхъ дѣлъ и останавливался на пустякахъ. Ко всѣмъ его заботамъ теперь прибавилась еще одна. Его всегда очень интересовала красивая Казановская, такъ что онъ долженъ былъ позаботиться и объ ея судьбѣ. Адамъ Казановскій уже нѣсколько недѣль лежалъ въ постели, пораженный параличемъ, почти не въ силахъ ворочать языкомъ, осужденный на неизбѣжную смерть. Будучи бездѣтнымъ, онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ завѣщанія, а теперь ему ужъ трудно было это сдѣлать. Прежде, при жизни, онъ все свое имущество предназначалъ женѣ, но родня караулила его смерть и забрала-бы все его богатство, если-бы король не явился на помощь бѣдной женщинѣ.

Казановскій съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все хуже. Быть выгнанной изъ этого рая, какимъ былъ ихъ дворецъ, лишенной всего, или остаться изъ милости у родни, жена его ни за что не хотѣла. Она дала знать королю, что желала бы его видѣть.

Хотя милость, въ какой у Яна Казиміра была прекрасная Казановская, сдѣлала Марію Людвику ея врагомъ, однако король, нисколько не колеблясь, явился утромъ во дворецъ Казановскихъ. Она вышла къ нему, вся въ слезахъ.

— Ахъ, государь,—воскликнула она:—я не осмѣлилась-бы обращаться къ вамъ за этой милостью, но судьба моя, все будущее въ рукахъ вашего королевскаго величества. Адамъ... мужъ мой... лежитъ на смертномъ одрѣ, нѣтъ надежды спасти его; бѣдная вдова останется окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелями. Завѣщаніе сдѣлать ему было некогда, а теперь невозможно...

Она всплеснула руками и расплакалась. Король былъ сильно тронутъ.

— Я посовѣтуюсь съ законовѣдами,—сказалъ онъ.—Навѣрное, можно будетъ что-нибудь сдѣлать, будьте спокойны. Я самъ слышалъ изъ устъ вашего мужа, что онъ хотѣлъ все завѣщать вамъ.

Казановская, оправдывалась тѣмъ, что не жадность руководила ею, но это жилище было для нея полно воспоминаній, а родня грозила сейчасъ-же выгнать ее изъ дворца. Дѣло шло о доказательствѣ любви мужа и т. п.

Вернувшись прямо отъ нея въ замокъ, не зная, что дѣлать, король, какъ обыкновенно, когда ему нужно бывало опытнаго совѣтника, послалъ за Радзивилломъ. Съ этимъ старымъ другомъ онъ почти постоянно ссорился и спорилъ; когда онъ не хотѣлъ уступить королю, то король старался смягчить его, потому что чувствовалъ въ немъ большую поддержку. Канцлеръ, зная хорошо характеръ и темпераментъ короля, дѣйствовалъ съ нимъ очень смѣло. На этотъ разъ Янъ Казиміръ принялъ его очень ласково и заперся съ нимъ на совѣтъ. Радзивиллъ былъ того мнѣнія, что свидѣтельство двухъ положительныхъ мужей, формально написанное, могло замѣнить завѣщаніе. Въ этотъ же день упрошенные королемъ воевода и кастелянъ отъ его имени отправились къ Казановскому, который сохранилъ еще полное присутствіе духа, хотя жизнь уходила отъ него и онъ съ трудомъ уже могъ говорить. Казановскій принялъ ихъ, благодаря государя за его заботливость о судьбѣ жены, и на вопросъ: какъ-бы онъ желалъ распоря-

диться своимъ имуществомъ, отвѣтилъ,—что все, безъ всякаго исключенія, завѣщаетъ женѣ. Воевода черниговскій объявилъ ему, что для того, чтобы его послѣдняя воля имѣла силу, она должна быть сейчасъ-же написана и засвидѣтельствована ими съ приложеніемъ печати, что и было немедленно исполнено. Казановскій проговорилъ еще неяснымъ голосомъ, что теперь онъ умираетъ спокойно...

Такимъ образомъ королю Яну Казиміру была обязана Казановская, что осталась владѣтельницей такихъ богатствъ, а родня мужа не могла уже противиться послѣдней волѣ покойника, объявленной такъ торжественно.

Значительная часть сенаторовъ и многіе послы были на великомъ пиру у архіепископа Лубенскаго въ самый день Рождества, когда слуга пастыря принесъ печальное извѣстіе, что Адамъ Казановскій разстался съ этимъ свѣтомъ. Каждая такая смерть значительнаго сановника въ государствѣ волновала всѣхъ; открывалась ваканція на его мѣсто.

Освободилось мѣсто короннаго маршала; оставалась прекрасная, молодая, богатая вдова, такъ что было о чемъ поговорить. Въ продолженіе трехъ дней праздниковъ король и весь дворъ почти цѣлые дни проводилъ за молитвой въ костелѣ, но это не мѣшало хлопотомъ о ваканціяхъ и передняя ксендза де-Флери, Де-Нуайе, даже Ланжеронъ, были биткомъ набиты просителя и ихъ друзьями.

Подъ конецъ сейма, между канцлеромъ Оссолинскимъ и Вишневецкимъ началась вражда, которая произошла отъ неосторожныхъ словъ Оссолинскаго. Началъ онъ въ сенатѣ жаловаться на пасквили, терзающіе его славу, на оскорбленія, которыя ему бросались въ лицо, на колкости, которыя ему приходилось переносить, и такъ разгорячился, говоря это, что не только приверженцевъ русскаго воеводы Вишневецкаго, но даже и его самаго задѣлъ, указывая на него, какъ на виновника. На другой день Вишневецкій выступилъ противъ этого обвиненія, дѣло дошло до колкостей, до ссоры въ сенатѣ и шума, который тщетно старался усмирить король. Оссолинскій слишкомъ увлекался и возстановилъ противъ себя Яна Казиміра. Только уже на другой день, благодаря вмѣшательству нѣсколькихъ пословъ, были наконецъ прекращены уп-

реки и жалобы, которые отняли столько времени, что сеймъ не могъ уже закрыться даже въ декабрѣ и заключеніе отложили до будущаго года.

Оссолинскій много портилъ себѣ крови, а серьезнаго и положительнаго воеводу русскаго, который холодно защищался и спокойно оправдывался, эта ссора возвысила въ глазахъ всѣхъ, хотя онъ и такъ стоялъ высоко.

Насталъ новый годъ, службы по костеламъ, а что еще важнѣе—ваканціи, о которыхъ хлопотали, чтобы король сейчасъ-же роздалъ ихъ. Шепотомъ говорили, что королевѣ предложили 100.000 злотыхъ за мѣсто Казановскаго, но здѣсь... стояли на стражѣ Радзивиллы и Любомірскіе. Поэтому, мѣсто это получилъ братъ жены князя Альбрехта, Георгій Любомірскій, генеральный краковскій староста. Начались настоящія торги, да этого и не скрывали. Янъ Казиміръ, по крайней мѣрѣ на видъ, въ нихъ не вмѣшивался; королевѣ подсовывали взятки, которыя достигали иногда сотенъ тысячъ.

Сейчасъ-же послѣ новаго года королева призвала къ себѣ Альбрехта Радзивилла. Она хотѣла дать ему мѣсто старосты борисовскаго, но канцлеръ поблагодарилъ. Въ этотъ-же день бѣдному измученному и заслуженному Киселю дали Новытиръ, а племяннику Радзивила Марія Людвика предложила Борисовъ которымъ пренебрегъ его дядя, и въ видѣ прибавки 30.000 въ подарокъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ постарался о томъ, чтобы Рѣчь Посполитая наложила годового дохода съ царства Польскаго 40.000, а съ Литвы 20.000.

Какъ страннымъ кажется, что такой могущественный магнатъ, высокій сановникъ, мужъ славнаго рода могъ такъ плутовать съ королевой? Увы, то были времена такого нравственнаго упадка, такого, можно сказать, безстыдства что это никого не поражало. Каждый безъ жалости и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти рвалъ на клочки несчастную Рѣчь Посполитую, которой не на что даже было содержать войско. Этотъ же самый канцлеръ Радзивиллъ, человѣкъ самой строгой нравственности, который въ казацкихъ бунтахъ видѣлъ справедливую кару за притѣсненія хлоповъ, ничего возмутительнаго *не видѣлъ* въ этихъ плутняхъ и самымъ тщательнымъ образомъ *занесъ ихъ* на страницы своихъ мемуаровъ.

Сеймъ окончился поспѣшно, времени не хватило даже на дѣла первой важности. Одинъ день отняла свадьба Ланжеронъ, фавортики королевы, выданной ею за каштеляна плоцкаго, надъ морщинами которой всѣ насмѣхались, другой занялъ переѣздъ, а тѣмъ временемъ казацкіе послы со своимъ митрополитомъ успѣли проникнуться новой ненавистью и присмотрѣться къ тому обществу, которое совершенно не сознавало своего опаснаго положенія, и снова гордо подняли голову. При одномъ только упоминаніи о томъ, чтобы принять въ сенатъ митрополита—поднялся страшный крикъ, уже не хотѣли признавать зборовскій договоръ. Такимъ образомъ, сеймъ затянулся до января, утомивъ всѣхъ. Какъ грозное memento, явились на его закрытіе казаки со своимъ митрополитомъ—и требованіе ихъ, послѣ долгихъ споровъ, пришлось исполнить.

Съ казаками, повидимому, все было окончено.

Во всемъ своемъ величіи во время этого сейма является королева, всѣ знаютъ и говорятъ, что она управляетъ королемъ,—который веселится, скучаетъ, выходитъ изъ себя, сердится, но не представляетъ ясно ни жизни, ни правленія и не принимаетъ этого къ сердцу. Всѣ пользуются слабостями короля начиная съ Бертони и кончая самымъ послѣднимъ слугой. При людяхъ, всѣ преклоняются передъ его саномъ, но наединѣ весь дворъ обращается съ нимъ съ поразительной фамильярностью.

Свадьба Ланжеронъ послужила для Бертони поводомъ къ тому, что она затосковала по своемъ давно невиданномъ покровителѣ. Она знала о сеймѣ и не лѣзла въ замокъ, но въ новый годъ сочла своей обязанностью напомнить о себѣ и о своей дочери. Но какъ тутъ добраться до короля?

Къ счастью, ей удалось въ Старомъ городѣ дешево купить корзину апельсиновъ, которую она предназначила для подарка къ новому году государю. Но какъ ему поднести? Между старшими слугами замка у нея были, правда, знакомые, но она такъ теперь возвысилась, что не со всѣми хотѣла знаться.

— Я радовалась, когда онъ сдѣлался королемъ, думала, что извлеку изъ этого какую-нибудь пользу,—говорила про себя Бертони,—а тутъ и не добьешься до него. Это не можетъ такъ остаться,—нѣтъ!..

Бродя по корридорамъ замка, она встрѣтила одного знакомаго ей королевскаго пажа, съ нѣмецкой фамиліей, но родившагося и воспитаннаго въ Польшѣ,—Рихтера. Она начала съ того, что подарила ему одинъ апельсинъ и свою увядшую улыбку.

— Я хотѣла бы на минутку попасть съ этимъ гостинцемъ въ гардеробную государя, гмъ? Пустите вы меня?

— Нѣтъ,—возразилъ Рихтеръ,—но спросить короля могу.

— Скажи ему, что пришла Бертони! Понимаешь? Онъ, безъ сомнѣнія, прикажетъ принять.

Рихтеръ пошелъ и пропалъ, не вернулся, а съ нимъ и апельсины. Итальянка начинала уже сердиться, такъ какъ стояніе въ корридорѣ унижало ея достоинство, когда она увидала передъ собой Стжембоша. Она хотѣла уже удалиться, чтобы не ссориться съ нимъ, но Дызма обратился къ ней.

— Государь поручилъ мнѣ проводить васъ на одну минуту въ гардеробную, — сказалъ онъ. —Пожалуйте за мной. Я вѣжливѣе, чѣмъ вы у себя дома.—Говоря это, онъ открылъ двери.

Въ гардеробной, передъ зеркаломъ въ серебрянной рамѣ, стоялъ на половину уже одѣтый Янъ Казиміръ; онъ только что надѣлъ парикъ, а другой для выбора держалъ въ рукѣ пажъ. Услыхавъ шорохъ женскаго платья, онъ повернулся. Неудобны были итальянкѣ свидѣтели: она быстро поставила передъ королемъ корзину съ апельсинами и начала поздравлять по итальянски. Смѣясь, принималъ король пожеланія. Бертони жаловалась, что ей теперь такъ труденъ былъ доступъ къ королю, тогда какъ она тоже могла бы на что-нибудь пригодиться... предостеречь и услужить. Она не удержалась упрекнуть его въ неблагодарности, забывчивости, объ ея ребенкѣ. Привыкшая къ свободному обращенію съ королемъ Бертони начинала выражаться все живѣе и громче.

— Кого королева любитъ и протежируетъ, тому хорошо —кричала она, все ближе подступая къ королю,—а отъ нашего королевскаго величества даже самые вѣрные слуги ничего не имѣютъ. Какую будущность просила я Біанкѣ! Ла*жеронъ* вышла замужъ за кастеляна, королева сама ее отвела *ему! гмъ?*

Король смѣялся.

— Что-же ты хочешь? чтобы я твоей дочери сенаторовъ заталъ и былъ шаферомъ? Съ ума ты сошла, что-ли. Говоишь, что ко мнѣ приступа нѣтъ, но вѣдь теперь сеймъ, у еня совсѣмъ не то въ головѣ. Если тебѣ что-нибудь очень ужно, можешь мнѣ передать черезъ Стжембоша.

Бертони вскочила, страшно взбѣшенная.

— Этотъ негодяй виновникъ всѣхъ моихъ бѣдъ! — воскликула она. — Я его знать не хочу, нога его никогда не будетъ у меня.

Одинъ изъ пажей короля одернулъ слишкомъ громко кричщую Бертони и сказалъ ей: «говорите тише».

Это такъ смутило ее, что она начала плакать, что съ ней ıучалось очень рѣдко, развѣ ужъ если она была раздражена › крайности. Король взглянулъ на нее.

— Э! — кисло воскликнулъ онъ: — дождь идетъ... поднивется буря... надо бѣжать. Слушай, Бертони! мнѣ некогда -чего ты отъ меня хочешь?

Итальянка впала въ еще большее бѣшенство.

— Какъ это, чего я хочу? — начала она. — Но ваше коровевское величество обѣщали мнѣ покровительство для меня и эего ребенка — всѣ вѣдь знаютъ, что я имѣю на него право, ı и Біанка не меньше моего. Что-же это такое: двери для еня закрыты... король знать меня не хочетъ.

Янъ Казиміръ обыкновенно, когда дѣло доходило до таихъ сценъ, спасался бѣгствомъ; поэтому, хотя, можетъ быть, ıъ и собирался перемѣнить парикъ, но остался съ тѣмъ, корый былъ у него на головѣ, и направился къ дверямъ; ловкая гальянка встала ему поперекъ дороги.

— Государь, — воскликнула она: — не хорошо такъ избавıться отъ меня!

— Чего-же ты хочешь?

Собственно говоря, Бертони не могла въ нѣсколькихъ словıхъ выразить свои желанья, а королю некогда было выслуивать продолжительныя объясненія. Онъ прерывалъ нѣсколько ıзъ, прислуга начала надъ ней посмѣиваться и фыркать, это эзбудило въ королѣ смѣхъ, а итальянку привело въ бѣшенство. на совсѣмъ забылась. Къ счастью еще, что не всѣ понимали го она выкрикивала по-итальянски.

— Какой ты король! на бумагѣ! Что ея милость прикажетъ, то и дѣлаешь, что продиктуютъ магнаты, что выпросятъ себѣ прекрасныя дамы! И я тоже хороша! Ну, не смѣшно-ли, что я разсчитывала на такого? Никому отъ тебя никакой пользы... Прославляютъ твои побѣды!.. а весь свѣтъ смѣется, говорятъ, что ты выкупился изъ татарскихъ цѣпей. Подѣломъ тебѣ... подѣломъ!

Янъ Казиміръ пересталъ смѣяться, но испугался и разсердился.

— Молчи,—прикрикнулъ онъ на итальянку:—или я прикажу тебя вывести. Если ты что-нибудь противъ меня имѣешь, а Стжембошъ тебѣ не по вкусу—пиши петицію. Мнѣ некогда лаяться съ бабами.

Сказавъ это, онъ быстро повернулся и вышелъ, а Бертони принуждена была какъ можно скорѣе удирать отъ смѣющихся и подшучивающихъ надъ ней придворныхъ. Между тѣмъ, корзинка съ апельсинами, предназначенная для короля, осталась. Одинъ изъ младшихъ пажей схватилъ первый, за нимъ другіе по одному и по два апельсина начали такъ живо разбирать, что скоро не осталось ни одного, а самую корзинку, чтобы уничтожить всѣ слѣды и самое даже воспоминаніе, бросили въ уголъ.

Стжембошъ счелъ своей обязанностью вывести въ корридоръ несчастную Бертони, проклинающую короля, но уже не дразнилъ ее и не говорилъ ни слова, чтобы не доводить ее до крайности. Онъ только проводилъ ее до самой лѣстницы и здѣсь снялъ шапку и, поклонившись, проговорилъ:

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, въ случаѣ, если-бы вамъ что-нибудь понадобилось отъ короля. Прошу объ этомъ помнить, хотя вы знать меня не хотите, но я упорствую въ своей дружбѣ къ вамъ и къ паннѣ Біанкѣ.

Заткнувъ руками уши, итальянка съ проклятіемъ побѣжала по лѣстницѣ.

IV.

Годъ, который начался закрытіемъ сейма и устройствомъ самыхъ безотлагательныхъ дѣлъ, тянулся далѣе, ничѣмъ не отмѣчаясь въ памяти, кромѣ самыхъ обыденныхъ, житейскихъ событій. Онъ былъ тихимъ приготовленіемъ къ будущему.

Между королемъ и королевой совершенно неожиданно упрочился брачный союзъ, когда Богъ освятилъ его, даровавъ имъ дочь. Но ребенку этому не суждено было долго жить.

Марія Людвика, заботясь о мужѣ, неуспокоенная зборовскими побѣдами и договоромъ, мечтала о новой войнѣ, которая покрыла-бы его новымъ блескомъ. Тогда уже можно было предвидѣть, что Хмѣльницкій не на долго останется спокойнымъ. Доходили слухи объ угрозахъ, а настроеніе казаковъ и хлоповъ не дозволяло обольщаться пустыми надеждами.

На Запорожьѣ старались создать партію вѣрныхъ Рѣчи Посполитой и противопоставить ее Хмѣлю, но съ этими сердечными друзьями и приверженцами почти всегда бывало такъ, что сначала они кланялись, заставляли платить себѣ, а подъ конецъ измѣняли. На границахъ необходима была большая чуткость и осторожность, приходилось держать для страха большое войско, такъ какъ только страхомъ и можно было сдержать казаковъ.

Канцлеръ Оссолинскій, который до сихъ поръ еще не могъ защитить отъ нападеній зборовскаго договора, все мучился и томился упреками.

Онъ чувствовалъ очень хорошо, что если бы не то, обстоятельство что король самъ принималъ въ этомъ участіе, крики и возмущеніе противъ него были бы еще больше. Короля же Оссолинскій находилъ неблагодарнымъ и, пожалуй, имѣлъ основаніе, потому что письмомъ къ хану онъ спасъ если не жизнь, то славу Яна Казиміра — и позолотилъ первую страницу его царствованія.

Съ королемъ-же какъ съ человѣкомъ очень непостояннымъ и легко бросающимся на всѣ стороны, никогда нельзя было быть увѣреннымъ ни въ поддержкѣ, ни въ признательности.

Оссолинскій, желая привлечь на свою сторону полевого гетмана, только что выпущеннаго изъ казацкой неволи, просилъ для него мѣсто трубовскаго старосты. Королева уже обѣщала его другому и Янъ Казиміръ отказалъ; настойчивыя требованія не подѣйствовали. Канцлеръ, который хотѣлъ этимъ доказать свое значеніе, получивъ разъ и другой отказъ, очень горячо принялъ это къ сердцу. Пораженный отказомъ, онъ не могъ этого перенести.

Однажды вечеромъ онъ вернулся отъ короля, сильно разстроенный, постоянно повторяя себѣ, что ему отказали въ его просьбѣ; сердясь и кипятясь, онъ легши въ постель въ такомъ волненіи, внезапно умеръ, пораженный ударомъ.

Можно было ожидать, что король горячо приметъ къ сердцу смерть этого вѣрнаго совѣтника, которому онъ дѣйствительно многимъ былъ обязанъ; между тѣмъ замѣтили и записали это современники какъ доказательство безсердечія короля, что Янъ Казиміръ не обнаружилъ никакого горя, совершенно равнодушно принялъ извѣстіе о его смерти и своимъ отличнымъ настроеніемъ почти доказалъ, что онъ былъ очень радъ, что избавился отъ него.

Вскорѣ послѣ этого онъ отправился на большую осеннюю охоту въ Бѣловѣжскую Пущу, гдѣ убили много дичи, по дорогѣ развлекаясь почти на каждомъ шагу; вездѣ короля принимали и угощали такъ, какъ онъ любилъ, забавляя его разными комедіями. Въ особенности отличился такимъ гостепріимствомъ идущій по стопамъ отца своего ломжинскій староста Радзеевскій, который задержалъ въ Бѣльскѣ Яна Казиміра и весь его дворъ въ продолженіе трехъ дней, кормя, поя и обдаривая.

Янъ Казиміръ, который не любилъ его, согласился, однако, погостить у него, что отчасти оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ и предвидѣли, два раза овдовѣвшій Радзеевскій сейчасъ-же послѣ смерти Казановскаго открыто началъ ухаживать за его вдовой и добиваться ея руки. Осиротѣлая, нуждающаяся въ опекѣ и, наконецъ, утомленная постоянными ухаживаніями ловкаго и чрезвычайно навязчиваго человѣка, она была уже склонна къ тому, какъ говорили. Судьба Казановской сильно занимала короля, который былъ ея поклонни-

комъ; бракъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуживалъ въ его глазахъ одобренія. Радзеевскій же, женясь, желалъ преподнести вдовѣ титулъ повыше ломжинскаго старосты; поэтому онъ надѣялся, что съ помощью Казановской выхлопочетъ у короля, чуть ли ни наслѣдство послѣ Оссолинскаго. Дерзкія то были мечты, но она пользовалась большимъ расположеніемъ и милостью короля, а Радзеевскій былъ надоѣдливъ и неотвязчивъ. Всѣмъ онъ былъ обязанъ этой навязчивости. Такъ и съ Казановской,—когда ему подъ носомъ закрывали двери, онъ, подкупивъ слугъ, пробирался черезъ другія и ничто на него не дѣйствовало. Прогнавъ его сегодня, смѣло можно было разсчитывать найти его завтра, какъ ни въ чемъ не бывало, на томъ же мѣстѣ. Онъ не давалъ ей покоя, стараясь привлечь на свою сторону всѣхъ окружающихъ: потомъ точно также король не могъ отъ него отвязаться; наконецъ, видя, что и это можетъ пригодиться, онъ началъ увиваться около королевы.

И здѣсь различными мелкими услугами онъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ, въ особенности полу-шутливыми донесеніями о королѣ, о его... развлеченіяхъ, отношеніяхъ, выраженіяхъ и т. д. Марія Людвика, слѣдившая за каждымъ шагомъ короля и постоянно дававшая ему наставленія, очень рада была имѣть подобныя вѣсточки—и пользовалась ими. Инстинктивно она также ревновала короля къ Казановской, которой онъ оказывалъ слишкомъ много любезности и заботливости.

Послѣ пріема въ Бѣльскѣ, несмотря на всѣ старанія ломжинскаго старосты, королева не дозволила дать ему большую печать, но малая была уже почти обѣщана, чему Марія Людвика не противилась, а король готовъ былъ утвердить, лишь бы только отвязаться отъ надоѣдливаго просителя.

Пока еще сомнительный бракъ Радзеевскаго въ концѣ года сдѣлался въ началѣ новаго весьма правдоподобнымъ, а потомъ совершенно неожиданно—совершился. Всѣ удивлялись этому браку и не пророчили ему большого счастья, но для Радзеевскаго это было значительной ступенью къ будущему повышенію. Староста не остался уже ни въ Бѣльскѣ, ни въ Литвѣ, ни

въ Родзеевицахъ; онъ торжественно переѣхалъ во дворецъ жены и ни на шагъ не отлучался изъ Варшавы.

Такимъ же образомъ, какъ со вдовой, поступалъ онъ теперь съ королемъ и королевой. Цѣлые дни просиживалъ въ замкѣ или во дворцѣ на Краковскомъ Предмѣстіи. Яну Казиміру, который уже подозрѣвалъ его въ донесеніяхъ королевѣ о всѣхъ его поступкахъ, онъ вскорѣ сдѣлался несносенъ. Король давалъ ему это понять, но староста, когда онъ хотѣлъ не понимать, не слушать, не видѣть, чрезвычайно легко дѣлался непонятливымъ, слѣпымъ и глухимъ. Во всемъ его образѣ дѣйствій было столько дерзкаго, столько оскорбительнаго, что Янъ Казиміръ уже начиналъ говорить Бутлеру. что далъ бы старостѣ Богъ знаетъ что, лишь-бы избавиться отъ него и не встрѣчать его такъ часто, почти на каждомъ шагу. Бутлеръ утверждалъ, что лишь только онъ получитъ обѣщанное ему мѣсто подканцлера, онъ успокоится: навязчивость эта была напоминаніемъ о печати. Казановская, для которой тоже важенъ былъ титулъ мужа, попросила за него короля, а Янъ Казиміръ ни въ чемъ ее могъ ей отказать. Итакъ, Радзеевскій былъ, наконецъ, назначенъ подканцлеромъ.

Въ это время открылся новый сеймъ. Королева не переставала дѣйствовать. Болѣе, чѣмъ когда-либо, поддался ей король. По смерти Оссолинскаго она пріобрѣла еще больше вліянія на дѣла государства.

Въ то время старались обезпечить себя со стороны Великаго Княжества Московскаго, предвидя новую борьбу съ казаками, которые также могли обратиться къ Великому Княжеству Московскому, съ чѣмъ они и не таились. Туда тянуло ихъ единство вѣры, хотя Хмѣль предпочиталъ сдѣлать союзникомъ Турка, такъ какъ послѣдній далъ-бы ему больше свободы. Кромѣ переговоровъ съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ, много безпокойства причиняли еще неоплаченные солдаты, которые составляли заговоры, избирали себѣ вождей и тревожили Рѣчь Посполитую своимъ своеволіемъ.

Цѣлый годъ велись переговоры съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ и шли торги съ войскомъ, которые тѣмъ скорѣе необходимо было кончить, что приходящія изъ Запо*рожья извѣстія* заставляли предвидѣть неизбѣжную борьбу съ

казаками. Королева даже желала этой войны для мужа. Она все еще мечтала о рѣшительной, блестящей побѣдѣ, которая сразу поставила бы Яна Казиміра на недосягаемую высоту и увѣнчала бы лаврами. Всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы походъ этотъ сдѣлать, не какъ подъ Зборовъ,—безсильнымъ, но могучимъ и побѣдоноснымъ. На черной тучѣ, возвѣщающей приближающіеся громы и бурю, удивительно ясно обрисовываются ничтожные случаи, которымъ впослѣдствіи суждено было получить историческое значеніе.

Какимъ образомъ Бертони удалось втереться во дворецъ нѣкогда Казановскихъ, а теперь подканцлера Радзеевскаго, отгадать трудно. Вѣроятнѣе всего, что она съ давнихъ поръ имѣла тамъ какіе-нибудь сношенія, а такъ какъ король сильно интересовался судьбой подканцлерши, то итальянка постараралась упрочить свои отношенія съ этимъ домомъ, чтобы, услуживая такимъ образомъ королю, заслужить его милость и открыть себѣ доступъ къ нему. Едва только былъ заключенъ этотъ бракъ, какъ сейчасъ же стали появляться слухи, что тамъ происходятъ какія-то недоразумѣнія. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить, на самомъ же дѣлѣ однако ни прекрасная Елизавета, ни деспотичный и назойливый подканцлеръ не были созданы другъ для друга, но, къ несчастію, слишкомъ поздно замѣтили это. Сама пани привыкла, при жизни снисходительнаго и души въ ней нечаявшаго мужа, поступать какъ ей вздумается. Радзеевскій желалъ имѣть въ ней послушное орудіе для своихъ цѣлей. Изъ-за разныхъ мелочей постоянно выходили недоразумѣнія. Дворецъ Казановскихъ, самое величественное зданіе во всей Варшавѣ, съ которымъ не могли равняться ни королевскій замокъ, ни дворецъ короля на Краковскомъ Предмѣстьѣ,—былъ полонъ неоцѣнимыхъ богатствъ, накопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Начиная съ дорогого оружія, збруи, съ серебра, бездѣлушекъ и кончая картинами и статуями,—все было устроено съ неслыханной роскошью. Переполненные погреба, кладовыя, конюшни поражали чужеземцевъ. Радзеевскій, овладѣвъ всѣми этими богатствами, хотѣлъ распоряжаться ими, жена сначала кротко противилась этому, на что онъ и не думалъ обращать вниманія. Кромѣ того, Елизавета привыкла принимать кого хотѣла, окружать себя тѣми особами

которыя были ей дороги и пріятны, и домъ ея былъ однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ и радушныхъ въ Варшавѣ. Радзеевскій вздумалъ подчинить это своему контролю и распоряженію, словомъ—хотѣлъ здѣсь быть господиномъ и безъ спроса распоряжаться женой и ея имуществомъ. Подканцлерша не могла этого перенести; она рѣшительно воспротивилась. Однако сначала всѣ эти супружскія столкновенія никому не были извѣстны и не выходили изъ-за стѣнъ дворца.

Радзеевская, возмущенная этимъ, дала понять королю, а подканцлеръ въ интимной бесѣдѣ пожаловался самой Маріи Людвикѣ, которая не любила его жены. Среди актеровъ этой драмы, еще незамѣченнымъ очутился замѣшаннымъ и придворный короля, котораго Янъ Казиміръ начиналъ все больше и больше любить. Это былъ изъ знатнаго рода, какъ и многіе другіе молодые люди, начинающій свою службу при дворѣ Тизенгаузъ, принадлежащій къ такъ называемымъ придворнымъ короля, въ дѣйствительности же его пажъ. По природѣ—живого и горячаго темперамента привыкшій къ очень смѣлому обращенію съ людьми, молодой Тизенгаузъ при Янѣ Казимірѣ, который вообще вовсе не строго держалъ своихъ слугъ, сдѣлался еще бойчѣе. Король его любилъ, охотно слушалъ его и позволялъ ему не только говорить все, что гдѣ слышалъ, но и что онъ самъ думаетъ о людяхъ.

Старый другъ короля Бутлеръ не всегда бывалъ при немъ. Стжембошъ не годился для мелочей. Тизенгаузъ, который бывалъ вездѣ и доносилъ королю, приправляя своимъ остроуміемъ, все, что ему приходилось видѣть и слышать, развлекалъ скучающаго Яна Казиміра. Съ семействомъ, родственнымъ Казановскимъ, у Тизенгауза было какое-то родство или давнишнія отношенія; онъ часто бывалъ у подканцлерши и до свадьбы и послѣ свадьбы, и она его любила. Радзеевскій сначала не могъ его переносить, весьма не охотно видѣлъ его въ своемъ домѣ но долженъ былъ терпѣть. Разъ два онъ намекнулъ женѣ, чтобы она не принимала его съ такимъ радушіемъ, но она не видѣла никакой причины, почему бы ей слѣдовало измѣнить свои дружескія отношенія съ этимъ юношей.

— Я не имѣю никакой причины закрывать ему двери, *ни измѣнять нашихъ* отношеній,—отвѣчала она.

И этимъ кончилось на первый разъ. Тизенгаузъ, ни придавая большого значенія Радзеевскому, по прежнему просиживалъ по цѣлымъ днямъ у подканцлерши.

Однажды рано утромъ Тизенгаузъ, какъ это очень часто бывало, очутился въ покояхъ у подканцлерши, которая въ эту минуту была одна. Разговоръ принялъ фамильярное и опасное направленіе, подканцлерша вздохнула и стала жаловаться на деспотическія требованія своего мужа.

Тизенгаузъ проговорилъ съ гнѣвомъ въ голосѣ:

— Развѣ же вы не госпожа въ своемъ домѣ и не распоряжаетесь по своей волѣ?

— Вы молоды, — полугрустно, полушутливо произнесла пана Радзеевская.—Въ другихъ государствахъ, напримѣръ, во Франціи, и обычай страны, и законъ даетъ женщинамъ нѣкоторую независимость, а у насъ присяга передъ алтаремъ— не пустое слово. Законъ не дозволяетъ мнѣ, госпожѣ всего моего имущества, распорядиться имъ безъ согласія мужа... онъ глава дома, онъ господинъ.

— Совершенно вѣрно! —воскликнулъ юноша. — Тамъ, гдѣ бракъ соединяетъ особы одинаковаго состоянія, одинаковаго общественнаго положенія, но здѣсь...

— И здѣсь также! Выбиваться изъ-подъ власти мужа! — грустно разсмѣялась она, — у насъ это считается неприличнымъ.

— Но у себя дома, вѣдь вы же у себя...

— Бѣдныя мы невольницы!

Тизенгаузъ возмутился.

— Я мало знаю пана подканцлера,—прибавилъ онъ,—но считаю его слишкомъ хорошо воспитаннымъ и благороднымъ человѣкомъ, чтобы онъ желалъ такой власти... не только, чтобы злоупотреблять ею, но даже чтобы просто пользоваться.

Подканцлерша взглянула на него, устремила на него свой взоръ и ничего не отвѣтила. Молчаніе было очень краснорѣчиво и многозначительно.

— Часто бываютъ такія ничтожныя, но чрезвычайно непріятныя обстоятельства—начала она, помолчавъ, — которыя могутъ отравить жизнь.

Тизенгаузъ слушалъ съ любопытствомъ.

— Напримѣръ я,—продолжала она,—такъ привыкла къ

своему дому, къ такому расположенію его, какъ было, что малѣйшая перемѣна непріятно поражаетъ меня. Іеронимъ имѣетъ страсть все передѣлывать, перемѣнять, поправлять и не всегда удачно. Это вызываетъ у меня слезы, а онъ смѣется надъ слезами.—Она бодро протерла глаза.

— .Я знаю, что это будетъ большой дерзостью съ моей стороны,—промолвилъ Тизенгаузъ,—если я, молокососъ, осмѣлюсь вамъ совѣтывать, но мнѣ кажется, что не слѣдуетъ уступать даже въ самыхъ пустяшныхъ вещахъ, ни шагу...

— Вотъ именно, и я это такъ же понимаю,—прибавила подканцлерша.—Дѣло идетъ о самыхъ пустякахъ, но я стою на своемъ.

— Это несносно!—проворчалъ Тизенгаузъ.—Но какова неделикатность!

Снова наступило молчаніе, послѣ чего юноша, для развлеченія ея, разсказалъ какой-то веселый анекдотъ о французѣ изъ двора королевы; разговоръ зашелъ о послѣдней. Подканцлерша жаловалась, что не пользуется ея расположеніемъ. Тизенгаузъ доказывалъ, что это было вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ зависти, такъ какъ король всегда выражался объ Елизаветѣ съ величайшемъ почтеніемъ.

— Ахъ, бѣдный покоренный король!--разсмѣялась канцлерша.—Не довольно того, что казаки и татары диктуютъ ему свои права, онъ и дома долженъ слушаться.

— Иногда онъ пробуетъ бунтоваться,—прошепталъ Тизенгаузъ,—но это ему не удается. Въ дѣйствительности же онъ долженъ быть очень признателенъ государынѣ, такъ какъ она хочетъ сдѣлать его героемъ и добьется этого.

— Неужели снова дойдетъ дѣло до войны?—спросила подканцлерша.

— О! Объ этомъ я ничего на знаю—сказалъ, онъ—но судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ до насъ изъ Руси и изъ Запорожья, нельзя слишкомъ полагаться на этотъ договоръ съ татарами и Хмѣлемъ. Королева повторяетъ, что для Рѣчи Посполитой необходима великая, славная, рѣшительная побѣда, которая напугала бы это мужичье. Между тѣмъ лавры собираетъ только воевода Іеремія, а государыня наша хотѣла бы всѣ ихъ возложить на чело своего мужа.

Потомъ они пошутили немножко надъ управленіемъ королевы, надъ покорностью короля и Тизенгаузъ вышелъ, такъ какъ доложили о какихъ-то дамахъ, пріѣхавшихъ изъ Литвы.

Король, который былъ увѣдомленъ о частыхъ визитахъ Тизенгауза во дворецъ Казановскихъ, почти ежедневно разспрашивалъ его. Онъ любилъ сплетни.

— А что? навѣрное уже былъ у подканцлерши и сегодня?—спросилъ онъ юношу.

— А какъ же, государь!

— Что-же тамъ? Наслаждаются счастіемъ?—говорилъ Янъ Казиміръ.—Право этотъ подканцлеръ въ сорочкѣ родился. Такая женщина! Но какъ это она могла его избрать?

— Гмъ,—промолвилъ пажъ,—кто знаетъ, не жалѣетъ ли ужъ она объ этомъ.

Король подскочилъ къ нему сильно заинтересованный.

— Что? что?

Тизенгаузъ сначала молчалъ, но наконецъ уступилъ настойчивымъ требованіемъ.

— Подканцлеръ тиранъ,—сказалъ онъ,—хочетъ все забрать въ свои руки. Она вполнѣ права, желая остаться хозяйкой: вѣдь это все ея.

— Конечно!—съ жаромъ воскликнулъ король.—Онъ ничего ей не принесъ, ни гроша. Вотъ голышъ! Я не дамъ ему тамъ играть роль деспота!

Онъ погрозилъ пальцемъ.

— Государь, лучше всего не вмѣшиваться въ это: супруги поспорятъ и помирятся,—прошепталъ Тизенгаузъ.

— И нужно же ей было этого подканцлера!—подхватилъ король. Отъ него теперь и не отвяжешься. Тяжела ей будетъ жизнь съ нимъ. Я отговаривалъ, но онъ должно быть пустилъ въ ходъ чары. Вѣдь сыновья отъ его перваго брака уже взрослые, а тутъ жена свѣжая, какъ роза.

Тизенгаузъ улыбнулся.

Разговоръ прервался. Какъ разъ отъ границы пришли извѣстія, что Хмѣль, хотя и клянется въ своей вѣрности, ведетъ съ турками переговоры о подданствѣ имъ всей Украины. Но въ Варшавѣ не всегда и не всѣ вѣрили въ грозное значеніе казаковъ; большая часть относилась къ нимъ очень

пренебрежительно. Все заключалось въ одномъ словѣ: «мужичье»—какъ будто бы оно значило слабость, а не сила.

Запорожцевъ называли варварами и относительно были правы; но варварство это было соединено съ инстинктомъ, съ ловкостью, съ хитростью, которые бываютъ только у дикихъ народовъ. Борьба съ казаками была похожа на поединокъ между отличнымъ бойцомъ и сильнымъ неучемъ, въ которомъ сражающійся по всѣмъ правиламъ долженъ быть побѣжденнымъ, потому что на него нападаютъ и наскакиваютъ вопреки всѣмъ правиламъ. Всѣ движенія казаковъ были неожиданны и поэтому трудно отразимы.

Вечеромъ король долженъ былъ пойти къ женѣ, которая уже отдыхала, утомленная безчисленными аудіенцами. Тутъ всегда бывали тысячи предметовъ для разговора. Янъ Казиміръ кромѣ устной инструкціи иногда получалъ цѣлый списокъ ваканцій, которыя онъ долженъ былъ раздавать именно такъ, а не иначе. Не было почти дня, чтобы не пришло извѣстіе о смерти какого нибудь епископа, кастеляна, воеводы, а одновременно съ этимъ являлись съ приношеніями прямо къ королевѣ по крайней мѣрѣ три кандидата. Марія Людвика совершенно не скрывалась съ тѣмъ, что ей обѣщали. Такъ что и въ этотъ день ей надо было дать мужу много распоряженій. Два мѣста епископа и нѣсколько старостъ были свободны. Послѣ всѣхъ этихъ прерываемыхъ, а и иногда принимаемыхъ несмѣлой оппозиціей инструкцій, королева начала говорить о Радзивиллахъ, о Любомірскихъ, а отъ нихъ внезапно перешла къ Казановской.

— Подканцлеръ,—проговорила она, — который такъ много ожидалъ отъ брака, я боюсь, какъ бы его не встрѣтило разочарованіе. Казановская своевольна, все хочетъ забрать въ свои руки.

— Потому что все принадлежитъ ей! — быстро возразилъ король.

— О! ты всегда за нее заступаешься,—съ гримасой прервала Марія Людвика.—Зачѣмъ же она шла замужъ?

Король изъ осторожности смолчалъ.

— Я боюсь,—прибавила королева,—какъ бы между супругами скоро не дошло дѣло до ссоры. Ты могъ бы, какъ преж-

ній опекунъ прекрасной Елизаветы, убѣдить ее, что мужъ имѣетъ извѣстныя права.

— Но я не хочу въ это вмѣшиваться!—съ гримасой воскликнулъ король.—Ты, со своей стороны, могла бы склонить Радзеевскаго, который, навѣрное, тебѣ жаловался, къ тому, чтобы онъ лучше обходился съ женой, которой онъ столькимъ обязанъ.

— А развѣ ты знаешь, что онъ грубо съ ней обходится?—спросила Марія Людвика.

— Я... я ничего не знаю,—отперся король, вставая,—но слышу отъ тебя...

Сказавъ это, король пожелалъ ей покойной ночи и поцѣловалъ ее въ руку, а Марія Людвика была почти увѣрена, что онъ знаетъ больше, чѣмъ признавался.

V.

Слухи о войнѣ, а еще болѣе прибытіе Ксензкаго, который, излѣчившись отъ ранъ во Львовѣ, заѣхалъ по дорогѣ въ Варшаву и позвалъ къ себѣ родственника, — вырвали Стжембоша изъ придворной лѣни и бездѣлья, которыя со временемъ могли его сдѣлать ни на что негоднымъ. Дымза уже и самъ начиналъ подумывать о томъ, что комнатная служба, хотя бы у самого короля, не приведетъ ни къ чему, когда въ одинъ прекрасный день прибѣжалъ слуга Сташка Ксензкаго изъ заѣзжаго дома на Длинной улицѣ и далъ ему знать, что дядя требуетъ его къ себѣ.

Ксензкій принадлежалъ къ тѣмъ популярнымъ военнымъ знаменитостямъ, о которыхъ и гетманы знали, что голосъ ихъ имѣетъ большое значеніе въ полку, и все войско разсказывало и передавало другъ другу ихъ слова. Шуточки или отзывъ о человѣкѣ Старшевскаго, Ксензкаго или Самуила Лаща могъ низвергнуть или возвысить даже высоко стоящаго сановника. Мало было людей, болѣе любимыхъ и уважаемыхъ, чѣмъ Ксензкій. Онъ, дѣйствительно, былъ добрый до глубины души, но языкъ у него былъ острый, какъ бритва.

Въ Варшавѣ, только что онъ явился въ корчмѣ, и кто-то сказалъ—Ксензкій, все, что только было военнаго, побѣжало привѣтствовать его.. Стжембошъ, хотя и поспѣшилъ къ нему, нашелъ избу уже биткомъ наполненной. Дядя заключилъ его въ объятія а потомъ, оттолкнувъ отъ себя на одинъ шагъ и указывая на него рукой, воскликнулъ.

— Паны, братья! — полюбуйтесь, пожалуйста, на этого юношу. Точно картинка! красивый, здоровый, сильный, а какая кому польза отъ этого? Нарядился въ придворный кафтанъ, говорятъ, что король души въ немъ не чаетъ, но это лѣнтяй, бездѣльникъ. Скажи ты мнѣ, что изъ тебя выйдетъ? А? Дворцовая метла?

Дызма покраснѣлъ.

— Извините,—сказалъ онъ:—изъ меня выйдетъ солдатъ, потому что я какъ разъ рѣшилъ бросить придворный кафтанъ и одѣть военный мундиръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—подхватилъ Ксензкій. — Ну, такъ поди ко мнѣ, дай я еще разъ обниму тебя. Но ужъ если такъ, то я возьму тебя къ себѣ, въ полкъ Собѣскихъ.

— Идетъ!—разсмѣялся Дызма,—стало быть, надо только получить согласіе короля.

— Король,—крикнулъ Ксензкій,—не можетъ отказать, потому что самъ скоро долженъ будетъ сѣсть на коня; я чувствую въ воздухѣ войну и кровь. Для придворныхъ хватитъ калѣкъ и уродовъ.

— Но,—вмѣшался ротмистръ Ржевускій,—именно въ настоящее время, когда нами управляетъ французская мода и политика, самые сливочки берутся ко двору.

— Съ французами,—прибавилъ Свенцкій, второй товарищъ Ксензкаго, хорунжій полка Любомірскихъ:—съ французами намъ придется расправляться дома, потому что это зелье разрослось у насъ точно крапива.

— Брось ты,—прервалъ Ксензскій,—этихъ французовъ. Что-же слышно при дворѣ,—вдругъ обратился онъ къ племяннику.—Королева здорова? У насъ ходитъ слухъ, что новая амазонка хочетъ осѣдлать коня и рядомъ съ королемъ идти на казаковъ.

— Храбрая-то она, правда, храбрая,—сказалъ Дызма,—да *ужъ очень дики эти* казаки...

Ксензкій сморщился и обратился къ Дызмѣ

— Я почти только ради тебя и пріѣхалъ сюда, — началъ онъ, кладя ему руку на плечо. — Хоть бы мнѣ пришлось къ самому королю идти съ просьбой, чтобы онъ освободилъ тебя отъ своей службы, такъ и то я пойду. Я не хочу, чтобы ты погибъ въ ней или высохъ. Я знаю, что изъ такихъ придворныхъ другіе и выростаютъ потомъ въ старостъ, каштеляновъ, но намъ, бѣдной шляхтѣ, не годится идти по этому пути. Это барскія дороги.

Стжембошъ слушалъ; пріятели Ксензскаго, которые рѣдко видѣли его такимъ серьезнымъ, молчали. Острякъ и балагуръ казался имъ измѣнившимся. Однако это продолжалось только минуту. Снова просіяло лицо Сташка Ксензкаго. Свенцкій повторялъ, что онъ слышалъ въ городѣ о разныхъ казацкихъ посольствахъ.

— Говорятъ объ этомъ Хмѣлѣ,—проговорилъ онъ,—что онъ простой мужикъ и пьяница, а мнѣ кажется, что онъ всѣхъ насъ обманываетъ своей грубостью, такъ какъ до сихъ поръ онъ обнаружилъ больше ума, чѣмъ наши канцлеры и паны Кисели и всѣ, кто ѣздилъ заключать договоръ... всѣхъ онъ загналъ въ камыши.

— Я долженъ встать въ защиту двора, королевы и короля,—началъ Дымза,—не только потому, что я столько лѣтъ ѣлъ ихъ хлѣбъ, но и потому, что сама справедливость того требуетъ. Король, правда, не особенно воинственнаго характера; вѣдь я почти шагъ за шагомъ ѣздилъ за нимъ подъ Зборовымъ и видѣлъ его, въ чемъ могу даже поклясться, въ ту памятную ночь, когда онъ объѣзжалъ весь станъ, и во время битвы такимъ мужественнымъ и готовымъ къ смерти, что слѣдуетъ воздать ему великую честь и славу; но у него каждый день вѣтеръ дуетъ съ другой стороны. За то королева, вѣрьте мнѣ, знаетъ, чего хочетъ, и разъ что-нибудь скажетъ себѣ, непремѣнно добьется того, а она желаетъ войны, чтобы ею поправить то, что испортилось подъ Зборовымъ; она жаждетъ блестящей побѣды, и когда теперь придется идти въ походъ, то увидите, что благодаря ея стараніямъ явится многочисленное и прекрасное войско.

— Дай Богъ, аминь!—подхватилъ Ксензкій.—Но наша ко-

ролева, которую вы такъ защищаете, жаждетъ побѣдъ и лавровъ не для самой Рѣчи Посполитой, а только для своего супруга, а если дѣло дойдетъ до того, чтобы ради побѣды отдать начальство Іереміи Вишневецкому, то я даю голову на отсѣченіе, что они предпочтутъ отказаться отъ побѣды, чѣмъ дать Іереміи затмить короля. Всѣ завидуютъ русскому воеводѣ, друзей онъ имѣетъ только въ насъ, которые съ нимъ сражались, были рядомъ съ нимъ и насквозь узнали этого мужа. Для другихъ онъ гроза. Казаки боятся его какъ огня, боится его королева, боится король, паны гетманы завидуютъ, а это единственный человѣкъ, пожалуй съ гетманомъ Радзивилломъ, который могъ бы положить конецъ нашему несчастью.

— Да что мы, въ самомъ дѣлѣ,—прервалъ Свенцкій, — пустились въ такую глубокую политику! Пора ее бросить, да начать пѣсенку повеселѣе.

— Такъ пусть ужъ ее начнетъ придворный, — возразилъ Ксензскій, указывая на племянника.—Разскажи-ка что-нибудь веселенькое.

Стжембошъ оправдывался, что не принесъ съ собой запаса; все-таки разговоръ оживлялся, хотя еще часто сворачивалъ на войну.

— А я тутъ за тобой шпіонилъ, Дызма, — промолвилъ Ксензкій.—Мнѣ разсказывали, что ты здѣсь пустился въ амуры съ дѣвушкой, правда, очень красивой, но мѣщанкой, выросшей на мостовой, а это для насъ, деревенскихъ жителей, плодъ нездоровый.

Стжембошъ покраснѣлъ.

— Кто же это вамъ насплетничалъ?—спросилъ онъ.

— Не спрашивай, потому что я не выдамъ, — засмѣялся Ксензкій, — но я говорю тебѣ, что знаю все, и поэтому хочу вырвать тебя на свѣжій воздухъ.

— Дорогой дядя,—съ жаромъ заговорилъ Дымза,—вѣрьте мнѣ, дѣвушка порядочная и невинная, хоть она и мѣщанка, но ни въ чемъ нельзя ее упрекнуть.

— А мать? — съ торжествующей улыбкой воскликнулъ Ксензскій. — Я больше смотрю на мать, чѣмъ на этого подростка, который теперь можетъ выглядѣть какъ бѣлая лилія,

а когда подростетъ — въ ней отзовется все то, что было въ матери.

— Матерью похвастаться я не могу, — грустно сказалъ Стжембошъ, — но вѣрьте мнѣ, не всегда ребенокъ подражаетъ матери, когда она до противности смѣшна и несносна. Старая Бертони даже собственной дочери должна казаться такой же вѣдьмой, какъ и намъ...

— Забыть-бы обѣихъ,—прибавилъ Ксензкій. — Намъ солдатамъ нездорово сидѣть съ бабами. — И онъ вдругъ круто повернулъ разговоръ. — Такъ проси короля, чтобы онъ тебя отпустилъ, я помогу и запишу тебя въ полкъ Собѣскихъ. Нашлось бы тебѣ мѣсто и гдѣ-нибудь въ другомъ полку, тѣмъ болѣе, что на твоей сторонѣ и молодость, и молодцоватая осанка, но я хотѣлъ бы имѣть тебя на своихъ глазахъ.

Стжембошъ поцѣловалъ его въ плечо.

Просидѣвъ почти весь вечеръ у Ксензскаго, Дызма вернулся въ замокъ и какъ разъ столкнулся съ королемъ, который возвращался, пожелавъ Маріи Людвикѣ спокойной ночи. Это была минута, когда онъ всегда, исполнивъ эту обязанность, веселѣе смотрѣлъ на все. Когда ему приходилось идти въ покои королевы, онъ всегда хмурился и, только освободившись отъ нея, вздыхалъ свободно.

На другой день утромъ король приказалъ позвать къ себѣ Тизенгауза.

— Иди къ подканцлершѣ,—шепнулъ онъ, — кланяйся ей отъ меня и скажи ей, разумѣется, съ глазу на глазъ, чтобы она не уступала. Радзеевскій и такъ ужъ слишкомъ дерзокъ и нахаленъ...

Это посольство показалось молодому пажу такимъ пріятнымъ, что какъ только наступилъ часъ, въ который приличіе дозволяло ему явиться во дворцѣ Казановскихъ, онъ сейчасъ-же побѣжалъ туда. Случаю было угодно чтобы онъ въ самыхъ воротахъ столкнулся съ подканцлеромъ, который на отличной лошади, бывшей верховой покойнаго пана Адама, выѣзжалъ изъ дворца въ городъ. Радзеевскій замѣтилъ входящаго, сморщился и многозначительно покосился и, когда Тизенгаузъ изъ вѣжливости снялъ передъ нимъ шапку, онъ, не отвѣтивъ на поклонъ, гордо отвернулся.

— Ого! — подумалъ Тизенгаузъ.—Что не пользуюсь милостью у канцлера, я это хорошо зналъ, но что онъ желаетъ такъ явно выказать свое нерасположеніе—я узнаю въ первый разъ,—у него чутье хорошее.

Радзеевскій пріостановился и, оглянувшись, чтобы посмотрѣть, куда направится Тизенгаузъ, могъ убѣдиться, что тотъ отправился въ покои жены

— Королевскій шпіонъ и посолъ,—проворчалъ онъ,—но я не желаю видѣть его у себя. Король не долженъ вмѣшиваться въ мои домашнія дѣла.

Имѣлъ ли канцлеръ прежде намѣреніе идти прямо къ королевѣ, этого мы не знаемъ, но послѣ встрѣчи съ Тизенгаузомъ пошелъ къ ней. Такъ какъ было нѣсколько мѣстъ для раздачи, а Радзеевскій имѣлъ обѣщанія и предложенія кандидатовъ, то ему легко было объяснить свой ранній визитъ. Разговоръ о тѣхъ сенаторахъ, которые напрашивались, о несимпатичныхъ и кажущихся подозрительными королевѣ, о тѣхъ, которыхъ канцлеръ желалъ сдѣлать ей несимпатичными, протянулся довольно долго и уже долженъ былъ окончиться, когда Радзеевскій, вздохнувъ, прошепталъ;

— Тизенгаузъ постоянно вертится у меня дома и я подозрѣваю, что онъ носитъ королю жалобы моей жены, а отъ него приноситъ увѣренія въ покровительствѣ и защитѣ, такъ какъ она все рѣзче относится ко мнѣ. Что же я значу дома, когда мнѣ нельзя будетъ дотронуться ни до коня, ни до сѣдла покойнаго мужа, какъ сегодня?

— И ты уступилъ?—спросила королева.

— Нѣтъ,—проговорилъ канцлеръ,—я не могъ, да и недумаю на все соглашаться, а то въ концѣ концовъ я сдѣлаюсь, чего добраго, слугой въ своемъ собственномъ домѣ.

Движеніемъ головы королева дала ему знакъ, что одобряетъ его поведеніе. Радзеевскій сдѣлалъ свое—пожаловался, потомъ поклонился и пошелъ къ королю.

Тизенгаузъ между тѣмъ былъ допущенъ къ прекрасной нани Елизаветѣ, которая въ это время осматривала работу своихъ дѣвушекъ. Грустная хозяйка отослала дѣвушекъ. Королевскій пажъ легко могъ различить на ея лицѣ слѣды еще *не утихшаго гнѣва* и раздраженія. Съ большимъ оживленіемъ

начала она ему разсказывать какъ, она хотѣла оставить нетронутыми верховую лошадь своего покойнаго мужа, какъ просила объ этомъ мужа, но, несмотря ни на какія ея просьбы, канцлеръ какъ разъ въ это утро, приказавъ объѣздить коня и осѣдлать его по старинному, поѣхалъ на немъ въ городъ.

— Я встрѣтилъ его въ воротахъ,—сказалъ Тизенгаузъ,— и онъ не изволилъ даже отвѣтить на мой поклонъ. Жаль этого славнаго коня.

Онъ не докончилъ; быстрымъ движеніемъ бѣлой ручки подканцлерша отерла себѣ глаза.

— Если я не ошибаюсь,—прошептала она,—а я навѣрное не ошибаюсь,—канцлеръ тѣмъ смѣлѣе обращается со мною, что онъ имѣетъ за собой королеву. Я никогда не пользовалась ея расположеніемъ.

— Не надо принимать этого близко къ сердцу,—прервалъ юноша,—ни одна изъ польскихъ дамъ не пользуется милостями Маріи Людвики. Сердца ея едва хватаетъ для француженокъ.

— Въ особенности для своей прекрасной воспитанницы— съ двусмысленной улыбкой прибавила Радзеевская: — Маріи д Аркіенъ. Я не настолько зла, чтобы вѣрить тому, что говорятъ люди, но привязанность королевы къ этой дѣвушкѣ бросается въ глаза. Навѣрное ее ожидаетъ блестящая партія... Красавица...

— Я не могу этого отрицать,—проговорилъ Тизенгаузъ,— но она уже хорошо знаетъ о томъ, что она красива...

— Это еще дитя,—прошептала подканцлерша.

— О лѣтахъ ея, разумѣется, ничего нельзя узнать,—началъ Тизенгаузъ,—но, судя по ея росту и фигурѣ, ей должно быть ужъ лѣтъ пятнадцать...

Тутъ наступила маленькая пауза; пажъ оглянулся, не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь.

— Государь,—прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, — вчера очень подробно разспрашивалъ меня о васъ. Я долженъ былъ ему сознаться, что былъ здѣсь. Должно быть кто-нибудь, потому что это не я,—прибавилъ съ улыбкой Тизенгаузъ,—донесъ королю, что панъ подканцлеръ желаетъ здѣсь всѣмъ заправлять. Король ворчалъ, сильно возмущенный этимъ, и вы-

разился такъ, что было бы очень не хорошо съ вашей ст
роны дѣлать такія уступки. Это его совѣтъ—я его повторя

— Совѣтъ хорошъ,—прервала подканцлерша,—жаль толь
что мнѣ такъ трудно его исполнить. Я не могу вести съ ни
войну, а вы видѣли, какъ онъ слушается моихъ просьб
Вчера еще я просила его объ этомъ конѣ и збруѣ, а сегод
онъ нарочно выбралъ ихъ, на зло мнѣ.

— Если-бы конюхъ заранѣе получилъ ваше приказан
онъ навѣрное исполнилъ бы его, да и панъ Радзеевскій
посмѣлъ бы ему противиться.

Подканцлерша взглянула на него.

— Ты не знаешь его,—проговорила она.—Именно для то
чтобы показать свою силу и волю, онъ сдѣлаетъ мнѣ на зл
это ему ничего не будетъ стоить

— Я увѣренъ—прибавилъ Тизенгаузъ, — что Янъ Каз
міръ охотно выступитъ за васъ, но...

Радзеевская быстро прервала:

— Я умоляю его не дѣлать этого! охъ! нѣтъ, нѣтъ! Уж
и такъ могутъ быть разныя сплетни относительно этого п
кровительства короля ко мнѣ; канцлеръ все это обратитъ пр
тивъ меня; и такъ мнѣ ужъ довольно приходится терпѣть.

Радзеевская была такъ встревожена, что молодой гость до
женъ былъ увѣрить ее, что ей вовсе нечего бояться неост
рожнаго шага со стороны короля. Просидѣвъ довольно дол
въ замкѣ Казановскихъ, Тизенгаузъ наконецъ покинулъ его
вернулся въ замокъ.

Прошло нѣсколько дней. Король такъ безпокоился о Каз
новской, что почти каждый день подсылалъ Тизенгауза.

Раза два онъ столкнулся съ самимъ канцлеромъ, которы
съ каждымъ разомъ все яснѣе обнаруживалъ свое неудовол
ствіе и раздраженіе. Кромѣ того было ясно, что слуги дон
сили Родзеевскому обо всемъ, въ особенности, что касало
его жены. На неудовольствіе подканцлера Тизенгаузъ не обр
щалъ никакого вниманія. Напрасно, встрѣчаясь съ нимъ, Ра
зеевскій останавливался, впивался въ него глазами и закуси
валъ губы, молодой гость не хотѣлъ его понимать. Наконец
въ одинъ прекрасный день, когда по обыкновенію рано утром
Тизенгаузъ собирался приказать доложить о себѣ подканцлерш

въ передней онъ увидалъ какъ бы ожидающаго его гофмаршала Радзеевскаго, нѣкого Снарскаго, который, подбоченившись, преградилъ ему дальнѣйшій путь.

Тизенгаузъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Панъ подканцлеръ,—иронически и дерзко проговорилъ Снарскій, — приказалъ мнѣ объявить вашей милости, что не желаетъ, чтобы вы бывали въ его домѣ.

Молодой пажъ отскочилъ, какъ ошпаренный.

— Что? что?—закричалъ онъ.

Снарскій медленно, процѣживая слова, повторилъ то же самое, и не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, вышелъ, запирая за собой двери. Пораженный какъ громомъ этимъ поступкомъ, Тизенгаузъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, не зная, что начать. Идти на проломъ онъ не могъ; принять такое дерзкое заявленіе — не слѣдовало; на минуту онъ потерялъ голову и вышелъ изъ дворца медленными шагами, самъ не зная, что начать. Если бы въ эту первую минуту ему подвернулся Радзеевскій, то безъ всякаго сомнѣнія онъ бросился бы на него съ обнаженной саблей. Жаловаться королю и вовлекать его въ это дѣло, которое должно было быть ему непріятнымъ, не слѣдовало. Онъ даже не хотѣлъ сейчасъ же вернуться въ замокъ, пока не поразсудитъ, чтобы какъ-нибудь не выдать себя. Онъ побѣжалъ къ своимъ друзьямъ литвинамъ и напалъ на рыцарскихъ людей, которые, съ первыхъ же словъ, приняли это горячо къ сердцу. Волловичъ и Сапѣга, которымъ онъ открылся, закричали, что такое оскорбленіе можетъ быть смыто только кровью.

— Тебѣ ничего не остается, — воскликнулъ молодой Сапѣга,—какъ только вызвать на дуэль этого смѣльчака, который воображаетъ, что сенатору—все можно.

Вспыльчивому Тизенгаузу ничего не могло быть пріятнѣе этого совѣта. Онъ готовъ былъ хоть сейчасъ же послать къ подканцлеру секундантовъ и потребовать удовлетворенія, но тутъ произошло странное обстоятельство.

Всѣ тѣ, которые находили, что Тизенгаузъ долженъ былъ вызвать Радзеевскаго, хотя онъ былъ только придворнымъ короля, а тотъ подканцлеромъ,—когда дѣло дошло до того, что бы идти къ нему отъ имени Тизенгауза, находили самыя

разнообразныя препятствія, которыя не позволяли имъ услужить ему. Одинъ ссылался на другого, — никто не могъ выступить противъ Радзеевскаго: за нимъ всѣ видѣли королеву, которую никто не хотѣлъ возстанавливать противъ себя, такъ какъ она не прощала. Насколько Янъ Казиміръ, вспыльчивый и гнѣвный въ первую минуту, потомъ легко остывалъ, настолько Марія Людвика долго помнила о малѣйшей обидѣ, и никогда ея не забывала.

Тизенгаузу не оставалось ничего другого, какъ дѣйствовать самому, а молодость и горячій темпераментъ увлекли его слишкомъ далеко. Онъ караулилъ только, какъ бы ему поймать подканцлера, когда онъ будетъ приходить въ замокъ. Не долго ему пришлось ждать этого; на другое утро чрезвычайно дѣятельный Радзеевскій только что вылѣзъ изъ кареты и собирался направиться къ королевѣ, когда Тизенгаузъ, схвативъ два заряженные, уже заранѣе приготовленные пистолеты, подбѣжалъ къ нему. Подканцлеръ, увидѣвъ его, бѣгущаго къ нему навстрѣчу, раздраженнаго, съ пистолетами въ рукахъ, сначала побоялся выстрѣла и оглянулся, не идетъ ли за нимъ кто-нибудь изъ прислуги. Въ эту минуту Тизенгаузъ подскочилъ къ нему.

— Панъ подканцлеръ! Я такой же шляхтичъ, какъ и вы, я не могу снести оскорбленія чести. Вы мнѣ отказали отъ дома черезъ слугу... вы должны со мною драться!

Пока Радзеевскій собрался отвѣчать, подбѣжали двое изъ его слугъ, которые, видя молодаго пажа, съ пистолетами наступающаго на ихъ господина, бросились на него, но Тизенгаузъ, поднявъ пистолетъ вверхъ, вскричалъ:

— Вы мнѣ отвѣтите за это!—и не желая связываться съ прислугой, поспѣшно удалился.

Подканцлеръ долженъ былъ немножко остыть, прежде чѣмъ явиться въ покои королевы. Хотя лично онъ не былъ трусомъ, онъ не славился также и особенной храбростью и застигнутый врасплохъ дерзкимъ молокососомъ, на минуту встревожился. По его лицу, по блѣдности и блуждающему взору королева могла узнать, что онъ только что былъ чѣмъ-то взволнованъ и заботливо спросила его: не чувствовалъ ли онъ *какого-нибудь нездоровья?*

Радзеевскій не желалъ скрывать, что его встрѣтило.

— Съ минуту тому назадъ меня встрѣтило здѣсь, въ замкѣ, неслыханное, дерзкое нападеніе,—проговорилъ онъ, — отъ котораго я до сихъ поръ не могу придти въ себя.

— Нападеніе? въ замкѣ? — вскричала, грозно хмурясь, Марія Людвика.

У Радзеевскаго голосъ дрожалъ отъ гнѣва.

— Это тѣмъ удивительнѣе, что оно было совершено придворнымъ короля — Тизенгаузомъ,—говорилъ подканцлеръ. — Онъ почти каждый день посѣщалъ мою жену, и я имѣю сильное подозрѣніе, что онъ возстановлялъ ее противъ меня. Поэтому, я вынужденъ былъ отказать ему отъ своего дома, а молокососъ за это сегодня, въ замкѣ, выбѣжалъ мнѣ навстрѣчу съ пистолетами, требуя дуэли!

Пораженная королева слушала, почти не вѣря своимъ ушамъ. Подъ бокомъ у нея сдѣлана такая дерзость человѣку, къ которому она благоволила!

— Вотъ плоды той распущенности и свободы, какую король даетъ молодежи, своимъ придворнымъ! Я знала, что тамъ происходятъ невѣроятныя вещи, но это уже слишкомъ, и я не допущу, чтобы это прошло безнаказанно.

Радзеевскій, который такъ надоѣдалъ королю, въ этотъ день не пошелъ къ нему; прямо отъ королевы онъ отправился къ себѣ во дворецъ, и здѣсь первымъ приказаніемъ, какое онъ отдалъ, было, чтобы портретъ покойнаго Казановскаго, который вдова упрашивала оставить на мѣстѣ, былъ вынесенъ на чердакъ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ плачемъ и упреками, съ гордостью и гнѣвомъ влетѣла къ мужу подканцлерша, требуя объясненія. Радзеевскій, на видъ съ полнымъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ, отвѣчалъ, что для него оскорбительно такое явное обожаніе покойника и что онъ рѣшилъ сдѣлать все, что въ его власти, чтобы истребить всѣ воспоминанія и быть здѣсь единственнымъ господиномъ.

— Вамъ я обязанъ, сударыня,—прибавилъ онъ,—тѣмъ, что сегодня со мной случилось приключеніе, которое навѣрное облетѣло весь городъ. Я вчера отказалъ отъ нашего дома Тизенгаузу, а этотъ молокососъ посмѣлъ сегодня напасть на меня

съ пистолетами и вызвать меня на дуэль, но это ему не пройдетъ даромъ.

Подканцлерша поблѣднѣла.

— Въ чемъ же провинился передъ тобой Тизенгаузъ? Ты выбрасываешь портреты, разгоняешь моихъ друзей и родныхъ, неужели такимъ образомъ ты надѣешься пріобрѣсти мое сердце?

— Объ этомъ я даже уже и не стараюсь, потому что вижу, что это было бы напрасно,—воскликнулъ Радзеевскій,—но я не хочу, чтобы люди надо мной смѣялись.

Подканцлерша, у которой слезы ручьями лились изъ глазъ, молча отвернулась отъ него и вышла.

Подканцлеръ не такой былъ человѣкъ, который-бы далъ себя смягчить, разжалобить или запугать. Всѣмъ, чего онъ только ни добился въ жизни, онъ былъ обязанъ своей настойчивости и навязчивости. Несмотря на то, что жена ему не поддавалась, онъ не только не думалъ потакать ей, но, напротивъ того, началъ еще болѣе упорную войну, въ твердой увѣренности, что слабая женщина не выдержитъ до конца и покорится ему. Протекція короля, который явно ей сочувствовалъ, не могла быть полезна, такъ какъ при извѣстной слабости короля могла его скомпрометировать, и поэтому не могла явно обнаружиться. На это онъ больше всего разсчитывалъ. Весь планъ овладѣть королевой, а черезъ нее слабымъ Казиміромъ и Рѣчью Посполитой, чтобы извлекать изъ нихъ пользу, былъ уже основанъ въ его головѣ.

Еще въ тотъ-же день Радзеевскій надѣялся получить изъ замка какое-нибудь извѣстіе, такъ какъ былъ увѣренъ, что королева не проститъ Тизенгаузу такой дерзости, сдѣланной почти на ея глазахъ, а король, хоть-бы и хотѣлъ, и не посмѣетъ защищать его, но никакого извѣстія не было. Посланный на развѣдки слуга подканцлера принесъ только одно, что у короля съ королевой былъ оживленный разговоръ и что при дворѣ, среди молодежи, замѣчалось какое-то раздраженіе и волненіе.

VI.

Марія Людвика, которая смотрѣла за дисциплиной и порядкомъ при дворѣ, о которыхъ король часто вовсе не заботился, такъ сильно напала на Тизенгауза, когда король пришелъ къ ней, такъ кинятилась, такъ горячилась, что Янъ Казиміръ слова не посмѣлъ сказать въ его защиту. Впрочемъ, проступокъ пажа былъ очевиденъ и великъ, такъ какъ нападеніе подъ бокомъ у короля на сенатора могло быть очень строго осуждено. Заряженные пистолеты ухудшали дѣло. Янъ Казиміръ, спасая любимца отъ суда и публичнаго наказанія, сейчасъ-же объявилъ, что выгонитъ его вонъ и не будетъ держать при себѣ. Огорченный этимъ, сердитый на Радзеевскаго, король, недолго посидѣвъ у жены, сейчасъ-же отправился въ свои апартаменты и приказалъ позвать Тизенгауза. Онъ послалъ за нимъ одного за другимъ четырехъ пажей и стоялъ, ожидая его прихода и теребя кружевные рукава, когда на порогѣ появился провинившійся, съ лицомъ нисколько не испуганнымъ и не покорнымъ, смѣло смотря въ глаза королю.

— Что-же это ты надѣлалъ?—воскликнулъ король, подходя къ нему ближе.—Съ ума ты сошелъ, что-ли? Съ пистолетами нападать въ замкѣ на сановника? Это уголовное дѣло!

— Государь,—спокойно началъ Тизенгаузъ,—подканцлеръ очень оскорбительнымъ для меня образомъ, черезъ слугу, отказалъ мнѣ отъ своего дома. Я ходилъ къ подкланцершѣ не всегда по своей волѣ, меня посылали...

Топнувъ ногой, король приказалъ ему молчать.

— Тебѣ ничего оправдываться,—воскликнулъ онъ:—ты совершилъ уголовное преступленіе! Да! уголовное преступленіе! Королева такъ разгнѣвана, что готова присудить тебя къ смерти. Хоть я и жалѣю тебя, но другого средства къ твоему спасенію нѣтъ: сейчасъ-же убирайся вонъ изъ замка и не показывайся на глаза; я выгоняю тебя! понимаешь?

Тизенгаузъ неустрашимо смотрѣлъ въ глаза говорившему.

— Государь!—началъ онъ.

— Молчи! Ничто не поможетъ!—прервалъ король.—Чтобы черезъ часъ тебя здѣсь не было!

Сказавъ это, Янъ Казиміръ съ безпокойствомъ осмотрѣлся вокругъ, потомъ быстро подошелъ къ Тизенгаузу и шепнулъ:

— Постарайся, чтобы кто-нибудь за тебя похлопоталъ передъ королевой. Я не знаю... Радзеевскій... или... ты долженъ просить прощенья.

Широко разведя руками, король наклонилъ голову, давая тѣмъ самымъ знать, что онъ ничего больше сдѣлать не можетъ...

Тизенгаузъ, несмотря на это, поблагодарилъ его за милость, поцѣловалъ руку и ушелъ гораздо болѣе спокойнымъ, чѣмъ казалось. Онъ былъ увѣренъ, что король, который любилъ его, нуждался въ немъ и привыкъ къ нему, найдетъ какое-нибудь средство спасти его. Дѣйствительно, Янъ Казиміръ сейчасъ-же шепнулъ канцлеру Радзивиллу, чтобы онъ какъ-нибудь оправдалъ передъ королевой этого сумасброда Тизенгауза и выпросилъ ему прощенье. И канцлеръ при первомъ удобномъ случаѣ выступилъ съ этимъ, но Марія Людвика не не позволила даже говорить о немъ. Здѣсь дѣло шло уже не о Радзеевскомъ, а о порядкѣ и дициплинѣ въ замкѣ. Послѣ Радзивилла въ защиту Тизенгаузу, также неудачно, выступилъ Волловичъ, затѣмъ вернулся кн. Альбрехтъ, увѣряя, что юноша полонъ раскаянія, что онъ сильно сожалѣетъ о своемъ необдуманномъ поступкѣ, сдѣланномъ въ первомъ порывѣ, что все его семейство убито горемъ. А такъ какъ канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о мѣстѣ старосты для своего кліента, за что обѣщалъ 30.000 и постоянно вмѣшивалъ Тизенгауза въ это дѣло, то ему показалось, что Марія Людвика наконецъ смягчилась. Тизенгаузу же было сказано, чтобы приведенный канцлеромъ въ покои королевы, онъ бросился ей въ ноги и просилъ прощенья. Такъ и случилось: Марія Людвика уступила настойчивымъ просьбамъ, но король совершенно не вмѣшивался въ это дѣло. Онъ даже сначала показывалъ видъ, что ни знать, ни видѣть не хочетъ своего прежняго пажа, долго не хотѣлъ вернуть ему своихъ милостей, но въ концѣ концовъ, черезъ *нѣсколько дней*, Тизенгаузъ снова принялъ на себя прежнія

обязанности. Разумѣется, первымъ и самымъ главнымъ его дѣломъ было при первомъ же появленіи Радзеевскаго въ замкѣ попасться ему на глаза. Радзеевскій сильно почувствовалъ это, но—какъ это бывало не разъ, когда его встрѣчала какая нибудь непріятность—онъ умѣлъ ослѣпнуть, оглохнуть и представиться, что онъ ничего не знаетъ. Королевѣ онъ даже не напоминалъ объ этомъ, не спрашивалъ. Все-таки онъ выигралъ тѣмъ, что выгналъ изъ дома королевскаго посла, который бунтовалъ его жену, ибо онъ былъ увѣренъ, что Янъ Казиміръ подстрекалъ ее къ сопротивленію.

Гораздо болѣе важныя дѣла занимали теперь умы всѣхъ. Казаки, нарушивъ договоръ, снова подняли бунтъ, король вмѣстѣ съ королевой работали надъ тѣмъ, чтобы выставить противъ нихъ какъ можно большую силу, которая дѣлала-бы побѣду несомнѣнной. Король, побуждаемый королевой и самъ все болѣе оживляемый рыцарскимъ духомъ, былъ полонъ рвенія и пыла. Въ немъ произошла большая перемѣна къ лучшему: отъ равнодушія и охлажденія, какія овладѣли имъ послѣ зборовскаго договора, онъ снова переходилъ къ увѣренности въ себя, въ Рѣчь Посполитую и помощь Божью.

Все готовилось къ войнѣ; королева никогда не была болѣе дѣятельна, оживлена и занята ею, какъ теперь.

Собирались огромныя силы, которыя должны были встать подъ начальство короля, кромѣ постояннаго войска. Сенаторы, магнаты, епископы, состоятельная шляхта — выставляли по нѣскольку сотъ людей.

Между тѣмъ, Хмѣльницкій съ казаками уже разгуливалъ на Волыни, гетманъ Калиновскій торопилъ съ помощью; по воеводствамъ разсылались манифесты, чтобы приготовленные полки собирались какъ можно живѣе.

Стжембошъ также, согласно условію, хотѣлъ поспѣшить къ своему дядѣ подъ Люблинъ, попросилъ у короля позволенія, но Янъ Казиміръ, какъ разъ пополнявшій свой отрядъ, состоящій изъ 400 придворныхъ, не хотѣлъ его отпустить. Поэтому онъ принужденъ былъ пока остаться, чтобы впослѣдствіи перейти къ Ксензкому. Онъ надѣялся добиться этого, поставивъ вмѣсто себя кого-нибудь другого, такъ какъ молодежь охотно кидалась въ королевскій отрядъ.

Движеніе въ замкѣ, въ столицѣ, во всей странѣ было огромное. При тогдашнемъ способѣ организаціи немалую трудность представляло создать изъ ничего полкъ и выступить съ нимъ въ поле. Смѣло можно было сказать, что за 100 драгунами тащилось по крайней мѣрѣ столько же возовъ и дворни. Такъ что часто обозы бывали почти больше, чѣмъ самое войско, и эти слуги, какъ то было подъ Зборовымъ, привязавъ къ жердямъ скатерти и простыни, вмѣсто знаменъ, выступали противъ непріятелей и храбро сражались.

Всѣ до такой степени казались увѣренными въ побѣдѣ, что королева сама даже хотѣла сопутствовать мужу, а Радзеевскій, конечно, не безъ нѣкотораго разсчета, шепнулъ женѣ, что и она можетъ съ нимъ ѣхать, на что канцлерша сначала съ удовольствіемъ согласилась. Во всемъ его поведеніи, на видъ непонятномъ, было множество разставленныхъ сѣтей, затянутыхъ узловъ, приготовленныхъ на всякій случай средствъ, которыя могли-бы обезпечить ему вліяніе и выгоду. Съ одной стороны онъ старался привлечь къ себѣ королеву, слегка и осторожно унижая въ ея глазахъ мужа и возвышая ее; съ другой—готовъ былъ черезъ жену привлечь къ себѣ короля, подозрѣвая въ немъ большое къ ней расположеніе. Всѣ эти интриги не очень хорошо ему удавались. Королева, правда, слушала, охотно пользовалась его услугами, но была слишкомъ умна, чтобы не чувствовать въ этомъ обмана и не понять интриги. Король, меньше знающій людей, болѣе снисходительный, легче забывающій обиды, переносилъ подканцлера, но инстинктивно не могъ его терпѣть и не дозволялъ черезчуръ сблизиться, что выводило изъ себя Радзеевскаго, такъ какъ онъ зналъ Яна Казиміра очень снисходительнымъ къ другимъ. Чѣмъ больше онъ навязывался, тѣмъ яснѣе высказывалъ ему Янъ Казиміръ свое отвращеніе.

Весна уже давала себя чувствовать.

Стжембошъ, собираясь идти въ полкъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ проститься съ Біанкой, но теперь до нея трудно было добраться, такъ какъ мать караулила ужасно. Нѣсколько дней *онъ ходилъ въ костелъ* Доминикановъ, подкарауливалъ на до-

рогѣ, но не могъ съ ней встрѣтиться. Стоя на часахъ у ихъ дома, онъ даже въ окнѣ не замѣчалъ никого, кромѣ старой Бертони. Не даромъ терялъ онъ время и при дворѣ. Поэтому, утромъ, помогая королю одѣваться, онъ сболтнулъ, что старая Бертони очень печалится и горюетъ, что можетъ быть государь утѣшитъ ее какимъ-нибудь доказательствомъ своей памяти. Король не былъ въ духѣ и проворчалъ:

— А тебѣ что за дѣло?

Наступило молчаніе. Стжембошъ не смѣлъ уже слова сказать, но Янъ Казиміръ подумалъ о старой знакомой. У него не было теперь никого, кто бы приносилъ извѣстія отъ подканцлерши. Итальянку нельзя было употребить на это, но черезъ нее отыскать кого-нибудь... добраться до кого-нибудь изъ прислуги. Король былъ уже совершенно одѣтъ, когда онъ съ нахмуреннымъ лицомъ обратился къ Стжембошу:

— Иди, скажи этой старухѣ, чтобы она зашла вечеромъ.

Дызмѣ больше ничего не надо было. Бросивъ все, онъ побѣжалъ на рынокъ. На этотъ разъ ему такъ повезло, что онъ какъ разъ встрѣтилъ возвращавшуюся изъ костела Біанку. Дѣвушка сильно удивилась, что онъ осмѣлился проводить ее по лѣстницѣ до самаго верха. Тщетно старалась его отогнать старая компаньонка.

— Я присланъ сюда отъ короля, — проговорилъ Стжембошъ,—поэтому я иду смѣло.

По лѣстницѣ путь продолжался очень медленно. Дызма каждую минуту останавливался, дѣвушка не очень торопилась. Но наконецъ двери наверху растворились, смѣхъ на лѣстницѣ по неосторожности сдѣлался очень громкимъ. Бертони взглянула внизъ и начала кричать благимъ матомъ. Стжембошъ ей кланялся.

— Хорошо же вы принимаете королевскаго посла! Я присланъ къ вамъ отъ его величества.

— Врешь!—гнѣвно воскликнула итальянка.

— Я говорю святую правду.

Между тѣмъ Дызма поднялся за Біанкой наверхъ, но старуха прежде всего занялась тѣмъ, чтобы убрать дочь и запереть ее на ключъ, и тогда только вышла къ нему, сильно взбѣшенная.

— Наказанье Господне съ этимъ нахаломъ,—начала она, входя.—Неужели королю больше некого было послать ко мнѣ!

— Конечно, государь бы имѣлъ на выборъ десятки слугъ на мое мѣсто,—промолвилъ Стжембошъ,—но вы видите ясно, что онъ покровительствуетъ мнѣ и моей любви и поэтому всегда меня сюда присылаетъ.

Бертони прикусила губы.

— Ну, исполняй же свое порученіе: мнѣ некогда, — сухо сказала она.

— Государь приказалъ мнѣ сказать, чтобы вы сегодня вечеромъ явились въ замокъ, но не обращались бы ни къ кому кромѣ меня, и я васъ проведу.

У старухи лицо даже почернѣло со злости, она бормотала что-то, но такъ невнятно, что Стжембошъ могъ только догадываться о проклятіяхъ. Она ничего не отвѣчала. Онъ ждалъ.

— Что же мнѣ сказать королю?- спросилъ онъ.

Наконецъ, Бертони обратилась къ нему съ презрительнымъ видомъ.

— Приду,—сказала она,—но ты не воображай, чтобы я когда-нибудь, хотя бы ты имѣлъ Богъ знаетъ какую протекцію у короля, позволила тебѣ приблизиться къ моему ребенку. Ты уже сто разъ впрочемъ слыхалъ это отъ меня.

— Да,—отвѣтилъ Дызма,—слышалъ, слушаю и—не вѣрю.

Онъ хотѣлъ продолжать, но итальянка, взбѣшенная до нельзя, бросилась къ дверямъ и вышла, запирая ихъ за собой.

Дызма долженъ былъ убираться.

Вечеромъ король самъ спросилъ про итальянку. Стжембошъ ввелъ ее. Янъ Казиміръ стоялъ смущенный.

— Видишь,—сказалъ онъ ей,—я приготовляюсь къ большой войнѣ. Надо покончить съ этимъ проклятымъ мужичьемъ. Вскорѣ мы выступимъ.—Онъ раза два прошелся по комнатѣ.

— Есть у тебя кто-нибудь знакомый изъ окружающихъ подканцлершу?—спросилъ онъ, вдругъ останавливаясь передъ старухой.

— Га! это еще не выдохлось!—воскликнула Бертони.

Король наморщился.

— Не думай о ней плохо,—серьезно сказалъ онъ.—Это *несчастная женщина,* выбрала себѣ такого мужа...

— Который не позволяетъ ей вѣтренничать? — разсмѣялась итальянка, но Янъ Казиміръ топнулъ ногой объ полъ и разсердился.

— Не смѣй говорить мнѣ этого!

Итальянка подернула плечами, подперла лицо рукой и стояла молча.

— Есть у тебя кто-нибудь знакомый изъ ея свиты? — повторилъ король.

— Конечно, есть,—начала Бертони.—Сама пани подканцлерша была ко мнѣ очень милостива когда-то, покупала у меня кружева, шелкъ.

Смягчаясь, король подступилъ къ ней.

— Зайди туда, но не отъ меня; узнай, что тамъ дѣлается? Какъ они между собой? Этотъ грубіянъ дѣлаетъ ей все наперекоръ. Она обливается слезами. Узнай... придешь донести мнѣ... но обо мнѣ не должно быть рѣчи. Я король и опекунъ,— больше ничего. Понимаешь? А если плохо исполнишь порученіе, то не показывайся мнѣ больше на глаза.

Онъ говорилъ такъ серьезно, рѣшительно, по-королевски, что итальянка, привыкшая обходиться съ нимъ очень безцеремонно, на этотъ разъ присмирѣла. Она только воспользовалась аудіенціей, попросивъ сначала, чтобы король никогда не посылалъ къ ней Стжембоша.

На третій день Бертони была уже въ замкѣ и старалась черезъ кого-нибудь другого изъ придворныхъ попасть къ королю, но тѣ, предупрежденные заранѣе, отдѣлывались отъ нея, пока пришелъ Стжембошъ. Съ большой предупредительностью ввелъ онъ ее въ гардеробъ, ибо король привыкъ здѣсь принимать подобные визиты.

Бертони начала разсказывать съ большимъ оживленіемъ.

— Я добралась до подканцлерши, но если бы не кружева и шелкъ, то меня навѣрное бы не допустили, — такой тамъ строгій надзоръ за всѣми, кто входитъ во дворецъ. Ахъ, какъ она измѣнилась, похудѣла, пожелтѣла, глаза заплаканные; но она справится сама—въ ней замѣтна госпожа. Я бы не пожелала быть на мѣстѣ ея мужа.

Король повелъ плечами.

— Я должна была вести себя очень осторожно,—продол-

жала Бертони,—потому что въ такихъ домахъ не новость подслушиваніе подъ дверьми. Наконецъ, улучивъ удобную минуту, я шепнула ей, что... можетъ быть я пришла къ ней не отъ себя, что высокая особа очень безпокоится о ея судьбѣ... но, сохрани Богъ, о вашей любви и рѣчи не было... Сначала бѣдная женщина начала плакать, а потомъ стала проклинать тотъ день и часъ, когда она отдала ему свою руку! Ну, я тамъ не знаю, но они должно быть не уживутся. Она не потеряла мужества. Потомъ говоритъ мнѣ: „У меня есть два брата, очень ко мнѣ привязанные; нужно будетъ: они придутъ ко мнѣ на помощь. Я не позволю продѣлать со мной то, что онъ продѣлывалъ съ двумя первыми жертвами, которыхъ онъ замучилъ и ограбилъ, нѣтъ! Я буду для него Божьей карой за всѣ его грѣхи. Онъ сдѣлалъ меня несчастной; я тоже не дамъ ему насладиться покоемъ, потому что онъ его не стоитъ“.

Итальянка немного остановилась, король слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и на лицѣ его жалость смѣнялась негодованіемъ. Бертони продолжала:

— Потомъ, снова поплакавши, она говоритъ мнѣ: „въ послѣднее время мужъ нѣсколько смягчился, я тоже не объявляю войны. Мы какъ будто-бы живемъ въ покоѣ, но онъ не долго продержится. Онъ былъ даже настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ сопровождать его въ походѣ, такъ какъ королева, кажется, тоже собралась ѣхать“.

— Пусть и она ѣдетъ! — прервалъ король съ замѣтной радостью.

— Она тоже ничего не имѣетъ противъ этого, но говоритъ, что это хитрость съ его стороны, что, или не довѣряя ей, онъ желаетъ взять ее съ собой, или онъ замышляетъ что-то, о чемъ теперь трудно догадаться.

— Бояться нечего, она найдетъ защитниковъ,—вырвалось у короля.—Въ походѣ, на людскихъ глазахъ, онъ не можетъ ее преслѣдовать.

Бертони говорила еще:

— Бѣдняжка! а какое тамъ богатство и роскошь вокругъ нея! Да что-же изъ того, когда все облито слезами.

Король потиралъ руки.

— Моя Бертони,—сказалъ онъ,—если ужъ разъ ты сумѣла туда втереться и кружева открываютъ тебѣ двери, какъ только можно будетъ, узнай опять и сообщи мнѣ.

— Хорошо, мой король,—проговорила она,—но пусть же и мнѣ будетъ что-нибудь за этотъ трудъ, а я не требую ничего больше, какъ только, чтобы ты не присылалъ мнѣ этого молокососа своего Дызму, потому что онъ завлекаетъ мою дочь, а я ее ему не отдамъ,

Король улыбнулся.

— Онъ славный малый, честный, красивый, и я люблю его. Что ты противъ него имѣешь?

— Во-первыхъ, онъ голъ, какъ соколъ,—воскликнула раздраженная Бертони, — во-вторыхъ, у него ни кола, ни двора, фамилія чортъ знаетъ какая, а я отдамъ свою дочь только за сенатора.

Король началъ смѣяться.

— Чтобы она была съ нимъ такъ счастлива, какъ подканцлеша съ этимъ мужикомъ!

Сказавъ это и не продолжая уже разговора, онъ вышелъ.

VII

Въ лагерѣ подъ Люблиномъ, куда стекались войска, было теперь гораздо больше жизни и движенія, чѣмъ въ столицѣ. Знакомый намъ Ксензкій—былъ теперь ротмистромъ дивизіи Любомірскаго и туда привезъ съ собой свою веселость, остроту, воинственный духъ и готовность къ битвѣ. Она изобиловала подобными ему ветеранами, посѣдѣвшими на службѣ Рѣчи Посполитой. Передъ выступленіемъ короля изъ Варшавы, когда Стжембошъ убѣдился, что въ королевскомъ полку ему трудно удержаться, благодаря требуемому отъ его товарищей дорогому вооруженію, онъ отпросился къ дядѣ и поспѣшилъ въ Люблинъ. Ему казалось, что, когда онъ пріѣдетъ туда, то ничего не будетъ легче, какъ отыскать Ксензкаго, но станъ былъ такъ великъ, что хотя и всѣ знали Сташка, однако никто не могъ сказать, гдѣ его искать.

Убивъ весь день на розыски, только уже подъ вечеръ измученный, голодный, Стжембошъ наткнулся наконецъ на корчму, гдѣ стоялъ Ксензкій. Встрѣча была очень сердечная. У Ксензкаго, какъ и всегда, комната была наполнена друзьями; только здѣсь, разсмотрѣвъ ихъ, Стжембошъ могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о старомъ рыцарствѣ.

Одѣты были очень странно, одни по черкески, другіе по татарски, по итальянски, одежда то очень короткая, то слишкомъ длинная, а лица изрубленныя, нѣкоторыя почти до костей, то безъ глаза, то со щекой, провалившейся отъ пули, но всѣ гордые, строгіе, а настроеніе духа такое же разнообразное, какъ и лица. Нѣкоторые, какъ сѣли на лавку и оперлись руками о столъ, такъ и сидѣли цѣлый часъ, не произнося ни слова, у другихъ ротъ не закрывался; нѣкоторые напѣвали. Молокососа сейчасъ же стали разспрашивать.

— Когда король выступаетъ изъ Варшавы? Прямо ли направлятся въ Люблинъ? Правда-ли, что королева слѣдуетъ за нимъ со всей своей свитой?

— Пусть-бы не позабыли и о музыкѣ, — сказалъ Ксензкій, — пока мы запляшемъ татарскую, можно бы пройтись и гавотъ...

— Но вѣдь это просто курамъ на смѣхъ, — замѣтилъ одинъ старикъ, — мало и такъ у насъ возовъ, чтобы еще набивать лагерь бабами? Дойдетъ дѣло до столкновенія съ казаками: надо будетъ цѣлую дивизію оставить караулить.

— Мнѣ кажется, — прервалъ Стжембошъ, — что королева только проводитъ мужа, а какъ только мы услышимъ о непріятелѣ, вернется въ Варшаву. Правда, про ея мать говорятъ, что она была истая амазонка и очень воинственнаго духа, но я не думаю, чтобы она пожелала сама сѣсть на коня.

— Что касается короля, — продолжалъ Стжембошъ, — то никто никогда не видѣлъ его въ болѣе возбужденномъ состояніи, чѣмъ теперь.

— Дай только Богъ, чтобы ополченіе не обмануло надежды!

Долго продолжались бесѣды у Ксензкаго, но въ сумерки, всѣ начали расходиться.

Стжембошъ остался при дядѣ.

— Ахъ, отецъ мой!—воскликнулъ Дызма, когда всѣ ра-
ошлись и они остались одни,—ей-Богу, живя столько лѣтъ
а свѣтѣ, я все-таки видалъ много людей, но такихъ, какихъ
встрѣтилъ сегодня, я никогда не встрѣчалъ.

Ксензкій разсмѣялся.

— Что же ты въ нихъ видишь особеннаго?

— Все,—отвѣчалъ Стжембошъ,—начиная съ головы и
о пятокъ, не исключая рѣчи и обычаевъ.

— Да, это не мѣщане,—говорилъ Ксензкій,—воспитан-
ые въ клѣткѣ, но настоящіе старые рыцари, выросшіе и
осѣдѣвшіе въ полѣ. Ты видѣлъ на лавкѣ этого великана въ
обыкновеннномъ плащѣ, съ худымъ лицомъ, остроконечной
оловой, ввалившимися щеками, проницательнымъ взоромъ, уже
молодого, который постоянно теръ столъ ладонью, такъ
ука чесалась отъ бездѣйствія? Это у насъ славный человѣкъ.
еперь онъ намъ ни на что не пригодится; но пусть бы приш-
ось идти въ чужую землю, заняться непріятелемъ, безъ этого чело-
вка всѣ бы съ голода поумирали. Когда лошадямъ нужно
ло сѣно, а людямъ хлѣбъ, тамъ, гдѣ десять человѣкъ про-
ли и ничего не нашли, нашъ Венгоржевскій, неизвѣстно ка-
имъ образомъ, добывалъ и хлѣбъ, и провіантъ. Его отправ-
ли, онъ ѣхалъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, ос-
атриваясь вокругъ, молча или охая и вздыхая, и никогда не
возвращался съ пустыми руками. Тѣ, которые видѣли, какъ
ъ дѣйствовалъ, не могли нахвалиться его проницательностью.
акъ собаки выслѣживаютъ звѣря, такъ онъ умѣлъ выслѣ-
ивать разные склады. Венгоржевскій такъ умѣлъ дѣйство-
ать, что люди сами себя выдавали. Тогда онъ забиралъ все,
о давалъ росписки. Сохрани Богъ, чтобы онъ когда-нибудь
го-нибудь взялъ безъ росписки. Пусть бѣдняки хоть этимъ
оскуткомъ бумаги потѣшатся,—говорилъ онъ.—Заплатятъ-ли
имъ за это, не мое дѣло, а не могу-же я дать людямъ и
ошадямъ издыхать съ голода!» На жалобы Венгоржевскій
свѣчалъ, складывая руки:

«Жаль мнѣ васъ, бѣдные люди, но война имѣетъ свои
рава, просите у Бога избавленія отъ голода, огня и войны;
ничего не могу подѣлать». Тотъ, что за столомъ сидѣлъ,
ли вѣрнѣе лежалъ на лавкѣ, огромнаго роста человѣкъ, съ

огромнымъ носомъ, костлявый, молчаливый,—я не знаю, видѣлъ-ли ты его?

— Еще-бы!—возразилъ Стжембошъ:—я всѣхъ ихъ запомнилъ; онъ показался мнѣ тяжелымъ и мѣшковатымъ.

Ксензкій разсмѣялся.

— Это знаменитый воинъ, по имени Пжецлавъ Горжинскій. Сколько этотъ человѣкъ людей изрубилъ—и не перечесть, и всегда однимъ способомъ. Правда, у него и конь уже пріученъ къ этому. Въ стычкахъ онъ всегда становится въ первомъ ряду и съ краю. На лошади онъ не кажется такимъ сильнымъ, потому что у него длинныя ноги и короткое туловище. Онъ выѣзжаетъ несмѣло, медленно; кто-нибудь столкнется съ нимъ, онъ сдѣлаетъ два-три взмаха саблей—и начинаетъ удирать. Непріятель, конечно, преслѣдуетъ его; немножко отъѣхавъ, онъ убавляетъ шагъ, подпуститъ непріятеля почти себѣ на шею, да потомъ какъ обернется, какъ хватитъ со всего размаху саблей, такъ или лобъ раскроитъ, или голову отрубитъ. Затѣмъ, вытеревъ мечъ, медленнымъ шагомъ опять въ ряды. Въ сжатомъ строѣ ему тѣсно, онъ самъ не свой, дерется неохотно, только когда ему удается выманить кого-нибудь въ полѣ—тамъ уже онъ какъ дома. Разъ, онъ, вернувшись домой изъ татарскаго похода, говорятъ, привезъ съ собой въ Троки мѣшокъ у сѣдла. Хозяйка, обнявъ мужа, начала разсматривать его узелки. Попался ей подъ руку мѣшокъ «А это что?» Панъ Пжецлавъ скривился.—«Э, это... мы ѣхали черезъ еловый лѣсъ, я насбиралъ себѣ рыжиковъ, да только, пожалуй, несвѣжіе будутъ». Она начала скорѣе развязывать мѣшокъ, заглянула въ него, вскрикнула и чуть не упала. Мѣшокъ былъ наполненъ отрѣзанными татарскими ушами. Хотѣли сейчасъ-же выкинуть, но онъ заставилъ сначала сосчитать. Ужъ я тамъ не знаю, сколько ихъ тамъ было—но только онъ клялся, что больше какъ по одному уху съ головы не бралъ. Подожди, братъ,—смѣясь, прибавилъ Ксензкій,—осмотрись только вокругъ. Это не королевскіе покои, гдѣ нарядные, точно восковыя куклы, паничи стоятъ, похожіе одинъ на другого; каждый таковъ, какимъ его Богъ создалъ.

На другой день Ксензкій повелъ своего племянника по *всему лагерю, по* знакомымъ пріятелямъ. Полки еще медленно

обирались и устанавливались со своими начальниками. Не егко было Ксензкому отыскать своего полковника Надольскаго, оторому онъ хотѣлъ представить и поручить своего племянника.

Надольскій былъ,—какъ говорили,—скупъ, и онъ, дѣйствительно, могъ такимъ показаться, хотя на самомъ дѣлѣ его ожно-бы назвать суровымъ. Тогда какъ одни полковники были лишкомъ радушны, цѣлый день принимая гостей съ накрытымъ столомъ, добиваясь такимъ путемъ популярности, этотъ овсе не накрывалъ столовъ и самое большое, если угостилъ ого-нибудь рюмкой водки и закуской.

— Тѣмъ господамъ, которые ко мнѣ приходятъ, моя ложка упа или кусокъ жаркого не такъ-то нужны, а если я ихъ О человѣкъ накормлю и напою, такъ это сдѣлаетъ мнѣ дыру ъ карманѣ. Лучше я отдамъ бѣдному.

Поэтому, у него не было ни большой палатки, ни прислуги. оскоши и пышности онъ тоже не терпѣлъ вокругъ себя.

Когда, исходивъ вдоль и поперекъ весь лагерь, они очутились наконецъ въ углу, гдѣ стояла простая войлочная палатка адольскаго, они застали его дома, съ полковымъ писаремъ, реестромъ. Это былъ человѣкъ уже не молодой, сухой, съ одстриженными усами, гладко выбритой головой, одѣтый такъ, го въ немъ трудно было угадать начальника. Въ темной епаньѣ, надѣтой на красный жупанъ, въ черныхъ высокихъ сапохъ, онъ скорѣе походилъ на гречкосѣя, чѣмъ на солдата, хотя ъ всю жизнь провелъ въ войскѣ. Но это былъ солдатъ, своего ода, котораго всѣ очень боялись. Онъ никому не давалъ спуска, но зато никого изъ своихъ не дозволялъ обидѣть и заботился объ нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ. Когда, войдя въ палатку, Ксензкій представилъ ему своего племянника, Надольскій началъ пристально осматривать его. Узнавъ, что онъ пришелъ сюда прямо отъ двора, онъ немного поморщился.

— Ты являешься къ намъ оттуда, гдѣ всѣ люди балуются.

— Поэтому-то я и хотѣлъ имѣть его при себѣ,—прервалъ сензскій,—чтобы онъ не обабился при дворѣ. Малый здоровый и желанье есть, пусть только закалитъ себя—и изъ него выйдетъ отличный солдатъ.

— Дай-то Богъ,—прибавилъ Надольскій, и спросилъ Стжемоша:

— Скоро-ли прибудетъ къ намъ нашъ государь?

— Я думаю, что скоро,—сказалъ Дызма,—такъ какъ онъ самъ сгораетъ нетерпѣніемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пришли вѣсти отъ гетмана Калиновскаго, но трудно собраться со всѣмъ дворомъ, къ тому-же и королева провожаетъ...

— Я слышалъ объ этомъ и не хотѣлъ вѣрить,—возразилъ Надольскій.—Мы вѣдь не будемъ здѣсь играть комедій, на которыя ей интересно было-бы посмотрѣть. Бабамъ, хотя-бы и самой королевѣ, здѣсь не мѣсто.

— Кромѣ королевы, за ней, кажется, собирается много другихъ,—прошепталъ Стжембошъ.

— Этого еще не доставало,—проворчалъ Надольскій.—Казаки навѣрное порадуются этому, потому что женщины безъ бездѣлушекъ и драгоцѣнностей не поѣдутъ, а это для нихъ хорошая добыча.

Полковникъ плюнулъ, потомъ взглянулъ на бумагу писаря, который сидѣлъ, въ ожиданіи диктованія,—и сказалъ Ксензкому:

— Возьми же этого новичка въ свои руки и съ самаго начала не оказывай ему ни въ чемъ снисхожденія, если только хочешь изъ него имѣть хорошаго солдата.

На этомъ разговоръ кончился, потому что Надольскій взялся бумагу, а это значило, что больше мѣшать ему не годилось.

Они уже возвращались, съ трудомъ пробираясь между палатками и шалашами, возами и лошадьми, какъ вдругъ до слуха ихъ донеслись крики, возгласы «ура», тосты и смѣхъ, раздававшіеся изъ большой палатки, окруженной нѣсколькими маленькими. Ксензкій остановился, желая какъ-нибудь избѣгнуть этого собранья.

— Если насъ здѣсь подцѣпятъ,—промолвилъ Ксензкій,—не легко намъ будетъ вырваться. У Надольскаго не на что было сѣсть и негдѣ повернуться нѣсколькимъ человѣкамъ, а у пана стражника Марьяна Яскульскаго, какъ видишь, съ утра и до вечера постоянно множество гостей.

Тщетно Ксензкій искалъ какого-нибудь выхода, который далъ бы ему возможность какъ-нибудь обойти Яскульскаго, но *направо обвалилась* земля и былъ такой крутой обрывъ, что

нельзя было пройти, а слѣва густо стояли палатки, соединенныя между собой возами. Поэтому, ничего не оставалось, какъ пройти незамѣченными бокомъ, что для Ксензкаго, извѣстнаго всѣмъ и всѣми любимаго, было немыслимо. И дѣйствительно, только что они приблизились, какъ Клодзинскій, старый ротмистръ, съ огромнымъ кубкомъ стоящій съ края пировавшихъ, вскричалъ:

— Сташекъ! Стой! пароль! Не удерешь! взять его. Свой не знаетъ пароля!

А тутъ уже толпой бросились изъ палатки товарищи, крича „Ксензкій! Ксензкій!“ и самъ Яскульскій выбѣжалъ ему на встрѣчу крича:

— Гдѣ? гдѣ? Подайте его сюда... подайте!

Удирать уже не было никакой возможности. Передъ ними стоялъ уже панъ стражникъ и съ радушной улыбкой привѣтствовалъ Ксензкаго, какъ желаннаго гостя.

Среднихъ лѣтъ, но выглядѣвшій очень молодымъ, свѣжій, румяный, съ красивымъ лицомъ, съ рыцарскимъ выраженіемъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то такое привлекательное, что никакъ нельзя было устоять противъ его просьбъ. Хорошій товарищъ, услужливый, добрый, готовый на все, онъ былъ однимъ изъ любимцевъ цѣлаго лагеря и былъ извѣстенъ почти всѣмъ. По костюму, довольно коротко подрѣзанному по послѣдней модѣ, хорошо сшитому, хотя уже поношенному и преждевременно залитому пятнами за столомъ, видно было, что Яскульскій любилъ наряжаться и хотѣлъ казаться красивымъ. Знали за нимъ его страсть и женщины, которыя также льнули къ нему. Закрученные кверху усики, волосы въ букли, глаза черные, полные огня, уста розовыя, улыбающіяся, щеки розовыя, свѣжій цвѣтъ лица,—все это дѣлало его гораздо моложе, чѣмъ онъ былъ.

— Ксензкій,—кричалъ онъ,—не дѣлай мнѣ такой обиды, чтобы пройти мимо моей палатки, не помочивъ усы и не разломавъ хлѣба.

— Дорогой стражникъ,—сказалъ Ксензкій,—некогда мнѣ, я веду новичка, своего племянника, котораго надо снарядить съ головы до пятокъ, а у меня такъ мало времени.

Онъ указалъ на Стжембоша.

— Ну, такъ—какъ разъ, значитъ, надо облить виномъ новичка!—вскричалъ Яскульскій.—Долженъ же онъ быть окрещенъ.

— Стражникъ мой,—прервалъ Сташекъ,—онъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы, отъ двора, а тамъ некрещеныхъ не держатъ.

Между тѣмъ уже несопротивляющагося Ксензкаго подхватили и потащили въ палатку, а Стжембошъ долженъ былъ за нимъ слѣдовать. Столъ, къ которому ихъ притащили, походилъ уже на завоеванный городъ. Не было на немъ недостатка въ полныхъ блюдахъ и кувшинахъ, но опорожненныхъ было еще больше, а накрошеннаго хлѣба, опрокинутыхъ стакановъ и кубковъ валялось множество. На землѣ также звенѣло подъ ногами битое стекло. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ сидѣли еще кучками передъ кувшинами, нѣкоторые спали, положивъ головы на руки: вокругъ стола ходили, толпились, толкали, разговаривали.

Хмѣль, татары, король, народное ополченіе, обѣщанные полки пановъ составляли темы всѣхъ разговоровъ.

— На этотъ разъ,—говорилъ съ огромными усами шляхтичъ, на которомъ платье чуть не лопалось,—такъ было ему тѣсно, что отлично обрисовывало его огромную, сильную, хорошо сложенную фигуру,—на этотъ разъ ополченіе не обманетъ, отовсюду приходятъ самыя лучшія извѣстія. Сами воеводы ведутъ, князь Доминикъ тоже идетъ!

Онъ презрительно разсмѣялся, поводя плечами.

— Въ томъ только вопросъ, долго ли выдержитъ съ нами въ полѣ шляхта, потому что она затоскуетъ по домѣ, а ужъ если ей захочется женинаго сунца, такъ ужъ никакая сила ее не удержитъ!

— Я дольше, какъ за 6 недѣль не ручаюсь,—замѣтилъ другой.

— А если война такъ скоро не кончится, тогда что?—спросилъ усатый великанъ.

— То она падетъ на наши плечи,—воскликнулъ другой,—и мы должны будемъ ее доканчивать.

— А я такъ думаю,—сказалъ другой,—что если Богъ ужъ очень немилостивъ будетъ, то все дѣло даже четырехъ *недѣль не протянется*. Такое войско, какъ будетъ наше, ни

татары, ни казаки еще въ жизни не видывали. Если мы навалимъ на нихъ всей массой, мы ихъ въ порошекъ сотремъ.

Стоящій рядомъ недовѣрчиво разсмѣялся.

— А между тѣмъ, говорятъ,—воскликнулъ кто-то сбоку,—что Хмѣль, приглашая хана и уговаривая его нарушить союзъ, увѣрялъ, что только теперь онъ идетъ за добычей, и будетъ горстями брать медъ изъ этого улья, нисколько не боясь пчелъ.

— И ханъ далъ себя уговорить,—сказалъ другой.—Какъ слышно, тащится огромная орда и производитъ страшныя опустошенія.

— Мы имъ отмстимъ,—вмѣшался подошедшій Яскульскій.—Я знаю навѣрное, что король, собираясь выступать, совѣтовался съ астрологами; звѣзды пророчатъ большую побѣду...

— Я звѣздамъ не вѣрю! проворчалъ другой.

Ксензкій и Стжембошъ, поблагодаривъ за ѣду, должны были все-таки опрокинуть по кубку съ хозяиномъ, а Дызму, какъ пріѣхавшаго изъ Варшавы, сейчасъ же подхватили на допросъ, что тамъ дѣлается.

— Я слышалъ,—сказалъ Яскульскій,—что въ Люблинъ прибудетъ папскій нунцій къ королю; для него уже приготовлена квартира.

Вскорѣ разговоръ отъ двора перешелъ къ войску. Стали высчитывать, что каждый изъ пановъ ведетъ съ собою.

— Два брата Пясецкіе, не очень богатая шляхта, на свой счетъ выставляютъ полкъ,—сказалъ кто-то.

— Поэтому, что же удивительнаго, что Радзеевскій выступитъ съ конницей, которую онъ обмундируетъ и вооружитъ изъ цейхгауха Казановскихъ?

— Сами Радзивиллы ведутъ пять или больше полковъ,—прибавилъ кто-то другой.

— Шляхтичъ Фредро сто коней.

— Денгофъ также нѣсколько сотъ.

— Князь Доминикъ нѣсколько полковъ,—разговаривали гости.

— Для князя Доминика этого мало, если ужъ Пясецкіе даютъ полкъ,—прервалъ Ксензкій.—Соразмѣривъ силы, сотня пана Фредры больше стоитъ чѣмъ тысячи Замойскаго.

— Замойскій выставитъ больше!—выступилъ на защиту кто-то.

Вообще всѣ смотрѣли въ будущее очень спокойно. Несмотря на приходившія извѣстія о разграбленіи татарами нѣсколькихъ городовъ, которые стояли открытыми, не падали духомъ, потому что, съ другой стороны, гдѣ только былъ укрѣпленный городокъ или какой нибудь валъ, тамъ побѣдоносно защищались гарнизоны.

Кромѣ серьезныхъ разговоровъ можно было наслушаться достаточно и пустой болтовни, разныхъ анекдотиковъ, которыми угощали другъ друга, не пренебрегая никакими средствами, чтобы вызвать смѣхъ. Тамъ и сямъ раздавались пѣсенки, которыя поются только въ мужской компаніи...

Не скоро удалось Ксензкому, подавъ знакъ Стжембошу, тихо и незамѣтно встать изъ за стола и выбраться изъ этого табора, тщательно избѣгая другихъ подобныхъ гостепріимныхъ палатокъ, въ которыхъ раздавались пѣнье, музыка и смѣхъ.

— Все такъ весело начинается,—сказалъ Ксензкій,—хотя часто оканчивается очень грустно. Дай Богъ, чтобы мы въ такомъ же настроеніи вернулись на зимнія квартиры, домой. Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, но я боюсь, когда человѣкъ слишкомъ много себѣ обѣщаетъ.

VIII.

Казалось, все, что только жило, стекалось теперь въ Люблинъ съ королемъ или за королемъ, хотя ничто не должно было здѣсь рѣшиться, и сборнымъ пунктомъ ополченія былъ назначенъ Константиновъ. Но говорили, что Янъ Казиміръ, очень набожный, хотѣлъ на этотъ походъ получить благословеніе дерева Св. Креста, довольно большой обломокъ котораго, какъ извѣстно, сохранялся въ костелѣ ксендзовъ Доминикановъ; поговаривали также и о благословеніи, которое долженъ былъ привезти ему сюда папскій нунцій изъ Рима.

Все это привело сюда и тѣхъ, которымъ необходимо было здѣсь присутствовать, и такихъ, которыхъ влекло сюда простое любопытство и, наконецъ, даже тѣхъ, которые въ мутной *водѣ рыбу ловятъ, или*, по крайней мѣрѣ, воду мутятъ. Къ

этимъ послѣднимъ могъ причислиться и знаменитый въ свое время буянъ и забіяка, не уступающій ни одному изъ тѣхъ, которые при Баторіи подняли въ сеймѣ борьбу съ королевскимъ величіемъ, чтобы показать могущество шляхты,—панъ подчашій Сандомірскій, Мацѣй Дембицкій. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, вмѣсто того, чтобы кланяться и льстить двору, старались войной и угрозами добиться отъ него, чего они требовали, и, наконецъ, хвастались тѣмъ, что шляхта считала ихъ защитниками золотой свободы. Сердечный другъ и пріятель пана Радзеевскаго, приготовлялся панъ подчашій, какъ только пробьетъ часъ, ударить на короля, встать рядомъ съ подканцлеромъ, подъ его знамя. Онъ по прозванію своему былъ забіякой. Гдѣ только собиралось нѣсколько человѣкъ на совѣщаніи, званый-ли, нѣтъ ли,—онъ спѣшилъ туда, чтобы надѣлать шуму и не допустить до согласія. Ему никогда не было дѣла до самой сути дѣла, ему нуженъ былъ только удобный случай похвастаться: вотъ, молъ, я вѣрный стражъ свободы, все бодрствую на своемъ посту. Войска собирались въ Люблинъ; сюда должна была прибыть королевская чета съ канцлерами и подканцлерами: какъ же было Дембицкому не явиться?

Подканцлеру, для того, что онъ замышлялъ, нужно было какъ разъ такого человѣка, какъ Дембицкій, а подчашему такого вождя, какъ онъ. По первому слову Дембицкій могъ поднять шумъ и даже волненіе, чтобы подканцлеру было что усмирять и такимъ образомъ возрастать въ своемъ могуществѣ. Оба они не знали ни любви къ Рѣчи Посполитой, ни совѣсти, а цѣль ихъ была—возвыситься и обогатиться, какимъ бы то ни было способомъ. Для Радзеевскаго подчашій былъ отличнымъ орудіемъ. Надѣясь найти его здѣсь раньше, Дембицкій явился въ Люблинъ и только здѣсь узналъ, что Радзеевскій пріѣдетъ вмѣстѣ съ королемъ и женой. Не теряя времени, онъ пустился по войску, имѣя тамъ много знакомыхъ. Правда, здѣсь нельзя было такъ легко и свободно буянить, такъ какъ этому мѣшала дисциплина, но тревожныхъ, безпокойныхъ умовъ было достаточно, а посѣять зерно. изъ котораго могъ вырости заговоръ, очень пріятно улыбалось ему.

Не было отряда, полка, у котораго бы не залежалось жалованья; такъ что стоило только нажать эту пружину, и всегда поднималось волненіе. На другой же день по прибытіи, панъ подчашій жаловался на ужасныя злоупотребленіи относительно войска и на то, что всѣ подати и прочіе сборы уходили на разныя прихоти, тогда какъ неоплаченное войско Рѣчи Посполитой умирало отъ голода. Многіе ему поддакивали.

Случилось такъ, что Ксензкій со Стжембошомъ, уже не у Яскульскаго, а у пана Габріеля Стемпковскаго, встрѣтились съ подчашимъ Дембицкимъ, который, давъ языку волю, послѣ нѣсколькихъ кубковъ началъ насмѣхаться надъ королемъ и выдумывать на него разныя вещи. Разговорились какъ разъ о томъ, что королева, а съ нею и другія дамы ѣхали за Яномъ Казиміромъ въ Люблинъ.

— Нашъ вѣдь всемилостивый государь,—промолвилъ подчашій,—любитъ бѣлое мясо. Между прочими, весь свѣтъ это знаетъ, теперешняя пани подканцлерша Радзеевская еще при жизни своего перваго мужа была очень мила и любезна, но съ паномъ Іеронимомъ не то, что съ паномъ Адамомъ, онъ и короля отшить сумѣетъ!

Стжембожъ, который стоялъ тутъ-же и какъ королевскій придворный, чувствовалъ своей обязанностью защищать его, не долго думая, крикнулъ:

— Какъ придворный короля, хорошо знающій его дѣла, я называю эти слова ложью и клеветою! Неправда, король никогда не былъ для подканцлерши ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ опекуномъ.

Дрожащимъ и страстнымъ голосомъ брошенное обвиненіе какъ громомъ поразило Дембицкаго; онъ грозно повернулся.

— А вашмость кто такой, чтобы смѣть это говорить мнѣ?..

— Дызма Стжембошъ, придворный его величества,—воскликнулъ юноша, выпрямляясь,—а то, что я сказалъ, готовъ подтвердить чѣмъ угодно.—И онъ ударилъ рукой по саблѣ.

Не оставалось уже ничего, какъ только обнажить сабли, но Дембицкій не очень былъ скоръ на это. Онъ предпочиталъ сражаться языкомъ.

— Очень пріятно мнѣ познакомиться съ вами,—возразилъ онъ презрительнымъ тономъ, — но и я тоже не изъ пальца

высосалъ то, что говорю, потому что основываю все это на признаніяхъ самого мужа. Если бы Радзеевскій не положилъ этому предѣла...

— Подканцлеръ,—воскликнулъ Дызма,—не живетъ хорошо съ своей новобрачной: что же удивительнаго, что онъ на нее выдумываетъ?! Но это злая птица...

Въ эту минуту Дембицкій, не давая ему кончить, съ ужаснымъ раздраженіемъ схватился за саблю, увѣренный, что ему не позволятъ ея обнажить, и подступилъ къ Стжемошу. У этого даже глаза смѣялись и рука дрожала, когда онъ схватился за рукоятку. Но Дембицкій зналъ очень хорошо, что до рѣзни дѣло не дойдетъ. Подскочилъ Ксензкій.

— Бойся Бога! — воскликнулъ онъ, — только еще третій день, какъ здѣсь, а вотъ ужъ и ссора.

— Не я ее началъ,—возразилъ Дызма,—а что я не позволю взводить на его величество какую-нибудь низкую клевету, то этого навѣрное никто мнѣ не поставитъ въ укоръ. Подканцлеръ можетъ себѣ врать на своихъ друзей, но государя пятнать не слѣдуетъ.

Дембицкій все рвался впередъ.

— Здѣсь тѣсно,—сказалъ Стжембошъ, — выйдемъ за палатку, право, я не уступлю пану подчашему.

Подбѣжалъ хозяинъ, усмиряя Стжембоша.

— Ахъ, не заливайте кровью этой пріятной для меня минуты,—вскричалъ онъ,—драться не изъ-за чего.

Первый далъ себя усмирить Дембицкій, Стжембошъ же, сказавъ себѣ, что это еще успѣетъ, бросилъ только презрительный взглядъ на забіяку и молча отошелъ.

Ксензкій взялъ его подъ руку.

— Пойдемъ отсюда.—сказалъ онъ,—мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты съ нимъ связывался.

— Неужели же мнѣ было оставить безъ вниманія обиду и клевету, взведенную на моего государя! —возразилъ Стжембошъ.

Ону выходили изъ палатки.

— Что ты всталъ въ защиту короля, за это я тебя хвалю, — прибавилъ Ксензкій: — я зналъ, что ты это сдѣлаешь, Это былъ твой долгъ, а если обошлось безъ огня, такъ и успокойся. Это забіяка, негодный къ саблѣ, потому что ты

его ловко изрубилъ бы, но онъ мстительная и злая бестія и вездѣ имѣетъ своихъ людей. Надо обходить его и не трогать навоза.

Дызма вздохнулъ: очень ужъ жаль ему было, что онъ лишился такого удобнаго случая выказать свою храбрость и ловкость; Ксензкій едва могъ утѣшить его тѣмъ, что побѣда надъ неуклюжимъ чурбаномъ не доставила бы ему славы, а вреда принесла бы много.

— Отъ этого онъ не сдѣлается моимъ другомъ, что я отпустилъ его цѣлымъ,—сказалъ Стжембошъ...

— Да ты и не нуждаешься въ его дружбѣ,—прибавилъ дядя,—но, что обо всемъ этомъ онъ предпочтетъ молчать, за это я ручаюсь.

— Ба!—проворчалъ Дызма,—однако если онъ мнѣ подвернется...

Ксензкій повелъ плечами.

— О! горячая кровь!—воскликнулъ онъ.—Сколько бы тебѣ надо ея спустить! Подожди немного! Вмѣсто одного Дембицкаго тебѣ представится еще много случаевъ подраться, только бы ты завелъ побольше знакомствъ.

На этомъ и кончилась исторія съ Дембицкимъ. Въ тотъ же день Дызма встрѣтилъ двухъ прежнихъ пажей короля. Это были братья Лонцкіе изъ панцырнаго отряда, веселые малые, думающіе только о томъ, какъ бы провести время, какъ можно веселѣе. Они подхватили Стжембоша и не хотѣли его отпускать. У нихъ дома по цѣлымъ днямъ происходило то же, что и у Яскульскаго. Ѣлъ и пилъ кто только хотѣлъ и приходилъ, играли въ кости и въ карты, къ чему Стжембожъ питалъ отвращеніе. Поэтому, не вмѣшиваясь въ игру, онъ долженъ былъ сидѣть съ ними и веселиться. Первый день прошелъ спокойно, на второй рубились во дворѣ дома, но Стжембожъ только перевязалъ и уложилъ раненаго Лонцкаго. На третій день, за завтракомъ. Дызма самъ не замѣтилъ, какъ повздорилъ со старымъ усачемъ Рокосовскимъ. Очевидно, было, что тотъ искалъ придирки и хотѣлъ щегольнуть своей побѣдой надъ молокососомъ. Не успѣли докончить ѣсть, какъ въ той-же комнатѣ Рокосовскій всталъ, вызывая Дызму, называя его разными оскорбительными именами и махая саблей.

Стжембошъ вскочилъ, какъ ошпаренный, хотя по правдѣ сказать, морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ, такъ какъ противникъ его былъ сильный и притомъ отличный боецъ. Только на счастье Дызмы онъ уже второй разъ завтракалъ, и пиво, смѣшанное съ виномъ и горѣлкой, шумѣло у него въ головѣ. Онъ такъ яростно и вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожно бросился на Стжембоша, что тотъ сразу хватилъ его по уху. Полилась кровь, но Рокосовскій ея не чувствовалъ—и крича!—я тебя здѣсь проучу, молокососъ, — припиралъ его въ уголъ, какъ вдругъ Дызма, отбивъ его ударъ, такъ хватилъ его по правой рукѣ, что вышибъ оружіе. Подскочили Лонцкіе, подхватили разсвирѣпѣвшаго старика, но о продолженіи поединка не могло уже быть и рѣчи. Поэтому устроили примиреніе и запили его, а Рокосовскій тѣмъ временемъ, перевязанный и обвязанный, заснулъ на диванѣ.

Такимъ образомъ совершился первый выходъ на сцену жизни королевскаго придворнаго, и совершился какъ нельзя болѣе благополучно, потому что онъ не получилъ ни одной царапины, а между тѣмъ побѣдилъ знаменитаго рубаку Рокосовскаго.

Когда онъ передавалъ все это вечеромъ Ксензкому, дядя смѣялся и обнималъ его, сильно радуясь,

— Ты въ сорочкѣ родился!—вскричалъ онъ.—Теперь пойдетъ слава, что ты побилъ Рокосовскаго; теперь тебя ужъ никто не задѣнетъ, а это очень хорошо, потому что постоянно драться—послѣднее дѣло.

Отъ Хмѣльницкаго и гетмана почти каждый день приходили самыя разнообразныя вѣсти, но всѣ онѣ сходились въ одномъ: что надо было спѣшить на помощь Винницѣ и Каменцу, на который готовились идти казаки.

Поэтому съ каждымъ днемъ въ лагерѣ увеличивалось движеніе и приготовленія и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія королевской четы.

———

IX.

Послѣ долгаго ожиданія, въ Люблинъ прибыли наконецъ возы, прислуги и разные приборы короля, а за ними въ одинъ ясный весенній день и самъ Янъ Казиміръ, хотя и не съ очень пышной и многочисленной свитой, но въ полномъ вооруженіи и съ большой торжественностью. За нимъ королева, въ каретѣ, запряженной шестеркой бѣлыхъ лошадей, затѣмъ ея свита—и все это направилось прямо въ костелъ. Здѣсь уже ожидалъ ихъ папскій нунцій съ многочисленнымъ духовенствомъ.

Въ этотъ день однако кромѣ краткой молитвы ничего не было, церемонія же была назначена только на третій день, причемъ объявили, что, благословляя короля на эту войну, святой отецъ присылаетъ ему освященный мечъ и шишакъ вмѣстѣ съ письмомъ, а королевѣ, по принятому обычаю, золотую розу, какую и мать Яна Казиміра нѣкогда получила изъ Рима.

Въ свитѣ королевы, кромѣ ея француженокъ, находилась почти единственная представительница польскихъ дамъ—подканцлерша Радзеевская; хотя она и ѣхала съ мужемъ, однако это послужило предлогомъ возвести на нее клевету, будто бы она предприняла это путешествіе ради короля.

На другой день, въ который послѣ службы назначено было поднесеніе освященнаго меча и шишака, въ костелъ набилась такая масса народу, что должны были поставить у дверей стражу. Изъ войска почти всѣ старшіе сбѣжались посмотрѣть на церемонію.

Поднесеніе меча при рѣчахъ и чтеніи папскаго письма, затѣмъ врученіе Маріи Людвикѣ освященной розы, продолжалось очень долго, потому что назначенные для этого ораторы должны были отвѣчать и благодарить отъ имени королевской четы.

Легко освободившись въ этотъ день отъ своей службы, Стжембожъ тотчасъ же побѣжалъ къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, ко двору и въ королевскій отрядъ, гдѣ было много *его товарищей,* чтобы поразвѣдать, не случилось ли чего но-

венькаго. Тизенгаузъ, который остался на своей службѣ при королѣ, разсказалъ все, что произошло послѣ его отъѣзда изъ Варшавы. Онъ въ особенности слѣдилъ за канцлеромъ и зналъ о немъ больше всего. Тизенгаузъ зналъ между прочимъ, что подканцлеръ, какъ только прибылъ въ Люблинъ, сейчасъ-же заперся на продолжительное и весьма оживленное совѣщаніе съ подчашимъ Дембицкимъ. Что кажущееся примиреніе Радзеевскаго съ женою, какъ утверждалъ Тизенгаузъ, было обманомъ и коварствомъ, а уговариваніе ее къ путешествію имѣло какую-то тайную цѣль, которую онъ не могъ угадать, хотя и подозрѣвалъ ея существованіе. Во все время путешествія въ Люблинъ поведеніе Радзеевскаго было поразительнымъ, потому что онъ самъ главнымъ образомъ держался Маріи Людвики, при ней постоянно ѣхалъ, ей прислуживалъ, надоѣдая королю только тогда, когда онъ зналъ, что будетъ для него несноснѣе всего. Подканцлерша же, за которой онъ обыкновенно такъ слѣдилъ, никого къ ней не допуская, ѣхала теперь совершенно предоставленная самой себѣ, такъ что и король свободно могъ къ ней приблизиться и тѣ, которые пожелали бы быть посредниками между ними. Подканцлерша однако явно избѣгала всего, чтобы могло навлечь какое-нибудь подозрѣніе на нее и на короля. Да и самъ король не старался къ ней приблизиться и почти избѣгалъ ее, ради королевы-ли это, или ради двора, или наконецъ ради Радзеевскаго, поведеніе котораго было для него непонятно и подозрительно.

Однажды королева, всѣ дамы, высшіе сановники и дворъ получили приглашеніе на collexione, который устраивалъ папскій нунцій. Весь большой свѣтъ долженъ былъ тамъ находиться, поэтому должна была тамъ быть и Радзеевская. Въ тотъ же день утромъ мужъ объявилъ ей, чтобы она пригласила себѣ въ компаньонки которую нибудь изъ дамъ, такъ какъ онъ не знаетъ навѣрное, будетъ ли онъ тамъ или нѣтъ, а если и пріѣдетъ, то развѣ попозже.

Поэтому, условившись съ княгиней Сапѣгой, которая должна была за ней заѣхать, прекрасная Елизавета, вся покрытая драгоцѣнностями и, несмотря на блѣдность и утомленіе, блистающая своей красотою, отправилась на collexione. Тамъ присутствовала королева со всѣмъ дворомъ, всѣ дамы и жены се-

наторовъ, которыя въ то время находились въ Люблинѣ, много духовныхъ и наконецъ король, въ сопровожденіи многихъ сенаторовъ.

Благопріятныя извѣстія, приходившія изъ провинціи о готовящемся ополченіи, привели Яна Казиміра въ такое веселое настроеніе, въ какомъ его рѣдко видали на такихъ собраніяхъ. Поэтому онъ былъ гораздо милѣе съ дамами и болѣе ухаживалъ. Королева, которую занималъ нунцій и которую окружало многочисленное общество, не имѣла возможности слѣдить за каждымъ его шагомъ, что, быть можетъ, также способствовало его свободѣ и непринужденности. Обходя дамъ, король наконецъ приблизился къ подканцлершѣ.

— Сегодня вы,—сказалъ онъ, здороваясь съ нею,—въ полномъ блескѣ... Я очень радуюсь этому, такъ какъ это доказываетъ, что походъ не надоѣлъ вамъ.

Прекрасная Елизавета подняла на него свои глаза.

— Ахъ, какое ошибочное мнѣніе, государь, — сказала она.—Мы, женщины, очень часто бываемъ принуждены весело улыбаться, когда сердце разрывается отъ боли.

Король остановился и осмотрѣлся вокругъ.

Рядомъ съ Радзеевской сидѣла только княгиня Сапѣга, отъ которой она не имѣла тайнъ.

— Я бы очень желалъ узнать кое-что,—наклоняясь, прошепталъ король,—но...

— Ахъ, и я очень хотѣла бы пожаловаться и посовѣтоваться,—это очень для меня важно.

Король далъ знакъ рукой, прошелъ нѣсколько шаговъ, оглянулся, шепнулъ что-то Тизенгаузу, стоящему у дверей, и вернулся къ подканцлершѣ.

— Говорите смѣло,—сказалъ онъ,—другого случая можетъ и не представиться, надо воспользоваться хоть этимъ.

Радзеевская боязливо оглянулась вокругъ, но вскорѣ собралась съ духомъ.

— Жизнь моя,—начала она,—становится невыразимымъ мученьемъ. Я думала сначала, что сумѣю перенести его или смягчить моего преслѣдователя, но мученіе превышаетъ силы, а человѣкъ, который его причиняетъ, не имѣетъ жалости и *измѣниться не* можетъ. У меня явилось неизмѣнное рѣшеніе

разстаться съ нимъ, иначе мнѣ пришлось бы распроститься съ жизнью. Да проститъ мнѣ Богъ, если я несправедливо его обвиняю, но по его поступкамъ можно думать, что онъ хочетъ отъ меня освободиться, какъ отъ первыхъ двухъ.

— Ради Бога!—прервалъ король,—что же случилось новаго?

— Новаго! — подхватила канцлерша, — нѣтъ ничего; жизнь тянется, какъ и прежде, становясь все невыносимѣе. Каждый день я должна переносить обиды, выговоры, угрозы, презрѣніе, хотя не подаю къ тому ни малѣйшаго повода. Я выплакала всѣ слезы, терпѣніе истощилось, гнѣвъ и негодованіе берутъ верхъ... Нѣтъ—нѣтъ! Я съ нимъ жить не могу и не буду.

Король быстрымъ жестомъ показалъ ей, чтобы она говорила тише.

— Невыразимо тяжело для меня слышать о вашемъ рѣшеніи какъ разъ въ такую минуту, когда я не могу оказать, вамъ помощи. Но заклинаю васъ, остановитесь, подумайте! Правда, онъ долженъ будетъ мнѣ сопутствовать, но во всѣхъ отношеніяхъ это дѣло почти неисполнимое. Могутъ быть огромныя потери.

— Потери!—прервала Радзеевская.—Но я ставлю ихъ ни во что! Я спасаю жизнь и честь. Я не могу быть рабой... У меня есть братья...

— Даже при ихъ помощи, это дѣло почти неисполнимо,— промолвилъ Янъ Казиміръ.—Но здѣсь невозможно вести болѣе продолжительнаго разговора объ этомъ. Завтра... у княгини,— и онъ указалъ на Сапѣгу.

Подканцлерша съ благодарностью низко ему поклонилась, а король, на затянувшійся разговоръ котораго уже обратили вниманіе, тотчасъ же пошелъ дальше и началъ оживленную бесѣду съ люблинской воеводшей.

По счастью, во время этого эпизода подканцлера еще не было, но жена была увѣрена, что ему обо всемъ будетъ донесено. Радзеевскій появился здѣсь поздно, побесѣдовалъ сначала съ нунціемъ и королемъ, потомъ пошелъ здороваться съ другими знакомыми, и когда наконецъ подошелъ къ женѣ— ехидно шепнулъ ей на ухо, поздравляя съ королевской ми-

лостью. Съ негодованіемъ подернувъ плечами, подканцлерша ничего не отвѣчала.

Въ назначенный часъ подканцлерша уже ожидала у Сапѣги прибытія короля, все еще взволнованная со вчерашняго дня, вся въ слезахъ.

Янъ Казиміръ пріѣхалъ въ довольно веселомъ настроеніи, но очевидно былъ смущенъ своимъ посѣщеніемъ, такъ какъ за каждымъ его шагомъ слѣдили. Едва ступивъ на порогъ, Янъ Казиміръ обратился къ Радзеевской.

— Будемъ говорить о васъ, потому что мнѣ къ несчастію некогда и того и гляди, что меня кто-нибудь здѣсь застанетъ. Что же дѣлается? Вѣдь канцлеръ, кажется, сталъ умнѣе и снисходительнѣе? Самъ уговаривалъ на это путешествіе? Я не вижу причины, почему бы ему быть недовольнымъ. Что его могло такъ раздражить?

— Государь, — съ большимъ жаромъ воскликнула Радзеевская,—кто можетъ сказать, что онъ понялъ пана Радзеевскаго? Онъ ласковъ и улыбается, если ему это нужно, сердится, если желаетъ этимъ донять кого-нибудь или напугать. Все у него разсчитано, все коварно и подло. Человѣкъ этотъ возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе... я не могу съ нимъ жить, я должна освободиться.

— Но какъ это можно сдѣлать? — ласково проговорилъ король.—Поговоримъ...

Княгиня Сапѣга, видя, что она можетъ быть неудобнымъ свидѣтелемъ этой откровенной бесѣды, незамѣтно удалилась въ другую комнату, оставляя ихъ наединѣ. Двери остались открытыми.

Янъ Казиміръ сѣлъ и указалъ на кресло подлѣ себя, которое и заняла Радзеевская.

— Я думалъ объ этомъ со вчерашняго дня,—говорилъ король, беря руку подканцлерши и глядя на нее съ большимъ сочувствіемъ.—Я тоже убѣжденъ, что вы не можете съ нимъ жить, потому что это была бы не жизнь, а вѣчная пытка. Но Радзеевскій не выпуститъ такъ легко изъ своихъ рукъ ни васъ, ни вашего состоянія. Законъ даетъ ему нѣкоторую силу, вы не можете закрыть ему двери. Захотите уйти отъ него, должны будете оставить ему въ добычу все свое богатство, а

это дѣло не малое. Чтобы объявить ему войну, надо быть готовой на все честное и безчестное.

Король говорилъ быстро; съ устремленнымъ на него взоромъ слушала подканцлерша, время отъ времени слезы навертывались ей на глаза.

— Бросить его теперь я не совѣтую—это невозможно,— продолжалъ Янъ Казиміръ,—потерпите еще. Когда, Богъ дастъ, мы вернемся изъ похода домой, нужно будетъ обдумать и приготовить средства, выбрать часъ, чтобы вы имѣли какъ можно меньше непріятностей и потерь. Я, со своей стороны, обѣщаю вамъ самую сильную поддержку. Что же касается до королевы, то я боюсь, что она приметъ сторону подканцлера, потому что онъ очень за ней ухаживаетъ... а я, мнѣ... трудно будетъ похлопотать за васъ передъ королевой, и потому еще... я знаю, что она меня подозрѣваетъ. Но все это дѣла отдаленныя, а пока вы должны употреблять все свое терпѣніе, не обрывать,—вотъ мой совѣтъ.

Подканцлерша, дрожа, выслушивала всѣ эти совѣты, которые король давалъ съ видимымъ сочувствіемъ, и наконецъ разразилась рыданьями.

— Каждый день, каждый часъ съ этимъ человѣкомъ доставляетъ мнѣ невыразимое мученье. Мнѣ кажется, что онъ нарочно старается и обдумываетъ всевозможныя средства, какъ бы только терзать меня. Ваше величество слышали о портретѣ моего покойнаго мужа, который онъ приказалъ вынести на чердакъ, то же самое происходитъ со всѣми другими дорогими для меня вещами. У меня нѣтъ шкатулки, гдѣ бы я могла что-нибудь спрятать; онъ отбиваетъ замки, отнимаетъ бумаги. Я не могу даже посылать писемъ къ братьямъ, потому что они кажутся ему подозрительными.

Радзеевская расплакалась, Янъ Казиміръ сильно тронутый, старался ее утѣшить и ободрить.

— Такое мученіе не можетъ долго продолжаться, - сказалъ онъ.—Возвращайтесь въ Варшаву, а я удержу его при себѣ. Онъ по дѣлу службы долженъ быть при мнѣ. Поэтому у васъ будетъ достаточно времени отдохнуть, подумать и даже выписать на помощь братьевъ. Королева, прибавилъ онъ, понижая голосъ,—я не знаю навѣрное, долго ли будетъ мнѣ сопутство-

вать. Она желала бы быть со мной и имѣетъ достаточно мужества на это, но паны сенаторы противятся этому, такъ что она вернется въ Варшаву и вы должны вернуться или съ ней, или одна.

— До сихъ поръ,—замѣтила Радзеевская,—онъ настаивалъ на томъ, чтобы я ѣхала. Какая у него была цѣль въ этомъ, я не знаю. Трудно его понять. Поэтому, быть можетъ, онъ будетъ противиться моему отъѣзду, если это не согласно съ его планомъ.

— Что же въ такомъ случаѣ?—заботливо спросилъ Янъ Казиміръ.

Подканцлерша гордо подняла свою прекрасную головку.

— У меня еще есть горсть собственныхъ людей, вѣрныхъ мнѣ и послушныхъ,—сказала она,—если я отдамъ приказанія къ отъѣзду—послушаютъ меня, а не его. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ я устрою свой отъѣздъ такъ, чтобы онъ не зналъ объ немъ или узналъ слишкомъ поздно.

Король недовѣрчиво засмѣялся.

— Не обольщайте себя надеждою,—возразилъ онъ,—чтобы вы могли провести его въ чемъ нибудь. Мнѣ кажется, онъ знаетъ не только каждое ваше слово, но даже каждую вашу мысль. Дѣйствуйте осторожно, а главное, не давайте ему раньше времени догадаться, что вы рѣшили съ нимъ разойтись. Когда наконецъ дойдетъ до этого, вы должны будете отправиться въ монастырь, пока мы не выхлопочемъ изъ Рима развода.

Радзеевская вздохнула.

— Притворяйтесь,—продолжалъ король,—хотя я лучше всего знаю, какъ трудно притворяться, когда чувствуешь отвращеніе и презрѣніе къ человѣку. Въ такомъ же точно положеніи нахожусь и я относительно его. Напрасно я отъ него отворачиваюсь, не слушаю и не отвѣчаю; онъ все говоритъ, заходитъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, когда уже не можетъ самъ, онъ получаетъ порученія ко мнѣ отъ королевы, чтобы терзать меня и ими, и собой.

Въ продолженіе всей этой откровенной бесѣды, Сапѣга была въ другой комнатѣ, гдѣ разговаривала со своей племянницей *ни ни она, ни король,* ни сильно взволнованная Радзеевская

› замѣтили и не слыхали, что подканцлеръ, навѣрное извѣ-
енный объ этомъ условномъ свиданьи у княгини, тихо подъ-
калъ верхомъ, отдалъ лошадь сопровождавшему его гайдуку,
›чти на цыпочкахъ подкрался къ дверямъ, и потомъ, вдругъ
› шумомъ открывъ ихъ, съ видомъ побѣдителя влетѣлъ въ
/ комнату, гдѣ сидѣлъ король съ подканцлершей.

Лицо его иронически, злобно смѣялось, онъ щурилъ глазки
медленными, неторопливыми шагами подходилъ къ королю,
›торый то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и разсерженный до нельзя,
›иженный, принялъ гордую и величественную осанку. Радзе-
›ская, при видѣ мужа, поблѣднѣла какъ трупъ: знала она
›рошо, что ее ожидало за такой разговоръ, который даже не
›мѣлъ свидѣтелей, потому что Сапѣга только черезъ нѣсколь-
› минутъ, услыхавъ чужой голосъ, явилась на порогѣ со своей
›емянницей. Подканцлеръ, не обращаясь къ женѣ, подошелъ
› поклономъ къ Яну Казиміру.

— Я вездѣ искалъ ваше королевское величество,— сказалъ
›ъ,—такъ какъ васъ ждетъ канцлеръ съ важными дѣлами,
› и королева тоже спрашивала; хорошо еще, что мнѣ прит-
› такая счастливая мысль заглянуть сюда.

— Я ѣду прямо со смотра,—съ гримасой возразилъ ко-
›ль,—и десяти минутъ еще нѣтъ, какъ я пріѣхалъ сюда
›авѣстить княгиню Сапѣгу. Вы легко могли узнать обо мнѣ,
›тому что я вовсе не дѣлаю тайнъ изъ своихъ прогулокъ.

Радзеевскій смѣялся.

— Вашему величеству,— саркастически продолжалъ онъ,
›осая взоры на жену,—слѣдовало хоть минутку отдохнуть
›слѣ столькихъ трудовъ, съ самаго утра на смотру.

Король ничего не отвѣчалъ.

— Да оно и понятно—вѣдь мы не можемъ терять ни одной
›инуты,—быстро заговорилъ подканцлеръ.—Казаки напираютъ
› Калиновскаго, а Хмѣль поспѣшно идетъ на насъ, чтобы
›редупердить ополченіе и разбить насъ, прежде чѣмъ оно при-
›детъ. Воеводства же, извѣстное дѣло, никогда не бываютъ
›куратны, всегда найдутъ бездну отговорокъ. Дай Богъ, чтобы
›олченіе пришло подъ Константиновъ къ 5 іюню,—прибавилъ
›адзеевскій,—а что съ нами будетъ до тѣхъ поръ...

Не отвѣчая Радзеевскому, король всталъ, сильно разгѣвав-

ный, обратился къ хозяйкѣ, которая какъ разъ появилась на порогѣ, и простившись съ нею, также свободно, нѣсколькими тихо сказанными словами простился съ подканцлершей, которая не обращая вниманія на злобные взгляды мужа, проводила его до порога.

Подканцлеръ, который, какъ онъ самъ говорилъ, гнался за королемъ и искалъ его для важныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы сопровождать его теперь, что казалось его обязанностью, проводивъ его до коня, вернулся назадъ къ Сапѣгѣ. Лицо его сіяло побѣдой, онъ зналъ хорошо, что теперь могъ надоѣдать и княгинѣ, и женѣ, а это было для него самымъ пріятнымъ. Поэтому, онъ прежде всего обратился къ Сапѣгѣ, иронически благодаря ее, что она была такъ любезна устроить его женѣ пріятную встрѣчу съ королемъ.

Сапѣга, не смирнаго характера, вспыльчивая и смѣлая, сама первая набросилась на него.

— Стыдились бы, панъ подканцлеръ, подозрѣвать меня и жену свою,—воскликнула она.—Что же случилось такого ужаснаго, что король засталъ ее у меня? Развѣ это странно, что она питаетъ къ королю уваженіе и благодарность, когда это и вамъ самимъ извѣстно, что если бы не король, она не имѣла бы послѣ перваго мужа ничего, да и вы ничего бы не поймали!

Радзеевскаго сначала смутилъ этотъ смѣлый отвѣтъ, и онъ, быть можетъ, разразился бы, не жалѣя хозяйки, но что то его удержало.

— Что же я сказалъ такого дурного? началъ онъ, смѣясь.—Я благодарилъ, ничего больше, потому что знаю, что для моей жены свиданіе и разговоръ съ королемъ пріятнѣе, чѣмъ съ другими, даже со мной. Это давнишняя дружба, а мы, подданные его величества, должны чувствовать себя счастливыми, если женка или дочка котораго-нибудь изъ насъ бросится въ глаза королю. Отъ этого можно ожидать всего хорошаго для дома.

Возмущенная до глубины души, подканцлерша плакала, на что мужъ нисколько не обращалъ вниманія, и казалось, былъ тѣмъ веселѣе. Сапѣга отвернулась отъ Радзеевскаго, взяла подъ руку подканцлершу и, не прощаясь съ нимъ, вышла съ ней въ другую комнату, запирая за собой двери.

Подканцлеръ сейчасъ же надѣлъ на голову шапку и, схватившись за бока, съ шумомъ вышелъ на крыльцо, приказывая подать себѣ коня, который ожидалъ его вмѣстѣ съ прислугой.

Много времени надо было, чтобы привести въ себя взволнованную подканцлершу.

— Нечего тебѣ обращать на него вниманія,—утѣшала ее Сапѣга: пусть себѣ болтаетъ, что хочетъ, совѣсть ни въ чемъ не можетъ тебя упрекнуть, этимъ онъ возстановилъ противъ себя короля, потому что слѣдилъ за нимъ: впрочемъ, ничего особеннаго не случилось.

Подканцлеръ прямо отправился къ королевѣ, но засталъ здѣсь такое многолюдное общество, что не могъ къ ней подступиться. Подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ, подканцлеръ остался, пока всѣ не ушли. Ему важно было увѣдомить королеву о своей удачной охотѣ. Онъ зналъ, что, какъ бы тамъ ни было, это все-таки охладитъ и оттолкнетъ ее отъ короля.

Онъ облекъ свой доносъ въ шутливую форму.

— Я гонялся сегодня за королемъ по полю,—проговорилъ онъ,—онъ производилъ смотръ полкамъ, но опоздалъ, и король поспѣшилъ на другой смотръ.

Онъ разсмѣялся; Марія Людвика съ любопытствомъ обратилась къ нему.

— Онъ поѣхалъ навѣщать своихъ давнишнихъ знакомыхъ продолжалъ Радзеевскій.—По какому-то инстинкту я нашелъ его у Сапѣги.

Онъ на минуту остановился. Королева слушала съ любопытствомъ.

— Тамъ-же находилась и моя жена,—продолжалъ Радзеевскій.—Вчера они были вмѣстѣ у васъ, гдѣ король должно быть уговорился съ моей женой, гдѣ имъ всего безопаснѣе сойтись на откровенную бесѣду, то есть для того, чтобы она могла жаловаться на мое тиранство. Какъ разъ я и поймалъ ихъ обоихъ, наединѣ, такъ какъ Сапѣга очевидно не хотѣла мѣшать нѣжнымъ изліяніямъ...

Подканцлеръ началъ смѣяться, хотя видѣлъ, какъ строго сморщилась королева и закусила губы, однако не пустилась

ни въ разспросы; ни въ дальнѣйшую о томъ бесѣду, а повер нула разговоръ въ другую сторону.

Подканцлерша все это время оставалась дома, приготовля ясь къ тому, что ожидало ее вечеромъ отъ мужа. Между тѣмъ Радзеевскій, у котораго было много дѣлъ съ Дембицкимъ, вер нулся такъ поздно ночью, что жена его уже не видала.

На другое-же утро онъ поздоровался съ нею, ни однимъ словомъ не напоминая о вчерашней встрѣчѣ у Сапѣги, не дѣ лая упрековъ и не издѣваясь, чего она никакъ не ожидала. Было-ли это сдѣлано изъ какого-нибудь разсчета, подканцлерша не могла понять, но была почти благодарна своему мужу, что онъ оставилъ ее въ покоѣ.

Часть третья.

I.

Почти каждый день приносили извѣстія, которыхъ такъ жаждалъ король, и они все болѣе и болѣе выводили его изъ себя. Онъ хотѣлъ бы уже отправляться подъ Константиновъ, но полки еще медленно собирались, а доходившія отовсюду жалобы убѣждали, что распущенные солдаты забавлялись по дорогѣ грабежомъ, вовсе не торопясь къ мѣсту назначенія.

Иногда отъ казаковъ долетала такая вѣсточка, которая очень больно дѣйствовала на Казиміра—напримѣръ, когда татарскому хану влагали въ уста слова, что онъ больше заботился о дружбѣ одного простого казака изъ подъ начальства Хмѣля, чѣмъ о мирѣ съ королемъ польскимъ... Привели схваченныхъ казаковъ и татаръ, которые слишкомъ далеко забрались и попали въ руки польскихъ отрядовъ. Всѣ они почти единогласно повторяли, что Хмѣль раздѣлилъ свои силы, что шелъ противъ короля и что орда огромными толпами шла за нимъ.

Между тѣмъ войска собирались медленнѣе, чѣмъ бы того желалъ король, котораго это съ каждымъ днемъ все больше раздражало. Пребываніе въ Люблинѣ, въ обществѣ королевы и всѣхъ дамъ, собравшихся вокругъ нея, вовсе ему не нравилось. Онъ не смѣлъ заявить этого, но это проглядывало во всемъ. Королева же, хотя ее и стращали казаками, не имѣла желанья возвращаться въ Варшаву. Она объявила, что, пока будетъ возможно, желаетъ сопровождать мужа и раздѣлять его труды и опасности. Янъ Казиміръ, хотя, быть можетъ, это было ему не по вкусу, долженъ былъ благодарить.

Радзеевскій, который подслушивалъ и нашептывалъ и здѣсь, и

тамъ,—улыбался. Онъ сейчасъ же объявилъ женѣ, что она тоже можетъ безопасно остаться съ нимъ. Это двусмысленное «съ нимъ» означало вмѣстѣ съ тѣмъ и короля. Подканцлерша, убаюканная притворнымъ миромъ, не сопротивлялась.

Торжественны были, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полны тревоги выступленіе изъ Люблина, прощанье, благословенія. Хотя очень многіе отсюда возвращались или оставались здѣсь, другіе, ободренные примѣромъ королевы, въ послѣднюю минуту рѣшились сопровождать.

Радзеевскую мужъ тѣмъ увѣреннѣе бралъ съ собой, что собирались идти повидимому къ Бугу, а вблизи надъ Бугомъ стояло его Крылово, приданое первой жены. Поэтому она могла, какъ говорилъ подканцлеръ, отдохнуть въ Крыловѣ, если бы ей было неудобно въ лагерѣ.

Войско съ королемъ, который не хотѣлъ ѣхать иначе какъ верхомъ, во главѣ своихъ полковъ,—довольно медленно подвигалось въ Ухань, къ Красному Ставу. Вечеромъ въ Ухани, Янъ Казиміръ, оставшись наединѣ съ женой, рѣшился наконецъ ей замѣтить, что въ видахъ ея же собственной безопасности, ей непремѣнно слѣдовало возвращаться. Марія Людвика навѣрное не позволила бы склонить себя къ тому угрозами, запугиваніемъ,—но король прибавлялъ, что всѣ дѣла были сданы Примасу и она должна была явиться ему на помощь своимъ совѣтомъ и близкимъ знакомствомъ съ дѣломъ. Это было согласно съ ея убѣжденіемъ. Соскучившейся по дѣламъ и дѣятельной жизни королевѣ одинаково улыбалось—заступить короля въ столицѣ, какъ и сопровождать его въ походѣ. Выборъ былъ затруднителенъ.

Именно въ эту минуту колебанія и сомнѣнія явился вѣчно бодрствующій или вѣрнѣе—вѣчно ее подстерегающій Радзеевскій. Все это онъ заранѣе предвидѣлъ и хотѣлъ этимъ воспользоваться. До сихъ поръ путешествіе королевы не мѣшало ему, далѣе же шло уже въ разрѣзъ съ его хитрыми планами. Онъ добивался того, чтобы раздѣлить и разссорить, а затѣмъ занять мѣсто посредника, безъ котораго оба они не могли бы обойтись. Марія Людвика, до сихъ поръ не подозрѣвающая такой хитро-сплетенной интриги, хотя и знала чрезмѣрную *хитрость Радзеевскаго*, откровенно съ нимъ совѣтовалась.

— Развѣ намъ дѣйствительно грозитъ какая-нибудь опасность?—спросила она.

Подканцлеръ принялъ серьезный видъ.

— Въ этотъ моментъ,—возразилъ онъ,—опасности еще нѣтъ, но что она можетъ явиться внезапно и неожиданно—сто, увы, правда... Казаки дерзки; ихъ способъ веденія войны остоитъ въ такихъ дерзкихъ нападеніяхъ, которыхъ нельзя предвидѣть, но къ которымъ всегда надо быть готовыми. Конечно государынѣ гораздо спокойнѣе и безопаснѣе было бы въ Варшавѣ, куда васъ призываетъ и управленіе дѣлами Рѣчи Посполитой.

— Мнѣ такъ хотѣлось бы сопровождать мужа,—вздохнула королева.

— И не подлежитъ сомнѣнію,—началъ Радзеевскій,—что присутствіе здѣсь вашего величества было бы очень желательнымъ. Король, предоставленный самому себѣ, можетъ подчиниться различнымъ вліяніямъ, слушаться не всегда полезныхъ совѣтовъ. Горько, больно это сказать, но государь не найдетъ въ себѣ силъ руководить походомъ, а если каждый день кто-нибудь другой будетъ нашептывать ему на ухо, то отсюда возникнутъ противорѣчія, которыя все могутъ испортить. Меня король, разумѣется, не захочетъ слушать, а другіе...

Подканцлеръ повелъ плечами и замолчалъ.

— Вотъ видите,—сказала королева,—что для меня труденъ выборъ. Остаться или вернуться? И то, и другое имѣетъ свои неудобства.

— Ваше королевское величество, въ случаѣ, если-бы возвращеніе сдѣлалось необходимымъ, что рано или поздно должно наступить,—замѣтилъ Радзеевскій,—увѣрьте короля, что я самый вѣрный слуга его, что у меня достаточно рѣшимости и твердости, чтобы довести до конца все, что надо будетъ, и съ начальниками, и со шляхтой; но король долженъ какъ-нибудь избавиться отъ этого отвращенія и недовѣрія, какія онъ ко мнѣ питаетъ и которыми, какъ мнѣ кажется, я обязанъ вліянію моей жены. Я уже стараюсь примириться съ ней... мы въ довольно хорошихъ отношеніяхъ... на многое я сталъ смотрѣть сквозь пальцы...

Королева задумчиво ходила взадъ и впередъ.

— Итакъ, вы думаете, что сопровождать дальше короля...— спросила она.

— Было бы невозможно, — докончилъ Радзеевскій. — Съ этой мыслью надо заранѣе свыкнуться, — но я остаюсь. Ваше королевское величество ежедневно будете имѣть самый вѣрный и точный отчетъ обо всемъ, что у насъ будетъ происходить.

— Подожду еще, пока необходимость заставитъ меня покинуть лагерь,—вздохнула она.—Я вижу, что и въ Варшавѣ была бы нужна... а здѣсь... такъ боюсь...

— Я останусь на стражѣ,—быстро заговорилъ подканцлеръ:—буду доносить и предостерегать обо всемъ. Въ нуждѣ сумѣю удержать шагъ, который показался бы мнѣ опаснымъ; король меня не слушаетъ, но я найду средства, чтобы добиться этого... по крайней мѣрѣ отсрочки. Ваше величество будете помогать своими письмами.

Такимъ образомъ, въ тотъ же вечеръ Марія Людвика уже почти окончательно была убѣждена, что должна уѣзжать. Какъ бы нехотя, спросила она подканцлера, что онъ думаетъ сдѣлать съ женой.

— Когда мы подвинемся къ Сокалю, надъ Бугомъ, гдѣ лежитъ мое Крылово, — сказалъ подканцлеръ, — мнѣ очень легко будетъ отвезти ее туда, оставить, а потомъ оттуда отправить въ Варшаву.

Королева повидимому ничего не имѣла противъ такого устройства, потому что, не любя подканцлерши, она предпочитала не имѣть ее при себѣ.

Радзеевскій, подготовивъ такимъ образомъ королеву, прилѣзъ къ королю, чтобы похвастаться этимъ передъ нимъ,—онъ зналъ, что извѣстіе это будетъ хорошо принято.

Хотя король, какъ обыкновенно, не имѣлъ желанія съ нимъ разговаривать, подканцлеръ привязался.

— Государь,—таинственно прошепталъ онъ,—я старался уговорить королеву, чтобы она возвратилась въ Варшаву. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся, тѣмъ болѣе ея присутствіе въ лагерѣ стѣсняетъ наши движенія. Мнѣ кажется, что государыня сама уже начинаетъ видѣть, что она не должна рисковать собой.

Король что-то пробормоталъ.

— *Вы только* прямо настаивайте. Дѣло идетъ о ея безо-

пасности, о неудобствахъ пути, которымъ она не должна подвергаться при такомъ состояніи здоровья. Даже докторъ можетъ подтвердить это... Королева колеблется, безпокоясь за васъ, но я думаю, что она позволитъ убѣдить себя.

Не получивъ отвѣта, Радзеевскій прибавилъ черезъ минуту.

— Я со своей женой долженъ остаться... по крайней мѣрѣ до Сокаля. Оттуда недалеко мое Крылово, гдѣ ей всегда можно будетъ укрыться. Правда, имѣнье старое и запущенное, но я приказалъ его очистить, да къ тому же приближается весна... ничего кромѣ крыши да стѣнъ и не надо...

Король слушалъ, не показывая ни малѣйшаго вида, чтобы это могло сильно занимать его, но въ душѣ немножко удивлялся тому, что подканцлеръ желалъ удержать свою жену, отсылая королеву. Это было для него непонятнымъ.

Среди этихъ размышленій и навязчивыхъ совѣтовъ подканцлера, которыми онъ закидывалъ короля, доложили, что прибыли отправленные съ отрядомъ на рекогносцировку Іоахимъ Лонцкій и Куровскій, которымъ посчастливилось, сразившись подъ Копчицами съ ордой, захватить татарскаго мурзу Нечая.

Первымъ напалъ на этого великана, — такъ какъ мурза былъ огромнаго роста, что очень рѣдко бываетъ у татаръ, — Лонцкій, удачно вышибъ изъ рукъ его саблю и хотѣлъ стащить съ коня, но болѣе сильный мурза схватилъ его и они вмѣстѣ упали въ грязь. Кто знаетъ, чѣмъ окончилась-бы эта борьба, если-бы не подскочилъ Куровскій, который, спасая Лонцкаго, два раза хватилъ мурзу обухомъ въ лобъ, такъ что, наконецъ, татаринъ потерялъ память, а наши связали его и взяли въ плѣнъ. Затѣмъ они начали спорить изъ-за панцыря, очень причудливаго и дорогого, который мурза имѣлъ на себѣ и вмѣстѣ съ плѣнникомъ пришли къ королю на судъ.

Такъ какъ было уже темно, когда они пришли, а Янъ Казиміръ хотѣлъ видѣть этого великана, котораго ему описывали, какъ какого-то дикаго звѣря, то передъ дворомъ зажгли факелы и множество народу сбѣжалось посмотрѣть на мурзу.

Когда его тащили, онъ сопротивлялся, валялся по землѣ, несмотря на то, что голова его была разбита и страшно изрублена и кровь только что начала подсыхать на ней. Ко-

роль сейчасъ-же вышелъ, вокругъ него собралась большая толпа, и Лонцкій съ Куровскимъ начали разсказывать, какъ они его осилили, Причемъ они изложили и свое дѣло объ этомъ позолоченномъ, драгоцѣнномъ панцырѣ, который также принесли съ собой.

Прежде чѣмъ Янъ Казиміръ постановилъ свой приговоръ, кто-то изъ толпы закричалъ:

— Что вамъ тутъ спорить изъ-за этой добычи? Развѣ не слѣдовало-бы его, какъ первую добычу, повергнуть къ ногамъ короля?

Очевидно, что Лонцкій и Куровскій ничего не имѣли противъ этого, но король воспротивился.

— Да что вы, что вы! я его не хочу и не приму. Присуждаю его Круковскому, такъ какъ безъ его помощи Лонцкій не только бы не имѣлъ этого панцыря, но эта черная бестія раздавила бы его. Вознаградить же Лонцкаго за его мужество—это ужъ мое дѣло, и я о немъ не забуду.

Лонцкій преклонилъ колѣни передъ королемъ, а Куровскій сейчасъ же схватилъ панцырь, который всѣ съ любопытствомъ осматривали, а случайно находившійся тамъ Отвиновскій замѣтилъ при свѣтѣ факела, что на концахъ его были арабскія надписи, которыя онъ собирался потомъ прочесть.

Мурза этотъ, котораго всѣ осматривали съ любопытствомъ, какъ медвѣдя, захваченнаго врасплохъ въ берлогѣ, былъ дѣйствительно необыкновеннаго роста, да навѣрное и силой обладалъ громадной. Кожа его была почти черная, какъ у негра, и дѣлала еще болѣе страшными блескъ его глазъ и зубовъ, которыми онъ время отъ времени скрежеталъ.

Королевѣ также дали знать объ этомъ чудовищѣ, на которое всѣ сбѣжались смотрѣть. Если прибавить къ этому ночь, факелы, то вся эта многочисленная толпа, со связаннымъ мурзой посрединѣ, представляла картину, подобную которой трудно было увидѣть. Королева появилась на крыльцѣ рядомъ съ мужемъ.

Король долженъ былъ радоваться трофею Лонцкаго, потому что мурза напугалъ всѣхъ лагерныхъ дамъ, а, быть можетъ, и самой королевѣ далъ понять, что эта война не то, что во Франціи, гдѣ женщины смѣло шли съ войсками, что съ такими дикарями, полузвѣрями, женщинамъ было очень опасно.

Все это было на-руку Радзеевскому, да и король былъ

радъ. Однако, королева не хотѣла повернуть изъ Уханя и ѣхала съ мужемъ дальше до Краснаго Става. Здѣсь до Яна Казиміра дошли такія вѣсти, которыя позволяли ожидать скорой встрѣчи съ казаками и ордой. Это произвело нѣкоторый переполохъ, такъ какъ еще не всѣ силы были стянуты. Поэтому и королева объявила сама, что готова вернуться отсюда въ столицу, чтобы не стѣснять короля во всѣхъ его передвиженіяхъ.

Послѣ маленькаго отдыха въ Красномъ Ставѣ, на другой же день король долженъ былъ отправляться дальше въ Сокаль, а королева возвратиться въ Варшаву. Утро было майское, довольно ясное, хотя не очень теплое. Быть можетъ, совершенно невольно это разставанье вышло очень торжественнымъ. Вся свита Маріи Людвики, пани и панны, заранѣе уже плачущія, огорченныя, выступили. Мало было такихъ, которыя не имѣли бы дорогого ихъ сердцу, или брата, или мужа, или родственника, идущаго на бой, который обѣщалъ быть такимъ кровавымъ. Передъ замкомъ и въ сѣняхъ парами стояли сердца, для которыхъ тяжела была разлука. Мужчины старались казаться веселыми, но женщины не выказывали мужества, кромѣ королевы, которая сохранила его до конца.

Для короля на этотъ день былъ приготовленъ его лучшій и самый любимый конь, съ параднымъ сѣдломъ и попоной. И у всѣхъ другихъ были самыя лучшія лошади и самыя дорогія сбруи, какъ бы на показъ. Знамена и значки развѣвались въ воздухѣ и шумѣли какъ лѣсъ надъ головами войска...

Стоящая впереди королевская гусарская колонна, возлѣ которой долженъ былъ ѣхать Янъ Казиміръ, затмила всѣхъ: такимъ богатствомъ и роскошью сіялъ ихъ нарядъ, такимъ здоровьемъ, красотою и свѣжестью дышали эти рыцари, что даже жаль было подумать, что этотъ цвѣтъ рыцарства долженъ былъ драться съ пьяной чернью и изъ-за нихъ рисковать своей жизнью. Но глядя на нихъ, никто не могъ ни на минуту усумниться, что куда со всей силой устремится такой отрядъ, тамъ тысячи должны будутъ разсѣяться передъ нимъ.

Затѣмъ вышли ксендзы съ благословеніемъ, святыми дарами, со святой водой, вышелъ король въ полномъ вооруженіи, отдавъ пажу нести только одинъ шишакъ, и королева

въ дорожномъ костюмѣ... Прощанье было короткое, но сердечное. Король сейчасъ же кивнулъ головой, чтобы ему подали шишакъ, и сѣлъ на коня, но въ свитѣ Маріи Людвики раздался такой плачъ и рыданья, что не одному не кстати размягчило сердце.

Сейчасъ же начали кричать:

— На коней! на коней! — а король, ставъ передъ колонной, далъ знакъ къ походу, поклонился еще разъ женѣ, которая махала бѣлымъ платкомъ и при звукѣ музыки выступилъ въ походъ.

Пока все это происходило, подканцлерша также присутствовала въ замкѣ для прощанья съ королевой, которая приняла ее очень холодно. Радзеевскій же провожалъ Марію Людвику еще за городъ, верхомъ.

Конечно, многіе съ грустью разставались съ женщинами, но для многихъ старшинъ вмѣстѣ съ ними гора сваливалась съ плечъ, такъ какъ дворъ королевы былъ немалымъ бременемъ. Самъ Янъ Казиміръ чувствовалъ это лучше всѣхъ. Войско подвигалось далѣе очень медленно, и судьба такъ желала, чтобы этотъ первый день не обошелся безъ трагическаго случая.

Войско какъ разъ проходило по лѣсу, когда быстрый взоръ короля замѣтилъ издали сидящаго при дорогѣ какого-то какъ бы нищаго, человѣка очень странно одѣтаго, ободраннаго, въ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, сильно поношенномъ.

Съ королемъ кромѣ другихъ ѣхалъ случайно имъ вызванный Стжембошъ, котораго Янъ Казиміръ хотѣлъ разспросить.

Король указалъ на него.

— Я голову даю,—сказалъ онъ,—что это шпіонъ... онъ смотритъ такъ изподлобья... Это подозрительная фигура.

Стжембошъ предложилъ подъѣхать къ нему, такъ какъ король остановился, а тутъ же прибѣжалъ и Яскульскій и нѣсколько другихъ, которые слышали слова короля. Они подскочили къ нищему, который, увидѣвъ ихъ, хотѣлъ было бѣжать, но потомъ раздумалъ, такъ какъ бѣжать не было возможности. Стжембошъ первый подбѣжалъ къ нему, крича:

— Стой! кто ты такой?

Военные окружили его.

— Я солдатъ,—пробормоталъ онъ,—просто—солдатъ изъ нѣмецкаго полка, который стоитъ здѣсь по близости.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Вышелъ на солнышко, потому что меня трясетъ лихорадка.

Яскульскій, пристально посмотрѣвъ на него, и замѣтивъ, что онъ смутился, хватилъ его плетью по плечамъ и закричалъ:

— Врешь...

Въ это время король далъ знакъ, чтобы его привели къ нему. Его поставили передъ королемъ. Снова начались разспросы. Онъ уже не смѣлъ врать, что изъ нѣмецкаго полка, но бормоталъ, что нищій, убогій, что онъ пріютился здѣсь по сосѣдству, что онъ человѣкъ невинный. И какъ стоялъ, такъ и палъ на колѣни передъ королемъ, сложилъ руки и моля о милосердіи.

Это поразило всѣхъ, такъ какъ если-бы онъ дѣйствительно былъ нищій, ничего за собой не чувствовалъ, то не испытывалъ бы такого страха. Притомъ-же ужасно подлое лицо его невольно возбуждало подозрѣніе.

Стуча рукой по сѣдлу, король закричалъ Яскульскому:

— Это шпіонъ... я это чувствую... прикажи допросить его... увидите...

Едва король сказалъ это, какъ его уже подхватили подъ руки и потащили въ лѣсъ; незнакомый кричалъ благимъ матомъ.

— Чего вы отъ меня хотите? Я невинный человѣкъ.

Король, стоя на конѣ, ожидалъ, какъ вдругъ раздались крики и черезъ нѣсколько минутъ его привели обратно къ королю. Яскульскій ѣхалъ впереди и кричалъ:

— Онъ признался, что шпіонъ, что посланъ Хмѣлемъ.

— Давай его сюда,—сказалъ король.

Его притащили, такъ какъ идти онъ уже не могъ или не хотѣлъ; онъ такъ былъ разбитъ, что еле живъ былъ. Онъ говорилъ довольно неясно и путался.

Оказалось прежде всего, что онъ бѣглый солдатъ, но убѣжалъ еще при Владиславѣ IV, и съ тѣхъ поръ все скитался, а чего добраго и разбойничалъ.

— Кто тебя послалъ?—спросилъ король.

— Казацкій гетманъ послалъ меня,—началъ онъ:—и обѣщалъ мнѣ награду, чтобы я собственными глазами увидѣлъ короля и донесъ ему, находится-ли онъ самъ при войскѣ.

— Ага! вотъ видите!—съ тріумфомъ воскликнулъ король.

Король началъ разспрашивать о казакахъ: гдѣ онъ ихъ оставилъ, сколько ихъ было, шла-ли съ ними орда и большая-ли; но немного могли отъ него добиться, такъ какъ онъ до того былъ запуганъ, что языкъ у него заплетался. Онъ зналъ, что его ожидало, такъ какъ палачъ уже ждалъ и веревки были готовы, чтобы повѣсить его на ближайшей соснѣ...

Король и слушать не хотѣлъ никакихъ просьбъ.

— Время военное,—сказалъ онъ:—выпустить шпіона—значитъ сплести кнутъ на самаго себя, а тащить его съ собой связаннаго—это лишнее бремя.

Король только разрѣшилъ послать къ нему капеллана, который исповѣдалъ-бы его. Войско между тѣмъ двинулось дальше и недалеко еще успѣлъ отойти королевскій полкъ, какъ негодяй уже болтался на деревѣ.

II.

Король со своими 6,000 подвигался далѣе къ Сокалю, куда одновременно съ нимъ долженъ былъ прибыть старый гетманъ Потоцкій во главѣ 7,000. Туда же должны были собраться и другіе полки сенаторовъ, пожертвованные королю для этого похода. До сихъ поръ все шло благополучно. Король былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Однако замѣчали, что даже когда онъ бывалъ самымъ веселымъ и самымъ разговорчивымъ, увидѣвъ приближающагося канцлера, онъ хмурился, отворачивался, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ.

Это было такъ поразительно, что не только другіе, но и самъ Радзеевскій долженъ былъ замѣтить это, хотя не показывалъ видъ, что понимаетъ. Онъ вымещалъ все это на женѣ, передъ которой каждый день выдумывалъ на короля всякія были и небылицы. Кромѣ того, ежедневно отправляя письма

въ Варшаву, онъ все больше и больше нападалъ въ нихъ на короля, желая разсердить Марію Людвику и охладить ее къ супругу. Въ первомъ же письмѣ онъ сообщилъ ей, будто бы по всему войску ходившія и всѣмъ извѣстныя слова короля послѣ прощанья въ Красномъ Ставѣ: что только теперь, избавившись, слава Богу, отъ жены, онъ будетъ свободенъ и т. п. Кромѣ того Радзеевскій доносилъ, что все, что она совѣтовала, было заброшено и осмѣяно, что Янъ Казиміръ не щадилъ ея въ своихъ разговорахъ, жаловался на ея докучливые совѣты и желанье мѣшаться въ дѣла, которыхъ она не понимала. Всѣ эти письма подканцлеръ ежедневно отдавалъ въ королевскую канцелярію, а оттуда уже они отправлялись въ Варшаву, такъ какъ и король каждый день диктовалъ донесенія королевѣ, а иногда и собственноручно пописывалъ.

Въ походѣ король съ каждымъ днемъ все больше и больше отдалялся отъ него, и отношенія ихъ, которыя никогда не были дружескими, значительно ухудшились.

Торжественно совершилось подъ Сокалемъ соединеніе двухъ войскъ — подъ начальствомъ короля и стараго гетмана Потоцкаго.

Король, съ великою радостью на лицѣ, рядомъ съ Потоцкимъ, тотчасъ же поѣхалъ по войску, останавливаясь передъ каждымъ полкомъ, хваля и ободряя начальниковъ.

Правда, что всѣ эти силы, хотя и не были многочисленны, но отличались подборомъ, красотою, порядкомъ и складывались главнымъ образомъ изъ старыхъ, опытныхъ солдатъ, для которыхъ битва была насущнымъ хлѣбомъ и желаннымъ трудомъ. Когда все это расположилось и заняло предназначенныя для нихъ мѣста,—куда только достигало зрѣніе, вездѣ видны были палатки, знамена, возы, шалаши. Все это расположилось подъ мѣстечкомъ, въ которомъ было приготовлено мѣсто королю, въ монастырѣ. Подканцлеръ старался помѣститься поближе къ нему, вмѣстѣ со своей женою.

Будучи въ такихъ же холодныхъ и непріязненныхъ отношеніяхъ къ королю, Радзеевскій писалъ все болѣе рѣзкія письма къ королевѣ, стараясь въ нихъ выставить короля совершенно неспособнымъ, поколебать вѣру въ его къ ней привязанность и разстроить супружество. Послѣдствія были такъ очевидны,

что король сейчасъ же почувствовалъ въ письмахъ жены вліяніе какихъ-то непріязненныхъ донесеній. Но каждый день было столько дѣла, что Яну Казиміру все приходилось откладывать объясненія.

Письма Радзеевскаго наконецъ должно быть подѣйствовали такъ сильно въ Варшавѣ, что приходившія оттуда эстафеты совершенно перестали привозить письма Маріи Людвики. Сначала однако король, имѣя въ головѣ столько дѣла, и не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Почти каждый день приводили захваченныхъ плѣнныхъ и выслушивали ихъ донесенія о передвиженіяхъ Хмѣля, о которомъ наконецъ пришло извѣстіе, что, пройдя Зборовъ, онъ идетъ на Сокаль. Посланный отъ молдавскаго господаря предупредилъ короля, чтобы были насторожѣ и со стороны татаръ. Бѣглые отъ Хмѣля насчитывали его силы въ 40.000, да столько хлоповъ, загнанныхъ насильно, за которыми нѣсколько полковъ смотрѣли, чтобы они не разбѣгались. Наконецъ стали приводить столько плѣнныхъ казаковъ, что уже нельзя было сомнѣваться, что скоро придется встрѣтиться съ Хмѣлемъ. Король отдалъ приказаніе, чтобы всѣ были готовы къ выступленію.

Но еще прежде чѣмъ выступили изъ Сокаля, произошли обстоятельства, которыя измѣнили положеніе подканцлера и навсегда оттолкнули отъ него короля.

Послѣ нѣсколькихъ дней такого непонятнаго молчанія королевы, Янъ Казиміръ сначала сталъ безпокоиться о ея здоровьи, но когда изъ другихъ, постороннихъ корреспонденцій узналъ, что она вовсе не была больна, напалъ на мысль, что что-нибудь должно было оттолкнуть отъ него королеву.

Въ это время вернулся изъ Варшавы посланный туда съ письмами Тизенгаузъ, и король сталъ разспрашивать его съ глаза на глазъ.

— Что же тамъ дѣлается, что я не имѣю ни одного письма отъ королевы? Ты не слыхалъ, не знаешь?

— Боюсь повторять,—отвѣчалъ Тизенгаузъ,—потому что можетъ быть, это одни сплетни.

— Да говори-же!—торопилъ король,—говори смѣло, ни одинъ волосъ не падетъ съ твоей головы.

— *Все это*—дѣло подканцлера,—началъ Тизенгаузъ.— Онъ

каждый день посылаетъ туда донесенія о томъ, что здѣсь происходитъ, и умышленно отталкиваетъ отъ васъ государыню. По крайней мѣрѣ французы много говорятъ между собой объ этихъ письмахъ.

Янъ Казиміръ замолчалъ. Позвали одного изъ писарей канцеляріи. Тотъ сознался, что Радзеевскій аккуратно каждый день отправлялъ толстыя письма, адресованныя или прямо къ королевѣ или къ ея секретарю. Ожидаемое письмо отъ королевы не дошло, а вмѣсто того въ тотъ же день отъ секретаря королевы пришелъ большой пакетъ къ Радзеевскому. На другой день утромъ король приказалъ показать ему письма Радзеевскаго въ Варшаву. Въ этотъ день было только одно и то подъ адрессомъ королевы.

Гнѣвный, да и вообще не очень заботящійся въ военное время о сохраненіи тайны печати, король отнесъ его въ спальню и вскрылъ... Читая, онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія и возмущенія. Радзеевскій постепенно дошелъ до того, что просто насмѣхался надъ королемъ, представлялъ его Маріи Людвикѣ, какъ совершенно неспособнаго, предсказывалъ пораженіе, критиковалъ планы—однимъ словомъ, унижалъ Яна Казиміра и вдобавокъ представлялъ въ самомъ худшемъ свѣтѣ его чувства къ королевѣ, упрекая его въ вѣтренности, жалуясь, что онъ и теперь не даетъ покоя его женѣ своими ухаживаньями.

Письма этого было вполнѣ достаточно, чтобы объяснить себѣ молчаніе и гнѣвъ Маріи Людвики. Прочитавъ его разъ и другой, король воскликнулъ:

— А! подлая змѣя!

Затѣмъ онъ сталъ въ раздумьи ходить по комнатѣ, приказалъ позвать къ себѣ канцлера. Когда пришелъ ксендзъ Лещинскій, король просто не могъ даже жаловаться, наконецъ, досталъ письмо, шепнулъ что то на ухо канцлеру и прибавилъ: „читай“.

На лицѣ епископа замѣтенъ былъ ужасъ, какой объялъ его при видѣ этого письма, почеркъ котораго былъ ему знакомъ; онъ не могъ докончить и взглянулъ на короля, который стоялъ, сложивъ руки на груди.

— Теперь вы знаете, почему королева перестала писать

ко мнѣ,—сказалъ король,—и я принужденъ держать этого человѣка здѣсь... при себѣ!

Епископъ долго думалъ, держалъ письмо въ рукѣ и, не зная, что посовѣтовать, читалъ его, перечитывалъ, желая найти что-нибудь въ его защиту.

— Я не могу этого потерпѣть, — проговорилъ король.—Я чувствовалъ въ немъ врага, но не ожидалъ отъ него такой низкой измѣны. Теперь, когда уже все открыто, пусть знаетъ и пусть не надоѣдаетъ мнѣ... Онъ подозрѣваетъ меня въ ухаживаньи за его женой, но это низкая клевета. Судьба этой бѣдной женщины интересуетъ меня, потому что я былъ и теперь еще состою ея опекуномъ. Очевидно, это месть за тѣ воображаемыя любовныя интрижки, о которыхъ я вовсе не думаю...

Епископъ, съ письмомъ подканцлера въ рукахъ, вернулся прежде всего въ канцелярію и оттуда прямо въ монастырь, гдѣ онъ стоялъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что Радзеевскій, по обыкновенію, сейчасъ же навѣститъ его, такъ какъ онъ радъ былъ вездѣ сунуть свой носъ, подъ предлогомъ выручить Лещинскаго. И дѣйствительно, не прошло и часу, какъ онъ явился въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа, веселый и даже слишкомъ фамильярный по отношенію къ старику и духовному.

— Ну, отецъ, что же тамъ сегодня новаго? Въ какомъ настроеніи всталъ король?

Епископъ немного подумалъ.

— Король,—сказалъ онъ,—очень встревоженъ: вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ не получаетъ ни одного письма, ни одного слова отъ королевы. Онъ догадывается, что кто-нибудь отталкиваетъ ее отъ него какими-то ложными донесеніями.— Онъ взглянулъ въ глаза Радзеевскому, который съ величайшимъ безстыдствомъ воскликнулъ:

— Вотъ тоже! Королева быть можетъ нашла въ письмахъ короля что-нибудь, что подало поводъ къ неудовольствію.

— Я прочитываю эти письма,—возразилъ епископъ.—Никогда въ нихъ не было ничего, что-бы не доказывало его привязанности и уваженія.

Радзеевскій улыбнулся.

— *Столько* людей посылаютъ отсюда,—сказалъ онъ,—*кто-нибудь, быть можетъ*, и сболтнулъ что-нибудь. Королева рев-

нуетъ его къ моей женѣ и, быть можетъ, не безъ причины, такъ какъ король давно ужъ дѣлаетъ ей сладкіе глазки.

Лещинскій поморщился.

— Какъ ты можешь говорить что-нибудь подобное?—строго проговорилъ онъ, и затѣмъ прибавилъ:

— Изъ Варшавы доносятъ королю, что это твои письма къ королевѣ всему причиной. Король до сихъ поръ былъ такъ милостивъ къ вамъ: это нехорошо...

— Я никакихъ писемъ не пишу!—дерзко вскричалъ Радзеевскій.

— Никакихъ писемъ?—повторилъ Лещинскій и прошелся по комнатѣ.—Очень мнѣ тяжело это, но порученіе короля я долженъ исполнить. Посмотрите-же, что это—и прочитайте! По тону и по содержанію легко заключить, что это уже не первое письмо, и что прежнія были не лучше.

При видѣ этого письма, которое епископъ досталъ и, развернувъ, показалъ Радзеевскому, лицо его перемѣнилось: онъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. Устремивъ глаза на бумагу, онъ стоялъ, не говоря ни слова, но это минутное униженіе уличеннаго во лжи и предательствѣ быстро перешло въ сдержанный гнѣвъ, злобу и жажду мести.

— Что-же вы на это скажете, панъ подканцлеръ?—спросилъ Лещинскій.

— Я? Ничего,—отвѣчалъ Радзеевскій. — Я не вижу въ этомъ никакой вины, пишу, что думаю и какъ думаю, королева питаетъ ко мнѣ довѣріе, а король... Онъ махнулъ рукой.

Радзеевскій, хотя и старался казаться хладнокровнымъ, былъ сильно смущенъ; сѣлъ и глубоко задумался.

— У меня есть враги, — пробормоталъ онъ, — это ихъ штуки.

— На этотъ разъ,—сказалъ Лещинскій,—самый злѣйшій врагъ себѣ вы сами. Оправдаться невозможно... Старайтесь, чтобы король забылъ, что вы передъ нимъ провинились.

Не отвѣчая ни слова, Радзеевскій всталъ.

— Я усердно исполняю свои обязанности,—сказалъ онъ,— а что я подвергаю цензурѣ дѣла и поступки монарха—это не преступленіе. Онъ не хочетъ меня слушать, я долженъ куда-нибудь жаловаться.

Лещинскій остановилъ его движеніемъ руки, какъ-бы желая тѣмъ показать, что всякое оправданіе напрасно. Подумавъ немного, подканцлеръ поклонился и, распростившись, уѣхалъ. Однако, въ этотъ день онъ не отправился къ королю, но перемѣнивъ лошадь, поѣхалъ по лагерю осматривать свою конницу. Здѣсь онъ подобралъ компанію, болѣе подходившую къ его настроенію, и просидѣлъ до вечера.

Между тѣмъ Тизенгаузъ, улучивъ моментъ, когда подканцлера не было дома, добрался до свиты хозяйки и, вручивъ экономкѣ бумагу, шепнулъ только, чтобы подканцлерша тотчасъ же по прочтеніи возвратила. Это было—corpus delicti, письмо Радзеевскаго къ королевѣ, гдѣ прекрасная Елизавета могла и о себѣ найти кое-что... не очень лестное.

Что тамъ дѣлалось во время чтенія, какой гнѣвъ и бѣшенство объяло подканцлершу, которая со стономъ и плачемъ бросилась на кровать—этого невозможно описать. Ее привели наконецъ въ себя, а Тизенгаузъ сейчасъ же отнесъ письмо обратно королю.

Вернувшись домой, Радзеевскій узналъ о болѣзни жены, но не обращая на нее вниманія, вошелъ въ спальню. Видъ, съ какимъ она приняла его, заставилъ его догадаться, что открытая корреспонденція и здѣсь уже не была тайной. Радзеевскій завелъ было разговоръ о поѣздкѣ въ Крылово, но подканцлерша напрямикъ заявила ему, что она возвращается въ Варшаву.

— Королю вы сдѣлаете этимъ еще большую непріятность, чѣмъ мнѣ, мужу,—иронически сказалъ онъ.

— Мнѣ кажется,—воскликнула подканцлерша,—ты ужъ столько разъ донималъ меня королемъ, что долженъ бы придумать что-нибудъ новое, чтобы надоѣдать мнѣ.

Радзеевскій рѣзко измѣнилъ тонъ.

— Я не желаю, чтобы вы ѣхали въ Варшаву,—сказалъ онъ.—Въ Крыловѣ будетъ безопасно; можешь тамъ остановиться.

Подканцлерша не захотѣла отвѣчать; позвала слугу, чтобы ей подали воды и гордо удалила мужа, простившись съ нимъ, *а такъ какъ онъ* не хотѣлъ поднимать ссоры при людяхъ—*онъ вышелъ разсер*женный.

На другой день, послѣ пирушки съ военными въ городѣ, которая затянулась до поздней ночи, Радзеевскій всталъ поздно и когда спросилъ о женѣ, ему отвѣтили, что она уѣхала нѣсколько часовъ тому назадъ неизвѣстно куда. Письма никакого она не оставила.

Этотъ неожиданный самовольный отъѣздъ Радзеевскій, боясь лишнихъ толковъ, прикрылъ равнодушнымъ на видъ молчаніемъ, хотя и предвидѣлъ въ немъ доказательства полнаго разрыва. Нѣкоторое время онъ еще обольщалъ себя надеждой, что подканцлерша могла отправиться въ Крылово, но полученныя оттуда письма ничего о ней не говорили. Итакъ, не было сомнѣнія, что она поѣхала въ Варшаву.

Этотъ внезапный отъѣздъ и случай, оттолкнувшій отъ него короля, сдѣлали положеніе подканцлера очень труднымъ. Онъ былъ черезчуръ гордъ для того, чтобы стараться выпросить себѣ прощенье; ему казалось, что званіе подканцлера и его связи дозволяли ему встать грудью противъ слабаго государя.

Поэтому, послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшилъ не уходить съ поля битвы и бороться.

Цѣлый планъ былъ уже у него въ головѣ. Войско, состоящее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, заключало въ себѣ много забіякъ; взбунтовать ихъ въ удобный моментъ, затруднять Яну Казиміру каждый шагъ, сдѣлаться необходимымъ въ качествѣ посредника... все это было очень просто и легко. А пока канцлеръ рѣшилъ не обращать вниманія на проявленія неудовольствія и отвращеніе и удержать за собой мѣсто наперекоръ королю.

На другой же день онъ явился въ покои короля; король даже не взглянулъ на него; попробовалъ заговорить: онъ не отвѣчалъ. Однако это не заставило его сократить время своего пребыванія у короля; онъ сопутствовалъ ему, когда привели плѣнныхъ, вмѣшивался всюду и все заговаривалъ съ нимъ.

Лещинскій не могъ надивиться на его дерзость.

Послѣ отъѣзда подканцлерши и продолжительнаго молчанія королевы, когда понадобилось послать въ Варшаву вѣрнаго человѣка, кто-то указалъ на Стжембоша. Его позвали къ королю. Янъ Казиміръ ласково положилъ ему руку на плечо и шепнулъ.

— А что, если бы ты съѣздилъ для меня въ Варшаву?

— Государь,—возразилъ Дызмѣ,—я служу въ полку и кромѣ того нахожусь подъ властью дяди моего Ксензкаго, отъ котораго мнѣ ужъ и такъ достается, что во мнѣ мало рыцарскаго духа.

— Гдѣ стоитъ вашъ полкъ въ лагерѣ?—спросилъ король.

Дызма какъ можно обстоятельнѣе указалъ мѣсто стоянки. На другой же день король поѣхалъ туда дѣлать смотръ. Ксензкій стоялъ впереди, и Янъ Казиміръ подозвалъ его.

— Ксензкій—проговорилъ онъ—какъ вамъ кажется, можно-ли честно служитъ Рѣчи Посполитой иначе, какъ въ латахъ и шишакѣ?

— Государь—воскликнулъ Ксензкій—напротивъ того, я думаю, что можно даже и въ сермягѣ.

— Ну, а въ придворномъ платьѣ?—пробормоталъ король, оглядываясь вокругъ и ища глазами Стжембоша.

— Кто для чего родился, государь,—сказалъ Ксензкій.—Ваше королевское величество простите меня, но я предпочитаю рыцаря пажу.

— Но вѣдь изъ придворныхъ выростаютъ канцлеры—прибавилъ король.

— Только на сто пропавшихъ едва одинъ удается!—закончилъ Ксензкій.

Король подалъ знакъ, чтобы онъ приблизился къ нему.

— Одолжите-ка мнѣ своего племянника,—шепнулъ онъ—мнѣ нужно довѣреннаго посла...

Ксензкій поклонился.

— Король приказываетъ,—сказалъ онъ,—и мы охотно слушаемъ. Я боюсь только, государь, какъ бы, поѣхавъ туда, онъ тамъ не застрялъ, потому что соблазновъ тамъ много, а онъ молодъ.

— И я даже знаю одинъ соблазнъ,—красивая дѣвушка,—весело прибавилъ король.—Но хоть бы онъ и застрялъ тамъ, такъ опасности нѣтъ, потому что приданое за ней будетъ порядочное, да и я явлюсь къ нимъ на помощь.

Такимъ образомъ, едва только отвѣдавши службы, Дызма долженъ былъ сѣсть на коня и въ качествѣ королевскаго *посла отправляться* вмѣстѣ съ другими въ Варшаву.

III.

Вся прислуга и дворня Радзеевскаго издавна привыкла къ роскошному пріему гостей. Отецъ его одарялъ въ Радзеевицахъ Сигизмунда IV, самъ подканцлеръ поражалъ посольство m-me де-Гебріанъ роскошью и расточительностью; наконецъ въ Бѣльскѣ, какъ Ломжинскій староста, онъ съ большой роскошью принималъ Яна Казиміра, стараясь снискать его расположеніе и осыпалъ подарками и его, и весь дворъ. Радзеевскіе вообще держались того мнѣнія, что хлѣбомъ и виномъ легче всего снискиваются расположеніе и дружба. Сдѣлавшись подканцлеромъ и взявши за женами порядочное состояніе, панъ Іеронимъ не измѣнилъ традиціоннаго обычая. Онъ и въ лагерѣ имѣлъ съ собой чѣмъ угощать, кормить и поить, и не жалѣлъ на это денегъ. Онъ убѣдился на опытѣ, что гостепріимство его оплачивалось съ излишкомъ. Теперь же, когда предстояла борьба съ королемъ, которую онъ собирался только раздувать, чтобы потомъ самому же помогать гасить, теперь главнымъ желаніемъ подканцлера было собрать вокругъ себя самыхъ горячихъ, самыхъ знаменитыхъ лагерныхъ крикуновъ и бунтовщиковъ. Его конница служила ему очень ловко и была хорошей приманкой. Съ ихъ помощью онъ привлекалъ къ себѣ буяновъ и людей съ желчнымъ темпераментомъ.

Все это никого не могло поражать, такъ какъ попойки и пирушки были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ войскѣ.

Только когда гдѣ-нибудь расхваливали короля и превозносили пановъ гетмановъ,—въ палаткѣ Радзеевскаго раздавались противоположные голоса. Здѣсь, слушая нашептыванія Радзеевскаго и его клевретовъ, обо всемъ отзывались недовѣрчиво и съ неудовольствіемъ. Болѣе чѣмъ когда-либо строгая дисциплина, на которой настаивалъ король, въ особенности ставилась ему въ укоръ.

Радзеевскій выслушавъ всѣ эти рѣчи, осторожно подливалъ въ огонь масла, но вслухъ ничего не говорилъ, боясь, чтобы словъ его преждевременно не донесли королю.

Въ своей конницѣ, въ числѣ ротмистровъ, онъ зналъ двухъ

отличныхъ буяновъ: Казимірскаго и Прошку, изъ другихъ полковъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные буяны и крикуны собирались сюда же. О Казимірскомъ можно было сказать: „отъ рожденья курицы хохлаты“, потому что всѣ они, сколько ихъ ни знали, на всѣхъ сеймахъ всегда были противъ короля и за золотую свободу. Панъ Янъ, который былъ ротмистромъ у подканцлера, обладалъ громкимъ голосомъ, живой жестикуляціей, и былъ извѣстенъ своей ненавистью ко всему, что только стремилось возвыситься надъ шляхетскимъ равенствомъ.

Отъ этихъ реторическихъ усилій за виномъ, которое онъ долженъ былъ пить, чтобы у него не пересыхало въ горлѣ, у него всегда было красное лицо, иногда даже синее, впрочемъ красивое и украшенное огромными усами, хватающими даже за ухо. Темпераментъ и привычки. Казимірскаго вездѣ и всюду дѣлали его противникомъ и заставляли возражать.

Прошка, другой ротмистръ изъ конницы Радзеевскаго, не былъ говоруномъ. Онъ шепталъ тихо, подталкивалъ локтемъ, подстрекалъ на ухо, и молчаливый и угрюмый на видъ, игралъ не маловажную роль. Иногда только, когда что-нибудь больно задѣвало его за живое, онъ вспыхивалъ самымъ неожиданнымъ и самымъ грубымъ образомъ. Худой, высокій, Прошка постоянно шевелился, постояно поправлялъ что-нибудь, хваталъ руками все, что только попадалось и тѣмъ обнаруживалъ внутреннее безпокойство.

Вокругъ этихъ двухъ постояныхъ гостей подканцлера собирались сливки и пѣнки со всего войска, за исключеніемъ иностранной пѣхоты, которая держалась отдѣльно, въ сторонѣ.

Въ обыденномъ кружкѣ подканцлера отличались еще: Снарскій, ротмистръ Замойскаго, Банковскій изъ отряда хорунжаго Концепольскаго и Моравецъ изъ полковъ Любомірскихъ.

На полѣ битвы Снарскій казался очень рьянымъ на видъ и прославился отчаянно безумной храбростью, но что странно, кричалъ во время битвы больше всѣхъ, гналъ другихъ, а самъ уходилъ. Только уже послѣ битвы, въ палаткѣ на мѣстѣ сраженія, когда все было окончено, онъ лучше всѣхъ описывалъ сраженіе, хотя часто разсказывалъ то, чего никто не могъ засвидѣтельствовать. Пусть только кто-нибудь посмѣлъ

бы возражать ему! взволнованный Снарскій выскакивалъ и начиналъ клясться:

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, провалиться мнѣ сквозь землю, порази меня первый громъ!

Такихъ клятвъ у него былъ большой запасъ и, заключивъ ими свой разсказъ, онъ всегда въ концѣ концовъ замазывалъ всѣмъ рты. По мнѣнію Снарскаго, войско всегда и всюду бывало въ обидѣ и поэтому слѣдуетъ прощать всѣ его выходки.

— Мы проливаемъ свою кровь, жертвуемъ своей жизнью,— кричалъ онъ,—а намъ даютъ только одинъ хлѣбъ, да и то только сколько, чтобы мы не умирали съ голоду. Panis bene merentium! а кто же его ѣстъ? Паны, а намъ не перепадаетъ ни крошки. Мы должны смотрѣть на пирующихъ богачей и облизываться.

Банковскій прежде всего былъ хорошимъ товарищемъ и незамѣнимъ на пирушкахъ. Когда онъ смѣялся, то такъ громко что его далеко узнавали по этому смѣху. Толстый, широкоплечій, сильный, онъ день и ночь готовъ былъ пирозать и пить; выспался полчаса сидя—и снова начиналъ de noviter repertis.

Наконецъ, Моравецъ, который служилъ, уже во многихъ полкахъ, переходя изъ одного въ другой, человѣкъ со средствами, богаче ихъ всѣхъ, всегда замкнутый въ себѣ, осторожный,—такъ и родился заговорщикомъ. Его считали жаднымъ и скупымъ, такъ какъ онъ никогда никого не угостилъ у себя кубкомъ вина. Отчего онъ связывался всегда съ людьми безпокойными и держалъ ихъ сторону—это было непонятно. Но, гдѣ только кричали и волновались, тамъ онъ всегда являлся и поддакивалъ.

Радзеевскій особенно разсчитывалъ на Казимірскаго и Снарскаго. Эти двое бывали у него ежедневными гостями. Дня не проходило, чтобы который нибудь изъ этихъ заговорщиковъ не приводилъ новаго гостя, предварительно выслушавъ его пульсъ такъ ли онъ бьется, какъ у всѣхъ у нихъ. Эти новые поневолѣ увлекали за собой другихъ—и у подканцлера никогда не бывало пусто по вечерамъ. Онъ самъ всегда появлялся здѣсь, просиживалъ иногда очень долго и не скрывалъ своихъ мнѣній и мыслей. Главнымъ образомъ онъ осмѣивалъ короля и пророчилъ ему все самое скверное.

— Если бы онъ хоть слушать хотѣлъ,—говорилъ онъ,— да нѣтъ! Бабъ, королеву, онъ готовъ слушать, а преданныхъ и искреннихъ совѣтниковъ—никогда.

Отъ Люблина и Краснаго Става все росло и усиливалось неудовольствіе противъ короля, а послѣ открытія переписки и отъѣзда подканцлерши дѣло дошло до открытыхъ насмѣшекъ.

Что-бы только король съ гетманами ни порѣшили на совѣтѣ, все было глупо и скверно. Повѣшеніе пойманнаго шпіона сначала называли излишней жестокостью; а тутъ какъ разъ начали доходить постоянныя жалобы отъ крестьянъ на безчинства военныхъ и оказалось, что двое ротмистровъ Павловскіе напали и разграбили имѣнье подъ Свитажовомъ, дозволяя себѣ всякія насилія; король приказалъ предать ихъ военному суду и наказать какъ можно строже. Не было сомнѣнія, что они будутъ приговорены къ смертной казни.

Какъ разъ вскорѣ долженъ былъ собраться судъ, а такъ какъ у Павловскихъ было много друзей, то въ разныхъ мѣстахъ слышался ропотъ. Въ этотъ день въ палаткѣ подканцлера было на столѣ и дѣло Павловскихъ. Въ самый разгаръ бесѣды вошелъ подканцлеръ, къ которому Казимірскій на самомъ порогѣ обратился со словами:

— А что-же эти бѣдняги Павловскіе?

Радзеевскій махнулъ рукой.

— Что? читайте заранѣе requiem aeternam—воскликнулъ онъ и показалъ на горло...—Иначе ихъ не могутъ присудить по гетманскому уставу, какъ къ смертной казни.

— Но король можетъ смягчить приговоръ,—вскричалъ Снарскій: —вѣдь выпросилъ-же подканцлеръ литовскій писаря изъ своей венгерской пѣхоты, который притащилъ въ лагерь связаннаго шляхтича и былъ за это приговоренъ къ смертной казни, выкупилъ же вѣдь его за четыреста злотыхъ.

Радзеевскій началъ смѣяться.

— А я хоть-бы по восьми сотъ далъ за каждаго изъ Павловскихъ, только-бы выставилъ себя на смѣхъ; король съ каждымъ днемъ становится все суровѣе, совсѣмъ теряетъ голову. Ему кажется, что чѣмъ строже онъ будетъ, тѣмъ большимъ сдѣлается героемъ!

Снарскій началъ кричать изъ-за стола.

— Убійства никакого не было! Только порубили работниковъ. Какія тамъ жалобы во время войны, когда человѣкъ голоденъ! Павловскій клянется, что хозяйка приказала работникамъ стрѣлять въ нихъ. Они разсвирѣпѣли, а ужъ разъ выломали двери и ворвались туда—разумѣется, никому не давали пощады! Во время войны, хотя-бы даже въ своей странѣ, это не новость, что солдатъ позволитъ себѣ лишнее иной разъ.

— Теперь какъ разъ время,—воскликнулъ Казимірскій, поднимая руки,—такъ строго обращаться съ храбрыми людьми, съ ротмистрами, когда непріятель на носу. Вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ сердца, онъ всѣхъ отталкиваетъ отъ себя.

— То же самое,—тихо проговорилъ подканцлеръ, окинувъ взглядомъ все собраніе:—говорилъ ему это и Лещинскій, говорилъ и я и другіе пробовали убѣдить его, что королю слѣдуетъ милостью привлекать сердца, а не отталкивать ихъ суровостью,—но онъ глухъ ко всему этому. Не только, что Павловскіе падутъ жертвой, но кажется онъ велитъ публично, на показъ всѣмъ казнить ихъ, чтобы всѣ видѣли это.

Снарскій даже вскрикнулъ:

— Вотъ такъ главнокомандующій. Я хорошо зналъ Павловскихъ. Правда, когда они были навеселѣ, не было для нихъ узды, но зато надо было видѣть, какъ оба они дрались на полѣ битвы. Старшій весь изрубленъ.

— Онъ напираетъ на то,—воскликнулъ Казимірскій,—что они рубили сундуки и забрали какія-то тряпки хозяйки да чистоганомъ злотыхъ двѣсти: а вѣдь это что? Пустяки! И за это лишать ихъ жизни?

— Нѣтъ,—воскликнулъ Банковскій,—не хочется вѣрить тому, что король не смягчить приговора. Хмѣль сидитъ у насъ на шеѣ, осаждаетъ Олыку, онъ того и гляди нагрянетъ, а тутъ прекрасное ободреніе для солдата—висѣлица и палачъ!

— Никогда-бы и не дошло дѣло до такой крайности,—прошепталъ, фамильярно садясь на столъ, Радзеевскій,—если бы не король. Я знаю это изъ самаго вѣрнаго источника, что и старикъ Потоцкій и Калиновскій просили за нихъ—поставить ихъ на первый огонь, когда дойдетъ до сраженія съ казаками. . пусть судитъ самъ Богъ... Но король настоялъ на томъ, что смерть ихъ необходима въ назиданіе, и что недоста-

точно обоихъ казнить, но непремѣнно по серединѣ лагеря, на виду у всѣхъ и съ музыкой.

— До завтра,—проговорилъ Моравецъ,—король быть можетъ еще раздумаетъ.

— Кто? король?—разсмѣялся Радзеевскій.—Хорошо же ты его знаешь! Именно потому, что за нихъ просятъ, онъ заупрямился и поставитъ на своемъ, желая показать, что онъ никого не слушаетъ. Такова ужъ натура слабыхъ людей: чѣмъ больше настаиваютъ, тѣмъ они тверже стоятъ на своемъ.

— Тѣ, которые раньше знали его, когда онъ былъ еще принцемъ,—началъ Прошка,—всегда говорили о его непостоянствѣ, но теперь онъ очень перемѣнился.

— Подождите до конца,—вмѣшался Радзеевскій,—перемѣнится онъ еще не разъ. Хамелеонъ этотъ самъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ.

— На военномъ совѣтѣ разъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы идти на казаковъ, а то опять стоять, занявъ выгодную позицію и ждать. Приказываютъ намъ приготовиться, а между тѣмъ и недѣля проходитъ, а мы все стоимъ на мѣстѣ.

— Это правда, сказалъ Моравецъ,—но нужно и то помнить, что казаки, которыхъ приводятъ каждый день, каждый разъ говорятъ иначе.

— Ужъ не имъ ли вѣрить?—прервалъ Радзеевскій.—У насъ передъ глазами весьма свѣжій примѣръ на этомъ Богдашкѣ, котораго здѣсь въ лагерѣ принимали какъ избавителя, и онъ хвастался, что приведетъ цѣлые полки, отпавшіе отъ Хмѣля. Король приказалъ выдать ему на это денегъ, а теперь этотъ шельма хвастается, что надулъ дураковъ ляховъ.

Весь вечеръ прошелъ въ соболѣзнованіяхъ надъ судьбой Павловскихъ, какъ бы невинныхъ жертвъ, и всѣ, которые вышли отсюда, разнесли собой по лагерю неудовольствіе на короля и упреки.

Подканцлеръ радовался, въ особенности, когда его предсказаніе сбылось; дѣйствительно, оба Павловскіе были казнены на глазахъ всего войска.

Поднялся большой переполохъ въ войскѣ и неудовольствіе на короля возросло. Но некогда было разсуждать, такъ какъ на другой же день прибылъ Конецпольскій, который прискакалъ

сюда съ небольшимъ отрядомъ, оставивъ свои войска подъ Берестечкомъ, объявляя, что казаки и татары приближаются, да и Забускій привелъ плѣннаго татарина изъ орды. Поэтому, на этотъ разъ объявили, чтобы всѣ, оставивъ воза, выступили завтра утромъ, и войско тронулось.

Не пройдя и двухъ миль, войско расположилось отдыхать, гдѣ и получили пріятное извѣстіе, что Олыку отстояли. Король очень обрадовался этому.

На другой день войско добралось до Лобачовки, уже въ небольшомъ разстояніи отъ Берестечка, куда присланный Конецпольскимъ казакъ, убѣжавшій отъ Хмѣля, принесъ извѣстіе, что ханъ татарскій соединился съ казаками.

Затѣмъ пошли дальше къ Берестечку, а между тѣмъ Конецпольскій вышелъ противъ казаковъ и удачно сразился съ ними. Онъ напалъ какъ разъ на тѣхъ, которыхъ прогнали отъ Олыки и, какъ говорятъ, положивъ ихъ съ тысячу на мѣстѣ сраженія, привезъ съ собой 400 возовъ съ фуражемъ и провіантомъ. Въ войскѣ очень радовались этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и чѣмъ огорчиться, такъ какъ захваченные возы заключали въ себѣ добычу съ разграбленнаго Полѣсья Волынскаго, гдѣ по крайней мѣрѣ 20 мѣстечекъ и деревень обратили въ груду пепла. Старались скрыть отъ войсва еще худшую вѣсть, которую принесли королю, взывая о помощи.

Какой-то измѣнникъ подражая Хмѣлю, поднялъ бунтъ на Подгорьѣ. Такимъ образомъ, огонь, начинавшійся на границахъ Украины, перескочилъ на другой конецъ Рѣчи Посполитой и могъ залить ее всю, какъ высохшее поле.

Въ одно мгновеніе созвали военный совѣтъ, остерегаясь, чтобы не поднять переполохъ; всѣ, конечно, были согласны въ одномъ: пока пожаръ еще небольшой, тушить его, залить хотя бы кровью, чтобы потомъ, когда онъ разгорится, не пришлось тушить его руками. Объ одномъ только слѣдовало позаботиться, чтобы, отрывая у войска часть силъ въ такую рѣшительную минуту, когда уже готовились къ битвѣ—не лишать ихъ бодрости. Между шляхтой ужъ и такъ, благодаря разнымъ нашептываньямъ и подстрекательствамъ, раздавались дерзкіе голоса, которые поддерживалъ Радзеевскій.

Въ первый разъ увидѣли на лицѣ короля выраженіе уто-

мленія и колебанія; но это продолжалось очень недолго—рѣшимость и мужество вернулись къ нему. Онъ надѣялся на Бога, что онъ побѣдитъ все, лишь бы только народъ былъ ему вѣрной опорой.

Долго колебались въ выборѣ тѣхъ, которыхъ нужно было послать на усмиреніе бунта, пока мечникъ коронный Зебжидовскій и двое Любомірскихъ, Александръ и Кристофъ, не предложили свои услуги, въ надеждѣ, что на этихъ разбойниковъ большихъ силъ не понадобится. Поэтому рѣшили послать этихъ, а хорунжій Конецпольскій хотѣлъ еще послать въ Броды за пушками, но все чаще и чаще приходили вѣсти о татарахъ, такъ что было ужъ не до того.

Отправленіе Зебжидовскаго и Любомірскихъ старались скрыть, чтобы войско не знало о немъ ничего, ни объ этомъ бунтѣ, который грозилъ съ другой стороны.

Для Радзеевскаго, хотя онъ не былъ на военномъ совѣтѣ, все это не было тайной, а онъ радовался всему, что только могло увеличить заботы короля. Однако онъ сообразилъ, что говоритъ объ этомъ бунтѣ не стоитъ и припряталъ это извѣстіе до болѣе удобной минуты. Между тѣмъ, Казимірскій въ этотъ же вечеръ влетѣлъ въ свою обыкновенную компанію съ растрепанными волосами и лицомъ, еще болѣе краснымъ, чѣмъ всегда.

— Эй! эй!—вскричалъ онъ на самомъ порогѣ,—тутъ что-нибудь да не ладно! Между королемъ и панами гетманами нѣтъ единодушія. Имъ бы хотѣлось стоять на мѣстѣ и поджидать непріятеля, а король, услышавъ о появленіи Хмѣля подъ Дубномъ и Олыкой, хочетъ идти на него, раздавить и сразу покончить съ нимъ. Разумѣется, Потоцкому придется уступить —хоть онъ и опытнѣе, потому что король упрямъ; но что-то случилось, трудно только провѣдать, что именно, потому что мечникъ коронный и оба молодые Любомірскіе отправляются завтра куда-то въ сторону. Куда? зачѣмъ? Тайна. Намъ надо собираться всѣмъ въ кучу,—прибавилъ Казимірскій,—а тутъ какъ разъ въ это время уходятъ самые лучшіе полки!

Подканцлеръ, сидѣвшій за столомъ, далъ понять, что онъ кое-что знаетъ.

—*Поговариваютъ* о бунтѣ хлоповъ на Подгорьѣ,—пробормо-

талъ онъ,—а мнѣ такъ кажется, что это утка, пущенная казаками, чтобы разорвать наши силы.

Казимірскій задумался, другіе молчали.

— Бунтъ на Подгорьѣ!—повторилъ онъ,—бунтъ, на который понадобилось выслать цѣлые полки!

— Безпорядокъ во всемъ,—подхватилъ Снарскій,—легковѣріе, головы ни у кого на плечахъ нѣтъ. А между тѣмъ что-же? Шляхта уже ворчитъ, напоминая, что она напрасно только тратитъ время, а король все ихъ держитъ.

— Хотятъ составить союзъ и переговорить съ королемъ.

— Гдѣ же это ты слышалъ?—спросилъ подканцлеръ.

— Гдѣ? Стоитъ только войти въ любую палатку и подставить ухо,—говорилъ Снарскій. — Больше всего ихъ возмущаетъ то, что король оказываетъ особенное покровительство нѣмецкимъ полкамъ и нѣмцамъ.

— Эхъ!—началъ Радзеевскій,—это ужъ не новость, что нѣмцемъ пахнетъ,—это началось еще при Сигизмундѣ, Владиславъ тоже гладилъ ихъ по головкѣ и любилъ, Янъ Казиміръ тоже почитаетъ ихъ. Намъ отъ нихъ не избавиться. Гувальды всегда будутъ въ милости. Съ ними король чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, а съ нами ему неудобно, неловко.

— Шляхта,—продолжалъ Снарскій,—заявляетъ много подобныхъ претензій на короля, а умы ужъ такъ возбуждены, что того и гляди—воспламенятся. Я только боюсь, какъ бы они въ самую рѣшительную минуту, когда у насъ за спиной будутъ казаки, не приступили къ королю съ ультиматумомъ и не потребовали бы отъ него чего-нибудь такого, чего онъ дать не можетъ.

— Гмъ! — пробормоталъ молчавшій до сихъ поръ Моравецъ,—что же вы думаете? Тѣ, которые руководятъ шляхтой, разсчитываютъ приступить къ нему въ самую рѣшительную минуту, потому что авось тогда что-нибудь и выторгуютъ! Эге! у нихъ есть носъ: сейчасъ же пронюхаютъ.

За столомъ сидѣлъ въ первый разъ приведенный къ подканцлеру среднихъ лѣтъ мужчина—хорунжій Мазевскій, и молчалъ. Мало кто зналъ его здѣсь, кромѣ Банковскаго, съ которымъ онъ пришелъ. До сихъ поръ онъ слушалъ молча и осма-

тривался по сторонамъ, а по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

Наконецъ, онъ не могъ выдержать.

— Вотъ такъ прекрасная шляхта!—воскликнулъ онъ.— Стоило имъ идти сюда, чтобы только составлять заговоры, да намъ, которые приготовились проливать кровь, стоять на дорогѣ... Громъ и молнія на такое ополченіе!

Всѣ обратили на него взоры.

— Это измѣнники и подлецы!—воскликнулъ онъ.—Намъ угрожаютъ казаки и татары, а эти бестіи думаютъ только о себѣ, какъ бы побольше содрать за свою шкуру, хоть ея и не дали еще...

— Помилуй, хорунжій,—прервалъ Казимірскій,—что ты такъ негодуешь?.. Шляхта опирается на свои права...

— А чортъ бы ее побралъ съ ея правами! Время ли тутъ думать о правахъ! Тутъ нѣтъ теперь права, кромѣ военнаго, а кто его не слушаетъ...

Взволнованный Мазевскій сѣлъ, не кончая начатой рѣчи; всѣ переглянулись между собой, какъ бы говоря:

— Это не нашъ человѣкъ.

— Успокойтесь,—разсмѣялся Банковскій,—шляхта исполнитъ свой долгъ, но, что она домогается...

— Довольно будетъ времени послѣ войны,—началъ горячо Мазевскій.—Теперь только одно у нихъ дѣло: погасить бунтъ, усмирить мятежниковъ, прогнать татаръ... Я ничего другого не знаю; тотъ измѣнникъ, кто думаетъ теперь о чемъ-либо другомъ!

— Именно поэтому,—прервалъ подканцлеръ,—люди безпокоятся о дѣйствіяхъ короля, такъ какъ одинъ невѣрный шагъ можетъ насъ погубить.

— А, на это у него есть Совѣтъ,—сказалъ Мазевскій.

— Котораго онъ и слушать не хочетъ, а только своихъ нѣмцевъ,—вмѣшался Прошка.—Нѣтъ, нѣтъ,—нѣмцевъ надо выкуривать.

— Но, чортъ возьми!—воскликнулъ Мазевскій,—нѣмецкая пѣхота прекрасна; въ артиллеріи они пушкари, безъ которыхъ мы не обойдемся.

Осторожный подканцлеръ сталъ разспрашивать, кто ввелъ

этого хорунжаго, отвелъ Банковскаго въ сторону и сталъ его журить за это.

— Но онъ дѣльный воинъ, — защищался Банковскій, — пользуется большимъ вліяніемъ, а что немножко иначе смотритъ на дѣло, чѣмъ мы...

— Немножко!—замялся подканцлеръ.

Между тѣмъ споръ все еще продолжался; однако обычные гости Радзеевскаго сообразили, что не стоило его раздражать— и одинъ за другимъ умолкали, а Мазевскій, понявъ, что ни они ему не были рады, ни онъ совершенно не былъ нуженъ среди нихъ, взявши шапку, вышелъ.

— Ты долженъ быть осторожнымъ, — сказалъ Радзеевскій,—зачѣмъ намъ германскихъ куртизановъ и дармоѣдовъ? Намъ надо собирать вокругъ себя людей свободныхъ.

Послѣ ухода Мазевскаго, когда все утихло, Казимірскій началъ излагать, что онъ сдѣлалъ и что вообще готовилось.

Готовился цѣлый военный заговоръ противъ короля; начался онъ съ пустяковъ. Подканцлеръ въ него не вмѣшивался и только поддерживалъ добрымъ совѣтомъ, хотя принималъ въ немъ большое участіе. Все это происходило подъ бокомъ у короля и гетмановъ и какъ разъ еще въ такую минуту, когда необходима была самая строгая дисциплина.

Радзеевскій очень радовался всему этому, какъ отличному средству для достиженія высшаго положенія.

— Безъ меня онъ не справится съ заговоромъ, одинъ я сумѣю усмирить ихъ и замазать рты; король вынужденъ будетъ просить меня объ этомъ.

Янъ Казиміръ даже и не предчувствовалъ этой опасности.

На военномъ совѣтѣ было рѣшено переправиться на другую сторону Стира, гдѣ сухія равнины давали войску возможность развернуться. Но переправа черезъ быструю, довольно широкую рѣчку, одинъ берегъ которой былъ очень крутъ, представляла немалое затрудненіе. Единственный, и то не очень крѣпкій мостъ надо было поправить и вести по нему войска въ порядкѣ и осторожно. Всѣмъ этимъ король самъ занялся съ большимъ жаромъ, такъ что гетманамъ приходилось только сдерживать его. Съ вечера объявили, чтобы нѣмецкіе королевскіе полки переправлялись первыми. Опять поднялся ропотъ,

что король больше всего заботится о нѣмцахъ, чтобы они не замочили себѣ ногъ.

На другой день сначала пѣхота, а потомъ и остальные полки, въ строго отпредѣленномъ порядкѣ, переходили мостъ и занимали назначенные мѣста на зеленой равнинѣ противоположнаго берега. Король послѣ торжественнаго богослуженія всталъ на конѣ у моста и наблюдалъ за порядкомъ.

Въ эту минуту съ нимъ не было никого, кромѣ писарей, и Радзеевскій воспользовался случаемъ приблизиться къ нему. Янъ Казиміръ, правда, отвернулся, но не могъ избѣжать его.

— Государь, — проговорилъ подканцлеръ, приближаясь,— хотя мнѣ и трудно добраться до вашего величества, но я исполняю свой долгъ. Я долженъ предупредить, что въ войскѣ появилось какое-то недовольство, ропотъ. Я боюсь, какъ бы все это не вспыхнуло въ самую рѣшительную миптту.

Король долго молчалъ.

— И никто объ этомъ не знаетъ, кромѣ васъ, панъ подканцлеръ?—спросилъ онъ.

— И до меня это дошло случайно,—возразилъ Радзеевскій.

— Я не вѣрю, что шляхта такъ мало заботится о Рѣчи-Посполитой и о своей чести, чтобы запятнать себя въ такую минуту смутами.

— Государь, шляхту надо знать,—съ презрѣніемъ сказалъ подканцлеръ,—это темная толпа, зазнавшаяся вслѣдствіе разныхъ привилегій. Каждый пустякъ можетъ увлечь ее.

Король, слушавшій все это съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, нарочно началъ давать пажамъ различныя приказанія, чтобы только прервать непріятную бесѣду.

Подканцлеръ, разсчитывавшій, быть можетъ, на испугъ и невольное вслѣдствіе этого сближеніе, видя, что Янъ Казиміръ не обращаетъ вниманія на его слова, отошелъ, сильно разсерженный. Всѣ его разсчеты не удались.

— Итакъ, нужно дойти до крайности, — проговорилъ онъ про себя.—Онъ самъ подталкиваетъ меня къ мятежу.

Король, дѣйствительно, изъ отвращенія къ этому человѣку пренебрегъ самымъ совѣтомъ. Онъ подозрѣвалъ, что Радзеевскій употребилъ это средство для того, чтобы примириться съ *нимъ, заслужить* его прощенье, а онъ не могъ простить ему

интриги, которая оттолкнула отъ него королеву. Онъ какъ разъ старался теперь убѣдить Марію Людвику въ своей невинности и одинъ видъ этого человѣка раздражалъ его.

Черезъ три дня уже все войско расположилось на другомъ берегу. Всѣ гетманы хотѣли здѣсь ожидать непріятеля, нетерпѣливый же король хотѣлъ двинуться навстрѣчу. Съ непреодолимымъ упорствомъ требовалъ онъ этого, тогда какъ гетманы, хотя и покорно, но рѣшительно просили по крайней мѣрѣ хоть отложить на время походъ. Это мѣсто казалось имъ самымъ удобнымъ для сраженія и лучше всего защищеннымъ, такъ какъ лѣсъ и рѣчка окружали его.

Однако, Яна Казиміра было почти невозможно удержать. Въ послѣдній день, во время богослуженія, пришелъ къ королю Потоцкій и, какъ милости, просилъ подождать только одинъ день...

— Довольно ужъ потеряли мы времени на эти откладыванія да отсрочки,—воскликнулъ король.—Взгляните на собранныя здѣсь силы: пока онѣ еще есть у насъ, пока онѣ не разсѣялись—будемъ пользоваться. Непріятель не устоитъ противъ такого войска, какъ наше.

— Но во время похода онъ можетъ напасть на насъ въ невыгодной позиціи,—говорилъ Потоцкій.—Тамъ ужъ онъ будетъ выбирать и мы должны будемъ принять сраженіе, гдѣ онъ насъ захватитъ, а здѣсь...

Побѣжденный просьбами, король согласился подождать еще одинъ день. Однако и этотъ день сошелъ въ безпокойствіи, въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи. Старые солдаты, имѣющіе особенное чутье, говорили всѣ, что битвой пахнетъ... хотя ничто о ней не говорило.

На другое утро король вскочилъ передъ разсвѣтомъ и сейчасъ же отдалъ приказаніе, чтобы часть войска немедленно выступила на Дубно... Двинулись первые полки, но только что они скрылись изъ глазъ, какъ прискакалъ сильный отрядъ, посланный на рекогносцировку, извѣщая, что къ нимъ приближается Богунъ съ 30,000 казаковъ и туча татаръ.

Гетманъ едва успѣлъ вернуть выступившіе полки и въ одно мгновеніе весь этотъ спокойный муравейникъ задвигался, закипѣлъ и новая жизнь вступила въ него.

IV.

Разстаться съ лагеремъ и лагерной жизнью было сначала тяжело Дызмѣ; онъ прощался и возвращался къ Ксензкому, который покручивалъ усъ и приговаривалъ:

— Да поѣзжай же! Какая ты баба! Поѣзжай и возвращайся.

Когда тишина полей и лѣсовъ заглушила за нимъ шумъ лагерной жизни, трубы, ржанье лошадей и скрипъ возовъ, Стжембошъ почувствовалъ сначала сильное изнуреніе; онъ дремалъ, сидя въ сѣдлѣ и даже раза два, когда его пугливый конь бросался въ сторону, чуть не упалъ; потомъ, протеревъ глаза, онъ сталъ насвистывать, любоваться деревенской весной, которой давно не видалъ, наконецъ передъ глазами его начали проноситься воспоминанія о Варшавѣ: Біанка, замокъ, товарищи, придворная жизнь, прогулки по городу... какая-то новая сила противъ воли уносила его въ Варшаву. Чѣмъ больше онъ теперь торопился, тѣмъ больше время казалось ему такимъ долгимъ, дни безъ конца, а конь лѣнивымъ.

Стжембошъ ѣхалъ такъ быстро, что хотя подканцлерша значительно опередила его, онъ нагналъ ее около Варшавы и на послѣднемъ ночлегѣ, узнавъ, что она ѣдетъ очень недалеко впереди его, поспѣшилъ, чтобы приладиться къ ея двору. На слѣдующей же стоянкѣ Дызма, котораго король не разъ посылалъ къ Радзеевской и котораго она хорошо знала, приказалъ доложить ей о себѣ. Вѣдь у него было письмо. Его приняли немедленно. Въ дорожномъ платьѣ, но даже и въ дорогѣ со вкусомъ и роскошно одѣтая, Радзеевская задумчиво сидѣла на простой табуреткѣ, прикрытой только подушкой. Прекрасное лицо ея носило на себѣ ясные слѣды перенесенныхъ мученій, выплаканныхъ слезъ и заботъ, которыя ее томили.

— Откуда-же это вы здѣсь явились?—спросила она кроткимъ голосомъ.

— Король послалъ меня въ Варшаву съ разными интимными порученіями,—проговорилъ Дызма, вынимая бумаги.— *У меня и къ вамъ* есть письмецо.—Говоря это, онъ подалъ

ей письмо, запечатанное частной печатью короля, которое Радзеевская быстро схватила, слегка покраснѣвъ, но потомъ раздумавъ, не читая, положила около себя на столъ. Она съ безпокойствомъ начала разспрашивать его, когда онъ выѣхалъ изъ лагеря, и что тамъ слышно?

Стжембошъ разсказывалъ, довольно сдержанно отзываясь о подканцлерѣ, хотя она съ явнымъ недоброжелательствомъ выпытывала всѣ замыслы послѣдняго.

— Непріятеля мы еще не видали,—отвѣчалъ онъ:—но каждый день въ лагерь приводятъ плѣнныхъ, и навѣрное вся эта туча производитъ теперь опустошенія возлѣ Дубна и Ольши, а быть можетъ и ближе. Король хочетъ идти имъ навстрѣчу, Потоцкій и Калиновскій удерживаютъ, потому что подъ Берестечкомъ отличное поле и для лагеря и для сраженія другое такое мѣсто трудно найти. Все-бы хорошо было, потому что и силы все новыя постоянно прибавляются,—докончилъ Стжембошъ,—если-бы не ропотъ и не ссоры, такъ часто происходящія среди ополченія.

— О! это легко было предвидѣть,—живо возразила она, закусывая губы.—Много есть такихъ, которые всегда сѣютъ ссоры и несогласія, а тѣмъ болѣе, что здѣсь это такъ легко. Бѣдный король!

— До сихъ поръ,—прибавилъ Стжембошъ,—онъ стойко держался и такъ дѣятеленъ, какимъ его никто никогда не видалъ. Но развѣ это поможетъ...

Дызма не докончилъ.

— Да,—невольно оживляясь, воскликнула подканцлерша:—развѣ это поможетъ, когда подъ нимъ будутъ рыть ямы.

И она мрачно задумалась.

— Долго вы пробудете въ Варшавѣ?—спросила она.

— Не знаю, потому что главное,—какъ меня приметъ королева.

— Не забудьте-же зайти и ко мнѣ, такъ какъ я должна дать отвѣтъ,—прошептала подканцлерша:

Больше она ни о чемъ не спрашивала, а когда взяла въ руки письмо короля, Дызма понялъ, что ему слѣдуетъ удалиться. Онъ поклонился и вышелъ, а дворецкій подканцлерши, по ея приказанію, сейчасъ-же повелъ его угощать.

Остальная часть дороги прошла очень весело, такъ какъ Стжембошъ не могъ спѣшить на своемъ измученномъ конѣ; поэтому, онъ сопровождалъ подканцлершу и ея дворъ и чувствовалъ себя очень хорошо. Однако на послѣдней стоянкѣ Дызма не могъ удержать своего юношескаго нетерпѣнія, распростился съ подканцлершей и помчался впередъ въ Варшаву. Сердце у него сильно билось, и онъ забылъ все, что оставилъ позади себя. Онъ стыдился самого себя, но какая то могучая сила влекла его, и онъ не могъ ей противостоять. Когда вдали показались башни костеловъ и замковъ, Дызма невольно подкинулъ вверхъ шапку, привѣтствуя городъ. Въ замкѣ его прибытіе, какъ вѣстника съ поля битвы, было встрѣчено съ радостью; дали знать королевѣ. Его закидывали вопросами: гдѣ король? появился ли непріятель? не было ли сраженія? Не успѣлъ еще онъ снять свое запыленное платье и переодѣться, какъ его уже потребовали къ королевѣ.

Онъ засталъ Марію Людвику одну, прохаживающуюся по своей комнатѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Она выхватила письмо, спрашивая:

— Откуда?

— Изъ-подъ Берестечка...

На столѣ была разложена большая карта, королева нагнулась надъ ней.

— Здоровъ, славу Богу, и очень дѣятеленъ, — началъ Стжембошъ, — и если бы люди такъ служили ему, какъ онъ о нихъ печется...

Королева съ любопытствомъ посмотрѣла на него — и осыпала цѣлымъ градомъ вопросовъ. По нимъ видно было, какъ хорошо ей обо всемъ доносили; она уже знала о бунтѣ на Подгорьѣ и спрашивала: послали ли кого-нибудь, чтобы помѣшать его распространенію; слышала и о томъ, что Хмѣльницкій и орда уже подъ Олыкой. Стжембошъ едва поспѣвалъ отвѣчать. Сломавъ печать, она пробѣгала глазами письмо и въ то же время задавала вопросы, слушая отвѣты. Наконецъ она спросила о подканцлерѣ, и Дызма, который уже заранѣе готовился къ этому, безъ всякихъ обиняковъ началъ разсказывать, какъ онъ докучалъ и надоѣдалъ королю и съ кѣмъ онъ знался. Онъ не скрывалъ, что шляхта собирается бунтовать,

давая понять, кто ее подстрекалъ. Марія Люовика сжала губы, не говоря ни слова.

— А гдѣ же эта ваша красавица,—спросила она про подканцлершу.

— Изъ лагеря ужъ давно выѣхала,—сказалъ Стжембошъ— и сегодня или завтра будетъ въ Варшавѣ.

Взоры королевы засверкали гнѣвомъ, она что-то пробормотала невнятно.

— Разстались значитъ!—прибавила она какъ бы про себя.

Стжембошъ все еще стоялъ у порога, такъ какъ вопросы еще не прекращались. Онъ самъ началъ говорить о томъ, какъ государь страдалъ, что долго не было писемъ изъ Варшавы, которыя гдѣ-то терялись по дорогѣ и что поэтому король присылаетъ его, чтобы онъ узналъ о здоровьѣ королевы и привезъ вѣрное извѣстіе.

На все это Марія Людвика отвѣчала молчаніемъ, не очень даже и слушая, и еще разъ замѣтила:

— Сегодня должна вернуться въ Варшаву.

Дызма не понялъ вопроса и только послѣ нѣкотораго размышленія подтвердилъ, такъ какъ онъ догналъ и перегналъ ее дорогой. Потомъ она снова начала разспрашивать о войнѣ, о гетманахъ, о прибывающихъ полкахъ, о настроеніи умовъ среди шляхты. Дызма долженъ былъ удивляться памяти королевы и отличному знанію всего, что дѣлалось въ лагерѣ. Ясно было, что ей доносили объ этомъ со стороны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ сплетняхъ замѣчалось недоброжелательство и недовѣріе къ королю. Стжембошъ защищалъ его и дѣлалъ это съ большимъ жаромъ, не щадя доказательствъ, что много ложныхъ слуховъ доходило до столицы. Королева ничего но возражала, только пронизывала своимъ взоромъ. Эти разспросы продолжались такъ долго, что наконецъ Маріи Людвикѣ доложили объ ужинѣ, и Дызму отпустили, но приказали явиться на другой день.

Только что освободившись отъ разспросовъ королевы, онъ попалъ въ руки придворныхъ, которые поджидали его въ передней и потащили съ собой. Изъ ихъ вопросовъ онъ еще больше могъ убѣдиться, какія тутъ распространялись сплетни. Его разспрашивали о томъ, какъ подканцлеръ неожиданно за-

сталъ свою жену съ королемъ и о происшедшей вслѣдствіи этого ссорѣ между королемъ и Радзеевскимъ.

— Но все это позорная ложь!—воскликнулъ возмущенный Стжембошъ.—Я постоянно нахожусь при королѣ! Никогда ничего подобнаго не случалось. Не она теперь въ головѣ у короля, да и ни какая другая, есть ему о чемъ думать; онъ не досыпаетъ ночей, такъ работаетъ, а тутъ ему отплачиваютъ такой низкой клеветой! Если бы мнѣ попался въ руки негодяй, который распускаетъ такія сплетни, я бы обрѣзалъ ему языкъ!

Надъ нимъ всѣ смѣялись.

— Напрасно, не старайся,—говорили ему,—у насъ здѣсь повсюду извѣстно, что подканцлерша ради короля поѣхала отъ Краснаго Става дальше, что мужа отсылали, а она проводила вечера съ государемъ.

Стжембошъ метался какъ бѣшенный.

— Ложь, подлая, низкая ложь. Король ни разу не приблизился даже къ подканцлершѣ, не говорилъ съ ней. Мужъ тащилъ ее за собой.

Дызмѣ не хотѣли вѣрить.

— Хорошій пріемъ ожидаетъ ее въ Варшавѣ, — шептали придворные,—потому что, начиная съ королевы, которой она и на глаза показаться не посмѣетъ, ни одна изъ дамъ ее не приметъ.

— Но въ концѣ концовъ должна открыться ея невинность, такъ какъ это клевета, нарочно распускаемая, — говорилъ Стжембошъ.

Однако, напрасно онъ старался: не было никакой возможности разубѣдить ихъ; разсказывали разныя вымышленныя приключенія, а нѣкоторые шептали, что королева имѣла объ этомъ достовѣрныя извѣстія въ письмахъ. Для Дызмы ясенъ былъ источникъ этихъ свѣдѣній.

Наконецъ Дызма оставилъ своихъ товарищей, раздосадованный, что не могъ ихъ убѣдить. Жалко ему было подканцлерши. Онъ охотно предупредилъ бы ее объ угрожающихъ непріятностяхъ, но съ другой стороны не зналъ какъ это сдѣлать, да и не зналъ, хорошо ли ему было вмѣшиваться въ такія щекотливыя дѣла.

На другой день онъ опять отправился къ королевѣ, гдѣ на

него снова посыпались вопросы. Ясно было, что она знала обо всемъ. Королева была одного мнѣнія съ гетманами, что надо было стоять подъ Берестечкомъ и ждать и вообще находила много ошибокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ короля.

Вырвавшись оттуда какъ изъ бани, Дызма, не останавливаясь въ передней, выбѣжалъ въ городъ, прямо къ дому Бертони.

Здѣсь онъ могъ оправдаться порученіемъ короля, да впрочемъ онъ и не заботится о томъ, что старуха будетъ на него сердиться. Однимъ духомъ онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и открылъ дверь, не докладывая о себѣ, надѣясь застать Біанку одну. Но ему не посчастливилось, такъ какъ вмѣсто нея онъ засталъ старуху мать съ пожилымъ мужчиной, одѣтымъ по иностранному, въ парикѣ, хотя недавно сбритые усы и бѣлая еще не успѣвшая загорѣть кожа на ихъ мѣстѣ, доказывали, что онъ нарядился въ такой костюмъ очень недавно.

Бертони приняла его холодно и безъ гнѣва; а когда онъ сказалъ, что пріѣхалъ съ войны, начала вмѣстѣ со своимъ гостемъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивать его о новостяхъ. При этомъ случилось такъ, что она назвала незнакомца по имени и фамиліи — оказалось, что это былъ стольничій князь Массальскій. Онъ мало интересовалъ бы Стжембоша, если бы что-то не кольнуло его, что мать могла его готовить для Біанки. Онъ рѣшилъ переждать его здѣсь и добиться правды.

Панъ Массальскій сидѣлъ тоже долго, но наконецъ долженъ былъ уступить; Бертони хотѣла выпроводить вмѣстѣ съ нимъ и Дызму, но тотъ вернулся въ гостиную. Итальянка задала еще нѣсколько вопросовъ о королѣ, на которые Дызма отвѣтилъ, но у него уже вертѣлся на языкѣ вопросъ, что значилъ этотъ Массальскій.

— Самъ бы, кажется, могъ догадаться,—огрызнулась старуха,—что не для меня же онъ сюда ходитъ... для Біанки. Онъ въ нее влюбленъ и хоть родня и не позволяетъ ему жениться на мѣщанкѣ, но онъ навѣрное никого не послушаетъ

Стжембошъ даже подпрыгнулъ.

— Хорошее же счастье готовите вы своей дочери съ этимъ старымъ грибомъ!—вскричалъ онъ. Совѣтую вамъ только ни-

чего не затѣвать, не извѣстивъ короля, а то того и гляди нарветесь на его немилость.

— Пожалуйста, безъ нравоученій,—гордо отвѣчала итальянка.

— А принуждать Біанку,—воскликнулъ Дызма.

— Мнѣ вовсе не надо ее принуждать—проговорила итальянка,—у нея у самой достаточно ума. Король также не пожелаетъ встать ей на дорогѣ къ счастію. Стало быть, все дѣло стало за родней,—но я выхлопочу у Венеціанской республики древнее дворянство для Бертони... и — поставлю на своемъ.

Какъ безумный слушалъ все это Стжембошъ... Онъ все еще затягивалъ свое посѣщеніе, надѣясь, что, быть можетъ, ему удастся увидѣть Біанку и убѣдиться въ томъ, какъ она принимала новаго претендента, но старуха объявила ему, что дочери нѣтъ дома.

— Напрасно ты будешь трудиться и на будущее время, голубчикъ,—прибавила она,—для тебя ея никогда не будетъ дома... Выбей это себѣ изъ головы.

— Посмотримъ!—со злостью воскликнулъ Дымза, выходя.

Сойдя внизъ, онъ долго стоялъ у дома, какъ бы окаменѣвшій, съ разбитымъ сердцемъ, думая, что встрѣтитъ возвращающуюся домой Біанку; но постоявъ напрасно полчаса, онъ вернулся въ замокъ, сильно взбѣшенный.

— И чего я такъ торопился!—восклицалъ онъ.

Теперь надо было прежде всего разспросить про этого Массальскаго. Изъ товарищей никто ничего не могъ ему сказать.

Наконецъ одинъ старый дворецкій, оставленный королемъ для присмотра за карликами, обезьянами и попугаями, ударивъ себя рукой въ лобъ, воскликнулъ:

— Знаю! знаю!.. Онъ слабоумный... сумасшедшимъ назвать его нельзя, онъ ведетъ себя очень хорошо и спокойно, но умомъ не богатъ. Родня караулитъ его, потому что разъ онъ хотѣлъ было уже жениться на мужичкѣ, потомъ на жидовкѣ. Знаютъ его здѣсь, знаютъ!

Еще болѣе возмутился Стжембошъ, узнавъ, кто такой былъ этотъ Массальскій. Для итальянки титулъ его служилъ не *малой* приманкой, да къ тому же у князя сохранились еще *остатки отъ прежняго* богатства — имѣнье въ Бѣлоруссіи, ко-

торое могло быть очищено отъ долговъ. Старой Бертони Стжембошъ вовсе не удивлялся, но своей Біанкѣ, дѣвушкѣ, сердцу которой онъ такъ вѣрилъ! Онъ не понималъ того, что одна и таже кровь текла въ жилахъ матери и дочери и что вѣтренная дѣвченка если фиглярно улыбалась ему, ласково его принимала, то и къ другимъ относилась такъ же. Старый Массальльскій, который ради нея нарядился по европейски и надѣлъ парикъ, смѣшилъ ее, но его княжескій титулъ прельщалъ ее, да и вліяніе матери не могло остаться безплоднымъ.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Дызма все бродилъ вокругъ ихъ дома, надѣясь встрѣтить Біанку, онъ съ отчаяніемъ въ душѣ, не зная, что дѣлать, вторично явился къ Бертони. Она приняла его съ явнымъ неудовольствіемъ и спросила на самомъ порогѣ:

— Чего ты еще хочешь отъ меня?.. чего?.. Не шляйся понапрасну, ничего не добьешься.

— Но, ради Бога!—воскликнулъ Дызма въ отчаяньи.—У тебя нѣтъ никакого материнскаго чувства, чтобы отдать свою дочь этому безумцу! Весь свѣтъ про него говоритъ, что онъ слабоумный, что у него вовсе нѣтъ ума.

— А я могу тебѣ только пожелать столько ума, сколько у него осталось, вскричала итальянка.

— Король—опекунъ панны Біанки,—продолжалъ Дызма.—Вы думаете, ему пріятно будетъ, когда онъ узнаетъ обо всемъ этомъ? Онъ откажется и отъ васъ, и отъ нея: за это я могу вамъ ручаться.

Бертони иронической улыбкой встрѣтила эту угрозу.

— Это наше дѣло,—проворчала она.—Только ужъ ты-то не суйся въ опекуны. Съ королемъ я сумѣю поладить; не такой онъ страшный, какъ вамъ кажется.

Дызма нарочно вызвышалъ голосъ, надѣясь этимъ способомъ вызвать дѣвушку, чтобы хоть взглянуть на нее; но ея не было дома, или не хотѣла показываться—не вышла. Между тѣмъ пришелъ Массальскій, Дызма ушелъ.

Онъ боялся, что королева поспѣшитъ съ письмами и отправитъ его прежде, чѣмъ ему удастся повидаться съ Біанкой. Это приводило его въ такое отчаяніе, что онъ по цѣлымъ днямъ дежурилъ у ихъ дома и забылъ даже провѣдать под-

канцлершу. Когда это пришло ему въ голову, онъ немедленно отправился къ ней во дворецъ. Здѣсь онъ засталъ все въ такомъ лихорадочномъ движеніи, какъ будто сама хозяйка опять собиралась въ дорогу. Прислуга бѣгала взадъ и впередъ, выносили сундуки, суетились, такъ что ему съ трудомъ удалось добраться до Радзеевской. Онъ нашелъ ее сильно измѣнившейся, раздраженной, взволнованной, со свѣжими слѣдами слезъ на глазахъ. Однако, она повидимому сдерживалась, чтобы не выдать себя передъ мало ей знакомымъ человѣкомъ. Въ комнатахъ прежде всего ему бросалось въ глаза приготовленіе къ отъѣзду. Драгоцѣнныя шкатулки, картины, зеркала, даже нѣкоторыя статуи —лежали въ кучахъ. Радзеевская, разгнѣванная и раздраженная, ходила взадъ и впередъ — она не могла даже говорить, до такой степени одолѣли ее мысли. Она даже забыла про Дызму, а онъ не осмѣлился спросить ее, не собирается ли она въ дорогу. Въ эту минуту ей доложили о приходѣ брата и она выбѣжала ему навстрѣчу, прося только Дызму передъ отъѣздомъ зайти за письмами.

— Если къ подканцлеру, —прошепталъ Стжембошъ,—то къ сожалѣнію, мнѣ невозможно будетъ ихъ принять.

Съ дикимъ смѣхомъ Радзеевская вскричала только:—Подканцлеру? отъ меня!—и вышла.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ, понявъ только, что между супругами опять какое-то несогласіе, но не придалъ этому большого значенія, такъ какъ это случалось и раньше.

Отъ нечего дѣлать, Дызма зашелъ къ любимицѣ королевы m-lle де-Болье, которая когда-то покровительствовала ему. Она приняла его довольно весело. Ей интересно было поразспросить его и она охотно слушала его разсказы, научившись по-польски настолько, чтобы понимать этотъ языкъ. Дызма нарочно упомянулъ въ разговорѣ о бѣдной подканцлершѣ.

— Бѣдная?—подхватила де-Болье. — Не жалѣйте ея, она сама это заслужила. Можно ей было пренебрегать своей честью, но компрометировать короля въ глазахъ цѣлаго свѣта, ссорить его съ женой, тащиться за войсками, пока мужъ наконецъ насильно долженъ былъ отправить ее домой...

Стжембошъ горячо началъ защищать Радзеевскую, но де-Болье и слушать его не хотѣла.

— Подканцлерша,—прибавила де-Болье, — нашла въ Варшавѣ всѣ двери запертыми для нея, никто не принимаетъ ее, никто знать не хочетъ. Королева первая напрямикъ объявила, что не позволитъ ей показаться въ замкѣ. Примѣру государыни послѣдовали всѣ и, мнѣ кажется, что, кромѣ родни, т. е. двухъ братьевъ, да нѣсколькихъ самыхъ близкихъ подругъ, никто ее не принимаетъ. Она хотѣла разссорить короля съ королевой и дѣйствовала съ неслыханнымъ безстыдствомъ.

Стжембошъ не могъ терпѣть.

— Ради Бога, выслушайте меня! это низкія подлыя интриги и козни, жертвою которыхъ должна пасть невинная женщина. Позвольте мнѣ все разсказать.

Съ недовѣріемъ согласилась она выслушать Стжембоша. Исторія съ перехваченными письмами къ королевѣ поразила ее, Она немножко остыла; но соглашаясь даже на то, что Радзеевскій мстилъ, она продолжала утверждать, что у него были на то причины, такъ какъ подканцлерша старалась добиться привязанности короля и т. п.

Дызма такъ долго сидѣлъ, такъ убѣдительно говорилъ, такъ просилъ, что де-Болье обѣщала ему повторить королевѣ все, что отъ него слышала, въ особенности въ защиту короля.

— Королева,—закончилъ Дызма, — слишкомъ довѣрилась этому негодяю, а подканцлеръ воспользовался этимъ, чтобы забрать все въ свои руки; но придетъ время...

— Королева вовсе не такъ слѣпо довѣряетъ Радзеевскому, какъ вы думаете,—прервала де-Болье.

Дызма еще разъ отправился во дворецъ, который и до сихъ поръ носилъ имя Казановскихъ, и нашелъ тутъ еще болѣе явные слѣды какихъ-то приготовленій, которыхъ онъ не могъ никакъ понять. Подканцлерша, одѣтая почти по траурному, вся въ черномъ, со щеками, залитыми лихорадочнымъ румянцемъ, приняла его, сидя за столомъ, на которомъ лежали разбросанныя бумаги.

Упомянувъ въ разговорѣ королеву, она спросила его, видѣлъ ли онъ ее. Дызма отвѣчалъ утвердительно.

— Королева несправедлива въ отношеніи меня, — сказала она. Я знаю, что король не можетъ даже вступиться за меня. У меня никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; единственная мои

опека—два брата: они должны мнѣ помочь. Прежде всего необходимо разойтись съ подканцлеромъ, иначе я умерла бы...

Дызма осмѣлился спросить, не думаетъ ли она куда нибудь переѣхать, что онъ заключалъ изъ видѣнныхъ имъ приготовленій, но получилъ на это неопредѣленный отвѣтъ. На прощанье, подканцлерша вручила ему письмо къ королю.

— Мнѣ незачѣмъ напоминать вамъ,—прибавила она,—что письмо это вы должны вручить его величеству не иначе, какъ въ собственныя руки и съ глазу на глазъ. Достаточно было бы одного слуха объ этомъ письмѣ, чтобы снова обвинить меня въ любовной интригѣ съ королемъ... Онъ мой опекунъ, ему я всѣмъ обязана, но этой благодарностью ограничиваются наши отношенія. Люди такъ злы и безчестны.

Съ болью въ сердцѣ вышелъ отъ нея Стжембошъ. Королева все еще приказывала ему ждать, а съ Бертони и ея дочерью онъ не могъ добиться ни до чего. Наконецъ однажды рано утромъ ему удалось поймать на улицѣ дѣвушку, идущую со старой экономкой въ костелъ.

Біанка весело улыбалась ему, какъ и прежде.

— Ради Бога, успокой меня,—заговорилъ онъ, подскочивъ къ ней.—Мать хочетъ пожертвовать тобой и выдать замужъ за безумнаго; ты должна противиться этому. Я увѣдомлю короля.

— А! а! пожалуйста не вмѣшивайтесь въ это,—подхватила смущенная дѣвушка.—Я должна быть послушной матери. Старый князь вовсе не полоумный, а очень добрый чоловѣкъ. Онъ боготворитъ меня, преклоняется предо мною.

Стжембошъ вспылилъ.

— А съ нами что же будетъ?—спросилъ онъ.—Наша любовь и твои клятвы?

Біанка опустила глаза.

— Да я васъ люблю по прежнему,—прошептала она.—только... я должна слушать мать.

Дызма пришелъ въ отчаяніе. Итальянка слушала его съ наивностью ребенка. Казалось, она не могла понять, что любовь къ молодому человѣку не могла согласоваться съ выходомъ замужъ за стараго князя.

— *Не могу же я* изъ-за васъ вести войну съ матерью?—за-

ключила она.—Это отравило бы мнѣ всю жизнь, а я хочу пользоваться жизнью. Старика я вовсе не люблю и этого вамъ должно быть достаточно.

Дызма старался добиться отъ нея по крайней мѣрѣ хоть слова и торжественнаго обѣщанья, что она не выйдетъ замужъ, пока не вернется изъ похода король.

Біанка разсердилась.

— Вѣдь не я же буду назначать день свадьбы; поговорите съ мамой.—Говоря это, она, даже не прощаясь, начала такъ быстро удаляться, что Стжембошъ едва могъ успѣть догнать ее, чтобы попросить прощенья и проститься.

Дызма былъ упрямъ. На другой день онъ снова стучался въ дверь къ Бертони; она принуждена была отворить.

— Я возвращаюсь къ войску,—сказалъ онъ входя.— шутокъ, король приказалъ мнѣ узнать о васъ. Собравъ справки о стольничемъ, я объявляю вамъ отъ имени короля, что, если вы, пока мы вернемся сюда, самовольно выдадите Біанку за того старика, то ни вы, ни дочь ваша не посмѣете тогда показаться на глаза королю.

— Ты думешь, я побоюсь этихъ угрозъ?—прервала Бертони.—Я короля знаю лучше и дольше, чѣмъ вы, и съ ребенкомъ знаю, что мнѣ дѣлать; ничьего совѣта мнѣ не надо.—И она захлопнула дверь передъ самымъ его носомъ.

V.

Человѣческая природа полна необъяснимыхъ тайнъ. Въ человѣкѣ иногда отзывается усыпленный звѣрь, иногда заключенный въ тѣло духъ ангела. Какой-нибудь пустякъ, дуновеніе вѣтра, звукъ, дѣлаютъ изъ человѣка разъяреннаго звѣря... Такъ въ то памятное утро въ лагерѣ подъ Берестечкомъ въ одно многовеніе поднялъ всѣхъ на ноги одинъ крикъ:

— На коней! къ оружію!

— Орда! на коней! непріятель идетъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Сначала поднялось смятеніе, но громкіе голоса начальниковъ сейчасъ же привели все въ порядокъ. Никто уже не ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій; каждый зналъ, что дѣлать.

Шляхта, которая еще наканунѣ совѣщалась, какъ бы затѣять бунтъ противъ короля, устыдилась—и въ нихъ заиграла кровь.

— Ахъ, лучше ужъ разъ сразиться, да и покончить, чѣмъ здѣсь ожидать милосердія Божія, а тамъ дома некому и и овса посѣять,—кричали они.

Полки, которымъ легче всего было собраться, уже стояли на равнинѣ со знаменами, слегка развѣваемыми вѣтромъ. Кое-гдѣ болѣе предусмотрительные, распустивъ пояса, наѣдались на запасъ, потому что неизвѣстно было, когда они опять доберутся до миски. Пили—„на погибель“ мятежниковъ...

Король находился въ постоянномъ движеніи, объѣзжалъ полки, разговаривалъ съ ними. Теперь всѣ увидѣли, какъ это они не догадывались о приближеніи Орды, или проспали тѣ зарева, которыя каждую ночь виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Теперь говорили, что уже вторую ночь на небѣ что-то горѣло вдали.

Рано утромъ Вишневецкій и Любомірскій послали разъѣзды: первый—своего казака, вѣрнаго Зараду съ 4 старыми и опытными казаками, а второй какого-то полковника, который славился тѣмъ, что никогда не возвращался съ рекогносцировки съ пустыми руками. Они привели 4 плѣнныхъ татаръ: сто тысячная орда ночевала въ двухъ миляхъ.

Когда все это происходило въ лагерѣ, неподалеку, на холмѣ слуги преспокойно косили траву для лошадей своихъ господъ, не ожидая, что кто-нибудь можетъ имъ помѣшать,—какъ вдругъ изъ-за кустовъ стали доноситься крики и показались татары. Сначала ихъ было всего нѣсколько человѣкъ, потомъ все больше. Они начали вызывать казаковъ, поддразнивать ихъ. Всякій охотно бросился бы на татаръ, но Замойскій, стражникъ коронный, по приказанію короля, настрого запретилъ выскакивать въ бой по-одиночкѣ.

Это продолжалось не долго, такъ какъ горячая молодежь, видя подъѣзжающихъ такъ близко и издѣвающихся татаръ, рвалась къ бою. Въ особенности одинъ татаринъ на пестрой лошади съ арабскимъ джеридомъ, которымъ онъ махалъ надъ головой, надоѣлъ всѣмъ. Начали просить Замойскаго, чтобы онъ позволилъ выѣхать противъ татаръ. Король позволилъ, и изъ рядовъ начали выскакивать охотники.

Въ эту минуту стоявшій около короля старый ротмистръ Клодзинскій сказалъ:

— Надо смотрѣть теперь на предзнаменованіе, потому что татары сильно въ это вѣрятъ; когда первый изъ нихъ падетъ въ битвѣ, то въ которую сторону онъ обратится лицомъ, та навѣрное проиграетъ.

Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ этотъ наѣздникъ на пестромъ конѣ съ джеридомъ сразился съ огромнаго роста воиномъ, уже не молодымъ, который пустился на него съ обнаженной саблей и такъ ловко свалилъ его на землю, что онъ повернулся головой къ татарамъ.

Среди татаръ раздался крикъ и визгъ ужасный и со всѣхъ сторонъ начали выскакивать изъ-за кустовъ всадники, судя по вооруженію — мурзы и предводители. Но и этимъ не посчастливилось; такъ, нѣсколькихъ изъ нихъ схватили, нѣсколькихъ же ранили и убили. Со стороны татаръ стали раздаваться еще болѣе громкіе крики, и они уже не поодиночкѣ, а цѣлыми рядами устремились на войско, прямо на лѣвое крыло, по привычкѣ, такъ какъ съ этой стороны имъ удобнѣе стрѣлять изъ луковъ.

Войско, повинуясь приказанію, все еще стояло стѣной, только вѣтеръ шелестилъ знаменами надъ ихъ головами. Сердца у всѣхъ бились, руки дрожали... къ бою. Всѣ глядѣли на короля, который стоялъ, задумавшись, какъ бы ожидая вдохновенія свыше. Вдругъ къ нему подскочилъ Конецпольскій, рыцарское сердце не могло долѣе выдержать.

— Государь, съ просьбой склоняюсь къ ногамъ вашимъ, во имя подвиговъ отца моего, позвольте мнѣ первому выступить противъ нихъ, позвольте! Дня уже прошло много, а эти дикари все издѣваются.

— Во имя Господне, панъ хорунжій, — отвѣчалъ Янъ Казиміръ, и рукой сдѣлалъ въ воздухѣ знакъ креста. Здѣсь-же стоявшій Любомірскій поспѣшилъ съ той же просьбой.

Едва король успѣлъ отвѣтить, какъ трубы заиграли, и полки Конецпольскаго и Любомірскаго бросились на татаръ, которые уже не кучкой, но толпой, безчисленной тьмой шли на нихъ. Но какъ объ стѣну разбились всѣ эти полчища, разъ и другой. Конецпольскій съ Любомірскимъ ни на шагъ не дви-

нулись съ того мѣста на которомъ они столкнулись съ ордой. Они не просили помощи, но не было причины оставлять ихъ однихъ на такой продолжительный, упорный бой, когда достаточно было войска для подмоги. Даже ополченіе начало рваться и кричать, чтобы имъ дали отвѣдать татарской крови. Первый бросился на помощь полевой гетманъ и съ такой силой напалъ на лѣвое крыло орды, что сломилъ его, хотя оно еще не уступало, за нимъ Іеремія Вишневецкій устремился со своими казаками и обычнымъ счастьемъ, а за полками устремилась и шляхта со своими предводителями—краковская, сандомірская, лончицкая и русская.

— Развѣ мы хуже ихъ!—восклицали они, и почти насильно заставили своихъ воеводъ двинуться впередъ.

Начинало уже смеркаться, когда на равнинѣ передъ королемъ не стали видно ни татаръ, ни смѣшанныхъ съ ними казаковъ, издали только пестрѣли по полю трупы, среди которыхъ не мало было и со стороны поляковъ, но татаръ въ десять разъ больше. Можно было радоваться этому, потому что первая стычка много значитъ для войска, и король благодарилъ Бога и своихъ полководцевъ.

— Это еще ничего,—хладнокровно сказалъ только что вернувшійся Іеремія Вишневецкій,—это еще только начало, первая проба. Вотъ теперь, если дѣло дойдетъ до битвы, то она будетъ рѣшительная. Казаки почти не принимали участія, хоть смотрѣли и подстрекали. Завтра и послѣ завтра рѣшится все, ни спать, ни слишкомъ тѣшиться побѣдой не время. Надо быть на сторожѣ!

Въ лагерѣ разставляли стражу. Мало кто спалъ въ эту ночь, большинство просидѣли эту короткую ночь въ палаткахъ, за кубками, за бесѣдой.

Подъ утро бѣглый отъ Богуна казакъ принесъ новыя извѣстія. Онъ разсказывалъ, что сейчасъ же послѣ пораженія, когда татары отступили, ханъ послалъ за Хмѣльницкимъ, приказалъ взять его подъ стражу, и когда гетмана привели къ нему въ палатку, накинулся на него.

— А, такъ ты меня надулъ! Ты головой своей поплатишься за это. Ты говорилъ, что у поляковъ нѣтъ силъ, что *мало собрали полковъ*, а ополченье не пришло. Надо было се-

годня поглядѣть на равнину и на лагерь:—ихъ тамъ цѣлыя полчища; мы ихъ не осилимъ, они перебили у насъ лучшихъ воиновъ; я лишился своихъ лучшихъ мурзъ.

У Хмѣля уже былъ приготовленъ отвѣтъ на это:

— Это все ничего. Постой: разсѣятся всѣ эти полчища, потому что они долго выдержать не могутъ. Пока у нихъ всего вдоволь, они держатся; но какъ только появится голодъ, недостатокъ, они перессорятся между собой и бросятъ короля. Развѣ ты не знаешь, что три дня тому назадъ ужъ нѣсколько полковъ повздорили съ королемъ и ушли: то же будетъ и съ другими...

Радзеевскій тоже не бездѣйствовалъ. Въ военный совѣтъ его не приглашали, да онъ и не пригодился бы тамъ, и кромѣ того не имѣлъ права.

Это было его рукъ дѣло, что три полка разошлись по домамъ, а теперь, съ завистью глядя, какъ всѣ тѣснятся къ королю, даже старый Потоцкій и Вишневецкій, онъ бѣгалъ отъ одной кучки къ другой, говоря всѣмъ, что король, совершенно неопытный въ военномъ дѣлѣ, былъ слишкомъ самоувѣренъ и упрямствомъ своимъ могъ погубить Рѣчь Посполитую. Человѣкъ ловкій, онъ нашелъ подтвержденіе своихъ словъ въ томъ, что если бы не гетманъ Потоцкій, который, заставъ короля въ часовнѣ, упросилъ его не трогаться съ мѣста, войско выступило бы въ тотъ день и какъ разъ пришлось бы сражаться съ казаками и татарами въ болотахъ.

День былъ ясный и свѣтлый, какъ разъ приходился праздникъ св. Петра и Павла, когда у короля снова собрался совѣтъ, на который просился и Радзеевскій, не для того, чтобы принести ему что-нибудь, но чтобы вынести оттуда что-нибудь полезное для себя.

Іеремія Вишневецкій, который хорошо зналъ татарскую натуру, говорилъ, что покуда они не начали удирать, а стояли, отъ нихъ всегда можно ожидать сильнаго и стремительнаго нападенія.

— Мнѣ кажется,—сказалъ король,—что испробовавъ вчера такъ неудачно свои силы съ нами, они навѣрное не выведутъ сегодня въ поле всѣ свои силы, а удовольствуются небольшими стычками, чтобы только тревожить насъ. Если правда то, что

казакъ принесъ о Хмѣлѣ, они послушаютъ его и будутъ лежать и ждать... пока...

Онъ докончилъ вздохомъ.

Калиновскій прибавилъ:

— Государь, для татаръ лежать спокойно на одномъ мѣстѣ—осаждаютъ ли они замокъ или непріятельское войско—дѣло невозможное. Они не умѣютъ долго держаться на одномъ мѣстѣ, да и не могутъ. Они проходятъ, все опустошая и истребляя какъ буря, но, будучи отбиты, такъ же быстро исчезаютъ, такъ что ихъ даже трудно догнать. Мнѣ кажется, что еще сегодня же на насъ обрушится вся эта масса.

Король стоялъ на своемъ.

— Увидите!

Однако, полкамъ приказали быть на готовѣ.

— До рѣшительнаго сраженія сегодня дѣло пожалуй еще не дойдетъ,—прибавилъ Калиновскій,—потому что еще ждутъ казаковъ, идущихъ на помощь, а они развѣ только сегодня вечеромъ будутъ здѣсь.

У короля все еще разсуждали объ этомъ, а ксендзы одинъ за другимъ служили молебны, когда дали знать о татарахъ: идутъ! Король въ одну минуту былъ на конѣ.

Первое,—у татаръ всегда самое сильное нападеніе, сопровождаемое визгомъ, крикомъ и густой тучей стрѣлъ,—полевой гетманъ выдержалъ такъ твердо, что ряды даже не поколебались. Тутъ же стояли полки Щавинскаго, Брохоцкаго, Брестокрявской шляхты, которые также мужественно выдерживали нападеніе, пока Ланцкоронскій не поспѣшилъ имъ на помощь. Напоръ на лѣвый флангъ дѣйствительно былъ непреодолимый, бой ожесточенный, такъ что вскорѣ на помощь Ланцкоронскому должны были явиться и полевой гетманъ съ остатками своихъ полковъ, и князь Іеремія, и королевскіе гусары, и лучшій гетманскій полкъ Потоцкаго, и полки Собѣскихъ. Здѣсь рѣшалась участь всего войска, потому что, если бы татары сломили ряды, они всей безчисленной массой бросились бы на лагерь.

Король не могъ хладнокровно смотрѣть издали, пришпорилъ коня и помчался на лѣвый флангъ.

Четыре часа продолжался кровавый бой, и татары не только *не уступали, но напирали* такъ сильно, что полкъ гетмана Потоц-

каго ушелъ съ поля битвы, наполовину перебитый и даже потерялъ знамя, которое вырвали изъ рукъ хорунжаго Бжостовскаго.

Король, не терявшій его изъ виду, даже вскрикнулъ отъ боли и, хотя приставленные для охраны съ Клодзинскимъ во главѣ удерживали его, кинулся впередъ на самое поле битвы.

И это случилось какъ разъ во время, потому что часть полковъ начала было отступать, какъ вдругъ увидѣла короля въ своихъ рядахъ.

Король кричалъ, поднимая руки.

— Впередъ! впередъ! именемъ Бога и отечества заклинаю васъ. Чего стоитъ жизнь со срамомъ? Обратитесь-же на непріятелей! Подкрѣпленіе идетъ: надо сломить татаръ, хотя-бы пришлось погибнуть самимъ. Я самъ готовъ отдать жизнь!

Этотъ королевскій голосъ, ободрившій всѣхъ, склонилъ перевѣсъ на сторону поляковъ. Татары пришли въ смятеніе и начали отступать. Это придало духа королевскимъ войскамъ. Казаки еще держались нѣкоторое время, поддерживая орду, но, когда та стала разбѣгаться, и они отступили...

Затрубили, чтобы полки оставались на мѣстѣ, хотя за потерянное знамя Бжостовскаго, о которомъ еще не знали, что его нашли, они готовы были кинуться въ самую пасть этой орды. Странная судьба постигла это знамя.

Бжостовскій, который несъ его, былъ человѣкъ сильный и испытанной храбрости, но въ этой толпѣ, гдѣ трудно было повернуться, у него выскользнуло изъ рукъ древко. Онъ нагнулся, чтобы не дать ему упасть, но въ эту минуту татаринъ ударилъ его саблей по спинѣ, и знамя упало на землю вмѣстѣ съ древкомъ, гдѣ его такъ истоптали лошадиными копытами, что оно стало похоже на тряпку. Бжостовскій, хотя и облитый кровью, не далъ стащить себя съ мѣста, чтобы не потерять знамени, которое потомъ невозможно было-бы найти на полѣ битвы. Поэтому онъ упалъ самъ и, истекши кровью, вскорѣ потерялъ сознаніе; что его не растоптали и не смяли— это положительно чудо. Уже горько оплакивали его утрату и потерю знамени, когда нестроевые солдаты по своему обыкновенію побѣжали на поле битвы обдирать трупы. Здѣсь слуга Бжостовскаго узналъ своего барина—не по лицу или по фигурѣ. а по особеннымъ шпорамъ и, сжалившись надъ нимъ,

такъ какъ онъ еще дышалъ, принесъ его на носилкахъ въ лагерь. Поднимая его съ земли, о знамени и не думали, такъ какъ считали его потерянвымъ. Такимъ образомъ хорунжаго принесли въ палатку и уложили въ постель, и король прислалъ къ нему Баура, чтобы попытаться спасти ему жизнь. Когда его стали раздѣвать, оказалось, что онъ крѣпко держалъ что-то въ своихъ рукахъ—и это было то самое знамя, которое онъ, уже въ безсознательномъ состояніи, лежа на землѣ, подобралъ подъ себя и ужъ не выпускалъ.

Это знамя, забрызганное его кровью, выпачканнее грязью, оборванное, поставили передъ палаткой.

И въ эту ночь, несмотря на страшное утомленіе, въ лагерѣ не было отдыха.

Король въ этотъ день нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ тѣлохранителей и съ опасностью для собственной жизни бросался въ битву, такъ что всѣ единогласно рѣшили просить его, чтобы онъ, какъ главный начальникъ, берегъ себя. Для этой цѣли избрали духовнаго—канцлера Лещинскаго, который долженъ былъ послѣ совѣта отъ имени всѣхъ обратиться къ королю съ этой просьбой.

— Государь,—сказалъ онъ:—всѣ мы, дорожа твоей безопасностью, какъ вождя и главы, умоляемъ тебя, не становиться въ ряды сражающихся, какъ сегодня... Это не мѣсто вождя, не его дѣло: не руками, а головой долженъ онъ воевать, а голова его стоитъ тысячи рукъ. Я, духовный, подаю тебѣ отеческій совѣтъ, но и военные люди меня поддержатъ. Я могу подтвердить свою рѣчь примѣрами предшественниковъ. Извѣстно, что подъ Гренвальдомъ Ягелло, предокъ вашего величества, стоялъ на пригоркѣ, и хотя и рвался въ бой, но его не пустили... И блаженной памяти отецъ твой также не принималъ самъ участія въ битвѣ съ рокошанами.

Король эти дни былъ такъ разгоряченъ, что чуть не обидѣлся на Лещинскаго за такой совѣтъ и очень сухимъ тономъ возразилъ ему:

— Отецъ мой, вы духовный, какъ вы сами это сказали, не вмѣшивайтесь-же въ рыцарскія дѣла. Я самъ знаю обязанности вождя, но бываютъ минуты, когда долженъ быть гетманомъ, а иногда бываютъ и такія мгновенія, когда сердце при-

казываетъ быть солдатомъ. Я желаю жить со своими героями и умирать съ умирающими. Пусть солдатъ видитъ вождя и короля передъ собой: это лучшій залогъ побѣды. Онъ одинъ можетъ воодушевить ихъ и вдохнуть мужество въ ихъ сердца. Пуля всегда найдетъ виноватаго и такъ-же легко можетъ достать меня, если я буду стоять вдали, какъ пощадить въ толпѣ. Въ этомъ я не могу быть послушнымъ ничьему совѣту.

Послѣ этого уже никто не смѣлъ слова сказать. Гетманамъ ничего не оставалось, какъ дать ему въ тѣлохранители такихъ людей, на храбрость и разсудительность которыхъ они вполнѣ могли положиться. Поэтому, къ его особѣ были назначены въ видѣ стражи: ротмистръ Клодзинскій, Глоговскій, стольникъ Новоградскій и Самуель Надольскій, староста Кжевскій,—больше онъ не желалъ. Въ полки-же, которые должны были стоять около короля, выбирали изъ разныхъ полковъ самыхъ лучшихъ, храбрѣйшихъ, одинъ къ одному, и команда была ввѣрена самымъ опытнымъ. Всѣ ожидали на слѣдующій день рѣшительнаго сраженія.

Одни молились и уносились мыслями домой, къ дѣтямъ и женамъ; другіе пѣли, пили и вспоминали старину — однако всѣ желали этой рѣшительной минуты, а въ особенности ополченіе, у котораго довольно было храбрости, но не хватило терпѣнія и стойкости. Здѣсь больше всего сѣялось неудовольствіе на короля и гетмановъ и лучше всего удавался подканцлеру посѣвъ, въ чемъ усердно помогалъ ему его безцѣнный другъ—Мартинъ Дембицкій, подчашій сандомірскій.

IV.

Въ этотъ день рѣшительнаго боя утро было очень ясное и хорошее; вѣтеръ поднималъ пыль изъ подъ лошадиныхъ копытъ и несъ ее въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться непріятель.

На полѣ битвы, еще не вполнѣ очищенномъ отъ труповъ послѣ двухдневныхъ битвъ, земля, изрытая лошадиными копытами, походила на свѣжую пашню.

Уже третью ночь войско почти совсѣмъ не отдыхало.

Говорили, что король третью ночь не снималъ желѣзной кольчуги. Это дѣйствительно была великая минута въ его жизни, которая могла бы рѣшить его будущую судьбу, еслибы рокъ—нѣтъ... воля Божія—не поставила преграды и не сказала:—Дальше не пойдешь!

На разсвѣтѣ король исповѣдывался и пріобщился и, слѣдуя его примѣру, тысячи людей шли къ алтарю.

Между тѣмъ полки строились къ бою, сообразно съ планомъ, составленнымъ на военномъ совѣтѣ. Король долженъ былъ занимать середину между двумя сильными флангами. Около него и вокругъ него стояли избранные полки. Тутъ же стояли пушки и нѣмецкіе полки. За ними стояло слабое подкрѣпленіе князя прусскаго: драгуны, нѣсколько сотъ пѣхоты, полки Грудзинскихъ и Лещинскихъ, а также люди князя Карла, епископа Вроцлавскаго. Правымъ флангомъ командовалъ старый Потоцкій; тутъ стояли полки Любомірскихъ. Ланцкоронскаго, Сапѣги, Собѣскихъ и хорунжаго Конецпольскаго. Лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Калиновскій, и съ нимъ стояли князь Доминикъ Заславскій, Острогскіе, Вишневецкій, Замойскій.

Вездѣ ополченіе ставили позади, на что нѣкоторые роптали.

Повидимому, войско имѣло очень величественный и грозный видъ, такъ какъ ханъ, въѣхавъ на холмъ,—какъ свидѣтельствовали о томъ впослѣдствіи плѣнные,—и окинувъ взоромъ равнину, сверкающую шишаками и оружіемъ, схватился за голову и съ гнѣвомъ набросился на Хмѣля, упрекая его въ обманѣ и предвидя полное пораженіе.

Между тѣмъ со стороны поляковъ готовились къ битвѣ. Отвиновскій, который сопровождалъ короля въ качествѣ переводчика, указалъ ему на значекъ хана—три зеленыхъ лошадиныхъ хвоста, которые они называютъ бунчуками.

Вѣстовой побѣжалъ съ приказаніемъ къ Пжиемскому, подъ начальствомъ котораго находилась артиллерія, чтобы онъ стрѣлялъ по тому мѣсту, гдѣ стоялъ ханъ, и, къ счастью, послѣ перваго же выстрѣла ядро упало недалеко отъ самого хана, убило ханскаго бунчужнаго, опрокинуло зеленый бунчукъ, и испуганный ханъ отбѣжалъ назадъ и сталъ вдали.

Чтобы придать бодрости войскамъ сразу заиграли во всѣ трубы, ударили во всѣ литавры, по всей линіи начался ору-

жейный огонь и раздалась боевая пѣснь. Съ непріятельской стороны кромѣ визга ничего не было слышно, да и тотъ не могъ заглушить шума и гула, раздававшагося со стороны короля.

Почти не задумываясь, Галга и Нурединъ, татарскіе полковники, бросились на этотъ разъ не на лѣвый флангъ, а на правый, должно быть по совѣту казаковъ, которые считали его хуже укрѣпленнымъ, такъ какъ поляки знали татарскій обычай и не ждали ихъ съ этой стороны.

Чтобы придать ордѣ мужества, казаки смѣшались съ нею.

Другіе готовились напасть на лѣвый флангъ, и стоявшіе здѣсь Іеремія Вишневецкій и Денгофъ послали къ королю, прося разрѣшенія сразиться съ казаками.

Лишь только пришло разрѣшеніе, какъ Іеремія, обнаживъ саблю и махнувъ ею своимъ полкамъ, повелъ ихъ на казаковъ, за нимъ Денгофъ, такъ, что даже земля задрожала отъ конскаго топота.

Король, стоя на горкѣ, почти умоляющимъ голосомъ обращался къ проходившимъ мимо него полкамъ:

— Во имя Господне, за очаги ваши, за святую вѣру, за костелы—идите и сражайтесь, воскрешайте славу отцовъ вашихъ, которые создали эту великую, могущественную и страшную Рѣчь Посполитую! Отдадимъ жизнь за нашу честь!

И когда онъ восклицалъ такъ утомленнымъ голосомъ, повторяя постоянно: —Погибнемъ за вѣру и честь нашу!—епископъ Лещинскій, стоящій рядомъ съ святымъ крестомъ и Св. дарами, крестилъ войско и благословлялъ его:

— Benedicat vos Deus! (Да благодаритъ васъ Богъ!)

Знамена склонялись, трубы играли, гремѣли пушки, а изъ за тумана, окутывавшаго долину, снова всходило ясное солнце.

Между тѣмъ, на полѣ битвы уже произошло замѣшательство, такъ какъ Нуреддинъ, устремившись съ горы на полки Бресто-Куявскіе и Короннаго Обознаго, сломалъ ихъ своимъ напоромъ и сейчасъ же бросился налѣво, заступая дорогу пѣхотѣ, шедшей противъ казаковъ. Что происходило далѣе—въ этомъ не могли себѣ потомъ дать отчета даже сами сражавшіеся. Полки Вишневецкаго сломили казаковъ; подоспѣли татары, но и ихъ тѣснили и разбивали все новые и новые полки.

Между тѣмъ, король стоялъ почти совсѣмъ открытый, такъ какъ онъ совершенно забылъ о себѣ. Пуля разбила тутъ же стоявшій королевскій бунчукъ, вторая и третья пролетѣли мимо и одна изъ нихъ, пролетая подъ лошадью Яна Казиміра, контузила его въ ногу. Его принуждены были насильно увести съ этого мѣста. Въ эту минуту, уже поздно вечеромъ, орда рѣшительно обратилась въ бѣгство. Казаки, которыхъ много было изрублено въ трясинѣ, заранѣе начавъ окапываться, укрылись за окопами.

Казаки и орда давно уже отступили, а поляки все еще стояли на мѣстѣ, ожидая какого-нибудь предательства и новаго нападенія, никто не уходилъ съ поля. Короля, которому боль въ ногѣ не позволяла двигаться, ссадили съ сѣдла, но онъ сейчасъ же упалъ на колѣни и вмѣстѣ съ окружающими сенаторами запѣлъ Te Deum, и гимнъ этотъ однимъ великимъ хоромъ раздался по всему полю. Приближалась ночь, люди, утомленные трехдневнымъ бодрствованіемъ и трудомъ, падали какъ мухи, гдѣ кто стоялъ, и засыпали мертвымъ сномъ; многіе даже и не почувствовали, что легли на трупахъ.

Было уже совершенно темно, когда при свѣтѣ факеловъ король, настоявшій на томъ, чтобы ночевать вмѣстѣ со всѣми на полѣ,—увидѣлъ передъ собой Стжембоша, въ дорожномъ платьѣ, промокшаго и забрызганнаго грязью.

Случилось такъ, что, торопившись съ самаго утра и прислушиваясь къ пушечнымъ выстрѣламъ, онъ только теперь могъ добраться до короля, такъ какъ весь день долженъ былъ объѣзжать и избѣгать отрядовъ бѣглыхъ казаковъ и татаръ.

Узнавъ его, король протянулъ руку и очень обрадовался.

— Давай письма! Здорова королева? Давно изъ Варшавы? Что новаго?—спрашивалъ Янъ Казиміръ и, не дожидаясь отвѣта, приказалъ подать фонарь, чтобы поскорѣй прочесть письма, каждую минуту прерывая чтеніе новыми вопросами, на которые Дызма отвѣчалъ, какъ могъ и какъ умѣлъ.

— Видишь,—наконецъ обратился къ нему король,—милосердный Богъ даровалъ намъ великую побѣду.

Разспросивши про королеву и обо всемъ, что могло его интересовать въ замкѣ, даже о своихъ слугахъ и любимыхъ *животныхъ*, король тревожно осмотрѣлся вокругъ,—видно было,

что ему хотѣлось еще о комъ-то спросить, но вокругъ нихъ вертѣлось много народу и всѣ прислушивались къ ихъ разговору, такъ что онъ замолчалъ и отпустилъ Стжембоша.

Самое важное для Стжембоша было теперь отыскать Ксензкаго; но въ этотъ день полки ушли съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они стояли въ лагерѣ, а послѣ битвы попадали, кто гдѣ стоялъ. Пробираясь между рядами спящихъ, Стжембошъ замѣтилъ какого-то человѣка съ фонаремъ, а за нимъ Венгоржевскаго, къ которому онъ и поспѣшилъ.

— Ради Бога, вы навѣрное можете мнѣ объяснить, гдѣ я могу найти дядю? Я только что вернулся, уже послѣ битвы.

Венгоржевскій устремилъ на него грустный взоръ.

— Какъ разъ и я вотъ за нимъ иду,—сказалъ онъ,—но ни найти его, ни даже разспросить про него ни у кого не могу. Я знаю, что Ксензкому захотѣлось драться и онъ бросился въ самую густую толпу, рубя направо и налѣво, но потомъ его ужъ никто не видалъ. Болѣе или менѣе мнѣ опредѣлили и описали то мѣсто, гдѣ онъ дрался; вотъ я и иду, пойдемъ и ты со мной; по дорогѣ каждый трупъ надо осматривать. Боже мой, сколько нашихъ золотыхъ людей легло здѣсь изъ-за этой подлой черни!—Онъ глубоко вздохнулъ.

Дызма спросилъ, какъ Ксензкій былъ одѣтъ къ битвѣ, но старикъ не могъ этого хорошенько припомнить.

Страшная была эта ночная прогулка по полю битвы, залитому дождемъ и кровью; свѣтъ фонаря какъ-то особенно ярко отражался въ лужахъ крови. Трупы, на половину раздѣтые, нагіе, одни лицомъ къ землѣ съ распростертыми руками, другіе съ искривленными, искаженными лицами, тамъ и сямъ поодиночкѣ и кучами лежали въ лужахъ крови. Стжембошъ, который никогда въ жизни не бывалъ на полѣ битвы, то чуть не падалъ въ обморокъ, то пылалъ местью, тогда какъ Венгоржевскій шелъ такъ спокойно, какъ будто по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ сада. Онъ шелъ съ глазами, устремленными въ землю, иногда нагибаясь, чтобы разсмотрѣть какой-нибудь трупъ, и снова поднимаясь.

Довольно долго шли они такъ; когда наконецъ старикъ остановился, оглянулся вокругъ и пробормоталъ:

— Ну, дальше ужъ навѣрное не забрался, здѣсь была самая густая толпа, здѣсь его надо и искать.

Много лежало труповъ на склонѣ холма, но больше всего татаръ; всюду открытые, стеклянные глаза и только наполовину стиснутыя губы, изъ-подъ которыхъ блестѣли бѣлые зубы... Страшно было смотрѣть на нихъ. Долго шли они такъ, какъ вдругъ Стжембошъ вскрикнулъ и упалъ на землю. Тутъ же, передъ его глазами лежалъ Ксензкій, изрубленный, уже холодный, съ обломкомъ сабли въ правой рукѣ. Невозможно было ошибиться. Венгоржевскій остановился, перекрестился и началъ читать молитву. Дызма, склонившись надъ тѣломъ, расплакался какъ ребенокъ. Долгое время слышно было только его плачъ и молитвы старика; наконецъ Венгоржевскій обратился къ сопровождавшему его слугѣ:

— Сдѣлайте-ка намъ носилки, да поживѣе, чтобы намъ не ночевать здѣсь; топоръ у васъ за поясомъ есть, хворосту тоже довольно. Не дадимъ же мы ему лежать въ общемъ курганѣ въ неосвященной землѣ: онъ заслуживаетъ лучшей могилы и лучшей памяти.

И не только эту потерю пришлось оплакивать въ тотъ день: то и дѣло навстрѣчу Стжембошу и Венгоржевскому попадались такіе, которые или совсѣмъ не могли отыскать дорогихъ ихъ сердцу людей или находили только трупы ихъ...

Надолго остался въ памяти у всѣхъ этотъ день, потому что онъ былъ купленъ такими великими жертвами, а негодные люди сдѣлали ихъ почти безполезными.

Опытные воины кричали о томъ, чтобы идти въ погоню, бить, рубить и воспользоваться побѣдой, — но раздавались и другіе голоса:

— Довольно имъ этой науки! Мы утомлены, столько времени провели на войнѣ, пора домой. Довольно досталось татарамъ, да и для казаковъ эта наука не пропадетъ даромъ,

Только король и Іеремія Вишневецкій все время кричали: — идти на нихъ и какъ можно скорѣе докончить начатое; иначе ни на что не пригодится пролитая кровь.

Въ ту же ночь рѣшили съ разсвѣтомъ послать въ погоню *за ордой литовскихъ* татаръ съ Челебеемъ-мурзой.

Памятная то была ночь, ночь на полѣ битвы, траурная и радостная вмѣстѣ съ тѣмъ, а для вождей—полная новыхъ заботъ и тревоги, потому что только неопытные солдаты могли успокоиться этой побѣдой. Правда, разбитые татары бѣжали, но казаки не только упорно держались за окопами, но каждую минуту можно было ожидать ихъ увеличенія и усиленія. Когда утренняя заря открыла глазамъ Стжембоша страшное зрѣлище, задрожалъ юноша и устыдился, что въ такую великую минуту не могъ раздѣлить со всѣми опасность и что судьба осудила его на то, чтобы уѣхать передъ битвой, а вернуться только уже послѣ нея. Еще заболѣло его сердце по дядѣ, когда, раздѣвая Ксензкаго, у него на груди нашли завѣщаніе, по которому онъ все свое имущество завѣщалъ Дызмѣ. Стжембошъ сейчасъ же занялся его погребеніемъ на кладбищѣ въ Берестечкѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ перевезти его въ Ксензкую Волю, гдѣ лежали родители. Много копали здѣсь такихъ могилъ для павшихъ, но живымъ некогда было ихъ оплакивать.

Цѣлый день прошелъ въ совѣщаніяхъ и въ атакахъ на окопавшихся казаковъ, противъ которыхъ, несмотря на болота, Пжиемскій долженъ былъ вести свои пушки.

Сначала всѣхъ очень поразилъ казацкій фортель. Съ разсвѣтомъ за окопами поднялся такой веселый шумъ и гамъ, какъ будто тамъ справляли какой-нибудь праздникъ: звуки скрипокъ, лиры, сурмы, пѣсни, бубны, покрикиванія доносились оттуда. Можно было подумать, что тамъ случилось что-нибудь особенно счастливое, чему всѣ такъ радовались.

Тѣ, которые не знали казацкой хитрости, встревожились, думая что къ нимъ пришла помощь или они ожидаютъ чего-нибудь радостнаго и утѣшительнаго. Только старый вождь Іеремія, который, что называется, собаку съѣлъ въ казацкихъ войнахъ, объяснилъ, что это они нарочно радовались, чтобы не показать полякамъ, какъ имъ тамъ тѣсно и страшно.

Рядомъ съ великимъ счастьемъ, какое испыталъ король въ этотъ день, рука объ руку шла и забота. Совѣщанія продолжались все время, но даже и въ такую минуту, когда всѣ бы, кажется, единодушно должны были рѣшить окончательно разбить непріятелей—даже и теперь мнѣнія расходились, и только изъ-за того, что вожди завидовали другъ другу и го-

товы были даже оказать снисхожденіе врагу, лишь бы только не дать сопернику опередить себя. Почти всѣ начальники завидовали Іереміи и его счастью, и ослѣпленные своей ненавистью, ставили его ни во что. Король, котораго давно старались возстановить противъ него, какъ честолюбиваго, который хотѣлъ присвоить себѣ все — и славу и власть, — началъ однако яснѣе смотрѣть на это дѣло и сближаться съ Вишневецкимъ.

На другой день къ королю пришелъ посланный съ письмомъ отъ хана. Думали, что оно написано по-татарски и поэтому послали за Отвиновскимъ, но оказалось, что оно было кое-какъ состряпано, даже безъ печати, такъ что могло возбудить недовѣріе. Гордое письмо это могъ протиктовать только Хмѣль. Ханъ будто-бы говорилъ въ этомъ письмѣ, что поляки обязаны своей побѣдой измѣнѣ, вызывая ихъ на новую расправу подъ Константиновъ. Отвиновскій, прочтя раза два это письмо, бросилъ его, какъ не имѣющее никакого значенія, такъ какъ было написано казаками, о ханѣ-же знали, что онъ и не думалъ о Константиновѣ и собирался выместить свои потери скорѣе на казакахъ.

Между тѣмъ Дембицкій не терялъ времени — и неудовольствіе среди шляхты возрастало съ каждымъ днемъ. Ни побѣда, ни опасность, которой подвергался король,—не помогли. Не находя другихъ обвиненій, его стали упрекать въ явномъ предпочтеніи нѣмцамъ. Но Радзеевскій, взваливъ все дѣло на плечи пріятеля, теперь уже не вмѣшивался и началъ снова разыгрывать свою роль передъ королемъ. Немало удивился Стжембошъ, когда, явившить послѣ похоронъ Ксензкаго къ королю, онъ нашелъ тамъ вмѣстѣ съ другими и подканцлера, который очень громко разсуждалъ съ королемъ и, какъ и прежде, надоѣдалъ ему, не отступая ни на шагъ. Король-же въ эти минуты такъ былъ счастливъ одержанной побѣдой, такъ былъ радъ всякому примиренію и согласію, что даже подканцлеру открылъ къ себѣ доступъ и не выказывалъ ему прежняго отвращенія.

Хотя Стжембошъ и привезъ королю письмо отъ пани подканцлерши, въ которомъ она навѣрное жаловалась на свою судьбу и людскую несправедливость, но, по всей вѣроятности, *свѣдѣнія о Варшавѣ* были не вполнѣ достаточны, потому что

въ тотъ-же вечеръ, оставшись одинъ, король послалъ за Стжембошемъ и сталъ его разспрашивать о подканцлершѣ.

— Государь,—отвѣчалъ Дызма:—я видалъ ее два раза—она очень несчастна. Не знаю, на что она рѣшилась, потому что я не посмѣлъ разспрашивать, но во дворцѣ ихъ я видѣлъ приготовленія къ отъѣзду, или вѣрнѣе сказать—къ переѣзду, потому что все болѣе или менѣе драгоцѣнное, даже украшенія со стѣнъ, все было снято и уложено. Если я не ошибаюсь, братья подканцлерши или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ должно быть находятся при ней.

Король только слушалъ.

— Знаю я,—прибавилъ Стжембошъ:—что королева, возстановленная письмами подканцлера, не приняла подканцлершу.

Выслушавъ его разсказъ, король снова спросилъ Дызму о Маріи Людвикѣ и приказалъ разсказывать себѣ о замкѣ и о ея дворѣ, такъ что Дызма осмѣлился наконецъ упомянуть и о Бертони. Онъ пожаловался на нее королю, что она принуждаетъ дочь выходить замужъ за старика Массальскаго. Услышавъ эту фамилію, король только плечами повелъ, и будь это въ другое время—непремѣнно разсмѣялся бы, но слишкомъ много горя было у него на душѣ. Онъ проворчалъ только, что баба такая же полоумная, какъ и этотъ старый хрычъ.

— Ничего изъ этого не будетъ,—прибавилъ король.—Знаю я его семью—она не допуститъ, чтобы ихъ княжескій титулъ былъ запятнанъ бракомъ съ мѣщанкой, такъ какъ этотъ титулъ представляетъ теперь все ихъ богатство.

VII.

Бѣшенно защищались казаки въ своихъ окопахъ — почти каждый день то по утрамъ, то по ночамъ дѣлая вылазки и нападая на расположенные къ нимъ ближе польскіе полки. Нѣсколько разъ имъ удавалось хорошо проучить поляковъ за неосторожность, и дерзость этой маленькой горсти лишала храбрости многихъ.

Іеремія и Ланцкоронскій хотѣли въ первый же день со всѣми силами броситься на это гнѣздо и разрушить его до

тла, но утомленное войско кричало:—Заморимъ ихъ голодомъ... Зачѣмъ рисковать, подвергать опасности нашу жизнь!

Неудовольствіе среди шляхты, съ Дембицкимъ во главѣ, росло, стали кричать, чтобы созвать „кругъ", поставить въ кругъ короля и распустить ополченіе.

Всѣ старые солдаты понимали, что все значеніе кровавой побѣды пропадетъ, если король сейчасъ же не пустится въ погоню за ордой и казаками.

Но шляхтѣ этого уже было довольно.

— По домамъ!—кричали они.—Король не имѣетъ права насъ держать; созвать кругъ; пусть послушаетъ, а мы ему разскажемъ и покажемъ, что значитъ шляхта! Мы не наемные солдаты, онъ не можетъ распоряжаться нами, какъ ему вздумается.

Между тѣмъ полки гетмановъ, пановъ, магнатовъ и самаго короля, каждый день нападали на эти окопы, въ которыхъ такъ храбро защищались Дедзила и Богунъ, какъ бы ожидая помощи. Голодомъ взять ихъ было трудно, потому что у нихъ былъ выходъ и они собирали припасы со всей окрестности. Между тѣмъ на нихъ продолжали напирать, хотя до сихъ поръ безъ всякаго успѣха. Только черезъ нѣсколько дней они начали кричать, чтобы допустили къ королю ихъ пословъ.

Янъ Казиміръ приказалъ ихъ привести. Они били передъ нимъ челомъ, попрежнему во всемъ обвиняя поляковъ. Они хотѣли теперь вернуться къ сборовскому доровору; но имъ отвѣчали, что они слишкомъ поздно явились съ покорностью; король потребовалъ выдачи Хмѣля и зачинщиковъ бунта, и полнаго подданства Рѣчи-Посполитой.

Іеремія, который отлично зналъ ихъ, сразу сказалъ, что пускаясь въ переговоры, они хотятъ только выиграть время, такъ какъ навѣрное ожидаютъ помощи.

— Подписывать съ ними договоры ни къ чему не поведетъ,—говорилъ онъ,—надо было довести ихъ до того, чтобы они принуждены были принять всѣ наши условія, не мы ихъ, а они насъ должны слушать,

Богунъ попробовалъ было незамѣтно выйти изъ окоповъ и бѣжать, но мазуры увидѣли и подняли тревогу. Тогда все войско *пустилось* въ погоню за казаками, выходившими изъ окоповъ,

и загнавъ ихъ вмѣстѣ съ возами въ болота, стали безжалостно рубить и топить ихъ. Но Богунъ успѣлъ вывести впередъ свои лучшіе полки и бѣжать съ ними. Оставшіеся въ окопахъ казаки, объятые ужасомъ, не успѣвъ даже ничего захватить съ собой, разбѣжались въ разныя стороны и попрятались въ болотахъ, такъ что въ окопахъ не осталось никого. Однако войско не смѣло занять ихъ, пока не убѣдилось, что тамъ не было никакой засады. Ужасное зрѣлище представилось ихъ взорамъ. Все застали они такъ, какъ оставили казаки. Впереди около самыхъ валовъ лежали и стонали недобитые поляки, съ отрѣзанными руками и ногами, ободранной кожей, избитые и изрубленные, у нѣкоторыхъ были выворочены внутренности, у другихъ выколоты глаза. Это возбудило въ солдатахъ такую ненависть и жажду мести, что и они никому не давали пощады и убивали всѣхъ, кого только находили въ разныхъ углахъ.

Въ шалашахъ дымились еще костры и возлѣ нихъ горшки съ борщемъ, киселемъ, саламатой и другими любимыми кушаньями казаковъ. Добыча была не велика и не богата, потому что на возахъ были только ремни, мѣшки, сермяги, полушубки, рубашки и больше ничего. За то нашлось множество всевозможнаго оружія, однихъ пушекъ 60, а что дороже всего — драгоцѣнности Хмѣльницкаго, знамена, присланныя Владиславомъ и Казиміромъ, мечъ отъ Константинопольскаго патріарха, бунчуки, печати и шкатулка съ разными бумагами.

Когда въ присутствіи короля, канцлера Лещинскаго, Отвиновскаго и многихъ другихъ, была открыта гетманская шкатулка, и добрались до его бумагъ,—всѣ были поражены. Королевскіе грамоты, привилегіи, турецкіе фирманы, татарскіе договоры, московскія грамоты, нѣмецкія—все это было ничто, въ сравненіи съ тѣми рапортами и донесеніями, какія нашлись въ этой шкатулкѣ. Хмѣльницкій имѣлъ повсюду своихъ друзей, которые доносили ему не только то, что дѣлается и говорится при дворѣ и въ покояхъ короля польскаго, но доставляли такія же донесенія со всѣхъ сторонъ, изъ Вѣны и даже изъ Рима. Теперь убѣдились даже и тѣ, которые до сихъ поръ не хотѣли этому вѣрить, что онъ, притворяющійся такимъ простякомъ, былъ гораздо хитрѣе всѣхъ тѣхъ, которые имѣли съ нимъ дѣло.

— Политикой его не побѣдишь,—сказалъ епископъ,—потому что въ ней онъ гораздо сильнѣе насъ; надо доконать его оружіемъ, иначе у насъ съ нимъ никогда конца не будетъ.

Всѣ радовались побѣдѣ, но въ особенности она пришлась по вкусу мятежникамъ, которые рѣшили въ тотъ же день воспользоваться ею. У палатокъ Дембицкаго, Казимірскаго и другихъ руководителей заговора толпилась шляхта и вездѣ слышно было только:

— Finis laborum! по домамъ! по домамъ! Пусть гетманы, если имъ хочется, преслѣдуютъ казаковъ, мы не пойдемъ.

Королю сначала не доносили объ этомъ, чтобы не отравлять ему радости этого дня, но на другой день подканцлеръ первый явился къ палаткѣ Яна Казиміра. Услышавъ, что король хотѣлъ какъ можно скорѣе выступать въ погоню за бѣжавшими казаками, онъ прямо заявилъ Яну Казиміру:

— Государь, нечего говорить объ этомъ, пока не удастся успокоить шляхты, она ужъ со вчерашняго дня бунтуетъ, собирается разойтись по домамъ.

Король даже вскрикнулъ отъ негодованія.

— Какъ?—воскликнулъ онъ,—и они хотятъ бросить своего вождя и короля и бѣжать? Не вѣрю, чтобы польская шляхта была способна на это.

Радзеевскій вздохнулъ съ соболѣзнованіемъ.

— Я не говорю,—сказалъ онъ,—чтобы они и исполнили это, но съ ними надо умѣть обходиться, тогда ихъ можно вести куда угодно; но сегодня у всѣхъ на устахъ одинъ крикъ „по домамъ“.

Начали сходиться другіе сенаторы, вошелъ епископъ Лещинскій, Янъ Казиміръ обратился къ нимъ.

— Послушайте, какую новость принесъ панъ подканцлеръ,—сказалъ онъ,—я не хочу вѣрить, чтобы меня могли покинуть.

Князь Доминикъ Заславскій, только что вошедшій въ палатку, мрачно проговорилъ:

— Нынче можно вѣрить во всякое зло. Слышалъ и я, что тамъ готовится, или удастся это остановить... или...

Онъ повелъ плечами, не доканчивая начатой фразы.

— Итакъ, ни во что пошла наша побѣда, такой дорогой цѣной купленная!—воскликнулъ король.

Всѣ молчали; между тѣмъ Радзеевскій обратился къ королю.

— Не хвастаюсь, но я знаю очень много шляхты, которая вѣритъ мнѣ и слушаетъ меня. Я готовъ служить по мѣрѣ силъ и возможности, быть можетъ, мнѣ удастся уговорить ихъ.

— Такъ сдѣлайте же это, панъ подканцлеръ,—вмѣшался епископъ Лещинскій,—вѣдь это вашъ долгъ.

Въ палатку вошелъ Любомірскій, передавая на ухо гетману Калиновскому ту же самую новость, что шляхта созывала кругъ.

— Въ этомъ ужъ нѣтъ тайны,—возразилъ Калиновскій,—давно ужъ все это подготовлялось, а злые люди, неизвѣстно съ какой цѣлью, развивали въ шляхтѣ чувство неповиновенія.

Всѣ нахмурились. Король стоялъ въ задумчивости, опираясь на столъ, но черезъ минуту поднялъ голову.

— Не вѣрю!—вскричалъ онъ.—У насъ всегда такъ бывало, да навѣрное всегда такъ и будетъ, что каждое предложеніе непремѣнно встрѣтитъ недовольныхъ, кто-нибудь всегда закричитъ veto, но вѣдь мы заглушимъ его, честные не дадутъ восторжествовать мятежникамъ.

— Такъ бы должно быть,—прервалъ Лещинскій,—но не всегда такъ бываетъ, потому что негодяи всегда громче всѣхъ кричатъ, а кто лучше сражается и любитъ родину—тотъ молчитъ.

Радзеевскій терялъ терпѣніе.

— Если они посмѣютъ открыто заговорить объ этомъ, мы тоже будемъ стараться громко кричать... и перекричать ихъ...

— Если посмѣютъ,—прервалъ Ланцкоронскій,—но развѣ вы не слышите, что они уже дерзаютъ говорить о «кругѣ».

Всѣ присутствующіе, для которыхъ этотъ «кругъ» въ ополченіи равнялся бунту, пораженные, молча переглядывались между собой. Одинъ король, казалось, меньше всѣхъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— Кругъ?—сказалъ онъ.—А хотя бы даже и кругъ хотѣли созвать. Если будутъ меня спрашивать о позволеніи, то я конечно не запрещу, Богъ съ ними, я не сдѣлалъ ничего такого, что боялся бы отвѣтить передъ Богомъ, совѣстью и народомъ... Пусть кругъ судитъ.

— Государь,—сказалъ канцлеръ,—каждый изъ насъ думаетъ то-же, однако я противъ этого круга, не изъ страха,

а изъ уваженія къ королевскому сану, достоинство котораго было бы оскорблено такимъ кругомъ. Есть же вѣдь особы и мужи, которыхъ кругъ не смѣетъ ни судить, ни осуждать. Передъ Богомъ отвѣтятъ они, а не передъ кругомъ.

— Уваженіе къ королевскому сану, — тихо проговорилъ король, — давно уже вывелось у насъ... Пусть созываютъ кругъ, если хотятъ.

Радзеевскій снова заговорилъ.

— Тутъ дѣло не въ тѣхъ обвиненіяхъ и упрекахъ, которые они на васъ взводятъ, потому что это только пустыя слова. Шляхта просто хочетъ домой, и больше ничего... Надо выбить у нея изъ головы...

— Поэтому, тотъ, кто чувствуетъ себя въ силахъ сдѣлать это, — сказалъ Лещинскій, — долженъ немедленно оказать эту услугу Рѣчи Посполитой и королю. Намъ нельзя будетъ даже похвастаться побѣдой, если мы бросимъ ее только наполовину начатою.

— Шляхта кричитъ, — сказалъ Лонцкоронскій, — что казаки ужъ не поднимутъ головы...

Іеремія Вишневецкій, который стоялъ и терпѣливо выслушивалъ все это, время отъ времени поднимая глаза къ небу, должно быть не могъ ужъ дольше выдержать.

— Такъ пусть поразспросятъ насъ, — сказалъ онъ серьезно, — насъ, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ воевали съ этимъ непріятелемъ, съ этимъ народомъ, котораго мы знаемъ и какъ слугъ, и какъ враговъ. Это не татары, которые, подобно дикимъ звѣрямъ, нападаютъ кучей и, отраженные, бѣгутъ въ разсыпную; это народъ выносливый, хитрый, ловкій, мстительный и любящій свою свободу такъ, какъ мы свою шляхетскую. Мы хотимъ покорить ихъ: для этого надо сломить ихъ, а эта разбитая кучка ничего не значитъ; въ десять разъ больше встанетъ завтра же подъ ружье, если только мы позволимъ имъ вздохнуть, и пойдутъ — вѣшать, рѣзать, сажать на колъ своихъ прежнихъ пановъ, потому что Хмѣль обѣщалъ имъ свободу; они примутъ московское подданство, поддадутся турку, свяжутся съ татариномъ, продадутъ душу самому дьволу — лишь бы только раздавить насъ... Сегодня *они домогаются* Кіева, завтра будутъ домогаться всей Руси и

укажутъ ея границы въ самомъ сердцѣ Рѣчи Посполитой... И въ такую важную минуту, когда намъ грозитъ величайшая опасность, шляхта собирается разойтись по домамъ на отдыхъ! Богъ ослѣпилъ ее!

Радзеевскій слушалъ, покручивая усъ. Совѣтники, окружавшіе короля, молчали, у всѣхъ лица приняли грустное выраженіе. Янъ Казиміръ долго стоялъ молча.

— Я до конца исполню свой долгъ, — сказалъ онъ наконецъ:—и если Богъ не дозволитъ мнѣ довершить начатаго дѣла, да падетъ вина на тѣхъ, которые вырвутъ оружіе у меня изъ рукъ. Быть можетъ, даже потомство ихъ будетъ страдать за грѣхи предковъ.

Король медленными шагами, приподнявъ стѣнку, вышелъ въ другую половину палатки, гдѣ онъ обыкновенно молился.

Радзеевскій также вышелъ изъ палатки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки его поджидалъ Дембицкій, съ разгорѣвшимся лицомъ и блестящими глазами.

— Созываютъ кругъ!—радостно вскричалъ онъ.—Услышитъ на немъ король горькую правду, не будутъ его щадить. Шляхта будетъ теперь допекать его нѣмцами.

Подканцлеръ нагнулся къ нему.

— Не заходите только слишкомъ далеко,—прошепталъ онъ,— для меня очень важно, чтобы мнѣ удалось уговорить, убѣдить ее, успокоить и выслужиться передъ королемъ. Пусть они себѣ орутъ, но необходимо оставить дорогу къ отступленію.

Дембицкій потеръ лобъ и повелъ плечами.

— Это ваше дѣло, — сказалъ онъ, — но трудно соблюсти мѣру.

Они пошептались между собой, сѣли на коней и разъѣхались въ разныя стороны.

Лагерь кипѣлъ; теперь уже никто не могъ остановить волненія.—По домамъ!—кричали всѣ. – У короля есть своя пѣхота, Гувальды и другіе нѣмцы; хватитъ ему ихъ, а съ насъ уже довольно этого пренебреженія.

Даже между сенаторами начинала возрастать тоска по домѣ. Роптали.

— Король увлекается. Поручилъ-бы все гетманамъ: это

не его дѣло... Онъ готовъ держать насъ въ полѣ, пока ни одного казака не останется.

Въ тотъ же день вечеромъ король объявилъ, что хочетъ ѣхать въ Броды къ Конецпольскому, чтобы осмотрѣть крѣпость, построенную его отцомъ.

— Итакъ, онъ не перестанетъ воевать?—вздыхали сторонники мира.

Броженіе умовъ увеличивалось.

Все больше и больше слышалось голосовъ, чтобы король поручилъ все гетманамъ, а самъ уѣхалъ въ Варшаву и распустилъ ополченіе.

Наступила ночь. Передъ образомъ Хелмской Божіей Матери стоялъ на колѣняхъ король и долго молился. Героизмъ начиналъ уже тяготить его. Еще сегодня онъ желалъ идти дальше, но утомленіе уже давало себя чувствовать.

Поднявшись съ колѣнъ, онъ покачнулся, потому что нога не совсѣмъ еще прошла, но оперся на палку и перешелъ въ другую половину палатки, гдѣ его ждалъ Стжембошъ.

— Что слышно?—спросилъ король.—Ты ходилъ по лагерю?

— Нарочно, чтобы послушать,—вздохнулъ Дызма.

— Убѣдилъ ихъ Радзеевскій? — съ ироніей проговорилъ Янъ Казиміръ. Дызма улыбнулся.

— Говорятъ, но я самъ тамъ не былъ, что онъ дѣйствительно ораторствовалъ, но съ такимъ успѣхомъ, что его перекричали, заглушили, и онъ съ позоромъ долженъ былъ удалиться.

— Это любимецъ-то шляхты, котораго она, по его словамъ, чуть не на рукахъ носила!—насмѣшливо сказалъ король.

— Я думаю, что онъ не удовольствуется этимъ,—замѣтилъ Стжембошъ, — вѣдь онъ такъ хвастался; но я сомнѣваюсь въ успѣхѣ.—И помолчавъ немного, Дызма прибавилъ:

— Непонятны пути и дорожки, по которымъ ходятъ его ножки. Его другъ и пріятель Дембицкій горланитъ съ шляхтой, тогда какъ подканцлеръ противъ...

Король вздрогнулъ отъ отвращенія.

— Довольно объ этомъ низкомъ человѣкѣ!

Онъ опять вернулся къ шляхтѣ, спрашивая Стжембоша, чего *бы она хотѣла* за то, чтобы остаться съ нимъ и съ войскомъ.

— *Государь*,—сказалъ Дызма,—судя по теперешнему по-

ложенію, ихъ уже ничѣмъ нельзя подкупить, потому что они не заботятся даже о своей чести.

Нахмурилось чело короля и онъ бросился на турецкія подушки, какими была окружена палатка внутри.

— Я пойду одинъ безъ нихъ,—сказалъ онъ про себя,— они почувствуютъ стыдъ и срамъ!

Мысль эта засѣла въ его головѣ.

— Да,—повторилъ онъ себѣ,—это еще послѣднее средство: они устыдятся, не покинутъ меня. Разсуждать съ ними напрасная трата времени. Пойду! пойду!

Онъ всталъ съ сидѣнья и приказалъ позвать Яскульскаго.

— Знай,—повелительно обратился онъ къ вошедшему,— и говори, если будутъ спрашивать, что—если шляхта не хочетъ, пусть идетъ куда глаза глядятъ.... Я пойду одинъ съ войскомъ!.. Понимаешь ты это? Пойду одинъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ все кипѣло: Больше всего шумѣла шляхта Краковская и Сандомирская. Расположившись между палатками, они вытащили пустую пивную бочку, прикрыли ее ставней и сдѣлали такимъ образомъ трибуну, на которой то и дѣло появлялись ораторы. Сбоку стоялъ Дембицкій, а за нимъ Радзеевскій... Ему должны были приготовить торжественный пріемъ. Довольно шляхты поилъ и кормилъ онъ: такъ что онъ былъ увѣренъ, что если они кланялись ему до пояса, когда онъ угощалъ ихъ, то и теперь послушаются одного его слова. Онъ не зналъ, что шляхта, опьяненная своей свободой, не знаетъ благодѣтелей и ни кому не кланяется.

Радзеевскій съ гордостью смотрѣлъ на эту толпу... и приготовлялся выступить противъ нея.

— Не совѣтую этого, сказалъ Дембицкій.

— Напрасно ты такъ думаешь о нихъ!—проворчалъ Радзеевскій.—Это стадо барановъ, надо только умѣть поставить себя и они пойдутъ за тобой хоть на край свѣта.

Комедія начиналась. Расталкивая шляхту и крича: тсъ, тсъ!.. слушайте...—ворвался въ самую средину Снарскій.

— Подканцлеръ идетъ къ намъ.

Водворилась тишина, но вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ну, такъ что-жъ? велика штука! подканцлеръ? Чортъ съ нимъ!

Нѣкоторые смѣялись, но вотъ за Снарскимъ прибѣгаетъ Казимірскій

— Братцы! Радзеевскій къ намъ ѣдетъ; вотъ кто дастъ намъ умный совѣтъ. Льстецомъ онъ никогда не былъ.

Въ это время кто-то изъ другой кучки, по примѣру перваго, крикнулъ:

— Пусть дастъ совѣтъ, только не предательскій: будемъ ему рады!

Другіе начали аплодировать.

Нѣкоторое время всѣ ждали молча, оглядываясь по временамъ, какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ѣдетъ, ѣдетъ.

Подканцлеръ ѣхалъ къ нимъ съ добродушнымъ, покорнымъ лицомъ, но принарядился такъ, чтобы въ немъ можно было узнать важнаго сановника. Онъ сразу почувствовалъ, что онъ сидитъ не за столомъ, не за завтракомъ: шляхта не уступала ему дороги, онъ долженъ былъ съ помощью Казимірскаго и Снарскаго пробираться въ середину. Здѣсь онъ, несмотря на свой высокій ростъ, совсѣмъ утонулъ въ толпѣ. Осмотрѣвшись вокругъ и не видя ничего, кромѣ пустой бочки со ставней онъ снялъ шапку и влѣзъ на импровизированную трибуну. Отовсюду не него были устремлены взоры — острые, пытливые—какъ будто никто его здѣсь не зналъ...

Онъ поклонился на всѣ четыре стороны.

— Милостивые паны-братцы! Услышавъ, что здѣсь идетъ важное дѣло, которое касается всѣхъ насъ, я также, какъ вѣрный сынъ своего отечества, прихожу къ вамъ дѣлить съ вами долю и недолю.

Наступило какое-то зловѣщее молчаніе.

— Эй,—выступилъ впередъ лысый, худой великанъ,—хорошо, что вы пришли: выслушайте насъ, да донесите королю... Для васъ вѣдь ухо его открыто.

— Домой мы хотимъ!—начали кричать изъ толпы.

Въ это время выступилъ впередъ Обзольскій съ Сандомира, съ рукой за поясомъ, шапкой, надвинутой на ухо. Другой рукой онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы замолчали и началъ говорить

— У насъ даже уже высохло въ хлоткахъ отъ напрасныхъ криковъ. Рѣшено, что мы дальше не пойдемъ; на то у

короля есть войско. Мы свое сдѣлали; теперь ужъ дѣло наемныхъ солдатъ добивать по лѣсамъ и болотамъ тѣхъ, кого мы разбили и разсѣяли.

— Хочетъ король продолжать, пусть идетъ, а мы не пойдемъ...

Онъ поклонился; ему зааплодировали, и со всѣхъ сторонъ поднялись руки и раздались голоса:

— Ни шагу дальше!..

Подканцлеръ стоялъ съ минуту молча.

— Прошу у васъ слова, выслушайте меня!

— Говори, говори.

— Тяжелую жертву принесли вы отечеству, это правда,— началъ онъ,—но не стоитъ ничего дѣлать наполовину; неужели вы позволите наемнымъ солдатамъ отнять у васъ славу? Скажутъ, что шляхта ушла съ поля, а отечество спасли солдаты. Тутъ дѣло идетъ о нашей чести. Далеко идти не придется, чтобы разгромить непріятелей...

— Ого, ого! —раздавались голоса.—Да его король подослалъ.

— Я вашъ, паны братья,—продолжалъ подканцлеръ.— кость отъ костей вашихъ, но честь наша требуетъ жертвы! Вы не оставите короля одного.

— У него есть войско... нѣмцы!...

Радзеевскій, не обращая вниманія на замѣчанія, продолжалъ свою рѣчь, употребилъ все свое краснорѣчіе и хотя его уже не прерывали, но когда наконецъ усталъ и кончилъ, онъ почувствовалъ, что и половина его не слыхала. Кричали все громче и громче. Снова выступилъ Обзолскій.

— Брось ты свою проповѣдь,—крикнулъ онъ,—насъ не проведешь! Слышали мы все это... Что сказано — то свято... Не пой-демъ!

Другой, красный какъ ракъ, оттолкнулъ его и, выскочивъ впередъ, поднесъ кулакъ почти къ самому носу Радзеевскаго.

— Что ты? подканцлеръ? А мы — простая шляхта, но мы своего доморощеннаго ума не промѣняемъ на твой заграничный. Деньги на войну—пусть даетъ шляхта, налоги, подати дерутъ съ нея, да наконецъ еще и кровь... Позвали—мы пошли, но надо хоть разъ положить этому конецъ!..

Поднялся такой шумъ и гамъ, столько поднялось рукъ, что

хотя подканцлеръ и возвышалъ голосъ и кричалъ, но его уже совсѣмъ не было слышно.

Ставня начала трястись подъ нимъ. Онъ все еще стоялъ, но Снарскій уже тащилъ его. Говорить было невозможно.

— Паны братья!

На него закричали.

— Слѣзай, панъ братъ!

Отъ стоявшихъ поближе до него доносилась грубая брань.

— Знаемъ мы этихъ придворныхъ! Краснорѣчія у васъ хватитъ, но такъ и жди измѣны и предательства!

Радзеевскій, постоявъ съ минуту, долженъ былъ слѣзть. Онъ до такой степени былъ раздраженъ, что не могъ даже говорить съ Казимірскимъ, который пытался утѣшать его.

Подканцлеръ еще стоялъ смущенный, когда какой-то совершенно незнакомый мужчина, рѣзко выдѣлявшійся изъ ружавшей толпы, съ нахмуренныхъ лицомъ приблизился къ нему.

— Вотъ плоды вашихъ посѣвовъ,—серьезно и строго проговорилъ онъ.—Вы дали прорвать плотины: вода полилась, смотрите только, какъ бы и васъ не затопила.

Подканцлеръ сморщился, такъ какъ вовсе не зналъ того, кто къ нему обращался.

— Почему же это вы меня обвиняете?—спросилъ онъ съ чувствомъ оскорбленной гордости.

— Ударьте себя въ грудь,—сказалъ незнакомецъ и, отвернувшись, затерялся въ толпѣ.

VIII.

Итакъ, готовились выступать въ походъ въ погоню за казаками, какъ распорядился король, хотя шляхта и знать ничего не хотѣла объ этомъ. Янъ Казиміръ дѣйствовалъ такъ, какъ будто ничего не зналъ о ней.

Къ вечеру по всему лагерю съ быстротою молніи облетѣла вѣсть, что король взялъ отъ казаковъ деньги. Повторяли тѣ же *300.000. Въ* тотъ же день это дошло до ушей Потоцкаго и *Калиновскаго. Конецпольскій*, которому донесли, что Радзеевскій

повторялъ и распространялъ эту клевету, по неосторожности полетѣлъ прямо къ королю, тогда какъ другіе хотѣли скрыть отъ него это. Измѣнившееся лицо гостя поразило Яна Казиміра и онъ поспѣшилъ ему навстрѣчу съ вопросомъ:

— Что опять случилось? несчастіе какое-нибудь?

Ломая руки, началъ Конецпольскій свое обвиненіе, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Король поблѣднѣлъ, слушая его, и задрожалъ, но тотчасъ же оправился и обычное хладнокровіе вернулось къ нему.

— Я знаю, что подканцлеръ на все способенъ,—сказалъ онъ,—но я считалъ его умнѣе; потому что такую басню могъ сочинить только человѣкъ, который никогда не бывалъ при дворѣ, не видалъ людей. Она должна поражать всякаго своей несообразностью.

— Увы!—прервалъ хорунжій, тотъ, который ее сочинилъ, зналъ глупость толпы, среди которой распустилъ эту клевету. Государь! подканцлеръ...

Король махнулъ рукой.

Во все это время Радзеевскій, зная, что королю донесли на него, не показывался на глаза Яну Казиміру. Онъ сидѣлъ въ своей палаткѣ, ворча и раздумывая, призывая къ себѣ Дембицкаго и всю ораву крикуновъ.

Подъ вечеръ онъ не выдержалъ и побѣжалъ въ палатку канцлера Лещинскаго.

— Меня оклеветали передъ королемъ,—началъ онъ говорить канцлеру,—что будто бы я сочинилъ и распустилъ сплетню о подкупѣ. Король, конечно, радъ повѣрить этому. Да! Я повторялъ эту сплетню, потому что она ходитъ изъ устъ въ уста по всему лагерю.

— Панъ подканцлеръ,—сухо проговорилъ Лещинскій,—вамъ незачѣмъ передо мной оправдываться. Мнѣ чужды всѣ эти придворныя интриги. Слуга Божій не знаетъ вашихъ дорогъ.

Радзеевскій весь дрожалъ.

— Значитъ, король рѣшилъ раздразить шляхту до самыхъ крайнихъ предѣловъ: онъ выступаетъ къ Кременцу?

— Вѣря въ то, что вѣрная шляхта не покинетъ его, хотя бы ради своей собственной чести,—сказалъ канцлеръ.

Подканцлеръ разсмѣялся.

— Быть можетъ, она поступила бы такъ на другой день послѣ битвы, но теперь—поздно. Король долженъ объясниться съ ней и условиться.

Лещинскій быстро взглянулъ въ глаза говорившему и холодно сказалъ:

— Вѣдь вы же торжественно обѣщали своимъ вліяніемъ успокоить умы: вы этого не сдѣлали, и король уже потерялъ всякую надежду.

— Я этого не сдѣлалъ,—сердито крикнулъ Радзеевскій,—потому что король слишкомъ поздно поручилъ мнѣ это дѣло. Для меня нѣтъ къ нему доступа, нѣтъ у него довѣрія ко мнѣ: поэтому я и не могу ничего сдѣлать. Если бы онъ во всемъ положился на меня, сегодня дѣла стояли бы совсѣмъ иначе.

— А! а!—вздохнулъ Лещинскій, и опустилъ взоры.

Подканцлеръ понялъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать, и вышелъ изъ палатки.

Цѣлую ночь шляхта опять шумѣла и разошлась только подъ утро. Едва они уснули, какъ труба заиграла тревогу. Кто какъ спалъ—въ рубашкахъ, полунагіе, повскакали съ постели, думая, что непріятели напали на лагерь. Вскорѣ всѣ убѣдились въ томъ, чему сначала не хотѣли вѣрить, что войско и король выступаютъ подъ Кременецъ, предоставляя ополченіе его собственнымъ силамъ и разсудку.

Конница, пѣхота, такъ называемые нѣмецкіе полки, Пжиемскій съ пушками, вѣрные королю полки пановъ и сенаторовъ съ распущенными знаменами выступали изъ лагеря, а шляхта, протирая глаза, кляня, отчасти отъ стыда, а главное отъ большой злости, глядѣла имъ въ слѣдъ. Перепуганная шляхта стала бѣгать изъ одной палатки въ другую и кричать:

— Что? Король бросилъ насъ на закуску казакамъ! Идетъ... ей Богу... и все войско съ нимъ.

Въ одно мгновеніе всѣ были одѣты. Хотѣли послать пословъ къ королю, но дали знать, что король, выѣхавъ очень рано, былъ уже въ двухъ миляхъ отъ нихъ. Изъ пановъ сенаторовъ почти никто не остался; запоздавшіе поспѣшно убирали палатки и садились на коней. Одинъ только подканцлеръ не поѣхалъ за королемъ.

Изъ воеводствъ Краковскаго и Сандомірскаго Мышковскій

и князь Доминикъ, которые еще оставались съ земляками, созвали своихъ на совѣтъ.

— Я ни передъ кѣмъ не заискиваю и никого не боюсь,— обратился князь Доминикъ къ Краковянамъ,—но что мы остались здѣсь къ великому стыду нашему, такъ это правда. Короля бросить такъ, не объяснившись даже, было бы очень скверно.

— И я того же мнѣнія,—прибавилъ Мышковскій.—Наши два воеводства доказали на полѣ битвы, что они не изъ трусости отказываются идти дальше.

По вчерашнему начали взводить на короля обвиненія, но Мышковскій заткнулъ глотки крикунамъ.

— Пустыя слова! — сказалъ онъ,—теперь надо думать, какъ бы съ честью выйти изъ этого глупаго положенія.

Князь Доминикъ прервалъ его:

— Надо отправить къ королю пословъ. Не хочетъ вся шляхта идти за войскомъ или не можетъ, но выбрать изъ своей среды нѣсколько полковъ—это можно бы сдѣлать.

Сначала слова его были приняты молчаніемъ; крикуны молча переглядывались: не пойдемъ.

— Король королемъ,—проговорилъ Мышковскій, но, если мы не будемъ оказывать почтенія королевскому сану, и насъ не будутъ уважать другіе народы. Рѣчь Посполитая не можетъ быть безъ головы.

Всѣ уже соглашались съ тѣмъ, что надо было чѣмъ-нибудь замолить короля; жертвовали 12,000 людей, остальные собирались разойтись по домамъ.

На другой день стали выбирать пословъ къ королю, который, осмотрѣвъ крѣпость въ Бродахъ, долженъ былъ находиться въ Кременцѣ.

Рѣшено было, чтобы ѣхали староста Либускій, Владиславъ Рей, и староста городельскій Чаплицъ.

Когда послы оставляли лагерь, онъ выглядѣлъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ. Грустно въ немъ было и пусто; ополченіе само, по своей волѣ, не распущенное королемъ, не могло разойтись, не нарушивъ закона. А что, если король настоитъ на томъ, чтобы они шли за нимъ? Бунтъ, мятежъ? А тутъ за спинами казаки и кругомъ трупы.

Никто не подозрѣвалъ, въ какомъ настроеніи застанутъ короля послы.

Съ остаткомъ мужества и вѣры выступилъ король къ Бродамъ. Онъ имѣлъ еще слабую надежду на то, что шляхта, изъ чувства чести послѣдуетъ за нимъ.

На другой день, когда ему дали знать, что ополченіе все стоитъ подъ Берестечкомъ, не зная, какъ распутать этотъ узелъ, Янъ Казиміръ сказалъ Конецпольскому:

— Никто не спасетъ народа, который самъ не хочетъ спасать себя. Я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Пусть Господь Богъ сжалится надъ будущимъ; у меня ужъ пропали и мужество, и всякая охота. Насильно тащить ихъ я не могу, вызывать открытый мятежъ — не хочу, Богъ съ ними... Мнѣ здѣсь ужъ нечего дѣлать. Поручу все гетманамъ. Я изнуренъ тѣломъ, но это было бы еще ничего: душа моя больна...

Съ этимъ король прибылъ и въ Кременецъ и дѣйствительно долженъ былъ отдыхать, потому что докторъ Бауръ опасался за его здоровье.

Извѣстіе о пріѣздѣ Рея и Чаплица не произвело большого впечатлѣнія на короля. Съ холоднымъ, застывшимъ лицомъ, совсѣмъ не тѣмъ, какое видѣли у него во время битвы, вышелъ онъ навстрѣчу посланнымъ, радушно, но холодно принимая ихъ. Они нашли въ немъ совсѣмъ другого человѣка. Онъ терпѣливо и кротко выслушалъ посольство.

— Вы берете будущее на свою совѣсть,—сказалъ онъ,— такъ несите же и отвѣтственность за него. Я хотѣлъ кончить войну, сразу погасить пожаръ, которому мы дали разгорѣться.— Онъ тяжело вздохнулъ.—Пусть ополченіе расходится по домамъ и дай Богъ, чтобы оно было въ безопасности отъ враговъ. Гетманы пойдутъ дальше; я уже не буду вмѣшиваться.

Милостиво, но равнодушно принятые послы, хотя и достигли своей цѣли, но возвращались опечаленные. Король разстался съ ними какъ съ чужими, не сказавъ на одного добраго слова. На другой же день разошлась вѣсть, что король все поручаетъ гетманамъ, а самъ возвращается въ столицу. Довольно было взглянуть на него, чтобы прочитать на лицѣ его апатію и изнуреніе. Къ печали присоединилась еще и болѣзнь, и король *прибылъ въ Львовъ* совсѣмъ больной.

Тихо, печально въѣхалъ онъ въ столицу Руси и на другой же день долженъ былъ слечь въ постель. Отправленный отсюда посолъ долженъ былъ увѣдомить королеву о болѣзни, необходимости отдыха и скоромъ возвращеніи въ Варшаву. Отъ письма такъ и вѣяло апатіей, которая очень непріятно поразила Марію Людвику. Она какъ разъ хлопотала надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать Берестецкую побѣду громкой и славной. Заграничныя газеты прославляли эту побѣду и выставляли короля героемъ. Его изображенія съ лавровымъ вѣнкомъ разошлись по свѣту.

Въ Львовѣ Янъ Казиміръ снова вернулся къ своему прежнему положенію человѣка утомленнаго и изнуреннаго жизнью.

Во Львовѣ его задержала болѣзнь, вызванная жарами. Онъ всталъ съ постели сильно изнуренный и долженъ былъ набрать силъ, прежде чѣмъ могъ двинуться въ Люблинъ.

Въ Люблинѣ Бутлеръ снова приказалъ отдыхать. Сюда пришло извѣстіе, что маленькая королевна, рожденью которой такъ радовались, умерла. Янъ Казиміръ не обнаружилъ большого горя. Письма Маріи Людвики были грустны и печальны.

Въ Люблинѣ король узналъ также и о подканцлершѣ, которая дважды просила Марію Людвику выслушать ее и дать ей возможность очистить себя отъ клеветы. Подъ впечатлѣніемъ того, что доносилъ ей Радзеевскій, королева оба раза отказала ей въ пріемѣ. Это была минута, когда, благодаря старанію своего мужа, оклеветанная Радзеевская находила всѣ двери запертыми для нея. Въ отчаяніи, она хотѣла очистить себя по крайней мѣрѣ хоть въ глазахъ королевы. Дважды отвергнутая, подкрѣпляемая гордостью и сознаніемъ своей невинности она стала приготовляться покинуть дворецъ. Тогда, наконецъ, королева, побуждаемая скорѣе любопытствомъ, чѣмъ сочувствіемъ, приказала дать знать подканцлершѣ, что она согласна принять ее.

Радзеевская съ гордостью отказалась.

— Я дважды стучалась въ двери ея величества,—отвѣчала она,—но ихъ закрыли передо мной, и я никогда болѣе не переступлю этого порога.

На помощь подканцлершѣ, боявшейся возвращенія мужа,

прибыли оба ея брата. Послѣ совѣщанія съ ними, она приказала убирать и вывозить все, что было самое драгоцѣнное во дворцѣ Казановскихъ.

Она вслухъ говорила о разводѣ.

Вскорѣ гнѣздо Казановскихъ, эта игрушка, которой восхищались даже всѣ иностранцы, опустѣло; остались только голыя стѣны — все было увезено отчасти въ монастырь Кларисокъ, отчасти къ подканцлершѣ. Сама она переѣхала въ монастырь Кларисокъ, которыхъ привлекла къ себѣ богатыми дарами. Это былъ первый признакъ развода.

Радзеевскій изъ подъ Берестечка не поѣхалъ прямо въ Варшаву; онъ остановился въ Крыловѣ, пробуя разузнавать объ имѣньяхъ Казановскихъ, которыми онъ считалъ себя въ правѣ управлять. Но вездѣ онъ нашелъ здѣсь братьевъ подканцлерши— Слушковъ, ихъ управителей и экономовъ, противъ которыхъ онъ могъ употребить развѣ только насиліе.

Все это предсказывало ему войну и именно въ такую минуту, когда онъ былъ принужденъ объявить ее и королю.

Въ покровительствѣ Маріи Людвики онъ не былъ увѣренъ; отношенія ихъ съ нѣкотораго времени охладѣли. Жалобы короля на Радзеевскаго, подвержденныя донесеніями другихъ вѣрныхъ королевѣ лицъ, разоблачали передъ ней всѣ интриги подканцлера. Послѣдняя клевета о подкупѣ возмутила Марію Людвику.

Король въѣхалъ въ столицу довольно торжественно, хотя надѣялся когда-то въѣхать совсѣмъ не такъ. Королева первая замѣтила въ мужѣ эту апатію, которая все возрастала, несмотря на то, что повсюду превозносили его великіе подвиги, геройство и славу.

Первыя слова его, какъ только они остались наединѣ, былъ взрывъ долго сдерживаемаго горя. Онъ началъ горько жаловаться королевѣ на людскую несправедливость, на шляхту, которая умѣла только кричать, а драться не хотѣла.

— Я возвращаюсь не какъ тріумфаторъ, хотя на видъ мы и побѣдили, а какъ невѣрящій уже ни во что и сомнѣвающійся во всемъ.

Марія Людвика, которая слушала это, не выказывала ни малѣйшаго удивленія.

— *Все это я* сознаю и чувствую также хорошо, какъ и

ты,—сказала она:—но мы не должны признавать себя побѣжденными. Мы должны бороться до конца.

Король молчалъ.

— Приближается сеймъ, — говорила далѣе королева:—отъ него зависитъ дальнѣйшее веденіе войны, защита страны, все, Радзеевскій, посѣетъ тамъ несогласіе, не дастъ ничего сдѣлать. Отъ него всего можно ожидать.

— Ты имѣешь надъ нимъ вліяніе, — прибавилъ король:—и воспользуешься имъ теперь.

— Если только не будетъ уже поздно, — задумчиво прошептала королева.

Пока это происходило въ замкѣ, Радзеевскій, извѣщенный объ опустошеніи замка, спѣшилъ въ Варшаву.

Видъ пустого замка и голыхъ стѣнъ привелъ его въ бѣшенство. Онъ судорожно сжималъ кулаки, какъ-бы угрожая женѣ, и кричалъ:

— Итакъ, война, — открытая война! но силы неравныя.— Радзевскій покажетъ себя, онъ не одинъ и не безоруженъ!

Когда ему говорили, что обобрали дворецъ, онъ думалъ, что увезли только самое дорогое, а между тѣмъ не нашелъ ничего, такъ что пришлось послать въ Радзеевицы за предметами первой необходимости.

На другое-же утро подканцлеръ съ крикомъ и шумомъ ворвался къ королю, требуя справедливости. Янъ Казиміръ холодно возразилъ, что не знаетъ сути дѣла и не желаетъ вмѣшиваться. Тѣмъ болѣе, что дѣло это подлежало скорѣе духовному суду, чѣмъ свѣтскому. Радзеевскій на этотъ разъ былъ особенно грубъ и дерзокъ съ королемъ: грозилъ, насмѣхался, а когда ему король отвѣтилъ презрѣннымъ молчаніемъ, онъ выбѣжалъ какъ угорѣлый, даже не попрощавшись. Прямо отъ короля онъ отправился къ папскому легату, который повидимому былъ уже приготовленъ къ его визиту. Важная осанка посла Апостольской столицы, его сила и значеніе принудили Радзеевскаго къ покорности. Итальянецъ принялъ его очень радушно. Подканцлеръ сталъ жаловаться вообще на поведеніе жены и, не смѣя прямо назвать короля, далъ понять его вину. Нунцій, казалось, никакъ не хотѣлъ этого понять.

На другой день онъ предоставилъ подканцлеру полную сво-

боду излить всѣ свои жалобы и слушалъ его съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа, хозяинъ подалъ знакъ, чтобы подали шоколадъ. Онъ хотѣлъ даже напоить подканцлера, но когда тотъ отказался, легатъ съ большой граціей взялъ своей бѣлой ручкой чашку и всецѣло предался этому наслажденію.

Наконецъ подканцлеръ кончилъ; нунцій поставилъ чашку, вытеръ ротъ и съ улыбкой началъ:

— Всѣмъ сердцемъ сожалѣю о вашемъ несчастіи, отъ души радъ-бы помочь вамъ, но въ такихъ случаяхъ церковь должна дѣйствовать очень осторожно и осмотрительно. Монастырь не можетъ отталкивать тѣхъ, которые ищутъ убѣжища въ его стѣнахъ. Жена ваша останется у Кларисокъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы не разберемся въ бракоразводномъ процессѣ.

— Но я не допущу развода!—воскликнулъ Радзеевскій.

Нунцій смолчалъ. Здѣсь нельзя было грозить какъ королю, и послѣ долгихъ просьбъ и убѣжденій онъ долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ. Взбѣшенный, онъ въ тотъ-же день заявилъ, что не пощадитъ монастырской калитки, хватитъ у него людей, чтобы выломать ее и отыскать жену. Необыкновенное движеніе среди его прислуги обратило всеобщее вниманіе. Узнавъ объ этомъ, встревоженная подканцлерша дала знать въ замокъ. Король, не задумываясь, приказалъ людямъ изъ своей гвардіи охранять монастырскія ворота. Думали, что одного этого будетъ достаточно, чтобы отбить у Радзеевскаго всякую охоту къ нападенію. Однако подканцлеръ, или не зная объ этомъ, или пренебрегая этимъ обстоятельствомъ, на другой день явился подъ воротами монастыря съ толпой вооруженныхъ людей. Онъ дерзко началъ требовать выдачи жены; ему отвѣчали, что подканцлерша рѣшила не выходить. Тогда Радзеевскій, крикнулъ на своихъ людей, бросился къ воротамъ, но въ ту же минуту королевская гвардія съ мушкетами въ рукахъ явилась передъ нимъ, преграждая путь, и начальникъ ея далеко не вѣжливымъ тономъ крикнулъ, что ему поручено силой отразить всякую попытку проникнуть въ стѣны монастыря.

Радзеевскій съ пѣной у рта, изрыгая проклятія, сдѣлалъ *людямъ знакъ къ* отступленію. Толпа народа, привлеченная лю-

бопытствомъ, смѣхомъ провожала подканцлера. Онъ вернулся въ пустой замокъ, гдѣ его ждалъ Дембицкій.

Входя въ залу, Радзеевскій дрожалъ и не могъ говорить.

Наконецъ онъ остановился передъ Дембицкимъ и, сложивъ пальцы для присяги, поднялъ руку.

— Слушай и будь свидѣтелемъ,—загремѣлъ онъ,—я присягаю: месть ей и королю. Теперь тотъ нѣмецъ будетъ наталкиваться на меня на каждомъ шагу, я вопьюсь въ него какъ клещъ, буду сосать его какъ піявка. Клялся нѣкогда Зебжидовскій, что лишитъ Сигизмунда королевства; я сорву съ его головы корону—отравлю ему жизнь... Зубъ за зубъ...

Онъ упалъ на лавку, задыхаясь.

— Приближается сеймъ; Дембицкій, на тебя я возлагаю свои надежды. Соберемъ со всѣхъ концовъ пословъ, которые будутъ преслѣдовать его, вырвемъ у него изъ рукъ власть... Поплатится онъ мнѣ за все это. Радзевскій кажется ему ничтожнымъ; я покажу ему, что въ этомъ королевствѣ я имѣю больше силы, чѣмъ онъ... Дорого онъ заплатитъ за свои любовныя интрижки... Голосъ у него дрожалъ.

— Узнаетъ онъ, что значитъ война со мной!!

IX.

Подканцлерша осталась въ монастырѣ, а между королемъ и Радзеевскимъ началась жестокая, неумолимая война. Она носила особенный характеръ, который придавалъ ей дерзкій, но разсчетливый Радзеевскій. Все преслѣдованіе его заключалось въ томъ, что онъ по цѣлымъ днямъ ни на шагъ не отходилъ отъ Янъ Казиміра. Должность подканцлера, хотя король избѣгалъ употребленія малой печати и вмѣсто нея приказалъ скрѣплять свои письма и даже менѣе важныя дѣловыя бумаги своей именной печатью—давала на то право Радзеевскому.

Король зналъ, что въ провинціи, при помощи Дембицкаго, одного Замойскаго и нѣсколькихъ другихъ, Радзеевскій подготовлялъ ему страшнѣйшую оппозицію на ближайшемъ сеймѣ.

Марія Людвика тщетно пробовала остановить его своимъ вліяніемъ. Его ненависть къ королю не имѣла границъ.

Какъ разъ въ это время умеръ заслуженный гетманъ Потоцкій; послѣ него оставались для раздачи: большая булава, каштелянство Краковское и староство Люблинское.

Радзеевскій сталъ кричать и разглашать всѣмъ, что ему принадлежитъ большая булава, къ которой не имѣлъ ни способности, ни заслугъ, да и вообще ни малѣйшаго права. Это было возмутительно. При той власти, какую обезпечивала большая булава, отдать ее непріятелю—значило положиться его милость или немилость—запродаться въ неволю.

Радзеевскій разсчитывалъ, что запугалъ короля, что сдѣлался для него страшнымъ, а потому осмѣлился домогаться гетманской булавы.

Король, устыхавъ объ этомъ вскричалъ:

— Если бы даже я поплатился за это жизнью—ни за что на свѣтѣ!

Всѣ, стоящіе близко къ Яну Казиміру, сама наконецъ королева, имѣвшая всегда такое рѣшительное вліяніе, возмущались этимъ требованіемъ, считая его безумнымъ.

Однако, надо было обезпечить себя со стороны сейма, чтобы онъ не былъ бурнымъ и безплоднымъ, и со стороны Радзеевскаго, чтобы онъ пересталъ наконецъ преслѣдовать короля.

Янъ Казиміръ постоянно повторялъ только, что не хочетъ видѣть его передъ собой. Поэтому Марія Людвика предложила въ видѣ выкупа, отдать врагу лучшія государственныя должности—каштелянство Краковское и староство Люблинское.

— Дамъ ему каштелянство, — сказалъ король,—лишь бы онъ не торчалъ у меня на глазахъ, лишь бы мнѣ его не видѣть; пусть беретъ Люблинское староство, хоть онъ и ничѣмъ не заслужилъ его: онъ вынудилъ у меня какъ Церберъ, что бы заткнуть ему глотку: пусть только убирается прочь.

Канцлеру Лещинскому поручено было сообщить это невѣроятное извѣстіе Радзеевскому.

Подканцлеръ,—вмѣсто того, чтобы съ благодарностью принять королевскую милость повидимому считалъ себя до такой степени грознымъ, что могъ требовать, чего ему вздумается,—презрительно отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, что я заслужилъ булаву и она мнѣ *принадлежитъ, а каштеляніи* я и не хочу, да и не приму.

Лещинскій даже невольно перекрестился.

— Не хочется вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ,— сказалъ онъ.—Какія же это заслуги даютъ вамъ право на булаву? Это значило бы обидѣть другихъ... Король никогда не можетъ этого сдѣлать, потому что всѣ стали бы думать, что онъ испугался васъ.

Подканцлеръ дерзко возразилъ.

— Всякій можетъ думать, какъ ему нравится, но если король хочетъ быть спокойнымъ и за сеймъ, и за войско, то дастъ мнѣ булаву, иначе я не ручаюсь, чтобы кто-нибудь сумѣлъ справиться съ разъяренной шляхтой.

Канцлеръ не хотѣлъ вдаваться въ разсужденія; онъ только спросилъ:

— Вы обдумали это, панъ подканцлеръ? И такой отвѣтъ я долженъ снести отъ вашего имени королю?

— Я не отказываюсь и не откажусь отъ него, — гордо воскликнулъ Радзеевскій,—или булава, или ничего.

Удивленіе было великое, король остолбенѣлъ. Марія Людвика послала секретаря Де Нуайе, чтобы позвали къ ней Радзеевскаго.

Въ полдень подканцлеръ явился къ королевѣ, но все это вмѣстѣ дѣлало его все болѣе дерзкимъ. Ясно было, что его боялись, и надо было воспользоваться этой тревогой. Королева приняла его ласково и кротко сообщила ему о каштелянствѣ и староствѣ.

Выступить прямо съ требованіемъ булавы показалось Радзеевскому неудобнымъ, онъ уже имѣлъ заготовленное объясненіе.

— Я очень благодаренъ его величеству,—сказалъ онъ съ ироническимъ поклономъ,—но чувствуя, что я не пользуюсь его милостью и что это единственное средство избавиться отъ меня: я не хочу быть обязанымъ этой должностью... гнѣву короля на меня.

Марія Людвика начала упрашивать его занять первое мѣсто въ сенатѣ Рѣчи Посполитой; подканцлеръ благодарилъ.

— Государыня!—сказалъ онъ,—я не приму его... будьте увѣрены... не могу и не приму.

Тщетно королева всячески старалась смягчить его.

На все онъ гордо отвѣчалъ:

— Не дастъ мнѣ булавы—не хочу ничего!.. расправимся на сеймѣ!

Такъ тянулось нѣсколько дней. Въ продолженіе которыхъ Радзеевскій попрежнему врывался въ покои короля и надоѣдалъ ему, не давая ни минуты покоя. Самый кроткій, самый слабый человѣкъ уступаетъ только до извѣстнаго предѣла. Подканцлеръ не понялъ этого и хватилъ черезъ край. Радзеевскій все стоялъ на своемъ.

Между тѣмъ со стороны короля прекратились уже предложенія и попытки къ примиренію. Всѣ ваканціи послѣ смерти германа были розданы. Подканцлеръ бѣсновался.

— Посмотримъ,—повторялъ онъ, совѣщаясь съ Дембицкимъ,—приближается сеймъ: расправимся мы съ королемъ.

Дѣло съ подканцлершей тянулось безъ всякой надежды на скорое окончаніе. Между тѣмъ Радзеевскій расположился во дворцѣ Казановскихъ, какъ у себя дома. Привезъ нѣсколько пушекъ, поставилъ небольшой гарнизонъ, какъ бы предчувствуя, что его будутъ выживать оттуда.

Жизнь въ монастырѣ становилась несносной для подканцлерши; она привыкла совсѣмъ къ другой, свѣтской жизни. Дни казались ей безконечными, такъ какъ она не могла заполнить ихъ молитвами. Она заливалась слезами, но другого исхода не было, такъ какъ о примиреніи съ мужемъ она и слышать не хотѣла.

Братья подканцлерши, въ особенности Богуславъ, старшій, готовы были придти ей на помощь. Богуславъ, который, быть можетъ, слишкомъ полагался на короля и его протекцію, далъ сестрѣ знать о своемъ прибытіи на сеймъ, прибавляя въ письмѣ, что приведетъ съ собой кучку литовцевъ. Въ началѣ слѣдующаго года оба брата подканцлерши — Богуславъ и Сигизмундъ прибыли въ Варшаву.

Встрѣча съ сестрой, которая вся въ слезахъ вышла имъ навстрѣчу къ монастырской калиткѣ, глубоко тронула обоихъ молодыхъ людей. Имъ казалось, что если король своей собственной гвардіей защитилъ Радзеевскую, то онъ не будетъ преслѣдовать и другія попытки къ освобожденію ея и ея имущества *отъ мужа.*

Съ женскойнео смотрительностью, также черезчуръ полагаясь на короля, подканцлерша находила вполнѣ естественнымъ и справедливымъ, чтобы ея братья отняли у подканцлера дворецъ, хотя бы даже и силой. Никто и не зналъ о приготовленіяхъ къ такому дерзкому шагу, потому что литвины, увѣренные въ своей правотѣ, никогда ни съ кѣмъ не совѣтывались.

Такъ какъ около замка всегда бывало большое движеніе и оживленіе, то сначала даже и не замѣтили, какъ однажды вечеромъ оба брата съ цѣлой толпой вооруженныхъ литовцевъ бросились на дворецъ Казановскихъ. Люди Радзеевскаго были совсѣмъ не приготовлены къ бою, но весь дворъ его отличался тѣмъ, что онъ набиралъ его изъ самыхъ отчаянныхъ и горячихъ.

И вотъ во дворѣ начался бой, стрѣлянье, штурмы, добываніе приступомъ почти каждаго зданія, каждаго уголка, такъ что только послѣ шестичасовой упорной борьбы удалось Слушкамъ вытѣснить гарнизонъ Радзеевскаго и занять замокъ. Подканцлеръ былъ въ Радзевицахъ, но когда ему дали знать о случившемся, онъ бросился какъ бѣшеный, клянясь, что во что бы то ни стало отниметъ дворецъ и научитъ Слушковъ уму-разуму.

Сколько только было у него вооруженныхъ людей, дворни, даже охотниковъ изъ окружающей мелкопомѣстной шляхты — онъ сейчасъ же собралъ и съ этой толпой такъ быстро пустился въ Варшаву, что въ ту-же ночь съ крикомъ и выстрѣлами бросился на гарнизонъ Слушковъ. Ворота выломали легко, но въ замкѣ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Съ обѣихъ сторонъ драка была бѣшеная, яростная, отчаянная. Наконецъ литовцы Слушковъ, стрѣляя изъ пушекъ подканцлера, отбили нападеніе и удержали за собой замокъ и Радзеевскій долженъ былъ отступить.

Нападеніе Радзеевскаго взволновало городъ. Стрѣльба, шумъ, крики среди ночной тишины—встревожили всю столицу. Городская стража, дворы сенаторовъ—все вооружалось, какъ будтобы приближались непріятели. Никто не сомкнулъ глазъ во всю ночь; чернь толпами тѣснилась къ мѣсту происшествія, ожидая конца. Подъ утро пьяная ватага подканцлера должна была бѣжать и онъ искалъ убѣжища у Доминикановъ.

Такое открытое нападеніе подъ бокомъ у самаго короля, явное неуваженіе закона и королевскаго сана, переполняли мѣру и требовали примѣрнаго наказанія. Съ этимъ всѣ соглашались, хотя, судя подканцлера, пришлось-бы привлечь къ отвѣтственности Слушковъ и подканцлершу, вина которыхъ была одинакова... Однако этихъ всѣ, и Янъ Казиміръ въ томъ числѣ, хотѣли пощадить.

Король, который обыкновенно не былъ мстителенъ и даже послѣ сильныхъ вспышекъ гнѣва вскорѣ становился апатичнымъ, на этотъ разъ не далъ смягчить себя даже королевѣ. Онъ рѣшилъ избавиться отъ врага.

— Нельзя оставить безнаказаннымъ такого преступленія,— сказалъ онъ Маріи Людовикѣ: — надо разъ на всегда избавиться отъ него—во что-бы то ни стало.

Надъ головой подканцлера собиралась буря. Несмотря на его высокое положеніе, послѣ совѣщанія между сенаторами и королемъ, рѣшено было предать подканцлера маршалковскому суду. Такое дѣло могъ судить только или король или маршалковскій судъ. Взяло перевѣсъ мнѣніе епископа Лещинскаго, который не желалъ допустить, чтобы король самъ былъ судьей и навлекъ на себя неудовольствіе и подозрѣніе въ несправедливости.

Радзеевскій исчезъ.

Несмотря на всю свою дерзость и нахальство, подканцлеръ почувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами,—онъ не могъ, конечно, разсчитывать ни на прощеніе короля, ни на протекцію королевы.

Всѣ были противъ него и ему приписывали все случившееся. Слушки также могли ожидать себѣ строгаго приговора, но, благодаря вліянію короля и стараніямъ князя Альбрехта Радзивилла, удалось смягчить смертный приговоръ. Но Радзеевскому, какъ и слѣдовало ожидать, былъ вынесенъ смертный приговоръ; его отставили отъ должности и лишили правъ и состоянія. Слушки и сестра ихъ отдѣлались только штрафомъ и тяжелымъ заключеніемъ.

Отнимая у него всякую надежду на прощеніе, король роздалъ подканцлерство и всѣ оставшіяся послѣ него ваканціи. *Свергнутый съ той* высоты, на которой онъ столько времени

съ такимъ нахальствомъ держался, принужденный спасать жизнь—онъ долженъ былъ бѣжать за границу.

Сначала онъ бѣжалъ въ Вѣну, но встрѣтивъ здѣсь холодный пріемъ и потерявъ печать, которую было захватилъ съ собой (впослѣдствіи ее нашли у жида) онъ отправился въ Швецію. Мстительный, непреклонный, онъ ѣхалъ въ Швецію, строя козни. Изъ-за него началась несчастная война, которая чуть было не столкнула въ пропасть всю Рѣчь Посполитую. Опустимъ занавѣсъ надъ жизнью этого негодяя...

Это была несчастная минута Божьяго гнѣва, когда смуты и мятежи постоянно усиливались, когда войска возставали противъ гетмановъ, а тѣ противъ короля, а какой-нибудь одинъ Слопинскій, посолъ упитскій, однимъ своимъ veto срывалъ сеймъ. Во время всей этой страшной драмы, умерла сначала королевская дочка и родился сынъ, но и имъ недолго тѣшились родители.

Марія Людвика среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ сохраняла твердость и непоколебимость—она одна до конца сохранила всю энергію своего характера. Рядомъ съ ней стоитъ Янъ Казиміръ, увѣнчанный за побѣду подъ Берестечкомъ лаврами, которые скоро завяли,—безсильный, не довѣряющій самому себѣ, перешедшій въ дѣтство.

Оставшись на службѣ при королѣ, бойкій Стжембошъ, который хотѣлъ быть рыцаремъ и отличиться, такъ какъ у него было все, что только необходимо человѣку, чтобы добиться славы,—съ годами придворной службы опустился, растолстѣлъ, отяжелѣлъ и даже уже самъ ничего не ждалъ отъ себя. Иногда онъ со вздохомъ вспоминалъ предсказанія покойнаго Ксензкаго, да было уже поздно.

Правда, онъ вѣрно и честно служилъ своему государю, и король не могъ безъ него обойтись.

Сейчасъ же послѣ возвращенія въ Варшаву, Стжембошъ побѣжалъ къ итальянкѣ. Онъ боялся какъ бы старуха не выдала Біанки за старика. Массальскаго, правда, онъ уже не нашелъ, такъ какъ родные оттянули его и увезли, доказывая,

что Бертони колдунья,—но вмѣсто него тамъ былъ какой-то вдовецъ староста. Онъ уже обручился съ Біанкой, а дѣвушка все смѣялась, не придавая этому никакого значенія.

Дызма упалъ къ ногамъ короля, обѣщаясь вѣрно служить ему до самой смерти, лишь бы только онъ помогъ ему. Янъ Казиміръ былъ отъ этого не прочь. Онъ сейчасъ же приказалъ позвать мать. Бертони явилась надутая, такъ какъ она не могла простить королю, что онъ забылъ ее. Привыкши къ фамильярному съ нимъ обращенію, она стала съ нимъ яростно спорить, что очень забавляло короля. Онъ топалъ ногой, грозилъ, но смѣялся. Прислуга, слушая подъ дверями, тоже покатывалась со смѣху. Съ полчаса продолжался этотъ споръ, подъ конецъ котораго Бертони прямо заявила, что пока она жива, не отдастъ дочь за лакея.

— Такъ убирайся же вонъ и не смѣй показываться мнѣ на глаза! — крикнулъ король, уходя.

Дызма ходилъ какъ убитый, хотя король и товарищи старались утѣшить его тѣмъ, что онъ легко найдетъ себѣ другую. Такъ продолжалось около года, затѣмъ онъ сказалъ себѣ, что онъ хочетъ и долженъ объ ней забыть.

Когда затѣмъ онъ вмѣстѣ съ королемъ вернулся въ Варшаву, однажды Дызма увидалъ, къ великому своему удивленію, входящую Бертони, которая поздоровалась съ нимъ безъ всякаго гнѣва—очень ласково...

Стжембошъ остолбенѣлъ.

Она спросила о королѣ, онъ доложилъ о ней и Янъ Казиміръ приказалъ ее принять. Дызма, хотя и долженъ былъ выйти, приложилъ ухо къ двери и слушалъ, какъ Бертони жаловалась на свою несчастную судьбу и наконецъ объявила со вздохомъ, что готова была исполнить волю короля и выдать дочь хоть за Стжембоша. Стжембошъ не могъ понять, что случилось.

Причина этой перемѣны, какъ потомъ оказалось, заключалась въ томъ, что итальянка дала старостѣ для поправленія его дѣлъ значительную сумму безъ всякой росписки, а того такъ растерзалъ на охотѣ медвѣдь, что его привезли домой мертвымъ. Семья и слышать не хотѣла объ уплатѣ долга, Бертони жаловалась въ трибуналъ и проиграла. Это разорило ее.

Поэтому она должна была какъ-нибудь пристроить дочь, у которой было много обожателей, но все голые.

Дызма сейчасъ же помчался на Старое Мѣсто, какъ будто передъ нимъ открылись двери рая. Все время, остававшееся у него отъ службы, онъ проводилъ здѣсь, Біанка была очень любезна, но каждый разъ онъ заставалъ тамъ одного или нѣсколькихъ обожателей, съ которыми она также ласково обращалась. Стжембошъ началъ съ того, что двухъ изрѣзалъ, а одного такъ избилъ, что тотъ потомъ двѣ недѣли долженъ былъ сидѣть дома. Вмѣсто признательности за такую любовь, Біанка начала на него коситься. Стжембошу это наконецъ надоѣло и разъ, вернувшись во дворецъ, онъ сказалъ себѣ:

— Не пойду больше туда: эти обожатели ей дороже чѣмъ я—съ Богомъ!

Дня черезъ два старая Бертони явилась съ жалобой къ королю, который уже обо всемъ зналъ, что Дымза завлекъ ея дочь и почти обманулъ.

Позвали преступника.

— Я никого не обманывалъ,—смѣло сказалъ онъ, — но барышня любитъ обожателей, которыхъ у нея такъ много, а я хочу имѣть жену для себя.

Король смѣялся, это его забавляло. Итальянка сначала расплакалась, потомъ разсердилась и стала ругаться. Король пробовалъ помить ихъ, предлагалъ сдѣлать имъ приданое, устроить свадьбу, но Дымза не хотѣлъ. Да и время было тяжелое,—приходилось покидать столицу.

Когда послѣ нашествія шведовъ они вернулись въ Варшаву и нашли тамъ развалины, Стжембошъ забылъ уже и думать о ней.

Старой Бертони уже не было на свѣтѣ, а Біанка носила трауръ—по мужѣ. Мать выдала ее замужъ за нѣмца, военнаго, котораго убила потомъ шведская пуля.

Ему стало жалко Біанки, которая осталась одна, безъ всякой опеки, въ долгахъ. Она была еще красива, но прежняя ея вѣтренность измѣнилась теперь въ набожность, такъ что она поговаривала даже о монастырѣ. Дызма по старому знакомству сталъ навѣщать ее, раздумывая, не жениться ли на вдовѣ.

Онъ открылся королю. Король не очень то хотѣлъ его женитьбы, боясь, что Дызма, женившись, забудетъ и о немъ.

— И зачѣмъ тебѣ эта жена?—говорилъ онъ,—только лишняя обуза. Ты ужъ и постарѣлъ... да и она овдовѣла...

Дызма, наперекоръ королю пожелалъ попробовать брачной жизни и женился. Женѣ поручили въ замкѣ надзоръ забѣльемъ, чтобы она могла не разлучаться съ мужемъ.

Король часто видѣлся съ ней, и такъ какъ она была очень рѣшительная, то скоро пріобрѣла надъ нимъ такую же власть такъ и мужъ; вдвоемъ они дѣлали съ королемъ, что хотѣли. Когда наконецъ Янъ Казиміръ, не уступая никакимъ просьбамъ, сложилъ корону въ пользу того француза, которому не суждено было ея получить, уѣзжая на отдыхъ во Францію, онъ взялъ съ собой ихъ обоихъ.

На дорогѣ король былъ такъ веселъ, что даже танцовалъ въ Краковѣ и, вообще, чувствовалъ себя очень счастливымъ. Шляхта по дорогѣ то издѣвалась надъ паномъ Снопковскимъ, то проклинала его—за то, что онъ бросилъ корону французу. Молодой четѣ не по вкусу была прогулка по Франціи, но король не могъ обойтись безъ Дызмы. Такъ они и исчезли съ горизонта, и что съ ними было потомъ—никто не зналъ, да и мало кто и интересовался.

Грустной пророческой рѣчью про сложеніе терновой короны закончилась это страшная эпоха, о которой можно сказать, что на ней, какъ на тѣлѣ саранчи, таинственными знаками было изображено знаменіе—Божьяго гнѣва.

КОНЕЦЪ.

ЯНЪ СОБѢСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

І. КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Фонтанка 95.

Мнѣ и въ голову не приходило пускаться въ описаніе событій, въ которыхъ я принималъ личное участіе, и если я теперь берусь за перо, то только потому, что меня объ этомъ усиленно просятъ дѣти и друзья, которымъ хочется, чтобы я оставилъ на память потомству описаніе тѣхъ приключеній, о которыхъ я часто имъ разсказывалъ. Я вовсе не намѣренъ обращать вниманіе на мою ничтожную особу, такъ какъ подобныхъ мнѣ — тысячи, но разъ Господу Богу угодно было, чтобы я принялъ участіе въ великой и славной побѣдѣ надъ турками подъ стѣнами Вѣны, о которой не слѣдуетъ забывать, то я и осмѣлился написать кое-что о видѣнномъ мною. Надѣюсь, что читатели великодушно простятъ мнѣ, если при изложеніи событій я скажу нѣсколько словъ и о себѣ.

Мои родители были мазуры и происходили изъ той мѣстности, гдѣ давно уже поселились Болесты, которымъ мазовецкій князь Земовитъ даровалъ большія привилегіи, о чемъ говорятъ наши историки, повѣствующіе также о томъ, какъ Болесты, размножась, разбрелись по всей Польшѣ. Дѣйствительно, въ настоящее время едва ли найдется уголокъ, гдѣ бы не было кого-нибудь изъ нашего рода. Старикъ Нововейскій, называвшійся также Ястребцомъ или Болестою, говорилъ, что насъ слѣдовало бы считать скорѣе отдѣльнымъ племенемъ, чѣмъ родомъ,—такъ мы были многочисленны въ Польшѣ. Объ Ястребцахъ въ старинныхъ хроникахъ упоминается еще до Кривоуста; поэтому, начало нашего рода надо отнести къ языческимъ временамъ. Я вовсе не хочу хвастаться, — сохрани Богъ!—но не вижу надобности и умалчивать о томъ, что касается моего рода. Уже въ то время, когда въ 1408 году Зе-

мовитъ далъ намъ привилегію, которая увольняла всѣхъ Болестовъ, жившихъ тогда въ Мазовецкомъ княжествѣ, отъ всякой юрисдикціи, кромѣ княжескаго суда. Ихъ была тамъ цѣлая тьма; жили они въ деревняхъ, отъ которыхъ и приняли свои фамиліи. Такъ, напримѣръ, и мы, Мрочки, происшедшіе отъ Мрочки или Мручислава, подписывались „изъ Луковца" и нѣкоторые изъ насъ назывались Луковецкими. Также всѣ роды Ястребцовъ, которыхъ можно было насчитать нѣсколько сотъ подъ разными фамиліями, носятъ и носили одинъ гербъ, развѣ только съ небольшимъ измѣненіемъ: на щитѣ подкова и крестъ, а на шлемѣ ястребъ или кобчикъ съ путами на ногахъ, такъ, какъ ихъ употребляли на охотѣ. И могли бы эти Болесты быть сильными, если бы единодушно поддерживали другъ друга, но, со времени несчастнаго убійства св. Станислава, Господь Богъ, должно быть въ наказаніе, раздѣлилъ ихъ роды, такъ что они уже не знаются другъ съ другомъ, какъ родные, и каждый самъ по себѣ, хотя всѣ принадлежатъ къ одной семьѣ. Болесты были замѣшаны въ этомъ несчастномъ убійствѣ съ королемъ Болеславомъ Щедрымъ, какъ его приближенные, за что у нѣкоторыхъ изъ нихъ отняли потомъ фамиліи и дворянство, а послѣ опять возвратили. Послѣ этого случая родъ уже никогда не могъ подняться до своего прежняго величія и впалъ въ бѣдность, а потомки тѣхъ, которые запятнали себя святою кровью, всегда имѣли въ своей семьѣ одного безумнаго, какъ живое свидѣтельство своего безумія.

Какъ я слышалъ отъ отца, который помнилъ своего дѣда, старики ручались, что у Мрочковъ ничего подобнаго не случалось,—доказательство, что мы не были на Скалкѣ, гдѣ лилась невинная кровь мученика, и не запятнаны ею. Во всякомъ случаѣ, мы принадлежали къ роду и имѣли одинаковую съ нимъ судьбу, потому что намъ не везло, несмотря на усердный трудъ. Мрочки изъ Луковца, какъ многіе другіе Ястребцы, давно уже ушли изъ родимаго угла, а намъ пришлось владѣть кускомъ земли въ Полѣсьи, около Буга, куда переѣхалъ прадѣдъ послѣ женитьбы на Павлицкой, послѣ которой досталась ему деревенька въ этомъ краѣ. Покойный отецъ мой, Павелъ, явился тамъ на свѣтъ и я тоже родился на Павлицкой горѣ 23 іюня *1657 г., въ несчастное* царствованіе Яна-Казиміра. Однако, я

не помню этого печальнаго времени, такъ какъ это были мои младенческіе и дѣтскіе годы, а съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, у насъ уже все немного поправилось, но только не въ нашей семьѣ, такъ какъ мы потеряли нашу гору, которую у насъ отобрали за старый долгъ послѣ несправедливаго процесса, вслѣдствіе чего мой отецъ умеръ съ горя, не умѣя выпутаться изъ бѣды. Матери пришлось скитаться со мною по чужимъ мѣстамъ; мало, что удалось спасти, кромѣ движимости, да и то разошлось. У меня былъ дядя, человѣкъ не очень богатый, жившій въ своемъ имѣніи; но онъ мало заботился о моей судьбѣ и совсѣмъ не думалъ принимать насъ съ матерью. Мать проживала у своей сестры Завицкой изъ милости, а это всегда бываетъ тяжело, даже у родныхъ. Я не стану разсказывать того, что она тамъ вынесла и вытерпѣла. Меня посылали въ школу вмѣстѣ съ Завицкимъ. Прости имъ, Господи! Я былъ чуть не лакеемъ моего двоюроднаго брата, да еще долженъ былъ успѣвать учиться. Мое ученье пришлось какъ разъ въ то самое время, когда король по собственной волѣ отрекся отъ престола, а потомъ выбрали на его мѣсто Михаила. Но великія предсказанія о Пястѣ не сбылись, и пчелы, которые сидѣли во время выборовъ, не сдѣлали меду. Я пропущу это время, потому что мало могу разсказать о немъ, такъ какъ не видѣлъ ничего, кромѣ своей школьной книжки. Только потомъ у меня въ глазахъ немного прояснилось, а въ королевствѣ уже шло лучше со вступленіемъ на престолъ славнаго побѣдами гетмана, котораго намъ и было нужно.

Благодаря протекціи моихъ родныхъ, которые, можетъ быть, хотѣли отъ меня отдѣлаться, я очень рано началъ рыцарскую карьеру; шло у меня дѣло недурно, и какъ я сталъ извѣстенъ и заслужилъ доброе имя, про то знаютъ люди, но это неинтересно.

Я возвращаюсь къ тѣмъ временамъ, о которыхъ мнѣ бы хотѣлось оставить память, къ болѣе зрѣлымъ годамъ, когда я былъ уже записанъ въ реестръ и началъ свою службу. Не дождалась моя добрая мать перемѣны въ моей плохой отроческой судьбѣ и почти годомъ раньше дяди, отъ котораго досталась мнѣ деревенька, умерла у Завицкихъ.

Она давно уже хворала. Когда ей стало хуже и она по-

чувствовала приближеніе смерти, то пожелала повидаться со мною и благословить меня. Для меня пожалѣли посланнаго; а я былъ въ то время со своимъ полкомъ въ Руси. Да проститъ имъ Богъ! Трудно мнѣ было забыть эту обиду. Умерла бѣдная мать въ такой же нуждѣ, какъ и жила; ей даже не справили приличныхъ похоронъ и погребли ее, не какъ близкую родственницу, а почти, какъ служанку, безъ всякой торжественности, съ однимъ ксендзомъ. Впослѣдствіи я отслужилъ торжественную панихиду, на которую приглашалъ Завицкихъ; но они, вѣроятно, чувствовали себя виноватыми и не рѣшились пріѣхать.

Сейчасъ же послѣ похоронъ тетка увѣдомила меня письмомъ, что Господь Богъ отозвалъ мою мать въ лучшій міръ и что послѣ нея мнѣ не осталось ничего, кромѣ отцовскаго обручальнаго кольца и образа Ченстоховской Божіей Матери, который я храню, какъ святыню. Поплакавши надъ моимъ сиротствомъ, я сказалъ, какъ учила меня покойница: Sit nomen Domini benedictum (Да будетъ благословенно имя Господне).

Прошло около года. Я все еще былъ въ полку и притомъ почти одинъ, такъ какъ товарищи мои разъѣхались: кто домой, кто къ роднымъ, а мнѣ некуда было и поѣхать, развѣ въ ближайшія имѣнія знакомыхъ. Вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ гонецъ отъ стараго друга отца, пана Яцка изъ Полѣсья, и говоритъ, чтобы я сейчасъ же ѣхалъ къ дядѣ, который выразилъ желаніе видѣть меня передъ смертью, что должно было означать, что онъ имѣлъ какія-нибудь намѣренія касательно меня; старый другъ боялся, что если я этого не сдѣлаю, то Вулька перейдетъ въ другія руки.

По правдѣ сказать, я никогда не разсчитывалъ на это имѣніе, хотя оно и слѣдовало мнѣ по справедливости; дядя насъ не любилъ и былъ окруженъ чужими, которые хорошо соблюдали свои интересы. Однако, слушаясь совѣта пана Яцка, я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Полѣсье, вдвоемъ со слугою Григоріемъ. Но мы не могли особенно спѣшить, потому что время было весеннее, оттепель, снѣгъ едва началъ таять: здѣсь ледъ, тамъ трясина, скользко, грязно, опасно для лошадей и темно по ночамъ. Да и лошади мои были не особенно прытки. Сивый, *который былъ у меня*, еще ничего, а у Григорія былъ була-

ный, тяжелая кляча съ небольшою одышкою. Потащились мы. Кони поранили себѣ на льду ноги и колѣни, потому что часто падали, хотя и были хорошо подкованы. Потомъ мы должны были лѣчить и перевязывать ихъ въ деревняхъ, и хотя мы не теряли даромъ ни одного часа, всетаки, когда мы пріѣхали въ Вульку, Григорій увидѣлъ, что у кровати горѣли свѣчи, а на ней уже лежалъ дядя.

Вездѣ было пусто, только двое-трое слугъ, старая ключница, управляющій и нѣсколько оборванныхъ мужиковъ были въ домѣ; а отъ тѣхъ друзей, что его опивали и объѣдали, и слѣдъ простылъ.

Когда я увидѣлъ около покойника желтыя свѣчи и плакальщицъ, сердце у меня сжалось. Сойдя съ коня, я прямо вошелъ въ комнату, всталъ на колѣни у постели покойника и началъ молиться, Дядя котораго я давно не видѣлъ, страшно измѣнился; лицо и глаза почти нельзя было узнать; онъ такъ сильно распухъ, что его нельзя было одѣть, а потому былъ только прикрытъ бѣдною, изношенною одеждою. Бѣдно и голо было вокругъ, и я заплакалъ, видя примѣръ непостоянства судьбы. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ эта усадьба была всегда полна веселыми друзьями и пріятелями, а теперь, Боже милостивый! въ послѣдній часъ не было ни одного изъ нихъ при покойникѣ, только я одинъ, прибывшій издалека, котораго онъ и знать не хотѣлъ при жизни.

Не успѣлъ я кончить молитвы, какъ слышу, что кто-то треплетъ меня по плечу; оборачиваюсь, вижу, стоитъ панъ Яцекъ и протягиваетъ ко мнѣ руки. Поздоровавшись, мы вышли вмѣстѣ на дворъ. Гжесь еще водилъ лошадей, не зная, что съ ними дѣлать. Началъ меня обнимать старый другъ отца и матери и сначала такъ расплакался, что ничего не могъ сказать, кромѣ одного слова:

— Какъ ты поживаешь?

— Что здѣсь было?—спросилъ я.

— А видишь ли,—сказалъ онъ,—смерть пришла и вымела соръ. Отъ умирающаго разбѣжались всѣ, кто при жизни ухаживалъ за нимъ изъ-за денегъ, обобрали его и ушли. До послѣдняго часа пробылъ одинъ Вояковскій, который точилъ зубы на Вульку и думалъ, что онъ ему ее оставитъ. Не знаю, что

случилось съ покойнымъ, но только онъ не хотѣлъ сдѣлать завѣщанія. И такъ, по милости Божіей, досталась эта Вулька тебѣ.

Этого я не ожидалъ, и снова расплакался.

— Не думай, —продолжалъ панъ Яцекъ,—чтобы это было много: маленькая деревушка, есть и долги, а во время болѣзни чужіе растаскали остатокъ имущества, такъ что остались только стѣны да печка, но и за то благодареніе Богу!

Мы пошли по усадьбѣ, чтобы посмотрѣть, нельзя ли собрать что нибудь на похороны; у меня въ запасѣ ничего не было. Въ жизнь свою не видалъ я такой пустоты и разоренія. Не во что палецъ завязать, такъ здѣсь хозяйничали, и о чемъ ни спросить, то тотъ, то другой пріятель взялъ, то тому, то другому отдали, когда уже покойный не владѣлъ собою и не выходилъ изъ комнаты. Все было страшно запущено. Мы съ паномъ Яцекомъ только горевали. Это неожиданное владѣніе напоминало аравійскую пустыню. Я былъ въ большомъ смущеніи. Панъ Яцекъ сказалъ мнѣ:

— Пока есть земля и люди, нечего тебѣ отчаяваться.

Но меня мучило то, что покойнику не на что было сдѣлать приличныхъ похоронъ. Мы сейчасъ же поѣхали къ приходскому священнику; я отрекомендовался ему и онъ принялъ насъ въ сѣняхъ, не приглашая въ комнату, такъ какъ собирался уѣзжать, но былъ привѣтливъ. Панъ Яцекъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло и въ какомъ мы были затрудненіи. Онъ радъ былъ помочь, но хотя самъ былъ при деньгахъ.

— Это еще не большая бѣда,—сказалъ священникъ:—приличныя похороны будутъ и безъ денегъ, это моя обязанность. Мы живемъ церковью, но вѣдь также мы и духовные отцы, и братья, все это дѣлается по братски. А если я могу быть полезенъ на первыя нужды... Вы мнѣ ихъ послѣ отдадите.

Я чуть не поцѣловалъ у него руку, и не грѣхъ бы это было, потому что онъ былъ очень почтенный старикъ и къ тому же лицо духовное. Онъ сейчасъ же провелъ насъ въ комнату, досталъ двѣсти золотыхъ и отсчиталъ ихъ намъ. Я хотѣлъ написать росписку, но онъ не позволилъ, простился съ нами и поспѣшно ушелъ, такъ какъ лошади стояли у крыльца.

Ободренные мы вернулись въ Вульку, и начали хлопотать

о похоронахъ. Они были приличны, безъ особой пышности, но довольно торжественныя, только на нихъ не было почти никого, кромѣ насъ и мужиковъ. Изъ тѣхъ сердечныхъ друзей, что жили въ Вулькѣ цѣлые мѣсяцы не было ни одного.

Когда былъ отданъ послѣдній долгъ покойному, мы пошли съ паномъ Яцкомъ составлять инвентарь и осматривать все что осталось. Работы было немного, такъ обчистили имѣнье нѣкоторые доброжелатели. Но все-таки они не могли растащить всего и кое-что осталось. Въ комнатѣ, гдѣ покойный привыкъ сидѣть, гдѣ онъ и умеръ не на постели, а въ креслѣ, мебель еще стояла противъ погасшаго камина такъ, какъ ее бросили снимая умершаго. Приходимъ мы туда съ Яцкомъ, а онъ и говоритъ мнѣ:

—Снести бы ее на чердакъ; и мебель плохая и память печальная.

У кресла было старое кожаное сидѣнье, очень вдавленное, потому что на немъ много лѣтъ простоналъ старикъ, рѣдко сходя съ него. Я посмотрѣлъ и отвѣтилъ.

— Я поставлю кресло въ уголъ, пусть хоть оно останется на память. Такъ какъ насъ было только двое въ комнатѣ, то мы взялись за ручки, чтобы сдвинуть кресло съ мѣста.

— Боже мой!—восклицаетъ вдругъ панъ Яцекъ;—это что такое?

Смотрю, а онъ тянетъ изъ подъ сидѣнья запыленный конецъ кошелька, который покойникъ, вѣроятно, держалъ при себѣ на черный день, никому о немъ не говоря изъ страха, чтобы у него этого не утащили. По кошельку видно было, что онъ пролежалъ тамъ не мало времени. Хорошо, что слуги не замѣтили его, а то бы и онъ пропалъ.

— Вотъ тебѣ на обзаведеніе!—воскликнулъ панъ Яцекъ, и мы начали считать.

Было тамъ двѣсти двѣнадцать золотыхъ червонцевъ, одинъ большой дукатъ, вѣсомъ въ десять унцій; и кольцо съ бриллiантомъ, величиною съ небольшую горошину; внизу была пожелтѣвшая бумажка съ неясною надписью.

Я почувствовалъ надъ собою руку Провидѣнія и первая моя мысль была отслужить панихиду за душу дяди и наградить священника, а потомъ заткнуть дыры, которыхъ въ этой

несчастной Вулькѣ было больше, чѣмъ всего другого. Такъ какъ мы были вдвоемъ у этого кресла, то никто не узналъ исторіи о кошелькѣ, а мы о нейпромолчали. Потомъпанъ Яцекъ переворачивалъ подушки въ сидѣньѣ и внимательно осматривалъ ихъ, но больше уже ничего не оказалось.

Я ободрился и охотно принялся за хозяйство. Трудно мнѣ было сначала въ этой руинѣ, а нужно было спѣшить и какъ нибудь устраиваться, предвидя войну съ турками, такъ какъ Рѣчь Посполитая уже позволила выступать противъ нихъ и мы непремѣнно должны были идти въ этомъ году въ императорскія земли, на которыя напали невѣрные. Всѣ этого ожидали, а я даже ждалъ войны, потому что она могла дать мнѣ удобный случай выслужиться и отличиться въ рыцарскомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ, однако, взявши долгосрочный отпускъ, я, съ помощью и совѣтомъ пана Яцка, взялся за пашню, починку строеній и закупку инвентаря. Я долженъ былъ покупать яровыя сѣмяна, такъ чисто были выметены амбары, а сосѣди меня, убогаго, не пожалѣли и взяли хорошую цѣну; одинъ панъ Яцекъ, награди его Богъ, отъ добраго сердца далъ овса для лошадей, хотя я даже и не просилъ его объ этомъ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ сосѣдямъ, которые такъ обижали покойнаго подъ видомъ дружбы, не хотѣлось заводить знакомствъ, но я все же не могъ противиться тѣмъ, которые протягивали мнѣ дружескую руку. А такъ какъ у человѣка не бываетъ только одно горе или одно счастье, потому что то и другое приходятъ вмѣстѣ, то также случилось и со мною.

Въ Ѳомино воскресенье мы съ паномъ Яцкомъ поѣхали въ костелъ, гдѣ праздновалась въ этотъ день годовщина освященія. И шляхты и крестьянъ набралось множество; толпа была такая, что трудно было протолкаться. Однако, насъ пропустили и мы стали около главнаго алтаря. Служба была торжественная. Я не могъ показаться въ чемъ попало, придя въ первый разъ,—ну, я и досталъ изъ чемодана все, что было получше, хотя и не очень великолѣпное, но приличное. Я замѣтилъ, что нѣкоторые поглядывали на мою рыцарскую фигуру, хотя я не явился въ латахъ, а только привязалъ саблю и *взялъ въ руки копье*, чтобы было на что опереться. Во время

службы я молился усердно, но какъ то нечаянно взглянулъ на рѣшетку, отдѣлявшую главный алтарь, и увидѣлъ колѣнопреклоненную молодую женщину необыкновенной красоты. Какъ только я увидѣлъ ее, она завладѣла моимъ сердцемъ. Въ ней было что-то скромное и вмѣстѣ горделивое, видна было и кровь благородная, и душа высокая.

У меня въ головѣ все смѣшалось и молитвы не шли мнѣ на умъ. Я не могъ оторвать глазъ отъ нея. Панъ Яцекъ замѣтилъ это. Выходимъ мы изъ костела, а онъ мнѣ и шепчетъ на ухо.

— А ты что же это, сударь такъ усердно молился на старостину дочку Елену, усерднѣе, чѣмъ на главный алтарь!

— Гдѣ? какая?

— Ну, не прикидывайся невиннымъ,—говорилъ онъ:—она была около галлерей. Ты вѣрно ее знаешь?

— Я видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни,—сказалъ я:—но вѣрно не забуду до смерти.

— Только ты понапрасну не вздыхай,—отвѣтилъ мнѣ Яцекъ:—сенаторскій домъ, знатность, трое задорныхъ братьевъ, толпа жениховъ, большое приданое и еще какія то записи—это не для тебя. Братья ее бѣдному малому не отдадутъ.

Я пожалъ плечами. Вижу, идетъ къ священнику цѣлая компанія; туда же шли и мы. Яцекъ дергаетъ меня за рукавъ:

— Вотъ они—Налынчи.

Мы пошли къ ксендзу выпить рюмку водки и закусить, такой уже былъ обычай въ этомъ приходѣ. Ксендзъ любилъ гостей. Комната была полна. Накрыты были столы для мужчинъ и женщинъ, все было обильно, но скромно. Вижу я, и моя новая знакомая панна Елена идетъ съ какою-то пожилою дамою; и всѣ на нее смотрятъ. Здѣсь она показалась мнѣ еще прелестнѣе. На меня, какъ новое лицо, обратились взгляды любопытныхъ; увидали, что я не изъ послѣднихъ и по немногу начали ко мнѣ льнуть. Панъ Яцекъ знакомилъ меня со своими, тѣ съ другими, начались разговоры о войскѣ, о товарищахъ; многіе имѣли тамъ родныхъ и знакомыхъ. Разспросовъ было много. Смотрю, подходятъ къ намъ трое сыновей старосты и съ ними ужасный олухъ, панъ Флоріанъ Хобшинскій, про котораго я уже слышалъ, что онъ первый рубака въ околодѣ и любитъ за-

водить ссоры. Они познакомились со мною очень любезно и мы разговорились. Одинъ изъ нихъ, младшій, сталъ звать къ себѣ обѣдать; я не зналъ, что они жили вмѣстѣ съ сестрою, причинъ отговариваться не было. Пана Яцка тоже взяли.

Всѣ мы, какъ были, поѣхали въ ихъ замокъ за полторы мили. Имѣніе у нихъ было великолѣпное, усадьба большая, въ домѣ все благородно и на широкую ногу. Меня сейчасъ же представили и сестрѣ, и другимъ женщинамъ, а также вдовѣ стольника, пани Опольской, о которой я уже прежде много слышалъ. Она также пригласила меня къ себѣ.

Я не могъ подойти къ паннѣ Еленѣ, но смотрѣлъ на нее какъ на солнце; она была необыкновенно хороша. Я видѣлъ не мало женщинъ на свѣтѣ, но такой—никогда. Благородство и кротость соединялись въ ней такъ прелестно. Она сіяла какъ звѣзда. Я ухитрился сказать ей нѣсколько словъ и былъ очарованъ. Послѣ обѣда начались рыцарскія игры: бѣгъ, стрѣльба изъ лука, изъ ружья, изъ мушкета, изъ пистолета и т. д. Мое копье, которое я взялъ случайно передъ отъѣздомъ, очень пригодилось мнѣ. Я умѣлъ владѣть имъ, какъ никто, привыкши къ его тяжести, я подбрасывалъ его, какъ тростинку, хотя другіе едва-едва могли его повернуть. Всѣ искренно восхищались моимъ искусствомъ, а также очень дивились, когда я показывалъ имъ, какъ стрѣлять изъ лука, такъ какъ никто изъ нихъ не умѣлъ этого. Они забавлялись лукомъ и стрѣлами, какъ дѣти; я показалъ имъ, что и это своего рода искусство и можно также попадать въ цѣль стрѣлою, какъ и пулею. Ужъ не знаю, было ли имъ пріятно, что я оказался искуснѣе ихъ въ военномъ дѣлѣ, но они должны были признать, что я не даромъ называюсь воиномъ. Подъ вечеръ они стали пить и разсказывать, а мы съ паномъ Яцкомъ незамѣтно выбрались.

Впослѣдствіи меня такъ часто приглашали въ домъ старосты, что трудно было отдѣлаться, но меня тянули туда прекрасные глаза. Случалось и такъ, что я оставался почти вдвоемъ съ панною и ея воспитательницею (матери у нея не было), и мы очень пріятно разговаривали, такъ какъ панна была также умна, какъ и хороша, и рѣчи ея были также прекрасны, какъ лицо. Она была моимъ счастьемъ въ этомъ домѣ, такъ какъ господа братья скоро начали на меня коситься. Но я не обра-

цалъ на это вниманія, хотя каждый разъ, какъ я думалъ, что нерасположеніе братьевъ можетъ изгнать меня изъ этого рая, мнѣ становилось тяжело.

Пока это длилось, я поправлялъ свою деревеньку съ помощью найденнаго кошелька и покупалъ лошадей и разную утварь,—война, о которой говорили весною, все приближалась и приближалась,—уже меня призывали въ войска. Но я написалъ поручику, что я останусь на нѣкоторое время. Тѣмъ временемъ я ѣздилъ къ паннѣ Еленѣ и веселился съ ея братьями, только уже не попрежнему, потому что они все яснѣе показывали мнѣ, что имъ не очень нравилось, когда я подходилъ къ ихъ сестрѣ. Но это уже не могло оттолкнуть меня, потому что дѣла мои съ нею шли очень хорошо и скоро дошло до того, что я признался ей въ любви, на что она ни мало не разсердилась и отвѣтила мнѣ такъ:

— Будьте постоянны и тверды; это чувство принесетъ намъ обоимъ не мало огорченій и затрудненій.

Она не ошиблась.

Когда первый ледъ былъ разбитъ, мы погорили по душѣ о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы довести наше дѣло до конца, и рѣшили, что нужно ждать и не торопиться.

Первая, кто догадалась о томъ, что было между нами, была пани Опольская, которая любила Елену, какъ родную дочь, а такъ какъ она была расположена ко мнѣ, то и въ этомъ выказала мнѣ благосклонность, совѣтуя быть твердымъ и терпѣливымъ.

Съ каждымъ днемъ говорили больше о походѣ въ Вѣну, на которую шли турецкія войска, подъ предводительствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, чтобы осадить и взять городъ. Шли вѣсти изъ Варшавы о большихъ приготовленіяхъ, а Любомирскій долженъ былъ идти впередъ на помощь прежде, чѣмъ самъ король двинется съ остальнымъ войскомъ.

При томъ положеніи вещей, которое я описалъ, мнѣ не очень было пріятно идти подставлять свой лобъ, но я чувствовалъ себя, какъ и всѣ христіанскіе воины. Въ Вулькѣ почти все еще было вверхъ дномъ, какъ послѣ смерти дяди, и я едва имѣлъ время заняться хозяйствомъ... а моя красавица!

Я поѣхалъ къ пану Яцку, гдѣ нашелъ большую компанію,

почти всѣхъ сосѣдей. Тутъ же былъ и панъ Темешъ, пинскій подсудокъ; онъ привезъ извѣстіе, что не сегодня — завтра нужно отправляться въ походъ, и что королевскій дворъ уже началъ готовиться. Я только вздохнулъ: будь, что будетъ St nomen Domini benedictum.

Много было разговоровъ и мнѣній, какъ часто у насъ бываетъ, были и не согласные. Одни говорили: идти на турокъ, другіе—напротивъ; они говорили, что слѣдовало удержать союзъ и не помогать австрійскому дому, благодарность котораго сомнительна.

Панъ Темешъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, умѣренно попивая вино, и воскликнулъ, стоя на порогѣ:

— Господа, я привезъ призывъ къ ополченію; военная труба зоветъ насъ. Впередъ на язычниковъ съ королемъ Яномъ!

Я замѣтилъ, что у многихъ также, какъ и у меня, поблѣднѣли лици и потемнѣли глаза. Съ минуту длилось глубокое молчаніе. Панъ Яцекъ, который самъ сражался съ турками и татарами, воскликнулъ, поднявши бокалъ:

— Выпьемъ за паденіе язычниковъ и величіе христіанства!—Всѣ охотно присоединились къ нему.

Въ честь Темеша и для большаго веселья панъ Яцекъ, съ которымъ это рѣдко случалось, велѣлъ выкатить къ камину боченокъ и принести большой бокалъ. Когда пошла круговая и началась попойка, я вышелъ бочкомъ изъ комнаты и уже на разсвѣтѣ вернулся въ Вульку.

Когда я въѣзжалъ во дворъ, все показалось мнѣ иначе и такъ мнѣ стало грустно при мысли, что все это придется бросить.

— Было бы тутъ что дѣлать и на что порадоваться, — думалъ я, — если бы удалось превратить въ золотое яблочко эту маленькую и все-таки милую Вульку. Но живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Sit nomen Domini benedictum.

Было это, какъ теперь помню, 10 іюля, въ жаркій день. Вернувшись утромъ съ веселой бесѣды, я не имѣлъ времени выспаться. Солнце всходило, я помылся и пошелъ по хозяйству. Только я вышелъ, смотрю, дерутся два ястреба такъ, что изъ нихъ перья летятъ, да такъ близко отъ усадьбы, что я хотѣлъ уже взять ружье, чтобы помирить ихъ одною пулею, *но они улетѣли.* Я пошелъ въ конюшню взглянуть на лошадей,

потому что нужно было двухъ подъ верхъ, и еще почтовыхъ для повозки, на случай, если ихъ подстрѣлятъ или они падутъ. Мой сивый, котораго я берегъ и не тревожилъ, чтобы онъ отдохнулъ и поправился, давно уже стоялъ сердитый, повѣсивъ голову; когда я позвалъ его, онъ началъ ржать и бить ногою въ землю и такъ и рвался ко мнѣ. Передъ дорогою я велѣлъ прибавить ему овса и осмотрѣть и подковать всѣхъ лошадей, чтобы онѣ были готовы, какъ только насъ вызовутъ въ походъ.

Вхожу я на дворъ, а за мною бѣжитъ Гжесь и кричитъ, что видны гости на дорогѣ. Я обернулся. Смотрю, двое верховыхъ и нѣсколько слугъ въѣзжаютъ прямо въ ворота. Я узналъ старшаго брата панны Елены и того самаго молодца Флоріана, который не могъ ступить, чтобы не заварить каши. Я сейчасъ же подумалъ, что вѣрно что-нибудь есть, коли эти гости удостоили посѣтить мой убогій кровъ; послѣдній разъ, какъ я былъ у нихъ, они смотрѣли на меня очень кисло и одинъ допекалъ меня такими словечками, что во мнѣ все кипѣло. Но все же они были гости и имѣли свои права. Я вышелъ на крыльцо и услышалъ еще въ сѣняхъ, какъ Флоріанъ кричалъ Гжесю, сидя на лошади:

— Панъ дома?

Я вышелъ и мы раскланялись. Они сошли съ лошадей, я хотѣлъ отослать ихъ въ конюшню, но братъ Елены замѣтилъ:

— Нѣтъ, мы сейчасъ поѣдемъ дальше, намъ нужно только сказать два слова.

Я предложилъ имъ войти въ домъ. Они видимо колебались, но хорунжій все-таки не погнушался моею бѣдною хатою и вошелъ въ домъ, а за нимъ и панъ Флоріанъ. Я повелъ ихъ въ первую комнату, пригласилъ садиться, но вижу, что они о чемъ-то шепчутся, какъ будто совѣтуются. Я велѣлъ мальчику подать бутылку водки и закуску, но они на меня почти не смотрѣли. Я думаю: долго ли это будетъ еще продолжаться? Наконецъ, начинаю о томъ, о семъ, а хорунжій говоритъ:

— Ну, что же, довольны вы или нѣтъ своею Вулькою?

— Конечно, доволенъ,—сказалъ я,—во первыхъ, это наша дѣдовская хата, во-вторыхъ, хотя она и свалилась на меня, какъ съ неба, послѣ дяди, а все-таки есть за что уцѣпиться.

Панъ Флоріанъ ходилъ по комнатѣ и смотрѣлъ во всѣ углы съ такою миною, точно хотѣлъ посмѣяться, и что-то напѣвалъ

— Ну,—сказалъ онъ,—небольшая же вамъ досталась вотчина, деревенька маленькая, да ее еще при покойникѣ хорошо высосали; однѣ кости остались.

Меня это задѣло, тѣмъ болѣе, что говорилось у меня въ домѣ, гдѣ нельзя было спорить. Поэтому я отвѣтилъ ему:

— Кому какъ... я не хочу представляться не тѣмъ, что я есть; я былъ бѣденъ — для меня и это помѣстье хорошо. Шляхтичу и этого довольно, хотя большому пану было бы мало, а на этихъ костяхъ, о которыхъ вы говорите, можетъ быть со временемъ и мясо будетъ.

— Да что—домъ?—прибавилъ панъ Флоріанъ:—Мацекъ взялъ, Мацекъ съѣлъ, и нѣтъ ничего.

Я все еще сдерживался и потому сказалъ ему:

— Кому что Богъ далъ. Sit nomen Domini benedictum! У васъ вѣрно больше имѣнье, вы этому и радуйтесь, а другихъ не смущайте. Видали мы не мало и такихъ, у которыхъ было имѣнье больше вашего и пошли они съ сумою; видали и другихъ бѣднѣе меня, которые получали потомъ большія богатства.

Они притихли; а хорунжій сказалъ, посмотрѣвши на товарища:

— Поговоримъ о томъ дѣлѣ, которое привело насъ сюда.

— Есть дѣло?—спросилъ я.

— Есть,—сказалъ братъ Елены,—и чѣмъ скорѣе съ нимъ кончить, тѣмъ лучше.

Я молчу и жду.

— Вотъ,—продолжалъ онъ:—я просилъ пана Флоріана быть свидѣтелемъ того, что я пріѣхалъ не съ злымъ умысломъ и не для того, чтобы оскорбить васъ, но намъ нужно поговорить. Я не буду размазывать. Вы, панъ Янъ, бывали въ нашемъ домѣ, гдѣ мы охотно и отъ всего сердца принимали васъ, какъ достойнаго кавалера и милаго сосѣда. Но изъ этого вышло нѣчто, что намъ не нравится; скажите откровенно, вы думаете о нашей сестрѣ?

— Къ чему же мнѣ отпираться?—сказалъ я.—Если она расположена ко мнѣ, я счелъ бы великимъ счастьемъ получить ея руку.

Хорунжій такъ и вскипѣлъ.

— Объ этомъ и не думайте! — воскликнулъ онъ. — Я не отнимаю у васъ ни дворянскаго достоинства, ни вашихъ качествъ, но только «высокъ порогъ для вашихъ ногъ». Наша сестра сенаторская внучка съ приданымъ и легко найдетъ себѣ равнаго.

Я вышелъ изъ себя при этихъ словахъ, плюнулъ и сказалъ ему:

— Да что вы мнѣ разсказываете? Неужели въ нашемъ родѣ не нашлось бы кресла и даже булавы, если только поискать хорошенько? Бѣдности своей я не стыжусь и отъ нея не отпираюсь, а вы, я думаю, не станете насильно выдавать сестру замужъ.

Панъ Флоріанъ подошелъ ко мнѣ и, думая испугать меня, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Панъ Янъ, послушайтесь добраго совѣта, а не то будетъ хуже.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ я.

— Понимайте, какъ знаете, — сказалъ онъ.

— Я готовъ на все, — сказалъ я: — только знайте, что страхомъ вы со мною ничего не сдѣлаете.

— А если я, какъ старшій братъ, откажу вамъ отъ дома? — воскликнулъ хорунжій.

— Странно, — сказалъ я, смѣясь: — придти къ кому-нибудь и отказывать отъ своего дома въ его собственномъ домѣ.

Я взялся за бока и началъ насмѣхаться надъ нимъ.

— Любезный, — прервалъ Флоріанъ, беря меня за руку: — не смѣйся, а лучше слушай. Ты маленькій человѣкъ и не здѣшній, недавно сюда пришелъ, такъ сиди же смирно.

— Поступаю, какъ хочу, — сказалъ я гордо: мнѣ уже давно надоѣла ихъ спѣсь, — а вы тоже дѣлайте, какъ знаете.

Они сейчасъ же взялись за шапки. Я не удерживалъ ихъ. На порогѣ хорунжій обернулся и сказалъ:

— Вы меня хорошо поняли?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я: — кто неясно говоритъ, того трудно понять.

— Эй, не вызывай бѣды! — воскликнулъ Флоріанъ. — Я знатно задамъ тебѣ!

Я бѣды не боюсь, — крикнулъ я, — а проучить тоже могу.

Все это происходило у самыхъ дверей. Я взглянулъ въ

окно и вижу, скачетъ по двору Зегжда на буланомъ конѣ. Я подумалъ про себя: «Богъ его посылаетъ»! и почувствовалъ въ душѣ бодрость.

Флоріанъ схватилъ меня за руку и крикнулъ:

— Доставай саблю, помѣряемся! Напишу я тебѣ на лбу такое объясненіе, что ты его съ мѣсяцъ будешь разбирать!

— Только не здѣсь! — воскликнулъ я: — вы мои гости, а у меня все по старому; гостей не бьютъ и не ругаютъ. Хотите помѣряться силами, — я не прочь, только пожалуйте за границу.

— Это вѣрно недалеко, рукою подать? — съ насмѣшкою сказалъ Флоріанъ.

— Да, — сказалъ я: — ровно столько пути, чтобы вы успѣли прочесть молитву передъ своею побѣдою.

Здѣсь влетѣлъ Зегжда. Онъ чуть не повалилъ Флоріана, — такъ стремительно шелъ, услыхавши однимъ ухомъ, что дѣло дошло до сабель. Для него ничего не могло быть лучше. Они какъ его увидали, такъ немного опѣшили, а я ободрился и говорю.

— Въ самую пору пріѣхалъ, я беру тебя въ свидѣтели, что меня въ моемъ собственномъ домѣ оскорбили и принудили драться. Но я помню старые обычаи, гость для меня святъ, а потому прошу пожаловать на границу. Ну, Зегжда, будешь мнѣ другомъ?

— Отъ всей души и отъ всего сердца, — сказалъ онъ.

Я кивнулъ подростку, который былъ за дверями:

— Давай саблю!

Зегжда увидалъ на столѣ бутылку и подошелъ выпить. Тѣмъ временемъ мои противники сѣли на коней, только молча, такъ какъ имъ не хотѣлось имѣть свидѣтеля. Я повелъ Зегжду на крыльцо и говорю:

— Еще разъ беру тебя въ свидѣтели того, что эти господа пріѣхали въ мой домъ, чтобы обидѣть меня оскорбительными словами. Это неслыханное и не дворянское дѣло, говорю смѣло. Я покоряюсь Божіей волѣ, и готовъ къ услугамъ хоть для васъ обоихъ.

Они промолчали, сидя на коняхъ и грызя усы со злости. Зегжда, какъ всегда, не разговаривалъ даромъ. Онъ хлопнулъ рукою по саблѣ, поправилъ шапку и насмѣшливо прищурилъ одинъ глазъ, потомъ подтянулъ поводья въ рукѣ и вскочилъ

въ сѣдло.

— Веди мнѣ сиваго! — крикнулъ я Гжесю: — надѣнь на него только уздечку и попону, сѣдла не надо.

У меня просто руки тряслись; я прицѣпилъ къ боку мою вѣрную старую саблю, которая не на одномъ оставила знаки. Всѣ уже сидѣли на коняхъ; но вотъ и мнѣ ведутъ сиваго; а онъ летитъ, распустивши хвостъ, да такъ весело, точно онъ меня цѣлый годъ не видалъ. Онъ не былъ осѣдланъ, на немъ былъ только коврикъ, стянутый подпругою; я вскочилъ на него и пустился вскачь. Ѣдемъ мы молча. Я вижу, что чѣмъ я бодрѣе, тѣмъ они сумрачнѣе.

Я показалъ рукою на лѣсъ. Всѣ мы поѣхали рысью одинъ за другимъ, такъ что я имѣлъ еще удовольствіе видѣть, какъ ихъ лошади сильно отставали отъ моей. Я первый былъ на мѣстѣ, сошелъ у дороги около распятія и перекрестился, помолившись Спасителю и Божіей Матери, чтобы они спасли отъ позора меня, обиженнаго въ собственномъ домѣ.

Произошелъ краткій споръ о томъ, будемъ ли мы биться на коняхъ или пѣшіе; они хотѣли драться на сабляхъ и сойдя съ коней. Сначала выскочилъ впередъ Флоріанъ.

Зегжда, стоя сбоку, сказалъ хорунжему:

— А мы что же стоимъ? Я къ вашимъ услугамъ, если милость будетъ.—И онъ уже взялся за саблю.

— Я противъ васъ ничего не имѣю,—отвѣтилъ хорунжій:— но отъ бутылки и отъ сабли никогда не отказываюсь.

Услыхавши это, я всталъ между ними.

— Позволь, — сказалъ я Зегждѣ: — ты могъ бы сдѣлать хорунжаго неспособнымъ къ борьбѣ, а я имѣю право съ нимъ помѣряться. Поэтому обожди, первенство за мною.

А панъ Флоріанъ смѣется и кричитъ издали:

— Не торопись и не горячись, вѣдь обоихъ насъ не съѣшь; ротъ малъ, будетъ тебѣ и одного, а можетъ быть и много. Я тебя отдѣлаю, какъ слѣдуетъ.

— Все въ рукѣ Божіей,—отвѣтилъ я:—если случится то, чего никто изъ насъ еще не знаетъ, этимъ господамъ еще будетъ время драться, но я долженъ защищать свои права.

— Правда!—сказалъ Зегжда: — Я подожду. — И онъ вложилъ свою саблю въ ножны.

Тогда мы съ моимъ фанфарономъ вышли на сухую тро-

пинку, хорошо осмотрѣли мѣсто и вынули сабли. Я сдѣлалъ передъ собою крестъ и воскликнулъ:

— Господи, Боже мой! Ты видѣлъ обиду, отомсти же Самъ за меня! Я отдаюсь въ Твои руки.

А Флоріанъ уже наскочилъ на меня.

— Не молись, монахъ, а защищайся.

Сошлись мы разъ—ничего, другой разъ—тоже. Тотъ сильно размахнулся, поскользнулся одною ногою и, только я его задѣлъ, вижу, онъ летитъ назадъ. Я ударилъ его въ лобъ, а не успѣлъ онъ оглянуться, я въ другой разъ; кровь у него хлынула и онъ уже кричитъ:

— Довольно! довольно!

— Видишь,—закричалъ я, еще разъ полоснувъ его клинкомъ по плечамъ:—и на тебя пришла управа.

Я оставилъ его въ покоѣ. Онъ сѣлъ на траву и, ворча, принялся вынимать изъ сумки платки, воду и пластырь, а я повернулся къ хорунжему и закричалъ:

— Къ вашимъ услугамъ!

Вижу, онъ поблѣднѣлъ немного, не такой уже надменный, но только въ сердцахъ такъ на меня наскочилъ, что я едва успѣлъ оборониться. Какъ начали мы рубиться, такъ просто сабли застонали, искры такъ и сыплются; но ни тотъ, ни другой не можетъ ничего сдѣлать. Зегжда только стоитъ и дивится. У меня уже начала дрожать рука, такъ какъ я не выспался и не былъ въ полной силѣ. Я помолился своему покровителю св. Яну Непомуку, патрону доброй славы, и думаю: «Спаси и помоги»! Въ эту самую минуту я, изловчившись, такъ хватилъ его въ руку, что выбилъ у него саблю и палецъ повисъ у него на кожѣ. Онъ крикнулъ: «Іезусъ-Марія»! и схватился за искалѣченную руку. Я отскочилъ и стою.

— Если бы я имѣлъ дѣло съ настоящими кавалерами,— воскликнулъ я: — я зналъ бы, что дѣлать: я попросилъ бы васъ въ то убогое жилище, въ которое вы пріѣхали смѣяться надъ моею бѣдностью и отказывать мнѣ отъ дому. Но тѣхъ, которые гонятъ меня по своей гордости, я не смѣю да и не хочу упрашивать. Прощайте, господа, и помните, что вы видѣли, какъ Господь Богъ заступается за невинность и какъ *онъ презираетъ и* караетъ гордость.

Мы съ Зегждою сѣли на лошадей и поѣхали домой, оставивъ ихъ съ людьми лѣчиться, какъ знаютъ.

Далъ мнѣ Богъ побѣду, но не веселую, такъ какъ, думая, что я не увижу свою дорогую Лелю и что для меня закрылся тотъ домъ, который былъ всего милѣе моему сердцу, я чуть не плакалъ. Зегжда видѣлъ, что я грущу, и сказалъ мнѣ дорогою:

— Не горюй, все это можетъ перемѣниться. Я знаю, въ чемъ было дѣло. Напрасныя опасенія!

— Нога моя больше не будетъ тамъ, — сказалъ я.

— Можетъ быть, они еще сами будутъ тебя упрашивать.

Мы вернулись домой и я принялъ друга, какъ умѣлъ и какъ могъ, потому что онъ очень утѣшилъ меня своимъ прибытіемъ. Мы проговорили съ нимъ весь день до самой ночи, впрочемъ, больше я, чѣмъ онъ, такъ какъ онъ былъ, по обыкновенію, молчаливъ. Зегжда остался у меня еще на одиннадцатое іюля. У него немного развязался языкъ и онъ началъ разсказывать о домѣ старосты. Дѣдъ моей панны и отецъ старосты женился въ Силезіи на нѣмкѣ Опельсдорфъ, которая была истая дворянка, даже съ графскимъ титуломъ, но странная и, кажется, любила свѣтъ больше, чѣмъ это прилично замужней женщинѣ. Сынъ его нашелъ себѣ жену по вкусу, также изъ Силезіи, и привезъ ее оттуда. Этой четѣ далъ Богъ четырехъ дѣтей, троихъ сыновей и дочь, мою богиню, панну Елену. Мать умерла рано; Елену взяла еще маленькою родственница отца и воспитала почти какъ свое дитя, оставивъ ей послѣ себя очень значительное состояніе. Итакъ, панна Елена имѣла отъ отца, отъ матери и отъ опекунши даже больше, чѣмъ братья, которыхъ было трое у отца на содержаніи. Это несчастное богатство сдѣлало то, что ея руки добивались, какъ короны, и все люди богатые, извѣстные и знатнаго рода. Сыновья старосты, которые росли дома при отцѣ, были воспитаны въ большой роскоши и баловствѣ, и ничего хорошаго изъ нихъ не вышло: ужасное чванство, большая расточительность, настоящаго рыцарства и страха Божія мало, а гордости и спѣси слишкомъ много. Они поуменьшили свое богатство разными излишествами, а потому хотѣли бы такъ выдать сестру, чтобы ничего не дать за ней, чтобы женихъ еще сдѣлалъ не-

вѣстѣ подарки, а у господъ братьевъ опять было бы что сорить въ судахъ и на съѣздахъ. Но Богъ защитникъ сиротъ.

Зегжда уѣхалъ вечеромъ. Какъ онъ ни былъ молчаливъ, но и у него языкъ зачесался, поэтому онъ разболталъ о моей встрѣчѣ съ хорунжимъ и съ Флоріаномъ. Все это быстрѣе молніи разошлось по округѣ, а такъ какъ тѣхъ господъ шляхта не очень любила, то тотъ, то другой прибѣгалъ поздравить меня съ тѣмъ, что я научилъ ихъ разуму. Радость была общая и меня чуть не носили на рукахъ. Сейчасъ же пріѣхами паны Грабовскій и Серотинскій и давай меня обнимать и цѣловать.

— Награди тебя Богъ! Славно отличился! Ты спасъ и свою, и нашу честь. Впередъ будутъ осторожнѣе съ шляхтою, а тебѣ, вновь прибывшему, очень полезно, что ты не позволилъ наступить себѣ на ногу.

Зегжда разсказалъ также и то, какъ я до послѣдней минуты былъ терпѣливъ и хладнокровенъ, а они обращались презрительно съ человѣкомъ, служащимъ рыцарству только по своей бѣдности. Эта побѣда была бы мнѣ очень на руку для моихъ отношеній съ братьею шляхтою, но мнѣ все отравляла та мысль, что я больше не увижу своей красавицы и не могу придти къ ней, такъ какъ братья готовы были разорвать меня на части, если бы я только показался въ усадьбѣ. Я думалъ, что встрѣчу ее еще разъ въ костелѣ, пока милосердый Богъ не перемѣнитъ всего къ лучшему. Уже пришли письма, вызывавшія меня въ войско, и ничего болѣе не оставалось, какъ скорѣе сѣсть на коня, чтобы не опозориться и не быть послѣднимъ. Мы все совѣтовались съ Грабовскимъ и съ Зегджою, какъ выѣхать. Я хотѣлъ взять съ собою какъ можно меньше, чтобы не затруднять себя обозомъ и не тащить за собою цѣлаго табора въ такой дальній путь, а особенно въ чужіе края, Богъ знаетъ, по какимъ дорогамъ. Всѣ соглашались, что я былъ правъ, но когда дошло дѣло до укладки, то то, то другое жаль было бросить, то то, то другое было нужно; мальчикъ сунетъ узелокъ, кто-нибудь боченокъ, еще что-нибудь. Набираются цѣлыя горы. Я рѣшился взять только одну хорошо упакованную венгерскую повозку; въ ней было перемѣнное, болѣе легкое оружіе, немного *платья,* тряпокъ и небольшой запасъ провизіи на голодные дни: *солонина и крупа.*

Съ минуты на минуту нужно было собираться, а сердце шептало мнѣ, что я долженъ увидаться еще хотя разокъ. Я укладывался и готовился въ путь и все оказывалось, что мнѣ чего-нибудь не достаетъ, чтобы хотя немного оттянуть отъѣздъ.

Я и не подозрѣвалъ, какъ осчастливитъ меня Господь Богъ.

Велѣвши сдѣлать еще запасныя оси и пару колесъ, я отложилъ отъѣздъ на день, потому что не любилъ выѣзжать въ понедѣльникъ. Заказавъ обѣдню св. Станиславу, котораго я особенно чту, потому что его обидѣли люди изъ моего рода, я поѣхалъ утромъ въ костелъ. Возвращаюсь въ Вульку, а Гжесь встрѣчаетъ меня тѣмъ, что меня ждетъ посланный отъ Опольской, котораго онъ безъ меня хорошо принялъ и угостилъ, видя, что онъ хорошій человѣкъ. Сердце сейчасъ же подсказало мнѣ, что здѣсь не могло быть ничего, кромѣ хорошаго. Вхожу я въ комнаты и вижу, что у меня старый Іеремія, довѣренный пани Опольской, отличный человѣкъ, правая рука въ домѣ, который всегда любилъ меня. Увидавши меня, онъ сказалъ съ поклономъ, что госпожа его зоветъ меня на бесѣду и ждетъ обѣдать, чтобы я торопился и не мѣшкалъ, а то обѣдъ испортится. Еще разъ почествовавши и обнявши посланнаго, я велѣлъ подать себѣ караковаго жеребца, такъ какъ я берегъ сиваго на дорогу и хотѣлъ, чтобы онъ хорошенько отдохнулъ. Поправивъ немного свой нарядъ, я отправился въ Сороково. Іеремія, который ѣхалъ въ повозкѣ, отсталъ отъ меня, а я для скорости пустился прямикомъ, не разбирая дороги. Не разъ я думалъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ удивительныхъ домовъ и такихъ людей, какъ у насъ. Пусть укажетъ мнѣ кто-нибудь на чужбинѣ такой вдовій домъ, какой былъ у нашей достойной пани Опольской, или такую особенную жизнь, какъ ея. Она рано вышла замужъ, потеряла мужа на войнѣ и шестерыхъ маленькихъ дѣтей и осталась одна на свѣтѣ еще молодая, красивая и богатая. По ней многіе сходили съ ума, но она вела самую настоящую вдовью жизнь. Одѣвшись въ трауръ и отправивъ ни съ чѣмъ всѣхъ претендентовъ, она начала по своему вкусу истинно святую жизнь. Она сдѣлалась благодѣтельницею цѣлой округи. Такъ прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ завелся у нея этотъ порядокъ, и она соблюдала его неуклонно. У нея не было семьи, зато она создала ее себѣ сама, такъ какъ у нее всегда было

на воспитаніи 20 шляхтянокъ и жили онѣ, какъ въ монастырѣ, только веселѣе, чѣмъ за рѣшеткою. Всѣхъ ихъ брала она изъ бѣдныхъ дворянскихъ семей и воспитывала изъ нихъ женъ и хозяекъ для шляхты. Какъ только она выдавала одну изъ нихъ замужъ и справляла ей свадьбу, на мѣсто ея приходило нѣсколько другихъ. Въ замкѣ не было никого, кромѣ сѣдовласыхъ старцевъ: она сама и старый слуга, экономка и старичекъ капелланъ. Бывало, когда всѣ панны сядутъ за столъ, точно вѣнокъ изъ розъ и лилій, хозяйка казалась между ними королевою среди своего двора. Не имѣя своихъ дѣтей, она взяла къ себѣ чужихъ и заботилась о нихъ такъ, какъ будто они были въ самомъ дѣлѣ ея собственныя; когда онѣ были уже замужемъ, она все знала о каждой изъ своихъ воспитанницъ и помогала имъ. Оттого всѣ любили ее, а бѣдная шляхта готова была умереть за нее. И никто не скучалъ въ ея монастырѣ, несмотря на строгость нравовъ; у всѣхъ на лицахъ было веселье, но святое и благочестивое веселье. На святкахъ бывала у нея музыка и приличная молодежь, но все было скромно; въ домѣ рѣдко было пусто, а бѣдный шляхтичъ, искавшій себѣ скромную и добрую жену, всегда шелъ въ Сороково, въ домъ вдовы стольника. Много было такихъ, которые поженились да этихъ „стольниковыхъ" дочкахъ, которыхъ всѣ такъ и звали, и никто не раскаивался.

Только я успѣлъ сойти съ лошади и немного отряхнуться отъ пыли, слышу, звонятъ къ обѣду. Со всѣхъ концовъ двора потянулись бѣлыя лебедушки, а старый дворецкій, стоя на крыльцѣ, попросилъ меня въ залу, гдѣ пани Опольская ждала меня съ борщемъ. Я поспѣшилъ поцѣловать руку старушки и нашелъ уже всѣхъ на мѣстахъ, самое хозяйку съ чернымъ вуалемъ (она ходила такъ всю жизнь), экономку пани Зувальскую, старика капеллана и всѣхъ барышенъ. Кромѣ тѣхъ, которыя сидѣли за столомъ, одна была назначена по очереди присматривать за кухнею, другая принимать и отпускать провизію. Прислуживали деревенскія дѣвушки, готовящіяся быть кухарками и бѣлошвейками. Настоящее царство амазонокъ, если бы не мы съ капелланомъ. И все это было такъ мило: точно войско въ одинаковой формѣ и съ одинаковыми лентами въ волосахъ. Какъ только я наклонился надъ ея рукою, старушка шепнула мнѣ на ухо.

— *Послѣ обѣда* я кое-что разскажу вамъ, но пользуйтесь

спокойно Божіимъ даромъ. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что слова мои не будутъ вамъ непріятны,—и она улыбнулась.

Мнѣ указали мѣсто и я сѣлъ, съ немалымъ любопытствомъ ожидая конца обѣда. Мы говорили о томъ и о семъ, а больше всего о будущемъ походѣ на турокъ, о которомъ я много узналъ, такъ какъ пани Опольская получила письмо о томъ, что великій визирь былъ уже подъ Пресбургомъ и шелъ съ огромнымъ войскомъ на имперскую столицу, изъ которой императоръ отступилъ уже къ Линцу, преслѣдуемый татарами. И такъ, намъ нужно было немедленно спѣшить на помощь, прежде чѣмъ окончательно окружатъ и стѣснятъ столицу. Писали, что папскій нунцій Паллавичини и имперскій посолъ Вильчекъ очень торопили короля, но французскія интриги все еще портили дѣло. Наконецъ, въ сердцѣ короля все-таки восторжествовало чувство христіанина, несмотря на то, что онъ никогда не былъ близокъ съ австрійскимъ домомъ и болѣе опасался, чѣмъ любилъ его. Пани Опольская, которая была большой политикъ, а также и капелланъ, все напирали на то, что мы не идемъ на помощь одной имперіи, но всего христіанства; говорятъ, и король понималъ это дѣло точно такъ же и только такими доводами далъ склонить себя на всѣ договоры.

Когда кончился обѣдъ и капелланъ прочелъ обычную молитву, пани Опольская подала мнѣ руку и, оставивши своихъ дѣвицъ въ залѣ съ экономкою, попросила въ кабинетъ на бесѣду. Тамъ она просила меня сѣсть передъ собою; хотя я и стоялъ передъ ней, уважая ее какъ родную мать, но нельзя было ничего сдѣлать, когда она велѣла. Она обернулась ко мнѣ и сказала, погрозивъ пальцемъ:

— Это вы что же сдѣлали съ паномъ хорунжимъ и съ паномъ Флоріаномъ, такъ искалѣчивши ихъ обоихъ?

— Клянусь Богомъ,—сказалъ я,—что невиноватъ въ этомъ. Хотя я живу рыцарскимъ ремесломъ, но не въ моихъ правилахъ и не въ моемъ характерѣ вызывать на дуэль изъ-за пустяковъ, тѣмъ болѣе, въ своемъ домѣ. Но случилась неслыханная вещь: эти господа, пріѣхавши въ Вульку, оскорбили меня подъ моимъ же кровомъ и почти навязались на поединокъ. Я не могъ снести этого и самъ Богъ, защитникъ обиженныхъ, направилъ мою руку.

— Но, панъ Янъ,—кротко отвѣтила мнѣ хозяйка,—вы принесли себѣ этимъ не малый вредъ и закрыли себѣ двери дома, гдѣ не одни глаза смотрѣли на васъ съ радостью.

— Но они еще раньше, съ угрозами и дерзостями, отказали мнѣ отъ дома,—сказалъ я.

— Это можно бы было поправить,—сказала она,—а теперь...

— Пусть исполнится воля Божія,—сказалъ я,—даже для самой дорогой особы я не могъ бы оставить пятна на дворянской и рыцарской чести, и прибавляю еще, что я долженъ бы потерять и то немногое, что имѣлъ, въ глазахъ тѣхъ, кто меня немного уважаетъ, если бы я стерпѣлъ отъ этихъ господъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Sit nomen Domini benedictum.

Она немного подумала и тихо разсмѣялась.

— Что же вы думаете теперь дѣлать?—спросила она.— Все же панна Елена не можетъ успокоиться съ того дня, хотя и не жалуется на васъ за то, что вы этою кровью загородили себѣ путь къ ней.

— Я своей бы не пожалѣлъ для нея,—отвѣтилъ я,—но надѣюсь, что она пойметъ, что это дѣло не могло кончиться иначе.

Я просилъ пани Опольскую, чтобы она была моею заступницею передъ панною Еленою и сказала бы ей, что я поступилъ не легкомысленно, а такъ, какъ повелѣвала мнѣ рыцарская честь.

— Вамъ,—сказалъ я,—могу я открыть вполнѣ свое сердце, я не стыжусь ничего, а васъ уважаю, какъ родную мать. Богъ видитъ, что я люблю панну Елену чистою и искреннею любовью; я поклялся въ душѣ быть ей вѣрнымъ и сдержу свое слово. Она ни въ чемъ не виновата, но я не могу помириться съ чванствомъ ея братьевъ. Если она хочетъ, то можетъ дѣлать съ собою все, что ей угодно. Я же буду съ надеждою ожидать лучшихъ дней, всегда дѣлая, что повелѣваетъ долгъ, а не то, чего хочетъ сердце.

— И хорошо дѣлаете, что такъ рѣшили,—сказала мнѣ пани Опольская.—Теперь, когда я услышала это отъ васъ, я *могу сказать* вамъ, что вчера панна Елена торжественно и *почти съ мужскою* твердостью сказала братьямъ, что не вый-

детъ ни за кого другого, кромѣ васъ, хотя бы ей и пришлось ждать двадцать лѣтъ. Былъ тутъ и гнѣвъ, и угрозы, но она осталась тверда, какъ скала.

Точно свѣтъ открылся передо мною, когда я услышалъ это. Я припалъ къ колѣнямъ старушки и началъ цѣловать у нея руки.

— Не благодарите меня,—сказала она со слезами на глазахъ,—но одну ее. Это дѣвушка, какихъ мало, съ такимъ сердцемъ и волею, что она заставила бы краснѣть не одного мужчину.

— Я бѣденъ,—отвѣчалъ я,—а счастье въ рукѣ Бога; имя я ношу не послѣднее, хотя и не знатное; остальное я могу сдѣлать съ Божіей помощью.

Старушка встала взволнованная и сказала:

— Я должна передать вамъ еще кое-что отъ Елены... Она проситъ и заклинаетъ, чтобы вы не искали свиданія съ нею, потому что вамъ грозитъ большая опасность. Она проситъ, чтобы вы сейчасъ же ѣхали въ свой полкъ и, наконецъ, чтобы не было вамъ грустно идти на войну безъ какого-нибудь знака ея расположенія, она посылаетъ вамъ черезъ меня кольцо, какъ залогъ вѣрности. Она велѣла мнѣ сказать вамъ, чтобы вы твердо переносили разлуку и препятствія и вѣрили ея любви, хотя бы даже люди распускали дурные слухи.

Не было мѣры моему счастью, когда я увидалъ это обручальное кольцо и взялъ его отъ Опольской. Я сейчасъ же отдалъ ей взамѣнъ для Елены обручальное кольцо моей матери и не поручусь, что я не плакалъ, хотя это и не очень пристало рыцарю. Старушка тоже рыдала, благословляя меня, какъ сына.

Этимъ все кончилось; но, выѣжая изъ Сороковъ, я былъ такъ упоенъ счастьемъ и переполненъ благодарностью, что меня такъ и тянуло явиться вдругъ къ Налынчамъ и поцѣловать ея ножки, рѣшившись непремѣнно сейчасъ же отправляться въ походъ.

Весь обратный путь я думалъ про себя: ѣхать къ Налынчамъ или нѣтъ? Но кончилось тѣмъ, что воля ея исполнилась не отъ того, чтобы я кого-нибудь боялся, но чтобы не огорчить ее.

Я чувствовалъ въ себѣ такое мужество, что, кажется, напалъ бы на двадцать человѣкъ, не боясь ихъ силы; но я сказалъ себѣ: «Пусть будетъ поменьше крови». Рѣшивши дать въ руки Опольской письмо къ Еленѣ, я вернулся домой, давая себѣ слово, что тотчасъ же велю упаковывать повозки и отправлюсь въ походъ. Уже смеркалось, когда я вернулся въ Вульку. Смотрю, по двору водятъ верховыхъ лошадей. Я догадался, что у меня гости. Меня дожидались на крыльцѣ панъ Яцекъ, замѣнившій мнѣ отца, Зегжда, и Грабовскій, который былъ для меня лучше родного. Увидавъ меня издали, они подняли шапки вверхъ и закричали:

— Поздравляемъ! Поздравляемъ!

— Чортъ возьми, что такое?—подумалъ я.—Ужъ не догадались ли они, затѣмъ я ѣздилъ къ Опольской и какой тамъ получилъ подарокъ?

Но случилось нѣчто совсѣмъ другое, о чемъ я и не подозрѣвалъ. Когда я сошелъ съ лошади, панъ Яцекъ началъ горячо обнимать меня, показывая письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ, но я сначала ничего не понялъ изъ этого. Да и какъ мнѣ было догадаться о томъ, о чемъ я не имѣлъ понятія? Я стоялъ, не зная, что начать, и сказалъ пану Яцку, называя его по привычкѣ татою:

— Милый тата, скажите же, съ чѣмъ вы меня поздравляете и чему радуетесь? Я, право, ничего не знаю.

— Если у тебя есть что-нибудь въ подвалѣ, то выпьемъ за твое здоровье и успѣхи, а потомъ все узнаешь,—сказалъ панъ Яцекъ.

Гжесь стоялъ за угломъ. Я кивнулъ ему.

— Давай капуцинскій медъ.

А онъ, точно уже былъ наготовѣ, несетъ бутылку и стаканы.

Я сталъ наливать, ничего еще не зная, а Яцекъ говоритъ:

— Несправедливо будетъ, если мы прежде не объявимъ ему объ его счастьи! Тогда и медъ ему покажется лучше.

Я все еще стоялъ, какъ человѣкъ, котораго хотятъ, неизвѣстно за что, повѣсить.

— Помилуйте,—воскликнулъ я,—не держите меня между *небомъ и землею*. Говорите, что случилось?

— Слушай,—отвѣтилъ панъ Яцекъ,—тебя ожидаетъ большое счастье, котораго я недостойный виновникъ, или, лучше сказать, самъ Богъ, выбравшій орудіемъ своего смиреннаго раба. Я жалѣлъ тебя, потому что тебѣ приходилось идти въ этотъ походъ безъ друга и безъ особенно благосклоннаго къ тебѣ вождя, а потому мнѣ удалось, безъ твоего вѣдома, такъ устроить, что тебя посылаютъ въ свиту самого короля. Вотъ тебѣ и приказъ, въ которомъ сказано, чтобы ты немедленно отправлялся прямо въ Варшаву и Вилланово, а оттуда вмѣстѣ съ дворомъ въ дальнѣйшій путь, и да благословитъ тебя Провидѣніе. Ну, скажи-ка теперь, развѣ не было причины вспрыснуть медомъ новость, которой позавидуетъ не одинъ изъ твоихъ товарищей?

Я принялся обнимать пана Яцка, такъ какъ, не разобравши даже порядкомъ этой новости, я чувствовалъ, что она можетъ послужить мнѣ только въ пользу. Всегда кажется, что, честно исполняя свой долгъ на глазахъ самого короля, можно пойти далеко. У меня просто въ головѣ помутилось, а Яцекъ, Зегжда и Грабовскій поздравляли меня, смѣялись и апплодировали, предсказывая, какъ я вернусь изъ этого похода съ большими почестями и великою добычею.

Мой добрый тата прибавилъ еще, что прежде, чѣмъ пріѣхать въ Вульку съ письмомъ и съ приказомъ, онъ распустилъ вездѣ, и особенно у Налынчей, слухи о той чести, которой я удостоился, чтобы они хорошенько позеленѣли отъ зависти. И онъ смѣялся, зная, какъ это имъ было не по вкусу; я же думалъ о томъ, какъ моя Елена ободрится, когда узнаетъ, что я буду добиваться славы при такихъ хорошихъ условіяхъ.

Намъ не было времени долго пировать и, проболтавши до вечера, я назначилъ отъѣздъ на слѣдующее утро, помолившись на дорогу. Хозяйство и всѣ хлопоты по имѣнію взялъ на себя панъ Яцекъ. Рано утромъ, такъ какъ я съ радости не могъ спать, принялись мы за укладку возовъ, вещей, припасовъ и всего, что я долженъ былъ взять съ собою. Тутъ пошли новыя хлопоты о томъ, какъ бы не обременить себя, а также, чтобы не пришлось чего нибудь покупать въ дорогѣ. Я всегда былъ того мнѣнія, что воинъ долженъ учиться довольствоваться малымъ, а это у насъ не всѣ умѣютъ. Придетъ походъ и на-

берется возовъ, слугъ и разныхъ подводъ больше, чѣмъ самого войска. И для бѣднаго люда трудно идти по дорогамъ, и войско неповоротливое, и по дурнымъ дорогамъ во время оттепели такъ все портится и теряется, что бѣда. Господа обозные и сторожа не очень за этимъ смотрятъ. Иной гусаръ вмѣсто трехъ возовъ, которыхъ было бы очень довольно, если даже считать съ прислугою, тащить за собою шесть возовъ, а потомъ и двухъ не привезетъ домой; лошади подохнутъ съ голода, а экипажи переломаются въ распутицу.

Такъ и я, хотя и долженъ былъ показаться при дворѣ немного бѣдненько, — пусть говорятъ, что хотятъ, — взялъ только одинъ возъ и Гжеся, такъ какъ свита моя осталась въ войскѣ; я сдалъ ее на руки хорошаго друга, Пшилускаго, чтобы онъ присмотрѣлъ за этою челядью. Около полудня мы были готовы: и кони, и люди. Я осмотрѣлъ все отъ хвоста до копыта, отъ колеса до дышла, отъ подошвы до шапки, и мы двинулись изъ Вульки во имя Бога, перекрестясь и прочтя молитву.

Дорога шла мимо костела и дома священника. Конечно, я хотѣлъ навѣстить добраго ксендза, проститься съ нимъ и попросить его благословенія; тѣмъ болѣе, что было время вечерни, а была или суббота, или канунъ праздника, этого я хорошенько не помню. Мы сошли съ лошадей. Вижу я, ксендзъ идетъ въ костелъ со служителемъ; увидавши меня вооруженнаго и одѣтаго по дорожному, онъ воскликнулъ:

— Зайдите, сынокъ, въ церковь Божію, все нужно начинать съ молитвою. Отцы наши такъ дѣлали и имъ не было отъ этого хуже.

— Я шелъ къ вамъ за благословеніемъ, — отвѣтилъ я, — помолитесь за меня.

Онъ ничего не сказалъ, только указалъ рукою на костелъ. Я вошелъ и преклонилъ колѣна, а душа моя сама молилась. Я взглянулъ на то мѣсто, гдѣ я увидалъ въ первый разъ колѣнопреклоненную Елену, и думалъ, что у меня въ глазахъ двоится. Смотрю и не вѣрю себѣ: вижу ее молящеюся на томъ самомъ мѣстѣ.

Точно чудо передо мною совершилось. Я былъ такъ пораженъ, что не видѣлъ ничего, что дѣлалось вокругъ меня. Я сталъ молиться еще горячѣе и почувствовалъ въ сердцѣ ве-

ликую силу и вѣру въ Божію помощь. Ксендзъ отслужилъ вечерню, потомъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ къ алтарю. Мы съ Гжесемъ подошли подъ его благословеніе. Когда я возвращался назадъ, я увидалъ ея лицо, обращенное къ кресту; она молилась и полна была такой святости, что я никогда въ жизни не видалъ и не увижу ничего прекраснѣе. Казалось, она была такъ погружена въ молитву, что даже не видала меня. Я вышелъ и всталъ въ дверяхъ, какъ статуя. Минуту спустя, я услышалъ шелестъ шелковаго платья; чувствую, что близко, и не смѣю поднять глазъ.

— Это добрый знакъ, —сказала она,—что мы встрѣтились еще разъ въ костелѣ. Да хранитъ васъ Богъ, панъ Янъ! Я дала обѣтъ вѣрности и сдержу его. Помните и вы, что я разсчитываю на васъ, и не смущайтесь ничѣмъ, даже если-бы вамъ возвратили кольцо.

Я не могъ ничего сказать и только цѣловалъ ея руку.

— Да хранитъ васъ Богъ!—повторила она.

Глаза ея были полны слезъ и я былъ не веселѣе, хотя и спокоенъ.

— Царица моя,—сказалъ я,—скорѣе умру, чѣмъ измѣню вамъ. До самаго конца никто не вырветъ изъ моего сердца того образа, который я ношу въ немъ. Клянусь Христомъ, распятымъ за насъ: я вашъ слуга на-вѣки!

— Пора разстаться, — шепнула она: — люди злы, много глазъ. Пусть Богъ будетъ съ вами и приведетъ васъ къ намъ.

Мнѣ хотѣлось окаменѣть, такъ трудно было уходить отъ нея, но я сдѣлалъ страшное усиліе и, уходя, видѣлъ только, какъ она поклонилась мнѣ издали. Ксендзъ ждалъ меня на дорогѣ и сказалъ мнѣ:

— На коня, сынъ мой,—въ путь, и съ Богомъ!

Оттягивать было нечего. Я сѣлъ на коня и поскакалъ съ мѣста не оглядываясь на возъ и Гжеся, который догналъ меня только подъ лѣсомъ.

Я не стану описывать, съ какими мыслями пустился я въ путь. Варшаву я зналъ мало, а Вилланова совсѣмъ не видалъ. Крикъ, шумъ, тѣснота! Я едва нашелъ плохую гостиницу. Я пошелъ на развѣдки, какъ попасть ко двору и отрекомендоваться, съ кѣмъ говорить; но, какъ на грѣхъ, не встрѣ-

тилъ ни души знакомой. Нужно еще знать, что я никогда не видалъ короля иначе, какъ на деньгахъ и на изображеніяхъ. Исходивши весь городъ и порядочно соскучившись, я отправился подъ вечеръ къ Вилланову, разспросивъ дорогу, чтобы знать, куда я долженъ на другой день ѣхать съ моимъ обозомъ. Какъ теперь помню, вечеръ былъ ясный и послѣ жаркаго дня воздухъ былъ такъ прохладенъ, какъ рѣдко бываетъ въ лѣтніе жары. Мимо меня шло много людей и конныхъ, и пѣшихъ, и съ возами. Я шелъ быстро. Вскорѣ повстрѣчался со мною шляхтичъ почтенныхъ лѣтъ, въ лѣтней бѣлой шапкѣ, безъ сабли, какъ у себя дома; на немъ былъ бѣлый кафтанъ, такой, какіе носятъ въ деревнѣ, за плечами онъ держалъ палку, а впереди бѣжали двѣ собаки. Я думаю себѣ: вѣрно кто-нибудь изъ придворныхъ, надо бы заговорить съ нимъ. Прибавивъ шагу, я поравнялся съ нимъ, а такъ какъ это былъ человѣкъ почтенный и въ лѣтахъ, я поклонился ему и остановился. Онъ тоже снялъ шапку, остановился и смотритъ мнѣ въ глаза.

Мы привѣтствовали другъ друга.

— Вы какъ будто не здѣшній?—говоритъ онъ.

— Вы угадали!—отвѣтилъ я.—По правдѣ сказать, я въ первый разъ въ этой сторонѣ.

Я взглянулъ на него. Лицо у него было славное: густые усы, высокій лобъ, свѣтлые глаза и что-то доброе и печальное во взглядѣ. Мы пошли дальше.

— А что васъ сюда привело?—спрашиваетъ онъ.

Я разсказалъ всю свою исторію, начиная съ моего вступленія въ войска. Онъ слушаетъ, разспрашиваетъ. Я дошелъ до того, какъ я получилъ приказъ и заговорилъ о томъ, что я новичекъ и не знаю, какъ добиться своего, съ кѣмъ говорить и кого просить.

— Я знаю,—сказалъ я: — что прежде, чѣмъ дойдешь до короля, нужно пройти черезъ много мытарствъ; люди, которые окружаютъ его величество страшнѣе его самого, который извѣстенъ своею отеческою добротою.

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза и говоритъ:

— Можетъ быть, вы и правы, но разъ, что уже намъ *пришлось* встрѣтиться, я помогу вамъ. У меня есть знакомые *при дворѣ.*

— Я былъ бы вамъ всю жизнь обязанъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, слушайте,—сказалъ онъ, останавливаясь:—теперь уже не время, а завтра утромъ пріѣзжайте въ Вилланово и являйтесь прямо къ Дулембѣ. Скажите только, что васъ прислалъ панъ Орондатъ Тарча, меня зовутъ Тарча; я ему сегодня же напишу.

— Куда же вы такъ торопитесь?—сказалъ онъ:—Я люблю поболтать, а вы мнѣ понравились. Сядемъ-ка на эту колоду, да поговоримъ.

У дороги лежало дерево, поваленное вѣтромъ; мой пріятель пошелъ къ нему, я за нимъ, мы сѣли и онъ началъ меня экзаменовать. Въ жизни не видалъ я человѣка такого интереснаго и умѣющаго такъ скоро вызвать человѣка на самую откровенную бесѣду. Онъ такъ меня расшевелилъ, что я разсказалъ ему всю мою жизнь, все отъ доски до доски, быть можетъ, даже и слишкомъ много. Но на душѣ у меня было такъ тоскливо, что я радъ былъ найти собесѣдника.

— Сударикъ мой,—сказалъ наконецъ панъ Орондатъ Тарча,—я вижу по всему, что вы достойный кавалеръ и поздравляю короля съ тѣмъ, что онъ узнаетъ васъ въ это время. Не мѣняйте вашихъ чувствъ, положитесь на Бога, Онъ дѣлалъ чудеса побольше тѣхъ, о которыхъ вы можете просить Его. Но я тоже бывалъ при дворѣ, видѣлъ немало въ жизни и насмотрѣлся на то, какъ портятся люди. Сохраните ваше сердце простымъ, искреннимъ и правдивымъ, не подражайте фальши, даже, если увидите, что съ помощью ея люди чего нибудь достигаютъ. То благосостояніе, которое покупается цѣною совѣсти, есть дьявольское навожденіе.

Онъ всталъ съ мѣста и прибавилъ:

— Теперь вамъ пора въ городъ, не забудьте же завтра утромъ явиться къ Дулембѣ, онъ всему васъ научитъ; это мой хорошій другъ. Скажите мнѣ также ваше имя, чтобы я не забылъ его.

Онъ досталъ изъ кармана маленькую книжку и карандашъ, записалъ, что было нужно, потомъ поклонился мнѣ и, когда мы дошли до дороги, я поспѣшилъ въ городъ, а онъ, какъ показалось мнѣ въ темнотѣ, пройдя шаговъ двѣсти въ ту сторону, гдѣ стояли экипажи, сѣлъ въ какую-то повозку и поѣхалъ.

Я вернулся домой ободренный. На другой день я хотѣлъ выѣхать пораньше, пока еще не было жарко, чтобы не утомлять лошадей, и добраться хотя до какой нибудь гостиницы въ Виллановѣ. Дорога изъ Варшавы была не длинная, мы пріѣхали скоро, но о гостиницѣ и думать было нечего. Господа со свитою и со слугами располагались лагеремъ въ палаткахъ и тѣснота была такая же, какъ въ столицѣ. Домовъ множество, не знаешь, куда идти, и у каждыхъ дверей стражи и слуги придворныхъ рыцарей и иностранцевъ — безъ счета. Я былъ, какъ у вавилонской башни и имѣлъ такой жалкій видъ со своимъ слугою, что мнѣ приходилось почти краснѣть за себя. Поставивъ у какого-то забора возъ съ Гжесемъ, я собрался съ духомъ и вошелъ въ великолѣпный дворъ. Думаю себѣ: къ этому Дулембѣ не легко попасть, навѣрно, онъ у всякаго на языкѣ.

Вижу, въ лѣвомъ флигелѣ, у первыхъ дверей, стоитъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ и довольно видный, хотя не такой, какъ мой вчерашній панъ Орондатъ Тарча, заложилъ руки въ карманы и поглядываетъ. Я подошелъ прямо къ нему, поклонился и спрашиваю, а онъ и говоритъ:

— Экій носъ у васъ! Вы сразу въ цѣль попали, въ самого Дулембу. Вамъ кто нибудь показалъ.

— Нѣтъ.

— Это удивительно! Вѣдь это я и есть. А такъ какъ мой пріятель, панъ Орондатъ Тарча, хорошо отрекомендовалъ мнѣ васъ, то вы будете здѣсь, какъ у себя дома. Я знаю ваше назначеніе: вы будете состоять при его королевскомъ величествѣ и королевичѣ Якубѣ, но, до выступленія въ походъ, въ Виллановѣ останетесь только вы съ своею особою, а кони и люди, какіе у васъ есть, отправятся въ гостиницу въ Варшаву. Тамъ ихъ помѣстятъ хорошо и безопасно, не бойтесь. Гдѣ вамъ остановиться, укажетъ тотъ, кого я дамъ вамъ. Велите отнести ваши вещи, одѣньтесь получше и приходите ко мнѣ, а я самъ представлю васъ королю около полудня.

Сказано—сдѣлано. Я поблагодарилъ и пошелъ за слугою, котораго мнѣ дали въ проводники. По правдѣ сказать, на первый разъ я нашелъ не очень-то хорошую комнату; было въ *Виллановѣ* такъ тѣсно, что лучшаго для меня достать было

нельзя. Комнатка подъ чердакомъ и въ ней еще лежала куча чьихъ-то вещей, оставленныхъ передъ отъѣздомъ. Но воину, было бы куда положить голову, и то хорошо! Гжесь принесъ ведро воды, я вымылся, надѣлъ на себя все, что было лучшаго, и, около полудня, отправился къ пану Дулембѣ.

Не скажу, чтобы я былъ великолѣпенъ среди пышности королевскаго двора, но, однако, я не казался и послѣднимъ, потому что каждый видѣлъ во мнѣ воина, не заботящагося о наружномъ блескѣ. Когда я шелъ по двору, всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Дулемба осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, поправилъ что-то въ вооруженіи, такъ какъ, очевидно, самъ былъ старый воинъ и умѣлъ обращаться съ желѣзомъ.

— Идите теперь за мною,—сказалъ онъ: — вѣрно король въ саду, гдѣ мы его встрѣтимъ, тамъ я васъ ему и представлю.

Мы вошли въ садъ, о какомъ мнѣ никогда и не снилось. Вода, бьющая вверхъ, чудныя статуи, удивительныя деревья, разныя бесѣдки, а цвѣты такіе, что я насмотрѣться не могъ. Дорожки широкія, посыпанныя пескомъ и гравіемъ, а кругомъ колышутся разнообразнѣйшія деревья. Я думалъ, что въ раю не лучше этого.

Мы шли молча довольно долго, а я отъ восхищенія и языкъ потерялъ. Смотрю, по дорожкѣ идетъ прямо къ намъ мой вчерашній панъ Тарча, одѣтый почти такъ, какъ тогда, но на лицѣ у него странная улыбка. Дулемба тоже видимо удерживался, чтобы не расхохотаться. Я бросился впередъ, чтобы поздороваться. Но мой вчерашній панъ, передъ которымъ я такъ исповѣдывался, былъ самъ король Янъ III.

Я испугался и началъ извиняться, что такъ безцеремонно распустилъ вчера свой языкъ. Но онъ остановилъ меня съ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ничего тутъ нѣтъ дурного,—сказалъ онъ,—ничего. Вы отрекомендовали себя лучше, чѣмъ думаете; мы теперь уже старые знакомые, только тотъ совѣтъ, который давалъ вамъ вчера Тарча, повторитъ и король.

Во время разговора пришелъ королевичъ. Отецъ самъ представилъ меня сыну, который, очевидно, зналъ о вчерашнемъ и, смѣясь, кивалъ мнѣ головою. Послѣ этого я поцѣловалъ

руку короля и пошелъ назадъ, уже чувствуя себя, какъ дома. Вчерашняя встрѣча, о которой разсказалъ самъ король, разошлась между придворными и очень помогла мнѣ. А такъ какъ король выказалъ мнѣ свою благосклонность, всѣ лица смѣялись. Я долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ разсказывать каждому, какъ это случилось, и всѣ пророчили мнѣ большой успѣхъ. Дальше все шло, какъ по маслу. Приключеніе это разошлось по городу и меня чуть не носили на рукахъ, разспрашивая о немъ. Я слышалъ потомъ эту исторію изъ другихъ устъ и уже ее нельзя было узнать,—такъ ее прикрасили.

Уже не на шутку готовились къ войнѣ. Почти каждый день отъ Лотарингскаго герцога и отъ Любомірскаго приходили извѣстія, которыя безпокоили короля. Я могъ теперь лучше судить объ этомъ и замѣтилъ, что хотя разныя лица мѣшали и старались отклонить короля и поколебать его рѣшеніе, онъ давалъ говорить, кто что хотѣлъ, но былъ твердъ, какъ скала.

Мнѣ было мало дѣла при дворѣ, службы тамъ не было никакой. Иногда я отвозилъ въ Варшаву письмо короля или ѣздилъ со словеснымъ порученіемъ.

Въ это время я изучалъ дворъ. Я убѣдился въ томъ, что, за малыми исключеніями, люди здѣсь были очень важны на видъ, но ничтожны по содержанію. Искренности у нихъ совсѣмъ не было, а насмѣшекъ сколько угодно.

Съ королевичемъ я встрѣчался, но для насъ, маленькихъ людей, онъ не былъ доступенъ; королеву я видѣлъ только издали. Это была женщина очень красивая и уже не первой молодости. Трудно найти такого нѣжнаго мужа, какимъ былъ король для королевы Казиміры, а также такого любящаго отца, какъ онъ. Въ то время онъ былъ уже очень немолодъ и даже съ трудомъ садился на лошадь. Онъ былъ очень набоженъ и особенно чтилъ Святую Троицу, въ день которой случалось все хорошее въ его жизни.

Ко мнѣ онъ почувствовалъ съ нашей встрѣчи особую симпатію, такъ что назначилъ меня состоять при своей особѣ, взявъ меня отъ королевича. Не было дня, чтобы онъ не сказалъ мнѣ хотя нѣсколько словъ, не улыбнулся бы и не бросилъ благосклоннаго взгляда. Замѣтивъ сейчасъ же, что я былъ

не очень состоятеленъ и что передъ походомъ многаго у меня не было, онъ велѣлъ мнѣ одинъ разъ пойти за собою въ садъ и тамъ тихонько, такъ, чтобы никто этого не видѣлъ и не позавидовалъ мнѣ, собственною рукою далъ мнѣ сто золотыхъ червонцевъ; чтобы не унижать меня, онъ сказалъ, что это будетъ въ счетъ будущаго жалованья. Однако, какъ оказалось потомъ, нигдѣ это не было записано.

Эти деньги мнѣ очень пригодились, такъ какъ многаго не доставало въ моемъ вооруженіи. Купилъ я то и другое, а особенно удачно попался мнѣ конь, которому я послѣ былъ обязанъ жизнью: гнѣдой, около семи лѣтъ, созданіе, подобнаго которому я никогда не встрѣчалъ, настоящій военный конь, съ почти человѣческимъ разумомъ и сердцемъ. Я могу сказать, что онъ сталъ моимъ другомъ и благодѣтелемъ; это былъ не конь, а чудо. Я говорилъ съ нимъ и онъ понималъ меня; пускалъ его за собою и онъ шелъ, какъ собака, лизалъ меня, цѣловалъ, угадывалъ мои мысли; голодъ, холодъ и усталость онъ переносилъ такъ, что и не замѣтно было по немъ, а въ битвѣ не только не боялся, но, когда бывало разсердится, летитъ впередъ и грызетъ непріятельскихъ лошадей, точно зная свой и рыцарскій долгъ.

Я поѣхалъ разъ изъ Вилланова въ Варшаву, чтобы посмотрѣть, что сталось съ возомъ и съ лошадьми. Дорогою я думалъ: «Если бы попалась мнѣ верховая лошадь, было бы не дурно». Какъ только я остановился у моей гостиницы, бѣжитъ ко мнѣ знакомый жидокъ, тащитъ меня за рукавъ и кричитъ, что послѣ смерти Птоцкаго, который убитъ на дуэли, продаются вещи и лошади. Я пошелъ. Тамъ было много народа. Выводятъ гнѣдого, а нужно знать, что хотя онъ былъ прекрасной гнѣдой масти, онъ не казался сразу такимъ хорошимъ; это я приписываю теперь, конечно, тому, что доброе животное еще тосковало по своемъ господинѣ; конь былъ съ большимъ сердцемъ. Шелъ онъ съ опущенною головою, тяжело и невесело, но я сразу замѣтилъ, что онъ будетъ великолѣпенъ подъ сѣдломъ. Грудь широкая, ноги тонкія, лобъ красивый, глаза на выкатѣ, ноздри раздутыя, налитыя кровью, шагъ увѣренный, задъ широкій. Показался онъ мнѣ некулюжимъ, но я подумалъ, что шпоры и хорошій ѣздокъ придадутъ ему рѣзвости.

Сначала за него заломили порядочную цѣну и всѣ начали смѣяться, такъ какъ онъ былъ небольшого роста и моложе семи лѣтъ; потомъ сейчасъ же спустили цѣну. Я началъ торговаться и выторговалъ его за 300 злотыхъ, а другіе смѣялись и говорили, что я переплатилъ. Я купилъ также узду и прекрасный чепракъ, подъ которымъ онъ стоялъ. Его привели въ мою конюшню. Я сейчасъ же взялся за него самъ; велѣлъ его вымыть, вычистить, выстричь, накормилъ его и самъ за нимъ ходилъ, гладилъ его, говорилъ съ нимъ,—и черезъ нѣсколько дней онъ точно воскресъ. Я попробовалъ его подъ сѣдломъ: точно въ люлькѣ; можно было ѣхать на немъ со стаканомъ воды и не разольешь его. Въ рыси онъ подбрасывалъ, но только пока еще не разойдется; зато шагъ такой увѣренный, что онъ никогда не спотыкался: перескакивалъ заборъ или ровъ безъ всякаго труда, только свисни ему или щелкни; словомъ—не конь, а чудо!

А какъ только увидали меня на немъ раза два, просятъ: продай. Жмигродскій давалъ 500 злотыхъ, мой дальній родственникъ Мрочекъ доходилъ до 600. Но я только смѣялся. Если бы мнѣ предложили даже полторы тысячи, я бы и не взглянулъ. Такой конь — это жизнь и здоровье. Я полюбилъ его такъ, что почти одно ѣлъ и пилъ съ нимъ, ухаживалъ за нимъ, какъ за сыномъ, и назвалъ его Пиладомъ, что онъ очень скоро понялъ; бывало, я позову его издали, а онъ сейчасъ же повернетъ голову и заржетъ. Мы были въ такой дружбѣ, точно росли вмѣстѣ съ дѣтства.

Прежде, чѣмъ мы двинулись съ королемъ изъ Вилланова въ Петроково, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ случилось мнѣ, заночевавши въ Варшавѣ, возвращаться утромъ въ резиденцію. Дорогою я встрѣтился съ хорунжимъ Налынчемъ и паномъ Флоріаномъ. Они не скоро узнали меня, хотя и знали, что я былъ тамъ; я проѣхалъ мимо, слегка отвернувъ голову, но въ сердцѣ у меня закипѣло. Такъ какъ я былъ посланъ королемъ къ Денгофу и долженъ былъ отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ, то я пошелъ по возвращеніи въ садовую бесѣдку, гдѣ сидѣлъ король, занятый писаніемъ писемъ и принятіемъ рапортовъ. Пока я разговаривалъ съ королемъ, пришли панъ *Налынчъ и панъ* Флоріанъ съ какимъ-то войсковымъ дѣломъ.

Когда они увидали меня такъ близко при государѣ, у нихъ порядочно вытянулись лица. А тутъ еще, точно имъ на зло, а мнѣ на радость, король смѣялся и трепалъ меня по плечу. Они сейчасъ увидали, что я былъ въ милости.

Часа два спустя, когда я уже отдыхалъ, приходитъ ко мнѣ Пакульскій. Садится онъ и начинаетъ разсказывать разныя исторіи; хотѣлъ бѣдняга меня обойти, да самъ запутался; наконецъ, говоритъ, что согласіе прекрасная вещь, словомъ, чтобы я протянулъ руку Налынчамъ и только бы отказался отъ всякой претензіи на ихъ сестру, а они уже будутъ моими друзьями до смерти и обѣщаютъ найти мнѣ гдѣ нибудь богатую невѣсту и женить меня.

Я такъ и разсмѣялся, и должно быть смѣхъ мой былъ непріятенъ, такъ какъ Пакульскій даже вскочилъ со стула.

— Панъ Адамъ,—сказалъ я; — вы знаете старую поговорку: «не клади пальца между дверьми». Я не хотѣлъ ссориться съ Налынчами и не нуждаюсь теперь въ благосклонности и свойствѣ. Самъ Богъ меня сосваталъ, пусть онъ и женитъ меня, а промѣнивать на что либо расположеніе панны Елены—это такое скверное дѣло, что если бы я не зналъ, что вы предложили его скорѣе по глупости, чѣмъ изъ злого умысла, то я бы ободралъ вамъ уши за то, что вы осмѣлились взять на себя такое посредничество.

Пакульскій схватился за саблю. Я удержалъ его.

— Теперь не время драться,—сказалъ я, — мы съ вами оба пойдемъ на турокъ, и, если мы принесемъ въ цѣлости наши кости, я къ вашимъ услугамъ.

И такъ всѣ они ушли, не солоно хлебавши, а я остался при своемъ.

Послѣ этого всѣ мы, съ королемъ и съ дворомъ, начали двигаться къ Кракову. Первый день мы были въ Фолентѣ у пана воеводы Поморскаго, гдѣ король отдыхалъ, на третій день въ Надажинѣ, гдѣ король обѣдалъ; туда прибѣжали гонцы, донесшіе, что имперское войско, по причинѣ близости великаго визиря, отступило на островъ Шивъ. Далѣе мы прибыли въ Радзевицы, резиденцію кардинала, въ витовскій монастырь близъ Петрокова и въ Кротошинъ. Здѣсь было чему подивиться: дворецъ графа Денгофа, садъ и въ немъ такіе пруды, какіе у

насъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить; деревья, кругомъ валъ и даже рѣшетка великолѣпная и разсчитанная на эффектъ. Оттуда поѣхали мы въ Ченстохово, гдѣ король остановился и жилъ въ монастырѣ у святыхъ отцовъ, чтобы присутствовать при обѣднѣ у чудотворнаго образа, а мы какъ могли, размѣстились въ городѣ. Я не буду писать о томъ, какая была церемонія и служба передъ этимъ великимъ походомъ, какіе были сдѣланы вклады и какъ король со всѣмъ своимъ дворомъ приступилъ къ исповѣди и къ причастію, готовясь съ чистымъ сердцемъ взяться за чистое дѣло.

Сюда прибылъ Глинскій отъ гетмана Любомірскаго съ извѣстіями изъ Вѣны, что началась уже настоящая осада имперской столицы и невѣрные обложили ее со всѣхъ сторонъ. Король позвалъ къ себѣ Глинскаго и самъ его разспрашивалъ, а потомъ писалъ письма во всѣ стороны къ князьямъ и государямъ, объявляя, что немедленно идетъ на помощь и чтобы другіе тоже старались исполнить свой христіанскій долгъ.

Такъ какъ я не дурно писалъ, то мнѣ тоже давали составлять нѣкоторыя канцелярскія бумаги, передъ чѣмъ брали съ меня честное слово, что я не скажу ничего того, что дойдетъ до моихъ ушей. Но это была напрасная церемонія, такъ какъ у насъ никогда еще не случалось, чтобы не оставался въ тайнѣ какой нибудь секретъ.

Принявъ благословеніе передъ образомъ Пресвятой Богородицы и принеся торжественные обѣты, дворъ отправился, не останавливаясь, прямо къ Кракову, а войска шли впереди насъ, по двумъ дорогамъ, къ Татраскимъ горамъ въ Силезіи за двѣнадцать миль отъ Кракова.

И сколько встрѣтило насъ въ этой столицѣ народа, шляхты и духовенства, съ какимъ интересомъ смотрѣли на христіанскаго короля, какая встрѣчала его повсюду любовь, какія процессіи богослуженія, звонъ колоколовъ, рѣчи, дары и какія толпы шли за войсками! Такъ какъ я числился при дворѣ, то я остановился вмѣстѣ съ другими въ Лобзовѣ, откуда мы ѣздили въ городъ съ королемъ, главнымъ образомъ, для молитвы въ разныхъ костелахъ. Я былъ также съ королемъ, когда онъ посѣщалъ стараго ксендза Домбровскаго, своего бывшаго учителя въ коллегіи, отъ *котораго онъ* принималъ благословеніе. Разсказываютъ (я самъ

не былъ свидѣтелемъ этого), что король разспрашивалъ святого старца о томъ, чѣмъ кончится его походъ, и что Домбровскій отвѣчалъ ему, предсказывая побѣду, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ о себѣ, что онъ скоро умретъ и не доживетъ до великаго счастья. И все это случилось потомъ слово въ слово. Шестого августа король отправился на смотръ арміи полевого гетмана и видѣлъ болѣе двухъ тысячъ красивыхъ и сильныхъ людей. Главный корпусъ войска, подъ начальствомъ великаго гетмана пришелъ нѣсколькими днями позже и расположился обозомъ въ полумили отъ Лобзова.

Девятаго августа прибыли къ королю послами знатнѣйшіе силезскіе вельможи и сказали, что все въ ихъ странѣ было готово для нашихъ войскъ и собраны повозки для пѣхоты. Десятаго пошли приказы, чтобы войско двигалось и начинало отовсюду подходить къ Силезіи. Полкъ великаго канцлера шелъ изъ Живца, а остальные за нимъ. Десятаго же совершилось большое богослуженіе и благословеніе въ соборѣ, на которомъ присутствовалъ весь дворъ и въ томъ числѣ я.

Послѣ торжественной литургіи у гроба святого мученика, папскій нунцій Паллавичини благословилъ короля и всѣхъ присутствующихъ и провозгласилъ особыя индульгенціи, присланныя святымъ отцомъ для христіанскихъ рыцарей, получивъ которыя мы переполнились радости и мужества.

Въ Бендинѣ, выѣхавши изъ Кракова въ день Вознесенія, мы застали ожидавшаго насъ графа Караффа, присланнаго императоромъ Леопольдомъ, который явился съ очень кислою миною не думая, вѣроятно, что король прибудетъ во время съ помощью. Разсказывали, что, заставши маркиза Даркена, который опередилъ короля, и обѣдая съ нимъ, когда тотъ ручался, что государь ѣдетъ, онъ отвѣчалъ недовѣрчиво и съ сомнѣніемъ.

— Да, говорятъ...

Но лицо итальянца просіяло, когда мы прибыли и онъ имѣлъ счастье обѣдать съ королемъ, долго разсказывая о несчастномъ положеніи столицы и совѣтуя, какъ лучше прогнать турокъ. Я не былъ тамъ во время этого разговора, но потомъ говорили, что онъ заклиналъ и молилъ, чтобы король поторопился, если не желаетъ смотрѣть на позорныя развалины. Императоръ, уходя изъ Вѣны и не будучи въ состояніи взять съ собою безчислен-

ныя сокровища, которыя тамъ собраны, болѣе безпокоился о возможности потерять ихъ, чѣмъ о паденіи столицы.

Было уже очень пора, королева разсталась съ ними въ Татранскихъ горахъ, и мы поспѣшили.

22 августа король, отправивъ впередъ пѣхоту, поѣхалъ вмѣстѣ съ императорскими комиссарами на смотръ войска, которое было блестящее. Заранѣе всѣхъ предупредили, чтобы выступили какъ можно лучше, чтобы не осрамиться передъ чужими,—и вышло такъ, что мы и сами на себя и другіе на насъ дивовались, съ такимъ богатствомъ и пышностью шли войска. Вообще, мы замѣтили, что на господъ комиссаровъ, какъ говорили они потомъ, войско произвело большое впечатлѣніе своимъ великолѣпіемъ.

За Гливицами мы совсѣмъ отдѣлились отъ нашей арміи, оставивъ ее за собою; король взялъ двадцать легкихъ полковъ нѣсколько сотъ драгунъ и двадцать гусаровъ, которые составляли при немъ стражу и ѣхали безъ коней. Едва мы вступили въ Силезію, какъ насъ встрѣтили разныя почести, дары, рѣчи, звонъ колоколовъ, привѣтствія и тріумфы.

Вездѣ радовались по случаю нашего прибытія и всего у насъ было вдоволь—для кухни и для лошадей. Правда, по ночамъ наѣвшись до сыта и напившись часто слишкомъ въ веселой компаніи, приходилось ложиться подъ открытымъ небомъ, положивъ подъ голову сѣдло, но это ни во что не считалось. Когда выбирали гусаръ для королевской стражи, я почувствовалъ нѣкоторую досаду, увидавъ между ними Налынча, но сдѣлалъ видъ, что я не узналъ и не замѣтилъ его. Онъ сильно добивался этой чести и это было не легко, такъ какъ назначили было Порковскаго, но тотъ заболѣлъ и уступилъ ему свое мѣсто. Однако, Налынчъ не много выигралъ этимъ, такъ какъ король былъ предпрежденъ и, разговаривая съ другими, даже и не взглянулъ на него. Хорунжій приписалъ это моему вліянію, но я ни въ чемъ не былъ виноватъ, такъ какъ не имѣя обыкновенія подставлять ногу врагамъ, я всегда нападаю прямо, если мнѣ приходится это дѣлать.

Мы шли все скорѣе и скорѣе по направленію къ Опавѣ. Это былъ красивый, укрѣпленный городъ, въ которомъ мы немного *отдохнули.* Самъ король помѣстился въ ригѣ, на краю города. *Миновавъ Ратиборъ*, гдѣ насъ принимали по царски, мы отпра-

вились къ моравскимъ горамъ и дошли до Оломуна. Идти было трудно, но, несмотря на дороги, которыя были тяжелы для непривычныхъ людей и лошадей, мы не могли налюбоваться красотою мѣстности, которая была удивительно хороша.

Въ Опавѣ, какъ и на всемъ пути, короля осыпали привѣтствіями и я слышалъ, какъ онъ жаловался на эти вѣчныя торжества, для которыхъ онъ долженъ былъ одѣваться, какъ женихъ на свадьбу, и всюду въѣзжать съ помпою.

Много разъ мы падали духомъ и ободрялись, постоянно приходили къ королю гонцы, послы и письма, извѣщавшіе о движеніяхъ войска невѣрныхъ и Текели, который былъ съ нимъ за одно. То исчезали, то выростали изъ земли татары и турки, то храбрые, то трусливые; чѣмъ ближе подходили мы къ Вѣнѣ, тѣмъ были осторожнѣе, чтобы не быть какъ нибудь застигнутыми врасплохъ. Страна была чудная, а такъ какъ мы шли въ осеннее время, когда все выростаетъ и зрѣетъ, то виды были особенно прекрасны. Въ Брюнѣ моравскомъ мы были въ праздникъ, въ день Іоанна Крестителя, и присутствовали при богослуженіи, насколько позволили намъ время и силы. Самъ герцогъ Лотарингскій долженъ былъ встрѣтится съ королемъ, чтобы поторопить насъ, какъ такъ турки дѣлались все опаснѣе, а комендантъ столицы австрійской, Штарембергъ, по чти отчаявался въ благопріятномъ исходѣ. Враги подкапывались подъ городъ, дѣлали мины и угрожали городскимъ стѣнамъ. Совсѣхъ сторонъ шли войска на помощь; все подвигалось къ Вѣнѣ.

31 августа мы расположились обозомъ и только что начали ставить палатки, какъ намъ дали знать что ѣдетъ Лотарингскій герцогъ; въ то же время присоединился къ намъ полевой гетманъ, который шелъ низомъ по другой дорогѣ.

Король и герцогъ встрѣтились въ полѣ передъ войсками, вытянутыми, какъ передъ боемъ. Нашъ монархъ окружилъ себя такимъ великолѣпіемъ и былъ такъ величественъ, точно онъ родился на тронѣ. Герцогъ сошелъ съ коня на разстояніи двадцати шаговъ отъ нашего лагеря, король немного подождалъ и тоже сошелъ съ лошади; они встрѣтились очень дружелюбно и пошли вмѣстѣ къ лагерю. Я столько слышалъ объ этомъ государѣ, что удивился, когда увидѣлъ его невзрачную фигуру. Это былъ маленькій, толстенькій человѣкъ съ печальнымъ лицомъ, весь

ъ къ моравскимъ горамъ и дошли до Оломуна. Идти бы
ю, но, несмотря на дороги, которыя были тяжелы д
вычныхъ людей и лошадей, мы не могли налюбовать
тою мѣстности, которая была удивительно хороша.
ъ Опавѣ, какъ и на всемъ пути, короля осыпали привѣ:
ми и я слышалъ, какъ онъ жаловался на эти вѣчны
ества, для которыхъ онъ долженъ былъ одѣваться, как
хъ на свадьбу, и всюду въѣзжать съ помпою.
Иного разъ мы падали духомъ и ободрялись, постоянно прихо-
къ королю гонцы, послы и письма, извѣщавшіе о движе-
войска невѣрныхъ и Текели, который былъ съ ними
То исчезали, то выростали изъ земли татары и турки
рабрые, то трусливые; чѣмъ ближе подходили [illegible]
, тѣмъ были осторожнѣе, чтобы не быть [illegible]
гнутыми врасплохъ. Страна была чудная, а [illegible] ъ
ли въ осеннее время, когда все выростаетъ [illegible] тебѣ
были особенно прекрасны. Въ Брюнѣ морав[illegible], какъ
раздникъ, въ день Іоанна Крестителя, и [illegible] бы былъ
богослуженіи, насколько позволили [illegible] государя,
герцогъ Лотарингскій долженъ былъ [illegible]ться. Ты чело-
чтобы поторопить насъ, какъ такъ [illegible]ло, а ты сдѣлай
е, а комендантъ столицы австрійс[illegible]ать эти пики и
ся въ благопріятномъ исхо[illegible] Господомъ Богомъ,
одъ, [illegible]мины и угро[illegible]
горо[illegible]йска на п[illegible]аботалъ изо всѣхъ силъ,
вгу[illegible]сложи[illegible]разъ, какъ мы видались
ни[illegible] нам[illegible]разсказывать, сколько было
в[illegible]я п[illegible]оставалъ ихъ. Эти копья сослу-
[illegible]роль еще больше полюбилъ меня,
[illegible]учшимъ образомъ.
[illegible] войскѣ, что король покупаетъ на
[illegible] раздавать тѣмъ, у кого нѣтъ, явились
[illegible]аръ и даже изъ латниковъ и говорятъ
копья, вѣдь тебѣ все равно». Но я понялъ
[illegible] и то, что было бы противъ совѣсти
[illegible] было, вмѣсто того, чтобы доставить еще,
Поэтому я не согласился, хотя на меня
[illegible]олю не сказалъ объ этомъ ни слова.

изрытый оспою. Въ другой обстановкѣ его можно быть принять за войскового писаря: простое потертое платье, смятая шляпа безъ плюмажа, грязные сапоги. Съ нимъ пріѣхалъ Тальфъ, который былъ его посланникомъ въ Польшѣ и зналъ многихъ изъ нашихъ.

Наши придворные не могли надивиться и лошади и господину. у него была самая дрянная кляча, старое сплющенное сѣдло, простая уздечка и, вообще, никакой представительности. Король принялъ его очень любезно; наши въ одну минуту развели огонь. приготовили ѣду и достали вино. Государи пировали на славу. Я стоялъ тамъ, наблюдая за всѣмъ, и видѣлъ, что Тальфъ все удерживалъ отъ вина Лотарингскаго герцога, но король все-таки велѣлъ доливать бокалы, и гости немного охмѣлѣли. Такое началось веселье по случаю нашего прибытія, такъ они весело улыбались при видѣ войска и исполнились такой надежды и бодрости, что и мы ободрились. Каждую минуту раздавались въ палаткѣ виваты и тосты въ честь нашего короля, котораго называли спасителемъ и мессіею, посланнымъ отъ Бога на спасеніе христіанства.

Наконецъ, наши гости уѣхали, выразивъ живѣйшую симпатію къ королю и королевичу; перваго герцогъ называлъ отцомъ, а второго братомъ. Это было уже послѣ вина, онъ желалъ говорить по польски, но и эти простыя слова нужно было ему подсказывать.

Кто знавалъ прежде нашего короля, который началъ опускаться и нѣсколько отяжелѣлъ, теперь съ трудомъ узналъ бы его,— такъ онъ помолодѣлъ, такъ сдѣлался свѣжъ, веселъ и бодръ, и не удивительно, что чужіе были ослѣплены его величіемъ, когда даже мы, привыкшіе къ этому блеску, видѣли въ немъ другого человѣка. Онъ мѣнялся съ каждымъ днемъ. Быстрое передвиженіе, трудъ и безпокойства не только не утомляли его, но какъ будто ободряли и давали ему новыя силы. Онъ помнилъ о малѣйшей мелочи, не доѣдалъ, не досыпалъ, замучилъ людей, но самъ за то окрѣпъ.

Я никогда бы не повѣрилъ этому, если бы не видѣлъ своими глазами, какъ глубоко можетъ измѣнить человѣка великая мысль и какую можетъ придать ему силу. Лицо короля выражало *какое-то пробужденіе*, какъ будто вдохновеніе свыше.

По однимъ картамъ и описаніямъ онъ составилъ себѣ планъ

дѣйствій и, задолго до прибытія къ Вѣнѣ и до осмотра позиціи говорилъ о томъ, гдѣ онъ расположитъ лагерь, откуда будетъ атаковать непріятеля и часто заводилъ рѣчь о Каленбергѣ, такъ что всѣ удивлялись. Онъ ходилъ, говорилъ, приказывалъ, точно въ какомъ-то ясновидѣніи, не останавливаясь и не нуждаясь въ размышленіяхъ или въ поправкахъ.

Во время похода приходили разныя неожиданныя мысли, какъ бы приказанія свыше. Однажды, утромъ, я былъ въ той же палаткѣ, гдѣ онъ; вдругъ слышу, раздается его возгласъ:

— Я одинъ!... Есть тутъ кто нибудь?

Я полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Вижу, король одѣвается.

— Слушай, Мрочекъ,—сказалъ онъ: ты человѣкъ честный и уже вѣрно не промотаешь мои христіанскія деньги и не захочешь ими пользоваться. Тебѣ я могу это поручить. Видѣлъ ты, половина людей въ войскѣ идетъ безъ копій и пикъ, а запасныхъ совсѣмъ нѣтъ! Безъ этого нельзя и шагу ступить. Вотъ тебѣ деньги, мы послѣ сочтемся. Иди прямо или въ сторону, какъ хочешь, только достань мнѣ столько копій и пикъ, чтобы былъ запасъ для войска. Пусть они получать это отъ своего государя, сами они на чужой сторонѣ объ этомъ не позаботятся. Ты человѣкъ молодой и умѣлый, я поручаю тебѣ это дѣло, а ты сдѣлай все, какъ слѣдуетъ. Сколько турокъ переколятъ эти пики и копья, столько разъ ты заслужишь передъ Господомъ Богомъ, а также и передо мною.

Онъ поручилъ мнѣ это дѣло, и я работалъ изо всѣхъ силъ, а работа была не легкая! Каждый разъ, какъ мы видались съ королемъ, онъ заставлялъ меня разсказывать, сколько было припасено копій и гдѣ и какъ я доставалъ ихъ. Эти копья сослужили мнѣ большую службу; король еще больше полюбилъ меня, и дѣла мои пошли самымъ лучшимъ образомъ.

Какъ только узнали въ войскѣ, что король покупаетъ на свой счетъ копья, чтобы раздавать тѣмъ, у кого нѣтъ, явились разные господа изъ гусаръ и даже изъ латниковъ и говорятъ мнѣ: «Купи у насъ копья, вѣдь тебѣ все равно». Но я понялъ въ чемъ дѣло, а также и то, что было бы противъ совѣсти покупать то, что уже было, вмѣсто того, чтобы доставить еще, какъ хотѣлъ король. Поэтому я не согласился, хотя на меня и сердились, но королю не сказалъ объ этомъ ни слова.

Не знаю, кто и какъ разсказалъ ему эту исторію. На третій день онъ зоветъ меня къ себѣ и даетъ мнѣ кошелекъ съ деньгами.

— Возьми это отъ меня,— сказалъ онъ: — я тебя люблю! Это за тѣ копья, которыхъ ты не хотѣлъ покупать у тѣхъ молодцевъ. У тебя есть совѣсть...

Это дѣло все больше и больше сближало меня съ королемъ.

Мы пришли уже къ Тульму и начали строить мостъ для переправы, когда насъ догналъ посланный отъ королевы, привезшій письма съ родины, было такое множество и залежавшихся, и старыхъ, и новыхъ, что ихъ разносили въ корзинахъ и раздавали по полкамъ; почти каждый получилъ что-нибудь. Я тоже получилъ письмо отъ пана Яцка. Онъ не писалъ ничего особеннаго; меня поразило только то, что онъ длинно распространялся о томъ, чтобы я не вѣрилъ всякимъ слухамъ, что у насъ все по-старому.

Въ войскѣ только и было разговоровъ, что о письмахъ. У того кто нибудь умеръ, у другого родился; тотъ плакалъ, другой смѣялся, третій дѣлился чѣмъ Богъ послалъ.

Вечеромъ я пошелъ въ палатку къ своимъ землякамъ, но попалъ несчастливо. За бочкою, которая служила столомъ, сидѣлъ Налынчъ. Увидавши меня, онъ повернулся въ мою сторону. Избѣгать его было неловко. По поводу дѣла съ королевскими копьями, меня стали звать паномъ копьевщикомъ. Хорунжій сейчасъ же воскликнулъ:

— Кланяюсь пану копьевщику! кланяюсь! кланяюсь! Выпьете съ нами вина?

— Только не слишкомъ много,—сказалъ я.

Я сѣлъ съ ними. Они жужжали, какъ пчелы въ ульѣ, каждый о своемъ. Всякій вспоминалъ свой домъ, семью, друзей и родныхъ.

Битва и смерть были очень близко, многіе предчувствовали свой конецъ, а потому разговоръ былъ грустный. Много было шуму, смѣху, вздоховъ и проклятій; и всѣ мы такъ живо вспомнили свою сторону, что, можно сказать, забыли, гдѣ мы были и зачѣмъ шли, а также и то, что скоро придется подставить лбы, а, можетъ быть, сложить свои кости на чужой сторонѣ. *То тотъ, то* другой начиналъ говорить и всѣ мы внимательно *слушали. Вдругъ* громко заговорилъ хорунжій:

— У меня тоже большая радость. Мнѣ пишутъ, что дома все хорошо; особенно же радъ я тому, что мы отдаемъ сестру въ такой домъ, который не унизитъ нашего имени. Кто-то перебилъ его:

— Панна Елена выходитъ за мужъ?

— Да, — сказалъ онъ: — передъ рождественскимъ постомъ будетъ ея свадьба съ паномъ Стадницкимъ изъ Жмиграда изъ тѣхъ славныхъ Стадницкихъ, которые считаются одною изъ нашихъ первыхъ фамилій. Чего же больше желать? Она добра, хороша собою, женихъ молодой, красивый, родня самая знатная. Надо благодарить Бога за то, что намъ удалось переломить ея упрямство, а то она было послушалась старой ханжи Опольской, которая нашла и сосватала ей какого-то замарашку.

Услыхавъ это, я было не выдержалъ, но Добровольскій, который сидѣлъ около меня, удержалъ меня. Хорунжій же, видя что я молчу, продолжалъ:

— Плохо бы пришлось Налынчамъ, если бы ихъ дѣвицы шли замужъ за бездомныхъ бѣдняковъ. Я всталъ съ мѣста и крикнулъ:

— Лжешь, панъ хорунжій!

Онъ схватился за саблю, но его удержали за руки, потому что начинать ссору подъ бокомъ у короля и въ военное время было опасно.

— Лжешь, — повторилъ я, — и безчестишь такого же благороднаго шляхтича, какъ и ты. Ястребецъ то же самое, что и Налынчъ, только еще старше и лучше. Я же совсѣмъ не такой бѣднякъ и бездомный, какъ ты говоришь. Еще разъ говорю тебѣ въ глаза: лжешь! Если хочешь со мною сразиться, я готовъ, только послѣ войны, пѣшкомъ или верхомъ и какимъ угодно оружіемъ.

И я вышелъ изъ палатки, дрожа отъ гнѣва. Меня поразило то, что онъ сказалъ о Стадницкомъ, но я все-таки не повѣрилъ ему. Такъ какъ король посылалъ письмо въ Татранскія горы, откуда наши почты шли дальше черезъ разставленныхъ драбантовъ, я написалъ обо всемъ случившемся и пану Яцку, и Опольской, и Еленѣ. Я узналъ послѣ, что когда я вышелъ изъ палатки, то всѣ, какіе были тамъ Ястребцы, а ихъ вездѣ много, гдѣ только есть польская шляхта, всѣ, какъ есть, напали на

Налынча, что около десятка изъ нихъ вызвали его на дуэль, а Нововейскій поклялся, что Ястребцы будутъ до тѣхъ поръ бить его, пока не заклюютъ, какъ воробья. И такъ онъ, по своей глупости, заварилъ такую кашу, что не зналъ, какъ и расхлебать ее, такъ какъ оскорбилъ не меня одного, а цѣлый родъ.

На другой день король всталъ до свѣта. Его очень безпокоилъ мостъ, который не навели во время, зная о нашемъ приходѣ. Онъ увидалъ меня за палаткою и поманилъ къ себѣ:

— А, пожалуйте-ка сюда, — сказалъ онъ: — вы что тамъ за ссоры завели? А?

— Я, государь? — сказалъ я: — никакихъ.

— Вы что же это опять связались съ этимъ дуракомъ Налынчемъ?

Я разсказалъ все, какъ было, дословно. Король слушалъ меня.

— Государь, — заключилъ я: — что же я былъ бы за человѣкъ, если бы позволялъ кому бы то ни было порочить честь нашей крови. Притомъ я не начиналъ ссоры. Я избѣгаю Налынча и не задѣваю его, но для своего покоя, какъ бы онъ ни былъ мнѣ пріятенъ, я не могу позволять, чтобы меня оскорбляли.

— Только безъ ссоръ, — отвѣчалъ король: — когда придетъ время, вы можете драться, сколько угодно, но я думаю, что у него пройдетъ охота къ этому, потому что я тоже надеру ему уши.

— Государь, — сказалъ я: — если я заслужилъ хотя каплю расположенія вашего королевскаго величества, то я прошу и умоляю васъ не дѣлать ничего, чтобы онъ не подумалъ, будто я вамъ жаловался.

— Ну, хорошо, пусть будетъ такъ, — сказалъ король: — только помни: безъ ссоръ! Иностранцы смотрятъ на насъ со всѣхъ сторонъ, пусть лучше наше мужество и запальчивость обратятся на невѣрныхъ. Этого желаетъ самъ Богъ, Который послалъ насъ сюда.

Около моста подъ Тульмомъ, откуда оставалось всего нѣсколько миль до Вѣны, пришлось спать до тѣхъ поръ, пока не навели трехъ мостовъ для переправы всего войска, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ Дунай перерѣзанъ двумя островами. И было съ этимъ довольно хлопотъ: пятьсотъ драгунъ и полторы тысячи пѣхоты торопились строить этотъ мостъ и ихъ было не слишкомъ много. Король самъ смотрѣлъ за работами, въ то же время

начались военные совѣты и всѣ мы удивлялись ослѣпленію турокъ и великаго визиря, который могъ бы, если не остановить, то хотя задержать и отвлечь нашъ походъ, имѣя въ распоряженіи такія огромныя силы. Но онъ не послалъ впередъ ни одного человѣка и не подалъ признаковъ жизни. Въ этомъ ослѣпленіи враговъ мы видѣли Божію руку. Почти до самой Вѣны мы не видѣли непріятеля.

Говорятъ, что когда Текели далъ имъ знать о нашемъ походѣ, они не хотѣли ничему вѣрить, смѣялись и считали это обманомъ.

Во время постройки моста прибылъ къ королю изъ замка графа Ардека курфюрстъ Саксонскій. Мы очень интересовались этимъ государемъ, но онъ произвелъ на насъ мало впечатлѣнія. Онъ былъ средняго роста, довольно толстый, съ короткими, вьющимися волосами, съ большою бородою, лѣтъ около сорока. Платье на немъ было красное, съ галунами. Онъ казался очень простымъ и разсѣяннымъ человѣкомъ. Герцогъ Лотарингскій, генералъ Капраза и другіе принадлежали къ военному совѣту.

Шестого сентября мы начали переправляться черезъ Дунай: сначала главный гетманъ, потомъ остальные. Въ тотъ же день дворъ и остальное войско остановились на одномъ изъ островъ, на другомъ берегу Дуная. Мы пробыли тамъ 7 и 8 сентября, пока не переправилось все войско, за которымъ послѣдовалъ и курфюрстъ Баварскій со своими людьми.

За Дунаемъ начались высокія горы и незнакомыя дороги, по которымъ мы разошлись и разсыпались во всѣ стороны. Турки могли бы насъ всѣхъ перебить, если бы у нихъ была хотя искра разума и они бы поменьше надѣялись на своего пророка. Но правду говоритъ старая пословица, что если Богъ хочетъ наказать человѣка, то прежде всего отнимаетъ у него разумъ.

Наши войска шли ущельями почти до самой Вѣны, нигдѣ не встрѣчая невѣрныхъ. Раза два видѣли наши ихъ погоньщиковъ, спокойно пасущихъ воловъ, но они убѣгали, не показавши даже оружія. Когда шла наша пѣхота, которую велъ Денгофъ, она напала на горсть татаръ; дѣло было въ мрачной долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Наши думали, что будетъ битва, началось движеніе; но предводитель татаръ подъѣхалъ къ Денгофу, не вынимая оружія изъ ноженъ и не дотрогиваясь до

лука, и спросилъ его ломанымъ языкомъ, кто тѣ люди, которыхъ онъ ведетъ. Тотъ отвѣчалъ ему, что они принадлежатъ къ войску, которымъ предводительствуетъ самъ король. Татаринъ засмѣялся, махнулъ рукою и воскликнулъ:

— Вы думаете, будто мы не знаемъ, сколько васъ пришло съ Любомірскимъ помогать нѣмцамъ? Всего какая-нибудь горсточка.

И онъ медленно повернулъ назадъ, вовсе не думая драться. Наши тоже не нападали на него, отчасти потому, что были очень удивлены, отчасти потому, что не могли развернуться и не были приготовлены, хотя, конечно, ни одна душа не могла бы выйти оттуда.

Какъ мы шли дальше, трудно и разсказать. Насъ направляла рука Божія, такъ какъ проводниковъ доставать было трудно. Иногда дворъ такъ отставалъ отъ войска, которое разсыпалось въ горахъ, что мы не знали, въ какой сторонѣ ихъ искать, но увидимъ, бывало, изъ-за пригорка копья гусаръ и знаемъ, что они идутъ впереди насъ. Тутъ только я узналъ, что за конь былъ Пиладъ. Точно будто онъ родился въ горахъ и отлично знакомъ съ ними: не было такой тропинки, по которой бы онъ не пробрался съ такимъ умѣньемъ, точно онъ одаренъ человѣческимъ разумомъ. Я только радовался, а другіе, у которыхъ лошади падали и изранивали себѣ ноги, не могли надивиться моему коню. Я началъ пускать его вольно, бросивъ поводья, такъ какъ онъ управлялъ собою лучше, чѣмъ я; онъ, видимо, наслаждался этою свободою и начиналъ шалить: то сорветъ губами нѣсколько листьевъ, то задѣнетъ за вѣтку, а въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ ставилъ ноги такъ осторожно и разсудительно, что пріятно было на него смотрѣть. Другіе страшно бились со своими лошадьми, нѣкоторые попадали съ горъ и вывихивали себѣ шеи, а за ними летѣла и кладь. Въ одномъ мѣстѣ мы ѣхали въ чащѣ, по какой-то тропинкѣ, и пріѣхали къ узкому, глубокому оврагу, на днѣ котораго протекала рѣчка; оба берега были очень высоки, разстояніе отъ одного до другого было локтей въ пять. Всѣ остановились надъ этимъ оврагомъ, такъ какъ спуститься внизъ было невозможно: бока оврага были крутые, какъ стѣны, всѣ обросли кустарникомъ и вездѣ торчали тернОвникъ и сухія вѣтки. Всѣ начали поворачивать влѣво и вправо

и искать болѣе удобныхъ мѣстъ. Я подъѣхалъ къ самому краю обрыва и не зналъ, что дѣлать, пустилъ вожжи и смотрю, какъ другіе, ворча, разсыпались въ разныя стороны. Не успѣлъ я оглянуться, какъ конь подобралъ ноги, вытянулъ шею, да какъ прыгнетъ,—такъ я и очутился па другомъ берегу, только камни и песокъ посыпались. Скажу откровенно, что этотъ неожиданный скачекъ чуть не вышибъ меня изъ сѣдла, хорошо, что у меня не было вожжей, а то я бы рванулся и тогда конецъ: оба мы полетѣли бы въ оврагъ.

Всѣ заговорили въ одинъ голосъ, что во всемъ войскѣ не было коня, равнаго Пиладу.

Но не время было разговаривать о коняхъ теперь, когда всѣ мысли были заняты близкою борьбою съ непріятелемъ, результатомъ нашего похода и нашимъ тяжелымъ положеніемъ. Можно сказать, что одинъ король не упалъ духомъ и не потерялъ своей бодрости, которая росла въ немъ съ каждымъ часомъ. Онъ сильно похудѣлъ и въ тѣлѣ, и въ лицѣ, но глаза его горѣли юношескимъ огнемъ. Никто изъ насъ не могъ съ нимъ тягаться. Я часто спалъ у его палатки и стоялъ у дверей, ожидая, что я могу быть нуженъ, и помню, какъ я съ трудомъ удерживался отъ сна, а король не смыкалъ глазъ и совсѣмъ не казался усталымъ. Отъ него шли во всѣ стороны приказы, такъ какъ при немъ, какъ при главномъ вождѣ, состояли люди, назначенные ординарцами отъ всѣхъ войскъ; много времени отнимали письма и распоряженія, а также безпрестанныя посѣщенія государей, графовъ, вождей и всякихъ иностранцевъ, волонтеровъ и кавалеровъ, жаждущихъ получить военную славу и поучиться рыцарской наукѣ при такомъ великомъ вождѣ. Однажды, еще прежде, чѣмъ мы прошли эти несчастныя горы, разнесся слухъ, что ѣдетъ самъ императоръ, чтобы привѣтствовать нашего короля; но это было, очевидно, сочинено только для того, чтобы показать его готовность дѣйствовать, а на самомъ дѣлѣ онъ боялся двинуться съ мѣста, да и не зачѣмъ было ему это дѣлать, онъ бы ничего не могъ измѣнить и только бы помѣшалъ бы намъ. Прибавилось бы съ нимъ церемоній и народа, пришлось за нимъ ухаживать, а самое дѣло только бы проиграло отъ этого.

Съ ужаснымъ трудомъ взобралися мы на гору Балемберъ

при неслыханномъ вѣтрѣ, который дулъ намъ прямо въ лицо, такъ что мѣстами людямъ трудно было удержаться на лошадяхъ. А такъ какъ мы уже приближались къ тому мѣсту, гдѣ, должна была рѣшиться наша судьба, гдѣ были несмѣтныя силы невѣрныхъ, то мы на каждомъ шагу и почти нечаянно забирали плѣнныхъ и бродягъ изъ турецкаго войска, а также ихъ скотъ и лошадей. Мы узнали отъ татаръ только то, что про насъ ничего и не подозрѣвали. Больше всего боялся король того, что турки отступятъ прежде, чѣмъ мы придемъ и попробуемъ на нихъ наши сабли. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ визирь особенно желалъ взять городъ и вѣрилъ въ свои силы, какъ будто никто въ мірѣ не можетъ его побѣдить.

Передъ тѣмъ, какъ подниматься на послѣднюю гору, король остановился и отдохнулъ у ея подножія. Насъ увѣряли, что мы прошли уже всѣ трудныя мѣста и что отъ вершины Калемберга до самой Вѣны войско можетъ легко и удобно спуститься по отлогому холму между виноградниками. Но и это оказалось потомъ невѣрнымъ.

Наше войско пошло направо, а швабы, саксонцы, баварцы и другіе — налѣво; къ ночи открылся передъ нами видъ на весь городъ и на лагерь визиря, который раскинулся страшно далеко и казался намъ другимъ городомъ. Тамъ, среди пестрыхъ шатровъ и палатокъ, виднѣлись золотые полумѣсяцы, великолѣпныя украшенія и множество знаменъ. Все это лежало у насъ подъ ногами, какъ муравейникъ, такихъ громадныхъ размѣровъ, что когда мы сосчитали, сколько могло быть тамъ людей, то даже ужаснулись. Король горѣлъ такимъ нетерпѣніемъ, что только тогда и вздохнулъ свободно, когда увидалъ это зрѣлище; онъ остановился, какъ вкопаный, и, казалось, молился въ душѣ. Съ нимъ говорили, онъ не отвѣчалъ на вопросы. Онъ стоялъ долго, потомъ, точно очнувшись отъ сна, сказалъ гетману:

— Насъ обманули. Никто не говорилъ намъ прежде объ этой горѣ направо, а спускъ гораздо хуже, чѣмъ разсказывали. Придется измѣнять весь боевой порядокъ.

Потомъ онъ осѣнилъ сверху крестнымъ знаменіемъ всѣ свои безчисленныя войска и повернулъ коня.

Наше войско разсыпалось по лѣсамъ на добрыя полмили,

такъ какъ идти можно было только по тропинкамъ, Король велѣлъ разбить свой шатеръ на открытомъ мѣстѣ, съ правой стороны, у самаго края; съ нимъ была пѣхота. Полки окружили, какъ лагерь, лошадьми и повозками и поставили тутъ же нѣсколько пушекъ, которыя пришли во время. Конница, драгуны, гусары, латники и «пятигорцы» размѣстились въ лѣсу, какъ кто могъ, разсчитывая какъ бы на насъ не напали при такомъ безпорядкѣ.

Король не могъ успокоиться до поздней ночи. Онъ осматривалъ мѣстность, посылалъ приказы и все повторялъ:

— Ну, что за славные турки, какъ они насъ поддержали! Я только того и боялся, что они уйдутъ отъ меня. Благодарю Бога, что онъ удержалъ ихъ.

Вѣрно, немногіе заснули въ эту ночь, такъ какъ почти все время стрѣляли изъ пушекъ и трескъ и гулъ были страшные; нѣкоторые, несмотря на усталость, не могли спать отъ любопытства и безпокойства о завтрашнемъ днѣ. Сначала въ лагерѣ было мало огней, изъ опасенія, чтобы насъ не открыли до времени, но ночью король велѣлъ нарубить дровъ и сложить нѣсколько большихъ костровъ, чтобы они были видны изъ Вѣны и ободрили осажденныхъ. У этихъ огней наканунѣ битвы разыгралось много такихъ сценъ, которыя и описать трудно. Натуры и характеры людей разнообразны и никогда это не выражается такъ ясно, какъ въ такія минуты, когда люди выходятъ изъ рамокъ обыденной жизни, менѣе наблюдаютъ за собою и держатъ себя вольнѣе. Такъ и здѣсь, передъ великою битвою, выразились всевозможные характеры. Всѣ по-своему предсказывали, угадывали, мечтали и готовились къ наступающему дню.

Меня король послалъ на развѣдку и приказалъ, чтобы я медленно объѣхалъ весь лагерь, разузналъ объ общемъ настроеніи и отдалъ отчетъ о томъ, что дѣлается въ войскѣ, какъ себя чувствуютъ и на что надѣются воины. Я провелъ почти всю ночь, разъѣзжая отъ одного костра къ другому и ободряя воиновъ: съ одними смѣялся, съ другими ссорился. Никогда не забуду я этой ночи на Калембергѣ. Молодежь, по обыкновенію, горячилась, болѣе отважные люди не довѣряли и задумывались, вообще же духъ былъ самый лучшій, но онъ исхо-

дилъ отъ короля. Всѣ видѣли, какъ онъ шелъ и какимъ торжествомъ сіяло его лицо.

Здѣсь я долженъ разсказать то, чему мало кто вѣритъ, хотя я видѣлъ это своими глазами такъ же, какъ и многіе въ войскѣ; это чудесный случай. Когда мы входили въ моравскія горы, надъ тою группою, гдѣ былъ и я при особѣ короля, поднялся огромный орелъ; онъ взлетѣлъ невысоко и провожалъ насъ до самаго Калемберга, то поднимаясь, то опускаясь, описывая круги почти надъ самою головою короля. Объ этомъ тоже немало говорили у костровъ. Много было разговоровъ, шутокъ, смѣха и закладовъ. Я подъѣхалъ къ одной группѣ, гдѣ былъ Снятынскій, изъ полка князя-воеводы, воинъ, какихъ мало, уже старый воробей. Онъ пекъ себѣ какую-то птичку, ощипавъ ее, и надѣвъ на прутъ боярышника, а самъ былъ мрачнѣе ночи. Мы поздоровались.

— Что вы блуждаете, какъ призракъ?—спросилъ онъ меня.

— Съ королевскимъ приказомъ.

— Это другое дѣло.

— Что это вы, какъ будто, не въ своей тарелкѣ? Какая-нибудь непріятность?

— Что мнѣ дѣлается,—сказалъ онъ со смѣхомъ:—кожа здоровая, не болитъ, кости тоже твердыя, мяса у меня нѣтъ, а душа привыкла къ опасностямъ.

— Такъ что же вы такъ задумались?

— Нѣтъ, я только передъ битвою самъ себѣ исповѣдуюсь, а это не можетъ быть особенно весело, когда переберешь всю свою жизнь да вспомнишь, сколько осталось за тобою труповъ.

На другой день Святынскаго уже не было въ живыхъ. Я поѣхалъ дальше. Однихъ я засталъ за молитвою, другихъ просто за разговорами, и много было шума и смѣха. У одного изъ костровъ были связанные турки, которымъ дали въ насмѣшку свинины и напоили ихъ виномъ, и они съ непривычки сейчасъ же опьянѣли.

Я доѣхалъ уже почти до нѣмцевъ, когда прибѣжалъ ко мнѣ Луковскій, говоря, что кто-то желаетъ со мною говорить. Подъѣзжаю, вижу, сидитъ на плохой лошаденкѣ не то татаринъ, *не то нашъ* пастухъ, съ загорѣлымъ лицомъ, и говоритъ мнѣ, *что-то ломанымъ* языкомъ, какъ будто по-польски, но такъ

неясно, что я ничего не могу понять. Я подъѣхалъ ближе, онъ показалъ мнѣ знакомъ, что ему нужно поговорить со мною наединѣ.

— А что у васъ за особенная любовь ко мнѣ? Развѣ вы меня знаете?—спросилъ я.

— Вѣдь вы изъ придворныхъ, отъ короля?—сказалъ онъ.

— Да, отъ короля. А вамъ что нужно?

— Поговорить.

Языкъ у него какъ-то развязался и онъ началъ говорить гораздо лучше. Я подумалъ: „Пусть ѣдетъ!“ и говорю ему:

— Ступайте за мною.

И мы поѣхали назадъ къ королевскимъ шатрамъ, пробираясь черезъ кусты мимо костровъ. Я велъ его, какъ какого-нибудь плѣнника, а такъ какъ онъ былъ похожъ на чорта, то всѣ на него смотрѣли съ удивленіемъ. Наконецъ, мы добрались до шатровъ; я сошелъ съ коня и отдалъ его Гжесю, чтобы идти къ королю, и опять спросилъ своего спутника, чего онъ хочетъ. Онъ опять свое:

— Къ королю.

— Стой же,—сказалъ я,—и жди. А какъ мнѣ доложить о тебѣ?

Онъ подошелъ ко мнѣ такъ близко, точно хотѣлъ откусить у меня ухо, и зашепталъ:

— Скажите, отъ хана, отъ хана, мирзы Махмедъ-Абдула. Король меня знаетъ. Скажите ему, что я былъ подъ Хотиномъ.

Тогда я пошелъ въ шатеръ. Только-что кончился послѣдній военный совѣтъ. Я засталъ короля въ раздумьи надъ картою, но не печальнаго, а, напротивъ, бодраго. Онъ обернулся въ мою сторону.

— Ну, что?

Я началъ разсказывать все, что я видѣлъ и слышалъ, и, наконецъ, заговорилъ о татаринѣ. Король такъ и вздрогнулъ.

— Гдѣ онъ?

— У шатра.

Онъ минуту подумалъ.

— Давай мнѣ его сюда.

Я пошелъ къ татарину и привелъ его. Никого не было, король велѣлъ мнѣ стать у дверей.

— Слушай,—сказалъ онъ,—что-бы съ тобою ни дѣлали, не разсказывай того, что здѣсь будетъ. Понимаешь?

Мнѣ не нужно было повторять это два раза. Мирза вошелъ съ поклономъ, молча, смотря на короля, какъ на солнце; король долго и пристально смотрѣлъ на него.

— Вы что здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ, наконецъ, какъ бы оправившись отъ волненія, которое выражалось на его лицѣ.

Татаринъ стоялъ, опустивши голову, и смотрѣлъ исподлобья съ недобрымъ видомъ. Онъ заговорилъ съ трудомъ, но потомъ разошелся и говорилъ по-польски все свободнѣе и свободнѣе.

— Мы должны помогать своимъ, — сказалъ онъ, — мы идемъ съ Кара-Мустафою за знаменемъ пророка. Я скорѣе могу спросить васъ, король: что вы здѣсь дѣлаете? Вѣдь это не ваша земля.

— Это дѣло нашего Бога,—отвѣтилъ король,—онъ послалъ меня сюда.

Татаринъ замолкъ на минуту.

— Такъ и мы должны встрѣтиться съ вами? — спросилъ онъ: — мы, старые враги и старые друзья ваши? Давно уже многіе изъ нашихъ братьевъ поселились въ вашей землѣ и имъ хорошо у васъ. Вы были съ ними гостепріимны, какъ братья. Мы должны съ вами драться, но не рады этому. Вы даете намъ подарки и мы спокойны за вашими границами. Зачѣмъ же наша и ваша кровь будетъ литься изъ-за чужого спора?

Король молчалъ. Спустя минуту, онъ заговорилъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Приближается часъ, когда рука Божія разсудитъ насъ съ вами. Не время говорить. Зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Я пришелъ къ вамъ такъ, какъ я приходилъ подъ Хотиномъ, съ протянутою рукою, — сказалъ татаринъ, — мы не хотимъ и не будемъ съ вами биться. Ханъ присылаетъ меня привѣтствовать васъ и сказать: миръ вамъ! Не нападайте на насъ и мы отступимъ безъ боя.

— Ты хочешь, чтобы я вѣрилъ тебѣ?—спросилъ король:— *а что мнѣ порукою*, что слова твои не обманъ?

— Вы увидите сами, великій король, — сказалъ мирза: — мы не пойдемъ на васъ. Ханъ знаетъ, что васъ ведетъ сюда Божія рука, что вы сильнѣйшій волшебникъ, чѣмъ мы. Онъ не хочетъ бороться и напрасно проливать кровь. Я пришелъ со словами мира и покоя. Я такой же посолъ, какимъ былъ уже разъ, помните?

Король на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Сдѣлайте такъ, какъ вы обѣщали, и ваши братья будутъ у насъ, какъ въ родительскомъ домѣ; я дамъ имъ привилегіи и льготы... Ты не уйдешь отъ меня безъ дара.

Король взялъ изъ сундука, который стоялъ въ шатрѣ, кошелекъ съ золотомъ и собственноручно отдалъ татарину, говоря:

— Это знакъ того, что и я посылаю васъ къ хану со словами мира и покоя. Вотъ этотъ человѣкъ проведетъ васъ, — прибавилъ онъ, указавъ на меня.

Татаринъ поклонился.

— Не нужно, — сказалъ онъ: — я нашелъ сюда дорогу среди вашего лагеря, пройду и назадъ, несмотря на ночь. Да благословитъ Богъ всѣхъ добрыхъ людей!

Сказавши это, онъ еще разъ поклонился и вышелъ.

Я стоялъ, какъ окаменѣлый. Король сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я проводилъ его. Я пошелъ за нимъ въ слѣдъ, но онъ у самаго шатра исчезъ въ темнотѣ, какъ въ пропасти, и я больше не видѣлъ его. Тогда я вернулся къ королю. Онъ уже молился передъ образомъ Божіей Матери. Минуту спустя, онъ всталъ съ веселымъ лицомъ.

— Молчи же у меня, — сказалъ онъ тихо: — не вѣрю я этимъ татарскимъ обѣщаніямъ, но отказать ему было нельзя. Если есть кто, чтобы смѣнить тебя, пойди, отдохни, завтра будетъ тяжелая и длинная работа, а ты и такъ усталъ.

Я ушелъ, только не спать, потому что спать мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Въ полдень я немного отдохнулъ и могъ теперь всю ночь провести безъ сна, какъ я положилъ себѣ. Я пошелъ къ своимъ туда, гдѣ были придворные, но тамъ почти всѣ спали. Нѣсколько отчаянныхъ еще играли въ кости, другіе разговаривали о разныхъ походахъ на турокъ и о томъ, какъ съ ними справляться.

Какъ только я показался, меня встрѣтилъ панъ Григорій Шамовскій, схватилъ меня за рукавъ и воскликнулъ:

— Хорошо, что я тебя поймалъ, мнѣ тебя нужно, иди со мною.

Мы, молча, пошли къ кострамъ. Вдругъ я увидѣлъ Налынча, который сидѣлъ съ кубкомъ въ рукахъ. Я хотѣлъ уйти, но Шамовскій удержалъ меня.

— Завтра, — сказалъ онъ: — будетъ игра на жизнь и на смерть, не одному изъ насъ придется сложить свою голову. Не хорошо идти на судъ Божій, не примирившись съ врагами. Вы съ Налычемъ должны подать другъ другу руки. Иначе нельзя.

— Я не ссорился и не хочу мириться,—сказалъ я.—Много я перенесъ отъ него и терплю молча. Вы не можете требовать отъ меня большей покорности.

— Онъ самъ первый подастъ тебѣ руку и помирится съ тобою,—сказалъ Шамовскій,—только ни слова о паннѣ.

Едва онъ сказалъ это, вижу, идетъ ко мнѣ панъ хорунжій съ паномъ Флоріаномъ и кричитъ издали:

— Панъ Мрочекъ, будетъ намъ ссориться! Завтра, можетъ быть, одинъ изъ насъ увидитъ Святую Троицу: вѣдь пули летаютъ во время битвы, не разбирая дороги. Подадимъ же другъ другу руки по-дворянски и по-братски и отложимъ споръ на болѣе спокойныя времена.

Онъ протянулъ мнѣ руку и я не могъ отказать ему въ своей.

— Выпьемъ на миръ!

— Только не изъ большого кубка,—сказалъ я.

Они засмѣялись. Панъ Флоріанъ досталъ серебряный кубокъ, который онъ всегда носилъ съ собою, и мы выпили. Послѣ этого я съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ къ королевскому шатру. Скоро начало свѣтать. Лагерь, который немного затихъ передъ утромъ, сталъ просыпаться и приходить въ движеніе.

Я не знаю, спалъ ли король въ эту ночь. Утромъ былъ опять военный совѣтъ, явились государи и вожди, а такъ какъ по тѣмъ картамъ, которые присылались прежде, король составилъ себѣ невѣрное понятіе о мѣстности, то пришлось измѣнять весь боевой порядокъ и весь планъ компаніи. Такъ какъ спускъ съ Калемберга между виноградниками и оврагами былъ *гораздо труднѣе*, чѣмъ мы думали сначала, склонъ гораздо

круче, чѣмъ намъ говорили, а дорога представляла множество препятствій, то король рѣшилъ, что въ продолженіе трехъ дней войско будетъ подходить къ главной турецкой арміи, а только на третій день можно дать рѣшительное сраженіе. Онъ обозначилъ на картѣ тѣ мѣста, до которыхъ слѣдовало доходить каждый день. Такъ рѣшили люди, но Богъ устроилъ все это лучше.

По прежней мысли короля мы должны были цѣлыми полками врываться въ ряды непріятеля, теперь же рѣшено было уничтожать ихъ небольшими частями, брать посты, выбивать ихъ изъ позицій.

Почти все наше войско, исключая мальтійскаго рыцаря Любомірскаго, занимало правое крыло, огибая издали большимъ полукружіемъ все поле, чтобы защищаться сбоку отъ нападенія татаръ, такъ какъ король нисколько не довѣрялъ ихъ обѣщаніямъ. Герцогъ Лотарингскій сталъ съ противоположной стороны, отъ лѣваго крыла къ Дунаю, занимая гору Калембергъ и прилежащіе холмы; находясь ближе всего къ непріятелю, онъ долженъ былъ первый напасть на него. Курфюрстъ Саксонскій былъ направо отъ герцога Лотарингскаго, Баварскій рядомъ съ нимъ, тоже направо, всѣ государи были близко другъ отъ друга, находясь во главѣ своихъ войскъ. Утромъ войска начали строиться. Король уже былъ на ногахъ и распоряжался, а въ свободныя минуты молился и съ утра ничего не ѣлъ, такъ какъ рѣшилъ исповѣдаться и причаститься передъ битвою. Неподалеку отъ насъ была небольшая часовня св. Леопольда, гдѣ долженъ былъ отслужить для насъ обѣдню съ благословеніемъ итальянскій монахъ Маркъ Авіано, благочестивый и почти святой человѣкъ, про котораго ходили слухи, что онъ творитъ чудеса.

Когда король вошелъ въ часовню, кто только могъ, прошли вмѣстѣ съ нимъ; другіе стояли за дверями съ не покрытыми головами, такъ какъ почти ни для кого не было мѣста внутри часовни. Капелланъ и другія духовныя лица также служили обѣдню по полкамъ на алтаряхъ, наскоро сдѣланныхъ для войскъ изъ дерна и пней; иностранцы немало дивились тому, что всѣ мы, до послѣдняго слуги, были такъ набожны.

Когда король и графъ Молини исповѣдались въ часовнѣ,

вышелъ монахъ съ дарами, читая молитву, послѣ которой всѣ мы приняли причастіе изъ рукъ святого старца. Потомъ онъ благословилъ насъ на битву и произнесъ латинскую рѣчь, обращенную къ намъ и королю. Я запомнилъ только его послѣднія слова:

— Si habetis confidentiam in Deo, obtinebitis victoriam. (Если вы уповаете на Бога, вы побѣдите).

Святой человѣкъ преклонилъ колѣни, а потомъ распростерся крестомъ и молился, а когда пришло время идти на враговъ, онъ взялъ въ руки распятіе и пошелъ впереди насъ такъ мужественно и спокойно, точно онъ былъ въ церкви, а не на полѣ битвы.

Возвратившись изъ часовни св. Леопольда, король, который со вчерашняго дня не взялъ въ ротъ даже и капли воды и нуждался въ силахъ, сѣлъ въ шатрѣ, который поставили для него почти въ серединѣ войскъ, и спокойно пообѣдалъ. Когда онъ всталъ изъ-за стола, было часовъ одиннадцать. Король надѣлъ въ этотъ день нарядный голубой суконный кунтушъ на бѣлой шелковой подкладкѣ; конь подъ нимъ былъ буланой масти, красивый и выносливый, съ увѣреннымъ шагомъ и очень сильный, такъ какъ тяжесть на немъ была не малая. Кромѣ Пилада, который былъ не конь, а другъ, и одаренъ человѣческимъ разумомъ, во всемъ войскѣ не было ему равнаго. Онъ шелъ подъ королемъ до самой ночи по самымъ дурнымъ дорогамъ и ни разу не споткнулся. Рядомъ съ королемъ, немного впереди его, ѣхалъ оруженосецъ со щитомъ, на которомъ изображенъ былъ гербъ Янины, и хорунжій со знаменемъ, къ которому былъ прикрѣпленъ, въ знакъ королевскаго достоинства, пукъ соколиныхъ перьевъ. Королевичъ Якубъ тоже одѣтъ былъ по-рыцарски, въ легкій шлемъ и прекрасныя латы, со шпагою на боку. Мы привязали также къ его сѣдлу короткую и широкую саблю, такъ какъ если бы ему пришлось самому защищаться, онъ бы не справился со шпагою.

Такъ какъ мы считали битву величайшимъ торжествомъ, то каждый изъ насъ взялъ все, что у него было лучшаго изъ платья, рыцарскаго вооруженія, конской сбруи и оружія и явился въ самомъ блестящемъ видѣ. Я не замѣтилъ этого *обычая въ нѣмецкихъ* полкахъ, но у насъ велось споконъ вѣка

и передавалось по традиціи отъ отца къ сыну, что нужно идти на битву съ такою же торжественностью, какъ въ церковь. И все въ этотъ день совершилось торжественно, начиная съ обѣдни, благословенія и духовныхъ пѣсней, которыя раздавались во всѣхъ полкахъ, кромѣ иностранныхъ, и кончая шествіемъ и встрѣчею съ врагами, которую мы считали священнымъ долгомъ и шли съ сердцемъ, обращеннымъ къ Богу, исполненнымъ сознанія праваго дѣла.

Когда все было готово, все войско двинулось впередъ съ громкимъ крикомъ, призывая имя Бога. Въ серединѣ находился самъ король, которому императоръ поручилъ предводительство, отдавши приказъ по войскамъ, чтобы его приказанія свято исполнялись. Герцогъ Лотарингскій прислалъ въ свиту короля многихъ изъ своего войска, чтобы было кого разсылать съ приказами. Пушки у насъ были небольшія и ихъ было мало, поэтому хотя изъ нихъ и стрѣляли съ горы, но ядра не долетали до турокъ или не дѣлали имъ почти никакого вреда.

Когда король садился на коня, я былъ при немъ, и видѣлъ своими глазами, какъ онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія и жажды боя. Лицо его улыбалось и сіяло весельемъ, точно онъ шелъ на великій пиръ. Сверху былъ виденъ весь боевой порядокъ.

Турки почти не двигались и, точно не замѣчая насъ, все отчаяннѣе и сильнѣе ломились въ городъ. Они только заняли съ вечера самую подошву горъ подъ замкомъ: въ десять часовъ вечера около 12 тысячъ человѣкъ помѣстилось въ глубокой лощинѣ такъ, что мы видѣли изъ-за горы только верхушки ихъ знаменъ.

Съ утра уже начались на лѣвомъ крылѣ легкія стычки, какъ бы для пробы, но съ перемѣннымъ счастьемъ. Противъ турокъ выступили сабаутскіе гусары, часть саксонцевъ и нашъ отрядъ подъ начальствомъ мальтійскаго рыцаря Любомірскаго. Были уже горячія схватки передъ тѣмъ, какъ мы вступили въ битву, а полковникъ изъ полка Любомірскаго, нѣкій Кинскій, получилъ такой ужасный ударъ по головѣ, что черезъ три дня отдалъ Богу душу отдалъ; его не защитила даже подкова, которую онъ съ утра положилъ въ свою шапку.

Турки сначала обманывали нѣмцевъ тѣмъ, что нападали спѣшившись и, давши залпъ, снова садились на лошадей; это

нѣмцы принимали за бѣгство и бросались прямо на нихъ, въ самую гущу, а тѣ окружали ихъ и рубили такъ, что почти ни одного не оставалось въ живыхъ.

Когда мы съ нашимъ королемъ сѣли на лошадей, битва на лѣвомъ крылѣ была уже въ полномъ разгарѣ и началась такая скачка по горамъ, долинамъ и оврагамъ, что сердце прыгало. Такъ и подмывало ворваться въ ряды сражающихся, схватить саблю и погулять вмѣстѣ съ ними, но долгъ держалъ насъ на мѣстѣ.

Турки засѣли вездѣ: между виноградниками, за оградами, въ оврагахъ и долинахъ. Не вездѣ было легко выбить ихъ изъ позиціи и это стоило намъ много крови, но мы спускались внизъ и падали на нихъ сверху, какъ градъ, всею своею тяжестью.

Почти въ самомъ началѣ битвы насъ поразилъ печальный случай, который могъ бы служить очень плохимъ предзнаменованіемъ, если бы не наша бодрость и надежда на Бога. Молодой галиційскій староста, рыцарь по призванію, уже испытаннаго мужества и знаменитый въ своемъ отечествѣ, предводительствовалъ гусарскимъ полкомъ своего отца, краковскаго кастеляна Андрея Потоцкаго. Мы знали его всѣ, какъ человѣка съ прекрасною душою, какъ славнаго рыцаря, которому пророчили гетманскую булаву, такъ какъ для Потоцкихъ это было уже не новость. Это былъ тотъ самый, который много путешествовалъ и, возвращаясь изъ Италіи во Фландрію, попалъ на корабль съ порохомъ, взлетѣвшій на воздухъ недалеко отъ города Брюсселя, и почти чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти и былъ выброшенъ цѣлымъ и невредимымъ на рѣчной островокъ; ему покровительствовалъ, вѣроятно, св. Винцентъ, мощи котораго пожертвовалъ ему въ Римѣ папа. Онъ увлекался въ битвѣ и не обращалъ вниманія ни на какія опасности. Гусарскій полкъ попалъ въ страшную сѣчу; много славныхъ рыцарей легло на полѣ битвы, и самъ Потоцкій, несмотря на желѣзную кольчугу, которою онъ былъ покрытъ, былъ пронзенъ насквозь вражескою пулею. Его бездыханный трупъ нашли потомъ въ виноградникѣ, отвезли къ несчастному отцу и погребли въ Станиславовѣ.

Когда донесли объ этомъ несчастьи, король даже запла

калъ, потому что любилъ Потоцкаго, какъ сына, и зналъ, какое это будетъ горе для краковскаго кастеляна; но это нисколько не поколебало мужества и надежды на Бога. Мы шли все впередъ и спускались внизъ, когда пришло другое извѣстіе, что недавно посланный королемъ придворный казначей Моджевскій былъ тоже убитъ пулею, когда проѣзжалъ по линіи съ королевскими приказами.

Такими роковыми ударами начался этотъ день, точно Господь Богъ хотѣлъ испытать нашу твердость; но, несмотря на горесть, и король, и монахъ Маркъ Авіано все торопили насъ, чтобы мы дошли до того мѣста, гдѣ, по мысли короля, мы должны были расположиться лагеремъ. Спускаясь съ горъ, увидали мы, наконецъ, всю армію Кара-Мустафы; людей тамъ была такая масса, что хотя мы и занимали значительное пространство, но казались передъ ними горсточкою. На самомъ краю лагеря стояли главныя турецкія силы, хотя другія войска не переставали штурмовать городъ.

Съ самаго утра въ этотъ день былъ такой страшный жаръ, какого никто не запомнитъ въ это время; солнце жгло, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, такъ что намъ казалось, будто шлемы горятъ на головахъ, потъ лился градомъ съ коней и съ людей и нечѣмъ было освѣжиться и утолить жажду. Въ то время, какъ мы шли подъ этимъ пекломъ, какъ въ раскаленной печи, король сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я приблизился, и показалъ на гусаръ направо, стоящихъ у холма.

— Ради Бога,—закричалъ онъ:—скачи къ нимъ и скажи, чтобы они скорѣе взяли этотъ холмъ и вышвырнули изъ норы эту сволочь.

Внизу притаилась горсть турокъ.

Я пришпорилъ Пилада, который дѣлалъ въ этотъ день чудеса и поскакалъ. Но спускъ былъ такой крутой, что я думалъ сначала, что упадетъ конь, а потомъ, что я самъ упаду ему на голову. Я ложился на его спину, чтобы удержаться на сѣдлѣ. Тамъ, гдѣ я въ другой разъ едва рѣшился бы ѣхать шагомъ, приходилось летѣть вскачь. Тяжесть ѣздока и вооруженія, казалось, давили коня, но мой несравненный Пиладъ избавлялъ меня отъ всякой опасности, я только крестился, а онъ дѣлалъ свое. Я влетѣлъ въ третій рядъ гусаровъ, но не

могъ удержаться и проскакалъ до перваго. Я очутился вмѣстѣ съ ними, а они, не дожидаясь приказанія, бросились на турокъ въ самую середину отряда и порядочно ихъ потѣснили. Я не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, сердце во мнѣ закипѣло и я пустился вскачь вмѣстѣ съ другими туда, гдѣ мелькали кафтаны и чалмы. Выхвативъ саблю, я сдѣлалъ ею въ воздухѣ крестъ и давай рубить безъ оглядки направо и налѣво. А конь мой, почуявъ эту потѣху, тоже началъ грызть и хватать что ни попало. Какой-то турокъ громаднаго роста, въ красномъ кафтанѣ, засучивъ рукава, съ запаснымъ ножомъ въ зубахъ, скачетъ прямо на меня, я тоже на него. Я размахнулся такъ, что свиснуло въ воздухѣ, но онъ согнулся на сѣдлѣ и легъ, точно его и не было на лошади, а потомъ вдругъ неожиданно поднялся и подскочилъ ко мнѣ совсѣмъ близко, такъ что я не успѣлъ къ этому приготовиться.

Я отклонился въ сторону и думаю: «Ну, сейчасъ мнѣ конецъ»! Въ эту минуту Пиладъ наскочилъ на турка, схватилъ его зубами за горло и такъ стиснулъ, что у того сабля вывалилась изъ рукъ и самъ онъ полетѣлъ на землю. Такъ спасло меня отъ неминуемой смерти это умное, привязчивое животное своимъ мужествомъ и ловкостью. Я не имѣлъ времени долго стоять надъ трупомъ, хотя это былъ, должно быть, крупный начальникъ; я только слѣзъ и пошарилъ немного его бока и не даромъ, такъ какъ нашелъ у него за пазухою порядочный кошелекъ и большіе золотые часы. Я взялъ эти вещи, сѣлъ на коня и поскакалъ дальше, хотя имѣлъ приказъ сейчасъ же вернуться, исполнивъ порученіе; но я уже потерялъ голову. Я бросился въ толпу и сейчасъ же встрѣтилъ Налынча, точно Богъ меня послалъ; вижу, у него изъ руки хлещетъ кровь и онъ защищается изъ послѣднихъ силъ, На меня брызнуло кровью, такъ что мнѣ едва не залило глаза. и все лицо было обрызгано. На него напало двое турокъ и онъ защищался по-рыцарски. Тогда я, по христіанскому долгу, поспѣшилъ на помощь нелюбимому мною брату моей Елены; явился я въ самую пору, такъ какъ онъ терялъ силы отъ потери крови. Мы подскочили съ Пиладомъ сбоку и я такъ отлично угостилъ одного изъ невѣрныхъ, что тотъ поклонился *мнѣ до самой* земли. Я перескочилъ черезъ трупъ и сейчасъ

же напалъ на другого, поранивъ его въ руку, а Налынчъ тоже угостилъ его, такъ что и онъ повалился. Теперь только хорунжій обернулся и узналъ меня.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—сказалъ онъ.—Но я обязанъ вамъ жизнью! Онъ хотѣлъ сейчасъ же обнять меня, но я подалъ ему только руку и, видя, что кровь текла у него изъ рукава, какъ изъ откупоренной бутылки, перевязалъ ему руку платкомъ, который висѣлъ у моего пояса, и закричалъ ему, чтобы онъ отступалъ, такъ какъ и мнѣ давно пора было возвращаться къ королю.

— Всю жизнь не забуду этого, — сказалъ онъ, цѣлуя меня:—хорошо ты поступилъ. Я сказалъ только: «Не за что благодарить», и подумалъ про себя, что Богъ устроилъ эту счастливую встрѣчу. Хорунжій хотѣлъ было вернуться къ своимъ, но онъ совсѣмъ не владѣлъ рукою. Я взялъ его съ собою и мы поѣхали вмѣстѣ туда, гдѣ былъ король, а онъ отправился къ повозкамъ, такъ какъ нуждался въ помощи лѣкаря. Ни хлѣбомъ, ни паутиною нельзя было зажать такой раны.

Въ ту минуту, какъ я возвращался къ королю на то мѣсто, до котораго онъ успѣлъ дойти за это время, онъ увидѣлъ передъ собою красный шатеръ визиря, подъ которымъ, какъ мы послѣ узнали, какъ разъ въ это время визирь пилъ кофе со своими двумя сыновьями татарскимъ ханомъ. Глаза короля загорѣлись, онъ пришпорилъ коня и мы всѣ поскакали за нимъ. Рука у него дрожала, когда онъ показывалъ на этотъ красный шатеръ. Съ нами было не больше трехъ небольшихъ пушекъ, которыя медленно везли на колесахъ и съ большимъ трудомъ уставляли то тамъ, то здѣсь, такъ какъ иначе ихъ нельзя было провезти по горамъ. Увидѣвъ шатеръ, король обернулся ко мнѣ, замѣтилъ, что все лицо у меня было въ крови, и воскликнулъ.

— Гдѣ это ты такъ раскрасился?

Тогда только я замѣтилъ, что былъ весь вымазанъ кровью Налынча, и началъ смѣяться.

—Это не моя кровь, государь,—сказалъ я, — хотя я немного погулялъ съ гусарами.

— И здоровъ ты?—спросилъ король.

— Ничего, государь, меня и не тронули.

— Это хорошо. Лети же, Мрочекъ, ради всего святого, къ нашимъ пушкамъ,—скажи, чтобы стрѣляли вонъ въ тотъ красный шатеръ. За каждый выстрѣлъ я дамъ пятьдесятъ талеровъ, только бы попали хорошенько въ цѣль. Проси француза, умоляй, чтобы онъ хорошенько цѣлился.

При этихъ пушкахъ былъ французъ Муріэ, но мы называли его Мраморъ, такъ какъ все лицо его было до того обезображено оспою, что казалось испещреннымъ мраморными жилками. Я уже тронулся съ мѣста, когда король еще разъ закричалъ мнѣ въ слѣдъ:

— Ради Создателя, скажи французу, чтобы онъ безъ отдыха стрѣлялъ въ красный шатеръ.

Я полетѣлъ, сломя голову, прямо къ пушкамъ и попалъ на величайшее затрудненіе: нечѣмъ заряжать пушекъ. Мы послали въ обозъ, чтобы достать заряды, такъ какъ не позаботились объ этомъ во время. Я передалъ французу желаніе короля, а также разсказалъ ему объ обѣщанныхъ деньгахъ. Онъ такъ и забѣгалъ. Вдругъ онъ схватился за голову, сдернулъ парикъ, снялъ перчатки и платокъ съ шеи... но и этого было мало! Тогда онъ выхватилъ изъ кармана свертокъ печатной бумаги, свернулъ все это вмѣстѣ и положилъ въ пушку. Я посмѣялся надъ французомъ и его горячностью, хотя намъ было не до смѣха; но ядро было, должно быть, плохо направлено, такъ какъ полетѣло, Богъ знаетъ, куда-то, вмѣстѣ съ парикомъ француза.

Войско двигалось дальше и все быстрѣе шло на непріятеля. Подошла наша пѣхота и началась отчаянная битва, на которую смотрѣлъ король, безпрестанно разсылая гонцевъ во всѣ стороны и побуждая всѣхъ къ исполненію своего долга. Самъ онъ такъ рвался впередъ, что едва можно было удержать его. Несмотряна страшный жаръи усталость, онъ былъ удивительно добръ и веселъ. Король посылалъ меня еще разъ къ графу Молини, который, вмѣстѣ съ придворнымъ конюшимъ, шелъ впереди, чтобы занять тѣ холмы, которые были назначены предѣломъ и мѣстомъ отдохновенія въ первый день. Вернувшись, я поѣхалъ съ королевскимъ отрядомъ. Вскорѣ мы увидали, что все случилось по желанію короля: наши войска безъ *труда заняли* назначенный пунктъ и остановились тамъ, гдѣ

было приказано. Король хлопнулъ въ ладони и остановилъ лошадь. Мы поспѣшили къ нему. Внизу, подъ нами, былъ лютый бой. До сихъ поръ, а былъ уже вечеръ, турки давали намъ сильный отпоръ и не думали отступать. Въ ту минуту, какъ мы подъѣхали къ краю горы, король остановилъ лошадь и началъ усиленно всматриваться. Смотрѣли и мы, а также всѣ вожди иностранныхъ войскъ, но никто не усмотрѣлъ ничего особеннаго, ни одного хорошаго или дурного признака; только быстрый глазъ короля, привыкшій къ турецкимъ войскамъ и къ ихъ способу нападенія, а также, быть можетъ, просвѣтленный вдохновеніемъ свыше, увидалъ больше всѣхъ.

Король вдругъ двинулся съ мѣста, поднявши руку вверхъ.

— Благословенно имя Господне! — воскликнулъ онъ: — съ нами Богъ! Они поколебались, они отступаютъ! Гусары, впередъ! Ради Бога, впередъ!

Такъ какъ сначала былъ отданъ приказъ, чтобы стоять на мѣстѣ и отдыхать до завтрашняго утра, то всѣ мы немало удивились, но сейчасъ же поскакали съ новымъ приказаніемъ. Никто, кромѣ короля, по замѣтилъ ничего особеннаго между турками, но онъ, не обращая вниманія на всеобщее удивленіе, продолжалъ повторять:

— Ради Создателя! Теперь или никогда! Къ утру они опомнятся. Теперь нужно размозжить имъ голову, если только кто вѣритъ въ Святую Троицу!

Увѣренность, съ которою король повторялъ одно и то же и по польски, и по латыни, и по французски, наполнила всѣхъ великою вѣрою; всѣхъ охватила жажда борьбы, мужество и горячее увлеченіе, и мы бодро и смѣло двинулись впередъ.

Король сейчасъ же послалъ одного изъ офицеровъ Лотарингскаго герцога просить его о помощи, а другого въ гусарскіе полки, съ приказаніемъ летѣть впередъ, сломя голову. И, дѣйствительно, легко было свернуть шею! Мы скакали по страшно неровной почвѣ, черезъ ограды и виноградники, по такимъ мѣстамъ, гдѣ, въ другое время, едва можно было устоять на ногахъ даже пѣшему человѣку. Казалось, что всѣ мы попадаемъ, но людей и даже лошадей оживлялъ такой воинственный духъ, котораго не пойметъ никто, кромѣ тѣхъ, кто самъ испыталъ его. Все неслось съ возгласами, съ ра-

достными криками и съ такимъ весельемъ и храбростью. что мы сами себя не узнавали. Король тоже не остался на мѣстѣ и стремительно бросился впередъ; при немъ былъ Маркъ Авіано съ крестомъ. Всѣ мы, дворъ и стража, поскакали за королемъ къ самой серединѣ турецкаго войска. Только передъ тѣмъ, какъ мы тронулись съ мѣста, король призвалъ своего зятя, графа Молини, человѣка мужественнаго и твердаго, и поручилъ ему королевича Якуба, прося, чтобы онъ былъ постоянно съ нимъ; самъ же онъ, перекрестившись, со свѣтлымъ лицомъ, пришпорилъ коня и мы помчались въ войско невѣрныхъ какъ въ бездну. Это была та рѣшительная минута, въ которую Богъ далъ намъ побѣду.

Отъ этого приказа идти впередъ зависѣло все: судьба этого дня, столицы, быть можетъ, христіанства и слава нашего оружія. Гусары полка королевича Александра первые ворвались въ самую середину войскъ Кара-Мустафы и сейчасъ же потѣснили ихъ. Но не достаетъ словъ для описанія конца этой битвы; среди сумятицы, крика, шума и веселья этого неслыханнаго и нежданнаго торжества нельзя было ни осмотрѣться, ни опомниться. У насъ передъ глазами было только то, что мы должны побѣдить, что ничто не устоитъ передъ нами. Лицо короля сіяло, глаза горѣли и какъ будто испускали лучи. Монахъ Авіано, высоко поднявши крестъ, вдохновенно пѣлъ: «Te Deum laudamus» («Тебе, Бога, хвалимъ»).

Не было времени ни давать, ни принимать приказанія, все дѣлалось какъ-то само собою. Все бѣжало передъ нашими гусарами, и какъ только первые турецкіе полки показали тылъ, всѣмъ непріятельскимъ войскомъ овладѣло такое неописуемое смятеніе, точно на нихъ ополчился самъ Богъ. Эти безчисленныя толпы падали, отступали, бѣжали, бросая оружіе и крича, совершенно потерявъ головы. Шатры валились, поле покрывалось трупами, кони скакали черезъ тѣла живыхъ и убитыхъ людей, черезъ бившихся на землѣ, поваленныхъ лошадей, черезъ кучи всякихъ военныхъ снарядовъ. Кто только хотѣлъ, могъ натѣшиться вволю; всего какая-нибудь десятая часть турокъ защищалась, остальныхъ тѣснили цѣлыми массами и они убѣгали, Богъ знаетъ куда, въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ. Я *тоже обезумѣлъ и* разгорячился такъ же, какъ и другіе. Я бро-

сился впередъ, пустивши поводья, и началъ сѣчь и рубить все, что ни попадало. Я не помню, гдѣ я былъ и что дѣлалъ, знаю только то, что Пиладъ несъ меня сверху внизъ, дѣлая такіе скачки, что я только чудомъ удержался на сѣдлѣ.

Но вдругъ я почувствовалъ, несмотря на горячку, которая все еще не оставляла меня, что мнѣ сильно жжетъ лѣвую ногу. Я удивился, однако посмотрѣлъ и вижу, что сапогъ полонъ крови и она уже льется черезъ верхъ. Въ этой суматохѣ кто-то сильно ранилъ меня въ бедро, а я до сихъ поръ и не замѣчалъ этого Я остановился въ раздумьи. Еще я не ослабѣлъ, но только передъ глазами у меня начало что-то летать, точно промелькнуло бѣлое облако. Я почувствовалъ, какъ дрогнулъ подо мною конь, и только потомъ я свалился съ сѣдла; хотѣлъ было удержаться и не могъ. Я пробормоталъ только: «Въ руки Твои, Господи, отдаю духъ мой», и потерялъ сознаніе.

Была уже ночь, когда я очнулся и открылъ глаза, точно пробудившись отъ сна. Я сейчасъ же почувствовалъ сильную боль въ бедрѣ; мнѣ казалось, что мнѣ оторвали всю ногу. Я осмотрѣлся и увидалъ какой-то слабый свѣтъ; пошаривъ кругомъ, я ощупалъ постель и войлокъ.

— Есть тутъ кто нибудь?—спросилъ я.

Слышу голосѣ, Гжеся:

— Я здѣсь.

— Слава Тебѣ Господи! А что тамъ дѣлается?

— Ничего, все хорошо,—сказалъ онъ.—Богъ далъ намъ великую побѣду, такую, какой еще не видало человѣческое око и не запомнятъ самые старые люди. Мы отдыхаемъ въ турецкихъ шатрахъ, а нашъ король такъ выросъ въ глазахъ людей, что никто не можетъ съ нимъ сравниться. Его хвалятъ, цѣлуетъ и носятъ на рукахъ, такъ какъ все это дѣло его рукъ.

— Слава Господу Богу!—сказалъ я.— А что же со мною? Отчего я здѣсь лежу и что осталось съ конемъ?

— Ахъ,—воскликнулъ Гжечь,—вы обязаны жизнью своему коню! Когда вы свалились съ сѣдла, потерявъ много крови, онъ всталъ надъ вами, разставивъ ноги, и никого не подпускалъ близко до тѣхъ поръ, пока мы не нашли васъ; онъ грызъ и кусалъ всѣхъ, защищая васъ. Но теперь спите спокойно, вы въ шатрѣ и среди своихъ.

Но мнѣ совсѣмъ не хотѣлось спать, такъ я интересовался дальнѣйшею исторіею, битвы, которую я видѣлъ только отчасти, и той великой побѣды, которую даровалъ намъ Господь. Я спросилъ Гжеся, кто велѣлъ меня принести и положить сюда. Онъ сказалъ, что объ этомъ позаботился самъ король, а такъ какъ намъ досталась огромная добыча, то онъ постарался также о томъ, чтобы и у меня была своя часть, и назначилъ мнѣ тотъ шатеръ, въ которомъ я лежалъ, недалеко отъ шатра визиря, около котораго ночевалъ онъ самъ, и велѣлъ поставить стражу, чтобы никто не смѣлъ его тронуть; все, что въ немъ было, должно было стать моею собственностью. Я очень удивился этому и спросилъ:

— Что же можетъ быть въ этомъ шатрѣ? Войлокъ и парусина, или какое-нибудь старое сѣдло? Какая же это добыча?

Гжесь только покачалъ головою и сказалъ:

— А посмотрите-ка, что стоитъ около васъ?

Рядомъ со мною стоялъ легкій ящикъ, такой, какіе ставятъ въ дорогѣ на муловъ или верблюдовъ. Гжесь слегка приподнялъ крышку и мнѣ показалось, что ящикъ былъ наполненъ кожаными мѣшками и разными минералами.

— Пусть, это меня не тревожитъ,—подумалъ я.— Закрой,— сказало я Гжесю:—я послѣ посмотрю.

Я хотѣлъ заснуть, но не могъ, все хотѣлось разспрашивать о чемъ-нибудь. Весь лагерь шумѣлъ и гудѣлъ, словно пчелиный улей, а иногда вдругъ раздавался пронзительный крикъ, такъ что едва только положишь голову на подушки, какъ опять что нибудь разбудитъ.

Была одна такая минута, что я подумалъ о судномъ днѣ. Земля подъ нами вдругъ задрожала, черезъ всѣ щели полился сильный свѣтъ, потомъ раздался такой трескъ, точно весь свѣтъ рушится вмѣстѣ съ нами; потомъ снова настала тишина и мракъ. Я не зналъ, что подумать, и мнѣ пришло въ голову, что турки взорвали на воздухъ почти все войско. Невольно я задрожалъ отъ ужаса. Гжесь въ испугѣ упалъ на землю. Прошло нѣсколько минутъ... Все было тихо. Спустя добрую четверть часа, когда я собирался уже послать Гжеся на развѣдки, приподнялась одна пола шатра и вошелъ Константинъ Дыхавка, шляхтичъ изъ Полѣсья, блѣдный какъ полотно. Слышу, онъ *спрашиваетъ:*

— Здѣсь Мрочекъ?

— Здѣсь,—сказалъ Гжесь:—что тамъ случилось?

— Ничего особеннаго: мы потерпѣли убытокъ и видѣли удивительное зрѣлище. Самъ король, который очень жалѣлъ о потерѣ, говорилъ, что онъ желалъ видѣть разъ въ жизни такую ужасную картину. Слуги нечаянно зажгли порохъ и онъ взлетѣлъ на воздухъ въ такомъ количествѣ, что было бы чѣмъ взорвать всю Вѣну.

Увидя Дыхавку, я не хотѣлъ упускать его, желая разузнать, какъ мы одержали побѣду. Частью отъ него, а частью отъ другихъ, на слѣдующій день, я узналъ, какъ произошло это чудо. Дѣло было такъ: когда гусарскій полкъ принца Александра ворвался въ самую середину турецкаго войска и потѣснилъ его, всѣ турки потеряли головы и бросились бѣжать, точно ихъ толкала нечеловѣческая сила. Напрасно, Кара-Мустафа пытался удержать ихъ, заклиная именемъ пророка: все бѣжало, гонимое Божіею десницею. Визирь обратился за помощью къ татарскому хану Гирею, но ханъ тоже не могъ удержать своихъ.

— Знаемъ мы этого короля,—сказалъ онъ:—въ бою съ нимъ есть одно только спасеніе: быстро отступить.

Татары тоже уходили, кто куда могъ. Визирь старался собрать немного конницы, но гусары съ копьями такъ ломились въ ряды, что нельзя было сопротивляться. Намъ разсказывали потомъ отбитые плѣнные, которые тамъ были, что визирь заплакалъ и обнялъ своихъ сыновей и, вмѣсто того, чтобы сѣсть на тяжелаго коня, закованнаго въ желѣзо, который былъ приготовленъ для его тріумфа, сѣлъ на первую попавшуюся клячу и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, какъ былъ, въ одномъ кафтанѣ.

Я видѣлъ потомъ этого коня, доставшагося королю. Онъ весь былъ покрытъ, по старинному, желѣзными бляхами съ позолотою очень тонкой работы. Вожжи были изъ красныхъ шелковыхъ шнурковъ. Королю досталось только одно золотое стремя, которое ему нашелъ и принесъ какой-то турокъ; оно было повѣшено въ Краковѣ, какъ трофей, передъ чудотворнымъ распятіемъ.

Какъ уже было сказано выше, Лотарингскій герцогъ, который велъ лѣвое крыло, былъ ближе всѣхъ къ туркамъ, и

нѣмцы прежде насъ завладѣли лагеремъ. Около половины седьмого король вторгнулся въ самую середину лагеря, туда, гдѣ стояли шатры визиря. Ему, какъ побѣдителю, молодой турокъ тотчасъ же подвелъ коня визиря, осѣдланнаго такъ, какъ будто его только и ждали. Другіе показали ему, гдѣ были главные шатры Кара-Мустафы, и онъ отправилъ конницу, чтобы занять ихъ, такъ какъ справедливо ожидалъ и большой добычи и боялся, какъ бы войско не разсѣялось за наживою, а турки, опомнившись, не повернулись бы и не напали на разсыпавшіеся ряды. Велѣно было всѣмъ быть готовымъ къ бою и ничего не трогатъ. Весь лагерь и самое жилище визиря было настоящее чудо.

Однако, въ тотъ же вечеръ нельзя было удержать отъ грабежа нашихъ слугъ и обозныхъ служителей. Все стояло открытымъ, а сокровища было несмѣтныя. Еще наши были умѣреннѣе, особенно, говорятъ, поживившіеся въ эту ночь въ шатрахъ египетскаго паши Дунваля. Дыхавка разсказывалъ то же, что видѣлъ на другой день, какъ турки, видя свою погибель, страшно жестоко поступали съ женщинами и узниками, которые съ ними были. Большіе шатры были полны женщинъ съ отрубленными головами и израненною грудью, убитыхъ или страшно изрубленныхъ; мы послѣ ихъ лѣчили и нѣкоторыхъ изъ нихъ спасли. Одного мальчика, очень красиваго, но страшно изрубленнаго, привели къ королю.

Когда мы, около семи часовъ, заняли лагерь, въ Вѣну еще стрѣляли изъ турецкихъ пушекъ; должно быть, имъ велѣно было держаться до конца, и это продолжалось до десяти часовъ вечера. Герцогъ Лотарингскій прислалъ къ королю, прося выгнать оттуда турокъ и желая ихъ перебить; но король не позволилъ этого и велѣлъ только занять весь лагерь. Среди ночи янычары, видя, что ихъ оставили, сами бросили окопы и ушли со своихъ постовъ. Дыхавка говорилъ, что король страшно утомился и, поблагодаривъ Бога, легъ отдохнуть подъ дерево, которое стояло не подалеку, подложивъ подъ голову сѣдло, несмотря на то, что у него былъ удобный шатеръ, вѣроятно, для того, чтобы служить примѣромъ для войска. Такъ какъ дорога изъ Вѣны была открыта, то Штарембергъ сейчасъ же прислалъ королю подъ дерево ужинъ, вина, конфекты и разныя закуски.

Остальные турки ушли въ эту темную ночь съ окоповъ акъ, что никто и не замѣтилъ этого среди всеобщаго замѣшательства. Потомъ нашли только 23 янычара въ каменномъ строеніи, остроенномъ по образцу солимановыхъ флигелей. Они отстрѣивались очень долго и, наконецъ, сдались, получивъ отъ короля право жизни и свободы.

Мы проговорили съ Дыхавкою почти всю ночь.

Я проснулся передъ разсвѣтомъ, такъ какъ около шатра ылъ такой шумъ, что нельзя было спать. То тотъ, то другой рибѣгалъ съ какими-нибудь розсказнями, а обозные служители риходили съ разною добычею и продавали ее за безцѣнокъ. утъ же случилась и со мною потѣха. Какой-то болванъ приѣжалъ ко мнѣ, держа въ рукахъ поясъ, унизанный бѣлыми амнями, сдѣланный не по нашему, но довольно красивый. боимъ намъ показалось, что это были хорошо отшлифованныя гекла или хрусталь и мы не знали, для чего могъ служить акой поясъ. Онъ хотѣлъ продавать. Сначала я и не думалъ окупать, но потомъ подумалъ, что можно свезти его, какъ ѣдкость, въ подарокъ Опольской. Я далъ этому дурню нѣколько талеровъ, а поясъ велѣлъ бросить въ ящикъ и больше е думалъ о немъ. Уже гораздо позже, когда разсказывали въ агерѣ разныя исторіи, одинъ изъ товарищей разсказалъ мнѣ, го въ шатрахъ нашли много поясовъ, усыпанныхъ бриллiанами, и что король купилъ нѣсколько такихъ вещей.

— Такъ, можетъ быть, и мой усыпанъ бриллiантами?— казалъ я.

— Гдѣ? Покажи!

Мы достали поясъ и оказалось, что на немъ, въ самомъ ѣлѣ, были бриллiанты, хотя и не самые лучшіе.

Трудно счесть, сколько мы набрали богатыхъ сѣделъ, платья, атерій, оружія и разныхъ драгоцѣнностей.

Несмотря на рану, я чувствовалъ себя такъ хорошо, что могъ умать о томъ, какъ поступить дальше. Оставаться долго въ омъ шатрѣ было невозможно; король хотѣлъ идти дальше, въ огоню за турками, а оставлять на попеченіи у нѣмцевъ даже аненыхъ было плохо,—такое они стали выказывать недоброелательство и зависть за то, что мы взяли побѣду у нихъ ъ-подъ носа. Прежняя дружба, любезность и ухаживанія сей-

часъ же смѣнились завистью и открытою враждою. Король много пострадалъ отъ этого. Мнѣ говорили, что на слѣдующее утро, т. е. сейчасъ же послѣ побѣды, онъ отправился въ Вѣну, чтобы публично поблагодарить Господа Бога за покровительство нашему оружію. Тамъ народъ цѣловалъ его ноги и тѣснился къ нему, чтобы посмотрѣть на его лицо, но остальные были сдержаны.

Въ полдень я пробовалъ вставать; это было трудно, но я убѣдился, что я могу ѣхать въ повозкѣ за войскомъ, такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ оставаться и ждалъ только приказаній короля.

Въ этотъ день мы сосчитали всѣ наши потери. Многихъ славныхъ воиновъ не стало: тотъ убитъ, другой калѣка, третій пропалъ безъ вѣсти. Пришли вѣсти о туркахъ, за которыми гнался Мячинскій: они ушли всѣ, сколько ихъ ни было. Мнѣнія о томъ, какъ долженъ поступить король, были несогласны: одни говорили, что спасши столицу, ему слѣдовало вернуться въ свое королевство; другіе—что надо было идти дальше и сражаться еще. Многіе политики утверждали, что, исполнивъ нашъ долгъ, намъ слѣдовало идти домой. И, кто знаетъ, не было ли бы это лучше всего, если припомнить дальнѣйшія событія?

Съ утра король поѣхалъ осматривать ровъ, мины и лагерь, а потомъ на богослуженіе въ городъ, гдѣ принималъ его губернаторъ; вечеромъ онъ вернулся и отправилъ во всѣ стороны письма и пословъ, объявляя о побѣдѣ, особенно папѣ въ Римъ и другимъ христіанскимъ монархамъ. Проѣзжая въ шатеръ визиря и сойдя съ коня, онъ услыхалъ отъ кого-то, что близко лежитъ Мрочекъ, и самъ своею особою вошелъ въ мой шатеръ совсѣмъ неожиданно для меня. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидалъ его. Лицо государя было свѣтло и спокойно, но не беззаботно.

— Что ты подѣлываешь, бѣдняга? — сказалъ онъ мнѣ. — Хорошо тебя съѣздилъ турокъ? Ничего, поправишься и будетъ у тебя славная память и хорошее воспоминаніе о томъ, что ты былъ со мною въ этой битвѣ. Я здѣсь долго оставаться не буду, мы пойдемъ дальше. Тебѣ же нечего раненому тащиться за войскомъ, а оставаться здѣсь я тебѣ не совѣтую. Если можешь и *чувствуешь себя* въ силахъ, собирайся-ка лучше домой.

Поблагодаривъ короля за то, что онъ вспомнилъ о своемъ смиренномъ слугѣ, я сказалъ, что сдѣлаю такъ, какъ онъ мнѣ прикажетъ. Король задумался.

— Я посылаю дары къ королевѣ,—сказалъ онъ:—туда ѣдетъ нѣсколько посланныхъ. Тебѣ нужно къ нимъ пристать. Больше здѣсь нечего дѣлать. Я пришлю доктора, который тебя осмотритъ.

И дѣйствительно, подъ вечеръ пришелъ отъ короля итальянецъ Пекорини, который осмотрѣлъ мою ногу и нашелъ, что рана не опасна, но я очень ослабѣлъ отъ потери крови. Мнѣ перевязали ногу, что было очень больно. Только теперь увидалъ я, какъ меня угостили. Я былъ сильно раненъ въ бедро; хорошо, что, падая съ лошади, я такъ стиснулъ свою рану, что края ея сошлись, а такъ какъ она была свѣжая, а кровь у меня молодая, то все, что было разорвано саблею, понемногу и срослось. Пекорини далъ мнѣ какой-то бальзамъ для прикладыванія къ ранѣ, велѣлъ обмывать ее и смотрѣть за ея чистотою и за тѣмъ, чтобы она какъ-нибудь не загноилась. Этого бальзама хватило мнѣ почти до самаго дома, а потомъ я лечился уже другими мазями. Я узналъ въ тотъ же день, что Налынчъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и я, и его тоже велѣно было отослать домой. Не знаю, отчего съ нимъ сдѣлалась потомъ страшная горячка, такъ что онъ нѣсколько дней никого не узнавалъ, и разсказывали странныя вещи о томъ, какъ его околдовала какая-то турчанка. Я чувствовалъ себя очень сносно для раненаго и началъ уже подумывать о дорогѣ, такъ какъ, послѣ ухода короля съ войскомъ, здѣсь не зачѣмъ было оставаться. Я сейчасъ же началъ нагружать свои возы, имѣя по милости короля такую же хорошую добычу, какъ и другіе, хотя и не ходилъ за нею. Я разсмотрѣлъ свой ящикъ и нашелъ въ немъ тысячи три золотыхъ червонцевъ, разныя драгоцѣнности, прекрасное сѣдло, нѣсколько ружей, часы; словомъ, прибавляя къ этому то, что у меня было раньше, было на что пожить. Я сейчасъ же купилъ за безцѣнокъ четырехъ лошадей, оставшихся послѣ турокъ, и легко досталъ другую повозку для вещей. Шатеръ, подъ которымъ я лежалъ, я велѣлъ взять съ собою на память.

Я могу сказать, что этотъ день достался мнѣ почти также

трудно, какъ и самая битва, такъ какъ нужно было торопиться, а силъ у меня было мало и мнѣ не давали покоя. Дыхавка сказалъ мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими, не стало пана Флоріана, онъ былъ убитъ пулею еще въ виноградникахъ и только н на другой день слуги нашли его тѣло, страшно обезображенное, съ пробитою на вылетъ грудью и отрубленною головою. Я прочелъ молитву за спасеніе его души, не думая радоваться его смерти, хотя онъ и былъ при жизни моимъ врагомъ.

Едва только кончилось наше дѣло и турки разсѣялись, сейчасъ же пахнуло другимъ воздухомъ отъ императорскаго двора и отъ нѣмцевъ, которые не скрывали того, что косятся на насъ и завидуютъ нашему успѣху, а вмѣсто благодарности выказывали намъ недоброжелательство. Это было такъ ясно и королю, и всему войску, что нельзя было ошибиться. Мнѣ тоже не хотѣлось долго оставаться у негостепріимныхъ нѣмцевъ и, какъ только король отступилъ, а Пекорини, который ходилъ ко мнѣ по его порученію, нашелъ, что я могу ѣхать, я велѣлъ готовить повозки, прислать мнѣ мой венгерскій возокъ, чтобы лечь въ немъ, и, благословясь, двинулся къ Кракову уже болѣе удобными путями.

Я не стану разсказывать, что случалось съ нами въ дорогѣ, и перечислять все то, что мы вынесли въ гостиницахъ отъ служителей, которыхъ вездѣ было много и съ которыми приходилось бороться изъ-за ночлега и почти каждый день расправляться саблею. Много лѣнивыхъ и такихъ же раненыхъ, какъ я, возвращалось домой и, по большей части, не съ пустыми руками, такъ какъ тѣ, которые дрались меньше всѣхъ, лучше всѣхъ поживились.

Хотя я взялъ съ собою Гжеся и еще двухъ людей для безопасности, но я думаю, что если бы не Павелъ Парчевскій изъ полка поморскаго воеводы, который взялъ съ собою двухъ здоровыхъ и ловкихъ малыхъ, то не уцѣлѣли бы ни мы, ни наши повозки. Мы больше терпѣли въ дорогѣ отъ разныхъ бродягъ, которые никого не щадили, чѣмъ отъ турокъ подъ Вѣною. Я вздохнулъ свободнѣе, когда увидалъ, наконецъ, Вавель и башню Дѣвы Маріи, когда мои повозки пріѣхали въ гостиницу, а самъ я, перенеся свои вещи, расположился въ удобной и безопасной

комнатѣ, желая окончательно выздоровѣть, прежде чѣмъ ѣхать домой.

Парчевскій пошелъ за докторомъ. Насъ было четверо, нуждающихся въ его совѣтѣ: онъ, я и еще двое шляхтичей, которые ѣхали съ нами. Моя рана сильно загноилась въ дорогѣ отъ всякихъ неудобствъ, его тоже, а у нихъ и мясо начало портиться, такъ какъ они не умѣли обращаться со своими ранами. Мы должны были подумать о себѣ.

Написавъ пану Яцку, гдѣ я и что со мною случилось, я пользовался своимъ временемъ, насколько позволяла мнѣ болѣзнь. Съ моего пріѣзда въ Краковъ, двери мои не запирались. Ко мнѣ шли толпою знакомые и незнакомые съ разспросами, такъ какъ въ то время еще мало знали о нашемъ походѣ и о побѣдѣ.

Обмана и лганья было столько, что если бы всему вѣрить, то закружилась бы голова. По церквамъ служили торжественные молебны, благодарили Бога и прославляли нашего героя-короля, почти какъ святого. Не мало было и горя, такъ какъ каждое торжество достается цѣною страданій; но въ то время на похоронахъ и панихидахъ гробы украшались лаврами, такъ какъ для христіанскаго рыцаря было счастьемъ умереть за вѣру. Черезъ Краковъ шло рядомъ и доброе, и злое: тѣла убитыхъ и возы съ добычею, вѣсти о побѣдѣ и глухія опасенія, раненые герои и трусы, убѣгавшіе отъ сраженія.

Я получилъ письмо отъ пана Яцка, но оно не подняло меня съ постели, а, напротивъ, дурно на меня подѣйствовало, такъ какъ я узналъ изъ него, что Елена, измученная притѣсненіями братьевъ, оставшихся дома и требовавшихъ, чтобы она вышла замужъ за того, кого они выбрали, оставила домъ и временно поселилась въ Вильнѣ, въ женскомъ монастырѣ св. Франциска. Пани Опольская увѣряла, что она сдѣлала это не съ цѣлью посвятить себя Богу, но только въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ.

Рана заросла, хотя боль еще продолжалась и я не могъ садиться на лошадь. Я могъ, однако, ходить каждый день въ конюшню, опираясь на костыль, чтобы посмотрѣть на то доброе животное, которому я былъ обязанъ жизнью. Когда приближалось то время, въ которое я обыкновенно ходилъ въ конюшню.

Пиладъ поворачивалъ голову къ двери и, заслышавъ мои шаги, начиналъ ржать и рваться ко мнѣ. Онъ лизалъ и ласкалъ меня больше всякой собаки. Удивительный разумъ и сердце были у этого животнаго! Съ самой битвы подъ Вѣною я никому не позволялъ на него садиться, а когда нужно было провести его для здоровья, Гжесь садился на караковаго жеребца, бралъ Пилада за поводъ и его водили подъ нарядною турецкою попоною, какъ королевскаго коня, Я наряжалъ его, какъ куклу, и онъ былъ удивительно красивъ. Мнѣ давали за него въ то время баснословныя цѣны, но я только смѣялся, потому что, если бы даже мнѣ предложили взять цѣлую деревню, я и того бы не взялъ. Продать коня не долго, но промѣнять друга — было грѣшно и дурно.

Я обошелъ съ костылемъ всѣ краковскіе костелы и въ двухъ изъ нихъ оставилъ вклады въ благодарность за то, что я возвращался домой съ честью, избѣжавъ увѣчья. Панъ Яцекъ торопилъ меня возвращаться въ Вульку. Мнѣ самому туда хотѣлось, но уже не такъ тянуло, какъ тогда, когда я надѣялся встрѣтить тамъ Елену. Съ грустью думалъ я о томъ, что будетъ дальше, чѣмъ кончится мое дѣло и какъ я справлюсь съ братьями Елены.

Однажды пришелъ ко мнѣ Парчевскій, который тоже былъ задержанъ въ Краковѣ, и сказалъ мнѣ, что кто-то ищетъ меня по всему городу. Подъ вечеръ, уже въ сумерки, пока слуга еще не приносилъ свѣчъ, я услыхалъ, что кто-то спрашиваетъ въ сѣняхъ слугу:

— Здѣсь панъ Мрочекъ?

Я узналъ голосъ хорунжаго Налынча.

— Да будетъ благословенъ Господь! Здравствуйте, панъ Янъ!

Я вскочилъ и подошелъ къ нему.

— Здравствуйте. Ну, какъ же вы поживаете и откуда васъ Богъ несетъ!

Въ эту минуту вошелъ Гжесь со свѣчами. Я взглянулъ на своего гостя: онъ былъ страшно блѣденъ, похудѣлъ и постарѣлъ и сейчасъ же въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Что съ вами было?—спросилъ я.

— Много я испыталъ всякихъ бѣдъ, — сказалъ онъ: — съ *тѣхъ поръ*, какъ вы спасли мнѣ жизнь. Я не хотѣлъ оставлять

войска и думалъ, что рука моя скоро заживетъ. Я полежалъ въ Вѣнѣ и скоро могъ владѣть рукою, а потомъ догналъ наше войско, хотя рана не вполнѣ еще зажила. Трудно описать, какъ мы тамъ бѣдствовали. Меня опять задѣла татарская стрѣла, я вынулъ ее и лѣчился у стараго солдата до тѣхъ поръ, пока не заросла дыра. Этого мнѣ было довольно. Вылечившись и намучившись вдоволь, я, какъ видите, тянусь домой. Ну, а вы какъ, панъ Янъ?

Я тоже разсказалъ ему, что со мною было, и прибавилъ, что, какъ только вылѣчусь, думаю ѣхать домой.

— Поѣдемте вмѣстѣ, — сказалъ онъ: — оба мы калѣки и будемъ помогать другъ другу. Я думаю, что мы оставили подъ Вѣною всѣ наши старыя ссоры въ ту минуту, какъ моя кровь обрызгала ваше лицо, а остальную мою кровь спасла ваша сабля, Будемъ теперь друзьями и братьями.

Я холодно поблагодарилъ его, такъ какъ не хотѣлъ особенно съ нимъ сближаться, потомъ велѣлъ принести вина и мы начали понемногу пить и разсказывать. Пришелъ Парчевскій и еще нѣсколько человѣкъ. О вѣнскомъ походѣ можно было говорить хотя два года, не закрывая рта ни днемъ, ни ночью. Мы всѣ разговорились.

— А что,—заговорилъ вдругъ хорунжій:—вамъ не хочется въ Вульку? Я думалъ, что вы уже давно дома.

— Вулька не убѣжитъ,— сказалъ я:—Яцекъ тамъ хозяйничаетъ. Вѣдь я былъ боленъ и долженъ былъ жить на латинской кухнѣ.

Онъ покачалъ головою.

— Должно быть,— сказалъ онъ:—вы получили письмо отъ пана Яцка.

— Еще бы,—сказалъ я,— не безъ того.

— Ну, теперь я понимаю, отчего вы не торопитесь домой.

На этомъ разговоръ оборвался и снова перешелъ на другіе предметы. Вдругъ Парчевскій, который пришелъ позже всѣхъ, говоритъ:

— Удивительная это вещь съ нашимъ вѣнскимъ походомъ! Что ни человѣкъ, то новая исторія. Представьте себѣ, господа, что мнѣ сегодня разсказывали. Въ Клепажѣ остановился шляхтичъ, возвращающійся изъ войска, должно быть, богатый: съ

нимъ много повозокъ. Отгадайте, какую онъ удивительную везетъ добычу?

Когда онъ сказалъ: „на Клепажѣ“, я замѣтилъ, что Налынчъ вздрогнулъ и обернулся; однако, онъ не сказалъ ни слова, взялъ кубокъ и выпилъ немного вина. Всѣ начали отгадывать. Одинъ говорилъ—верблюда, другой—коня, третій — страуса, обезьяну и т. д. Парчевскій только пожималъ плечами и улыбался; наконецъ, онъ сказалъ:

— Никто не отгадалъ. Онъ выбралъ себѣ самое лучшее; слуги говорятъ, что когда мы напали на турецкій лагерь, этотъ рыцарь, раненый, ѣхалъ въ повозкѣ за лагеремъ. Повозка остановилась на краю лагеря, почти оставленномъ людьми, такъ какъ всѣ бросились грабить. Была уже глубокая ночь, когда показалась изъ темноты женщина необыкновенной красоты, богато одѣтая въ золотыя ткани, ожерелья и кольца, но полуживая отъ страха. Она скрылась куда-то во время битвы и вышла только теперь, желая спастись бѣгствомъ; но видя, что можно попасться въ руки солдатъ, она сама отдалась подъ защиту нашего рыцаря. Какъ и что было дальше, я не знаю, но, вѣроятно, ее везутъ въ Польшу уже окрещенную и, какъ говорятъ слуги, этотъ шляхтичъ на ней женится.

Я смотрѣлъ на Налынча, который попивалъ вино и не повелъ даже бровью во время этого разсказа, и только когда кончилъ Парчевскій, всталъ и сказалъ епокойно:

— Вамъ разсказали это не такъ. Я знаю объ этомъ больше другихъ, такъ какъ эта гречанка ѣдетъ со мною, а этотъ шляхтичъ—я, если хотите знать.

Всѣ замолчали, но Дыхавка, который былъ всѣхъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, да еще выпилъ, сказалъ со смѣхомъ:

— Ну, если такъ, панъ хорунжій, то вы должны разсказать это лучше пана Парчевскаго, чтобы не ходили разныя нелѣпыя сплетни.

— Отчего же нѣтъ?—воскликнулъ Налынчъ:—я не думаю скрываться. Вотъ, послушайте. Когда Мрочекъ спасъ мнѣ жизнь, рука у меня была страшно изранена. Нужно было сѣсть въ повозку и не думать больше о битвѣ. Этотъ басурманъ оторвалъ меня отъ пира, какъ кота отъ молока, и я чуть не пла-

калъ. Ну, что за радость смотрѣть, какъ другіе побѣждаютъ, дерутся и рубятся, а самому сидѣть, какъ на привязи. Нечего дѣлать, я потащился въ своей повозкѣ, держась какъ можно ближе къ войску. Уже смеркалось, когда взяли лагерь. Но какъ только войска дошли до оставленныхъ шатровъ, хотя король запретилъ строжайшимъ образомъ что-либо трогать, тутъ бы и святой не удержался. Отъ меня тоже всѣ разбѣжались. Я остался одинъ. Пришла ночь. Я смотрѣлъ съ небольшого пригорка, на которомъ остановились лошади, пощипывая траву, на огромный лагерь и на людей, которые шныряли въ разныхъ направленіяхъ, слышалъ отдѣльные выстрѣлы, крики и смѣшанный гулъ, и голова у меня кружилась. Вдругъ я увидѣлъ, что бѣжитъ какая-то женщина съ поднятыми руками, одежда ея развѣвается, какъ крылья, а за нею гонятся двое людей. Я не былъ бы рыцарь и шляхтичъ, если-бы, при видѣ женщины, хотя бы и язычницы, въ такомъ положеніи, во мнѣ не закипѣла кровь. Забывая про свою рану и не думая о томъ, что я дѣлаю, я бросился вонъ изъ повозки. У меня подъ рукою былъ заряженный мушкетъ. Я пробѣжалъ нѣсколько шаговъ: женщина прибѣжала прямо ко мнѣ и упала безъ чувствъ къ моимъ ногамъ. Я поднялъ мушкетъ и такъ крикнулъ на преслѣдователей, что они сейчасъ же остановились. Они хотѣли было пойти за мною, но одинъ изъ нихъ узналъ меня, хотя не замѣтилъ, что я раненъ, и потому они только пошептались и скрылись. Тогда я остался одинъ съ этою женщиною. У меня не было ни воды, ни лѣкарствъ, ни свѣдѣній о томъ, какъ приводить женщину въ чувство, просто бѣда! Я подошелъ и всталъ на колѣни около нея. Она упала навзничь. Я разсмотрѣлъ ее ближе и увидалъ, что это была женщина удивительной красоты, очень молодая, почти дитя и необыкновенно пышно одѣтая. На шеѣ у нея было нѣсколько жемчужныхъ нитокъ, на рукахъ и на головѣ бриллiантовыя украшенія, а поясъ усыпанъ сапфирами и бриллiантами. Я сейчасъ же догадался, что это была жена визиря или одного изъ его сыновей. Но что же мнѣ было дѣлать? У меня во фляжкѣ было немного вина. Я помочилъ ей виски и это помогло; она понемногу пришла въ чувство, но отъ страха и горя она какъ будто помѣшалась и была въ безсознательномъ состояніи. Она такъ за меня уцѣпилась, что я, волею неволею, изъ одного

человѣколюбія, долженъ былъ взять ее подъ свое покровительство. Повѣрьте, господа, что раненому не легко было справляться съ такою обузою и много мнѣ пришлось вытерпѣть несправедливостей. Я уважалъ и жалѣлъ эту женщину, а въ лагерѣ всѣ только смѣялись, осуждали и завидовали мнѣ. Чтобы избавить отъ стыда и позора и ее, и себя, на другой же день я привезъ ее въ Вѣну, гдѣ указали мнѣ на одного греческаго купца, нѣкоего Каллимахи, который зналъ также и по-турецки. Каллимахи былъ человѣкъ серьезный, уже не молодой и въ домѣ у него была одна только дочь-вдова. Какъ только мы пріѣхали, оказалось, что моя невольница была не турчанка и не невѣрная, а христіанка и гречанка, похищенная корсарами, которые продали ее въ Стамбулѣ Кара-Мустафѣ. Я хотѣлъ отпустить ее на волю и отправить къ своимъ, но она не хотѣла и слышать объ этомъ. Каллимахи оцѣнилъ тѣ драгоцѣнности, которыя были на ней, въ десять тысячъ золотыхъ червонцевъ, кромѣ одного роскошнаго смарагда, величиною съ голубиное яйцо, удивительной воды, котораго онъ не сумѣлъ оцѣнить. Все это я, конечно, сполна возвратилъ ей, такъ какъ это составляло ея имущество, отъ котораго зависѣла ея будущность. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы она могла ѣхать куда-нибудь, кромѣ своей родины, чтобы отыскать тамъ свою семью. Каллимахи могъ бы легко помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Говорить съ нею было трудно, хотя она знала немного по итальянски, а я по-латыни и, такимъ образомъ, мы могли понимать другъ друга. Я остановился внизу у этого грека, желая вылѣчить свою руку, и гречанка сейчасъ же взялась смотрѣть за моею раною. Трудно было отказать ей, она говорила, что знаетъ разные секреты на эти случаи. Словомъ, бѣдная сиротка тѣмъ сильнѣе ко мнѣ привязалась, чѣмъ больше я отъ нея сторонился. Мое сердце тоже смягчилось. Что тутъ было дѣлать? Жить беззаконно я не хотѣлъ, бросить ее не доставало силы, конечно, слѣдовало жениться, а у насъ, какъ вамъ извѣстно, бракъ устраивается не только для тѣхъ, которые избрали другъ друга. Онъ имѣетъ свои условія, обязанности и правила, отъ которыхъ трудно отступить шляхтичу. Жена крестьянина и помѣщика должна быть изъ его племени, народа, класса, привычная къ нашей жизни *и къ ея трудностям*ъ. Красивѣйшая гречанка будетъ несчастна

съ нашимъ братомъ-шляхтичемъ, а онъ съ нею. Что будетъ потомъ, если Богъ дастъ дѣтей, которыхъ должна воспитывать мать? Она сдѣлаетъ ихъ чуждыми отцу не только по крови, но и по языку, привычкамъ и самой душѣ. Обо всемъ этомъ я думалъ и все было напрасно. Женщина была красива, добра и кротка и съ каждымъ днемъ привязывалась ко мнѣ все больше и больше. Богъ свидѣтель, что я очень страдалъ въ это время. Думая, что все это можетъ пройти, я поѣхалъ въ войска, какъ только рука моя немного зажила, и оставилъ эту сироту у Каллимахи, но здѣсь задѣла меня татарская стрѣла и заставила опять искать укромнаго уголка для лѣченія. Я вернулси въ Вѣну и, хотя не останавливался у грека и избѣгалъ этой женщины, она сама меня отыскала и не хотѣла уходить отъ меня. Боже мой, сколько тутъ было слезъ и жалобъ и какое искреннее чувство она выказала. Богъ свидѣтель, что я много выстрадалъ, прежде чѣмъ посовѣтовался съ знакомымъ ксендзомъ, котораго я случайно встрѣтилъ въ Вѣнѣ. Выслушавъ все дѣло, онъ сказалъ мнѣ: „Прежде всего спасеніе вашихъ душъ. Если вы такъ любите другъ друга, вы должны соединиться, а то будетъ хуже. Пусть церковь благословитъ васъ, остальное въ рукѣ Божіей и, можетъ быть, выйдетъ не такъ дурно, какъ вы опасаетесь". И, такимъ образомъ, я женился на Софьѣ, — закончилъ хорунжій.

— Такъ вы женаты?—спросилъ Парчевскій и мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ.

— А вы думали, что я среди бѣлаго дня везу себѣ любовницу на поруганіе честныхъ женщинъ?—вздыхая отвѣтилъ Налынчъ.

— Однако,—продолжалъ онъ,—жениться—не штука, привести жену въ домъ—тоже, но всего труднѣе будетъ устроить такъ, чтобы братья, родные, друзья и знакомые приняли, ее какъ слѣдуетъ, и не заставили почувствовать горечи ни ее, ни меня. Братья ничего не знаютъ объ этомъ.

Онъ замолкъ Замолчали и мы, такъ какъ, дѣйствительно, нечего было смѣяться и не о чемъ много разговаривать. Налынчъ сидѣлъ у меня, очевидно, желая пересидѣть остальныхъ. Всѣ разошлись, а онъ остался. Тогда онъ присѣлъ на мою постель, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Слушай, Мрочекъ, ты спасъ мнѣ жизнь, ты человѣкъ

хорошій, король тебя любитъ и ты заслужилъ хорошую славу своею храбростью. Я не хотѣлъ выдавать за тебя сестру и былъ за это наказанъ тѣмъ, что самъ долженъ былъ жениться не по-дворянски. И вотъ я пришелъ тебѣ сказать, что если Леля осталась при своемъ намѣреніи, а ты ее любишь, я не только не буду вамъ препятствовать, но, напротивъ, обѣщаюсь помочь. Я бросился ему на шею и сталъ цѣловать его, но онъ сказалъ мнѣ:

— Постой, много еще придется намъ обоимъ помучиться съ моими братьями. Я написалъ отсюда въ Вильну Еленѣ, чтобы она сейчасъ же ѣхала домой. Мы поѣдемъ вмѣстѣ, а остальное должно устроиться, что-бы они тамъ ни дѣлали.

Позднею осенью, въ морозы и въ снѣгъ, выѣхали мы, наконецъ, изъ Кракова и поѣхали домой черезъ Люблинъ. Ѣхали мы вмѣстѣ и чѣмъ ближе подъѣзжали къ мѣсту своего назначенія, тѣмъ грустнѣе намъ становилось, такъ какъ мы заранѣе предвидѣли, что насъ ждетъ. Хорунжій хорошо зналъ свою семью и не ошибался. Прежде, чѣмъ мы пріѣхали въ Полѣсье, уже до насъ дошли слухи о томъ, что произошло; было много возвращающихся, которые разсказывали разныя небылицы, особенно про женитьбу Налынча и про его жену. Братья не могли противиться волѣ старшаго, но подняли страшную тревогу между своими противъ этого брака и поклялись, что не сядутъ за столъ съ братомъ, который взялъ за себя какую то невольницу. Дошло до нихъ также и то, что онъ ѣхалъ со мною и соглашался на мою женитьбу; это было для нихъ чуть ли не хуже перваго. Они хотѣли, чтобы сестра осталась въ монастырѣ, а ея имѣніе отошло бы съ нимъ, разсчитывая, что если бы братъ не помогалъ мнѣ, то тѣмъ бы, вѣроятно, и кончилось. Подвигаясь къ дому, мы ничего объ этомъ не знали, но путешествіе было печальное, и если бы не веселость жены хорунжаго, которая забавлялась всѣмъ, какъ дитя, мы бы чуть не плакали.

Въ Люблинѣ мы остановились въ гостиницѣ на Градской улицѣ, а такъ какъ повозки наши были наполнены турецкою добычею и изъ нихъ виднѣлись шатры, бунчуки и т. п., то за нами шло не мало зѣвакъ. Едва мы въѣхали во дворъ, *приказавъ* запереть ворота, какъ услыхали, что кто-то стучится.

Я выскочилъ изъ повозки, вижу—шляхтичъ. Я сейчасъ же увидалъ, что онъ былъ изъ компаніи Налынчей, такъ какъ часто встрѣчалъ его у нихъ. Звали его Маршевскій, но мы прозвали его Бѣсомъ, потому что онъ былъ необыкновенно задорный и пронырливый человѣкъ. Неизвѣстно, откуда явился онъ къ Налынчамъ, еще при отцѣ, и такъ хорошо у нихъ основался, присосавшись, какъ піявка, что они никогда безъ него не обходились. Человѣкъ онъ былъ не молодой, но еще крѣпкій, лицо у него было изрублено саблею, на рукахъ не доставало нѣсколькихъ пальцевъ, и однимъ глазомъ онъ плохо видѣлъ, такъ какъ ему попортили его въ какой-то дракѣ. Сначала я не хотѣлъ его пускать, но онъ отперъ дверь и вошелъ въ гостиницу почти силою, спрашивая о хорунжемъ. Тотъ повелъ жену въ комнату. Бѣсъ хотѣлъ идти за нимъ, но я удержалъ его, сказавъ, что хорунжій сейчасъ придетъ. Онъ остановился, смотря по сторонамъ и поглаживая усы.

— Я вижу васъ вмѣстѣ и въ добромъ согласіи. Поздравляю, поздравляю!—сказалъ онъ.

— Худой миръ лучше доброй ссоры,—отвѣтилъ я:—а мы заключили настоящій миръ, такъ какъ запечатлѣли нашъ союзъ кровью на полѣ битвы.

Онъ ничего не сказалъ. Я послалъ Гжеся за хорунжимъ; тотъ пришелъ и, какъ только завидѣлъ Бѣса, такъ весь и вспыхнулъ. Онъ понялъ, что того прислали братья. Начались привѣтствія. Гость расчувствовался, видя хорунжаго цѣлымъ и невредимымъ.

— Благодарите за это пана Мрочка,—сказалъ хорунжій:—если бы не онъ, я бы вмѣстѣ съ другими грызъ песокъ въ курганѣ подъ Вѣною.

Внизу была моя комната и они пошли туда. Я остался у повозокъ, желая позаботиться о томъ, чтобы Пилада не поставили въ нечистое мѣсто, такъ какъ это часто вредитъ лошадямъ. Пріѣдетъ кто нибудь съ больною клячею, испортитъ мѣсто, а потомъ не успѣешь оглянуться, какъ случится бѣда. Возвращаясь изъ конюшни, я услышалъ громкіе голоса; они разговаривали очень оживленно, но когда я вошелъ, то оба замолкли. Я не обратилъ на это вниманія. Бѣсъ началъ разспрашивать о войнѣ и разсказывать о домѣ. Хорунжій послалъ за

медомъ и мы продолжали говорить о вѣнскомъ походѣ. Когда мы наговорились, Налынчъ взялся за шапку и вышелъ вмѣстѣ съ Бѣсомъ. Я не спрашивалъ, куда и зачѣмъ. Онъ вернулся не поздно, но очень задумчивый. Я подошелъ къ нему и началъ разспрашивать о томъ, что слышно, какія вѣсти изъ дому, но онъ отмалчивался, потомъ началъ какъ-то вилять, между нами какъ будто встала стѣна. Мы были уже не тѣ, что вчера. Бѣсъ сдѣлалъ свое. Я почувствовалъ, что что-то неладно, но не сразу догадался, что бы это могло быть. Я подъѣзжалъ и съ той, и съ другой стороны относительно возвращенія и братьевъ, но увидалъ, что хорунжій завирается, путается, отвѣчаетъ изъ пятаго въ десятое. Тогда я оставилъ его. Когда намъ нужно было идти спать, онъ сошелъ ко мнѣ внизъ, сѣлъ у окна и сказалъ:

— Вы бы хорошо сдѣлали, если бы поѣхали прежде одни, а я потомъ бы отправился за вами. Намъ какъ-то нехорошо являться туда вмѣстѣ. Я долженъ здѣсь побыть, а потомъ...

Я не далъ ему докончить. Я видѣлъ, что что-то случилось, а такъ какъ я никогда никому не навязывался, то меня это поразило и я сейчасъ же отвѣтилъ:

— Я ѣду завтра.

Я замѣтилъ, какъ его огорчило то, что я былъ обиженъ. Онъ заговорилъ съ нѣжностью, что хотѣлъ бы вѣчно имѣть меня другомъ, что онъ въ очень трудныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, что слѣдовало бы предоставить остальное теченію времени. Я догадался, что меня продали и чье это было дѣло, но не проронилъ ни слова и не показалъ, какъ мнѣ было горько. Видя, какъ далеко мы ушли отъ нашей великой дружбы, я рѣшилъ не унижаться и ни о чемъ не просить. Что Богъ дастъ! Мы разстались. Когда Налынчъ уходилъ, я сказалъ ему:

— Прощайте же, я уѣду до свѣта.

— Что же вы такъ спѣшите?—проговорилъ онъ.

— Пора уже мнѣ, хотѣлось бы отдохнуть.

Когда онъ ушелъ, я далъ волю своему горю и негодованію. Если бы мнѣ не было стыдно, я бы заплакалъ, но я сдержался, стиснулъ зубы и рѣшилъ, что я оставлю гостиницу, какъ только начнетъ свѣтать. Я позвалъ Гжеся; онъ удивился, *но я не далъ ему* говорить и только велѣлъ, чтобы все было

готово къ утру. Самъ я такъ и не ложился и просидѣлъ всю ночь у окна. Около трехъ часовъ по полуночи я сошелъ во дворъ распорядиться, чтобы задали корму лошадямъ, но засталъ слугу уже на ногахъ.

Солнце всходило, когда застучала у воротъ моя повозка и и я собрался ѣхать. Вдругъ сверху сбѣжала дѣвушка и удержала меня, говоря, что жена хорунжаго проситъ меня подождать минутку, чтобы проститься съ нею. Во время путешествія въ Краковъ, гречанка была ко мнѣ очень благосклонна и выказывала мнѣ большое расположеніе. Она настолько выучилась по-польски, что мы могли говорить съ нею. Въ минуту моего отъѣзда она, вся блѣдная, сбѣжала съ лѣстницы спрашивая меня, что случилось и отчего я уѣзжаю. Я не зналъ, что сказать ей, но увидалъ по ея глазамъ что она многое знаетъ и спрашиваетъ только для того, чтобы убѣдиться. Мнѣ не нужно было лгать, и потому я сказалъ ей:

— Вѣтеръ повернулъ флюгеръ; я болѣе вамъ не нуженъ и ѣду прямо домой. Все это устроилъ Бѣсъ.

— Слушайте,—живо отвѣтила она:—не думайте обо мнѣ дурно, я поправлю его ошибку. Онъ сдѣлалъ это для меня, а я не хочу покупать своего счастья цѣною чужого. Надъ нами бы не было Божіяго благословенія. Будьте спокойны!—Прибавила она со слезами на глазахъ и мы разстались.

Не весело было мое возвращеніе. Отъ великихъ надеждъ я перешелъ къ прежней неизвѣстности. На другой день, подъ вечеръ, показалась изъ-за лѣса моя Вулька. Я осѣнилъ ее святымъ крестомъ и на глазахъ у меня были слезы. Чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ дому, тѣмъ сильнѣе билось мое сердце.

Я не знаю, какъ это случилось, что я засталъ у себя пана Яцка; я не писалъ ему о днѣ своего пріѣзда и онъ не думалъ объ этомъ. Я увидалъ его еще издали, стоящаго въ воротахъ съ четками. Я вышелъ изъ повозки, опираясь на костыль, и мы бросились другъ другу въ объятія, не говоря ни слова.

Въ хозяйствѣ, которымъ распоряжался этотъ вѣрный другъ, все было такъ хорошо, какъ, вѣрно, я самъ не сумѣлъ бы устроить. Мы просидѣли у огня всю ночь и не могли наговориться... Только утромъ немного поспали.

Мы начали разбирать вещи, такъ какъ мнѣ хотѣлось похва-

статься передъ другомъ своею добычею. Кромѣ той, которая досталась мнѣ самому, у меня было еще много вещей, купленныхъ за безцѣнокъ по дорогѣ у возвращающихся изъ похода. Я подарилъ пану Яцку прекрасное турецкое сѣдло съ серебряными стременами и со всею сбруею, украшенною бирюзою. Онъ не хотѣлъ брать, но я упросилъ его на колѣняхъ. Я замѣтилъ, что ему очень понравилась одна сабля, но такъ какъ не годится дарить другу острыя вещи, то я уговорилъ его заплатить мнѣ одинъ талеръ и онъ взялъ саблю, такъ какъ она очень подходила къ сѣдлу. Когда же я досталъ свои кошельки, бриллiантовый поясъ и разныя драгоцѣнности, Яцекъ началъ благодарить Бога.

— Только не давай никому этихъ денегъ,—сказалъ онъ;— надо купить землю. Вулька мала, а шляхтичъ долженъ далеко пустить корни, чтобы хорошенько укрѣпиться. Есть у насъ въ околоткѣ Рыжавка, которая продается послѣ вдовы Рыжавскаго; ея внуки не хотятъ тамъ жить, потому что у нихъ есть въ другомъ мѣстѣ большія имѣнія. Купимъ Рыжавку.

— Я ничего не имѣю противъ этого, купимъ Рыжавку... Но къ чему все это, если у меня отнимутъ невѣсту?

— Поѣдемъ къ Опольской,—сказалъ панъ Яцекъ, —къ ней нужно съѣздить на поклонъ. Старушка она умная и тебя любитъ. Всякій разъ, какъ я у нея былъ, она меня спрашивала! «А что же нашъ Мрочекъ? Есть у васъ какія-нибудь вѣсти? Не останется ли онъ калѣкою?»

Мы рѣшили ѣхать къ ней въ полдень въ тотъ же день. Я хотѣлъ также привести ей подарокъ съ войны, но было трудно выбрать. Бриллiантовый поясъ, какъ оказалось, стоитъ любой деревни; я бы не могъ его дать, да и она бы не хотѣла принять. Мы выбрали каменныя четки прекрасной работы, которыя я нашелъ въ своемъ шатрѣ. Можетъ быть, кто-нибудь найдетъ страннымъ, что у турокъ встрѣчается то же, что употребляютъ во время молитвы одни только христiане; но вѣрно то, что почти у каждаго изъ нихъ есть такія четки. Не знаю, молятся ли они съ ними Магомету или онѣ служатъ имъ для другихъ цѣлей.

Закусивъ дома, чѣмъ Богъ послалъ, мы сѣли въ возокъ *пана Яцка,* такъ какъ мнѣ было еще трудно садиться на ло-

шадь, и поѣхали къ старушкѣ. Большая была радость, когда меня увидали. Когда доложили о нашемъ пріѣздѣ, пани Опольская сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занятая письмами; она сейчасъ же вышла въ залъ. Увидя меня съ костылемъ и съ палкою, она чуть не заплакала, усадила меня и велѣла все о себѣ разсказывать. Этихъ разсказовъ хватило до вечера. Мы дошли до спасенія Налынча, до его обѣщаній и нашего путешествія до Люблина. Скрывать было нечего. Она тоже думала, что меня продали, но совѣтовала терпѣливо ждать возвращенія Елены изъ Вильны и согласоваться съ ея рѣшеніемъ. Она сказала намъ, что хорунжаго съ женою еще не было, но ихъ уже ждали и рѣшено было раздѣлить имущество, какъ только они пріѣдутъ. Первый планъ братьевъ — выдать панну Елену за Стадницкаго — кончился ничѣмъ, такъ какъ онъ женился, на Оссолинской. Теперь, какъ оказалось, они имѣли въ виду какого-то Коссаковскаго, который хотѣлъ отказаться отъ приданаго, а въ залогъ записать имѣнье. Онъ сулилъ братьямъ золотыя горы, такъ какъ былъ старый женолюбецъ и ему хотѣлось имѣть молодую жену, хотя ему было уже болѣе шестидесяти лѣтъ и онъ вдовѣлъ два раза, не имѣя дѣтей. Братьямъ было очень на руку взять деньги за приданое, особенно въ виду того, что они сильно порастратились.

— Терпѣніе и твердость, — говорила пани Опольская: — остальное въ рукѣ Бога.

Она очень обрадовалась, когда мы ей разсказали о томъ, какъ благословилъ меня Богъ во время этого похода, и то, что я могъ купить Рыжавку, а можетъ быть, и еще что нибудь.

На другой день я поѣхалъ къ ксендзу, помня, какъ онъ хорошо меня принялъ, когда я пріѣхалъ послѣ смерти дяди безъ гроша денегъ. Старикъ тоже заставилъ меня разсказывать и это длилось безъ конца.

Панъ Яцекъ, не теряя времени, поѣхалъ самъ къ Рыжавскимъ, но вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ они заломили страшную цѣну и хотѣли еще годъ владѣть деревнею. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ ко мнѣ младшій Рыжавскій и заговорилъ со мною самъ. Я сказалъ ему, что не дамъ больше того, что обѣщалъ, и сейчасъ же хочу вступить во владѣніе. Съ этимъ онъ уѣхалъ. Но дня черезъ два пріѣзжаетъ ко мнѣ

панъ Яцекъ и обнимаетъ меня, поздравляя съ покупкою, Рыжавки, Плеокъ и Суровина (все это принадлежало къ одному).

Я смотрѣлъ на него, ничего не понимая.

— Доставай деньги и вели принести вина, чтобы вспрыснуть нашу покупку, — сказалъ Яцекъ; — безъ этого нельзя. Сюда ѣдутъ Рыжавскіе съ нотаріусомъ. Черезъ часъ они будутъ здѣсь и дѣло будетъ кончено.

— А когда я вступлю во владѣніе?—спросилъ я.

— Въ день св. Войцеха, иначе было нельзя.

Мы обнялись. Въ тотъ же день мы заплатили деньги и подписали контрактъ.

Такъ-то, при помощи Божіей, основался я не въ маленькой Вулькѣ, а въ настоящемъ дворянскомъ имѣньи изъ четырехъ деревень и, не знаю уже, къ добру или къ худу, сталъ близкимъ сосѣдомъ Налынчей, такъ какъ наши поля соприкасались. Я зналъ уже, что хорунжій пріѣхалъ домой со своею гречанкою и что братья приняли его довольно сносно, хотя и воротили носы отъ невѣстки. Со мною онъ не входилъ ни въ какія сношенія, а я молчалъ, такъ какъ мнѣ не слѣдовало навязываться.

Вездѣ разнесся слухъ, что я купилъ Рыжавку; всѣ меня поздравляли. Покупка была недурная, но имѣніе, которымъ управляла или сама старушка, или ея приказчики и фавориты, было до того запущено и истощено, что напомнило мнѣ прежнюю Вульку. Когда я осмотрѣлъ его, мнѣ стало просто нехорошо, но я подумалъ, какъ всегда, что сдѣланное людьми можно поправить. Я сейчасъ же послалъ отъ себя управителемъ Гавронскаго, желая, чтобы у меня не попортили остальныхъ заборовъ и крышъ.

Всѣ меня поздравляли. Въ домѣ ксендза я встрѣтился со всѣми Налынчами, кромѣ хорунжаго, которому нездоровилось. Они тоже меня поздравляли, но смотрѣли на меня косо.

Между тѣмъ, мнѣ сказали, что и король вернулся въ Яворово изъ своего труднаго похода. Нога моя настолько поправилась, что я могъ ходить съ одною палкою; а Елена не возвращалась. Я рѣшился съѣздить на поклонъ къ королю. Сказано, сдѣлано. Зима была въ тотъ годъ хорошая и санный путь отличный, поставивъ возокъ на полозья, я двинулся въ путь, поручивъ хозяйство пану Яцку. Въ дорогѣ со мною ни-

чего не случилось, кромѣ того, что, по милости Гжеся, который слишкомъ крѣпко спалъ, у меня украли ночью очень красивый турецкій чепракъ.

Въ Яворовѣ я встрѣтилъ столько друзей и знакомыхъ, что сердце радовалось и мои грустныя мысли нѣсколько разсѣялись. На другой день утромъ я пошелъ къ королю, который уже зналъ о моемъ пріѣздѣ, и, какъ только я пришелъ, онъ положилъ мнѣ руки на плечи и сказалѣ:

— Ну, что, Мрочекъ, всѣмъ намъ досталось подъ Вѣною? Вѣдь если бы не то, что мы спасали крестъ Господень, пришлось бы жалѣть, что мы такъ спѣшили помогать нѣмцамъ. Эхъ, сударь мой! Ты раненъ, я весь въ рубцахъ, а столько достойныхъ людей сложили свои головы. А потомъ вѣдь отъ насъ бѣгали, какъ отъ враговъ, и помогали туркамъ насъ бить. Ну, да что объ этомъ говорить? Все это дѣлалось во имя христіанства. Какъ ты поживаешь?

Я началъ разсказывать о своихъ невзгодахъ. Король отошелъ къ столу и началъ рыться въ бумагахъ.

— Хотя это и пустяки, — сказалъ онъ, подавая мнѣ бумагу:—а все будетъ тебѣ память. Конечно, ты этимъ хлѣбомъ не объѣшься, а все-таки кусокъ получить тебѣ слѣдовало.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Король улыбался и трепалъ меня по плечу.

— Ты не думалъ и не просилъ, а я о тебѣ не забылъ. Было у меня одно имѣнье на Бугѣ, я и подумалъ: посажу я туда старостою Мрочка, онъ будетъ ловить ужей и посылать мнѣ ихъ въ постъ.

Я благодарилъ его почти со слезами,

— Ну, довольно, довольно!—отбивался король—А что же твоя богиня? Что Налынчи? А?

Все ему было извѣстно. Онъ былъ уже пожилой и не любилъ разныхъ любовныхъ приключеній, а такъ какъ онъ самъ продолжалъ любить королеву такъ же, какъ на другой день послѣ свадьбы, то ему очень нравилось въ другихъ постоянство въ любви. Для него не могло быть ничего пріятнѣе, какъ видѣть, что кто нибудь искренно и серьезно привязался къ женщинѣ. Я разсказалъ ему все, какъ было, и то, что Налынчи не хотятъ и слышать обо мнѣ.

— Поѣзжай-ка домой,—сказалъ онъ:—и сиди смирно. Я поговорю съ Коссаковскимъ и онъ не будетъ стоять у тебя на дорогѣ, а хорунжему я надеру уши.

Я прожилъ въ Яворовѣ нѣсколько дней и, конечно, долженъ былъ вспрыснуть свой новый титулъ. Владѣніе было, въ самомъ дѣлѣ, не Богъ знаетъ какое: песокъ и болото, но все-таки на что нибудь оно годилось и было знакомъ милости короля, а это—самое главное. Возвращаясь, я нарочно свернулъ съ дороги на Варшаву и въ Мазурію, чтобы повидаться съ дальними родственниками, которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. Они были мнѣ очень рады и я долженъ былъ ѣздить съ ними три недѣли изъ дома въ домъ, пить и веселиться, хотя мнѣ очень хотѣлось домой. Они всячески уговаривали меня жениться у нихъ. Мнѣ сейчасъ же, не говоря ни слова, пріискали невѣсту, панну Теклу Зажинскую, которая была единственною дочерью и должна была получить въ наслѣдство отъ отца два прекрасныхъ имѣнія. Она была очень милая дѣвушка, видная, молодая, рѣшительная, я былъ ей не противенъ; но я сейчасъ же объявилъ имъ, что я обрученъ и до гробовой доски не измѣню своей Еленѣ. Они на меня за это не сердились, но очень жалѣли, что ихъ планъ не удался, такъ какъ и старый Зажинскій былъ за него, а ему очень хотѣлось имѣть зятя, чтобы было кому поручить хозяйство. Мрочекъ и другіе родные проводили меня миль за шесть по дорогѣ и мы пріятно провели еще дня три въ знакомой усадьбѣ. Потомъ я отправился прямо домой, такъ какъ давно не имѣлъ оттуда вѣстей и начиналъ уже безпокоиться.

Я заѣхалъ, прежде всего, къ пану Яцку. Здѣсь, въ мое отсутствіе, случилась большая бѣда. Разгоряченный послѣ ужина, онъ, въ сильный морозъ, вышелъ на крыльцо провожать гостей и его разбило параличемъ. Онъ лежалъ въ постели, съ трудомъ говорилъ и у него отнялась одна рука и нога. Я отослалъ повозку домой, а самъ остался при немъ, такъ какъ нужно было за нимъ ухаживать. Я сейчасъ же увидалъ по лицу старика, что ему было очень плохо. Тутъ была его невѣстка и племянникъ, которые окружили его всевозможными заботами, но все было напрасно.

Цирюльникъ давалъ ему разныя лѣкарства, но я думаю,

что онъ только повредилъ ему сильными средствами: у него сдѣлался ударъ и онъ не дожилъ до слѣдующаго дня. Я оплакалъ и похоронилъ его, какъ родного отца.

Со слезами я вернулся домой, гдѣ мнѣ показалось такъ пусто, какъ никогда. Я сейчасъ же поѣхалъ къ Опольской, которая дала мнѣ знать, что ей нужно со мною говорить. Я пріѣхалъ къ ней очень печальный, такъ какъ еще не могъ забыть дорогого друга, котораго только что потерялъ. Старушка замѣтила это и заставила меня разсказывать обо всемъ: о Рыжавкѣ, о Яворовѣ, о новомъ имѣньи на Бугѣ и т. д. Когда она поздравила меня, я сказалъ ей:

— Ахъ, я съ радостью отдалъ бы все это, только бы Богъ далъ мнѣ то, чего жаждетъ мое сердце.

— Вѣдь не сразу строился Краковъ,—сказала она:—подождите, можетъ быть, и это придетъ.

Мы сидѣли за столомъ и уже кончали обѣдать, когда намъ сказали, что пріѣхалъ хорунжій съ женою. Съ того времени, какъ мы разстались въ Люблинѣ, мы съ нимъ совсѣмъ не видались, развѣ только издали въ церкви. Его обѣщанія пошли прахомъ, а наша дружба какъ будто никогда и не существовала. Мнѣ было непріятно, что мы встрѣтились, но уходить было неловко; я долженъ былъ остаться, тѣмъ болѣе, что Опольская взглянула на меня и улыбнулась. Мы вышли съ нею въ залу.

Мы встрѣтились хорошо. Гречанка весело подошла ко мнѣ, а когда я цѣловалъ ея руку, она сжала мою, какъ бы давая понять, что она не забыла о нашемъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени хорунжій подошелъ ко мнѣ и отвелъ меня къ окну.

— Братъ,—сказалъ онъ, обнимая меня,—прости и забудь. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы убѣдить этихъ безумцевъ, но съ ними ничего нельзя сдѣлать. Они имѣютъ многое противъ тебя, между прочимъ, и то, что ты спасъ мнѣ жизнь, такъ какъ и я у нихъ въ немилости. Надо дѣйствовать иначе.

Я взглянулъ ему въ глаза.

— Елена ѣдетъ сюда,—сказалъ онъ:—за нею послали; ѣдетъ Бѣсъ съ нашими людьми. Черезъ нѣсколько дней они вернутся и если она пріѣдетъ сюда, они на нее нападутъ и готовы будутъ выдать ее силою за Коссаковскаго, лишь бы не давать приданаго.

— Если все дѣло въ приданомъ, а она соглашается, — сказалъ я:—то я также не держусь за него.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ хорунжій:—особенно для меня. Пусть будетъ у каждаго то, что ему слѣдуетъ, я чужого не хочу, но съ братьями трудно справиться. Я могу дать тебѣ только одинъ совѣтъ: поѣзжай со своими. Вы встрѣтите по дорогѣ кавакальду. Надо отбить сестру, найти ксендза и обвѣнчаться, а остальное я устрою. Но,—прибавилъ онъ: — ради Бога, меня въ это не вмѣшивайте... Пусть я, какъ будто, ничего и не знаю.

Я задумался. Мнѣ совсѣмъ не нравилось то, что я долженъ похищать себѣ жену, какъ разбойникъ на большой дорогѣ. Я отвѣчалъ ему, что это не согласно съ честью ихъ имени и дома, а также и моего; но онъ сейчасъ же сталъ приводить мнѣ подобные случаи: какъ Мнишекъ похитилъ свою невѣсту изъ монастыря, когда ея родные не позволяли ему на ней жениться; какъ такой-то и такой-то доставалъ себѣ жену посредствомъ оружія и ничего въ этомъ не было дурного. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Все готово для этого; насколько я понялъ, даже Елена и такая разсудительная особа, какъ пани Опольская, согласны на это потому, что другого способа нѣтъ. Это бунтъ не противъ родительской власти, а противъ притѣсненія неправой семьи, которая можетъ быть причиною несчастья сестры. Нужно сейчасъ же ѣхать, все приготовить, засѣсть на дорогѣ и взять съ собой хорошихъ рубакъ, такъ какъ придется имѣть дѣло съ Бѣсомъ. И еще прибавляю тебѣ: нужно обвѣнчаться сейчасъ же, прежде, чѣмъ братья что нибудь узнаютъ, чтобы все было кончено, прежде, чѣмъ они начнутъ дѣйствовать противъ тебя. Но только я прошу еще разъ: ради Бога! чтобы я ничего не зналъ... Я ничего не хочу знать!..

Онъ сейчасъ же отошелъ отъ окна и завязался другой разговоръ. Гречанка начала хвастаться, что ее выучили по-польски, и, глядя на меня, показывала мнѣ знаками, что она обо всемъ знаетъ. Мнѣ все еще казалось страннымъ, что я долженъ такъ доставать себѣ жену, но что же было дѣлать? Я пересидѣлъ у Опольской ея гостей, а когда они уѣхали, я ей все разсказалъ и просилъ ея совѣта. Старушка посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Это хорошо съ вашей стороны, что вамъ противно всякое насиліе,—сказала она:—но есть такіе случаи, въ которыхъ нужно прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, когда дѣло идетъ о будущности дорогой намъ особы. Я думаю, что хорунжій совѣтуетъ единственное средство, которое можетъ вамъ помочь.

Тутъ я увидѣлъ, что иначе не можетъ быть, а разъ рѣшившись на это, мнѣ нечего было ждать. Въ ту же ночь я поѣхалъ къ Зегждѣ. Путь былъ дальній, часъ поздній на дворѣ снѣгъ и метель. Мы едва добрались до усадьбы, а въ воротахъ навалило такую кучу снѣга, что мы не могли въѣхать во дворъ. Я долженъ былъ пробираться пѣшкомъ, на меня напали собаки и чуть не разорвали мнѣ платье; я постучался въ окно. Всѣ въ домѣ всполошились, такъ какъ едва успѣли заснуть и думали, что или воры ломятся, или что нибудь случилось. Зегжда выскочилъ на крыльцо съ саблею и я едва его успокоилъ. Узнавъ меня, онъ началъ смѣяться и мы пошли съ нимъ въ домъ. Онъ сейчасъ же догадался, что у меня важное дѣло. Въ двухъ словахъ я разсказалъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ, но съ этимъ милымъ человѣкомъ хорошо было драться, но никакъ не хитрить: на штуки и козни онъ не годился.

Изъ того, что говорилъ мнѣ хорунжій, я видѣлъ, что нельзя терять ни минуты, а разъ рѣшившись на это дѣло, я былъ какъ въ лихорадкѣ и желалъ какъ можно скорѣе все кончить.

Зезжда всталъ съ мѣста и сказалъ мнѣ:

— Милый мой, вотъ тебѣ моя сабля и рука, но устроить я этого не сумѣю, для этого намъ нуженъ Грабовскій. Я велю запречь лошадей и мы поѣдемъ къ нему.

Пока мы говорили, начали стучаться въ дверь; оказалось, что мы разбудили женщинъ и онѣ испугались, не зная, что случилось. Вошла сама хозяйка въ ночномъ костюмѣ и начала разспрашивать, въ чемъ дѣло. Зегжда началъ страшно врать о какихъ-то волкахъ, поцѣловалъ жену, велѣлъ принести грѣтой наливки, послалъ въ конюшню человѣка съ фонаремъ и, черезъ часъ, мы уже были на дорогѣ. Въ два часа ночи мы были у Грабовскаго, но боялись испугать его старую мать и поѣхали на ферму. Я разбудилъ управляющаго, а такъ какъ

Грабовскій очень заботился о своихъ породистыхъ волахъ и велѣлъ будить себя для нихъ почью, то мы сказали ему, чтобы онъ ничего не говорилъ и привелъ сюда хозяина подъ предлогомъ посмотрѣть на больного вола. Черезъ четверть часа мы услыхали, какъ Грабовскій идетъ по снѣгу въ большихъ сапогахъ и ругаетъ управляющаго на всѣ корки за того вола, котораго мы сами сочинили. Когда онъ вошелъ въ комнату и увидалъ насъ съ Зегждою, грѣющихся у огня, онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія. Мы такъ и покатились со смѣху, потомъ я отвелъ его въ уголъ и началъ обяснять ему наше дѣло.

Но съ Грабовскимъ много разговаривать было нечего, это былъ человѣкъ догадливый и готовый на всякія шутки. Я только намекнулъ ему, а онъ чуть не запрыгалъ отъ радости и началъ меня обнимать и цѣловать.

— Награди тебя Богъ за то, что ты даешь мнѣ такое дѣло; цѣлый годъ у меня не было ни одной исторіи! Уже мнѣ и жить надоѣло!—восклицалъ онъ.

Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность, придумалъ, куда нужно было ѣхать, все разсчиталъ, выбралъ.

Мы условились ждать на виленской дорогѣ въ Захожанахъ, гдѣ былъ знакомый ксендзъ и даже, кажется, дальній родственникъ Грабовскаго по матери. Тамъ стояла гостиница, мимо которой Бѣсу непремѣнно приходилось проѣзжать. Мы должны были сидѣть въ гостиницѣ у хозяина и разставить часовыхъ на семь миль по дорогѣ къ Вильнѣ, чтобы они дали намъ знать заранѣе о пріѣздѣ Елены. Мы выбрали самыхъ молодыхъ и рѣзвыхъ лошадей, которыхъ нельзя было перегнать. Все дѣло было въ томъ, выѣдетъ ли Елена изъ Вильны утромъ или въ полдень, такъ какъ, по разсчету Грабовскаго, отъ этого зависѣло то, въ какое именно время она будетъ въ Захожанахъ: къ ночи или днемъ.

На другой день мы всѣ были готовы. Наши люди должны были пробраться впередъ по одному и ждать на рынкѣ въ жидовскихъ домахъ, а потомъ сбѣжаться къ намъ по условленному знаку на троекратный крикъ. Часовые пошли по дорогѣ на назначенныя мѣста, мы поѣхали въ гостиницу къ хозяину, а Грабовскій отправился къ ксендзу. Къ счастью, санный путь *былъ отличный*, снѣгу навалило много, а мы не жалѣли ло-

шадей. На закатѣ солнца мы были уже въ Захожанахъ. Прежде всего я послалъ въ гостиницу спросить, не проѣзжали ли наши. Жидъ перечислилъ проѣзжихъ, которые останавливались тамъ за послѣдніе дни, но Елены не назвалъ. Онъ зналъ ея людей и лошадей и, конечно бы, узналъ и запомнилъ ихъ. Мы расположились у хозяина, который былъ самый милый и гостепріимный человѣкъ.

Мы переночевали у него. Грабовскій, придя къ намъ ужинать, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Ксендзъ нашъ! Уже все готово къ вѣнцу... Только бы намъ отбить твою панну.

По нашему разсчету, они должны были пріѣхать или къ вечеру, или на другой день въ полдень; но, по крайней мѣрѣ, за часъ, наша стража должна была извѣстить насъ объ этомъ. Однако, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, намъ во всемъ была неудача. У насъ было трое часовыхъ; одинъ напился пьянъ, другой заснулъ, у третьяго заболѣла лошадь. Приближался полдень. Мы спокойно сидѣли въ домѣ хозяина и ни къ чему не были готовы, когда прибѣжалъ къ намъ жидокъ изъ гостиницы и объявилъ, что Елена пріѣхала и, какъ только лошади отдохнутъ и поѣдятъ, они сейчасъ же отправятся дальше. Мы всѣ повскакали съ мѣстъ и совершенно растерялись. Одинъ только Грабовскій сейчасъ же опомнился, привязалъ саблю, разослалъ людей и отправился съ нами въ гостиницу, которая стояла на рыночной площади и примыкала съ двухъ сторонъ къ другимъ жидовскимъ домишкамъ, такъ что въ нее можно было войти только спереди и сзади. Передъ нею стояло двое саней, но лошадки изъ нихъ были выпряжены, а люди разошлись; Елена вошла въ домъ немного погрѣться, а Бѣсъ спросилъ себѣ водки. Видно было, что они не дожидали, чтобы что-нибудь могло случиться среди бѣлаго дня. Увидавъ это, Грабовскій сталъ насъ упрашивать:

— Дайте, я пойду одинъ. Когда будетъ нужно, я кликну васъ.

Сердце у меня страшно билось, но я долженъ былъ уступить ему. Потомъ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ поступилъ. Онъ вошелъ въ гостиницу черезъ конюшню и прямо прошелъ въ ту комнату, гдѣ была Елена. Бѣсъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто туда не входилъ и потому началъ кричать.

— Кто тамъ? Здѣсь женщины!

— Да вѣдь я ихъ не съѣмъ,—отвѣчалъ Грабовскій и вошелъ; но онъ успѣлъ только сдѣлать Еленѣ знакъ, какъ Бѣсъ сейчасъ же явился. Они были давно знакомы и поздоровались. Бѣсъ все тащилъ его въ другую комнату, прося, чтобы онъ не мѣшалъ отдыхать дамамъ. Съ Еленою была старушка-воспитательница и служанка. Грабовскій, уже увѣренный въ своемъ успѣхѣ, спокойно сѣлъ на лавку и спросилъ стаканъ меду.

— Знаешь, что,—сказалъ онъ Бѣсу:—какой у нихъ тутъ есть старый медъ! Я такого еще нигдѣ не пилъ, хотя пробовалъ и знаменитый ковенскій и любельскіе меды знаю. Что ты пьешь эту скверную водку? Выпилъ бы вотъ этого нектара.

— Оно, пожалуй, что и нектаръ,—сказалъ Бѣсъ: — но послѣ него нападаетъ на человѣка сонъ, а сторожу спать въ дорогѣ опасно.

— Да хотя бы ты и задремалъ,—сказалъ Грабавскій: — здѣсь уже ничего случиться не можетъ; у насъ о разбояхъ не слышно, а вы будете къ вечеру дома. Я вашихъ лошадей знаю, у нихъ такая рысь, что ихъ никто не догонитъ. Но я тебя поздравляю съ тѣмъ, что ты проѣхалъ благополучно виленскую дорогу и лѣса; вотъ тамъ такъ часто бываютъ случаи.

Бѣсъ улыбнулся.

— Я ничего не боюсь,—сказалъ онъ.

— А много у тебя людей?—спросилъ Грабовскій.

— Насъ шестеро, вмѣстѣ со мною. Мы бы съ двѣнадцатью справились.

— А съ тринадцатью?—спросилъ Грабовскій.

— Ну, я бы и тутъ не испугался.

— А съ пятнадцатью?

— Кто знаетъ? Если-бы я сталъ защищаться, я и ихъ бы одолѣлъ.

— А интересно бы было попробовать,—сказалъ Грабовскій, допивая свой медъ:—хочешь, побьемся объ закладъ?

Бѣсъ началъ смѣяться.

— Вѣдь я не шучу,—воскликнулъ Грабовскій:—хочешь *или нѣтъ? Побьемся* объ закладъ.

— А откуда же ты возьмешь людей?

— Я? Да развѣ ты не знаешь? У меня здѣсь въ любомъ мѣстечкѣ есть на всякій случай свои люди. Никогда нельзя знать, что можетъ случиться съ человѣкомъ. Мнѣ стоитъ только свиснуть и у меня сейчасъ выскочатъ изъ-подъ земли двѣнадцать или тринадцать человѣкъ.—Старикъ продолжалъ смѣяться. Грабовскій медленно всталъ изъ-за стола и началъ на него смотрѣть. У Бѣса была за поясомъ его обычная сабля, которую онъ звалъ «женкою». Эта «женка» была хорошо извѣстна во всемъ околоткѣ, такъ какъ многіе отъ нея пострадали; она славилась тѣмъ, что рубила желѣзо, какъ веревки.

— Какой ты вѣрный мужъ,—сказалъ Грабовскій:—я вижу, что ты безъ «женки» ни на шагъ. Хотѣлъ бы я, чтобы ты показалъ мнѣ ее голенькую, какая она такая. Я слыхалъ объ ней чудеса, а никогда ее не видалъ.

Бѣсъ былъ настолько глупъ, что далъ ему саблю въ руки. Грабовскій пошелъ съ нею къ окну, будто бы осмотрѣть ее, да вдругъ какъ ударитъ въ окно, такъ стекла и посыпались, потомъ онъ приложилъ руку ко рту и три раза крикнулъ. Бѣсъ подумалъ сначала, что онъ сошелъ съ ума, и бросился къ нему, но потомъ увидалъ, что на рынкѣ поднялась бѣготня, подъ окнами появились люди и, наконецъ, я вбѣжалъ въ сосѣднюю комнату за Еленою. Тутъ только у него открылись глаза и онъ бросился на Грабовскаго; тотъ загородилъ ему путь его собственною саблею, а сзади подскочило двое людей, которые связали ему руки и зажали ротъ.

Между тѣмъ я вошелъ къ Еленѣ, всталъ передъ нею на колѣни и сказалъ:

— Вѣрьте, что я взялся за это дѣло не по своей волѣ. Только по совѣту другихъ рѣшился я добиваться силою того, что я хотѣлъ бы получить съ согласія вашей семьи. Простите и не осуждайте меня.

Увидавъ меня, она сначала испугалась, потомъ начала плакать. Въ эту минуту вошелъ Грабовскій и сказалъ ей:

— Мы достали невѣсту для пана старосты. Я надѣюсь, вы не будете бранить насъ за это. Я буду дружкою и сватомъ. Ксендзъ ждетъ въ костелѣ. Нельзя терять ни минуты, пойдемте.

Она не могла опомниться отъ удивленія и все еще плакала.

и дрожала, но я началъ тихонько разсказывать о согласіи старшаго брата и о совѣтѣ Опольской, а потомъ сталъ цѣловать ея ножки, прося, чтобы она не задерживала больше моего счастья.

Всѣ мы, какъ были, пошли сейчасъ же въ костелъ. Ксендзъ уже ждалъ насъ въ ризницѣ во всемъ облаченіи. Я взялъ кольцо у ювелира, а черезъ полчаса мы были уже обвѣнчаны и пошли въ домъ священника, разставивши стражу для безопасности. Но это было напрасно, такъ какъ Бѣсь лежалъ въ комнатѣ связанный, а люди, предоставленные сам себѣ, и не думали сопротивляться. Теперь дѣло было въ и томъ, чтобы братья ничего не узнали слишкомъ скоро; мы должны были, изъ предосторожности, связать и людей.

Такъ-то, несмотря на неисправность часовыхъ, все это кончилось такъ хорошо, то я не зналъ, какъ и благодарить Грабовскаго. Но это было только начало, такъ какъ можно было ожидать, что оскорбленные братья не оставятъ безнаказаннымъ нашего поступка и захотятъ отнять сестру, хотя бы силою, и запереть ее въ монастырь, а со мною начать въ консисторіи процессъ за бунтъ и насиліе.

Мнѣ надо было ѣхать съ женою въ Вульку, но тамъ нельзя было бы ни защититься, ни отбить нападенія; у меня не было въ усадьбѣ даже порядочнаго частокола. Къ Рыжавкѣ принадлежалъ Суровинъ, который былъ уже мой, а усадьба въ Суровинѣ стояла на такъ называемомъ старомъ городищѣ; даже деревня называлась прежде Суровское Городище. Мой управитель жилъ въ усадьбѣ, окруженной валомъ, который былъ обведенъ тонкимъ, но довольно крѣпкимъ частоколомъ. По совѣту Грабовскаго, а также и по собственному соображенію, я рѣшилъ, что этотъ островъ есть самое безопасное мѣсто для того, чтобы спрятаться, такъ какъ вокругъ были болота и попасть въ усадьбу можно было только черезъ мостъ. Оставивъ подъ стражею нашей шляхты людей Налынчей, а также сани и лошадей, такъ какъ мы не хотѣли братъ ничего, кромѣ вещей Елены, мы сейчасъ же отправились въ Суровинъ. Я послалъ только Гжеся въ Вульку, чтобы онъ сейчасъ же привезъ намъ самую необходимую утварь. Такъ какъ мы ожидали нападенія, то я велѣлъ собрать *все оружіе, которое* только тамъ было. Насъ сопровождалъ Гра-

бовскій, Зегжда и шесть человѣкъ изъ шляхты. О томъ, чтобы праздновать свадьбу, нечего было и думать, такъ какъ дѣло шло о моей жизни и о безопасности моей госпожи и подруги. Къ счастью, ночь была тихая и свѣжая, лошади накормлены и мы почти безъ отдыха сдѣлали пять миль по проселочнымъ дорогамъ, а передъ разсвѣтомъ были уже на суровинской гати, гдѣ мы чувствовали себя внѣ всякой опасности.

И большое это было счастье, что мы не поѣхали въ Вульку, а о Суровинѣ никому ничего не сказали, потому что одинъ изъ слугъ Елены, который возвращался съ напоенными лошадьми, когда случилась вся эта исторія, хлеснулъ кнутомъ ту лошадь, на которой сидѣлъ, и остановился только на господскомъ дворѣ, гдѣ и разсказалъ, что панну украли и отвели въ костелъ, всѣхъ людей похватали, а Бѣса убили. Братья сейчасъ же бросились на поиски, раздѣлившись на два отряда: одинъ, въ пятнадцать коней, поѣхалъ въ мѣстечко, другой, въ двадцать съ лишнимъ — въ Вульку, гдѣ меня не нашли, а только напугали людей.

Пріѣхавъ въ Суровинъ, мы должны были сейчасъ же все обдумать и приготовиться, какъ въ военное время. По дорогѣ разставили мы часовыхъ около засмоленныхъ костровъ, которые мы велѣли зажечь въ случаѣ, если появится что-либо опасное; на гати были караульные, въ деревнѣ тоже, укрѣпили ворота, подпилили мостъ, Грабовскій послалъ къ себѣ за пушкою, которая гдѣ-то у него валялась, ружья были заряжены, люди готовы. Около полудня пріѣхалъ Гжесь съ провизіею, оружіемъ, военными запасами и еще нѣсколькими людьми, а къ вечеру мы были уже настолько спокойны, что могли принять нашихъ гостей и взглянуть на свѣтъ нѣсколько смѣлѣе и веселѣе. Но всѣ мы были на-сторожѣ. Мы проговорили у огня до полуночи. Стоя на колѣняхъ передъ женою, я цѣловалъ у нея руки и просилъ, чтобы она меня не осуждала. Но я никогда не видалъ такой мужественной и твердой женщины, какъ она. Разъ повѣнчавшись, она не выказала ни малѣйшаго страха или сомнѣнія.

— Если насъ захотятъ убить, то мы умремъ вмѣстѣ, — говорила она мнѣ.

Всѣ мы были страшно утомлены, а потому въ полночь каждый изъ насъ задремалъ въ своемъ углу, не мѣняя положенія.

Огонь погасъ. На разсвѣтѣ я почувствовалъ, что кто-то меня будитъ и шепчетъ мнѣ что-то на ухо. Я открылъ глаза: около меня стоялъ Гжесь и говорилъ мнѣ: «Вставайте».

Я вышелъ на цыпочкахъ въ первою комнату и мнѣ не нужно было объяснять, затѣмъ меня разбудили: я увидалъ въ окно, что горятъ два костра. Я разбудилъ Грабовскаго и Зегжду, мы тихонько вышли изъ дому и въ полчаса все было готово. Я послалъ Гжеся на развѣдки въ деревню на жеребенкѣ и запретилъ ему ѣхать по дорогѣ, чтобы не слышно было лошадинаго топота. Мы поставили людей у частокола и стали ждать... Все было тихо. Вотъ загорѣлся третій костеръ, вотъ четвертый; наконецъ, послышался стукъ на мосту: вернулся мой караульный. Я полетѣлъ къ нему навстрѣчу.

— Что слышно?

— Около ста людей со всѣхъ сторонъ окружаютъ Суровинъ,— сказалъ онъ.

Мы притаились за заборомъ. Я велѣлъ даже потушить свѣтъ въ домѣ и только разбудилъ жену, чтобы ее какъ-нибудь не испугали выстрѣлы. Она сейчасъ же встала на колѣни и начала молиться, а я пошелъ къ людямъ. Становилось свѣтлѣе. Я увидалъ, что по гати ѣдетъ кучка людей. Я послалъ на подпиленный мостъ и велѣлъ тихонько вынуть доски. Мы обвернули сваи соломою, засмолили и велѣли одному изъ людей поджечь ихъ, когда мы дадимъ ему знакъ. Но наши враги были осторожны и сначала только осматривали позицію.

Мы ожидали нападенія, но, очевидно, что, посовѣтовавшись между собою, они рѣшили иначе, такъ какъ они медленно отступили за гать, собрались тамъ всѣ вмѣстѣ и остановились. Было уже насколько свѣтло, что мы могли видѣть всѣ ихъ движенія; но намъ было трудно понять, что они предпринимали, убѣдившись, что не застали насъ врасплохъ. Какъ я уже сказалъ, усадьба въ Суровинѣ была окружена валомъ и частоколомъ и почти со всѣхъ сторонъ подходили къ ней болота и маленькая гнилая рѣченка, которая никогда хорошенько не замерзала. Мы боялись нападенія только со стороны гати и моста, такъ какъ сзади мѣсто было открытое и очень неудобное для нападенія. Хорошо зная мѣстность, можно было пробраться, рискуя при этомъ

провалиться иногда до колѣнъ, а иногда и по поясъ. Никому изъ насъ не пришло въ голову, чтобы то, что насъ защищало, могло сдѣлаться для насъ опаснымъ. Увидѣвъ, что насъ нельзя взять безъ кровавой борьбы, господа Налынчи сообразили, что можно насъ обложить и принудить къ сдачѣ голодомъ. У насъ, дѣйствительно, былъ небольшой запасъ провизіи, а людей много, такъ какъ мы никакъ не могли ожидать, что придется долго держаться; сначала намъ это и въ голову не приходило.

Грабовскій, который никогда не терялъ присутствія духа, особенно когда онъ былъ въ дѣлѣ, думалъ, что они чего-то ждутъ, и со смѣхомъ говорилъ, что они послали за артиллеріею. Онъ называлъ Налынча Кара-Мустафою и сравнивалъ нашу осаду съ дѣломъ подъ Вѣною. Пришелъ день. Мы поставили у воротъ стражу и пошли немного закусить и отдохнуть. Въ эту минуту Леля позвала меня въ отдѣльную комнату и шепнула мнѣ на ухо:

— Скажи мнѣ, что дѣлать, если это будетъ продолжаться? У насъ въ погребѣ запасовъ всего на три дня и нѣтъ ни муки, ни хлѣба.

Я былъ пораженъ и увидалъ, что это дѣло вовсе не шуточное. Они, вѣроятно, разсчитывали взять насъ голодомъ въ одну недѣлю. Не безпокоя другихъ, я отвелъ въ сторону Грабовскаго и разсказалъ ему, какъ стояли наши дѣла. Онъ задумался.

— Глупая исторія,—сказалъ мнѣ Грабовскій,—а что-нибудь придумать надо.

Мы стали разсчитывать, сколько было насъ, сколько ихъ и нельзя ли сдѣлать ночную вылазку, помѣстивъ Елену въ середину, но это было опасно. Дѣло было плохо, но мы все-таки ѣли и завтракъ, и обѣдъ, никому ничего не говоря и не жалѣя хлѣба и мяса. Для слѣдующаго дня у насъ было немного ветчины, солонины, колбасы, яицъ и крупы, но на четвертый день наша команда была бы голодна, такъ какъ всѣ, какъ на зло, ѣли какъ никогда, а отказать желающимъ было бы нехорошо. Вся моя надежда была на Грабовскаго, который ходилъ, прищелкивалъ пальцами, все что-то придумывалъ и не терялъ бодрости.

Наши помощники начали падать духомъ отъ ожиданія и скуки. Они готовы были драться во всякую минуту, но бездѣйствіе

было не для нихъ. Я сейчасъ же замѣтилъ, что нѣкоторые были бы рады уйти. Ночью одинъ шляхтичъ перелѣзъ черезъ частоколъ и тайкомъ улизнулъ черезъ гать, думая, что ему удастся незамѣтно пробраться. Въ полночь поднялся за гатью крикъ и началась тревога. Мы всѣ вскочили на ноги. Видимъ, что нѣтъ Быковскаго, и догадались, въ чемъ дѣло. Мы стали ждать, что будетъ. Прошло около часу времени и Быковскій вернулся, стыдясь своего дезертирства. Мы ждали его у воротъ и открыли ему дверцу.

— Ахъ ты такой, сякой! не стыдно это тебѣ?—напалъ на него Грабовскій.

— Выслушайте меня, — отвѣтилъ шляхтичъ: — идти напроломъ съ саблею я готовъ, но сидѣть взаперти, какъ въ тюрьмѣ, да еще, какъ это скоро будетъ, впроголодь, я не могу и многіе изъ нашихъ не могутъ. Дома больная жена, хозяйство, бѣдность; я здѣсь не выдержу. Видите ли, господа, тѣ меня отпустили и знаете—съ чѣмъ? Съ тѣмъ, чтобы я сказалъ вамъ, что они не уйдутъ отсюда до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ госпожу и зачинщика, хотя бы имъ пришлось сидѣть полгода.

Грабовскій началъ смѣяться, но намъ было не до смѣха. Онъ взялъ меня за руку и шепнулъ мнѣ:

— Будь спокоенъ, я съ этимъ справлюсь.

Онъ вынулъ изъ кармана талеръ, далъ его Быковскому и сказалъ ему:

— Иди къ нимъ и попроси ко мнѣ сюда на мостъ, для бесѣды, одного изъ этихъ господъ.

Шляхтичъ почесалъ въ затылкѣ, но волею-неволею долженъ былъ отправиться. Ночь была довольно свѣтлая. Черезъ полчаса мы увидали, что онъ идетъ назадъ, а за нимъ ѣдетъ всадникъ. Грабовскій поспѣшилъ на мостъ. Старшій изъ Налынчей выѣхалъ къ нему и между ними начался слѣдующій разговоръ:

— Чего вы хотите и зачѣмъ нападаете на домъ честнаго шляхтича?

— Мы осаждаемъ не домъ шляхтича, а разбойничье гнѣздо. У насъ обманомъ похитили сестру, совершили насиліе и бунтъ. У насъ есть только одинъ способъ: ломить силу силою.

— Не такъ стоитъ дѣло, какъ вы говорите,—сказалъ мой посолъ: — ваша сестра совершеннолѣтняя и добровольно отдала

свою руку передъ алтаремъ равному ей шляхтичу. Насиліе съ вашей стороны и притѣсненія ваши ужасны. Если справедливость на вашей сторонѣ, то идите въ судъ, тамъ разберутъ ваше дѣло.

— Вотъ мой судья,—отвѣтилъ Налынчъ,—ударяя по саблѣ:—я другого не знаю, а со всякою голью таскаться по судамъ не намѣренъ.

— А я вамъ скажу,—прибавилъ Грабовскій,—что вы насъ не возьмете. А если случится несчастье и прольется чья-нибудь кровь,—пусть все падетъ на васъ.

— Пусть падаетъ на меня,—сказалъ Налынчъ,—это мнѣ все равно, а позволять надъ собою насмѣшки мы не допустимъ.

— Мы также,—сказалъ Грабовскій.

— Сидите въ этой мышиной норѣ, если хотите,—началъ тотъ,—а я заморю васъ голодомъ и заставлю отсюда выйти.

— Давайте говорить по людски. Что вамъ отъ этого будетъ? Всѣ васъ осудятъ и осмѣютъ, имя свое вы обезчестите. Ваша сестра вышла замужъ. Ксендзъ вѣнчалъ ее при свидѣтеляхъ; отъ мужа вы ее не оторвете. Она велѣла сказать вамъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ измѣнитъ ему.

— Вамъ нечего меня учить, что мнѣ дѣлать и какія мои обязанности къ моему роду,—сказалъ Налынчъ.—Дѣлайте свое, мы тоже свое.

— Что вамъ нужно? Попробуемъ кончить по дворянски.

— Вы начали по разбойничьи, а теперь испугались и хотите кончить переговорами,—насмѣхался Налынчъ.—Выдайте намъ сестру и того господина; мы его немножко проучимъ и все будетъ кончено.

Грабовскій закипѣлъ гнѣвомъ, но сдержался и воскликнулъ только:

— Отправляйтесь туда, откуда пришли! Мы увидимъ, чья шкура крѣпче.

И они разъѣхались въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.

Вернувшись, Грабовскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты хорошо знаешь это болото?

— Не очень,—сказалъ я,—я здѣсь новый помѣщикъ.

— Дай мнѣ проводника, я долженъ отсюда выбраться, чтобы привести вамъ людей на помощь.

Въ усадьбѣ былъ мальчикъ подростокъ. Грабовскій смекнулъ,

что онъ, вѣроятно, часто лазитъ по болотамъ за птичьими яицами, и велѣлъ ему провести себя окольными путями. Я не смѣлъ его отговаривать, хотя безъ него мнѣ не доставало правой руки. Мальчикъ согласился идти съ нимъ въ болото и незамѣтно и безопасно провести его тростниками въ шляхетскую слободу.

Разъ онъ рѣшился на это, его уже невозможно было удержать. Онъ надѣлъ крестьянское платье, тулупъ и шапку, воткнулъ за поясъ, подъ сермягу, два пистолета въ чехлахъ и вышелъ задами вмѣстѣ съ мальчикомъ. На прощанье онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Давай имъ ѣсть, сколько влѣзетъ; ты услышишь обо мнѣ прежде, чѣмъ придетъ завтрашній день. Они умны, да и Грабовскій не глупъ.

Я смотрѣлъ съ валу, какъ они шли; они проваливались три раза, но не глубоко, потомъ вошли въ тростники и пропали.

Начало свѣтать. Мы были на своихъ постахъ, они тоже. Мостъ я велѣлъ совсѣмъ разобрать и, по совѣту Грабовскаго, завтракъ у насъ былъ обильный и мы не пожалѣли водки. Проходили часы за часами въ ожиданіи помощи, прошелъ полдень, стало уже смеркаться. Приготовили ужинъ для нашихъ людей и для ихъ удовольствія выкатили имъ полбочки квашеныхъ огурцовъ къ водкѣ. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ Зегжда и кричитъ:

— За гатью что-то случилось, тамъ топотъ, крикъ. Я, кажется, слышалъ даже два выстрѣла.

Другіе говорили, что это гуляетъ въ деревнѣ шляхта. Все опять затихло. Гдѣ-то какъ будто стукнули ворота, опять послышался выстрѣлъ. Мы всѣ замолчали и стали прислушиваться. Иногда раздавался довольно сильный шумъ, время отъ времени крикъ, потомъ опять отдаленный гулъ и... тишина.

— Навѣрно, они бьютъ мужиковъ, такъ какъ тѣ не захотѣли ихъ слушаться,—сказалъ одинъ старый шляхтичъ.

Въ эту минуту на западной сторонѣ, надъ прудомъ, гдѣ шла дорога, показался всадникъ, за нимъ другой, потомъ еще два; всѣ они такъ сгибались на сѣдлахъ, что совсѣмъ лежали на спинахъ своихъ лошадей. За ними показался еще одинъ и опять нѣсколько. Отъ послѣднихъ что-то блеснуло, они выстрѣлили, ясно послышался гулъ... Значитъ, что-то было, но кто выигралъ, неизвѣстно. Мы уже вышли за ворота и стали тамъ ждать.

Прошло полчаса, а можетъ быть больше. Намъ надоѣло смотрѣть понапрасну; въ деревнѣ все было тихо.

— Неизвѣстно, что тамъ случилось,—сказалъ я Зегждѣ,— пойдемъ въ домъ погрѣться.

Въ эту минуту прибѣжалъ ко мнѣ шляхтичъ.

— Смотрите! смотрите!

Мы посмотрѣли на гать. Богъ знаетъ, что тамъ такое! Понять трудно. Отъ корчмы двигался къ намъ по гати цѣлый рядъ огней, похожихъ на погребальные; должно быть, это были засмоленыя лучины. Мы стояли, смотрѣли и не понимали, что это: враги или помощь? Когда они подошли къ мосту, я услышалъ голосъ. Грабовскій кричалъ въ кулакъ о переправѣ. Мы всѣ, сколько насъ было, побѣжали къ нему. Подойдя подъ мостъ, я увидалъ, что это была настоящая комедія. Грабовскій сидѣлъ на огромной бочкѣ; а бочка была на телѣгѣ, запряженной парою воловъ; дальше другая, третья и четвертая телѣги, а около нихъ цѣлая толпа шляхты съ факелами, съ мушкетами, нѣкоторые съ окороками на палкахъ, другіе съ колбасами на шеѣ, третьи съ двумя булками подъ мышкою и всѣ поютъ хоромъ какую-то военную пѣсню, должно быть—пьяные. Когда я разсмотрѣлъ ихъ хорошенько, я увидалъ, что у Грабовскаго была подвязана голова, у другого рука, третій тащится съ палкою и хромаетъ.

Мы наскоро навели мостъ. Я бросился къ Грабовскому, чтобы обнять его, а онъ кричитъ мнѣ издалека:

— Наша взяла! Ястребцы побѣдили! Налынчи обвязываютъ другъ другу раны!

— Что случилось?—спросилъ я.

— Сейчасъ разскажу. Прежде всего проведемъ защитниковъ въ вашъ замокъ и угостимъ ихъ, а потомъ поговоримъ.

Тогда они въѣхали въ усадьбу съ пѣснями, съ выстрѣлами, съ весельемъ, какъ побѣдителя, даже Леля выбѣжала на крыльцо посмотрѣть на эту удивительную процессію съ колбасами. Нескоро поймалъ я Грабовскаго.

— Говори, отецъ и благодѣтель, какъ это было?

Вотъ что я узналъ отъ него.

Мальчикъ провелъ его въ шляхетскую слободу промокшаго по поясъ. Здѣсь онъ былъ уже какъ у себя дома, велѣлъ созвать шляхту, влѣзъ на бочку и грянулъ рѣчь о равенствѣ

шляхты, о перевѣсѣ магнатовъ, о необходимости взаимной помощи. Шляхта собралась, готовая идти на помощь. Послали за другими людьми въ ближайшія деревни и, въ то же время, собрали припасы. Грабовскій велѣлъ привезти изъ своего имѣнья бочку меду и два боченка водки. Когда все было готово, онъ оставилъ назади телѣги съ припасами и въ сумерки отправился въ Суровинъ со своимъ отрядомъ. Налынчи совсѣмъ не ожидали нападенія и по большей части спали или лежали въ хатахъ, когда шляхта бросилась на нихъ съ криками и въ одну минуту ихъ разсѣяли.

Выслушавши этотъ рапортъ, я обнялъ друга, а онъ сказалъ мнѣ.

— На этотъ разъ мы съ ними покончили, но, по правдѣ сказать, все вѣдь по старому. Налынчи при своемъ, мы при своемъ, и такъ это будетъ длиться, Богъ знаетъ, сколько времени. Надо что нибудь придумать.

— Не можетъ быть,—сказалъ я: — есть друзья, которые ихъ образумятъ. Люди все узнаютъ, а старшій братъ обѣщалъ мнѣ помочь. Опольская тоже употребитъ свое вліяніе.

Оставивъ при себѣ немного свѣжихъ людей, мы снова разставили стражу. Усталыхъ мы отправили домой. Ночью мы немного отдохнули, будучи увѣрены, что они не могутъ очень скоро собрать новыя силы. Подъ утро мы съ Грабовскимъ вышли на гать осмотрѣться. Я увидалъ тамъ человѣка. Это былъ чужой. Онъ посмотрѣлъ на меня и, доставъ изъ-за пазухи письмо подалъ его мнѣ. Это былъ посланный отъ Опольской, а письмо отъ ея капеллана; онъ писалъ, что Налынчи, потерпѣвъ пораженіе, еще больше возстановились противъ насъ, что одинъ изъ нихъ былъ легко раненъ; что они грозятся, хотя бы цѣною всеобщей погибели, схватить и зарѣзать меня, а сестру запереть въ монастырь; что у нихъ начались большія приготовленія и чтобы мы были осторожны. Онъ прибавлялъ также, что пани Опольская написала къ краковскому кастелляну Потоцкому, прося дать объ этомъ знать королю, и подняла всѣхъ своихъ друзей, чтобы помирить насъ. Намъ онъ совѣтовалъ быть терпѣливыми.

— Ничего больше не придумаешь,—сказалъ Грабовскій:— *какъ собрать на помощь* шляхтѣ людей изъ всѣхъ нашихъ де-

ревень съ косами, топорами и цѣпами и ждать нападенія, пока все не уладится.

Такъ какъ дороги были свободны, я сейчасъ же послалъ Гжеся къ Вульку и велѣлъ пригнать пару воловъ на убой и собрать людей.

Три дня прошли спокойно. Налынчи не появлялись. На третій день Зегжда поѣхалъ на развѣдки; былъ онъ человѣкъ не разговорчивый, но умный, и привезъ извѣстіе, что Налынчи очень смягчились, что на нихъ дѣйствуютъ различныя вліянія и что теперь все дѣло было въ томъ, чтобы я отказался отъ приданаго.

— Если это правда, я поѣду къ Опольской,—сказалъ я:— и кончу все дѣло въ двухъ словахъ.

Но когда я пошелъ къ Еленѣ, она ужасно расплакалась и прямо сказала.

— Пусть ѣдетъ кто хочетъ, а я тебя не пущу. Если случится какое нибудь несчастье, меня замучитъ совѣсть.

Я разсказалъ объ этомъ Грабовскому.

— Она права,—сказалъ онъ:—я поѣду, возьму съ собою свои испанскіе пистолеты и не побоюсь съ ними ѣхать даже къ самимъ Налынчамъ въ гости.

Мы уговорили его ѣхать только къ Опольской.

Прошло еще два дня въ полной неизвѣстности. Наконецъ, сказали мнѣ, что онъ возвращается, и я выбѣжалъ къ нему на самую гать. Смотрю, лицо у него кислое.

— Ну, что, другъ?—спросилъ я.

— Ничего,—сказалъ онъ:—я ушелъ ни съ чѣмъ. Они не хотятъ говорить. Опольская совѣтуетъ вамъ собрать людей и ѣхать въ Варшаву; въ столицѣ и на глазахъ короля вамъ нечего опасаться.

Это было для меня очень неудобно. Хозяйство разстроено; мнѣ нужно было принимать новое имѣнье, дѣлать затраты, составлять инвентарь,—работы масса, а тутъ поѣзжай въ противоположный конецъ края и сиди со сложенными руками. Но другого средства мы не знали. Леля также была за него. Мы начали готовиться въ путь и дѣлали всѣ приготовленія въ величайшемъ секретѣ. Несмотря на это, насъ должны были сопровождать до половины дороги двадцать человѣкъ отборной стражи, а до самой Варшавы — Грабовскій, Зегжда и восемь самыхъ

опытныхъ и испытанныхъ людей. Какъ нарочно, погода вдругъ испортилась; нельзя было ѣхать ни на саняхъ, ни на колесахъ. Сдѣлалась оттепель, дождь, снѣгъ, мокрота, метель и страшныя лужи. Просто страшно было выйти на улицу! Леля объявила, что она поѣдетъ верхомъ и такъ начала просить, что я долженъ былъ ей позволить. Я далъ подъ нее Пилада, потому что зналъ, какой это конь, и самъ долженъ былъ ѣхать рядомъ съ нею. Ничего никому не говоря, мы вышли вечеромъ изъ усадьбы, сѣли на лошадей и пустились въ путь съ нашею шляхтою, разсчитывая быть къ ночи въ Славатычахъ.

Кажется, ни одна живая душа не знала, кто мы такіе. Леля, желая замаскироваться, одѣлась даже въ мужское платье и походила на пятнадцатилѣтняго мальчика...

Все шло, какъ нельзя лучше, почти до самого вечера. Какъ только начало смеркаться, а увидалъ въ рощѣ подъ городомъ какого-то всадника, который выѣхалъ на дорогу и вдругъ исчезъ. Меня передернуло и я разсказалъ объ этомъ Грабовскому. Онъ началъ смѣяться и говорить, что мнѣ почудилось. Однако, и онъ, и я приготовили свои сабли и осмотрѣли пистолеты. Мы проѣхали немного дальше и я услышалъ сзади лошадиный топотъ, а впереди увидалъ толпу людей. Я наклонился на сѣдлѣ и поцѣловалъ Лелю въ лобъ, потомъ сжалъ ея руку, всѣ окружили ее со всѣхъ сторонъ и остановились. Вдругъ я услышалъ голосъ.

— Сдавайтесь сейчасъ же! а не то ни одинъ изъ васъ не уйдетъ отсюда живымъ!

Грабовскій началъ смѣяться. Насъ было всѣхъ двѣнадцать человѣкъ, а ихъ человѣкъ десять съ одной стороны и столько же съ другой; они подошли къ намъ обманомъ спереди и сзади. По обѣимъ сторонамъ дороги былъ густой лѣсъ и кусты. Я не знаю какъ случилось, что мы сейчасъ же встали у самыхъ кустовъ, заслонили собою Лелю и обернулись лицомъ къ обоимъ отрядамъ. Бѣжать было бы и трудно, и унизительно. Грабовскій хотѣлъ уговорить меня и Лелю, чтобы мы ушли въ лѣсъ въ то время, какъ они будутъ расправляться съ нападающими, но мы съ нею отказались.

Прошло нѣсколько мгновеній и они наскочили на насъ съ *саблями. Я не знаю* хорошенько, что было дальше. Во мракѣ

началась такая яростная сѣча, что просто искры посыпались съ сабель. Я помню только то, что не желѣлъ своихъ силъ, и, несмотря на большую численность, они насъ не одолѣли. Мы были защищены сзади непроходимою чащею и поставили лошадей полукругомъ такъ, что къ нимъ трудно было подойти. Каждый разъ, какъ они на насъ налетали, мы ихъ такъ принимали, что они должны были отступать. Грабовскій сейчасъ же полоснулъ по лицу Налынча, я перерубилъ Бѣсу шашку и задѣлъ немного кожу на его лысинѣ; другіе тоже не лѣнились, Крикъ, шумъ! Вдругъ я услышалъ выстрѣлъ и сейчасъ же послѣ него—стонъ. Я узналъ голосъ Лели и побоялся обернуться, но пришелъ въ страшное бѣшенство. Я бросился впередъ и, ничего уже не видя, принялся рубить, какъ безумный, не зная какъ и кого. Произошло замѣшательство. Одинъ изъ нашихъ упалъ съ лошади, съ ихъ стороны нѣкоторые бѣжали, двое людей свалились на землю. Нападающіе сейчасъ же дрогнули соскочили съ лошадей и давай Богъ ноги. Не успѣли мы оглянуться, какъ они уже исчезли, а гнаться за ними не было никакой нужды.

Тогда только я обернулся къ Еленѣ и, увидя ее на конѣ, какъ мнѣ казалось, живою и здоровою, я началъ благодарить Бога. Но когда я подъѣхалъ къ ней въ темнотѣ, я увидалъ на ней кровь.

— Что это?—крикнулъ я.

— Ничего, ничего,—сказала она:—это меня вѣтка оцарапала.

Но это была не вѣтка, а шальная пуля брата, которая задѣла ея прекрасное плечо; хорошо, что она только скользнула, не пройдя въ тѣло и не задѣвъ кости. Я сейчасъ же бросился перевязывать ея плечо. Она перенесла все мужественно, улыбаясь какъ воинъ, а у меня текли слезы. Я сталъ искать Грабовскаго; онъ сидѣлъ подъ деревомъ и ему подвязывали губы. Онъ былъ сильно раненъ. Меня тоже раза два задѣли, но это были пустыя царапины. У насъ было еще нѣсколько раненыхъ, но не опасно. Когда миновала тревога, мы осмотрѣлись и услыхали, что кто-то стонетъ за кустомъ съ другой стороны. Мы пошли туда: тамъ лежалъ страшно раненый одинъ изъ шляхты, бывшей съ Налынчами, котораго звали Буракъ. Я не далъ его

въ обиду, хотя его и слѣдовало бы побить за участье въ скверномъ дѣлѣ, но его и такъ Богъ наказалъ: лицо у него было такъ изрублено, что съ одной стороны кожа висѣла и были видны челюсть и зубы. Я велѣлъ перевязать его рану, но отъ него ничего нельзя было добиться, такъ какъ онъ совсѣмъ не могъ говорить, только все плевалъ кровью, плакалъ и стоналъ. Несмотря на все, я свезъ бы его на одной изъ лошадей въ ближайшую корчму, но у насъ было слишкомъ много поклажи. Несчастный потащился пѣшкомъ.

Послѣ этой непріятной встрѣчи мы поспѣшили въ городъ, главнымъ образомъ для Лели, которая очень устала, несмотря на все свое мужество.

Мы отдыхали весь слѣдующій день, а потомъ поѣхали дальше и пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я чувствовалъ себя внѣ всякой опасности. Начался нашъ процессъ. Налынчи были противъ меня, я противъ нихъ, но на моей сторонѣ былъ и король, и дворъ, и дипломатія, такъ какъ я потерпѣлъ обиду и притѣсненія. Но эта могло бы тянуться цѣлый вѣкъ и состояніе жены не миновало бы рукъ братьевъ, если бы насъ, наконецъ, не заставили помириться.

Насъ сблизили общіе друзья, мы подписали мировую и отказались отъ всякихъ претензій. Я долженъ былъ только отступиться отъ приданаго, зачтя его въ судебные издержки. Послѣ этого мы немедленно уѣхали изъ Варшавы домой, чтобы торжественно отпраздновать свадьбу и помириться съ семьею. Въ Вулькѣ намъ было тѣсно, въ имѣніи жены еще былъ арендаторъ, тогда я велѣлъ немного прибрать домъ въ Рыжавкѣ и мы поѣхали прямо туда.

Спустя нѣсколько дней мы отправились къ братьямъ. Я не могу пожаловаться, чтобы меня дурно или сухо приняли.

Я попросилъ ихъ къ себѣ, хорошенько снабдивъ свой погребъ, чтобы не показаться шляхтѣ менѣе щедрымъ, чѣмъ эти сенаторскіе сынки, и сдѣлалъ такой пріемъ, что до сихъ поръ еще въ Полѣсьѣ ходятъ объ этомъ разсказы.

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 432 159

PG
7158
K75B6518

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.